АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КОНЧЕЕВ

РОСТОВ-НА-ДОНУ

2019

КОНЧЕЕВ А.С.

«ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ»

И СБОРНИК РАБОТ РАЗНЫХ ЛЕТ

СОЛИПСИЗМ

АНАЛИЗ КНИГИ ИОВА

ПРИТЧА О ВЕРЕ

АПОКАЛИПСИС ОТ КОНЧЕЕВА

СОЛИПСИСТСКАЯ ПРИТЧА «ИВАН КУБЛАХАНОВ»

ПЕЛЕВИН — ТАЙНЫЙ ИДЕОЛОГ ПУСТОТНОСТИ

БИОГРАФИЯ КОНЧЕЕВА

ОДИНОЧЕСТВО КОНЧЕЕВА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРОСВЕТЛЕНИЯ КОНЧЕЕВА

МОЯ ЖИЗНЬ И МОЯ ФИЛОСОФИЯ

СМЕРТЬ МАНДЕЛЬШТАМА

НИЦШЕ — МИСТИК-ЗАГАДКА?

Кончеев Александр Сергеевич

«ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ» И СБОРНИК РАБОТ РАЗНЫХ ЛЕТ

Аннотация:

«Великое Делание» — это мистико-философский трактат, дающий совершенно неожиданную трактовку мистическим феноменам. Вся эзотерика стоит на освященных веками основах. В трактате эти основы не подвергаются сомнению, в нем переосмысливаются скорее практические выводы из этих основ. И весьма радикально. Скажем, подвергается сомнению успешность, с которой якобы завершились миссии Будды и Христа. Опровергается столь популярное сейчас представление о самодостаточности пути духовного самосовершенствования.

В этой книге речь идет о Великом Делании, о Высших Адептах, о Боге, Фатуме, Первоначале, о личном совершенствовании и несовершенстве мира, об освобождении, спасении, просветлении, о религиях, мистике, философии, заблуждениях и поисках истины. В ней обсуждаются, что называется, вечные вопросы.

Остальные тексты дополняют и развивают основную мысль автора.

КОНЧЕЕВ А. С.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ

трактат о вечности и великом пробуждении
от смерти

(MAGNUM OPUS)

Solve et coagula

«Всё возвещает нам здесь сансару, но более всего человеческий мир, в котором в ужасающих размерах преобладают в нравственном отношении — гадость и низость, а в умственном — неспособность и глупость. Но всё-таки в этом мире, хотя весьма спорадически (разрозненно), но всякий раз снова нас поражая, всплывают явления честности, доброты и благородства, а равно и великого ума, мыслящего духа и гения. Никогда они вполне не переводятся: они сияют нам из громадной тёмной массы, как отдельные блестящие точки. Мы должны принимать эти явления как залог того, что в этой сансаре сокрыт благой искупительный принцип, который может найти себе исход и заполнить и освободить целое».

А. Шопенгауэр, *Parerga und Paralipomena* [42]

И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем.

Бытие 6.6.

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы: «У меня во дворе есть большое дерево, люди зовут его Деревом Небес. Его ствол такой кривой, что к нему не приставишь отвес. Его ветви так извилисты, что к ним не приладишь угольник. Поставь его у дороги — и ни один плотник даже не взглянет на него. Так и слова твои: велики они, да нет от них проку, оттого люди не прислушиваются к ним».

ВВЕДЕНИЕ

«Великое Делание» — это мистический трактат, дающий совершенно неожиданную трактовку мистическим феноменам. Вся эзотерика стоит на освященных веками основах. В трактате эти основы не подвергаются сомнению, в нем переосмысливаются скорее практические выводы из этих основ. И весьма радикально. Скажем, подвергается сомнению успешность, с которой якобы завершились миссии Будды и Христа. Опровергается столь популярное сейчас представление о самодостаточности пути духовного самосовершенствования. По сути, в трактате дана и обоснована новая (и истинная) концепция спасения и освобождения мира и каждого индивидуально. Трактат этот — сотериологический. Сотериология — учение о конечных судьбах мира. Так принято говорить, хотя у мира конечной может быть только единственная судьба, либо таковой не быть вовсе. На самом же деле в трактате говорится не столько о судьбе мира, сколько о судьбе каждого индивидуума персонально, хотя и о судьбе мира тоже.

Есть такая, господствующая в мире, точка зрения, что все мы после жизни абсолютно смертны. Воззрение это весьма наивно. С этой точки зрения любая индивидуальная судьба, а так же и судьба мира, заключенного в таком смертном индивидууме, ясна и однозначна. Знаменательно здесь то, что такая простая перспектива представляется, верующим в нее, ужасной и отвратительной. Что и говорить, умирать, конечно, жутко, но насколько ужасней не иметь возможности умереть действительно, никогда и ни при каких, сколь угодно невыносимых, обстоятельствах. А ведь именно этот вариант бытия души представляется несомненным в большинстве мистических и идеалистических систем. Ричард Бах в одном интервью сказал так:

«…единственное, что в этом мире неразрушимо, — это мы. Вся планета может превратиться в пепел. Солнце может

стать новой звездой, но на нас не останется ни одной царапины. Мы неразрушимы. Мы как сущность, как тот любимый ребенок, о котором ты [журналист, бравший интервью] **говорил, как фокус безграничной любви, как участники бытия духа — неразрушимы. Это как в арифметике, когда каждое индивидуальное число необходимо для существования всего принципа, который объединяет все числа. Если бы было возможно разрушить, к примеру, число 12, разрушился бы весь принцип. Какой результат имели бы арифметические действия 6+6 или 3·4, если бы мы отказались от числа 12. Каждое число совершенно незаменимо для всего принципа. И точно так же мы. Как духовное выражение бытия, этого бесконечного «есть», мы незаменимы».**

Он прав. Вся эзотерика твердо стоит на том, что душа бессмертна и пребывает в постоянных и практически бесконечных странствиях по мирам и воплощениям. При этом правда, в ней как-то обычно забывают упомянуть, что большинство этих странствий представляет собой нескончаемую цепь самых невообразимых страданий (постоянно помнят об этом только буддисты). Считается даже почему-то, что самый страшный ад у нас здесь, на земле, а вот в других мирах и воплощениях всё может быть устроено распрекрасно. Наивность этого воззрения не требует разъяснений. Иногда, очень редко и в виде скорее исключения некоторые жизни бывают, конечно, сносны, терпимы, а некоторые даже почти счастливы. И это всё. Хваленые кармические воздаяния существуют, конечно, (и в обоих смыслах), но, разумеется, сути дела не меняют.

Автор трактата провозглашает благую весть. Спасение возможно. Что же здесь нового? Великие мистики: махатмы, будды, мессии только и делают, что спасаются сами и помогают спасаться другим. Да, верно, спасителей мы знаем столько, что не перечесть. Да только вопрос спасения не так уж прост. Из мистики, из эзотерики известно, что индивидуум иллюзорен,

иллюзорно само разделение на индивидуумы. На этом стоят и веданта, и буддизм (мадхьямика, йогачара). Проще всего эта мысль выражена в упанишадах в знаменитом изречении: «тат твам аси» т. е. «это всё ты». — И если **Я**, страдающее в сей момент и проклинающее от всей души и свою жизнь, и само бытие, есть в этот же момент и Будда, и Христос, все вообще просветленные, и даже сам Брахман, который, по словам упанишад, есть мой Атман, то кто же спасся, и в чем заключается такое спасение?

В трактате «Великое Делание» досконально разобран этот вопрос и представлено новое и совершенно оригинальное мистическое прозрение. Оно заключается в утверждении, что спасение все-таки возможно и будет. Для всех абсолютно, а не только для немногих избранных, которые в прошлом, как это обосновывается в трактате, на самом деле не спаслись и не могли спастись.

Все эти темы обсуждают Федон с Теэтетом, беседуя о Великом Делании. Идеи, повторюсь, которые разъясняет Федону Теэтет, в мировой мистической и философской мысли отсутствуют (при том несомненном факте, конечно, что многие и многие к ним вплотную подходили). Реализация их приведет к спасению мира, то есть к спасению абсолютно всех существ в нем пребывающих.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге речь идет о Великом Делании, о Высших Адептах, о Боге, Фатуме, Первоначале, о личном совершенствовании и несовершенстве мира, об освобождении, спасении, просветлении, о религиях, мистике, философии, заблуждениях и поисках истины. В ней обсуждаются, что называется, вечные вопросы.

Вечные вопросы волнуют, хоть и не всех людей, но, без сомнения, очень многих. И это не просто праздное любопытство, хотя и оно присутствует. Я не говорю о святых, мудрецах, великих подвижниках и мыслителях, простые люди и читают, и говорят, и размышляют об этом, а зачастую, в прямой зависимости от того или иного понимания всех этих вопросов, выстраивают свою жизнь.

Представляется так, что в мире действует какая-то сила, которая побуждает людей погружаться всей душой в эти, казалось бы, абстракции. Это таинственная сила, и ей, очевидно, нужны эти действия, эти размышления не меньше, чем самовоспроизводство и материальное преуспеяние рода человеческого. Я не имею в виду, хочу подчеркнуть это, такой утилитарной людской цели как самоутешение и самообман, которыми руководствуются зачастую религиозные догматики, в виду безотрадности жизни с ее малыми и большими горестями и невзгодами, да еще и со смертью в перспективе. Если они балуются этим, то и ради бога, но человек серьезный и не наивный обмануть себя не может, и никогда не станет этого делать.

В книге этой дается *специфическая* трактовка вечных вопросов. Подразумевается, что читатель ее должен быть неплохо знаком хотя бы с началами европейского и восточного оккультизма, с основными терминами их и основными понятиями. Подразумевается, что желательно это должно быть не академическое знание, а такое, что подтверждено и личным опытом, и личными убеждениями.

И последнее, хочу обратить внимание на то, что в этой книге важна именно трактовка, никакого принципиально нового знания в ней нет. А вот трактовка такова, что вряд ли оставит равнодушным того, кто знает толк в такого рода литературе и такого рода исследованиях.

Книга составлена и прокомментирована одним из учеников Теэтета, на основе записей, составленных Федоном. Вот, что сказал по ее поводу Федон: «Эти беседы с Теэтетом я записал по памяти, но думаю, очень близко к тому, что говорилось в действительности. Первые беседы носят несколько хаотический характер. Мы перескакиваем с темы на тему. Теэтет говорит, рассчитывая на меня, в тот момент мало знающего, но всегда готового возразить; говорит, поневоле упрощая разъяснения и опуская доказательства.

Вообще в беседах достаточно повторов и, казалось бы, не относящихся к делу рассуждений. Впоследствии я понял, что Теэтет имел вполне продуманную стратегию, которую и применял, говоря не только со мной, но и со своими учениками, стратегию постепенного и все усложняющегося развертывания темы: от простого, прямо-таки примитивного, разъяснения, до самых подробных и исчерпывающих обсуждений всех ее сторон. Эта стратегия отчетливо видна на примере этих немногих и не очень продолжительных бесед.

Надо объяснить, что мы встретились с Теэтетом после довольно продолжительной разлуки. Я опустил приветствия и весь предшествующий разговор, а начал сразу с обсуждения его открытия. Поэтому первые реплики, открывающие беседы, совершенно условны».

А вот, высказывание ученика:

«Забавно, что у нас эзотерическим считается знание, публикуемое в книгах, выходящих массовыми тиражами. Может быть, до первой публикации это знание и было эзотерическим, но раз оно опубликовано, то значит оно уже не внутреннее, не

тайное, а для всех. То есть смысл слова «эзотерика» от «тайное, предназначенное только для посвященных» переместился к «понятное и интересное для немногих интересующихся». Что касается «Бесед…», то, хотя в них нет ничего тайного, конечно же, они эзотеричны в обоих смыслах. Недостаток их тот, что они никак не могут быть приспособлены к улучшению и изменению жизни людей в настоящем[1].

Евангелия изменили и определили жизнь миллионов, а впоследствии и миллиардов людей. «Беседы…», хотя, по сути, они тоже благая весть, и не худшая, претендуют изменить в настоящем жизнь только единиц, т. е. всех тех, кто поймет их, как говорится, в духе и истине, и расценит, как руководство к действию.

Однако я думаю, что среди тех, кто ещё не стал Высшим Адептом и даже не приблизился к этому состоянию, найдется не мало таких, которые смогут получить от «Бесед…» просто бескорыстное удовольствие. В конце концов, после прочтения «Бхагавадгиты» отнюдь не все становятся йогами или философами. Кстати и большинство произведений искусства совершенно бесполезны, а, зачастую, и доступны только немногим. Однако их ценность в том, что они переворачивают

---

[1] *... изменению жизни людей в настоящем.* — Я написал это, подразумевая, что парадигма Теэтета не затрагивает деятельности обычных людей. Она не предписывает никаких правил поведения, никаких упражнений, которые могли бы способствовать самосовершенствованию или хотя бы оздоровлению. Таких систем в мире и так предостаточно. Она предлагает новую и совершенно неожиданную трактовку тех принципов, на которых базируется весь идеализм, вся мистика.

Гедонист хочет получить от этого мира те наслаждения, которые он может дать, христианин жертвует радостями настоящего, радостями мирскими ради грядущего Царства Божия, но это только стратегия, обусловленная исходными данными и предполагаемыми выгодами. Во все времена наиблагороднейшие умы устремлялись к истине, к истоку, к первоначалу. И то, что они находили для себя, то было хорошо и для всех.

душу, хотя бы у избранных, и заставляют приобщившихся к ним смотреть на всё, на мир, на своих ближних, на природу совсем другими глазами. Может быть, такой же результат могут дать и «Беседы…», т.е., конечно, в первую очередь парадигма, содержащаяся в них.

Парадигму эту я бы определил как наиболее радикальное преодоление пессимизма из всех бывших до сих пор. (А по моему скромному мнению, их вообще было очень мало и они были достаточно спорны.) Хоть и есть на свете счастливцы, но в целом мир мрачен. Вот, что говорит по его поводу самый знаменитый пессимист: **«Сравнительно счастливые люди – в большинстве случаев счастливы только по видимому, — или же, как и долговечные люди, являются только очень редкими исключениями; природа оставила возможность для этого, и счастье кладет, как приманку, — подобно птицелову. Жизнь, — и в великом, и в малом, — представляется нам, как постоянный обман. Если она дает обещания, она их не держит. Если она их исполняет, то только для того, чтобы показать, как недостойно было желаний то, что мы желали. Так постоянно обманывает нас то надежда, то ее осуществление. Если она что-нибудь дает, то только для того, чтобы взять назад: очарование издали рисует перед нами рай, который исчезает, как оптический обман, как только мы соблазнимся им. Поэтому счастье всегда лежит в будущем или прошлом; настоящее можно сравнить с маленькой темной тучкой, которую ветер гонит над озаренной солнцем равниной. Перед ней и за ней всё светло, только она сама всегда отбрасывает тёмную тень». Шопенгауэр.** «О суетности и страданиях жизни» [1, с.693-694].

К сожалению, Шопенгауэр не смог выйти за пределы доктрины индивидуального спасения, хотя она в чем-то даже

противоречит его философии[2] (в Приложении III об этом подробно говорит Теэтет). Миру в целом от «индивидуального спасения» пользы нет, а значит её нет и для «индивидуально спасшегося».

В «Беседах…» разобрана доктрина, обосновывающая и показывающая возможность и метод тотального спасения и освобождения всего мира. Зло исчезнет навсегда как это ни абсурдно и ни наивно звучит для непривычного уха. И случится это неизбежно и скоро. Собственно, теперь уже этому ничто не может помешать.

Это отрадно. Пессимизм — преодолён.

Теэтет несколько лет собирал материал для создания книги, со всех сторон рассматривающей и обосновывающей его открытие. Очень много он уже написал. Причина, по которой он не довел свою работу до конца, очень проста. Он решил попытаться сам совершить Великое Делание. Это не значит, что именно он его совершит, но он решил, что работа по подготовке к Великому Деланию привлекает его больше, чем обоснование и разъяснение кому бы то ни было сути его открытия. Последнее он предоставил мне, на мое усмотрение.

Изучив бумаги Теэтета, я увидел, что материал их ещё очень сырой и без значительной обработки практически ничего нельзя публиковать. Публикация же отдельных фрагментов не имеет смысла без разъяснения основ. Это разъяснение и призваны сделать «Беседы Федона с Теэтетом о Великом Делании». Просто везенье, что они состоялись и были записаны добросовестным Федоном.

В дополнение к «Беседам…» я ввел в приложения и комментарии специально подобранные и подготовленные мною именно для этой публикации фрагменты из материалов Теэтета,

---

[2] *...даже противоречит его философии.* — Подразумевается, что по воззрениям Шопенгауэра индивидуум иллюзорен, эфемерен, и потому говорить о его «спасении» бессмысленно.

находящихся у меня. Некоторые изменения, которые я в них произвел, были необходимы и сведены до минимума.

В заключение хочу кое-что пояснить. Федон и Теэтет действительно Федон и Теэтет. То есть это те люди, о которых говорится в примечании 12 к тексту «Бесед…». И, тем не менее, это современные люди, и сейчас живущие в нашем мире. Полагаю, что для тех читателей, на которых рассчитана настоящая публикация, в этом нет ничего странного или удивительного.

Тексту «Бесед…» я предпослал эпиграф из «Ригведы». Этот священный ведический гимн на удивление лишен какого-либо догматизма, мудр и неоднозначен. Знаменательно, что он значительно древнее Библии. Пронзительная нота неожиданного скепсиса, звучащая в его последней фразе, побудила меня взять его в качестве эпиграфа к “Беседам…”».

А.С. Кончеев

БЕСЕДЫ ФЕДОНА С ТЕЭТЕТОМ О ВЕЛИКОМ ДЕЛАНИИ

Космогонический гимн из «Ригведы» «Насадия-сукта»

1. Тогда не было ни сущего, ни не сущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?
Чем были воды непроницаемые, глубокие?
2. Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было
Различия между ночью и днем.
Без дуновения, само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было.
3. Вначале тьма была сокрыта тьмою,
Все это было неразличимо, текуче.
От великого тапаса зародилось Единое,
Покрытое пустотою.
4. И началось тогда с желания — оно
Было первым семенем мысли.
Связку сущего и не-сущего
Отыскали, восприемля в сердце,
прозорливые мудрецы.
5. Вервь их простерта поперек. Было ли
Внизу что, было ли вверху?
Носители семени были, силы были. Вожделение —
Внизу, усилия — вверху.
6. Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,

Откуда возникло это мирозданье?
Боги появились после сотворения его.
Но кто же знает, из чего оно возникло?
7. Из чего возникло это мирозданье, создал ли
Кто его или нет?
Кто видел это на высшем небе,
Тот поистине знает. А если не знает?
Ригведа (X. 129. 1-7) [10, с. 34]

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Федон. Приветствую тебя, Теэтет, рад тебя видеть и слышать.

Теэтет. Я тоже рад, Федон, встретиться с тобой после долгой разлуки. Я завершил очень важный этап в своей жизни, я совершил удивительное и великое открытие и с удовольствием расскажу тебе о нем. У меня есть небольшой набросок, где я в тезисах представляю основные постулаты открытой и обоснованной мной доктрины. Для начала я дам тебе почитать его, а потом мы встретимся и обсудим эти тезисы.

Федон. Ты можешь быть уверен, Теэтет, что любые твои мысли, которые ты мне сообщишь, будут приняты мной со всей возможной доброжелательностью.

Теэтет. Более чем с кем бы то ни было, мне хочется поделиться именно с тобой тем своим открытием, которое пока еще никому не известно, но которому, я уверен, суждено перевернуть мир. И не только мир…

Федон. Боже! Не верю ушам. Ты хочешь переустроить мир, Теэтет? От кого, от кого, но от тебя я этого не ожидал. Ты извини меня, конечно, но ты совсем не похож на юного восторженного романтика или недоумка-нигилиста. Да ты, пожалуй, шутишь. Я же вижу, ты улыбаешься. Брось! Во-первых, согласись, что никакие теории, т. е. словеса, ничего в мире изменить не могут, а, во-вторых, с тем, что последствия любых авантюр всегда бывают непредсказуемыми и, уж, никогда — никогда — такими, как предполагалось. Да, что мне тебе это объяснять? «Благими намерениями выстелена дорога в ад». Если хотят сделать людей добрыми, честными и счастливыми, то приходят к тому, что хотят перебить их всех до одного[3]. И так далее. Я согласен с тем, что мир можно улучшать и даже улучшить, но я уверен, что Царство Божие на земле

[3] *…перебить их всех до одного.* – реминисценция из Анатоля Франса.

построить нельзя, а уж в особенности по заранее придуманной теории. Такова уж, видимо, его суть.

Ты, кстати, сказал, «и не только мир»… А… Я понимаю, перевернувшись, мир не может тем самым не перевернуть и все, что в нем находится — и потому все мы тоже вместе с ним перевернемся. Но все-таки это очень дерзкое с твоей стороны заявление, что так вот одно, пусть и твое, открытие способно все перевернуть. Вот так странное заявление! Да где ж это видано, чтобы открытие «перевернуло мир»? Послушай, ни изобретение колеса, ни двигатель внутреннего сгорания, ни атомная бомба ничего в сути вещей не переменили. Мир, как стоял, так и стоит. Христианство, Буддизм перевернули, может быть, души миллионов, что там, миллиардов людей, и в этом смысле — и мир (ясно, что это метафора), но суть вещей из века остается неизменной. Знаешь это: «Они рождались, страдали и умирали»[4]? Ну, что можно такого изобрести? Или ты всё-таки имеешь в виду души, умы людей, мистику, религию, идеологию, которые ты собираешься потрясти своим открытием? Боюсь, что в нашем мире, изверившемся почти во всём идеальном, потрясти

[4] *«Они рождались, страдали и умирали»?* — Федон имеет в виду известную восточную притчу. Молодой правитель некоего восточного государства приказал своим мудрецам составить для него свод знаний о жизни людей и мира, чтобы лучше ими управлять. Через двадцать лет ему был представлен караван верблюдов, нагруженный созданной мудрецами энциклопедией. Правитель, обремененный государственными делами, приказал отобрать все только самое важное. Еще через двадцать лет ему был представлен один верблюд. Правитель приказал свести все к одной книге.
И вот, еще через десять лет старый мудрец принес больному умирающему правителю огромную книгу. Правитель понял, что у него уже нет ни сил, ни времени прочесть ее. Тогда он подозвал мудреца и шепотом попросил выразить суть книги, суть жизни людей и мира одной фразой. И мудрец сказал: «Они рождались, страдали и умирали».

можно совсем немногих, обо всем же мире в целом — нечего и говорить.

Теэтет. Открытие мое произведет свое действие, даже если о нём абсолютно никто не узнает. Я открою его тебе, своим ученикам, еще кое-кому, а там все и закончится. В мысли же своей, что суть вещей от века неизменна, ты, разумеется, прав, и мне вполне понятен твой пафос; однако открытие мое как раз и заключается в том, что я обнаружил в этом правиле, в этой, казалось бы, бесконечной стабильности мироустройства, одно единственное, но зато принципиальное исключение.

Федон. То есть ты хочешь сказать, что из уважения к тебе мир все-таки перевернется. Интересно, продолжай… Случай типичный… Мессианский комплекс…

Теэтет. Шути, шути, но если я и не смогу тебя убедить, то у нас остается практика — неизменный критерий истины, против неё ты уже ничего не возразишь.

Федон. Гениально! Ты мне объясняешь, каким образом мир все-таки может радикальным образом перевернуться, я слушаю, а там, в конце объяснения, он, глядишь, и перевернется.

Теэтет. Боюсь, что я закончу свои объяснения все-таки раньше, а, впрочем, все может быть. Мое открытие, моя теория — это не словеса, а, скорее, руководство к действию. Пожалуй, для некоторых избранных. Само же мое открытие должно произвести свое действие и без того, чтобы о нем громогласно заявлять, просто потому, что оно уже есть во мне. Реализовать его сам я пока не готов и буду готов, видимо, ещё не скоро[5]…

Итак, я открыл, что мир может быть спасен, и открыл как. Понимаю, что это звучит безумно, но потерпи. Видишь ли, я прекрасно знаю: все разумные люди считают, что мир спасти нельзя, а публика считает, что он и вовсе ни в каком спасении не

---

[5] *…я сейчас пока не готов и буду готов, видимо, еще не скоро.* – Теэтет считает, что может быть некогда ему придется самому реализовывать свое открытие, если никто не воспользуется им до него (что он сейчас и пытается делать). Однако он считает, что для этого лично ему может понадобиться довольно много времени.

нуждается. Однако, самые разумные люди, мудрецы, святые, просветленные, Махатмы и т. п. всегда считали и считают, что спасение, освобождение не только необходимо, но и уготовано нам (Богом или Первосущностью), но достичь его может только каждый самостоятельно. Я полагаю, с этим ты согласен?

Федон. Разумеется, это вполне соответствует моим убеждениям. Я ведь отрицаю только кардинальное переустройство мира, но не переустройство самого себя. Себя переустраивать и можно, и нужно. В этом-то, мне кажется, и заключается смысл нашего существования на земле.

Теэтет. Я, знаешь ли, довольно долго придерживался подобных воззрений, пока окончательно от них не отказался[6]. Что ж, сами по себе они неплохи. Перемена в моих взглядах похожа на процесс того, как система Коперника сменила систему Птолемея. Мое открытие, наподобие открытия Коперника, все ставит, казалось бы, с ног на голову, но при строгом исследовании оказывается верным и открывает для понимания устройства и судьбы мира совершенно неведомые до того горизонты. (То есть, на самом деле, всё ставит на ноги с головы.)

Федон. Так. Что-то ты долго ходишь вокруг да около. При всем моем к тебе уважении, я все-таки считаю, что никаких таких, как ты говоришь, открытий или теорий не существует, и существовать не может. То есть, я понимаю, что ты, видимо, создал какую-то действительно глобальную философему,

---

[6] *...пока окончательно от них не отказался.* – Теэтет считает, что самосовершенствование и переустройство себя — вещи достойные и, собственно, предусмотренные природой вещей. «Отказался» же он от того, чтобы считать это самодостаточным смыслом нашего существования. По Теэтету смысл Проявленного бытия в реализации в нем, в конечном итоге, **Великого Делания.** Совершенствование ведет к нему и в этом его смысл. Удовлетворение же от самосовершенствования не цель его, а только ближайший мотив.

наподобие «Розы мира» Д. Андреева[7], но то, что ты только что сказал, даже Андреев, после создания «Розы мира», не осмелился бы заявить. Ведь философема — это только философема.

Теэтет. Я понимаю твое недоумение, и всё тебе разъясню. Я сейчас расскажу тебе две притчи, потом дам тебе мои заметки. Ты прочтешь их, и тогда поговорим.

Итак, притчи. У В. Набокова есть рассказ «Ultima Thule». В нём описывается человек, у которого произошло просветление или инсайт. Он ничего для этого не делал и, вообще, был вполне заурядным даже пошловатым обывателем. Просто в результате

---

[7] *…«Розы мира» Д. Андреева…* — **Даниил Андреев (1906—1959)** — выдающийся русский мистик и визионер. Строго говоря, хороший мистик должен быть и визионером, т. е. непосредственно видеть, узревать свои мистические откровения. Но это не обязательно. Скажем, Ангелус Силезиус или Халладж вполне вероятно обходились без этого. Точнее их созерцание было более ментальным и духовным.

Даниил Андреев еще в молодые годы увидел в результате мгновенного мистического прозрения всю оккультную метаисторию Земли. Всю остальную жизнь он изучал и осмысливал это откровение. Результатом этого была книга «Роза мира», большая часть которой была создана им в заключении, где он отбывал десятилетний срок по 58-й статье. Вскоре после освобождения он умер, а книга была сохранена до лучших времен преданной женой и верными друзьями. Даниил Андреев, будучи сыном выдающегося писателя Леонида Андреева, сам был талантливым писателем, и его книга шедевр не только мистический, но и литературный. По большому счету то, что говорит Андреев очень близко тому, что говорит Блаватская, Штайнер, Элифас Леви, да и весь западный оккультизм. Сила книги в том, что она написана фактически очевидцем, непосредственно видевшем то, о чем пишет.

Теэтет считал, что ценность «Розы мира» в основном просветительская и художественная. Что же касается **освобождения** и **спасения**, то в этом вопросе Д. Андреев довольствовался расхожими догматическими представлениями. Стремись к свету и добру, а мудрый, добрый Бог увидит твое рвение, оценит его по достоинству и вознаградит так, как сочтет нужным.

случайного блуждания мысли, он обнаружил какую-то поразительную истину, которая чуть не убила его и настолько потрясла, что сделала совершенно другим человеком. Он не погиб только потому, что был исключительно крепок физически, но после происшедшего с ним стал просто инвалидом.

Он странным образом изменился физически и особенно — психически. Так вот, истина, которая открылась ему по воле Набокова, была наделена явной материальной силой. Фальтер (так звали этого человека) выжил, но случилось так, что другой человек (его врач), которому он случайно сообщил свое открытие, скончался на месте, не перенеся, как выяснилось, тяжести знания. Героем этого рассказа является не Фальтер, а некто, пытающийся выудить у Фальтера его тайну (он оплакивает свою рано умершую жену и хочет для душевного, видимо, успокоения узнать, существует ли Бог, посмертное существование и в чем заключается постигнутая Фальтером истина). Он платит за то, чтобы поговорить с Фальтером, расспрашивает его, уговаривает, но Фальтер, наученный горьким опытом смерти одного человека, отказывает ему. Вскорости Фальтер умирает, унося тайну в могилу, но в прощальном письме[8], адресованном герою рассказа, признается, что во время беседы с ним, он всё-таки раз нечаянно проговорился и выдал истину, однако, собеседник этого не заметил. Сама беседа с Фальтером весьма интересна, очень глубокомысленна, но, разумеется, никакой такой смертельной истины в ней, при самом внимательном изучении, найти не удаётся. Смысл притчи, видимо, в том, что в мире может быть есть такая тайна, постижение которой может перевернуть, если не весь мир, то уж любую душу — неизбежно.

---

[8] *…но в прощальном письме.* – Теэтет немного не точен. Фальтер сказал это герою во время самой беседы, в конце её. В письме же он, видимо, открыл все-таки адресату саму тайну прямо, но потом одумался и тщательно вымарал соответствующие строки из письма.

Теперь, притча вторая.

Алистер Кроули[9] говорил, что знает тайное имя Бога, при произнесении которого Вселенная рассыплется в прах. Правда, ему никто не верил, и резонно. Зная Кроули, можно смело утверждать, что будь ему известно это имя, он не преминул бы произнести его. Хотя, с другой стороны, как ипсиссимус[10] он

---

[9] *Алистер Кроули…* — **Алистер Кроули (1875-1947) –** выдающийся маг, мистик и поэт XX века. Его деятельность и творчество были столь незаурядны, с обывательской точки зрения настолько безумны, что он получил у современников прозвище «самого испорченного человека своего времени». Большая часть, порочащей Кроули информации, или неверно интерпретируется, или не соответствует истине.

[10] *…как Ипсиссимус…* **— Ипсиссимус —** высший уровень посвящения, в созданном Кроули тайном мистическом ордене «А. А.». Вот, что говорит об Ипсиссимусе сам Кроули:

«Ипсиссимус полностью свободен от любых ограничений и живет самой сутью вещей, не делая ни количественных, ни качественных различий между ними. Он отождествляет Бытие с Небытием и Становлением, действие с бездействием и склонностью к действию. Так обстоит дело со всеми подобными троицами, и никакие условия не могут служить основанием для различения их членов; ни одна вещь не отличается от другой вещи наличием или отсутствием каких-либо условий.

В присутствии одного свидетеля Он клянется принять эту Ступень и выражать ее сущность в словах и поступках, но сразу же возвращаться под покров своего естественного проявления в облике человека и в течение всей своей человеческой жизни не проговориться о том, чего Он достиг — даже ближайшим членам своего Ордена.

Ипсиссимус превосходит всех прочих во Владении всеми разновидностями существования; а это значит, что его существо совершенно свободно ото всех внешних и внутренних необходимостей. Он — Мастер Закона Нереальности (Анатты).

Ипсиссимус не имеет никаких отношений ни с одним Существом, никакого желания, направленного куда бы то ни было, никакого сознания, включающего в себя двойственность;

мог и не пойти на это, это другой вопрос. Итак, есть имя, слово, которое уничтожает Вселенную, хоть это и кажется нелепым, однако почему-то рассудок не отрицает этой идеи прямо с порога, а отвергает ее только после некоторого скептического размышления. Это походит на то, что абсолютно каждый может утверждать про себя, что он бессмертен и никогда не умрет. Тот факт, что все в мире смертны, не доказывает с необходимостью того, что и я тоже когда-нибудь умру. Такая отличная идея как возможность личного бессмертия нашему нутру роднее и ближе, чем полученный путем опыта других и рефлексии печально-очевидный вывод о неизбежной конечности любой земной жизни. Заметь, что Кроули не говорит, что он сам может уничтожить Вселенную, как великий маг, коим он себя считал, а уничтожит ее, собственно, Бог через произнесение магом Его имени. В этих двух притчах я тебе намекнул на суть моего открытия. Вот, тебе мои заметки, и до встречи.

ибо в Нем все уже завершено — «вне Мира и Глупца, о да, вне Мира и Глупца»» [38, кн. 2, с. 56-57].

Кроули любил придавать своим писаниям нарочито странную, а то и нелепую форму, скрывать под шутовством и насмешками действительно глубокое содержание, что видно и по приведенной цитате. О процитированном месте Теэтет мне как-то сказал, что Ипсиссимус Кроули семантически то же, что Бог после осуществления Великого Делания в его парадигме.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Федон. Приветствую тебя, Теэтет, и приветствую тебя с тем большей радостью, что теперь я перестал подозревать в тебе манию величия. Во время нашей прошлой встречи я расценил некоторые твои слова именно в таком ключе. Надеюсь, ты не в обиде, ведь заболеть может каждый, даже ты. Теперь я ознакомился с твоими заметками и вижу, что мои догадки были, в общем, верны, в тебе это не мания величия, а скорее что-то вроде одержимости некоей идеей, что может быть и вполне нормально для мыслящего человека.

Теэтет. Судя по такому твоему вступлению, мой разум теперь в твоих глазах оправдан, чего нельзя сказать об идеях. Что ж, я и не жду, что тебе сразу будет всё сочувственно или, даже, понятно. Заметки мои — только краткие наброски, никак не претендующие на полноту, и неизбежно должны вызывать вопросы и возражения. Итак, что же ты понял?

Федон. Не так уж и много. Боюсь, что ты был в своих набросках слишком лаконичен. С самого начала я не смог согласиться с твоим первым и, видимо, основным постулатом. Давай, с него и начнем. Ты говоришь, что Творец нашего мира, наш Бог — это бессознательная, слепая, неразумная сила. Я понимаю, что ты не отрицаешь существования Бога, как атеисты, но делаешь прямо-таки кощунственное заявление о том, что Бог как бы безумен.

Разнообразным человеческим измышлениям несть числа. И одни люди не верят в Бога вовсе, другие верят в двух равных по силе Богов, доброго и злого, а ты утверждаешь постулат о бессознательном Боге. Хоть ты и говоришь, что это распространенное понимание Бога, признаваемое и каббалистами, и ведантистами, и иными мыслителями, но именно это воззрение подводит тебя вплотную к ереси, скажем, гностиков, считавших, что мир наш — порождение злого бога, а Иегова и есть Сатана. Понимаешь, слишком уж резко это твое

воззрение расходится с моим пониманием, моим представлением о промысле и благодати Божией[11].

Как же слепая и бессознательная сила может столь гармонично и разумно устраивать все в мире? Как же тогда Бог живой является молящимся Ему и взыскующих Его? А как же благодать, которая, очевидно, изливается на всякую живую тварь с небес? Нет, Теэтет, тут у тебя самое слабое место. Мир разумен. Малейшая его частичка, не только живая тварь, но и мертвая природа (да и есть ли такая?) свидетельствуют о промысле Творца.

Меня всегда поражали атеисты, Бога не признающие, но не умеющие без Него дать хоть какое-то сносное объяснение духовным, да и любым, феноменам. И, вдруг, ты, человек, безусловно, мудрый[12], утверждаешь такую ересь, что Бог де есть, да только он слеп и бессознателен.

Ты приводишь слова Эриугены[13]: «Бог не знает о себе, что он есть, потому что он не есть никакое «что»». Но это же,

---

[11] *…моим представлениям о промысле и благодати Божией.* — Федон, видимо несколько иронизируя, разыгрывает из себя чуть ли не ортодоксального христианина, что не соответствует истине, как это выяснится из следующих бесед.

[12] *…ты, человек, безусловно, мудрый…* — вот, что известно о Теэтете и Федоне из работ Платона: «Теэтет, сын Эвфрония, — здесь (в диалоге Платона «Теэтет») ещё совсем мальчик, удививший Сократа своими способностями и оправдавший в последствии похвалы проницательного старика, став человеком не только ученым, но благородным и мужественным. Теэтет по традиции считается философом, астрономом и математиком, учеником Феодора Киренского и Сократа. Деятельность его протекала в Гераклее Понтийской после Пелопонесской войны».

«Федон из Элиды, проданный в рабство в Афины во время спартано-элидской войны, при содействии Сократа выкупленный из рабства и ставший его ближайшим другом и учеником, — основатель элидской философской школы. Федон вместе с ближайшими учениками присутствовал при кончине Сократа» [26. Т.2].

[13] *…приводишь слова Эриугены…* — **Иоанн Скот Эриугена** (ок. 810-ок. 877), средневековый философ, безусловно, сыгравший

значительную роль в уяснении Теэтетом его открытия. Связь открытия Теэтета с воззрениями Эриугены очевидна.

«Иоанн Скот Эриугена полагал, что бог и мир объединяются в едином понятии «сущего», «проходящего четыре стадии *диалектического самодвижения*: 1) «природа творящая и не сотворенная», т. е. бог как предвечная причина всех вещей; 2) «природа сотворенная и творящая», т. е. платоновский мир идей, локализованный в интеллекте бога; 3) «природа сотворенная и не творящая», т. е. мир единичных вещей; 4) «природа не сотворенная и не творящая», т. е. снова бог, но уже как конечная цель всех вещей, вбирающая их обратно на исходе мирового процесса» [4, с. 219].

Особенно мне нравится «природа *сотворенная* и творящая». Ведь это Демиург гностиков или Ишвара индуизма. Теэтет очень часто называл этот «платоновский мир идей, локализованный в интеллекте бога» просто *регулятивным принципом*. Это собственно, личный бог всех догматических верований (в Иудаизме и Христианстве – Иегова).

В приведенной цитате из БФС фигурируют по Теэтету целых три бога: первоначальный бог, тот самый, который не знает о себе, что он есть; второй, демиург, творящий наш мир, но сам сотворенный первым богом, и содержащий в себе актуально и потенциально все Проявленное бытие со всеми определяющими его законами; и, наконец, третий, тот, который вберет в себя «все вещи» по окончании мирового процесса. Эриугена констатирует факт и высказывает предположение (мир существует, а окончание мирового процесса предполагается). Он не объясняет, зачем же бог предпринял это «диалектическое самодвижение». Возможно, подобно ведантистам он считал, что этот процесс, – зарождение, пребывание, сворачивание – постоянно циклически повторяемый богом, есть его какой-то неотъемлемый и таинственный, чисто мистический атрибут. Эриугена, очевидно, считал, что в конце мирового процесса бог так же бессознателен как и всегда. Но в любом случае, его видение сущности бога впечатляет: «Иоанн Скот Эриугена понимает бога не как личность, описываемую по аналогии с человеческой личностью, но как присутствующее во всем и одновременно запредельное бытие, не поддающееся предметному постижению даже для самого себя: «Бог не знает о себе, что он есть, ибо он не есть никакое «что»» [4, с. 219].

прости, софистика. Сказать можно что угодно, истинной веры этим не поколеблешь.

Теэтет. Да, я и не хочу поколебать ничьей веры…

Федон. Теперь ты понимаешь, что, не будучи убежден содержанием первого пункта, остальное я просматривал со всё возрастающим скепсисом, хотя кое-что в твоих заметках было мне и интересно.

Теэтет. Сомневаюсь, но мы это еще обсудим.

Очень хорошо, Федон, что ты начал с самого начала. Этот постулат о Боге действительно очень важен.

Только правильнее говорить не о Боге, а о Первоначале[14], потому что понятие «Бог» включает уже в себя и сознание, и всеведение, и разумность, и благость, наличие чего в Первоначале, как ты правильно увидел, я отрицаю. Я не отрицаю того, что в мире существуют и разум, и благо — они в нем есть, но в мире есть и горе, и глупость, уродство и подлость, и много всего мерзкого, и что же? По прямой логике я ведь должен возвести все это тоже непосредственно к Богу, а это прямо противоречит его определению. Мы не раз с тобой обсуждали в прежние времена этот вопрос.

Ты утверждал, что Бог находится над миром, или даже за миром, и потому оппозиции, существующие в мире (такие как «добро — зло», «свет — тьма»), хоть мир и есть Его порождение, Его не затрагивают. Потому, говорил ты, хоть в мире и есть добро и зло, Бог свободен от зла. Уже тогда у меня были в этом некоторые сомнения, и я часто вспоминал удивительные слова Аристотеля из его «Метафизики» (XII.7), прямо намек мне, что «Первосущность не видит ничего, кроме

---

[14] *…правильнее говорить не о Боге, а о Первоначале…* — И в «Беседах…», и в своих записях Теэтет не придерживается единого термина, говоря о Первоначале. Он называет его самыми разными словами: Абсолют, Фатум, Единое, Первосущность, Начало Начал и т. п. Теэтет не хотел, остановившись на одном каком-то обозначении, тем самым как бы ограничить и определить то, что по сути своей не может быть ни ограниченно, ни определено.

себя самой, потому что ей было бы очень тягостно увидеть столько бед и столько несправедливостей» [3. с.543], но все-таки тогда я разделял твои взгляды. Однако дальнейшие мои размышления показали неудовлетворительность такой позиции. Я не согласен, например, с мнением Эпикура о том, что боги далеки от нас, и им нет дела до нас[15]. Ясно, что Эпикур говорит здесь, как язычник…

Федон. Но сейчас ты высказываешь нечто очень похожее…

Теэтет. Пожалуй, сходства нет, но не будем спорить. Вопрос действительно очень важный. Позволь же мне его разобрать более подробно.

Я, знаешь ли, монист[16]. И потому языческих богов я признаю только как таковых, т. е. как ограниченные сущности, подпитывающиеся эгрегориальными энергиями[17]. И сейчас речь

---

[15] *… и им нет дела до нас.* — Обсуждению этого воззрения посвящено эссе Теэтета в Приложении II «О рассказе Х. Л. Борхеса «Письмена бога»».

[16] *Я, знаешь ли, монист…* — Как-то Теэтет сказал мне, что всё зло мира от двойки. И, что это не нумерология, а строгая констатация факта. Двойка – это суть и символ Проявленного бытия. Все, что существует, с необходимостью предполагает разнообразные множества. А любая множественность начинается тогда, когда **Единое** превращается в двойное. После завершения Великого Делания всякая двойственность исчезнет и останется только **Единое.** Теэтет монист потому, что признает онтологичным только Единое.

[17] *…подпитывающиеся эгрегориальными энергиями* — **Эгрегор —** энергоинформационная сущность тонкого плана, созданная мыслями, чаяниями, верованиями людей. Эгрегор аккумулирует гигантскую энергию и, после окончания образования и стабилизации, живет самостоятельной жизнью, напоминающей жизнь живого существа. Эгрегор энергетически подпитывает, активно работающих на него людей (пассионариев); влияя через тонкий план на плотный, эгрегор может создавать на материальном плане необходимые для себя ситуации, поощрять определенную деятельность; эгрегоры бывают молодые, старые, могучие и не очень, могут обновляться, укрепляться, а также ослабевать и погибать.

не о них. Я считаю, что единое первоначало не может находиться далеко ни от чего. Помнишь, что ответил Лао-Цзы[18] на вопрос: «Во всем ли есть Дао?» — «Даже в кале и моче». Так вот, твое, да и мое прежнее, воззрение пытается дистанцировать Бога от созданного им мира (в духе Эпикура), и именно для того, чтобы освободить Его от ответственности за зло и несовершенство мира.

Мне тогда даже казалась нелепой мысль, что то, что для меня зло, то и для Бога тоже может быть зло. Я много лет внушал себе мысль, что Бог, конечно же, лучше меня знает, что делает, раз допускает зло. Но, в конце концов, я понял, что объяснения нет. Добро и зло — это не какие-то наши субъективные фикции, а именно то, на чем базируется вся онтология бытия. Все существующие объяснения — всего лишь увертки. Тут и свободная воля, которой Бог, якобы, наделил людей, и, благодаря которой, они вольны творить зло вопреки Его заветам, а значит, виноваты они сами, а не Он. Это и идея о

Великие святые, подвижники и чудотворцы, чудеса, исцеления, религиозная экзальтация всех видов существуют и происходят не по воле Бога, а по воле эгрегора. Этим и объясняется, в частности, то, что Бог как бы не может договориться сам с собой и создать единую религию вместо множества разных, претендующих каждая на свою, но абсолютную истинность. Эгрегор же включает в себя чувства, представления, чаяния, мифологию и т. п., характерные для определенного общества и определенной эпохи.

[18] *...что ответил Лао-Цзы...* — **Лао-Цзы,** древне-китайский легендарный основатель даосизма. По преданию, родился в 604 году до н. э., жил якобы 160 или 200 лет. Автор «Дао де дзин». В своих философских построениях разрабатывал три основные концепции: дао, дэ и у-вэй. Дао — естественный путь возникновения, развития и исчезновения всех вещей и одновременно материальная основа их существования. Дэ — качество, атрибут, постоянное свойство вещей, то, через что обнаруживается незримое и неслышимое дао, благодаря чему оно проявляется в мире вещей. У-вэй (буквально — недеяние, бездействие) означает подчинение естественному процессу, гармонию с дао, отсутствие всякого действия, идущего в разрез с ним [4, с. 301].

том, что зло и страдания посылаются людям, чтобы испытать людей, и тем самым усовершенствовать их, хотя очевидно, что всемогущий Господь сразу мог бы их создать совершенными или же мог бы не создавать их вовсе. И, главное, почему я понял, что никаких, невзирая ни на какие теодицеи[19], объяснений злу и несовершенству мира нет — это то, что я непосредственно испытал, что называется, «просветление»; я увидел, что Бог, Первоначало, конечно же, есть, более того, оно, это Первоначало голографично[20], то есть присутствует в любой, сколь угодно малой или ничтожной частице бытия полностью, но в то же время я ясно увидел, что за ним, в нем, под ним

---

[19] *...невзирая ни на какие теодицеи...* — **Теодицея** – «оправдание бога», попытка объяснить и оправдать явное и непримиримое противоречие между господством в мире зла и несправедливости с «благостью» и «всемогуществом», приписываемыми религией богу. [33. С. 683]

[20] *...это Первоначало голографично...* — Современные исследователи, авторы книги «Физика веры» утверждают, что современная физика эмпирическим путем пришла к необходимости постулировать существование Бога, а так же к научному обоснованию духовных феноменов. В этой части книга хороша и содержит удивительные констатации: «Мир — колоссальная голограмма. Каждая его точка обладает полнотой информации о мире в целом. Основа мира — Сознание, носителем которого выступают спин-торсионные поля. Слова и мысли — торсионы, творящие явления мира. Мысль рождается, и о ней сразу знает весь мир. Человек проецируется на Вселенную в пропорциях, несравнимых с величиной его физического тела. Чудовищная ответственность ложится с пониманием этого на человека. Объективно мы пришли к выводу, что Мир имеет в своей основе Сознание как единое мировое начало. Сегодня, в свете последних открытий, существование мира, как универсального Сознания, проявляющего себя различным образом — научная реальность. Поле Сознания порождает все, и наше сознание — часть его» Газета «Чистый мир». 1996. № 4. [41, с.95]. Эти ученые радуются, как дети, что открыли в мире нечто большее, чем мертвая бездушная материя (что, вообще-то, известно испокон веков), зло и несовершенство мира для них или не существуют, или несущественны.

кроется некая темная, безграничная «неисследимая бездна», как говаривал наш милый Бёме[21].

Что же касается чудес, являемых нам божеством — благодати, гармонии и законосообразности, присутствующих в мире, — то у меня для них есть объяснение, не противоречащее идее о бессознательности того, что производит наш мир, и мы будем об этом говорить[22].

---

[21] **…***наш милый Бёме.* — **Бёме (1575-1624)** — великий немецкий мистик, творчество которого представляет собой результат удивительных и уникальных прозрений (Теэтет утверждал, что лично знал Бёме). («Подобно как глаз человека видит вплоть до того светила, откуда он имеет свое первоначальное происхождение, так и душа видит до того Божественного существа, в котором она живет».[7. с.22]) В книгах Бёме невозможное многословие и путаница сочетаются с глубокими и отточенными формулировками, нелепые и наивные представления с поистине потрясающими видениями. Учение Бёме считается близким к гностицизму.

Теэтета в Бёме подкупала его безупречная мистическая честность. Вот цитата из Бёме, одна из выписанных Теэтетом, содержание которой подтверждает тезис Теэтета о бессознательности Первоначала:

«53. Теперь заметь: когда ты размышляешь и думаешь о том, что есть в сем мире и вне сего мира, или что есть существо всех существ, то ты размышляешь и думаешь во всем теле Божием, которое есть существо всех существ: и оно есть безначальное существо.

54. Но в собственном своем престоле, оно не имеет никакой подвижности, разумности, постижимости, но есть темная глубина, не имеющая ни начала, ни конца; и в нем ни густо, ни жидко, но оно есть темный дом смерти, где ничего нельзя ощутить, где ни холодно, ни тепло, но конец всех вещей.

55. Это и есть теперь тело глубины, или истинная темница смерти».[7. с.394]

[22] *...и мы будем об этом говорить.* — Теэтет имеет в виду телеологию, в вопросе о которой он является единомышленником Шопенгауэра, и, разъясняя свое понимание её, постоянно ссылается на него. **Телеология** т. е. учение о целесообразности бытия до Канта смело использовалась для доказательства бытия божия (да и сейчас дает невежам не мало возможностей очень глубокомысленно

Для пользы дальнейшего нашего рассуждения, Федон, я хочу подчеркнуть, что только внутренняя сущность мира представляется нам вечной и неизменной. Окружающий же нас мир преходящ. Мы наблюдаем это ежемгновенно. Вполне в русле общепризнанной философской и мистической традиции я называю эти две стороны бытия — Непроявленным бытием и Проявленным бытием. Почему-то некоторые мыслители считают Богом только Непроявленное бытие. И на этот счет достаточно измышлений. Например, одно из них гласит, что мир Проявленного бытия находится под властью Князя Тьмы, которую ему временно уступил Бог, что само по себе очень странно (то есть странной представляется такая божественная уступчивость). В эзотерике[23] здесь имеется изрядная путаница. Истина же такова, что все, как темное, так и светлое находится актуально только в Проявленном бытии. Только здесь и происходит вся борьба. А порождается и то, и другое из Непроявленного бытия, в том числе и самоё сознание.

Я по своему открытию считаю, что бессознательное Первоначало весьма заинтересовано в появлении в Проявленном бытии все более высоких ступеней сознания.

Федон. Стоп, стоп!!! Теэтет, подумай, что ты говоришь! «Бессознательное заинтересовано в появлении сознания, и потому, видимо, его и порождает». Какое же оно после этого бессознательное? Да ведь любое конкретное сознание — это

толковать об оном). Это, так называемое, телеологическое (теологическое в неправильном переводе) доказательство. Кантом оно было опровергнуто. Он показал, что телеология равно как не доказывает бытия божия, так и не опровергает его. Шопенгауэр в XXVI главе «К телеологии» 2-го тома «Мира как воля и представление» [1, с.399] показал, что телеология не нуждается для своего обоснования ни в божественности, ни в разумности бытия.

[23] *...экзотерике...* — **Экзотерка, экзотерический** – предназначенный для непосвященных, для всех [33, с. 795].

только малая частица, ничтожная копия безграничного сознания или еще лучше — сверхсознания Божия.

Теэтет. То, о чем ты говоришь, это — перенос своих свойств, а, шире, свойств Проявленного бытия на свойства Первоначала вообще. Сознание имманентно[24] Проявленному бытию, но не Первоначалу. И я говорю это не только потому, что это мой основной постулат, а ещё и потому, что сверхразумное Первоначало, если бы и захотело создать Проявленное бытие (в чем я очень сомневаюсь), то, очевидно, создало бы его с совершенно иными свойствами.

В Первоначале, в еще не проявленном состоянии всё наличествует, будучи еще целокупным, неразделённым, и разделяется, только становясь проявленным. До разделения страдание — не страдание, так как оно соединено в одно целое с наслаждением, а зло — не зло, т. к. оно едино там с добром. (Как говорит Бёме, нет ни жидкого, ни густого.) В Первоначале нет еще ничего, никаких понятий, никакого движения, и потому в нем и сознание — не сознание, и бытие — не бытие, пока все это не проявилось и не вошло в формы восприятия, то есть время и пространство[25]. Ты, надеюсь, помнишь положения трансцендентальной эстетики Канта?

Федон. Я помню Канта, продолжай.

---

[24] *...сознание имманентно...* — **Имманентный —** внутренне присущий какому-либо явлению, проистекающий из его природы [33, с. 263].

[25] *...время и пространство.* – Кант показал, что за миром явлений лежит непознаваемая разумом «вещь в себе». Время и пространство субъективны и являются *условием* восприятия явлений. Именно поэтому Канту часто делался упрек в субъективном идеализме. Теэтет «вещь в себе» обычно называет «Непроявленным бытием», а «Проявленным бытием» **—** мир явлений, к которому он относит не только мир обыденного опыта, но и мир любых явлений вообще («Многообразное содержание синтетического единства апперцепции» Канта.).

Теэтет. Продолжим. Я полагаю, что могу согласиться вместе со многими, что Первоначало создает Проявленное бытие от некоего преизбытка, в свободном стремлении… (Хотя, что может быть за преизбыток в том, что находится за пределами явления?) Но я категорически утверждаю, что то, что в нем происходит, самой Первосущностью не осознается, и не осознается оно потому, что ей нечем сознавать. Оно бессознательно. Такова уж его, Первоначала, суть. По крайней мере, пока.

Федон. Значит, «пока»? Неужели ты полагаешь, что Бог, ну пусть бессознательный Бог апофатики[26], может как-то измениться или что-то добавить к своей полноте?! Ведь в нем уже есть всё!

Теэтет. Да, Федон. В этом и заключается мое великое открытие. Только на первый взгляд оно выглядит абсурдно, но повторю еще раз: то Первоначало, о котором я говорю, не Бог. Его полнота не есть самоцель, просто оно таково, каково есть. Само в себе оно всегда было и есть как бы все и ничто; но вот

---

[26] Слово «апофатика» надо понимать здесь в том же смысле, в каком понимал его Дионисий Ареопагит. Он говорил, что есть два пути Богопознания — катафатический и апофатический. Первый путь — отнесение к Богу некоторых положительных определений, наделение Его кажущимися нам подобающими Ему предикатами, вроде «Всемогущий», «Вездесущия», «Благой» и так далее. Это — ответ на вопрос «Что есть Бог?". Второй путь — осознание всех относимых к Богу предикатов как неточных или ложных и их последовательное отбрасывание с целью получении все более полного ответа на вопрос «Что Бог не есть?» и погружения в конце концов в «Божественный мрак», из которого затем таинственным образом выступит подлинный образ Бога, невыразимый в человеческом языке. Апофатический метод, по Дионисию, гораздо выше катафатического, только эта интеллектуальная аскеза подобная экзистенциальной аскезе преподобных, может открыть нам Истину. (Виктор Тростников. АПОФАТИКА — ОСНОВНОЙ МЕТОД НАУКИ XXI ВЕКА URL: https://pravoslavie.ru/736.html)

появилось то, что мы называем внешним миром, универсумом, Вселенной. В отличие от себя субстанционального, Непроявленного в-себе-бытия, оно движется, живет, развивается, усложняется, но, конечно, и деградирует, и разрушается, а, главное, порождает чувствующих, а потом уже разумных и сознательных существ.

Получается, что тот Бог, в которого веришь ты, создал мир непонятно зачем, а, главное, непонятно, почему этот мир, созданный якобы Богом, является таким странным, в некотором смысле совсем не божественным. Бог якобы покарал прародителей за первородный грех, наслал потоп, болезни, смерть…

Федон. Слушай, Теэтет, ты мне все-таки не приписывай наивной веры во всю эту древнееврейскую мифологию. Я не хуже тебя знаю цену этим экзотерическим мифам.

Теэтет. Извини, Федон, извини. Я увлёкся. Разумеется, я не думаю, что ты веришь в эти сказки, созданные для просвещения широких древнееврейских масс. Я просто хотел подвести к тому, что мое понятие о Первоначале, во-первых, соответствует эмпирической истине, во-вторых, ведет нас прямой дорогой к настоящему, истинному освобождению и спасению, а не к спасению сказочному и не обоснованному ничем, кроме честного слова священников или, скажем, неких жрецов.

Первоначало создало мир в бессознательном стремлении. Мир этот упорядочен, он не хаос, потому в нем есть и разум, и гармония. Таким образом, Первоначало в бытие устремилось. А мы это стремление осознаем в себе непосредственно как разнообразные желания, устремления, а главное — как желание просто жить. Такое понимание Первоначала полностью

совпадает с понятием «воли» Шопенгауэра[27], убедительнейшим образом, кстати, доказавшим ее изначальную бессознательность.

Федон. А, Шопенгауэр! Он на тебя, видимо, сильно повлиял?

Теэтет. Что ж, мне стыдиться нечего, Шопенгауэр — редкостный гений. Да, он сыграл немаловажную роль и очень мне помог. Правда, в конечных выводах мы с ним расходимся[28].

Федон. А существует ли, Теэтет, кто-либо из мыслителей, с кем ты сходишься полностью?

Теэтет. Полностью — ни с кем. И, более того, самого зерна, самого ценного, простого и ясного объяснения цели и смысла бытия, бытия в целом и в частностях, а так же — уникальной техники его окончательного освобождения и спасения, я не встречал ни у кого. Если это где-нибудь было, я бы знал.

Федон. Ну, твоя эрудиция общеизвестна…

Теэтет. Здесь дело не в эрудиции. Просто есть вещи, которые, будучи открыты одни раз, уже не могут забыться.

Ну, мы отвлеклись.

Так вот, Федон, и еще понял я, что зло и несовершенство, существующие в мире, и боль самой ничтожной твари не безразличны Началу Начал. Они мучают его. Да. Но поделать

---

[27] *…с понятием «воли» Шопенгауэра…* — **Артур Шопенгауэр (1788-1860) —** великий немецкий философ. Смотрите о нем эссе в Приложении III.

[28] *…расходимся.* **—** При всей своей глубине и мудрости Шопенгауэр не смог предложить никакого иного варианта спасения как «индивидуальное спасение» в духе Будды или веданты. Теэтет считает, что в «индивидуальном спасении» происходит просто исчезновение личности (деперсонализация) Адепта, что не может считаться спасением, потому что мир, как явление, «индивидуальным спасением» никак не затрагивается, а деперсонализировавшийся Адепт, тем не менее, все-таки продолжает пребывать в нем в качестве всех остальных существ мира.

оно ничего не может, так как нет в нем того, чем бы оно было способно это осознать[29]. Это очень важно понять.

Федон. Ну, ты даешь! Так что же получается, Бог страдает?! Да еще не понимает почему!?

Теэтет. Да, Федон. Может на человеческом языке это звучит странно, наверняка крайне неточно, но суть именно такова. Кстати, Бёме в одном из своих прозрений говорит о каком-то «мучении материи». Впервые услышав эти его слова, я не понял, что он имеет в виду, но теперь догадываюсь. И вот, это страдание обратным ходом обнаруживается в Проявленном бытии образованием существ, обладающих разумом и сознанием, и выражается в виде стремления к истине, к совершенству, к Богу, к бессмертию, к духовности. На земле существует множество людей, для которых это все не пустые слова.

Я проанализировал все эти прекрасные духовные устремления и заметил, что они естественно объединяются между собой идеей спасения. Возвышенная и духовная часть мира стремится спастись и спасти весь мир. Но ведь, в сущности, это стремление не ее самой, не этих людей, а только выражается через них[30]. На самом деле, это само Первоначало

---

[29] *…чем бы оно было способно это осознать.* — Разумеется, Теэтет только пытается передать в словах, в наших ограниченных понятиях, один из основных тезисов своего открытия. Развернувшись в Проявленное бытие, внутренняя сущность мира пытается свернуть его, но только тем самым, косвенным образом, который и описывает Теэтет, потому что никакой иной способ для неё невозможен из-за её бессознательности.

[30] *...только выражается через неё.* – Самые выдающиеся мыслители, художники нередко отмечали, что мысли, открытия, идеи, образы ими создаваемые, ими как бы творимые, на самом деле существуют не в них, а являются как бы через них как неких проводников. Это истинно только наполовину. Стремление к совершенству, как и сами стремящиеся, изначально исходит, конечно, от Первосущности, но только в самих деятелях это

стремится к спасению. Само же по себе Первоначало не может спасти мир. Бог, Бог Живой, Бог-Отец, существуй Он, мог бы спасти мир. Ему бы это ничего не стоило. Его желание уже есть свершение. Именно потому, что мир не спасен до сих пор, но нуждается в спасении, я заключил, что нет того (как я думаю, до поры до времени), кто может его спасти.

Вот мы и пришли к тому с чего начали. Будь ты прав, существуй благой, сверхразумный Бог, разве могло бы существовать, не то что все Проявленное бытие, со всеми его мерзостями и страданиями, а хотя бы одна несовершенная в нем черта?

Нельзя, абсурдно пытаться отделять творение от творца. Поэтому надо заключить, что каково творение, таков и Творец.

Безусловно, жизнь, бытие наше — это не одни мерзости и страдания, это — и все прекрасное, возвышенное и благородное. Это — тоже Творец. И, вот, мне стало ясно, что творец не может спасти сотворенное им не из-за какой-то там своей необыкновенной запредельности и удаленности от дел мира, и не из-за безразличия к судьбе своих несчастных творений, а только из-за своей *роковой* бессознательности. Такова уж его суть. Суть Первосущности. Слово «Творец», как ты понимаешь, я употребляю в метафорическом смысле.

И не только логикой, даже совсем не логикой, а своего рода откровением, мистическим прозрением, так сказать, я открыл, что эта бессознательная суть может быть изменена. Грубо, опять же метафорически говоря, она может стать сознательной — просветлеть и спастись. Не возникни Проявленное бытие, Первосущность и не ощутила бы, что в ней

стремление освещается светом сознания и приобретает форму тех или иных действий, достижений, переживаемых страданий. Первоначалу совершенно не нужно самосовершенствование чад этого мира самих по себе. Ему, в конечном итоге, нужно только одно — породить то, что его спасет, освободит, наконец, от обузы Проявленного бытия.

что-то не так. Да, и до начала проявления в ней все было так. Сотворенное Первоначалом бытие это — ловушка, западня, в которую оно само собой попадает, и, в попытке спастись из которой, оно заставляет само сотворенное порождать из себя то, что и поможет ему справиться с возникшей ситуацией, неким образом изжить ее. Разумеется, порождаются не только ангелы, но и монстры, уравновешивающие ангелов. Я объясняю на пальцах, но, в сущности, это именно так.

Федон. Ну-ну! И это ты называешь спасением? Но ведь, по сути дела, ты проповедуешь и призываешь исчезновение, конец мира?

Теэтет. Чем же плохо исчезновение? Исчезнет только то, что и не заслуживает иной участи. Я не Бог и не могу знать, во что превратится мир, когда спасется. Почему-то мне кажется, что это состояние его будет похоже на то самое остановившееся мгновение из «Фауста» Гете[31]. Сейчас же я ясно вижу, что Проявленное бытие пытается, усиленно стремится создать нечто сверхсознательное, некую разумную и могущественную силу, которая и сможет изменить суть Первоначала. Мне трудно определенно назвать эту силу, но я знаю и вижу, что она уже есть. Уже. Собственно, она уже давно постоянно то нарождается, то умирает, и, к сожалению, пока еще свое Великое Делание не совершила[32]…

---

[31] *…из «Фауста» Гёте.* – «Остановись мгновение – ты прекрасно!» – должен был от души воскликнуть Фауст, чтобы Мефистофель получил право забрать его душу. Фауст заключил беспроигрышную сделку, а Мефистофель был в этом случае плохой психолог. Ведь самое прекрасное мгновение не может не содержать в себе знания о собственном конце. Потому и хочется его остановить. Но сообщать об этом желании Мефистофелю точно не следует.

[32] *…свое Великое Делание не совершила.* – Теэтет считает, что мир давно готов к спасению. Высшие Адепты не совершили Великое Делание только потому, что не направляли свои силы и способности в нужном направлении. По мнению Теэтета этих сил и способностей у них для совершения Великого Делания зачастую бывает вполне

Федон. Ну, что ж, Теэтет, ты меня заинтересовал. Признаться, я теперь понимаю, что ты имел в виду, говоря о бессознательности Бога. Если бы я учел это сразу, то, наверное, твои записи были бы мне более понятны. Мне даже захотелось их перечитать.

Теэтет. Я думаю, это будет неплохо, конечно, перечитай. Там открытие мое изложено пока еще совсем неудовлетворительно, схематично, коротко. Может быть, когда-нибудь я изложу все более основательно.

Что ж, наша сегодняшняя беседа была мне полезна, да и приятна, и, говоря с тобой, я многое еще лучше уяснил и для себя.

Федон. Но, Теэтет, как же так получается, что сила, которая должна спасти мир, уже есть, и даже постоянно то рождается, то умирает, но дело свое так и не сделала?

Теэтет. Об этом, давай, поговорим в следующий раз.

достаточно, но… Достигнув, пика развития, Высший адепт либо деперсонализируется, либо деградирует.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Федон. Ну, Теэтет, ты основательно заморочил меня в прошлый раз. Во-первых, ты так и не дал объяснения бесчисленных свидетельств божественного присутствия[33] в нашем мире. Во-вторых, ты всё в своих рассуждениях свел к тому, что в нашем мире должна появиться, да и уже есть некая загадочная сила, которая должна спасти мир. Это наименее понятно. Что это за сила, как она будет спасать мир, и какое, именно, спасение ты имеешь в виду?

Теэтет. Но ты, по крайней мере, признаешь, что с непричастностью Бога к непорядкам в нашем мире не все обстоит благополучно?

Федон. Знаешь, Теэтет, мое старое объяснение меня вполне устраивает. Конечно, я не понимаю и не знаю, что такое Бог сам в себе, и почему Он действует так, как действует, но я знаю одно, что тот, кто действительно идет к Богу, тот к нему обязательно приходит[34].

Теэтет. Те-те-те. Нет, Федон, тебе не удастся снизить уровень нашей беседы до красивых, но пустых деклараций (в сущности, благоглупостей). Надеюсь, мы с тобой выясним, и что такое идти к Богу, и что такое прийти к нему. Разберемся и с божественными проявлениями, и с таинственной силой, и со спасением.

---

[33] *…бесчисленных свидетельств божественного присутствия…* — Теэтет сознательно оттягивает момент объяснения Федону несостоятельности телеологического доказательства бытия божия из-за его сложности и отвлеченности. Он не хочет слишком далеко уклоняться в сторону, понимая, что этот вопрос должен и может проясниться постепенно.

[34] *…тот к нему приходит.* – Одна из тех самоуспокоительных деклараций, которая ничего не доказывает и не объясняет. Федон же высказывает ее как окончательную истину. (И весьма самодовольно.) Потому-то Теэтет так резко и реагирует на нее в следующей реплике. Тема «прихождения к богу» будет обсуждена Теэтетом позднее. Здесь для нее еще не наступило время.

Но прежде, чем мы пойдем дальше, я хочу обратить твое внимание на один довольно своеобразный аспект моего открытия — в нем нет положительной, т. е. общеобязательной этики[35]. Я уже говорил об этом, фактически, когда утверждал, что мое открытие нет необходимости доводить до сведения широкой публики.

Федон. Поясни это подробнее.

Теэтет. Этика это — нормы поведения, вытекающие из тех или иных моральных принципов. Попросту говоря, то спасение, о котором я говорю, и теорию которого я тебе сообщаю, ничего не требует ни от кого.

Федон. Как же так? Хотя понятно. «Если Бога нет, то все позволено». А у тебя-то, фактически, Бога нет. Во всяком случае, если он слеп и глух, его вполне можно считать несуществующим и особо на него не оглядываться.

Теэтет. Кстати, Федон, я имею в виду не мораль, а этику, т. е., собственно, поведение. Надо сказать, мораль мало зависит от веры или безверия. Тут Федор Михайлович[36] слегка погорячился. Вполне последовательные нигилисты, сплошь и рядом, бывают вполне нравственными людьми. И наоборот. Исповедуя то, что я знаю, я не вижу, как все люди должны были бы изменить свое поведение в соответствия с этим знанием. Или по-другому. Как бы себя кто не вел, он не вступает ни в какое противоречие с декларируемыми мной принципами.

---

[35] *…положительной этики.* — Теэтет зачастую позволяет себе некорректные или противоречивые декларации, считая, что дальнейшее обсуждение все поставит на свое место. В системе воззрений Теэтета нет не только «положительной этики», а вообще любая этика самостоятельного значения не имеет. По Теэтету все происходящее в мире фатально, а потому те поступки людей, которые принято называть плохими или злыми, определяются не их «злой волей», как это обычно понимается, а, собственно, недолжным устройством самого мира.

[36] Имеется в виду Ф. М. Достоевский.

Федон. То есть, у тебя к людям нет претензий? Они ведут себя правильно?

Теэтет. Если люди и ведут себя неправильно, то только потому, что живут в изначально неправильно устроенном мире. Мир этот неправилен по определению. Правильно ты живи, неправильно, мир, в любом случае, выносит положительный вердикт — живи, и все.

Федон. Но послушай, Теэтет, такого все-таки не может быть, чтобы спасение мира, как ты говоришь, произошло вообще без участия людей. Эта сила, о которой ты говорил… Я все-таки понял, что это такое. Это — некие духовные потенции, образовавшиеся в продвинутых, просветленных людях, которые, в перспективе, и должны, по твоему учению, каким-то образом спасти мир. Ну, а если мир спасать люди и будут действовать в этом направлении, то это и есть их этика, и твое заявление, что твоя доктрина не имеет этики, неверно. Имеет. Я слушал и читал внимательно, и не так уж я ничего не понял, как могло бы показаться.

Теэтет. Что ж, признаю, я выразился неточно. Я имею в виду, что те тенденции, которые являло нам бытие всегда, так и будут продолжать иметь место до тех пор, пока бытие будет существовать. Я, знаешь ли, совсем не пессимист[37]. Я не считаю, что в мире все только плохо и будет еще хуже. Мир развивается, пусть и в результате страданий и невзгод; но в мире появляются Высшие Адепты, которые, безусловно, производят те или иные

---

[37] *…совсем не пессимист.* – Теэтет иногда называл свое открытие преодолением пессимизма. В то время как последовательный пессимист не открывает в мире ничего отрадного и считает, что горести его не окупаются ни в какой мере его радостями, по Теэтету в мире хорошо то, что он неизбежно спасется, после чего каждый вечно пребудет как бы в «царстве божием», а это отрадно сознавать уже сейчас. Правда, тогда и Шопенгауэра нельзя считать безупречным пессимистом, потому что в его учении есть теория спасения, и всякий, кто желает, может спастись. Теэтет, правда, считает теорию спасения Шопенгауэра такой же несостоятельной, как и все прочие теории спасения до его открытия.

положительные духовные трансформации в окружающей их жизни. Да и обычные люди часто пытаются улучшить жизнь, и небезуспешно. Однако сама суть бытия от их усилий не меняется. Бытие, Проявленное бытие, принципиально дуалистично. Чем больше выделяется в нем одна какая-то тенденция, тем более могущественные силы зарождаются, чтобы этим тенденциям противостоять[38].

Федон. Не понимаю. Если духовное, да и какое угодно, совершенство мира возрастает, то почему кто-то должен с этим бороться и пытаться его уничтожить? Да, и сама светлая духовная сила не приобретает ли в результате собственного совершенствования такое могущество, перед которым становится бессильно любое злобствование низших демонических сил?

Теэтет. Все это совсем не так. То, о чем ты сказал, собственно, миф. Не может быть окончательной победы светлых или темных сил. В целом в мире всегда соблюдается равновесие. И преобладание каких-то одних сил вызывает рост и дальнейшую победу иных сил, противоположных им.

Федон. То есть ты хочешь сказать, что, рано или поздно, мир добра и света, сотворенный с такими усилиями светлыми силами, должен рухнуть, побежденный силами темными?

Оптимист. Умеешь обнадежить.

Теэтет. По правде сказать, никакого могущественного мира светлых сил никогда не было и нет, так что не огорчайся, Федон, ни плохое, ни хорошее никуда из этого мира исчезнуть не могут, и ни одно другого не победит. Вообще же я не стремлюсь тебя огорчить или порадовать. Просто, истина такова. Впрочем, ты исказил несколько мою мысль. И вполне последовательно. Ты все еще видимо исходишь в своих представлениях из присутствия в мире некоего прекрасного

---

[38] *…чтобы этим тенденциям противостоять.* — Лао-Цзы говорит, что когда в поднебесной рождается великий святой, то в тот же момент в ней рождается и великий негодяй.

Бога: всеблагого, всемогущего, разумного. Представляешь себе этакого абсолютного владыку, который всегда на стороне добра. И потому ты, естественно, полагаешь, что этот Абсолют только играет с нами, а все зло, которое есть в мире, это — так, понарошку, потом игра закончится, мы все рассмеемся, злодеи обнимутся со святыми и отправятся на отдых пребывать в пралайе[39] до следующей игры. То есть ты продолжаешь верить в благого Творца этого мира, в котором нам не остается ничего другого как без устали петь благодарственные гимны жизни и ее Творцу.

Я же считаю, что бытие нам говорит, вполне серьезно и недвусмысленно, об ином порядке вещей. И потому я не склонен обольщаться.

Ты не представляешь, Федон, а вернее, отлично представляешь, сколько уже было расцветов цивилизаций, провозглашавших пиршество духа и, увы, сгинувших в небытие. Я считаю, что жизнь мира это — совсем не «божественная игра» (как это понимается, например, в веданте), так как нет в этой «игре» сознательного главного игрока. Назвать это все игрой можно только очень условно. И, во всяком случае, это — очень мрачная и жестокая игра.

---

[39] *...и пребудут в пралайе...* – В индуизме после дня Брамы наступает ночь Брамы, то есть весь проявленный мир переходит в непроявленное состояние – «*пралайю*» (период «день – ночь» называется «кальпа»). С наступлением дня Брамы «божественная игра» – «лила» – начинается снова, и так до бесконечности. Сама по себе последовательность кальп не имеет никакого смысла и происходит от божественного преизбытка и по божественному произволу (Смотрите «Беседу шестую»). Мы, все участники игры, никакой прибыли от неё не имеем, для нас она вполне бессмысленна. Теэтет оспаривает ортодоксальную ведическую точку зрения, отрицает взгляд на бытие, мир как на игру и считает, что смыслом, действительно, бессмысленной и хаотической суеты мира является его спасение и завершение.

Продолжу. Кстати, я собирался говорить о Достоевском. У него есть известное рассуждение о слезинке ребенка, вложенное им в уста Ивана Карамазова, которое, к сожалению, было опошлено до невозможности так, что уже все и забыли, о чем идет речь. А ведь это рассуждение — безупречно. Именно в этом прозрении Достоевского обнажен самый болезненный нерв основной проблемы бытия.

Федон. Подожди, Теэтет. Я понимаю твой пафос, но давай говорить конкретно. Я, как раз, прекрасно помню, о чем идет речь, и если кто эту тему опошляет, то ко мне это не относится.

Теэтет. Я тебя и не имел в виду…

Федон. Я вижу, что в безбожничестве вы с Достоевским близко сходитесь. И ты, и он бунтуете против идеи живого Бога, а я полагаю, что этот вопрос выходит за пределы и его, и твоей, и вообще человеческой компетенции.

Теэтет. К вопросу о человеческой компетенции я еще вернусь. А сейчас, Федон, разреши мне процитировать Достоевского. Нам это пригодится для продолжения беседы.

«О, по моему, по жалкому, земному, эвклидову уму моему, я знаю то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, но ведь жить по этой эвклидовой дичи, я не могу же согласиться! Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями унавозить кому-то будущую гармонию…

Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка. Не стоит, потому что слёзки его остались не искупленными. И чем, чем ты искупишь их? Неужели тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад?.. Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами. Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание

свое, но страдание своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, хотя бы сам ребенок простил! А если так, — где же гармония? Не хочу гармонии. Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и не прав*» [18. с. 49].

Мы с тобой знаем, Федон, что души наши, дух наш неотделим от души мира потому, что это он и есть. Для бога нет отдельных душ, нет многих духов, а есть единое духовное начало. А потому то, что переживается в одном духе, есть принадлежность духа вообще. Суждение о зле, несовершенстве, страданиях мира, и не просто холодное суждение, а живое переживание, сострадание им, это принадлежность не одной моей души, или души Достоевского, это — скорбь и самого мирового духа. Это я говорю к вопросу о человеческой компетенции. «Хотя бы я был и не прав», — говорит Достоевский, но знает отлично, что прав и не может быть не прав.

Сколько не увиливай, а истину о мировом зле не обойдешь. Не обойдёшь, потому что ее и нельзя обойти. Либо Бог зол, либо он не таков, каким его пытаются себе представить прекраснодушные догматики всех мастей. Я не считаю, что Бог зол, потому что зло это — только одна из двух противостоящих друг другу компонент (противоположная — добро), а Бог (что бы под этим понятием ни понимать) по необходимости всеобъемлющ. Но он вовсе не является однобоким принципом абсолютного добра, каким его пытаются представлять — Бог с флюсом. Это — первый шаг. Следующий же шаг таков: мир не есть некая безысходность, что явно просвечивает в страстных и отчаянных речах Достоевского, а может быть спасен и будет спасен. Я вывел еще, что спасение его придет оттуда, откуда идет, так сказать, и погибель, то есть от самого мира, от нашего Проявленного бытия. Более того, я утверждаю, что и само Проявленное бытие изначально, с самого своего появления стремится породить и вырастить силу, которая через свое

воздействие на Начало Начал (на слепую волю) просветлит его, и завершить тем Мировой Процесс.

Федон. Что ж, Теэтет, не могу сказать, что твои речи оставляют меня равнодушным. Ты всегда был склонен к крайностям; и сейчас, кажется, нашел такую, которая, наконец, полностью утешит твою душеньку; такую, которую еще никто никогда не разбирал, и которую, может быть, и невозможно до конца разобрать.

Теэтет. Я не стремлюсь, Федон, к сложностям и крайностям самим по себе. В том же, что тема моя представляет собой крайность из крайностей, то тут ты прав. Я вижу, что я разгадал загадку мира — те, кого это непосредственно касается, призна́ют это. Возможно, это звучит слишком высокопарно. Чтобы снизить пафос, скажу, что хотя я и разрешил ее, но прок от этого будет только тогда, когда Великое Делание реализуется.

Федон. От твоих речей, Теэтет, мороз по коже продирает. И не знаю, что меня больше бы потрясло: твое безумие или твоя правота. Я давно знаю тебя и знаю как человека разумного и глубокого. Ты, безусловно, не относишься к той армаде пророков и мессий, которые рвутся спасать мир из тщеславных или корыстных побуждений, а иные может и из-за психического заболевания. Я слишком давно и хорошо тебя знаю. Я вижу, что ты очень серьезен, однако, правота твоя в излагаемых тобой принципах, пока что очень и очень для меня сомнительна. Ты, конечно, говоришь и пишешь довольно убедительно, но ты ведь не дал мне ответа даже на часть тех элементарных возражений, которые неизбежно любому придут в голову.

Теэтет. Ты прав, Федон, но я ведь оговорился, что то, что ты прочитал, только предварительные и черновые заметки. И, если я буду превращать их в основательный труд, то, конечно, постараюсь разобрать все возможные возражения и отвечу на них. Сам себе я уже ответил на свои возражения. Этим я и занимался все последнее время. Давай, отвечу и тебе на твои.

Федон. У меня их столько, что они прямо роятся у меня в голове. И хочется, прежде всего, узнать саму суть твоего

открытия, ведь мы пока обсудили ее только как декларацию. Итак, скажи, что же это за спасение, которое, по-твоему, неизбежно уготовано нашему миру, и почему оно до сих пор не произошло?

Теэтет. Спасение, Федон, это то, о чем говорится во всех культурах и у всех пророков с незапамятных времен. Конечно, идея спасения не всегда и не у всех понимается одинаково. Есть понимание совсем примитивное. Это спасение от голода, холода, врагов, болезней и тому подобных напастей. Спасаются от них, помимо естественных способов, молениями, жертвоприношениями, и, зачастую, довольно сложными ритуалами умилостивления богов. Дальше. Догматические религии (иудаизм, христианство, ислам) обычно заманивают к себе клиентов (неофитов) раем и запугивают их адом. Рай в таких религиях и есть спасение; ад же в этих религиях хорош тем, что представление о нем, о его ужасах, смягчает остроту ужасов действительных. В основном этим религии и хороши.

В религиях, признающих метемпсихоз (индуизм, буддизм), душа стремится спастись от повторного воплощения, которое считается очень нежелательным, и, с другой стороны, коль уж воплощения не избежать, старается, чтобы воплощение было как можно более благоприятным. Спасением в этих религиях считается прекращение перевоплощений.

Возможно же это только после окончательного освобождения (мокша в индуизме) или перехода в нирвану (буддизм).

Федон. Так, что же ты открыл нового, Теэтет, кроме каких-то довольно непонятных сложностей, о которых ты толкуешь? Спасение давно открыто и всем известно. Насколько я понимаю, в этих великолепных системах, каковы индуизм и буддизм, разработаны методики, упражнения, разобраны все условия совершенствования и продвижения души к своему освобождению и спасению. Что же за Америку открыл ты?

Теэтет. Видишь ли, Федон, я в свое время усомнился в действенности этих методов, хотя и вполне добросовестно

испробовал их на себе. То, что рассказывается об освобождении — еще не освобождение, и то, что рассказывается о спасении еще не спасение.

Сколько ни было спасителей, ни один еще мир не спас. Надеюсь, с этим ты не станешь спорить?

Федон. Послушай, Теэтет, мир в целом не должен и не может спастись[40]. По крайней мере, так вот сразу.

Теэтет. Сразу не получается. Ну, по моим расчетам это может произойти… может занять…

Федон. Нет, я не это хотел сказать. Я имел в виду, что душа спасается, пройдя предназначенный ей путь, очистившись, отстрадав, прозрев, уверовав в истину, постигнув ее, только после этого она становится достойной спастись и соединиться с Богом. Ты же говоришь, что мир может спастись весь и сразу, во всяком случае, так я понял из твоих записей и слов.

Теэтет. Ты понял правильно. Более того, я считаю, что миру, чтобы спастись, никакой подготовки вовсе не надо, и души — все и всегда — уже вполне готовы к спасению, чтобы они собой ни представляли.

---

[40] *…мир в целом и не может спастись*. – Федон высказывает очень распространенное воззрение, давно ставшее общим местом. В сниженном виде и довольно забавно его выразил как-то известный музыкант Б. Гребенщиков. В одном интервью он сказал, что Россия не может стать нормальной, процветающей, благополучной страной потому, что она *самим Богом* предназначена, для того чтобы в ней воплощались люди с дурной кармой и таким образом в ней страдали. То есть Россия, получается у него, некий постоянный и локальный буддистский ад, пожалуй, что и не очень суровый, т. к. буддизм вообще религия не суровая. Сходным образом смотрят Высшие Адепты (большинство из них) и на все бытие в целом, представляя его, как некий питомник или горнило, из которого мы должны выйти закаленными и преображенными для каких-нибудь новых еще более суровых испытаний. Кажется, еще и Чжуан-Цзы говорит, что кузнец раскаляет железо в горне и бьет его не для того чтобы наказать за что-либо, а чтобы улучшить его качество. Предположения такого рода встречаются и у Л. Толстого.

Федон. Как?! И преступники, и мерзкие похотливцы, и подонки всех мастей так же готовы к спасению, как и святые, достойные люди?

Теэтет. Вероятно, ты полагаешь, что перед спасением их надо как следует помучить, отомстить им за все их кунштюки, а потом уж посмотреть, спасать их или не спасать?

Федон. Ты можешь иронизировать, сколько хочешь, но если серьезно, то да, я думаю именно так.

Теэтет. Да, ты не одинок. Этой логикой пользовались не только католики со своей инквизицией, но и другие вполне благочестивые люди. Некоторые из них даже не христиане.

Не обижайся, но это воззрение, без сомнения, следствие все той же твоей (и их) веры в благого Бога. Хотя и странно как-то, что благой Бог может хотеть наказывать и истязать тех, кого сам же создал, и, следовательно, не за их, а за свою вину. Для чего бы Ему этого хотеть?

Он проявил нас. Он наделил нас тем, чем мы все обладаем. И если Творец натворил несовершенных, неразумных, несчастных созданий, то это кое-что говорит и о нем самом. Потому-то я и считаю, что идея разумного и благого Бога не выдерживает критики.

Давай возьмем библейскую историю. Бог, разочаровавшись в людях, устроил потоп. Что, после потопа, люди исправились? Это им и в голову не пришло. Так стоило ли затевать дело? А если расширить этот вопрос, то можно спросить: стоило ли вообще создавать человека и мир?

Я в какой-то книге прочитал, что горшок не может спрашивать горшечника: «Зачем ты меня создал?» Горшку незачем спрашивать, потому он и не спрашивает. Но мы-то можем. И даже обязаны перед своим разумом и духом это делать.

Все неразвитые души, вся вечно существующая армия ничтожеств, подонков, негодяев, злодеев и идиотов не должна ждать пока неимоверные страдания в мириадах воплощений усовершенствуют их настолько, чтобы они стали добряками и

могли, наконец, спастись. Очевидно, что это и невозможно. Вечность уже прошла, а мир все такой же, как и был, и наполнен все тем же содержимым. Нет, спасение мира не может зависеть от частных действий и переживаний отдельных личностей, сколь бы прекрасными и значительными они не были, событие это должно быть и будет совершенно иным.

Знаменитый Ангелус Силезиус[41] сказал: «Дело мудрого стать Богом, дело глупого остаться в хлеву со скотиной». Я бы сказал по-другому: «Когда мудрый станет Богом, то останется только Бог, а скотина, кстати, вместе с хлевом, исчезнет без следа, как будто ее никогда и не было». По-другому, хотя и тоже иносказательно, ту же мысль можно выразить как: «Когда Бог станет мудрым».

Федон. Но, Теэтет, ты же не станешь отрицать, что уже было немало мудрецов, великих йогинов, которые завершили путь, слились с Богом или стали Богом, можно сказать и так, и эдак? Они спасли себя, а некоторые из них даже не ушли от нас к Богу или в нирвану, а остались здесь в мире, для того чтобы помочь оставшимся тоже спастись. И никто из них не говорит, что мир может спастись полностью и таким, какой есть. Каждый идет к Богу сам, своим путем, и, приходя к нему, тем спасается. Ты возмущаешься злом и несовершенством мира, но нельзя ли посмотреть на это как на условия, которые неизбежны, для того чтобы могло наступить спасение. Тот же, кто не преодолел каких-то этапов совершенствования, не сделал себя

---

[41] *…Ангелус Силезиус.* – **Ангелус Силезиус (1624-1677)** – выдающийся немецкий поэт-мистик. Произведение Силезиуса, снискавшее автору посмертную славу, «Ангельский паломник» оказало сильное влияние на многих немецких поэтов, и даже на Шопенгауэра, и было признано одним из самых замечательных проявлений свободного от каких бы то ни было условностей мистицизма. [2, с. 18] Вот два образца его прозрений: «Я знаю, что без меня Бог не сможет прожить и мгновения. Уйди я в небытие, и он перестанет сушествовать». «Я сам – Вечность, когда я покидаю время и пребываю в Боге, а Бог – во мне» [там же].

божественным, спастись никак не может. А тем более странно представить, что кто-то может это сделать за него.

Теэтет. Просто не знаю, с чего начать. Я, наверное, перескочу через некоторые пока второстепенные твои вопросы, и начну с главного. Прежде всего, скажу тебе, что я думаю о Великом Индивидуальном Освобождении. Для себя высоко продвинутых личностей: Махатм, Великих йогинов, дживанмукт (в индуизме — душа, достигшая освобождения при жизни), Будд и т. п. я называю Высшими Адептами. Это личности, достигшие вершины развития своего сознания и вследствие этого — просветлевшие. Высшие Адепты полагают, что они могут слиться с Богом, Абсолютом, Первоначалом, уничтожить свою низшую, «земную» природу и тем спастись. Я же утверждаю, что все Высшие Адепты, которые сделали это, т. е. пошли на деперсонализацию, уничтожение своей индивидуальности ради высшей цели слияния с Абсолютом, ни к Богу, ни в рай, ни в нирвану не попали и вообще не спаслись.

Федон. Вот это да! Как же так?

Теэтет. Они не спаслись, потому что этим способом спастись нельзя.

Федон. Будда, Христос, тиртханкары, Миларепа, Атиша, Ошо[42] и еще тысячи тысяч не спаслись?! Ну, и ну! Так, где же они?! Что с ними тогда?!

---

[42] *Будда, Христос, Тиртханкары, Миларепа, Атиша, Ошо…* — **Тиртханкары —** двадцать четыре великих учителя, основавших религию джайнизма. Джайны не верят в бога. Они чтут основателей своей религии, которых считают освобожденными душами, пребывавшими когда-то в зависимом состоянии, но затем, благодаря собственным усилиям, ставшие свободными, совершенными, всеведущими, всемогущими и всеблаженными [21. с. 72].

Миларепа, Атиша – великие йогины, просветленные, выдающиеся деятели тибетского буддизма начала второго тысячелетия нашей эры.

Ошо – Бхагаван Шри Раджниш (1931-1990) – выдающийся мистик и учитель XX века, просветленный.

Теэтет. Я хотел спросить об этом тебя, но если ты спрашиваешь меня, я тебе отвечу: да, это — величайшие из великих, великие герои. И многие из них слились с Абсолютом. Но, пойми, Абсолют — не Бог. В нем нет благородства, в нем нет справедливости, он не ценит преданности и достоинств, не признает никаких заслуг, он не вознаграждает за страдание и подвиг. Он нем и слеп. Я могу только сожалеть о тех Высших Адептах, которые не увидели этой опасности и деперсонализировались, не выполнив своей миссии. К сожалению, это так, Федон.

Федон. И Будда не выполнил своей миссии?!

Теэтет. Федон, пойми меня правильно. Я не говорю о последствиях деятельности Высших Адептов в нашем мире. Тут им честь и хвала. Я говорю об их личной судьбе и судьбе мира. Высший Адепт рождается, создает себя в муках. И смысл, и цель его существования — в совершении Великого Делания[43]…

Федон. Но разве все эти Высшие Адепты не совершили Великого Делания, став тем, кем они стали? Они же освободились!

Теэтет. Нет, Великое Делание не заключается в том, чтобы стать Высшим Адептом и освободиться самому. Великое Делание заключается в том, чтобы спасти мир и тем самым всех чувствующих существ.

Федон. Хорошо. И где же эти адепты теперь?

---

[43] *...в совершении Великого Делания* – **Великое Делание –** по Теэтету это некий мистический акт, в результате которого произойдет спасение мира. Делание это должно быть совершено специально подготовившим себя к этому Высшим адептом, особым образом настроившим свое **намерение** на его совершение. Просветляющий принцип, воплощенный в Высшем Адепте, должен проникнуть за грань, разделяющую Проявленное бытие от Непроявленного, и произвести просветление в самом Высшем Первоначале. Теэтет считал, что это только кажется абсурдным и невозможным. На самом же деле всё Проявленное бытие пронизано очевидными знаками, указывающими на желание этой «неисследимой бездны» просветлеть и спастись.

Теэтет. Я думаю, они остались только в своих делах и нашей памяти. У них нет никакого иного существования, кроме того, что они присутствуют в нас в той степени, в какой в нас присутствует всё, весь остальной мир.

Федон. Ну и ну!

Теэтет. Я не сказал тебе, Федон, пока еще о тех Высших Адептах, которые не стали уходить к Богу, а остались в мире. Чтобы ты сказал, если бы узнал, что многие из знаменитых материалистов и агностиков, выдающихся нигилистов и даже политиков когда-то тоже были Высшими Адептами?

Федон. Что это тоже странно. Как Высший Адепт может начать валять дурака или отказаться от обретенного им знания и своего высшего предназначения?

Теэтет. И, тем не менее, это происходит. Высший Адепт это — цель и венец работы Проявленного бытия. Задача его совершить Великое Делание. Если же он не совершает его, а совершает акт индивидуального спасения, то он деперсонализируется, стирается из мира, просто исчезает. Если же он остается, то вынужден действовать в относительном мире. Мир этот, сам понимаешь, не сахар и посылает против такого адепта все возрастающие и весьма могущественные силы с целью погубить его. Происходит это по общему принципу дуальности этого мира и определяемой ею перманентной борьбы противоборствующих начал. В конце концов, адепт деградируетет, и, фактически, это тоже его гибель как Высшего Адепта.

Федон. Ну, хорошо, а в чем же должно заключаться это Великое Делание, и почему все-таки никто его так и не совершил?

Теэтет. Я еще не закончил про адептов, но я запомню этот твой очень важный вопрос. Мир полон деградировавших адептов. Жизнь души — это не только восходящий путь, но и нисходящий. Ну не странно ли, что бывали выдающиеся личности с самыми удивительными пороками и дефектами? Меня всегда поражают невиданные гении, которые, совершая

титанический труд, одаривая человечество поразительными откровениями и открытиями, несут на себе след какой-то фатальности, скорби и несчастья. Скажем, Парацельс. Он великий ученый, маг, но он и пьяница, дебошир, погибший в пьяной драке, и не в юном возрасте, а в 48 лет. По другой, правда, версии он был убит врагами и завистниками — тоже странная судьба для Высшего Адепта. Парацельс открыл аспирин. Как он узнал, что под корой ивы находится вещество, излечивающее от инфекционных болезней?

Федон. Ну, он мог просто знать, что ива, кора ее, используется при некоторых болезнях.

Теэтет. Я думаю, он использовал свои сиддхи[44]. Аспирин — это мелочь. Его жизнь изобилует совершенно невероятными событиями, которые, тем не менее, вполне достоверны.

Парацельс — только один из примеров. Ибн Сина с юных лет поражал всех своей ученостью. Он написал трактат по медицине, который в течение столетий был основным учебником в европейских университетах. Откуда у него эти знания? Почему нет никакой информации о его учителе? Очевидно, что его нет, иначе он был бы не менее славен, чем ученик.

Леонардо да Винчи жил свою жизнь так, как будто скрывал, но так и не смог скрыть свою почти

---

[44] *…он использовал свои сиддхи.* – Теэтет часто использует термины, взятые из разнообразных мистических учений востока и запада, справедливо полагая, что они прочно вошли в обиход современного мира. Федон, разумеется, тоже отлично их знает. *Сиддхи* (санскрит.) – успех, способность, приобретенная йогической или, шире, любой духовной практикой. Наиболее распространенными сиддхи являются: ясновидение, телепатия, телекинез, способность влиять на других, способность к астральной проекции и другие магические способности. В йоге считается, что надо избегать использовать свои сиддхи, которые уводят йогина с его прямого пути к цели – освобождению. В случае Парацельса и других, которых упомянул Теэтет, то их творчество, познания – следствие, чаще всего, ясновидения.

сверхчеловеческую сущность. Особо поражает, что наряду с удивительными откровениями, в его записях встречаются и весьма плоские и просто глупые мысли.

Высшие Адепты, остающиеся в мире, становятся учителями человечества, учеными, философами, мыслителями, великими художниками. Зачастую, почти всегда, они не помнят прямо о своем прошлом выборе и прошлых достижениях, но сплошь и рядом бывают одержимы какими-то подспудными переживаниями и воспоминаниями. Степень деградации может быть здесь самой разной. Среди деградировавших Высших Адептов бывают и заурядные филистеры, и маги самых разных направлений и традиций, и Великие Души, вновь вступившие на восходящий путь. И, что характерно, многие из них призывают своих ближних и, видимо, и самих себя именно к освобождению, обожествлению души, к слиянию с Богом, то есть к тому, чего они сами некогда благополучно избежали. Они основывают религии, становятся великомучениками, подвижниками. Становятся, зачастую, совершенно невозможными ортодоксальными фанатиками как Лютер, Кальвин или Робеспьер, либо делаются ханжами. Ими становятся и потерпевшие крушение черные маги, в прошлых воплощениях хулиганствовавшие и кощунствовавшие вовсю.

Федон. Вроде твоего любимчика Кроули?

Теэтет. Он не исключение, и это всё — деградировавшее Высшие Адепты. Я никого не осуждаю, я констатирую факт. По большому счету от таких деградировавших Высших Адептов пользы для Великого Делания, да и вообще, больше, чем от тех подвижников, которые выбрали индивидуальное спасение и растворились в нирване или «слились с Богом». (Они, фактически, погибли более основательно, чем те, кто просто деградировал.)

Федон. И, что же, Теэтет, среди Высших Адептов разве нет таких, которые не деградировали бы? Я вообще-то не отрицаю самой возможности деградации для отдельных личностей, но думаю, что обязательно должны быть и такие,

которые не поддадутся никаким ударам и кто не станет деградировать.

Теэтет. К сожалению, обычно, безупречные воины[45] плохо кончают. Они погибают. Это, зачастую, — благородная гибель, но гибель. Развивая мою мысль можно утверждать, что путь деградации Высшего Адепта — естественный путь: тот, кто достиг конца пути, естественно поворачивает назад. Ну, нельзя же все время толочься на одном месте? Что-то же надо делать? И, рано или поздно, происходит проигрыш в «божественной игре» и, как следствие, деградация. Всё это происходит потому, что традиция Высших Адептов до сего момента не осознавала до конца того, в чем же заключается Великое Делание. Пожалуй, она даже и не так уж часто приближалась к истинному пониманию. Ты только вспомни, в чем его полагают, Это и бессмертие в теле, и вечная молодость, приобретенная при помощи философского камня, и трансмутация элементов (для чего она Высшему Адепту?), это и духовный прогресс, и духовное совершенствование как цель сама по себе. И все это — не то. Конечно, сам акт индивидуального спасения походит на

---

[45] *…безупречные воины…* — термин взят из книг К. Кастанеды, в которых не исключается гибель или неудача «безупречных воинов», то есть тех же Высших Адептов. Некоторые же из них, пройдя мимо «орла» попадают в царство «абсолютной свободы», в каковом, по-видимому, вечно и пребывают. В учении Кастанеды (точнее, излагаемом Кастанедой) легко прослеживаются элементы характерные для большинства мистико-философских систем: совершенствование Адепта, совершение им Великого Делания в виде акта индивидуального спасения, благоволение бога – «дар орла» – в награду за усилия, индивидуальное окончательное освобождение в виде обретения вечного бытия в «царстве абсолютной свободы». Книги Кастанеды действительно глубоки и хорошо написаны. Они, безусловно, являются прекрасным подспорьем и инструкцией для тех, кто стал на путь совершенствования и мудрости тольтекских магов. У Теэтета есть в бумагах черновик статьи о Карлосе Кастанеде, в котором он, отдав ему должное, подвергает критике сам его метод спасения как недейственный.

Великое Делание, но, как я уже объяснял, это — ошибка, заблуждение. В этом акте «слияния с Богом» Высший Адепт, в своей экзальтации, видит себя вечным, божественным существом. Восклицает, как Халладж[46]: «Я есть истинный! Мое я — Бог!» Или же расплавляется на божественном огне, как Ангелус Силезиус: «Я хочу расплавиться на божественном огне, чтобы Бог мог оттиснуть на мне свою печать». Они верят, что, спасая себя, они спасают мир. И, действительно, для них мир исчезает, для них он как бы спасается. Наверное, перед тем, как окончательно угаснуть, «как пламя светильника, в котором иссякло масло[47]», они видят мир растворяющимся в нирване, как растворяются в ней они сами. Но мы-то знаем, что мир все там же и такой же, что и был. Я полагаю, что нельзя изменить следствие, не изменив причины, его породившей. Наш мир, Проявленное бытие, порождается Непроявленным бытием,

---

[46] *…Халладж…* — великий мистик исламского мира, **Абу Абдаллах Хусейн ибн Мансур (857-922)** прозванный аль-Халладж – «чесальщик». Был официально обвинен в богохульстве за свое знаменитое утверждение: «Я есть истинный, мое я – бог!». Он творил чудеса и дошел до того, что потребовал предать смерти «этого смутьяна, провозгласившего себя единым с Аллахом», имея в виду себя самого. В конечном итоге с ним и произошло то, к чему он призывал. 26 марта 922 г. Халладж был публично высечен, подвергнут пыткам и повешен, а на следующий день обезглавлен. Его тело было сожжено, а пепел брошен в Тигр. [2. с.293] Халладж ярчайший пример Высшего Адепта пошедшего до конца, но не в ту сторону. Эти бы силы, да в нужное русло. Истина проста. Халладж безгранично и беззаветно верит в Аллаха, как единственный принцип высшего смысла и разумности, и ради него уничтожает себя. «Когда Аллах берет сердце, Он изымает из него все, что не есть Он Сам» [там же], — в этом весь Халладж, и ведь он не понимает, что этими словами он утверждает, что в мире существует нечто такое, что не есть Аллах. Но, что же это такое? Откуда оно взялось? И может ли вообще в мире быть что-то кроме Аллаха? Халладж безмолвствует, а Теэтет стоит на своем: всё есть Единое, всё берется из Единого, ничего, что не принадлежало бы Единому Первоначалу, в мире нет.

[47] *...«как пламя светильника, в котором иссякло масло»...* — фраза из жизнеописания Будды, описывающая его переход в нирвану.

слепым и бессознательным фатумом. Пока он таков, ничьи экстатические восторги, «слияния с Богом», «индивидуальное освобождение» ничего в положении дел поменять не могут.

Далее. Слепота и бессознательность Первоначала не может быть чем-то абсолютным и окончательным, как это представлялось, скажем, Шопенгауэру[48]. Если бы это было так, то оно бы вечно оставалось неизменным само в себе и не породило бы ничего. Но это не так. Оно породило живое, движущееся, страдающее, но и развивающееся бытие, и тем самым оно показало, что и для него самого существует возможность внутреннего движения и трансформации.

Шопенгауэр говорил, что появление индивидуума — ошибка специализации. Не знаю можно ли это назвать ошибкой (кто ошибся и как, и как можно ошибиться, не обладая сознанием?), но я ясно вижу, как все бытие вопиет: «Хочу спастись, хочу прозреть, хочу стать Богом». Блаватская где-то написала, что каждый атом во вселенной стремится стать Богом[49]. Все религии, мистические движения, духовные подвиги основаны на самом деле не на вере в Бога, существуют не вследствие Его повеления и под Его мудрым руководством, как очень многие ошибочно думают, а потому, что Он НУЖЕН. Так часто и говорят некоторые деградировавшие Высшие Адепты с самой непосредственной наивностью: «Если бы Бога не было, то его следовало бы выдумать» (Вольтер), «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» (Ф. М. Достоевский, «Бесы»). То, что сейчас понимается под Богом — не Бог, это — мечта о Боге,

---

[48] *...представлялось, скажем, Шопенгауэру.* — Смотрите Приложение III о Шопенгауэре.

[49] *...каждый атом во вселенной стремится стать Богом.* – У Блаватской сказано: «Человек, как и каждый атом во Вселенной, стремится стать Богочеловеком и затем Богом» [20, т. 1, с. 200]. Осмеянная миром Елена Петровна Блаватская была Высшим Адептом высокого уровня. Именно с неё начинается современный мистический ренессанс. Такой же причудливый, какова была и она сама.

а не Бог. Высшие Адепты это прекрасно знают. Веданта, Каббала, неоплатоники, гностики в один голос и почти в одних и тех же словах говорят о невозможности определить бога, приписать ему те или иные предикаты. И потому, Федон, Иоанн Скот Эриугена[50] отнюдь не софист, как ты думаешь, а великий интуит, прозревший, что «бог не знает о себе, что он есть, потому что он не есть никакое “что”».

Федон. Теэтет, ну, а как же все-таки божественные проявления, гармония мира, чудеса, в конце концов?

Теэтет. Это, Федон, особенности и свойства Проявленного бытия. В отличие от Начала Начал, от Айн Соф Аур[51], Парабрахмана и т. п. проявленный мир не един, а дуален. Суть его двойственна, затем тройственна, а потом множественна. Множество возникает из двойки, а не из единицы. (Как двойка получается из единицы, т. е. Проявленное бытие из Непроявленного бытия понять нельзя.) Таков уж Факт. И вот эта двойственность порождает уже все. В нашем двойственном мире может быть, что угодно. Любые чудеса, как и любые научные открытия.

Проявленное бытие, усложняясь и развиваясь, порождает, в конце концов, разум и сознание — свою вершину и венец. Проявленное бытие появляется уже с законами, его организующими (регулятивный принцип[52]). Это не только

---

[50] *…Иоанн Скот Эриугена…* — см. примечание 13.

[51] *…Айн Соф Аур…* — В Каббале последний из трех покровов непроявленного. «Каббалисты выделяют четыре уровня явного и три уровня непроявленного, или Скрытого Бытия. Первый из трех назван Айн, Скрытый; второй – Айн Соф, Скрытый Безграничный; третий – Айн Соф Аур, Скрытый Безграничный Свет»[34, с. 45]. (Дион Форчун, «Мистическая Каббала».)

[52] *…регулятивный принцип…* — Регулятивный принцип явно стоит за пределами добра и зла, то есть практически определяет и то, и другое, как и все в мире. В догматических религиях этот принцип обожествляется в виде Творца, Бога-Отца, Троицы и т. п. и наделяется приверженностью к «добру». В противоположность этому Гностики возлагают на Демиурга (т. е. тоже регулятивный

законы химии, физики или механики. Это все законы вообще. В том числе законы развития, борьбы, законы гармонии, разума, сознания, совершенствования и т. п. Всех не перечислить, да и незачем.

Забавно, что ученые воображают, что мир должен подстраиваться под их любимые теории и постулаты, и потому, например, напрочь отрицают возможность чудес, не замечая, что самое, что ни на есть первостатейное чудо — наш мир — у них постоянно перед глазами. Ну и что из того, что некоторые закономерности постоянно повторяются? Принцип Оккама и тому подобное — это только наши интеллектуальные уловки. На самом деле в мире из любых законов могут быть какие угодно исключения — чудеса — потому что сам мир — не что иное, как фатальный произвол. Если бытию нужны чудеса, оно их производит. Для него «всё возможно», для него, а не для Бога, как утверждают верующие. Это именно то, о чем ты спрашивал. В твоем вопросе содержится как бы довод в пользу существования в мире разумного и благого Творца. (Это именно тот довод в пользу доказательства бытия божия, который, опроверг И. Кант, в виде физико-теологического доказательства бытия божия, существующего в догматическом богословии.) Да ведь я ничего такого и не отрицаю. Я только утверждаю, что этот Творец (Демиург) совсем не Бог и за Бога принимается ошибочно. Это некий регулятивный принцип, организующий те или иные формы и законы существования мира, но никакой власти ни над самим собой, ни над самой возможностью бытия или небытия мира не имеющий. Короче, это — не Бог.

Что же дальше? «Воля в своей объективации, чем бы она ни была, доходит до самопознания, в силу чего возможно ее

принцип) ответственность за все зло мира. Последовательнее всего в этом вопросе, видимо Зораастрийцы, откровенные дуалисты, признающие два абсолютно первые начала – доброе и злое. На самом деле регулятивный принцип порожден Единым Первоначалом, и потому вторичен.

уничтожение — полный поворот и спасение», — говорит Шопенгауэр. И больше всего мне здесь нравится это «чем бы она ни была». В этом вопросе мы с Шопенгауэром сходимся, а вот в вопросе спасения мира он заблуждается, довольно непоследовательно отстаивая теорию индивидуального спасения. Воле недостаточно самопознания, чтобы осуществить поворот и спасение, хотя это и является непременным условием последнего. Поворот и спасение должны произойти вследствие просветления именно Первоначала в результате Великого Делания.

Из того факта, что породившее проявленный мир начало не является Богом в общепринятом понимании, совсем не следует, что Проявленное бытие не обладает определенной гармонией, системой, духом, разумом и сознанием. Но эти вещи совсем не божественны. Это свойства Проявленного бытия, реализовавшиеся в нём в процессе его развития. Насколько Проявленное бытие материально, настолько же оно и духовно, насколько гармонично, настолько же и дисгармонично, насколько добро, настолько же и зло. Проявленное бытие устроено так, что в нем естественным образом реализуются его духовные потенции, как, впрочем, и антидуховные. Ты, наверное, замечал как люди, вставшие на духовный путь, стремящиеся к Богу, совершенствованию, совершенно неожиданно для всех, а, может, и для себя, погружаются в дрязги, нетерпимость, начетничество, затевают какие-то астральные войны, обвиняют друг друга в демонизме, т. е. служении дьяволу, и т. п.? О каком дьяволе они говорят? Никакого дьявола не существует, как не существует и Бога. Есть противостоящие друг другу тенденции, собственно и образующие мир и проявляющиеся в нем и в малом, и в великом. Экстраполяция в воображении этих тенденций в бесконечность и порождает у недостаточно развитых людей ложные представления, о породившем их мудром и добром Боге, обладающем позитивными качествами в превосходной

степени, и — о противостоящем ему дьяволе — принципе абсолютного зла.

В некоторых мощных религиозных эгрегорах[53], в результате многовековой энергетической подпитки, возникают эгрегориальные сущности квазибогов, квазиангелов, квазидемонов, которые для верующих в них вполне заменяют настоящих, которые сами по себе (по крайней мере, в примитивно-фантастическом виде, свойственном мифологиям) не существуют. (Надо ли говорить, что Высшие Адепты влияниям эгрегоров не подвержены.)

Суть эгрегора в том и состоит, чтобы постоянно убеждать своих пассионариев[54] в объективности и истинности составляющих эгрегор представлений. Святые творят чудеса, летают, исцеляют, говорят на никогда не изучавшихся ими языках, спокойно идут на муки и смерть. Все это им обеспечивает их эгрегор. Забавно, что эгрегор, как правило, заинтересован в своих членах только до тех пор, пока они живы и могут давать ему энергию или работать на него. После смерти человека эгрегор нередко оставляет своего бывшего члена наедине с самим собой. Для многих это и неплохо. Например, христиане с радостью обнаруживают, что их никто не собирается отправлять на Страшный Суд или в ад. Я думаю, к теме эгрегоров мы еще вернемся.

---

[53] *…религиозных эгрегорах…* — Об эгрегорах см. примечание 15.

[54] *...убеждать своих пассионариев...* — **Пассионарий** — термин, введенный Львом Гумилевым. Означает человека, получающего особую поддержку со стороны эгрегора и потому особенно активно работающего в его интересах. Великие полководцы, великие государственные деятели, великие ученые, подвижники разнообразных учений и религий, все они являются пассионариями тех или иных эгрегоров.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Федон. Теэтет, хотя, благодаря твоим объяснениям, я и вошел в курс дела, вопросы только множатся. Самое большое недоумение у меня вызывает само спасение мира. С одной стороны, я как-то не могу себе представить, что весь наш бесконечный и все-таки материальный мир возьмет вот так вот и в одночасье исчезнет, просто растворится, как вытекает из твоих теорий. А, что особенно причудливо, что произойдет это, фактически, в результате действий некоего человека. Каков бы ни был человек, какой бы он ни был просветленный, крутой Высший Адепт или могущественный маг, но, согласись, странно, что какая-то мошка может претендовать на то, чтобы изничтожить нашу вселенную.

Теэтет. Помнишь притчу про Алистера Кроули, который утверждал, что он знает тайное имя Бога, произнесение которого, может превратить вселенную в прах. Кроули, конечно, был большой оригинал и любил поморочить всем голову, но иногда он говорил удивительные вещи и у него бывали глубочайшие прозрения. Что же касается, Федон, твоего сомнения, то оно вполне законно, хотя ты, я думаю специально, съутрировал и несколько исказил мою мысль. Вселенную, разумеется, человек превратить в прах не может. Ведь и Кроули говорит, что это произойдет с ней только благодаря имени Бога. Вселенная порождается богом, определяется богом и продолжает существовать только по его воле. Я, правда, утверждаю (и тут я далеко не одинок), что это — бессознательный бог и воля его слепа, но то, что бог этот есть и действует, и проявляется в очень сложных и меняющихся формах, я не отрицаю. Только та же воля, что произвела и производит наш мир, так же как начала это делать, может и закончить этот процесс. Но из-за бессознательности, изначальной иррациональности Первоначала само по себе такое прекращение произойти не может. Но оно все-таки может произойти в результате

обратного воздействия Проявленного бытия на Непроявленное.

Я понимаю, тебя смущает как бы исчезающая малость всех нас — разумных, чувствующих, сознательных существ — на фоне грандиозных мертвых пространств видимого мира. Но это — просто, особенность перспективы. Мы ни малы, ни велики. Вселенная настолько же существует в нас, насколько мы существуем в ней[55]. Трансформирующее внутреннюю сущность мира воздействие просто произойдет. Оно не имеет масштаба. Это не воздействие комара на слона. Это скорее можно сравнить с воздействием сперматозоида на яйцеклетку, хотя и это сравнение только приблизительно.

Федон. Теэтет, объясни мне, ради бога, как этот твой Высший Адепт, эта, порожденная нашим миром, сила, вопьется в это Начало Начал, как она попадет в него, да еще и изменит его в принципе? У меня это никак не укладывается в воображении, как я его не напрягаю. То, что лежит в основе нашего мира — Бог (Ты называешь его слепым и бессознательным, а я просто непостижимым.). Как он может стать доступным какому бы то ни было воздействию да ещё в такой степени, чтобы изменилась его сущность? Изменяющийся и подверженный внешнему воздействию Бог? Прости, но это полный абсурд, и я, даже, начинаю думать, что, может быть, ты сошел с ума и одержим навязчивой идеей. Мы с тобой друзья и, даже если ты безумен, я все равно останусь твоим другом, но имеет ли тогда смысл вести нам наши пространные беседы?

Теэтет. Знаешь, Федон, хотя я и понимаю, что ты шутишь, но похожие мысли приходили мне в голову и самому. Как добросовестный мыслитель и исследователь я исследовал свой инструмент. Предлагаю это сделать и тебе. Давай

[55] *…насколько мы существуем в ней.* – В европейской философии наиболее полно и глубоко разобрал этот вопрос Шопенгауэр. См. Приложение III.

теперь, чтобы проверить корректность моих утверждений, вернемся несколько назад и рассмотрим тот же предмет с иных ракурсов.

Есть такое учение — конвенционализм. Оно напоминает в своих выводах дзэн-буддизм. Грубо говоря, оно считает, что все, о чем говорится и, даже более того, все представления и понятия это — результат некоего договора — конвенции. Мы договорились между собой или сами с собой считать, что это — то, а это — то, то — так, а это — так. И потому познание не может открыть нам никакой истины, т. к. варится само в себе и имеет дело только со своими же собственными условными формами. В общем, в этом много верного, но, тем не менее, как не верти, мы до всяких рассуждений знаем, что есть нечто, что порождает в этом мире все сущности. Сущности эти — это все мы, да и весь мир. Мы — это все разумные, сознающие, чувствующие существа. Материальный мир — это поле деятельности всех нас. Мы— духовные сущности, неразрывно связанные, жестко обусловленные внешним миром[56]. Понимаешь, Абсолют,

[56] *…жестко обусловленные внешним миром.* — Зло помещается не только в материи, оно пронизывает все Проявленное бытие. Материя и дух мучают сами себя и во всех формах, от примитивных до сложных. Это не чье-то конкретное зло, а, так сказать, наиболее общая форма, в которой проявляется дуальность мира. В одном английском фильме Дьявол, совершая очередное злодеяние, оправдывается перед жертвой: «Это моя работа, поверь, ничего личного» («Семь соблазнов»). В нашем лице Первосущность мучает сама себя, не в силах постичь, что же с нею происходит, по своей бессознательности.

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю — о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

Первоначало — не дух, духи — это мы. Я вижу, ты хочешь возразить, но дай мне закончить мысль, и может тогда отпадет и твой вопрос. Именно Первоначало порождает оппозицию «дух-материя» или «живое-мертвое». Да и все остальные оппозиции тоже. Но само оно находится за ними и потому ни духовно, ни материально. Дух, духовность — это человеческое, но не «слишком человеческое», а в самый раз.

Духовное развивает материальное. Материальное, материя, развивает дух. И дух развивается, а, фактически, пребывает в условиях жесткого материального прессинга. Осуществись Царство Божие, наступи действительно рай, и дух неизбежно должен застыть. Потому-то я и считаю, что церковный рай — это только искусственная мысленная конструкция, гипостазирующая наивные чаяния простецов о вечном блаженстве и конце страданий[57].

Федон. Но ты же в своей сотериологии[58] обосновываешь в сущности то же самое. Себя-то ты простецом не считаешь? Почему бы, вообще, не воспринимать, выпадающие на нашу долю испытания, страдания только как таковые? Зачем тебе выдумывать окончательное спасение? Это мне напоминает деятельность Свидетелей Иеговы, да и других еретиков христианства, которые выдумывают свое наивное царство

По-моему не может быть никаких сомнений в том, что именно об этом говорит и именно это имеет в виду Ф. Тютчев.

[57] *…о вечном блаженстве и конце страданий.* — Говоря о различии между эзотерикой и экзотерикой, Теэтет как-то привел мне весьма любопытную притчу, рассказанную Яшей А.: «Однажды к Седьмому Патриарху подошел ученик и спросил:
— Учитель, чем отличаются Великие учения от малых?
— С точки зрения малых учений, Бог и Дьявол сидят по разные стороны доски, а мы на ней лишь фигуры. С точки зрения Великих учений, Бог и Дьявол сидят по одну сторону доски, — ответил Седьмой Патриарх» [40, с. 046].

[58] *…в своей сотериологии…* **— Сотериология** – учение о спасении.

Божие, где львы питаются травой и лобызаются с младенцами.

Теэтет. Тут есть принципиальная разница. Я, в отличие от догматиков, ничего не выдумываю. Мое знание это — гносис, и оно непосредственно связано с моей судьбой, с тем, кем я был, и кем являюсь теперь.

Федон. Так, так. Интересно. И кем же?

Теэтет. Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то, был и кустом, был и птицей и рыбой морской бессловесной…

Федон. Короче, Эмпедоклом[59].

Теэтет. Что-то в этом роде. Сказать же я хочу, вот, что. В каждом воплощении доходишь до определенного предела. Страдания, которые движут нас вперед, не испытания: испытывать нас некому и, потому, незачем. То давление, которое мы все испытываем — это давление нашей и всеобщей внутренней сущности, которая устремляет нас вперед и вперед. Мейстер Экхарт[60] сказал: «Быстрейший конь, несущий нас к

---

[59] *Короче, Эмпедоклом.* — **Эмпедокл** (ок. 490 — ок. 430 до н. э.), древнегреческий философ, врач, поэт и чудотворец. В поэме «Очищения» изложил орфико-пифагорейское учение о грехопадении души, ее перевоплощении в тела растений, животных и людей, как наказании и освобождении от «круга рождений» после очищения от скверны [4, с. 796]. Считая себя равным богам, Эмпедокл бросился в кратер вулкана, дабы воссоединиться с ними. Теэтет говорил мне, что такой поступок Эмпедокла не являлся попыткой спастись индивидуально, а, наоборот, споспешествовал его развитию как Высшего Адепта. Вообще, личность и учение Эмпедокла весьма привлекали Теэтета.

В этом месте беседы Федон дает понять Теэтету, что узнал в словах Теэтета цитату из поэмы Эмпедокла [35, с. 307], и намекает, что может быть до того как стать Теэтетом, тот был Эмпедоклом. Кстати, по времени это вполне возможно.

[60] *Мейстер Экхарт* — **Мейстер Экхарт** (ок. 1260-1327 или 1328) — великий немецкий мистик. Экхарт считал, что за «богом» в трех лицах стоит безличный и бескачественный абсолют. Человек способен познавать бога благодаря тому, что в самом человеке есть несотворенная «искорка», единосущная богу [4, с. 793]. Для того

совершенству — есть страдание». Что ж — это верно. Йоги лукавят, когда говорят, что может быть незаинтересованное действие. Это у них эвфемизм такой, обозначающий сознательное отбрасывание всего лишнего и мешающего на пути йогического совершенствования. На самом же деле интерес их ясен — усовершенствоваться и спастись.

Кстати, мне нравятся йоги. Они вводят страдание в рациональнее русло, строят свою жизнь так, что их самоистязания выглядят почти счастьем, а совсем не страданием. Да, йогом я тоже был.

Федон. И ты сидел голый, обросший волосом, в позе лотоса, в чаще леса, свернув пальцы в кольца и закатив глаза?

Теэтет. Да, Федон. Было это давно и не в этой жизни. В йогическом трансе, в медитации могут открываться великие истины. И может быть главная та, что дух — цель мира, но не его причина. Дальше созерцание не идет, но и это понимание в момент постижения воспринимается как вершина знания.

Федон. Но разве это не так? Разве не вершина?

Теэтет. Не так. Почти так, но не так. Я уже говорил раньше и повторю сейчас: духовная практика, сама по себе, не ведет к спасению. Это подготовительный этап, который вполне может закончиться провалом, ошибкой, «индивидуальным освобождением».

Федон. Я уже достаточно хорошо усвоил эту твою идею. Но ведь из нее вполне может вытекать и то, что никакое освобождение в твоем духе вообще невозможно?

времени, в которое жил Экхарт, это были очень смелые мысли. Экхарт очень смел и глубок в своих мистических прозрениях, но все-таки он был далек от того чтобы усомниться в извечной божественной мудрости и фатальной неизбежности существующего мироустройства. «Отрешаясь от своего «Я», соединяясь с божественным «ничто», человеческая душа становится орудием вечного порождения богом самого себя» [4, с. 793]. Это действительно так и происходит, но не пора ли всей этой суете наконец уже и закончиться?

Теэтет. Что ж, я знавал Высших Адептов, которые возмущались самой постановкой вопроса о страдании. Да, низшие существа что-то такое неприятное испытывают, средние, с увеличением чувствительности, страдают, но это им необходимо для продвижения, а мы, Высшие Адепты, нашли решение, мы вышли из этого, не могу сообразить, как это назвать, ну, скажем, деспотизма, что ли, природы над живыми существами. Мы свободны от страданий и несовершенства. Но это не так. Нет таких Высших Адептов, которые не подпали бы, в конце концов, под безжалостные жернова Проявленного бытия. Конечно, они долго могут поддерживать в себе иллюзию своего выхода из колеса сансары, но на самом деле они никуда не выходят. Нет, есть, конечно, индивидуальное освобождение, но я уже объяснял тебе, что для Высшего Адепта — это катастрофа. Есть еще истинный выход: Великое Делание. Его пока не совершил никто.

Федон. Теэтет, а нельзя ли допустить, что Великое Делание все-таки могло быть совершено некими Высшими Адептами, и они при этом не деперсонализировались, как ты утверждаешь, а действительно освободились?

Теэтет. Сначала я закончу ту мысль. Спасение возможно потому, что именно этого только и хочет бытие. Это его суть. Почему же спасение не произошло до сих пор? Давай, я объясню это тебе чуть позже.

То псевдо великое делание, о котором ты, наверное, спрашиваешь, действительно сплошь и рядом происходит, но не является истинным спасением; во-первых, потому что мир-то остается не спасенным, а, во-вторых, потому, что Высший Адепт при нем, хотя и сохраняет индивидуальность (и как бы застывает на некоторое (иногда очень продолжительное) время, думая, что освободился навсегда), навсегда не освобождается. Энергия его рано или поздно заканчивается, и он оказывается опять перед теми же самыми проблемами. Это редкая и

возвышенная техника, но, увы, тщетная[61].

Федон. Теэтет, ты постоянно говоришь о Высших Адептах, об ошибках их, о Великом Делании. Мне не вполне ясно, относишь ли ты себя к Высшим Адептам, и, если относишь, то почему сам не совершаешь Великое Делание, не выполняешь своей миссии?

Теэтет. Да, Федон, я являюсь Высшим Адептом. Судьба моя, кстати, типична. Высшим Адептом является тот, кто просветлил свои внутренние структуры и овладел ими в совершенстве. Что касается меня, то мне довелось в нескольких прошлых жизнях довольно основательно продвинуться по пути деградации. Дошло даже до того, что я на довольно долгое время забыл, что я Высший Адепт. Потом откачка в обратную сторону вывела меня опять на дорогу прогресса, я стал совершенствоваться, многое вспомнил. И тут я впервые осознал, что я повторяю этот процесс, видимо, далеко не в первый раз. Я стал разбираться в основах, изучать свой и чужой опыт. Поскольку я уже значительно продвинулся вперед, то у меня появились и значительные для этого возможности. И вот тут-то я и сделал свое открытие.

Однако осуществить сам Великое Делание сейчас я не могу, потому что деградация отняла у меня очень много энергии. Сейчас я как бы восстанавливаюсь после тяжелой болезни.

Федон. Мне кажется, — ты в отличной форме. И я не помню, чтобы ты когда-нибудь болел. Да, и вообще тебе, кажется, еще не так много лет.

Теэтет. Я имею в виду деградацию в прошлых жизнях. Эта жизнь, действительно, у меня очень благоприятна. В прошлой жизни у меня произошел поворот, а в этой меня ведет инерция того поворота и усилия этой жизни. Свою миссию я пока вижу в том, чтобы обосновать и изложить свое открытие, довести его до сведения Высших Адептов. Мне совершенно не важно, какой

---

[61] *…но, увы, тщетная.* — Скорее всего, Теэтет имеет в виду тольтекские магические техники, описанные К. Кастанедой.

Высший Адепт совершит Великое Делание. Было уже очень много Высших Адептов, которые вполне могли его совершить. Когда-то и я был способен на него, но тогда я не знал, не понимал, что это такое. Как, кстати, этого не понимает пока весь мир[62]. Вот тебе и объяснение, почему спасение мира до сих пор не произошло.

Федон. То есть ты хочешь сказать, что ты сообщишь Высшим Адептам свое открытие, и кто-то из них — могучий и совершенный — совершит Великое Делание и спасет мир?

Теэтет. Да. Препятствия здесь могут быть только чисто технические.

Федон. Теэтет! Этого не может быть! Да, ведь прошла вечность до тебя. До тебя в мире существовало уже множество Высших Адептов. Наверняка они додумывались до того, до чего додумался ты. Но спасения мира не произошло. Не говорит ли это о том, что оно не произойдет никогда. Я не знаю что, но что-то не допускает этого и, по всей видимости, не допустит никогда.

Теэтет. Этого *чего-то*, что не допускает якобы спасение мира — нет и никогда не было. Бытие хочет и может спастись, а, стало быть, и спасется. Всё в нем этого только и жаждет. Ты,

---

[62] *...этого не понимает пока весь мир.* — Величайшей мудростью Веданты считаются Упанишады. Признаны они и мировой мистической мыслью как потрясающей глубины откровение. И по праву — это в них все есть. Но вот, что говорится, скажем, в Катха-упанишаде: «Отверстия (уши, глаза и т. д.) наружу просверлил Самосущий, поэтому видят то, что снаружи, а не внутреннее Я. Мудрый, жаждущий бессмертия, обращает взор внутрь и зрит атмана». Разумеется, — это великие слова. Какой гигантский путь должен пройти Адепт, что бы это понять и так выразить? Однако в них же заключено и великое заблуждение. Ведь последние слова показывают, что речь идет об освобождении, которое здесь названо «бессмертием». «Мудрый», то есть Высший Адепт, «обращает взор внутрь и зрит атмана». Иначе говоря, осуществляет индивидуальное освобождение.

вероятно, удивишься моему объяснению, я сам ему сначала удивился, но я так ответил себе на этот вопрос: в этом относительном мире все когда-то происходит в первый раз, а спасение может произойти только в первый и последний, иначе это не спасение. Время, пространство, причинность — это только формы, которые обеспечивают возможность осознания бытием самого себя, да этому способствует и все его существование, мы уже как-то говорили об этом. Никакое бытие никакую вечность не существовало — это только так представляет нам наш компьютер, наш интеллект. Первоначало породило Проявленное бытие, и оно существует и будет существовать столько, сколько понадобится, чтобы породить мессию и спастись (Может вся вечность бытия — это только один миг от его появления до спасения.). После спасения Проявленное бытие перестанет проявляться, а само Первоначало перейдет в некое **иное качество непроявленности**, нежели до начала проявлений, в такое состояние, которое исключит возможность нового появления Проявленного бытия. Из того, что я тебе сказал, следует странный, но непреложный вывод: открытие мое сделано впервые и будет обнародовано тоже впервые. Теоретически, конечно, можно допустить, что открытие это уже делалось, когда-то до меня, но по какой-то причине утерялось до того, как стало общеизвестно, а сделавший его Высший Адепт внезапно деградировал (Может, это был я или ты.).

Это новое знание, конечно, потребует некоторого времени, чтобы быть осознанным и преодолеть, естественные для имеющейся ситуации, препятствия. После же его осознания Высшими Адептами, неизбежно одним из них будет осуществлено Великое Делание, и мир, это наше великое проявление, *закончится.*

Федон. Что это за мессия, о котором ты сказал, что он спасет мир? Один мессия, Иисус Христос, уже был, но ты же считаешь, что его миссия провалилась, и он никого не спас…

Теэтет. Высшего Адепта, который совершит Великое

Делание и тем спасет мир, я, может несколько шутливо, называю обратным мессией. Традиционный (прямой) мессия, такой как Христос, приходит от Бога; он приходит в мир, чтобы возвестить спасение, даруемое миру Богом. Обратный мессия уходит к Богу, чтобы спасти Его Самого, спасти от Его темноты и бессознательности. Происходит просветление Первоначала, и Бог нарождается. И тогда есть Бог, а мира нет. Пустомеля Ницше[63] напрасно говорил, что бог умер, — он еще и не рождался, а, родившись, умереть не может.

Федон. Ну, почему все-таки Бог должен уничтожить мир? Не достаточно ли просто уничтожить в нем зло и несовершенство, вместо ада сделать рай? Впрочем, я и сам могу уже ответить на этот вопрос. Миссия этого мира будет выполнена, и дальше ему существовать незачем.[64]

---

[63] *Пустомеля Ницше…* — Теэтет не плохо относился к Ницше, и пренебрежительный отзыв его относится скорее к этим конкретным словам, чем к самому философу.

[64] *…ему существовать незачем.* — Интересно, что даже в такой, безусловно, ориентированной на частное благополучие индивидуумов, системе как Рейки встречается утверждение, что в пределе эгрегор Рейки стремится сжать вселенную в точку. Вероятно это дань буддистским и индуистским корням. В бумагах Теэтета есть любопытные заметки о Рейки. Вот отрывок из них (в начале идет выдержка из какой-то рейкистской книги):

«В основе создания Эгрегора Рейки лежит идея уничтожения перегородок между Вселенными, сжатие в одну Точку и ее исчезновение. Всё подчиняется Единому и через Единое превращается в Точку. Взрыв к новой идее!» (Рейки «Ченнелинг с вознесенными учителями»)

Несмотря на такое радикальное заявление, доктрина и сущность эгрегора Рейки так же далеки от понимания, что такое действительное спасение, как и все другие духовные и мистические учения. Во-первых, этот эгрегор строится на идее Всеблагого и Всемудрого Господа, покорными и преданными слугами которого и должны быть все вовлеченные в него. Во-вторых, совершенно не понятно, как же все вселенные сожмутся в точку, и каким образом и куда они исчезнут. Никакой техники и вразумительного объяснения в литературе по рейки нет. Я уж не говорю о том, что большинство

Теэтет. Да, ты уже все понял, Федон! Ты совершенно прав. Мистики всех времен не уставали твердить, что в Боге есть все, что Бог — это все, что мы можем найти истину и успокоение только в Боге. Но ведь ясно, что до тех пор, пока Бога нет (истинного Бога!), это — просто восторженные мечты, это — только предвосхищение того, что и, действительно, должно бы быть и неизбежно будет.

Вот, послушай чудесное стихотворение, предвосхищающее мое открытие и созданное, безусловно, просветленным человеком, то есть Высшим Адептом.

К одному исполинскому оку
без лица, без чела и без век,
без телесного марева сбоку
наконец-то сведен человек.

И на землю без ужаса глянув
(совершенно несхожую с той,
что, вся пегая от океанов,
улыбалась одною щекой).

он не горы там видит, не волны,
не какой-нибудь яркий залив,
и не кинематограф безмолвный
облаков, виноградников, нив;

и, конечно, не угол столовой
и свинцовые лица родных -
ничего он не видит такого

рейкистов никуда исчезать не хотят и не собираются. И, что это за «Взрыв к новой идее»? Уж не новое ли, очередное возникновение все того же Проявленного бытия.

в тишине обращений своих. (Ах, как хорошо это «обращений». — Теэтет.)

Потому, что исчезла граница
между вечностью и веществом,
неземная прозрела зеница,
в вечность заперта вечным ключом.

Федон. Послушай, Теэтет, а не плагиатор ли ты? И не позаимствовал ли ты свое открытие у этого поэта, имя которого ты почему-то не назвал. Может это твое творенье?

Теэтет. Поэт, написавший это стихотворение В. Набоков[65]. Плагиата же здесь нет, потому что я переделал последнее четверостишие, чтобы оно соответствовало моему пониманию. У Набокова последние четыре строки мне не нравятся. Они выражают типичное поверхностное понимание проблемы, характерное как для эстетствующего художника, так и для деградировавшего адепта, коими Набоков, безусловно, был. В них он сокрушается об исчезнувшем мире уникальных индивидуальностей, и получается, что он говорит не о Великом Окончании Мирового Процесса, а просто о физическом конце индивида. Вот эти его четыре строки, можешь сравнить.

Дело в том, что исчезла граница
между вечностью и веществом,
и на что неземная зеница,
если вензеля нет ни на чем?

Я же понимаю суть дела так, что в таком «оке» будут слиты и будут вечно существовать все возможные «вензели», а само «око» и есть, то самое «чём», о котором печалится Набоков. Вот

[65] *…В. Набоков.* **— В.В. Набоков (1899-1977) —** великий русский писатель. О нём смотрите в Приложении I.

на то она и нужна «неземная зеница», и жалеть не о чем.

Федон. А вдруг, Теэтет, с тобой что-нибудь случится до того, как ты закончишь свой трактат. Ведь тогда открытие твое утеряется. От моего пересказа, мне кажется, может быть мало толку.

Теэтет. Я его уже не забуду. Если мне вдруг упадет на голову кирпич (я, конечно, постараюсь там не оказаться[66]), я воплощусь снова и смогу закончить свое дело не хуже, чем в этой жизни. Но зачем фантазировать? Я знаю, что это открытие — миссия этой моей жизни, и я ее выполню[67].

[66] *…постараюсь там не оказаться…* — Аллюзия на знаменитое место из К. Кастанеды. На наивный вопрос Карлоса, не может ли маг погибнуть оттого, что ему упадет на голову кирпич, дон Хуан отвечает не без лукавства, что в том месте, где на него будет падать кирпич, он не сможет оказаться.

[67] *...и я ее выполню…* — В то время Теэтет видимо еще работал над изложением своей концепции и не строил планов заняться самому осуществлением Великого Делания.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Теэтет. Здравствуй, Федон. Друг мой, судя по твоей улыбке и лукавому выражению глаз, ты что-то замыслил каверзное и спешишь эту каверзу на меня обрушить. Так приступай.

Федон. Приветствую тебя, Теэтет. Никаких каверз у меня для тебя не заготовлено. Это скорее по твоей части — ошарашивать людей хитроумными словесами. Я, конечно, рад этому твоему свойству, ибо, признаться, давно мне уже не доводилось так много размышлять, и, как встарь восходить в своих размышлениях к Началу Начал. Я не поленился и записал все наши с тобой беседы, надеюсь, ничего из них не упустив существенного, может только разве некоторые риторические фигуры, да и то не все.

То, что было мне неясно в начале, вполне прояснилось. То есть я понял твою точку зрения и ее резоны, не всегда, разумеется, разделяя их. С другой стороны остались, конечно, возражения, вопросы, и попросту темные места (*Федон молчит, собираясь с мыслями. Теэтет благожелательно ждет продолжения*).

Я пришел к выводу, что разум у тебя в полном порядке…

Теэтет. Благодарю.

Федон. Собственно, за мою долгую жизнь мне доводилось нередко ознакамливаться со сверх завиральными идеями и концепциями, авторы которых были совершенно нормальны. Твою же доктрину я не считаю даже особо шокирующей.

Теэтет. Но что-то тебя в ней все-таки шокирует?

Федон. А ты как думал? Ведь, ты, фактически, поставил под сомнение ценность деятельности практически всех духовных авторитетов. Более того, ты подверг сомнению самодостаточность духовного начала бытия вообще.

Добро, мораль, духовность приобретают у тебя некий

прикладной характер, практически обесцениваются. Сама же духовная деятельность разумных существ у тебя полностью нивелируется как движение к духу, Абсолюту, Богу. Если ты прав, то никому ни к чему стремиться вовсе и не надо. Индивидуальная судьба никакого смысла для конечной судьбы мира не имеет. Мир возник, побыл-побыл и исчез. Это очень странно. Попросту говоря, это полностью противоречит внутреннему, интуитивному, мистическому откровению, существующему в душах даже не очень развитых людей, не говоря уже о тех, кто далеко продвинулся по духовному пути.

Теэтет. Дай прервать тебя, Федон. Я понимаю, ты хочешь сделать обзор мыслей и возражений, накопившихся у тебя за то время, что мы не виделись. И я очень тебе благодарен. Но давай будем разбирать темы по порядку, не теряя времени на общий обзор, т. к. к концу его мы рискуем забыть то, с чего начали.

То, что ты сейчас высказал, и верно, и неверно. Интуиция не обманывает мистиков. Во всей совокупности бытия, видимо, важен любой штрих.

Как это ни печально мне говорить, но, очевидно, что зло так же необходимо в структуре мира, как и добро. Но если признать за миром самодостаточность, то, во-первых, тогда его бытию невозможно придать никакого высшего смысла. Мы неизбежно приходим к понятию «божественная игра» (лила), которая ведется божеством якобы от преизбытка сил и непонятно зачем. Весь смысл переносится тогда в непостижимого Брахмана, а он нам ничего объяснять не собирается, да и не должен. Во-вторых, зло мира тогда приобретает онтологический характер как абсолютная вторая составляющая мирового процесса. И тогда не так уж и не правы те, кто вообще отрицает какое-либо Первоначало, т. е. стоит на позиции последовательного дуализма. В конце концов, находятся чудаки, начинающие поклонятся злу, как будто это не есть самоочевиднейшая нелепость[68].

[68] Злодеи, разумеется, совсем не любят, когда зло причиняется им.

Федон. Ты по своим воззрениям, очевидно, должен быть снисходителен даже и к сатанистам?

Теэтет. Они не виноваты. Это бытие таково, что поощряет их к злу. А теория «лилы» еще и оправдывает.

Федон. Но ведь дуалисты не так уж не правы. Я не одобряю, разумеется, жестокостей, преступлений и изуверств, но ведь развитие, движение вперед не может идти без разрушения старого и отжившего и, зачастую, действия этой «второй абсолютной составляющей мирового процесса» вполне благодетельны. Надеюсь, ты согласишься с тем, что унылое серое счастье, бывает, по сути, хуже очистительного и омолаживающего несчастья. Да, вот я тебе сейчас приведу цитату из книги, которую ты мне дал, и которую я прочитал с большим удовольствием.

«В сумеречной глубине души человеческой лежит дьявол. Ему нет воли. Его держит заключенным в низах души тяжелая крышка — бог. Дьявол задыхается в глубине, рвется на волю, просит жизни. И все очевиднее становится для человека, что это душа его простит воли, что рвущийся из-под крышки дьявол — это и есть он сам.

Что же делать? «Смелей человек, и будь горд! Не ты виноват!» Нужно только дерзнуть, нужно только сбросить крышку — и будет свобода. Встанет придавленный дьявол, разомнется и поведет человека. Наступит цельная жизнь и яркое счастье, пускай страшная жизнь, дьявольское счастье, но жизнь и счастье.

Человек из подполья пишет: «С чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно-выгодного хотения? Человеку надо одного только *самостоятельного* хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила, к чему бы ни привела». (В. В. Вересаев. «Человек проклят» (О Достоевском)) [18. С.15]

И это слова не сатаниста, не поклонника зла, а

интеллигентнейшего В. В. Вересаева. Не Достоевского ли ты имел в виду, когда говорил о чудаках поклоняющихся злу?

Теэтет. Достоевский не поклонник зла. Тут вопрос сложнее. В сущности — это все те же метания деградирующего адепта. Я помню. Книга эта — «Живая жизнь» В. В. Вересаева[69], и написана она очень талантливо,

---

[69] …«*Живая жизнь*» *В.В. Вересаева.* – **Вересаев В.В.** (1867-1945) **—** русский и советский писатель. Я не мог удержаться, чтобы не привести выдержки из записей Теэтета, касающиеся этой книги. Теэтет внимательно изучил ее и сделал из нее выписки, сопроводив их своими замечаниями. Получился весьма любопытный текст.

«Обливаясь глупыми слезами своими, — говорит Великий Инквизитор, — люди сознаются, наконец, что создавший их бунтовщиками, без сомнения, хотел посмеяться над ними. Скажут это они в отчаянии, и сказанное ими будет богохульством, от которого они станут еще несчастнее, ибо природа человеческая не выносит богохульства и, в конце концов, сама же себе всегда и отмстит за него».

Бунт, протест против бога и его мира понят был Достоевским очень мощно, но никакого настоящего выхода он не нашел. То есть сам-то Федор Михайлович, вероятно, думал иначе.

«И вот на дальнейшем пути исканий Достоевского мы наталкиваемся на странную психологическую загадку — совсем ту же, которая поражает в исканиях библейского Иова. Обрыв на пути. Непереходимая пропасть. На дне пропасти — не разрешенные, а только задушенные вопросы. По ту же сторону пропасти — гимн и осанна.

Мир там совсем другой. Люди не извиваются, как перерезанные заступом земляные черви. Не слышно воплей и проклятий. Медленно и благообразно движутся безжизненные силуэты святых старцев Макара Ивановича и Зосимы, сидит на террасе своей дачи святой эпилептик Мышкин. Трепетные, нежнейшие мечты Достоевского о невозможном и недостижимом носятся над этими образами. Нездешние отсветы падают на них и озаряют весь мир вокруг. И от нездешнего этого света слабо начинает оживать мертвая здешняя жизнь.

«Красота везде неизреченная,— умиленно говорит старец Макар Иванович. — Травка растет,— расти, травка божия! птичка поет,— пой, птичка божия; ребеночек у женщины на руках пискнул,—

господь с тобой, маленький человечек; расти на счастье, младенчик!.. Хорошо на свете, милый!»

И учит отец Зосима:

«Все создания и вся тварь, каждый листик устремляется к слову, богу славу поет, Христу плачет... Всё — как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается... Ты для целого работаешь, для грядущего делаешь. Награды же никогда не ищи, ибо и без того уже велика тебе награда на сей земле: духовная радость твоя... *Знай меру, знай сроки, научись сему*... Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби...»

Чуждо стоят по другую сторону пропасти Раскольников, Иван Карамазов и прочие дьяволовы подвижники. Усмехаются Свидригайлов и Версилов. Недоуменно простирает руки Дмитрий Карамазов...»

Так движется мысль не у одного Достоевского. Во все времена самые мудрые, самые просветленные, самые сострадательные не придумали ничего лучшего как то, что бог истязает свои создания, чтобы они уверовали в него и пришли к нему, возлюбили его и стали блаженны. Воистину странно.

«И однако путь есть в эту заветную страну благообразия и сердечного «веселия». Какой же? Да все тот же. Человек еще недостаточно несчастен, нужно навалить на него новые страдания, забить его этими страданиями на самое дно пропасти, и вот тогда...

«Тогда, в великом горе нашем, мы вновь воскреснем в радость, без которой жить человеку невозможно, а богу быть, ибо бог дает радость. *Как я буду там под землей без бога?* Если бога с земли изгонят, мы под землей его встретим. И тогда мы, подземные человеки, запоем из недр земли трагический гимн богу, у которого радость! Да здравствует бог и его радость!» (Дмитрий Карамазов). Отвернемся от негодующе усмехающегося Ипполита («Неужели нельзя меня просто съесть, не требуя от меня похвал тому, что меня съело?»), забудем про «неутоленное негодование» Ивана Карамазова. Напомнить о них теперь — это значит выбить из-под человека последнюю опору, за которую он цепляется. К другому нужно прислушиваться:

«Горе узришь великое,— учит отец Зосима,— и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастья ищи. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь и жизнь благословишь».

Если же мы все еще не понимаем спасительности и, главное,

возвышенности указуемого пути, то послушаем Дмитрия Карамазова. Он понял и объяснит нам это с тою нелепо-голою, невыразимо-милою откровенностью, которая для него так характерна.

«Понимаю теперь, что на таких, как я, нужен удар, удар судьбы, *чтоб захватить его, как на аркан, и скрутить внешней силой.* Никогда, никогда не поднялся бы я сам собой! Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь!»

Там, высоко над пропастью, благообразно расхаживают и радуются спасенные... Да полно, не вытащены ли они на свою высоту из пропасти как раз на этом *аркане?* Слишком уж они забыли те вопросы, которые остались на дне пропасти, слишком устали от трудного подъема, слишком безмятежны. Против буйных и неистовых вопрошателей слишком «знают меру и сроки».

«Осанна, прошедшая через горнило сомнений»... Каким бы ясным, твердым блеском должна сверкать такая осанна, как страстно должна бы устремляться навстречу сомнениям, как бурно рваться к покорению человеческих душ! Но одна лишь усталость и задушенное отчаяние слышны в спокойной осанне благообразных праведников Достоевского.

И как в жизни они мягки, как покладисты! «Знай меру»,— учит Зосима. О, сам он ее знает!

«Учитель, что мне делать, чтоб наследовать жизнь вечную?» — спрашивает шут Федор Павлович Карамазов.

«Не предавайтесь пьянству и сладострастию, а особенно обожанию денег, да закройте ваши питейные дома, *если не можете всех, то хоть два или три...»*

Уж не смеется ли втайне Достоевский над своим Зосимой, заставляя его так ядовито пародировать евангельский ответ на тот же вопрос?

«Мечтаю видеть и как будто уже вижу ясно наше грядущее,— говорит все тот же святой старец.— Ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, *а бедный, видя смирение его, поймет* (что поймет?!) *и уступит ему,* с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим, на то идет».

Вот она, желанная будущая гармония, та гармония, о которой так безнадежно тоскует Иван Карамазов! Бедный что-то такое поймет, уступит богатому, предоставит своим ребятам по-прежнему чахнуть с голоду, а дочь свою пошлет дорогою Сонечки Мармеладовой. Богатый же останется при своем богатстве да получит в придачу

как и многое из того, что выходит из-под пера деградировавших адептов, еще не слишком далеко ушедших по пути деградации. Должен признать, что она произвела на

«благолепный стыд»... Хорошо, что святой старец говорит хоть проникновенно, но тихо. А то бы с другого берега пропасти его услышал Иван Карамазов и расхохотался бы так, что святой старец покраснел бы от стыда, весьма мало благолепного» [18. с.51-53].

Страдания мира посылаются не богом и ведут не к богу в объятья, а имеют совсем другой смысл. А, впрочем, при желании можно и так это увидеть. Страдания, безысходность человеческого бытия корень свой имеют в Первосущности. Я принципиально не называю ее Богом. Именно потому, что против Несправедливого Бога можно и даже благородно бунтовать, а против Первосущности (даже не имеющей предикатов) — смешно и бессмысленно. И как-то странно думать о том, чтобы придти в объятия к Первосущности. Страдания мира обосновывают бунт против существующего положения вещей – это одна сторона; но они же и вынуждают двигаться вперед. Всё это благолепие, описанное старцем Зосимой и Макаром Ивановичем, да и предчувствуемое Дм. Карамазовым есть, действительно есть. Оно прекрасно, да беда в том, что оно ничего не стоит, пока есть несовершенство бытия, и нет Бога. А Бога-то нет. Вот в чем трагедия всей мировой мудрости. Сколько не ври себе, а всё не вдолбишь, что Бог есть, когда весь мир, всё бытие вопит о том, что его нет. Должен быть, а нет, как нет. Ну, а у меня есть для исстрадавшегося мира благая весть: **Он** будет.

Забавно ещё говорит в «Бесах» Шатов, цитирую дальше Вересаева: «Я…я буду верить в бога». Хочет верить и сам Достоевский, но не верит, сам себе боится признаться: «…публицист не смеет произнести последнего слова (т. е. сам Достоевский), он старается скрыть его даже от себя («Я верую в православие, верую, что новое пришествие Христа совершится в России»). И со страшной, нечеловеческой правдивостью это слово договаривает художник: а в бога – в бога я *буду* верить…»

Никто никогда не *будет* верить в бога. В него верят сейчас, чтобы найти хоть какую-то опору перед лицом безжалостного мира. А усомнись в вере (А как не усомниться: «ведь речь идет о том, быть безумным или нет» (Эпиктет).) и увидишь, что верить не в кого. (А, впрочем, «блаженны верующие».) Когда же осуществится Великое Делание и прекратятся все проявления, то исчезнет и вера, и безверие, а все всё просто будут знать. И не все, а ОНО.

меня очень благоприятное впечатление своей глубиной.

Что же касается темы нашего разговора, то, приведенная тобою цитата, именно и показывает тот строй мысли, который характерен и неизбежен для Высшего Адепта, решившего, что Великое Делание невозможно, а сама область бытия, откуда исходит все (т. е. Бог или Абсолют) совершенно вне его компетенции. В глубине же души у него лежит глухое отчаяние и безысходность из-за того, что он никак не может прекратить эту «божественную игру», но и продолжать ее не видит никакого смысла. Остается или деградировать, «играя», или «индивидуальное освобождение»: «И мир в неведенье спокойном пусть доцветает без меня». Но нет. Не может Высший Адепт, получивший полной мерой от *позитивной* составляющей мирового процесса сокровищ духа, добившийся просветления, гносиса, видьи, инсайда не видеть, что при индивидуальном спасении он не может попасть никуда, как только опять в то же самое бытие и становление.

Федон. Значит, Теэтет, по твоим словам выходит, что и Будда т. е. Сиддхартха Гаутама снова реинкарнировал, возродился в этом мире? Ты не боишься, что буддисты тебя станут проклинать?

Теэтет. Вообще-то, я никаких проклятий не боюсь, буддисты же никого не могут проклинать. При всем моем уважении к буддистам и буддизму, я утверждаю, что миссия Будды потерпела крах, как миссия Высшего Адепта, долженствующего совершить Великое Делание. И ни в каком ином смысле. В том чтобы создать возвышенную и благородную религию — он преуспел. Теперь о реинкариации. Личность Гаутамы исчезла без следа. Она угасла, «как светильник, в котором иссякло масло». За него теперь живем все мы, да, собственно, и весь мир. В каком-то смысле, он, конечно, реинкарнировал.

Федон. С этим ясно. Мы уже касались этого раньше. Теперь, ответь мне вот на какой вопрос. Земля — все-таки

небольшая планета. Мельчайшая песчинка в необозримой вселенной. Не странно ли звучит твое утверждение, что именно здесь родится Высший Адепт, который, совершив Великое Делание, положит конец не только нашей вселенной, но и всему Проявленному бытию вообще. Вот, ты смеешься. И я смеялся, задав этот вопрос самому себе. Но ведь ты утверждаешь и доказываешь именно это. Или не так?

Теэтет. Ну, что-то в этом роде я говорил. Однако, твоя интерпретация совершенно неверна. Видишь ли, Высшие Адепты живут не на Земле и не на планетах, а, прежде всего, внутри самих себя…

Федон. Подожди, подожди. То, что мы все живем внутри самих себя, конечно, верно. Но ведь телесно, материально Высший Адепт должен же где-то находиться? И, очевидно, что Земля и, даже, наша Вселенная не единственное место, где существуют разумные существа, а значит и Высшие Адепты.

Теэтет. Ты уже почти ответил сам на свой вопрос. Дело в том, что вселенная только представляется бесконечно разнообразной. На самом деле, как отдельные люди похожи друг на друга, так и разные вселенные тоже отличаются друг от дружки в каких-то частностях, будучи подобны друг другу в основном. По смыслу моих воззрений, Великое Делание может быть совершено только *одним* Высшим Адептом. Больше, собственно, не требуется так же, как для оплодотворения яйцеклетки не нужно двух сперматозоидов, а требуется только один. Но налетают-то на яйцеклетку их миллионы. Совершенно не важно, из какого мира, из какой вселенной придет Великое Освобождение и Спасение. Если это произойдет на Земле, значит, это произойдет на Земле.

Федон. Хорошо. Теперь такой вопрос. Пожалуй, один из самых серьезных. Скажи, как, каким образом, какой бы то ни было Высший Адепт может изменить внутреннюю сущность мира так, чтобы она перестала быть тем, что она собой представляет, и стала чем-то совершенно другим?

Теэтет. Я понимаю, ты хочешь технических подробностей, которых я в наших беседах касаться считал излишним. Но, думаю, пару слов все-таки сказать надо.

Любой человек представляет собой в тонком плане некую структуру, которую оккультисты часто называют системой «скорлуп». В современней литературе часто используется термин «тела». Эфирное тело, астральное тело, манасическое тело, буддхическое, кармическое (каузальное), атманическое. Всякая классификация условна, но реальность такова, что в каждом человеке есть чувства, ум, судьба, тело, дух. В обычном человеке эти «скорлупы» находятся в непросветленном состоянии, каждое на своей особой ступени развития, что и определяет конкретные особенности любой индивидуальности. Высший Адепт находится в ином положении. Его структуры просветлены все, за исключением атманического тела, которое само по себе является принципом просветления. Атманическое тело Высшего Адепта, обладающее просветленным осознанием себя и остальных уже просветленных тел, именно и является орудием совершения Великого Делания. Просветленное сознание Высшего Адепта (представляющее собой квинтэссенцию этого мира, высший его продукт) должно проникнуть за грань, отделяющую Проявленное от Непроявленного (при «индивидуальном спасении», при «растворении в Боге» не происходит проникновения ЗА **грань,** происходит только слияние с самой гранью, совпадающей с высшим уровнем атманического тела (Брахман). Потому-то такая деперсонализация ничего не дает самому миру, подвижник или полностью исчезает как индивидуум, или в виде неких остатков направляется опять в Проявленное бытие (как это отчасти произошло со мной). Оно должно проникнуть туда посредством своего особым способом выраженного **намерения**, предварительно непременно уловив, бессознательное, но явственное намерение самого Непроявленного Первоначала — намерение просветлеть и спастись. Это и будет — Великое Делание. Даже для Высшего Адепта это — не простой акт,

иначе его уже кто-нибудь осуществил бы ненароком, что, конечно, невозможно. Произвести Великое Делание можно только посредством очень точной, тонкой и сверхсознательной акции. Для Высшего Адепта это возможно после соответствующей подготовки и тренировки. Согласись, что если Высший Адепт воображает, что он уже совершил Великое Делание тем, что стал тем, кем он стал, то вместо подготовки и совершения истинного Великого Делания, он будет или стремиться «раствориться в Боге», или играть в «божественную игру», которая неизбежно заканчивается деградацией. Вот, так-то.

Высший Адепт это — как бы Сверхчеловек, то есть сущность, достигшая своей высшей точки в развитии. Если этот Сверхчеловек ворвется в Непроявленное бытие, а, в сущности, оно само втянет его в себя, то в результате их слияния (что совершенно нормально, так как некогда мы все оттуда вышли, а до того были там в виде потенции) возникнет уже новая Первосущность, с нашей точки зрения разумная, просветленная, сознательная, всеведущая и прочее, короче, Бог (Я понимаю, что эти слишком человеческие слова и приблизительно не выражают того, что возникнет в результате Великого Делания в Начале Начал, но дело ведь не в словах.). И так же естественно, как раньше она бессознательно и бессмысленно эманировала из себя наш, хоть и бесконечно сложный, но по необходимости столь несовершенный мир, так же точно она естественно и просто вберет его в себя, прекратив тем самым какое бы то ни было относительное бытие.

Федон. Знаешь, Теэтет, в твои рассуждения вкралась одна нелепость. Ведь сознание, пусть это будет даже и просветление сознание Высшего Адепта, по самому смыслу слова дуальная вещь. Со-знание. Первоначало же потому и Первоначало, что абсолютно едино. И потому никакой Высший Адепт не может передать Абсолюту, Единому то, что в принципе несовместимо с его природой.

Теэтет. Федон, а ты слышал о хлопке от одной ладони,

или про железную флейту без отверстия, на которой играют, взяв ее в рот, с обратной стороны[70]? Слова наши противоречивы, а не бытие. Если Первоначалу, для того чтобы спастись, стать совершенным и не допустить больше такого абсурда как бытие этого нелепейшего мира, надо чтобы в нем вечно сохранялось нечто противоречащее его «принципу», единству, нечто дуальное, то оно там будет, и всё. «Богу все возможно».

Федон. Я понимаю, Теэтет, что ты Высший Адепт и структуры твои просветлены, но все-таки, как ты можешь все это утверждать с такой безаппеляционностью, с такой категоричностью? Ты даже сослагательное наклонение не употребляешь, а если когда и оговоришься, то поправляешься.

Теэтет. Дело в том, Федон, что я там был. Может быть, поэтому именно я сейчас и совершил это открытие. Я это непосредственно почувствовал. До сих пор Высшие Адепты либо растворялись в боге, в Едином (без намерения спасти мир, потому и безрезультатно), либо деградировали. Попытки деперсонализироваться, «индивидуально спастись» обычно удаются в виду их относительной простоты. Я отношусь к тем адептам, кто очень далеко ушел в грань (может, и заглянул за нее), но сумел вернуться и даже сохранил кое-что в памяти (По правде сказать, я даже не знаю, есть такие еще или нет. Может, и нет.). Я как бы понял, постиг Единое, я непосредственно ощутил его безмерную тоску, страдание, порыв к спасению, которые по-настоящему я смог осознать и понять только гораздо позже.

Федон. Да, то, что ты рассказал, впечатляет. Было сразу ясно, к чему ты ведешь. К тому, что Проявленное бытие спит и видит, как бы ему породить Высшего Адепта, который его и спасет. И оно делает это во всех возможных мирах.

Теэтет. «Спит и видит», — это очень хорошо сказано.

[70] разъяснить, что такое мондо.

Строго говоря, о Непроявленном бытии у нас не может быть суждений, так как оно находится за пределами всего проявленного, а мы плоть от плоти последнего. Я уже тебе говорил раньше, что есть мыслители, которые прилагают титанические усилия, чтобы доказать, что Бог никак не причастен к несовершенству мира, что очевидно абсурдно. Что же это за Бог, который непричастен к тому, что сам же создал? И тут выдумываются всякие, более или менее остроумные теодицеи, пытающиеся навести тень на плетень и доказать, что Бог это не Бог, т. е., конечно, Бог, но какой-то не такой Бог, какой есть, а со странностями: сотворив людей, а к ним грех, свободу воли, смерть, страдание, искусителя, короче, весь набор богословской амуниции, он почему-то стал к этому или вообще непричастен, или, только косвенно и т. д. Зачем-то он растроúлся и послал единородного сына все это спасать, а то, еще раньше, все утопил от огорчения, что у него вышло совсем не то, что он хотел, и т. п. нелепицы. Все теодицеи очень неубедительны, как не пытайся скрыть этот факт под оболочкой мифов.

Федон. А ты не думаешь, Теэтет, что за всеми этими мифами все-таки скрыт некий эзотерический смысл? Что не так уж были просты жрецы, пророки, мудрецы древности?

Теэтет. Есть этот смысл, есть, но на самом деле все они в тупике. Мы отвлеклись. Разумеется, во всем этом есть эзотерический подтекст, и нам с тобой он прекрасно известен. Во всем есть свои тонкости. Более того, то, что в прямом понимании выглядит прямо-таки нелепо, понятое в переносном смысле, в виде аллегории, зачастую, весьма глубокомысленно. Беда в том, что эзотерика по большей части только констатирует наличие тех или иных духовных реалий, забираясь в невообразимые бездны всех возможных пропастей, но конечный-то вывод ее удручающе прост, он в том, что идет «божественная игра» — бесконечная и бессмысленная. В сущности, мудрецы давно догадались, что с бытием что-то не в порядке, но т. к. никто ничего не может

предложить другого, то на этом странном факте предпочитают без нужды не заостряться. Я же открыл принципиальную альтернативу. За проявленным бытием следует признать как факт то, что само его возникновение есть некое отпаденье от Абсолюта (Что само по себе признается многими системами умозрения.). И пока не будет признано, что у него нет иного смысла как снова восстановить его целостность, абсолютность (неважно каким даже образом), до тех пор оно будет выглядеть бессмысленной, глупой и злой игрушкой непостижимого божества.

Тот факт, что в Абсолюте существует нечто меняющееся (!), которое, тем не менее, не имеет в себе ничего, что не принадлежало бы Абсолюту, говорит о том, что в момент сотворения мира абсолютный «бог» исчез, «разабсолютился» и превратился в нечто преходящее, неоконченное и в строгом понимании совсем не божественное[71]. Это состояние закончится тогда, когда цель

[71] *...в строгом понимании совсем не божественное*. — Бытие проявленного мира противоречит понятию о безотносительной сущности его творца. Строго говоря, после сотворения мира уже никакого абсолюта не существует. Теэтет говорит: «Абсолют «разабсолютился»». Эта концепция встречается в индийской философии в виде такого рассуждения (выписываю из Теэтета цитату, взятую им из «Введения в индийскую философию» (См. «Список использованной литературы».), и его к ней комментарии): «Если бог есть творец вселенной и созданный им мир исключает наличие какой-либо другой субстанции, скажем, материи, то в добавление к богу должно быть признано наличие другой реальности, а бог перестает считаться единственной, всеобъемлющей реальностью; его бесконечность утрачивается. Но если материя признается чем-то реальным, существующим *внутри* бога, а мир рассматривается как его реальное воплощение, то перед нами возникает дилемма («Brahma-sutra», 2,1. 26-28): либо материя есть часть бога, либо она в целом тождественна ему. Если принять первую альтернативу (как у Рамануджи), мы приходим к абсурдному положению, что бог — духовная субстанция — подобно

этих изменений будет достигнута, внутренняя сущность бытия станет такой, какая она должна быть. Первосущность закончит процесс трансформации (можно и так назвать, имеющее теперь место бытие Проявленного бытия) и пребудет в новом качестве вечно.

Федон. Так получается, мы счастливцы? Никогда не было ничего, кроме бессознательного бога, потом появился мир, а в нем мы. Мы своим бытием, жизнью, поиском, совершенствованием, страданиями делаем работу по сотворению, в конечном итоге, уже истинного Бога. В какой-то момент это произойдет, и все закончится. И будет Бог. И никогда больше не будет ни мира, ни нас?

Теэтет. Ты только забыл, что не велико счастье быть таким счастливцем, который очень мало знает о своем

материальной субстанции состоит из частей и, следовательно, подвержен разрушению, подобно другим объектам. Если же принимается вторая альтернатива (утверждающая, что первичная материя целиком тождественна богу), то, образуя материю, бог полностью сводится к ней и после сотворения *мира не остается никакого бога*… …Если изменение бога возможно, то независимо от того, изменяется он частично или полностью, он так или иначе не является в этом случае постоянной, неизменной реальностью и *перестает быть богом* (и в первом, и во втором случае курсив Теэтета)» [21, с. 310]. Именно из этих соображений, для того чтобы спасти абсолютность брахмана, Шанкара делает вывод об абсолютной нереальности, иллюзорности существующего мира. Приведенное выше рассуждение вполне совпадает с моей концепцией, с тем только добавлением, что то, что «перестает быть богом» снова им станет, станет Богом воистину. «Разабсолютизация» закончится, и Абсолют утвердится уже как бы в «новом качестве». (Я говорю «как бы» т. к. об Абсолюте совершено справедливо утверждается, что он лишен качеств, что верно теоретически, но противоречит опыту.)

Итак, под Абсолютом я понимаю некое Верховное Первоначало, существующее изначально и вечно, которое, сотворив мир, как бы отступило от своей абсолютности, но, которое неизбежно вернется к ней (и уже навсегда), по завершении Мирового Процесса и, соответственно, в иной уже модальности.

счастье и очень много о несчастье. И еще. Ничто не отлично от бога, мы все пребываем в боге, а бог в нас. Это было раньше, есть сейчас, это будет и потом. Просто, каков бог, таково и пребывание. Сейчас бог бессознателен и слеп, а мир несовершенен и полон страданий и горя. По завершении процесса трансформации, мы все по-прежнему будем пребывать в боге, только теперь уже в совершенном и окончательном состоянии, которое никогда не сможет нарушиться. На что-то в этом роде намекает Иисус, когда говорит: «Царство Божие внутрь вас есть».

Сколько людей восклицали: «Остановись мгновение — ты прекрасно!» Но оно не останавливалось, а продолжало нести их от пережитых восторгов к… сам знаешь куда. Ты забавно сказал, что мы счастливцы. Счастливцы наоборот. Но тут уж ничего не поделаешь, и работа должна быть сделана. Со злом можно мириться, но нельзя примириться. В мире зло победить нельзя, оно будет побеждено только вместе со всем миром. Когда Иисус говорит: «Я победил мир. Сегодня князь мира сего будет изгнан вон», — и тому подобное, он говорит правильные и прекрасные вещи, но беда в том, что всего этого так и не произошло. А тогда, что он имел в виду?

Когда Будда говорит, что страдание можно уничтожить, уничтожив желание — он прав как прав автор правильного силлогизма. Только как же уничтожить желание, если весь этот мир до последней песчинки — это и есть желание? Желание… Желание… Абстрактное, суетное, тщетное желание[72]. И наша задача, как Высших Адептов,

[72] …*суетное, тщетное желание.* – сравни у Шопенгауэра - «Нет в мире такого удовлетворения, которое могло бы погасить желания, поставить последнюю цель стремлениям и наполнить бездонную бездну сердца. При этом надо обратить внимание и на то, в чем обыкновенно состоит удовлетворение всевозможных человеческих желаний; - в большинстве случаев это только скудное сохранение жизни, которое каждый день надо завоевать неустанным трудом, постоянной заботой, в борьбе с нуждою, - сохранение жизни, со

объяснить этому желанию, этой внутренней сущности мира, чего же она, сущность, желает по истине. А желает она одного — спастись, спастись навсегда и со всеми нами, такими иллюзорными, но и такими реальными, в своей утробе.

Кстати, зачастую я встречаю у родственных мне мыслителей на удивление близко подходящие к моему открытию прозрения. Я привел тебе «Око» Набокова. Недавно же меня просто потрясло одно место у Сидерского[73].

смертью в перспективе». А. Шопенгауэр «О суетности и страданиях жизни» [1, с. 693].

[73] . *...место у Сидерского.* – **Сидерский А. --** Современный писатель и переводчик мистического направления. По поводу книги Сидерского «Третье открытие силы» Теэтет записал следующее: «Просто поражает, как, казалось бы пустая, говорильня Сидерского,постоянно выводит его на самые глубокие и истинные сентенции». Вот некоторые из тех сентенций, которые любезно выписал и прокомментировал для нас Теэтет:

«Устремлением Духа осознать самое себя формируется Его Намерение преобразовать рассеянную в Хаосе изначальной однородности Великой Пустоты потенциальную возможность осознания в упорядоченное концентрированное самоосознание. И руководствуясь именно этим Намерением, Единое — проявленный Дух — формирует в пространстве Мира центры самоосознания — точки, в которых самоосознание накапливается и кристаллизуется в упорядоченные структуры. Все живые существа как раз и есть такие точки концентрации самоосознания Единого. — *Но почему так? Зачем нужны точки концентрации самоосознания? Разве без этого Дух не может осознать себя? Если все дело — только в самоосознании Духа, то зачем Ему создавать Мир?»* (курсив Теэтета) *[14, с. 138]* Да, без этого Дух (на самом деле Единое) не может осознать себя. Но Сидерский очевидно смешивает Дух с Единым, а это разные сущности. Проявленный Дух пребывает в уже проявленном мире и по отношению к Единому вполне вторичен. Этот Дух — это Ишвара индуизма, Демиург гностиков, Бог-творец Иудаизма, Христианства и Ислама; это – верховный личный бог, закон, дхарма, регулятивный принцип этого мира. Это он устраивает все дела в мире, равно творя и добро, и зло. И этот Дух как и весь мир порождается Единым – темным, бессознательным, но не таким

Вначале я даже подумал, что мы совершили открытие одновременно и недавно, потому-то я ничего о нем и не знаю. Однако каково же было мое, еще, наверное, большее удивление, когда я увидел, что, начав за здравие, Сидерский

уж равнодушным… Я думаю, что он не обладает ничем таким, что было бы сходно с человеческим сознанием и не нуждается в нем. Его задача противоположна или скорее лежит в совсем иной плоскости, чем задача человека. Демиург творит мир, соблюдает закон, гонит души к совершенствованию, а, значит и к Великому Деланию, но сам его совершить не может. Это задача для некоего Высшего Адепта, который в свое время непременно явится.

«Дело в том, что изначально Он пребывает в непроявленности однородной беспредельности свернутой в Точку Небытия Абсолютной Пустоты, где нет ни Пространства, ни Времени. Там нет ничего; и *осознавать там нечего и нечем*... (курсив Теэтета) Для реализации самоосознания Духу необходимо сотворить НЕЧТО, в чем он был бы полноценно проявлен и что содержало бы в себе объекты, которые могут быть осознаны, и инструменты, воплощающие в себе концентрированное осознание». [14, с. 140] О том же зачем духу нужна эта «реализация самосознания» у Сидерского ничего не говорится.

«Пространство и время являются внутренними аспектами Творения, которое есть Все (Всё та же ошибка – творение не есть Все. Наоборот. Образно отношение сотворенного к Единому можно скорее представить как отношение нуля к бесконечности. Но только в качестве сравнения, т. к. мир наш отнюдь не ноль. Дальше он пишет все верно.). Однако в той сфере, где Ничто и Все равновесно сосуществуют в непрерывном мгновенном преобразовании друг в друга. Непроявленное и Проявленное интегрированы в Единое, содержащее внутренние аспекты своих составляющих в свернутом виде». [14, с. 141]

«По крайней мере, мы, как осознающие существа, являемся внутренними аспектами Проявленного — Вселенной формального Бытия. И в ней пространство есть первооснова всего сущего, а время — мерило протяженности процессов, вследствие которой *делается возможным осознание — то, ради чего, собственно, Все и порождает себя, пристрастно проистекая из пустотной утробы божественно равнодушного Ничто»* [там же] (курсив Теэтета). Это пустотное и пристрастное проистекание из «утробы божественно равнодушного Ничто» прямо-таки гениально.

кончил за упокой, сведя все свои спекуляции, к старой, как мир, и совершенно бесплодной идее «божественной игры». Прекрасно подтвердив то, о чем я тебе говорил раньше.

Обидный промах. Выстрел его прошел прямо-таки в миллиметре от яблочка. Но чуть-чуть не считается. Я тебе сейчас прочту это удивительное место. Вырванное из контекста, оно вполне соответствует моему открытию. Не требуется даже никаких коррекций вроде той, небольшой, которой я подверг творение Набокова. Контекст же таков, что не оставляет сомнений — порох был израсходован не на боевой залп, а на потешный фейерверк.

«Третье открытие Силы совершает для себя тот, кто постигает полную тождественность внешнего и внутреннего, видя иллюзорность границ, обозначаемых между ними восприятием, и открывая для себя Единый поток Силы. Этот поток пронизывает Пустоту и сворачивает пространство в вихри материи Мира, подчинен же он только Воле, *истоком которой является Намерение непроявленного Единого осознать самое себя* (Курсив мой. **—** Ученик.) и только лишь ради этого создать в себе проявленное — то, что может быть осознанно, и то, в чем воплощается осознание» [14. с.13].

Прочитав это, я сказал себе: «Теэтет, ты опоздал». И, конечно, я накинулся на этот объемистый трактат (540 стр.), как голодный на пищу. Я хотел узнать для чего же, по Сидерскому, непроявленное Единое **намеревается** осознать себя. Да, ни для чего! Такая у него игра. Ух!

Понятие «божественной игры» впервые ввел в индийскую философию Бадараяна[74] в своей «Брахма-сутре», заложившей основу веданты. Понимая, что Брахману как-то не к лицу «играть в человечки[75]», да и создание мира, такого,

---

[74] *...Бадараяна...* **— Бадараяна (2-3 вв. н. э.) –** древнеиндийский мыслитель, первый систематизатор веданты. В своем главном труде «Брахма-сутра» Бадараяна систематизирует и защищает идеи, содержащиеся в упанишадах.

[75] *...играть в человечки* **—** реминисценция из романа В. Набокова

каков он есть, необъяснимо с точки зрения обычной теологии (то есть чести Брахману не делает), Бадараяна выдвинул положение, что Брахман создает мир без какой-либо цели — просто от «преизбытка». (Что само по себе, в общем, понятно.) Ну, а коль уж мир создан бессмысленным и бесцельным, то вполне логично интерпретировать его как игру — божественную игру. Вот мнение специалиста: «Отстаивая роль Ишвары в качестве «созидателя» мира, Бадараяна сталкивается с необходимостью защитить это учение от возражений двоякого рода. Во-первых, не предполагает ли «созидание» некоторый «недостаток», а также стремление устранить этот недостаток в виде мотива действия? (Заметь, Федон, как его мысль косвенно подтверждает мое открытие; поскольку создание мира может быть поставлено Брахману в упрек, постольку можно считать, что деятельность его, (как я и считаю), имеет своим мотивом цель устранить этот «недостаток». Выходит, что Веданта это именно попытка избежать такого (верного, замечу в скобках) решения вопроса. — Теэтет.) Но если это так, то не противоречит ли «созидание» тезису о божественном совершенстве? (Конечно же, говорю я, Теэтет, противоречит.) Во-вторых, не противоречит ли этому совершенству и несовершенство созданного Ишварой мира (наличие в нем страдания, зла и т. д.). Отвечая на эти возражения, Бадараяна выдвигает идею, сыгравшую впоследствии существенную роль в различных вариантах индуистских «теодицей». Это — идея «лилы» (игры). С точки зрения Бадараяны и его позднейших комментаторов, творение есть не подчиненная некоей схеме активность, а, «божественная игра», т. е. нечто, характеризуемое свободой от заранее заданной цели, творческой спонтанностью, легкостью и свидетельствующее не о недостаточности, а о преизбыточности. Эта «игра» в

«Отчаяние». См. Приложение I.

целом оказывается выше полярности добра и зла (существующей на «низшем» уровне и регулируемой законом кармы, который представляет собой «правило», но не жесткую схему «игры»). Ишвара беспристрастен к персонажам, выступающим в ходе «игры» (Что сравнивается комментаторами «Брахма-сутры» с «беспристрастностью» дождя, одинаково проливающегося на разные существа, но воздействующего на них по-разному — в зависимости от их собственной природы). Играя «по правилам», Ишвара создает возможность духовного совершенствования вплоть до возвышения над полярностью добра, и зла и уподобления ему самому абсолютно для всех. Не существует предопределения и предизбрания. «Игра» подразумевает снятие дилеммы «вечное наказание» — «вечное вознаграждение» (и награды, и наказания предстают как нечто временное). Вечны лишь свобода «играющего» божества и возвращение к свободе тех, кто временно «втянут» в игру» [11. с. 91-92].

Как видно из этой цитаты, при всей своей безусловной глубине ведантистская мысль не ставит вопрос о действительно окончательном освобождении. В этом отношении она явно склоняется к конформизму, как бы забывая, существующие в ее недрах великие прозрения упанишад об Атмане равном Брахману, о том, что «все это — ты, ты». Ишвара играет «персонажами», как кошка с мышками, нимало не заботясь об их мнении и желании, как будто бы их не существует. Но они существуют. Для них есть и страдания, и зло. И последние реальны, они внутри, но и вне майи, чтобы там ни врала Веданта.

При такой постановке вопроса все освобожденные, святые, подвижники, герои не более как удачливые игроки, успешно отыгравшие очередной сет божественной игры. Наслаждение и страдание, добро и зло, гибель и спасение, просто, условности, не имеющие никакой реальности в Брахмане. (Да, уже и в Ишваре, как его представителе.) Вот для чего и нужно учение о лиле и майе (т. е. игре и иллюзии).

Вот, откуда и учение Шанкары о «высшем» и «профаническом» уровнях понимания истины. Учение это безысходно, хотя и честно пытается сделать все, чтобы показаться чем-то просто стоящим «по ту сторону добра и зла», чем-то положительным, ведущим к спасению. Неужели ж не ясно, что никакая «видья[76]» не может спасти от божественного произвола, от бесконечного сотворения и разрушения мира в бесконечных кальпах. Брахман сверхсознателен, свободен и блажен изначала, говорит Веданта («Сат», «чит», «ананда» — атрибуты, приписываемые в Веданте Брахману — бытие, сознание, блаженство. Я считаю, что в наличии из его атрибутов пока имеется только «сат», да еще что-то вроде страдания. Сотворив несовершенный мир, даже если это иллюзорный мир, Брахман не может быть «блажен», не может быть его атрибутом «ананда». Здесь желаемое выдается за действительное.), а вы устраивайтесь, как можете.

Если бы это было так и только так, то ничего не оставалось бы делать (это и подразумевается, по сути, у Бадараяны и Шанкары), как принять с грустью эти условия, навязанные любому из нас бесконечно превосходящей нас силой, и смириться (к чему и приходят, как правило, Высшие

---

[76] *...видья...* — **видья** (санскрит) – знание. Основное понятие философии адвайта-веданта (Гаудапада, Шанкара). Видья – некое мистическое знание (весьма сходное с «гносисом» гностиков), обладание которым уничтожает мировую иллюзию («майю») и тем самым делает обладателя видьи Брахманом. Отсутствие видьи – авидья – собственно и есть то, что обеспечивает сушествование нашего, по этой философии, вполне иллюзорного и лишенного истинной реальности, мира. Теэтет не отрицает того, что наш мир подобен сновидению или иллюзорен, однако полагает, что это положение вешей никак не снимает проблемы спасения этого, хоть и иллюзорного, но для нас достаточно реального мира. По сути, все учение Шанкары сводится все к тому же старому доброму «индивидуальному спасению», невозможность которого Теэтет показал, исходя из тех же самых основ.

Адепты).

Но оно не так! И в недрах самой Веданты, в упанишадах, да и в смрити, а не только в шрути[77], содержатся те самые великие прозрения, о которых я упоминал выше. Если Атман есть Брахман, если «Тат твам аси[78]", то не может не быть истинного просветления и спасения. И просветлеть и спастись должен не какой-нибудь Шанкара, Будда, Теэтет или даже все люди, а сам источник всего — Брахман или Парабрахман т. е. Первоначало. И только тогда он прекратит бессмысленное воспроизводство своих нелепых и жестоких игрищ в якобы бесчисленных кальпах.

---

[77] *…шрути…* — **шрути** (санскрит) – буквально услышанное. Веданта отрицает возможность спасения собственными или только собственными силами. Для того чтобы спастись надо знать Веды. Веды изначальны и создаются Брахманом вместе с миром. Мудрецы же не создают их, а только *слышат.* Потому весь комплекс ведического изначального знания называется «шрути» т. е. услышанное. На Ведах строится вторичное знание **смрити** – запомненное.

[78] *…»Тат, твам, аси»* – изречение упанишад, означающее «это все ты». Уяснение глубочайшего смысла этого изречения и медитация над ним по идее упанишад должны привести к просветлению и спасению.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Федон. Я хочу спросить тебя, Теэтет, как ты относишься к обиходным формам мистики и религии. Имеют ли они в твоих глазах хоть какую-то ценность?

Теэтет. Знаешь ли, Федон, я отношусь положительно ко всему, что облегчает и улучшает жизнь людей. И это мое отношение больше объясняется моими врожденными качествами, нежели моими убеждениями. Обиходная мистика и та или иная религия, на мой взгляд, имеют обычно очень мало отношения к окончательному спасению мира. Однако в основе своей они базируются на простом убеждении об исходной бедственности и безотрадности жизни вообще. Все духовные учения и религии, как правило, начинают с того, что констатируют бренность жизни. Многие просто-таки паразитируют на этом, запугивая своих прозелитов до неприличия. Человек хочет жить, боится смерти, старается забыть о ней, а религия тыкает его в эти ужасы носом. Человек боится несчастий, катастроф — религия постоянно напоминает ему, что все в руке Божьей. А то, что эта рука весьма суровая само собой подразумевается. Религия делает все это для того чтобы облегчить человеку страдание, которое в любом случае для него неизбежно. Она как бы отбрасывает хилые любительские защитные приспособления, а ставит солидные профессиональные. Человек не может уйти от смерти и несчастий, которые неизбежно будут в самой благополучной жизни. И религия призывает признать их во всей их реальности, чтобы она могла дать свое запредельное утешение. Обычный человек не может проверить утверждений религии, и потому его призывают *верить*. Страдание легче переносится, если человек верит, что оно для чего-нибудь да нужно или заслуженно[79]. Так же и смерть.

[79] *…нужно или заслуженно.* – Одна из основных мыслей трактата «О жизни» Л. Толстого (кстати, являющимся и мистиком и мыслителем

Если есть надежда пережить ее, то ожидание будет не так мучительно.

Обиходные формы мистики играют роль религии для людей не склонных к догматизму, но не лишенных мистических способностей. Это как бы более высокий уровень. Здесь уже возможен и личный опыт, в организованных религиях мало приветствуемый. В сущности, и религия, и мистика, пожалуй, и философия — это формы, в которых деградировавший Высший Адепт может стабилизироваться с тем, чтобы начать путь восхождения.

Разумеется, и в недрах религии или тех или иных мистических школах и братствах есть возможность и для деградации. Все зависит от особенностей индивидуального пути. Вот откуда ханжество, мракобесие, обскурантизм, черные мессы и т. п.

не менее выдающимся, чем писатель) заключается в том, что люди страдают в основном потому, что не понимают смысла своих страданий. А не понимают они его потому, что неверно интерпретируют жизнь как нечто данное для блага только телесного. По Толстому достаточно переориентировать свое сознание («В чем моя вера», «Исповедь», «Что такое религия и в чем сущность ее», «Царство божие внутри вас»), начать жить для бога, а не для себя, как страдания обретут смысл и, собственно, страдательность их уничтожится. Только в этом, полагал Толстой, истинный, извращенный догматическими религиями, церковью, смысл евангельской проповеди. Отсюда «люби бога», «подставь щеку», «бог есть любовь» и другие истины и заповеди христианства. И христианство, и толстовство ведут человека к тяжелой, но, но наполненной смыслом жизни. Безусловно, те страдания, которые человек добровольно возлагает на себя, еще эффективнее укрепляют его дух и способствуют его продвижению к цели — состоянию Высшего Адепта. (Хороший пример — Порфирий Иванов.)

Как половой инстинкт делает привлекательной самку и необоримо влечет к ней самца, так инстинкт, требующий в нас освобождения и спасения, необоримо стремит нас к этому состоянию, самому по себе ни освобождением, ни спасением не являющимся.

Федон. Скажи, Теэтет, но ведь и Высший Адепт должен как-то жить. Он воплощен в материальном теле, имеет материальные потребности. Как ты считаешь, занимаются ли Высшие Адепты обычными мирскими делами, обязателен ли для них аскетизм, целибат[80]?

Теэтет. Проблемы Высшего Адепта другие, чем у обычного человека. Основная его проблема — прогресс и деградация. Эти две тенденции постоянно владеют Высшим Адептом. Что касается материальной жизни, то тяготы ее для Высшего Адепта тоже другие, что касается материального благосостояния, то могу заметить, что некоторые Высшие Адепты, особенно начавшие деградировать или несколько уже деградировавшие, иногда являют замечательные образцы материального преуспеяния. Экклезиаст, Соломон[81], Сальвадор Дали, Билл Гейтс, Набоков, Толстой… Э, да их

---

[80] *…обязателен ли для них аскетизм, целибат.* – Страдания ведут к совершенству. Именно этим путем и образуются Высшие Адепты. В идеале они сами организуют себе эти страдания (Пример — йоги, даже наслаждающиеся своим самоограничением и суровым воздержанием.) и, благодаря этому, быстро прогрессируют. Печально, но нельзя не признать того, что наслаждения наоборот способствуют деградации. Деградация же приводит снова к страданиям. Поскольку Высший Адепт это именно тот, кто уже вышел за границы обусловленности, прямой необходимости придерживаться каких-то суровых ограничений у него уже нет. Высший Адепт — конечный итог работы Проявленного бытия. Это — сперматозоид, готовый к завершению своей миссии. Если миссия не выполняется — он гибнет, или, как в случае Высшего Адепта — деградирует. Стремление человека к совершенству, совершенствованию, такой же инстинкт, как инстинкт самосохранения или продолжения рода. Кстати, как и последние подверженный извращениям. Цель его — создание Высшего Адепта для совершения Великого Делания.

[81] *…Экклезиаст, Соломон…* — Хотя обычно подразумевается, что это один и тот же человек, Теэтет считал их разными личностями.

невозможно перечислить.

Вспомни Джонатана Ливингстона[82]. Стая дерется за объедки, а Джонатан, благодаря приобретенным им уникальным способностям, никогда не имеет проблем с пищей, отдавая всего себя совершенствованию. Я знал одного человека, основательно деградировавшего адепта, который мог всегда получить достаточно много денег от продавца в виде сдачи с любой самой маленькой купюры. И самое интересное, что он никогда этим не злоупотреблял, сам не зная почему. А я знаю. Он уже остановился на пути деградации, и злоупотребление этой способностью могло его снова на этот путь толкнуть.

Федон. Теэтет, по твоим словам получается, что все талантливые, выдающиеся, гениальные люди сплошь деградировавшие Адепты. Но может, есть просто люди, достигшие высокого положения своими усилиями в результате самосовершенствования, духовного прогресса?

Теэтет. Я думаю, правильно будет считать, что все люди, без исключения — деградировавшие Адепты. Просто степень деградации и срок пребывания в ней у всех разный. Кто-то деградирует незначительно, спохватывается, идет вверх, и, в общем, постоянно находится в верхах. Кто-то деградирует до почти животного уровня, пребывает внизу, не имея возможностей, сил, а зачастую и желания прогрессировать. Это как с движением молекул: одни быстро двигаются, другие медленно, а, в общем, то, что с ними происходит, какова их судьба — это их личное дело.

Федон. То есть ты хочешь сказать, что каждый человек был когда-то Высшим Адептом? Но это же очень странно. С одной стороны непостижима столь невероятная деградация, с другой непостижимо время необходимое для

[82] *…Джонатана Ливингстона…* — Имеется в виду персонаж сказки-притчи Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

столь длительных процессов.

Теэтет. Это вообще темный вопрос. Все, о чем мы говорим, поневоле некоторое упрощение. Мы вынуждены оперировать, поневоле всё упрощая, понятиями, которые не могут быть бесконечно сложными, но, пожалуй, эти упрощения не влияют на понимание сути дела. Во-первых, наши понятия о времени достаточно условны, во-вторых, понятия о личности. Личность по необходимости во многом условна. Основа ее лежит в Первоначале, а конкретная самоиндетификация зависит от воспоминаний, действий, цепи событий, связываемых с данным конкретным воплощением. Реинкарнация (а ведь это фундаментальное свойство бытия личности в мире) может происходить (да, собственно, так бывает всегда) не в одной личности, а в нескольких. Так же как карма отрабатывается всегда не полностью, а по частям. Видишь, я уже залез в некие дебри, которые для нашей основной темы — окончание мирового процесса, спасение мира — вполне безразличны.

Каждый человек и скот, и Высший Адепт. В скотском состоянии он осуществляет базисную функцию, а, будучи Высшим Адептом, имеет шанс совершить Великое Делание. И вся эта сутолока, вся эта суета, однажды возникнув (это тоже условность: креацианизм и эманационализм[83]

[83] *…креацианолизм и эманационализм.* – Воззрения Теэтета апеллируют в основном к учению эманационализма, характерного для восточного мистицизма и неформальных европейских течений мистической мысли таких как неоплатонизм, гностицизм, каббала и других. **Эманационализм** – понятие означающее переход от высшей и совершенной онтологической ступени универсума к менее совершенным и низшим ступеням. В неоплатонизме разработано даже учение о том, что *Высшее* не изменяется, порождая низшее. Это проще продекларировать, чем понять. Тайный же мотив этого учения все тот же — *теодицея* (См. примечание 19). «В монистических системах (платонизм, неоплатонизм) учение об **Эманации** как о «естественной» продуктивной силе первоначала, «невольно» производящей низшее от преизбытка творческой мощи, объясняет

противостоят друг другу, отражая две противоположные стороны истины, и, существуют в наших умах, из-за явно относительного и условного характера восприятия и трактовки нами временных процессов), продолжается (на самом деле «бытийствует») в сущности уже как бы вне времени (в некоем «втором» времени). И, с одной стороны, для каждой бессмертной монады уже прошла вечность, за которую с ней произошло все, что могло произойти, с другой стороны, непротиворечиво и утверждение, что возникновение мира произошло прямо сей момент уже в готовом виде — с историей, пространством, временем, всеми нами и вечностью[84]. Тот Высший Адепт, который совершит Великое

появление зла в мире: зло есть отсутствие блага, и оно неизбежно потому, что уже первое порождение обладает меньшим совершенством по сравнению с первопринципом» [4, с. 794]. Очевидно, что в эманационализме *первоначало*, вполне бессознательный и безличный фатум. И, разумеется, совершенно ошибочно отрывать «сотворенный» мир от вечного первоначала, чтобы «оправдать» его.

Для ортодоксальных, догматических религий, где бог освобождается от обвинений в порождении зла своим высшим авторитетом и другими способами, характерно учение *креационизма*. «**Креационизм,** религиозное учение о сотворении богом мира из ничего» [4, с. 282]. И, тем не менее, когда дело касается бога, то совершенно неважно сотворил ли он мир из ничего или тот развился из него самого, благодаря «преизбытку творческой мощи», или даже в результате «сознательного акта предвечной дерзости» [4, с. 794] (пифагорейство). Неважно. Предвечное первоначало не может быть далеко ни от чего, потому что всё – это и есть оно само. Без учения о бессознательности Первоначала и слепого его устремления к собственному просветлению и спасению (а именно в этом заключается учение Теэтета) мир может предстоять перед нами только как абсолютная загадка, как многозначительный намек непонятно на что.

[84] *…нами и вечностью.* — сходная мысль присутствует в книге В. Пелевина «Поколение П»:

«— Ты слышал выражение «Страшный суд»?

— Слышал.

Делание, совершит его не только для нас или за нас, а по сути дела в его лице это Великое Делание совершим и все мы. Знаешь, Федон, мне кажется, что эта тема уж очень суха и темна для нашей весёлой беседы. Разъяснение ее требует хорошего философского трактата, и я не уверен, что, даже размышляя за своим письменным столом, сумею изложить ее вполне адекватно тому, что знаю непосредственно.

— На самом деле ничего страшного в нем нет. Кроме того, что он уже давно начался, и все, что с нами происходит, — просто фазы следственного эксперимента. Подумай – разве Богу сложно на несколько секунд создать из ничего весь этот мир со всей его вечностью и бесконечностью, чтобы испытать одну-единственную стоящую перед ним душу?

— Андрей, — отвечал Татарский, косясь на его стоптанные тапки в веревочных стременах, — хватит, а? Мне ведь и на работе говна хватает. Хоть ты бы не грузил» [25. с.308-309]. Приведенная цитата отражает довольно распространенное воззрение на бытие как на испытание, проводимое Богом над индивидуальной душой. (Чжуан-Цзы, М. Экхарт, Л.Толстой и др.) В общем — это попытка объяснить одно непонятное чем-то еще более непонятным. Бог-испытатель, вместе со своими изуверскими испытаниями, предстает в такой трактовке достаточно нелепым.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

Федон. Давай, Теэтет, проведем экзамен. Я перескажу тебе твое открытие своими словами, и если тебя устроит мой пересказ, то мы сможем обсуждать его уже в тех границах, которые я этим своим рассказом и обозначу.

Теэтет. Приступай.

Федон. Итак, суть твоего открытия — спасение, и не просто спасение, а спасение абсолютно всех, всего мира. Спасение это должно произойти в результате Великого Делания. Понимаешь же ты Великое Делание совсем не так, как понимали его алхимики и оккультисты прошлого, да и настоящего. Собственно, чтобы объяснить, в чем же заключается твоя идея, ты отстаиваешь несколько тезисов, и твое определение Великого Делания только один из них. Постараюсь припомнить остальные. Скажем, такой: говорить можно о спасении только всего мира, и только весь мир в целом может спастись, все великие подвижники, спасшиеся индивидуально или предлагавшие и осуществлявшие другие, чем предложенные тобой, способы спасения, ошибались и ничего не достигли, кроме личной катастрофы и не выполнения той миссии, которую они в действительности должны были осуществить.

Теэтет. Заметь, Федон, я их не осуждаю, скорее, сочувствую. Хотя они и способны были совершить Великое Делание, но не совершили его, т. к. еще не понимали, что это такое. В общем, для всех них день «Д» так и не наступил.

Федон. Что за день « Д»? То есть «день будь с нами[85]"?

---

[85] *…Великий День «Будь с нами»?* – Теэтет, конечно, имеет в виду совершение Великого Делания, т. е. окончательное и полное освобождение. Федон тоже вспомнил это довольно известное место из «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской, где и был использован этот термин. И Теэтет, и Федон видимо подзабыли, что точно понимает

Теэтет. Именно. Продолжай.

Федон. Другой твой тезис в том, что внутренняя сущность мира слепа и бессознательна. Именно этим объясняешь ты несовершенство и зло мира. Теодицеи ты отвергаешь любые как нечто в принципе невозможное. С одной стороны, считаешь ты, будь Бог сознателен, и всемогущ, Он не допустил бы существования в мире несовершенства, просто не стал бы его таким создавать. С другой, само наличие несовершенства (зла, страдания) в мире доказывает, что Первосущность понятия не имеет, что же в нем творится.

Теэтет. Почти. Ты забыл, что творящееся в мире все-таки отражается в Первосущности и, хотя и не осознается ею, (т. к. ей нечем это делать), но, тем не менее, она порождает в мире стремление, воление к устранению этой дисгармонии[86], и как уж она устранится, с миром или без него, неважно. Во всяком случае, такой мир, какой он есть сейчас, права на существование не имеет. Это — мой категорический императив.

Федон. Да, да. Ты не дал мне договорить. Я собирался сделать это рассуждение следующим тезисом. Далее. Ты утверждаешь, что Первосущность не Бог, но стремится (подспудно, бессознательно) им стать. Я, разумеется, выбираю произвольный порядок перечисления тезисов, а не по важности, Вообще-то они все равно важны… (*Федон крутит головой*.) Ну и мозаику ты выложил…

Следующий тезис: наш мир, Проявленное бытие в твоей

под ним Блаватская. В истолковании Блаватской Великий День «Будь с нами» означает не совершение Великого Делания, а только окончание очередной кальпы и слияние всего и вся в «пралайе» в нечто единое, слияние с Началом Всего на время «Великой Ночи» [20. с. 202-203].

[86] *…воление к устранению этой дисгармонии.* — в последствии Теэтет практически всегда, говоря об этом аспекте Великого Делания, станет употреблять в таких случаях термин «намерение».

терминологии, дуален. В нем борются: свет и тьма, свобода и необходимость, дух и материя, добро и зло и т. д. (Это распространенная теория.) И цель всей этой борьбы, всего этого манихейства[87] в том, чтобы в одной из составляющих, а именно

[87] *…всего этого манихейства…* — Федон упоминает о манихействе в данном контексте в шутку, но не зря. Манихейство по некоторым внешним признакам действительно напоминает рассуждения Теэтета. Вот, что пишет ФЭС: «Учение М. характеризуется дуализмом и развертывается в системе «трех времен». **«Первое время» – существование двух изначальных, вечных и противостоящих принципов: добра и зла, света и тьмы (или материи), отграниченных друг от друга. Пространственно добро занимает север, восток и запад, зло – юг. Каждая из этих первосубстанций обладает пятью эманациями, или ипостасями («жилища», «эоны»). «Второе время» – смешение двух принципов: зло (материя) вторгается в царство света. Благой отец, владыка света, порождает матерь жизни, а та, в свою очередь, — первочеловека, который вступает в борьбу с сынами («архонтами») мрака, терпит поражение и попадает в плен. Для его спасения благой отец порождает духа живого, который, победив архонтов, создает космос для очищения света, поглощенного ими. Весь чувственный Мир есть как бы градация смешанных в различных пропорциях двух субстанций. Солнце и луна – катализаторы божественного света: во время своих увеличений луна принимает души умерших, а во время убываний – отправляет их к солнцу, которое пересылает их дальше к богу. По окончании процесса очищения света от смешения с материей наступит «третье время» – время окончательного торжества добра над злом; остатки материи, лишенные божественного света, погибнут во вселенском пожаре»** [4, с.339].

Знаменательны переклички манихейства с парадигмой Теэтета. У Теэтета тоже есть как бы «три времени». «Время» до появления Проявленного бытия, «время», когда Проявленное бытие существует (то, где мы находимся в настоящий момент) и «время», когда произошло спасение — Великое Делание. Мировой процесс закончился, и зло окончательно исчезло. Манихейство, безусловно, базируется на большой глубины мистическом прозрении, выраженном в мифологической форме. Видение спасения в манихействе наивно и неудовлетворительно: **«Для спасения**

в той, которая определяется положительно, в конечном итоге появился такой совершенный духом индивидуум, который сможет совершить Великое Делание. Пятый тезис. Пятый? Это само Великое Делание. Это апофеоз движения, развития, деятельности Проявленного бытия. Это то, во имя чего оно и боролось, и страдало. Это перенос выпестованного, взлелеянного, в муках выращенного усилиями самой Первосущности некоего Высшего Сверхсознания (в той или иной форме присущего любому Высшему Адепту) в самое ядро Первосущности. Тут же упомяну и шестое, очень важное, положение в твоей мозаике то, что для такого переноса необходим «пробой грани, разделяющей проявленное от непроявленного», т. е. успешный прыжок через «пропасть». По твоим словам, все, кто прежде думал, что осуществляет Великое Делание, сливается с Богом, уходит в нирвану, на самом деле не пробивали эту грань, а просто сливались с ней.

Я пока не понял, в чем разница. Дай, я закончу — твои разъяснения потом.

Еще парочка тезисов. Мир спасется одни раз. После спасения, произведенного Великим Деланием, Первосущность на вечные времена обретет божественное сверхсознание, и никакое новое падение ее в становление станет невозможно. И ещё один тезис гласит, что не произошло это Спасение, Великое Делание, завершение Мирового процесса (всё твои термины), из-за того, что Высшие Адепты, т. е. те, кто уже способен совершить Великое Делание, попросту не знают, что им делать и

человеческой души благой отец посылает сына своего Иисуса, который обладал лишь видимостью человека и который дарует спасение посредством знания («гносиса»), объемлющего всю совокупность учения Манихейства» [там же].

Как видим, здесь все та же идея «Благого Отца», дарующего спасение, и полное отсутствие объяснений того загадочного факта, что «Благой Отец» вполне мог даровать это спасение до того, как оно понадобилось, но почему-то этого не сделал. Вопрос же о Едином Первоначале даже не ставится.

зачем. Это очень спорный и странный постулат. Если они такие недотёпы то, как же они совершили бы Великое Делание? Высшие Адепты по определению обладают просветленным сверхсознанием («гносисом», «видьей») как они могут не знать и не понимать такой элементарщины?

Теэтет. Браво, Федон, мое открытие уже в твоих глазах — элементарщина. Действительно, я очень рад. Путь любой новации в этом мире именно таков: от «этого не может быть» до «кто же не знает такой банальщины». Только, по всей видимости, мое открытие не успеет сделаться банальщиной.

Федон. Ну, а если? Если твои Высшие Адепты выслушают тебя и начнут биться головой о грань, и все без толку? И мир как стоял, так и будет стоять? Что ты тогда скажешь?

Теэтет. Честно говоря, я такого и представить себе не могу. Конечно, какое-то время для решения чисто технических вопросов понадобится. Может даже оно займет сто лет или около того. Но чтобы открытие мое было неверно? Нет, не допускаю. Я вообще-то хочу об этом поговорить, но вижу, что мы отвлекаемся. Пока я тебе отвечу так: словами и мыслями можно играть как угодно, но лучше не заигрываться. Я слышал про одного сумасшедшего, который бегал вокруг бочки, пытаясь догнать самого себя. Он хотел укусить себя за спину. Когда ты задал свой вопрос, то ты как бы предположил похожий умственный выверт и во мне. Но как узнать, кто из нас бегает вокруг бочки?

Я еще коснусь этой темы после того, как ты закончишь свое изложение, а сейчас, продолжай.

Федон. Чтобы объяснить, почему же Высшие Адепты не совершили Великое Делание, ты вводишь понятие «деградации Высших Адептов». Ты считаешь, что Высший Адепт или сливается с гранью, или начинает деградировать. То, что деградация еще дальше уводит Адепта от выполнения его высшего предназначения, само собой понятно. В общем, по твоим словам, все Высшие Адепты то деградируют, то

прогрессируют, а вот в состоянии оптимальном для совершения Великого Делания находятся редко и непродолжительно. И все потому, что они не знакомы с твоим открытием. По такой логике можно даже считать, что и все люди когда-то уже были Высшими Адептами, но потом деградировали до такой степени, что некоторых их них теперь и людьми-то можно назвать только с натяжкой.

Теэтет. Я вполне понимаю твою иронию в отношении этого моего воззрения. Люди, они и есть люди, а не ангелы, а мысль эта верна: без всяких натяжек, можно считать и так.

Федон. Ну, что ж? Я, кажется, заканчиваю. Последний вывод: мы все спасемся, но, кажется, не успеем об этом узнать. Кроули пожалел наш мир и не произнес тайное имя Бога, при произнесении которого, вселенная рассыпается в прах, ты же собираешься такое слово сказать. Уже говоришь. По большему счету я не против этого. Я не боюсь конца света, как не боюсь и жизни. Если ты не прав, и мир не спасется по твоему методу, я готов жить и дальше.

Теэтет. Ну, во-первых, о спасении все узнают немедленно, как только оно произойдет, и будут после него уже всегда находиться в постоянном всеведении. Во-вторых, открытие мое говорит не о конце света и страхе перед жизнью, а о спасении мира и незаконности зла.

Теперь, о твоем изложении. Я понимаю так, что ты произнес свою речь для того, чтобы я возразил тебе на то, с чем не согласен и ответил на возражения. Отлично. С поправкой на стиль ты изложил все верно. Я могу не поправлять мелких неточностей и не отвечать на шпильки. Нам достаточно подождать, и ты убедишься в моей правоте.

И все-таки мне хочется проанализировать твою речь и постараться еще раз, насколько могу ясно, осветить темные или сомнительные для тебя места, на которые ты указал. Я сделаю это, пожалуй, даже, и из чистого удовольствия. Я не сомневаюсь в моем открытии, люблю его; я играю им; я

рассматриваю его со всех сторон; я нахожу ему подтверждения в древних и современных трактатах, мыслях и словах мудрецов всех времен; или возражения. Я не фанатик, как ты знаешь. Если бы истина была иной, я принял бы и ее, но я говорил уже тебе, что с несовершенством мира можно мириться, но нельзя смириться. Теперь же я знаю, что отказ от смирения, бунт против существующего положения вещей возможен и нормален.

Я вычленил три пункта, по которым дам тебе ответ. Первый о пробое грани, второй о загадочной непонятливости Высших Адептов в отношении Великого Делания. И третий, о моем догматизме, помнишь, я обещал вернуться еще к тому, почему я не допускаю, хотя бы в принципе, что моя теория спасения мира не верна. Именно в этих трех пунктах ты был наиболее критичен. В целом же ты изложил основные тезисы моего открытия правильно.

Хочу сразу оговориться, что не претендую на то, чтобы объяснить все тонкости, открывшейся мне истины на пальцах и абсолютно доступно. Естественно, что, передавая в словах, увиденные и постигнутые мною непосредственно образы, я поневоле допускаю разговорные упрощения. Постараюсь, когда буду писать, добиться лучшего результата, чем в беседе.

Конечно, «пробой грани», «прыжок через пропасть[88]»

---

[88] *...прыжок через пропасть.* – это совсем не тот прыжок через пропасть, который описывает в своих трудах А. Кроули.
Теэтет имеет в виду совсем другую пропасть. Образно можно сказать, что соотношение между Проявленным бытием и Непроявленным бытием выглядит как отношение нуля к бесконечности. И, тем не менее, в нашем сознании Проявленное бытие само выглядит как некая бесконечность. Бесконечность временная, пространственная, качественная и т.д. Оно настолько грандиозно, что в обычных глазах оно закрывает полностью весь обзор, и только Высший Адепт в состоянии озарения и просветления непосредственно узревает его относительный (и вторичный относительно Непроявленного бытия) характер. Качественно

— это только метафоры. Суть вот в чем: мы все дети этого, проявленного мира. Плоть от плоти. Собственно, для нас говорить и думать о запредельном противоестественно. Обычные, нормальные люди об этом и не задумываются. На профаническом уровне понимание трансцендентного подменяется попыткой понять не **потустороннее** в собственном смысле, а загробное, т. е. находящееся за пределом одной или нескольких конкретных жизней, или находящееся за пределами этого, наиболее очевидного плана бытия. И если трансцендентное непостижимо, то загробное постижимо вполне. Смешно говорить, что «оттуда ни один не возвращался»[89]. Все мы вернулись оттуда, потом опять уйдем

Проявленное и Непроявленное совершенно несовместимы. Собственно, только в отношении Проявленного можно говорить о каких-то качествах. Для Проявленного бытия Непроявленное как бы и не существует и, тем не менее, именно **оно** первично, оно основа, оно – суть, оно безотносительно и, безусловно. Невзирая на эту несовместимость, на этот подразумеваемый антагонизм, с необходимостью следует предположить наличие глубочайшей связи между Проявленным и Непроявленным бытием, ведь именно последнее порождает первое. Эта связь и есть та лазейка, та возможность, тот туннель, по которому в Непроявленное бытие проникнет (как это постоянно и происходит) не только бессмысленная и бесполезная (поистине мучительная) для него информация о Проявленном бытии, но наконец-то проникнет и сам просветляющий и трансформирующий его принцип в виде сознательного **намерения** конкретного Высшего Адепта, осуществляющего Великое Делание. В своих записях Теэтет особенно подчеркнул, что в словах этот процесс объяснить, собственно, невозможно, тогда как, начиная с какого-то этапа Великое Делание, совершится практически само собой.

[89] *…«откуда ни один не возвращался».* — неточная цитата из знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть»: «Боязнь страны, откуда ни один не возвращался…». Несмотря на прославленную глубокомысленность этого монолога, содержание его довольно плоско: мы ничего не знаем о том, что нас ждет после смерти, и потому не решаемся убить себя и покорно терпим все невзгоды, из которых собственно и состоит жизнь. «Мириться лучше со знакомым

туда и так далее. Простые люди не понимают, что загробное — потустороннее — не какой-то иной мир, а все этот же, только несколько изменивший свои измерения и координаты. Короче, это — все то же Проявленное бытие. Естественно, что те, кто не видит и не помнит ничего за пределами этой одной жизни, как правило, ни во что загробное и не верит. Основная масса людей, в сущности, полубессознательна (вот почему, кстати, большинство людей так легко поддается гипнозу), таково же их состояние и «за гробом». Высший Адепт знает и запредельное и «загробное».

Высшие Адепты могут непосредственно воспринимать то, что я называю «грань». Грань — это Атман. Это то, что принадлежит и запредельному и посюстороннему одновременно. Если не сделать специального анализа, то грань вполне естественно принимается за Первоначало, за само запредельное. Это тем более естественно потому, что грань обращена к нам своей посюсторонней стороной. Эта ошибка становится роковой, когда Высший Адепт подходит к вопросу о том, как же ему совершать Великое Делание. Индивидуальное спасение это — слияние с гранью, превращение в безличный Атман, с уничтожением всего того, что не Атман, всего индивидуального (вспомни Халладжа[90]).

После того, как я сделал свое открытие, у меня как будто открылись глаза, и я сейчас действительно не понимаю,

---

злом, чем бегством к незнакомому стремиться». «Кто бы согласился, кряхтя под ношей жизненной плестись, когда бы неизвестность перед смертью, боязнь страны, откуда ни один не возвращался не склоняла воли». Мне кажется, что этот монолог не имеет никакого отношения к личным обстоятельствам принца Гамлета и его нерешительности в плане мести дяде, убийце отца. Скорее он просто настраивает нас, зрителей, на мрачный лад и подготавливает к печальному концу, где гибнут все персонажи. Шекспир был хороший поэт, но в то время отнюдь не Высший Адепт.

[90] . *(вспомни Халладжа)* – см. примечание 46. Теэтет имеет в виду слова Халладжа: «Когда Аллах берет сердце, Он изымает из него все, что не есть Он Сам».

как можно так заблуждаться и видеть смысл и цель жизни в индивидуальном спасении. При индивидуальном спасении исчезает только индивидуум, ни Первосущности, ни мира это не затрагивает и ничего в них не меняет.

Слияние с гранью — не есть Великое Делание. Великое Делание это — просветление Первосущности, наделение ее сознанием, сверхсознанием и в результате спасение всех. Пробить грань, проникнуть за нее **возможно**. Я думаю, что Высший Адепт должен, конечно, основательно подготовиться к Великому Деланию. Должен сделаться идеально ему соответствующим, и только тогда оно сможет совершиться. Естественно, что добиться этого можно, только понимая, что делаешь.

Рассуждая о «пробое грани» я незаметно подошел и к «непонятливости» Высших Адептов. Вообще-то это — вопрос праздный. В конце концов, не все ли равно, почему появился наш мир и почему он не спасся до сих пор? Главное узнать, как его спасти, а потом и сделать это. Я хоть и Высший Адепт, но всеведением не обладаю. И потому могу только предполагать, почему наш мир все еще существует. Я считаю a priori, что мое открытие перевернет всю устоявшуюся стратегию Высших Адептов (Вышибет их из считающейся ими безальтернативной дихотомии «игра» – «слияние с Богом».) Все-таки они Высшие Адепты и не могут не оценить и не понять его. Стало быть, в конечном итоге, некий Высший Адепт совершит Великое Делание, и мы все немедленно об этом узнаем, потому что спасемся. Мне сейчас вспомнилось одно место из Евангелия: ученики у Христа спрашивают, как же мы узнаем, что это именно ты, Христос, снова пришел на землю. А он им отвечает: «Если будут вам говорить, что я в пустыне или в какой-нибудь потаённой комнате, не верьте. Молния если сверкнет, так ее видно с востока до самого запада. Так будет и явление Сына Человеческого» [Мф.24,25-27]. Лучше нельзя сказать. Когда мир спасется, мы это узнаем сразу и непосредственно.

Почему же они такие тупые? Конечно, не тупые, но почему до сих пор не дошли до этого не знаю, но знаю, что если бы дошли, мы бы с тобой здесь уже не разговаривали, а пребывали бы «в радости Отца Нашего Небесного», говоря словами Иисуса. Ну, должно же все когда-то произойти в первый раз. Вот я впервые и сделал это открытие (и я вовсе этим не тщеславлюсь, во многом это дело случая). Открытие же это глобальное, и не о частных, игрушечных, «учебных» спасениях идет речь, а о спасении всего мира, и раз и навсегда.

Теперь о моем фанатизме. Я думаю, что одна из причин, уводящих Высших Адептов не то, что от совершения Великого Делания, но даже от правильной постановки вопроса о нем, является их относительная нестабильность. На самом деле Высший Адепт редко и очень непродолжительное время бывает в полном смысле слова Высшим Адептом. Ни один Высший Адепт не свободен от влияния внешнего мира. Сколько усилий прилагается ими чтобы это влияние нейтрализовать: отшельничество, аскетизм, многочасовые медитации, специальные поведенческие техники («сталкинг», например, Тольтеков, описанный у Кастанеды, и прочее). Попросту говоря, Высший Адепт то прогрессирует, то опять деградирует, а когда он попадает в экзальтации на высшую точку бытия, его в этот миг настолько переполняет его собственная самодостаточность, что ему бывает не до Великого Делания. Тем более что это состояние экзальтации обычно быстро заканчивается. Я это видел и вижу постоянно, более того, я это изучил и испытал на себе. Я знаю, почему я не совершил Великого Делания. Потому, что это, мягко говоря, очень не простое дело, а без досконального знания и понимания, что же это такое в принципе, и вовсе невозможное.

Высший Адепт — целостен, мудр, энергичен, да. Он не может быть фанатиком, глупцом, филистером, злодеем, но он может что-то не знать, не понимать и не уметь. Конечно,

возникни необходимость, и он все узнает, научится, поймет, но ведь до сих пор не было не только никаких зацепок, не было ничего, «кроме наших страданий и нашего ничтожества[91]». Но и ничтожеством Высший Адепт себя считать не может, осознавая себя и действительно являясь, вершиной развития Проявленного бытия.

Я, Федон, есть тот, кто я есть, и я знаю то, что я знаю. Я не ученый, который чем больше узнает, тем лучше понимает, насколько он мало знает. Мое знание иного рода. Я не могу сомневаться в своем открытии, потому что я таков. В каком-то смысле мое открытие — это я. Ну, представь, на олимпиаде к олимпийскому чемпиону подходят и говорят: «А вы уверены в том, что это вы сейчас сделали тройное сальто и, что вы это – вы? Может быть, вы какой-нибудь немощный инвалид, сидящий в инвалидной коляске и воображающий себе бог знает что?» Что на это можно сказать? Ничего. Я знаю то, что знаю. Я умею то, что умею. И в этом нет никакого фанатизма. Vale! Я закончил. Ты хотел еще что-то обсудить в обозначенных тобою границах. Можешь приступать.

Федон. Я верно понял, Теэтет, что мое изложение основных постулатов твоего открытия в целом не вызвало твоих возражений?

Теэтет. Оно вполне адекватно, хотя и не развернуто, но ведь ты излагал только принципы. Мне оно понравилось, даже и твои колкости.

---

[91] …«*кроме наших страданий и нашего ничтожества*». – неполная цитата из Шопенгауэра: «…если есть что-либо в этом мире достойное желания, — было бы желательно, чтобы даже грубая и глупая толпа в минуты некоторого просветления ценила людей серьезной мысли выше серебра и золота, так как здесь в потемки нашего существования падает солнечный луч, — здесь дается тот или другой вывод относительно нашего загадочного существования, в котором нет ничего ясного, кроме наших страданий и нашего ничтожества» [1, с. 197].

Федон. Ну, что ж. На сегодня достаточно.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

Федон. Знаешь, Теэтет, я много размышлял последнее время, и все пытался найти в твоей системе ее порок или изъян, который в ней неизбежно должен быть. Не может быть мир создан просто бессмысленной силой, и не может он, просуществовав вечность, вдруг исчезнуть без следа. И, главное, не может жизнь мира, все восторги ее и страдания, нелепицы и мудрость быть совершенно бессмысленны, быть следствием какой-то фатальной, абсурдной и супердиковинной случайности, которая, получается, и возникала только затем, чтобы как можно скорее исчезнуть. Что-то здесь не так. И вот к каким выводам я пришел.

Разумеется, ты во многом прав. Да, и что нового ты сказал? Всё давным-давно известно и обсосано, хоть тем же Шопенгауэром. А до него древними индусами, тибетцами, китайцами и прочими. Положение же твое о Великом Делании совершенно произвольно. Я понимаю, конечно, что ты хочешь решить проблему добра и зла в окончательном виде. Ты мне говорил об этом еще тогда, когда и не помышлял ни о каком Великом Делании. И, как всякий апологет, ты всячески стараешься не замечать того, что может тебя опровергнуть, и подбираешь аргументы так, чтобы они говорили в твою пользу. Главная слабость твоих рассуждений, я, наконец, это понял, в том, что ты попеременно то объявляешь мир субъективным феноменом, то рассматриваешь как вполне объективную реальность. Поверь, мне нелегко было до этого додуматься, и хотя, я уверен, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, позволь мне высказаться полностью и разобрать этот вопрос до конца.

Я знаю, что на самом деле ты не веришь ни в какую объективность мира. Объективный мир, материя существуют только для профанов, а ведь ты Высший Адепт. Сейчас даже профаны читают «Изумрудную скрижаль» или всякие там «Гримуары». Мир, — прежде всего субъективный мистический

процесс, глубоко интимный. Уж кто-кто, но ты это знаешь не хуже меня, не мне тебе это объяснять. Если уж принять твою теорию о Великом Делании, то совершить его можешь только ты сам, и никто другой. Да-да. Так же, как его будет совершать каждый для себя, если захочет. Сколько людей, столько вселенных, и каждая рождается и умирает самостоятельно, никто ей в этом помочь не может, и потому никто не совершит Великое Делание за тебя. «По ком звонит колокол? Он звонит по тебе». И потому индивидуальное спасение, как ты его не разоблачал, существует, и это единственное спасение, которое возможно. Нужно ли оно, это другой вопрос.

Самый сильный, на первый взгляд, твой аргумент — несовершенство и зло мира. Ты пытаешься придать ему онтологический характер и при этом совершаешь изрядное передёргивание. Онтологична **дуальность** мира, а не зло. Нелепо хулить перец за его горький вкус. Да, проявления зла, его воздействие на сознание, скорее даже воздействие не самого зла, а нашего представления о нем (воображаемые ужасы страшней реальных), ужасны. Но это все не более как субъективный феномен. Прав Толстой — зла нет, есть наша ложная точка зрения. Зло в действительности существует, повторю опять, только для профанов. (*Теэтет возмущенно хмыкает.*) Это профанический уровень понимания реальности. На мой взгляд, прав все-таки Шришанкарачарья, а не ты, хоть ты его и неплохо критиковал. Да, представь себе какой хочешь ужас, хоть то, что всех твоих друзей, родных и близких убили и пропустили через мясорубку. Ну, и что? Ты хочешь сказать, что ты взвоешь от горя? Значит тогда, плохой ты Высший Адепт. Это же все кино, которое ты крутишь сам себе. Да, божественная игра наполнена злом и мерзостью, ну, а чем она, по-твоему, может быть наполнена, чтобы существовать, чтобы продолжаться? Ведь другого ничего не существует. Существует бесконечный водоворот жизни, а мы в нем не больше, чем солнечные зайчики, создаваемые отдельными всплесками отражающих поверхностей. Ты прав в том, что в мире

царствуют два начала — они и создают для нас видимость добра и зла. И разность потенциалов, напряжение между ними, могут достигать какой угодно величины. То зло, что мы знаем, которому ужасаемся, для кого-то не более чем детская забава. Каждая душа выбирает тот уровень игры (а значит и зла), который ее в данный момент устраивает, и играет уже на нем. Пожалуй ты прав только в том, что эту игру нельзя закончить, нельзя в ней снять банк. Это действительно невозможно. Та Первосущность, отражением которой являемся и я, и ты, и весь мир не может перестать играть просто потому, что нас для нее, какими мы видим сами себя, просто нет, мы для нее фантомы, и в то же время для нее мы — ее единственная жизнь, ее фундаментальное отличие от небытия. Как же бытие может стать небытием? А вот это даже Богу невозможно (хотя ты, похоже, думаешь иначе).

Я заканчиваю. Ни ты, ни какой-либо другой Адепт никакую грань никогда не пробьет. Такой грани нет, это просто условность, наш способ говорить, способ ходить вокруг, да около, как говорил бедняга Ницше[92]. Предвечный всегда здесь, вечный и неизменный. Извини, но думать, что бог нуждается в том, чтобы ему открыли глаза на им же творимое зло, просто смешно. Лично ты можешь попытаться совершить то, что ты называешь Великим Деланием. Я заранее могу сказать тебе, что произойдет. Ты просто попадешь в такое место (и состояние), где тебе объяснят или ты сам себе объяснишь (что одно и то же), что ты сделал и в чем суть дела, объяснят лучше, чем смог это сделать я.

Теэтет. Критика твоя хороша и серьезна, многое из того, что ты говорил, я не раз говорил себе сам. В сущности, ты повторил, усилив их, те доводы, которые я по ходу наших бесед

---

[92] *...говорил бедняга Ницше.* — Это говорил Дон Хуан у Кастанеды, но похожее место у Ницше есть в «Так говорил Заратустра». В нем он говорит о способе «плясать на поверхности всех вещей». Видимо, Федон в запале оговорился.

опровергал. Я вижу, ты не терял времени зря, пока мы не виделись, и основательно подготовился. Думаю, поэтому мне не стоит отвечать тебе по пунктам, чтобы не получилась дурная бесконечность, — ты опровергаешь меня, я — тебя и т. д. ad infinitum. Сделаю только небольшое резюме. То, что я тебе разъяснял о моем понимании Великого Делания, очень для меня важно, и чем дальше я углубляюсь в этот вопрос, тем важнее делается. Если мы и разные вселенные, то нельзя отрицать, что мы это и одна и та же вселенная тоже. Можно думать, что мы все просто крутим себе кино по сценариям великой иллюзии, но можно так и не думать. Пожалуй, Великое Делание такая вещь, о которой лучше не говорить, а взять и свершить[93]. Ты считаешь, что Великое Делание невозможно и не нужно, а я считаю наоборот. Кто из нас прав? Разве это имеет какое-нибудь значение? Если оно возможно, я его совершу. А оно возможно. Мне нравится твоя мысль, что мне следует совершить его самому, но я остаюсь при прежнем своем мнении, что совершенное одним адептом, когда и где-либо, оно тем самым совершится для всех и навсегда. Я мог бы пофилософствовать насчет субъективности объекта и объективности субъекта, но пока считаю это излишним. Не думаю, что когда-нибудь кто-нибудь или я сам объяснит мне то, что я сейчас так хорошо знаю, лучше, чем я это знаю уже сейчас…

[93] *Пожалуй, Великое Делание такая вещь, о которой лучше не говорить, а взять и свершить*. — Эту фразу взял писатель Андрей Сердюк в качестве эпиграфа к своему роману «Дороги младших богов», написанному под впечатлением и по мотивам «Великого Делания».

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

Федон. Скажи, Теэтет, не должны ли твои рассуждения и выводы из твоих рассуждений соответствовать тем самым основам, из которых ты исходил, только приступая к своим рассуждениям.

Вопрос риторический.

Тогда позволь мне рассмотреть пути твоих рассуждений.

Начну со столь тобой любимой идеи солипсизма или, если хочешь, теоретического эгоизма, по словам Шопенгауэра. Как я понимаю, ты считаешь ее логически неопровержимой, но в то же время такой, что ее никак невозможно понимать буквально и рассматривать как непосредственное руководство к действию. Тут ты, как мне кажется, вступаешь в такое противоречие сам с собой, которое должно неизбежно погубить идею Великого Делания.

Великое Делание, в любом случае, акт не коллективный, а сугубо индивидуальный. Совершенно неважно для совершающего Великое Делание, каким образом он будет рассматривать свою экзистенцию, как *единственную*, самобытную, самостоятельным волевым порывом и сотворившую весь воспринимаемый ею мир, или как *единственную среди многих*, равнозначных ей личностей, из которых Великое Делание суждено выполнить, вполне возможно, именно ей. И в том и в другом случае Великое Делание осуществится. Так рассуждаешь ты.

Ты паразитируешь на двусмысленности понятия, на том, что любое, а значит и это, рассуждение a priori подразумевает того, к кому оно обращено, а значит уже исходит из множественности субъектов, а ведь ты сам признал, что доказать эту множественность никак невозможно (Кант, Витгенштейн), в то время как чистый солипсизм практически очевиден. Так ты утверждаешь. Значит, Великое Делание может совершить только тот субъект, который сам о нем рассуждает и никакой другой. И даже, если каким-то образом верна гипотеза о

бесконечном множестве независимых субъектов, то это же самое рассуждение следует провести и для каждого из них (каждому из них), и, значит, Великое Делание каждому из них придется проводить именно каждому для себя. То есть, фактически получится именно то положение, что подразумевается в твоих рассуждениях под индивидуальным спасением, возможность и ценность которого ты столь категорично отрицаешь.

Вообще идея о том, что я, как субъект, могу себе жить и ни о чем не беспокоиться, пока где-то, когда-то какой-то неведомый мне Высший Адепт дозреет до того, что совершит Великое Делание, и таким образом спасет, освободит и себя, и меня, и весь мир (да, да, я помню, а перед этим Брахмана) выглядит довольно странно, и, вообще, не выдерживает ни какой критики.

Теэтет. А ты все-таки покритикуй.

Федон. Покритикую.

Фактически ты утверждаешь, что Брахман (некий Фатум) сотворил меня и весь мир, хоть во мне, хоть вне меня, (а может быть и всё бесконечное множество разнообразных существ с существующими в них (и вне них) мирами) и продолжает и сейчас все сотворять их и сотворять (потому что, что же такое движение во времени как не ежемгновенное и постоянное исчезновение уже существующего и такое же мгновенное тут же возникновение на его месте нового, подобного исчезнувшему, но и несколько отличного от него мира?), но вдруг внезапно почему-то прекратит это делать и опять навечно превратится в нечто непроявленное и единое.

Теэтет. Почему же внезапно?

Федон. Не перебивай!

Ведь для меня как субъекта, сливающегося с первоначалом, не существует никакого Высшего Адепта, совершающего Великое Делание. Для меня есть только я, мое существование, а так же представление во мне о вечном Брахмане, порождающем меня. Это то, что имеется в наличии. И

вдруг это очевидное наличное состояние радикальным образом преображается (для меня совершенно беспричинно) и я превращаюсь в самого изначального Брахмана и теперь уже на веки вечные. С чего бы это вдруг? Если уж Брахман «сотворил» меня, то есть создал эту таинственную дихотомию «Я & Брахман», то с какой стати эта вечная, онтологическая, кстати, конструкция должна исчезнуть?

Я не хотел спасения, не просил о нем, не стремился к нему…

Теэтет. (*бормочет под нос*) Ну, ты уж ври, да не завирайся…

Федон. Мне было хорошо, во всяком случае, вполне сносно, и вдруг все должно закончиться?

Согласись, такой «конец» еще более удивителен и маловразумителен, чем даже сам факт появления Проявленного бытия. Собственно, достаточно очевидно, что никакого «первого мгновения» проявленного бытия никогда и не было, ─ оно было всегда. Теперь же получается, оно исчезнет? Очень сомневаюсь.

Мне представляется так, что мир будет существовать вечно. Зло и страдания тоже вечны. Если ты не будешь очень возражать, то можно признать даже их онтологический статус. Однако каждому деятелю этого мира дана возможность личными усилиями добиться такого своего положения, такой силы духа, когда они сделаются для него совершенно не существенны. Я никак не могу согласиться с тобой и в том, что чужие страдания могут стать для субъекта столь же значимы, как и свои собственные. Чепуха. Мои страдания ─ это мои страдания, и я борюсь с ними как с таковыми. Чужие же страдания, какими бы ужасными они ни были, все-таки страдания чужие и борьба против них, деятельность моя при виде них, будет совсем иной. Не говоря уж о том, что большинство так называемых страданий просто кармическое вполне справедливое воздаяние (следствие делишек, которые индивидуум в свое время наворотил) и в целом для личности

вполне благотворно, т.к. в конечном итоге приведет ее туда, где для нее не будет страданий, или они будут вполне преодолимы и потому несущественны.

Я, пожалуй, соглашусь с тобой в том одном пункте, что индивидуальное спасение, то, что ты называешь слиянием с богом, самоуничтожением в «боге», действительно бессмысленно. Впрочем, я не верю, что оно действительно возможно. Такой Высший Адепт как Будда, Халладж или Ангелус Силезий видимо доходят до какой-то очень высокой степени экзальтации и просветления, на которой они просто непосредственно постигают, усматривают все высшие истины бытия и тем самым переходят в какое-то иное качество и состояние, о котором нам сейчас говорить бессмысленно, а когда мы сами его достигнем, будет и незачем. И говорить о каких-то страданиях в этом состоянии совершенно бессмысленно.

Сюда же примыкает и твоя идея о деградации Высших Адептов, которая якобы может низвергнуть такового в сколь угодно глубокую пучину. Ни на чем не основанный постулат. Разумеется, в этом мире многое возможно, но, очевидно, что не кардинальное изменение всеобщих законов. Я согласен с тобой, что Высший Адепт это ― качественно иной уровень существования личности. И вот мой категорический императив: однажды став Высшим Адептом, невозможно перестать им быть. Бабочка не может вернуться в выпустивший ее кокон, это невозможно и противоестественно. Видимо, есть какой-то предел, какой-то качественный предел, который разделяет все-таки разные существа на лестнице эволюции…

Теэтет. Притормози немного на этом месте, хорошо?

Видишь ли, Федон, ты проигнорировал одно важное положение, на котором и строится вся моя аргументация. Это положение о единственности первоначала и вытекающее из этого положения следствие об иллюзорности появившегося из него и по необходимости вторичного ― обусловленного бытия (майи).

Первоначало единственно не тем, что оно где-то там первоначально и единственно, а мы здесь такие самостоятельные и от него независимые его первоначальность обсуждаем и можем признать ее, а можем не признать. Первоначало единственно воистину. Эта единственность — есть суть, это не просто постулат, это непосредственное мистическое откровение, которое открывается всем абсолютно мистикам, погружающим свое буддхи в Атмана. Ничего другого не говорили ни Великие Риши, ни Будда.

Понимаешь ли, ситуация на самом деле проста до отвращения. Либо мир множественен и множественность его есть трансцендентное и иррациональное свойство, неподлежащее никакому познанию и обсуждению (Все Великие Мистики отдыхают.), либо эта множественность сводится к некоему Единому. Постулирование абсолютности множественности (что я категорически отрицаю), по сути дела, постулирует некий тупик, из которого выхода, как не ищи, не найдешь. То есть, можно сказать, есть майя, майя вечна и ничего понять здесь и поделать невозможно. Позиция эта, собственно, уничтожает на самом деле ценность всякой мистики, духовных достижений, уничтожает критерии и уровни, тщательно выпестованные теми, кто интуитивно не признавал этого, а искал именно Единого. На самом деле, та позиция, которую ты отстаиваешь, есть — только утонченное учение чарваков. Абсолютный духовный нигилизм. Как ни смешно, но ты и с тобой все продвинутые мистики и духовные деятели, если не явно, то фактически, являетесь последовательными и убежденными дуалистами, то есть союзниками того, с чем вы якобы категорически не согласны. Я показал суть ошибки.

Вы же воспринимаете свой дуализм как высшую и окончательную истину, а фактически просто хорохоритесь, делаете хорошую мину при плохой игре. Ведь видно, как тонко вы это чувствуете и понимаете.

Самая лучшая такая мина это дзен-буддизм. Что ж, на хорошем навозе вырастают иногда удивительной красоты

цветы. К тому же дзен-буддизм ведь вовсе не конец, а просто временное заблуждение. Несколько воплощений в его традициях и человек становится черным магом, уничтожает свои, пораженные вирусом нигилизма, высшие структуры и становится отличнейшим образом сначала мирным обывателем (не чуждым, возможно, неких духовных порывов), потом мистиком средней руки, а там, смотришь, и снова Высшим Адептом.

Рассуждение твое именно и есть предпосылка устремленности в эту гибельную область. Ты уже ее любишь, уже стремишься к ней[94]. Нет, Федон, мир не загадочен до такой степени, какую предполагает духовный нигилизм. Ты забыл, что и мир, и Брахман, и все мысли, и все истины, на самом деле, ты и есть. Ты — истина в последней инстанции! И когда такая истина начинает сомневаться в своей истинности и склоняться к нигилизму, т.е. начинает примысливать к своей собственной сути еще что-то невообразимое и неопределимое, то тогда и происходят в ней деградирующие ее изменения.

---

[94] У Ю. Мамлеева есть рассказ «Голос из Ничто». Выдающийся рассказ, хоть по литературным, хоть по мистико-философским критериям. В этом рассказе прославляется деградация как путь к чему-то даже более запредельному, нежели божественное совершенство. Такой себе нормальный и вполне продуктивный сатанизм. Я воспринял в свое время этот рассказ именно как бунт против «благостных благовествований», лицемерие и недалекость которых мне к тому времени стала в особенности ясна. Подчеркиваю, рассказ великолепный, как, впрочем, очень многие у Мамлеева. Но, о, ужас, к чему же пришел Мамлеев через десятки лет после написания своих гениальных рассказов. Он пришел к тому, что изложил в книге «Россия вечная». Более печальный итог деградации Высшего Адепта трудно представить. Слащавая набожность в сочетании с умело (а когда и не очень) замаскированным заискиванием перед православием. Если будет возможность, я опубликую в Интернете эту книгу со своим непредвзятым (т.е. предвзятым в сторону от дурацкой мифической России Мамлеева к Великому Деланию) комментарием.

Бытие мира — есть незаконная или, лучше сказать, исключительная возможность, смысл которой в том только и состоит, чтобы единожды осуществившись (потому что единожды может произойти что угодно, даже самое нелепое или невообразимое), побыв миром и нами, исчезнуть навсегда. В этом его смысл, в этом его суть. И даже устремление всех нигилистов мира увековечить это бытие не смогут ни к чему привести. Миру придет конец… И это вовсе не трагедия, как это выглядит для непонимающих, а его апофеоз. Итог. Окончательная черта.

Федон. И ты пророк Конца? Единственный и неповторимый. Может это у тебя все-таки мания величия?

Теэтет. Какая у Будды, у Высшего Адепта, может быть мания величия? Теэтет, Федон, всё это просто нечто пребывающее, нечто «та́ковое», а что такое величие? Величие Теэтета? Величие Человека? Да… Хорошая шутка: величие Теэтета, человека всех времен и народов! О чем это ты?

Вообще-то, я думаю, ты меня так и не понял.

Федон. Я пошутил, конечно. Но идея о конце мира, какая провозглашена тобой и почему-то именно тобой, даже для меня выглядит уж как-то…

Теэтет. Это совершенно неважно как выглядит какая-то идея, и кто конкретно ее высказал. Главное, сама идея. Идея моя несет знание. Она есть ***Существенное дополнение*** к известному и признанному мистическому знанию. На самом деле это и есть та самая загадочная «видья», при помощи которой только и можно осознать свое единство с Парабрахманом и перестать обманываться майей. О видье знают все. И говорят все, кому не лень. Веды, Упанишады, Бадараяна, Гаудапада, Шанкара все категорически заявляют, что, якобы, для избранных майя при постижении или достижении видьи исчезает. А кто это видел, кто знает? Кто знает познавших это знание?..

Нет. Исчезнуть майя может только для всех. Потому что избранные мы все (и званые тоже мы все), все те, в кого превратился Единый Брахман при помощи своей майи.

Федон. Но я не хочу никуда возвращаться, мне и в этом мире хорошо. Нет. Пойми, я понимаю, что очень многим людям может быть очень и очень плохо. Но ведь, совсем не обязательно абсолютизировать это плохо, как это делаешь ты. «Плохо» ─ это частность. Да, это существенная часть бытия, но почему не предположить, что возможно…

Теэтет. Опять за рыбу деньги? Ты цепляешься за общепринятое, цепляешься за свою волю к жизни, а потому принимаешь свое частное за всеобщее. Нет никакого тебя, которому так хорошо в этом мире. Это ― иллюзия. И ты иллюзия, и мир. И все «хорошо» и «плохо» тоже иллюзия. Есть ненормальность. Брахман, играющийся в бирюльки, т.е. впавший в детство или идиотизм. Эта ненормальность должна исчезнуть, и она исчезнет. О чем еще говорить?

Федон. Нет, все-таки поговорить еще есть о чем…

Теэтет. Что ж, тогда с твоего разрешения, мы поговорим об этом, возможно, как-нибудь в другой раз, а на сегодня наше время истекло.

Приложение I. В. В. Набоков (1899-1977)

«…Из фургона выгружали параллелепипед белого ослепительного неба, зеркальный шкап, по которому, как по экрану, прошло безупречно-ясное отражение ветвей, скользя и качаясь не по-древесному, а с человеческим колебанием, обусловленным природой тех, кто нес это небо, эти ветви, этот скользкий фасад».

Так писал Набоков. Не видно никакого труда. Герой бросает взгляд и отводит его. И в нас, и в нем на некоторое время остается запечатленной мгновенно отсканированная картинка. Чудо, тройное чудо, в том, что эта картинка начинает (первое) светиться в нас; второе чудо в том, что мы видим ее глазами молодого гения, свежо и в неожиданном ракурсе; и, третье, что созданы все эти чудеса человеком, сидящем за письменным столом (или за чемоданом, положенным на биде, ибо именно в таких, далеких от идеала условиях, писал свой последний русскоязычный шедевр В. В. Набоков), и ничего из представленного нам, не видящий воочию. Память, воображение, гений. Всем этим Владимир Владимирович обладал в превосходной степени.

О писателе Набокове много написано. Я держал в руках книгу, в которой на основе всех текстов Набокова было показано, что он не был тем филистерствующим виртуозом пера, эстетствующим снобом, каким зачастую представляли его, первые его критики. В этой книге были подобраны цитаты, показывающие В. В. Набокова как глубокого, сложного мыслителя, отнюдь не чуждого неких тонких, даже изощренных мистических прозрений, которые он почитал своим долгом скрывать и всячески их маскировал, но, все-таки, не настолько, чтобы их нельзя было обнаружить. Ранним критикам Набокова (а среди них были и очень умные люди) нельзя, наверное, бросить упрека в близорукости — в ранних вещах своих Набоков виртуозен, странен, не похож на русского писателя, что от него ожидалось, да и ни на кого вообще, хотя, казалось бы,

пишет по-русски, просто и ясно. Общим местом у набоковедов стало утверждение, вполне справедливое, что Набоков мастер намека, мистификации, розыгрыша. В их описаниях некоторые романы Набокова выглядят каким-то набором шарад, загадок, сложных литературных и иных реминисценций, которые, кстати, без всякого ущерба для смысла и содержания произведения, можно и не принимать во внимание. Без всяких же экивоков, Набоков с насмешкой, когда с издевкой и всегда со скепсисом отзывается о магах, мистиках, теософах, религиях, а заодно и фрейдистах (к последним он был особенно беспощаден).

Набоков подает нам себя в качестве не мистика, не визионера, а, скорее философа, в смысле мудрого человека, а не создателя тоскливых спекулятивных трудов. В Набокове соединяются как бы две тенденции, постоянно противостоящие друг другу. Одна, Набоков-скептик, почти позитивист, хоть и с печалью, но довольствующийся человеческим жребием, каков он ни есть. Другой, поэт, интуит, плетущий фантазии и кружева слов, в которых увидеть можно, ох, многое… При всем, при том, обе ипостаси, подчас, присутствуют одновременно, чудесно переплетаясь.

Вот Набоков, философ и септик, казалось бы изо всех сил старающийся проникнуть в суть вещей: «Я готов был стать единоверцем последнего шамана, только бы не отказаться от внутреннего убеждения, что себя я не вижу в вечности лишь из-за земного времени, глухой стеной окружающего жизнь. Я забирался мыслью в серую от звезд даль — но ладонь скользила все по той же совершенно непроницаемой глади. Кажется, кроме самоубийства, я перепробовал все выходы. Я отказывался от своего лица, чтобы проникнуть заурядным приведением в мир, существовавший до меня. Я мирился с унизительным соседством романисток лепечущих о разных йогах и атлантидах. Я терпел даже отчеты о медиумистических переживаниях каких-то полковников индийской службы, довольно ясно помнящих свои прежние воплощения под ивами Лхасы. В поисках ключей

и разгадок я рылся в своих самых ранних снах — и раз уж я заговорил о снах, прошу заметить, что безоговорочно отметаю фрейдовщину и всю ее темную средневековую подоплеку, с ее маниакальной погоней за половой символикой, с ее угрюмыми эмбрионщиками, подглядывающими из природных засад угрюмое родительское соитие» [23, т. 4, с.136]. Набоков осознанно или неосознанно лукавит. Я никогда не слышал, чтобы он занимался медитацией, йогой (о которой он отзывается с насмешкой), он никогда, насколько мне известно, не употреблял наркотиков и галлюциногенов. При его гигантской эрудиции, он не мог не знать о действенности этих методов (при всей их сомнительности) в деле получения мистического опыта. Без этого нельзя говорить, что «перепробовал все выходы», кстати, и факта общения с каким-никаким шаманом я в биографии Набокова не припоминаю. Конечно, про единоверие с шаманом сказано было для красного словца, сам был такой, что позавидуешь. Это к слову. С самоубийством тоже все ясно. Зачем приближать то, что и само произойдет (И вот тогда-то все станет ясно, а куда торопиться?), если можно отложить эксперимент и тем временем получить от жизни все, что положено.

Набоков прожил яркую и счастливую жизнь. В ней были и богатство, и нищета, и достаток, и снова богатство. Безвестность и слава. Когда на Набокова обрушилась слава (в 58 лет), он сказал, что не очень-то удивлен, потому что произошло только то, что должно было произойти 30 лет назад. И это не преувеличение, а простой факт.

В юности он не был излишне религиозен, и, вполне в духе своего окружения, верил, видимо, в некоего Бога, вне каких-либо конфессий и был этим, видимо, удовлетворен. В 23 года Набокова потрясла смерть горячо любимого отца, героически закрывшего грудью своего друга от пули убийцы. После этого наивная вера у Набокова, видимо, исчезла, а возобладал здоровый и активный скепсис.

По части скепсиса Набоков вообще был силен. После

того, как он так убедительно заверял нас в начале « Других берегов», что никакого выхода, ни даже намека на него он в своих исследованиях не нашел, чуть дальше он рассказывает о, правда, единственном, но зато очень ярком и убедительном мистическом переживании его жизни, а именно, сочетании ясновидения с астральным выходом. Это, собственно, очень известное место из «Других берегов», которое в качестве переживания героя описано в романе «Дар» и, видимо, в англоязычной версии мемуаров «Память говори».

Ослабший после болезни, но уже почти выздоровевший мальчик-Набоков, лежа в кровати, видит мать, купившую ему подарок и направляющуюся домой. И подарок (карандаш-великан), и другие детали видения (достаточно непредсказуемые) впоследствии подтвердились. (Это напомнило мне случай из жизни Жана-Поля Сартра, рассказанный им тоже в автобиографии. Никогда не веровавший в Бога Сартр, подростком, находясь один в ванной, вдруг с ужасом почувствовал на себе взгляд Бога. И больше никогда и ничего.)

Плоды своих размышлений, созерцаний, поисков Набоков отдает персонажам своих книг. При помощи этого приема он может их перемежать с шутками и нелепицами, такими мнениями, которые потом легко списать на характер, глупость или невменяемость героя. В романе «Отчаяние» мысли о бытии божьем вложены в уста экзальтированного и не вполне нормального главного героя, отсюда их несколько ерничающий тон:

«Небытие Божье доказывается просто. Невозможно допустить, например, что некий серьезный Сый, всемогущий и всемудрый, занимался бы таким пустым делом, как игра в человечки, — да притом — и это, может быть самое несуразное, — ограничивая свою игру пошлейшими законами механики, химии, математики, — и никогда — заметьте, никогда! — не показывая своего лица, а разве только исподтишка, обиняками по-воровски — какие уж тут откровения! — высказывая спорные истины

из-за спины нежного истерика. Все это божественное является, полагаю я, великой мистификацией, в которой, разумеется, уж отнюдь неповинны попы: они сами ее жертвы. Идею Бога изобрел в утро мира талантливый шалопай, — как-то слишком отдает человечиной эта самая идея, чтобы можно было верить в ее лазурное происхождение, — но это не значит, что она порождена невежеством, шалопай мой знал толк в горних делах — и право не знаю, какой вариант небес мудрее: — ослепительный плеск многоочитых ангелов или кривое зеркало, в которое уходит, бесконечно уменьшаясь, самодовольный профессор физики. Я не могу, не хочу в Бога верить еще и потому, что сказка о нем — не моя, чужая, всеобщая сказка, — она пропитана неблаговонными испарениями миллионов других людских душ, повертевшихся в мире и лопнувших: в ней кишат древние страхи, в ней звучат, мешаясь и стараясь друг друга перекричать, неисчислимые голоса, в ней — глубокая одышка органа, рев дьякона, рулады кантора, негритянский вой, пафос речистого пастора гонги, громы, клокотание кликуш, в ней просвечивают бледные страницы всех философий, как пена давно разбившиеся волн, она мне чужда и противна, и совершенно не нужна.

Если я не хозяин своей жизни, не деспот своего бытия, то никакая логика и ничьи экстазы не разубедят меня в глупости моего положения, — положения раба божьего, — даже не раба, а какой-то спички, которую зря зажигает и потом гасит любознательный ребенок — гроза своих игрушек. Но беспокоиться не о чем. Бога нет, как нет и бессмертия, — это второе чудище можно также легко уничтожить, как и первое. В самом дела, представьте себе, что вы умерли и вот очнулись в раю, где с улыбками вас ветре чают дорогие покойники. Так вот, скажите на милость, какая у вас гарантия что это покойники подлинные, что это действительно ваша покойная матушка,

а не какой-нибудь мелкий демон-мистификатор, изображающий, играющий вашу матушку с большим искусством и правдоподобием. Вот в чем затор, вот в чем ужас, и ведь игра-то будет долгая, бесконечная, никогда, никогда, никогда душа на том свете не будет уверена, что ласковые, родные души, окружившие ее, не ряженые демоны, — и вечно, вечно, вечно душа будет пребывать в сомнении, ждать страшной, издевательской перемены в любимом лице, наклонившемся к ней» [23, т. 3. с. 393—394].

Забавно, не правда ли? Сам Набоков, мне кажется, склонялся к тому, что не после смерти, а уже сейчас, и не покойная матушка, а все окружающие его «персонажи» (он любил это слово) суть гениально играющие свои роли демоны. Разумеется, истину эту говорить в лицо демонам бессмысленно.

В другом романе — «Дар» — он вкладывает, видимо заветные, тщательно продуманные мысли в голову умирающего и полусумасшедшего Александра Яковлевича Чернышевского. (Знаменательно, что в 4-ой главе «Дара» содержится трактат, написанный в жанре провокации, о реальном Николае Гавриловиче Чернышевском, авторе знаменитого «Что делать?", в котором Николай Гаврилович показан как человек философски и литературно бездарный, достаточно смешной, житейски нелепый, но с удивительной и трагический судьбой. Мастерством Набокова переживания и мысли вымышленного Чернышевского, он сам, значительнее жившего реально.) Забавно, что в своих очень глубоких рассуждениях умирающий Чернышевский цитирует философа Delalande, (вымышленного Набоковым и появляющегося и в других его произведениях), которому Набоков приписывает свои, разумеется, находки. Я сначала хотел дать цитату в выдержках, но не удержался и даю ее полностью, уж больно она хороша:

«Когда однажды французского мыслителя Delalande на чьих-то похоронах спросили, почему он не обнажает головы, он отвечал: я жду, чтобы смерть начала первая. В

этом есть метафизическая негалантность, но смерть большего не стоит. Боязнь рождает благоговение, благоговение ставит жертвенник, его дым восходит к небу, там принимает образ крыл, и склоненная боязнь к нему обращает молитву. (Красивая догадка. Я подробно разберу этот вопрос в разделе об эгрегорах, которые создаются людьми, и которым они в конечном итоге начинают поклоняться.) Религия имеет такое же отношение к загробному состоянию человека, какое имеет математика к его состоянию земному: то и другое только условия игры. Вера в Бога и вера в Цифру: местная истина, истина места. Я знаю, что смерть сама по себе никак не связана с внежизненной областью, ибо дверь есть лишь выход из дома, а не часть его окрестности, какой является дерево или холм. Выйти как-нибудь нужно, «но я отказываюсь видеть в двери больше, чем дыру, да то, что сделали столяр и плотник».[Delalande, Discours sur les ombres p.45 etante.] Опять же: несчастная маршрутная мысль, с которой давно свыкся человеческий разум (жизнь в виде некоего пути) есть глупая иллюзия: мы никуда не идём, мы сидим дома. Загробное окружает нас всегда, а вовсе не лежит в конце какого-то путешествия. В земном доме вместо окна — зеркало: дверь до поры до времени затворена, но воздух входит сквозь щели. «Наиболее доступный для наших домоседных чувств образ будущего постижения окрестности, долженствующей раскрыться нам по распаде тела, это — освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободнее сплошное око (см. стихотворение Набокова «Око»), зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии» [там же, стр. 64] Но все это только символы, символы, которые становятся обузой для мысли в то мгновение, как она приглядится к ним…

Нельзя ли как-нибудь понять проще, духовно удовлетворительнее, без помощи сего изящного афея, как и

без помощи популярных верований? Ибо в религии кроется какая-то подозрительная общедоступность, уничтожающая ценность ее откровений. Если в небесное царство входят нищие духом, представляю себе, как там весело. Достаточно я их перевидал на земле. Кто еще составляет небесное население? Тьма кликуш, грязных монахов, много розовых близоруких душ протестантского что ли производства, — какая смертная скука!.. … Как-нибудь проще. Как-нибудь проще. Как-нибудь сразу! Одно усилие—и все пойму, искание Бога: тоска всякого пса по хозяину; дайте мне начальника, и я поклонюсь ему в огромные ноги. Все это земное. Отец, директор гимназии, ректор, хозяин предприятия, царь, Бог. Цифры, цифры, — и ужасно хочется найти самое-самое большое число, дабы все другие что-нибудь значили, куда-нибудь лезли. Нет, этим путем упираешься в ватные тупики,—и все становится неинтересным» [23, т, 3, е.277-278].

Это «одно усилие — и все пойму» встречается у Набокова еще в нескольких местах. Это ни что иное, как описание состояния, предшествующего просветлению (может и не всегда в него переходящего). Само же просветление, намекает Набоков, невозможно ни описать, ни пересказать («Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Ultima Thule»).

Набоков очень искусно оставляет у читателя впечатление, что все то, что он пишет не более чем литература, художественная выдумка. Когда дотошные простецы доставали Набокова расспросами, он говаривал: «Такой уж я выдумщик». Слышится за этим ехидный смешок, хе-хе-хе.

Как многозначительно окончание этой сцены смерти; перед концом Александр Яковлевич приходит в себя и, видимо, вспоминает о своих мучительных мыслях предыдущих дней: о боге, о смерти и бессмертии.

«”Какие глупости. Конечно, ничего потом нет”. Он вздохнул, прислушался к плеску и журчанию за окном и

повторил необыкновенно отчетливо: «Ничего нет. Это так же ясно, как то, что идет дождь.

А между тем за окном играло на черепицах крыш весеннее солнце, небо было задумчиво и безоблачно, и верхняя квартирантка поливала цветы по краю своего балкона, и вода с журчаньем стекала вниз» [там же, с. 279].

Смысл ясен. Набоков говорит: «Я ничего не утверждаю, но и не отрицаю». И, зная его манеру, можно увидеть и чуть больше, вчувствовавшись в это небо, солнце и цветы.

Это отсутствие категоричности, видимо, и давало критикам повод подозревать Набокова в верхоглядстве, потому что, собственно, даже беглый взгляд на творчество Набокова не дает возможности его в этом заподозрить, а, наоборот, поражает постоянство, с которым он обращается к вечным вопросам. «Смерть» — пьеса — в сущности трактат о солипсизме[95], к которому молодой Набоков был особенно неравнодушен. (Отголоском этого увлечения является следующее чудесное стихотворение Набокова:

Что за ночь с памятью случилось?
Снег выпал, что ли? Тишина.
Душа забвенью зря училась:
во сне задача решена.

Решенье чистое, простое
(о чем я думал столько лет?)
Пожалуй и вставать не стоит:
ни тела, ни постели нет.
Ментона, 1938.

«Ultima Thule» — рассказ о просветлении, о тайной сути мира и о возможности человека уразуметь, что же может быть за гранью жизни и смерти. И можно найти много иных примеров.

[95] *…трактат о солипсизме…* — Смотрите примечание 97.

Отделываясь шутками, Набоков часто утверждал, что вечных тем не может избежать ни один большой художник, и для него они не больше, чем объект изображения, некий антураж, в который он погружает свою творческую волю и воображение. В общем, это правда.

В системе моего миропонимания Набоков — Высший Адепт, умудренный и просветленный веками и тысячелетиями восходящего пути (он есть этот путь, хотя прав и Набоков, что это «глупая иллюзия: мы никуда не идем, мы сидим дома. Загробное окружает нас всегда, а вовсе не лежит в конце какого-то путешествия». Загробное-то окружает, да вот дома ли мы находимся? Ох, не дома!), но надо сказать в известном нам состоянии не до конца и не вполне отчетливо это осознающий. Здравый смысл, при дневном свете, говорит: «Ничего нет», но чуть начни углубляться в темноту самого себя и видишь: «Есть, что-то есть». Блестки мистических прозрений особенно отчетливо видны в поэзии Набокова, в ней он и более откровенен. Я приведу только три его стихотворения: «Смерть» 1924 года; более позднее и крайне примечательное» 0ко», услышав которое, Федон подумал, что это я написал его и в нем изложил свое открытие, а потом, что я плагиатор и свою идею украл у Набокова, пока я не объяснил ему, что прочитал ему это стихотворение с измененным мною окончанием (об этом речь дальше); и, написанное 66-летним гением, чрезвычайно проникновенное стихотворение, редкой для Набокова откровенности.

Смерть

Утихнет жизни рокот жадный,
и станет музыкою тишь,
гость босоногий, гость прохладный,
ты и за мною прилетишь.

И душу из земного мрака
поднимешь, как письмо, на свет,
ища в ней водяного знака
сквозь тени суетные лет.

И просияет то, что сонно
в себе я чую и таю,
знак нестираемый, исконный,
узор, придуманный в раю.

О смерть моя! С землей уснувшей
разлука плавная светла:
полет страницы, соскользнувшей
при дуновенье со стола.
(13 июня) 1924

Dictum sapienti sat. Речь просветленного мудреца, наполненная энергией и жизнерадостностью юноши. Набоков в 1924 году молод, но уже вполне зрел. В 1965 году энергия его высока и остается такой у него до самой смерти, но в самом стихотворении мудрость отдает явственной горечью. Возраст дает глубину.

Средь этих лиственниц и сосен,
Под горностаем этих гор,
Мне был бы менее несносен
Существования позор:

Однообразнее, быть может,
Но без сомнения честней
Здесь бедный век мой был бы прожит
Вдали от вечности моей.
10. 07. 1965

Я теряюсь в догадках, в какой бесчестности упрекает себя этот безупречный аристократ духа. Я не знаю за ним ничего такого. Может это самоупрек в духе Д. Андреева, так объяснявшего «падение» А. Блока: «Блок всю жизнь оставался благородным, глубоко порядочным, отзывчивым, добрым человеком. Ничего непоправимого, непрощаемого, преступного он не совершил. Падение выражалось во внешнем слое его жизни, в плане деяний только цепью хмельных вечеров, страстных ночей да угаром цыганщины. Людям, скользящим по жизни, даже непонятно: в сущности, какое тут такое будто бы ужасное падение, о какой гибели можно говорить? — Но понять чужое падение как падение могут только те, кому самим есть откуда падать. Те же, кто сидит в болоте жизни, воображают, что это в порядке вещей и для всех смертных» [29, с.200].

И вот, наконец «Око», написанное Набоковым в 40 лет, в виде спокойней философской или мистический фантазии (мотив ее есть в цитате из Делаланда, которую я выше цитировал), и на которую такой закоренелый скептик, каким Владимир Владимирович себя подчас рисовал, вряд ли имел право. Впрочем, возразил бы Набоков, любой имеет право на любые фантазии.

Око

К одному исполинскому оку
без лица, без чела и без век,
без телесного марева сбоку
наконец-то сведен человек

И на землю без ужаса глянув
(совершенно не схожую с той,
что вся пегая от океанов
улыбалась одною щекой),

он не горы там видит, не волны,
не какой-нибудь яркий залив,
и не кинематограф безмолвный
облаков, виноградников, нив;

и, конечно, не угол столовой
и свинцовые лица родных, —
ничего он не видит такого
в тишине обращений своих.

Дело в том, что исчезла граница
между вечностью и веществом,
и на что неземная зеница,
если вензеля нет ни на чем?
Париж, 1939

Я взял на себя смелость и дерзость сочинить вместо последнего четверостишия свое, более соответствующее моему пониманию мифа об ОКЕ.

Я считаю, что поскольку все теодицеи ложны, то «существования позор» не может быть более иди менее «несносен», он просто несносен, то есть не имеет права на существование. Эта мысль не могла бы появиться у меня, или у

кого угодно, без того, чтобы этот «позор», это «существование» не могли бы быть каким-нибудь образом устранены. Целью Мирового процесса, в сущности, и является само его завершение или устранение. Набоков не дочувствовал картину до конца. Око, сожалеющее о вензелях, сомневающееся в необходимости и нужности самого себя, не сможет и возникнуть. (Идея Делаланда о том, что такое око — это только то, во что превращается после смерти любой человек, совершенно не состоятельна. Это забавное выдавание желаемого за действительное. Она опровергается армией мистиков и визионеров. Однажды попав в зависимость к ограниченности, к фатальности бытия в мире, так просто, всего лишь умерев, от них не освободиться.) Я вижу, что уже почти дописав стихотворение, Набоков огорчился, что нет бога, что смерть все уничтожит, око, не око, зачем оно нужно, если нет живой жизни, совершенства, если все закончилось… То есть его собственное прозрение вступило в противоречие с его же (не вполне все-таки отчетливым) пониманием сути вопроса. И потому это глубочайшее прозрение выглядит у него как просто фантазия, как изящная безделушка, на которые Владимир Владимирович был такой мастер.

Внимательно изучив творение Набокова, я увидел, что до последнего четверостишия оно безупречно. Все портит конец; и тогда я переписал его, вложив в него иной смысл. В этом виде оно соответствует моей доктрине.

Потому что исчезла граница
между вечностью и веществом,
неземная прозрела зеница,
в вечность заперта вечным ключом.

Я доволен, что в моем варианте осталось так много слов из Набоковского. Выражение «Дело в том» — полуканцеляризм, и, как бы, желает дать иную интерпретацию тому, что уже сказано. Мое «Потому что» — однозначный вывод и следствие,

сделанные со всей возможной энергией.

У Набокова никак не подразумевается, что оку необходимо прозрение, по моему же пониманию это именно так. Пока еще, мы знаем, око не прозрело, но должно прозреть, и только тогда человек к нему «сведется».

Я убрал так же сомнения в желательности свести человека «к одному исполинскому оку» и сожаления о вензеле, потому что считаю, что все возможные вензеля сольются в «Оке», которое, в каком-то смысле, и станет тем вензелем, о котором, об отсутствии которого горюет Набоков. Именно на то **оно** и нужно.

И последняя строка моего варианта «Ока» выражает один из основных постулатов моего открытия. Спасение всего мира наступит ***один раз и навсегда***. Нет иных богов, иных миров, иных вселенных кроме той, в которой все сейчас и происходит, весь Мировой Процесс. Я не признаю всех этих благоглупостей Лейбница или Бердяева в том духе, что зло де необходимо, «чтобы лучше оттенять добро» или «для того, чтобы в мире без него (не дай бог!) не возникло пустоты»**.** Мир возник однажды (Как? Почему? Неизвестно, и нет нужды знать.), и закончится точно так же — однажды, в одночасье, или еще лучше в одномоментье. Не для того он возникал, страдал, а потом исчезал — спасался, чтобы повторить когда-нибудь снова эту нелепую экспансию. (Я слышу такие возражения: «Но ведь мир прекрасен, чудесен. Именно непредсказуемость впечатлений, постоянная новизна их, очаровывает и привлекает нас в нем. Какое-то неподвижное, вечное, непонятное Око — это ужасно. Это все равно, что оказаться замурованным в скалу на вечные времена». Нет ничего превратнее такого толкования «Ока». Все то прекрасное, чудесное, что мы видим, ощущаем в мире, только слабый образ того восторга и блаженства, которые неизбежно может и должно испытывать само в себе то **необъятное всё**, что только и порождает эти впечатления. Сейчас мы получаем толику радостей этого мира по крупицам, случайно, редко и платим за это мимолетностью их, мимолетностью всего мира, да

и нас самих. А помимо мимолетности, бытие, мир берут и еще более суровую плату. Это неисчислимые муки, бедствия и страдания, которыми все живые существа расплачиваются за мгновения радости. В не многих словах я не могу осветить эту проблему основательно, со всех сторон. Желающих отсылаю к Шопенгауэру, к «О суетности и страданиях жизни» и иным его произведениям, где этот вопрос разобран со всей возможной полнотой и убедительностью[96].)

Превратиться из мошки, земного червя, в Бога — значит слиться своим малым и ограниченным с безграничным и всеобъемлющим. И Бог не может нуждаться для своей абсолютной полноты ни в чем ином, кроме себя самого. Но прежде так должно стать.

Набоков относится к тем, кого я называю Высшими Адептами. Если последние и не сподабливаются земной славы как Набоков, все равно роль их в жизни мира очень велика. Они художники, мыслители, философы, мудрецы, законодатели и мудрые правители (Марк Аврелий). Они основатели религий, мистических орденов, зачинатели духовных революций. И, главное, они содержат в себе ядро, ради которого они и образовались в мире.

В лучшем своем русскоязычном романе «Дар» Набоков описывает отца героя через мысли, воспоминания сына о нем. Сын преклоняется перед отцом, от которого, по-видимому, и унаследовал гениальность.

Характеристика отца в одном месте романа это— характеристика Высшего Адепта, тихо и скромно живущего в мире, в сознании своей тайны[97]. Говоря об отце героя, Набоков

---

[96] *...возможной полнотой и убедительностью.* — кое-что об этом можно узнать из эссе о Шопенгауэре, помещенном в приложении III.

[97] *...в сознании своей тайны*. — Вот как описывает Шанкара жизнь такого мудреца:

говорит, собственно, о себе, о своем качестве, намекает на свою тайну, которую он всю жизнь, хоть и не ясно, но к концу жизни все яснее прозревал: «Я еще не все сказал; я подхожу к самому может быть главному. В моем отце и вокруг него, вокруг этой ясной и прямой силы было что-то, трудно передаваемое словами, дымка, тайна, загадочная недоговоренность, которая чувствовалась мной то больше, то меньше. Это было так, словно этот настоящий, очень настоящий человек, был овеян чем-то, еще неизвестным, но что может быть было в нем самым-самым настоящим. Оно не имело прямого отношения ни к нам, ни к моей матери, ни к внешности жизни, ни даже к бабочкам (ближе всего к ним, пожалуй); это была и не задумчивость, и не печаль, — и нет у меня способа объяснить то впечатление, которое производило на меня его лицо, когда я извне подсматривал, сквозь окно кабинета, как, забыв вдруг работу (я в себе чувствовал, как он ее забыл, — словно провалилось или затихло что-то), слегка отвернув большую, умную голову от письменного стола и подперев ее кулаком, так что от щеки к виску поднималась широкая складка, он сидел с минуту неподвижно. Мне иногда кажется теперь, что, как знать, может быть, удаляясь в свои путешествия, он не столько чего-то искал, сколько бежал от чего-то, а затем, возвратившись, понимал, что оно все еще с ним, в нем, неизбывное, неисчерпаемое. Тайне его я не могу подыскать имени, но только знаю, что оттого-то и получалось то особое — и не радостное, и не угрюмое, вообще

«Тот о ком никто не знает, высокого он или низкого происхождения,
О ком никто не знает, ученый ли он или не ученый,
О ком никто не знает, совершал ли он добрые или злые дела,
Тот именно и есть настоящий брахман.
Преданный тайному долгу, строго выполняя его,
Он проводит всю жизнь свою скрытно,
Как если бы он был и слеп, и глух, и лишен чувств;
Так истинный мудрец проходит через этот мир».

никак не относящееся к видимости жизненных чувств, — одиночество, в которое ни мать моя, ни все энтомологи мира не были вхожи. И странно: может быть наш усадебный сторож, корявый старик, дважды опаленный ночной молнией, единственный из людей нашего деревенского окружения научившийся без помощи отца научившего этому целый полк азиатских охотников поймать и убить бабочку, не обратив ее в кашу (что, конечно, не мешало ему деловито советовать мне не торопиться весной ловить мелких бабочек, «малявок», как он выражался, а дожидаться лета, когда они подрастут), именно он искренне и без всякого страха считавший, что мой отец знает кое-что такое, чего не знает никто, был по-своему прав» [23, т. 3, с. 103-104].

Мне не нравится слово «деградация». Очень уж от него дурно пахнет Максом Нордау и Чезаре Ломброзо, но что делать? Когда нечто, достигшее пика своего развития, начинает двигаться вспять, искажается, замутняется — это и есть деградация. Высший Адепт — вершина и венец деятельности Проявленного бытия. Оно создает его для Великого Делания. Когда это Делание не происходит, Высший Адепт начинает деградировать, постепенно снижая свой уровень. Есть еще другая возможность, которая часто по ошибке и считается Великим Деланием. Высший Адепт деперсонализируется (сливается с богом, уходит в нирвану и т. п.). В разных традициях это называется по-разному. Суть одна. Физически Высший Адепт сжигает свои низшие структуры и исчезает. Мир же остается там, где и был. Потому, что делал Набоков, что говорил и что писал, видно, что это — Высший Адепт. Что он думал о себе сам и куда ушел, неизвестно. Мне хочется думать, что Набоков не далеко ушел от вершины, на которой время от времени появляется каждый Высший Адепт и, я надеюсь, сейчас опять поднимается к ней.

Не могу удержаться под конец, чтобы не привести еще одно прямо-таки дзеновской силы стихотворение молодого Набокова.

На годовщину смерти Достоевского

Садом шел Христос с учениками…
Меж кустов на солнечном песке,
вытканом павлиньими глазками,
песий труп лежал невдалеке.

И резцы белели из под черной
складки, и зловонным торжеством
смерти — заглушен был ладан сладкий
теплых миртов, млеющих кругом.

Труп гниющий, трескаясь раздулся,
полный слизких, слипшихся червей…
Иоанн, как дева, отвернулся,
сгорбленный поморщился Матвей.

Говорил апостолу апостол:
«Злой был пес; и смерть его нага,
мерзостна…»

Христос же молвил просто:
«Зубы у него как жемчуга…»
(1921)

Приложение II. ЭССЕ О РАССКАЗЕ Х. Л. БОРХЕСА «ПИСЬМЕНА БОГА»

У Х. Л. Борхеса есть чудесный и очень знаменитый рассказ «Письмена Бога» [39, с. 166]. Сам Борхес был, прежде всего, литератор, обладавший колоссальной эрудицией и изощреннейшим воображением. К тому же это был, видимо, и очень умный человек. Кое-кто видит в нем чуть ли не пророка, чуть ли не мистического деятеля, однако, то, что заставляет выносить о нем такое суждение – это только его литературная манера, его стиль. Не думаю, что он бы смог обмануть меня и скрыть свои мистические прозрения под изощренной художественной формой, что я ошибаюсь, считая его скептиком, обожающим фантастические и мистические выдумки, на которые он просто непревзойденный мастер. А, впрочем, кто его знает?

Вернусь к рассказу «Письмена Бога». В нем вскользь высказана очень важная мысль, о которой я и хочу поговорить. И, именно, потому, что когда-то она представлялась мне бесспорной, а потом с опровержения ее, с отчетливого уяснения себе ложности этой мысли и началось мое открытие, я вспомнил этот рассказ. В рассказе эта мысль высказывается походя, как нечто само собой разумеющееся, и так она обычно всеми и воспринимается.

Напомню вкратце содержание рассказа. Некто Тсинакан, верховный жрец сурового индейского божества, многие годы сидит в темнице. Завоеватели-испанцы уничтожили святилище, низвергли статую Бога, пытками хотели вырвать у Тсинакана местонахождение сокровища, но жрец тайны не выдал, и уже многие-многие годы находится в заточении. И каждый день, во время передачи пищи, в течение нескольких секунд он видит ягуара, находящегося в соседнем помещении и отделенного от него решеткой. Долгие годы размышлений приводят Тсинакана к тому, что в окраске ягуара, в сочетании пятен, полос, других

узоров на его шкуре, Богом закодирована фраза, произнесение которой, по древнему завету может изменить (а может и спасти) мир. Но все попытки разгадать ее Тсинакану не удаются. В конце концов, окончательно отчаявшегося Тсинакана, как божья милость, постигает своего рода просветление: «свершилось мое слияние с божеством и вселенной», «я видел вселенную и постиг сокровенные помыслы вселенной». Тсинакан в великом озарении, в состоянии слияния со вселенной и Богом познал все тайны бытия. В том числе открылся ему и «смысл письмен на шкуре тигра». «То было изречение из четырнадцати бессвязных…слов. Мне достаточно было произнести его, чтобы стать всемогущим. Мне достаточно было произнести его, чтобы исчезла эта каменная темница; чтобы день вошел в мою ночь, чтобы ко мне вернулась молодость, чтобы тигр растерзал Альварадо (испанец, уничтоживший священную пирамиду и пытавший Тсинакана), чтобы священный нож вонзился в грудь испанцев, чтобы восстала из пепла пирамида, чтобы воскресла империя. Сорок слогов, четырнадцать слов – и я, Тсинакан, буду властвовать над землями, которыми некогда владел Моктесума. Но я знаю, что ни за что не произнесу этих слов, ибо тогда забуду про Тсинакана» [39, с. 170].

Вот так вывод. Согласитесь, что мотивация может и благородна, но слабовата. Тсинакан в рассказе немощный старик, которому не долго осталось жить («когда-то длинным кремневым ножом я вспарывал грудь людей, приносимых в жертву; теперь без помощи магии я не сумел бы подняться с пыльного пола»). Что ж такого ценного в этой личности, в этом имени, чтобы отказаться не только от власти, могущества и молодости, но и от мести и от своего жреческого долга?

Борхес тоже видит, что сказанного недостаточно. И вот как он завершает рассказ: «И да умрет со мной тайна, запечатленная на шкуре тигров. Кто видел всю вселенную, кто постиг пламенные помыслы вселенной, *не станет думать о человеке, о жалких его радостях и горестях*, даже если он и есть тот самый человек. Вернее сказать – *был им* (курсив Борхеса), но

теперь это ему *безразлично*. Ему безразличен тот, другой, безразлично, к какому племени тот принадлежит, – ведь сам он стал теперь никем. Вот почему я не произнес изречения, вот почему я коротаю дни, лежа в темноте» (Кроме оговоренного, курсив Теэтета.).

Ничего не скажешь, с художественной точки зрения эффектно и впечатляет. Некоторая психологическая неубедительность совершенно скрыта мастерской словесной формой. Разумеется, не может быть такого Тсинакана, жреца индейского божества, который бы не плюнул на свое тсинаканство и не воспользовался возможностью восстановить справедливость и поквитаться с обидчиками, да еще при этом стать Богом. Кстати из всего контекста рассказа видно, что Бог этих индейцев отнюдь не некое безразличное к своим подопечным ничто, и потому Тсинакан лукавит, говоря, что станет «никем». Вернее Борхес лукавит в том, что якобы не понимает, какую подтасовку делает. Зато в финале рассказа он получает удивительный по накалу пафос. Это прямо-таки какая-то апология личности, индивидуации[98] (не в юнгианском смысле). На этом-то и построен весь художественный эффект. Читатель-то далек от проблем Тсинакана, и потому радуется, что Тсинакан, ни мало не сомневаясь, ставит свою личность выше какого-то абстрактного бога и его абстрактного всемогущества. Читателю это сочувственно, и потому радостно.

(Совершенно из тех же соображений В. Набоков в стихотворении «Око» ставит «вензеля», под которыми он понимает все личное, индивидуальное, над «Оком», т. е. абстрактным и высшим божеством. Это стихотворение подробно разобрано в тексте «Бесед…» и в Приложении I в эссе «В. В. Набоков». *Ученик.*)

Теперь обращу ваше внимание на выделенные мною в цитате места. Как само собой разумеющееся постулируется

---

[98] *…апология личности, индивидуации…* — Об индивидуации смотрите примечание 105.

Тсинаканом-Борхесом уничижительная малость человека и полное безразличие к нему Верховного Божества. И опять, с художественной точки зрения это и оправдано, и верно. Не верно же с мистической и философской, и даже религиозной. Бог в рассказе Борхеса отнюдь не холодный отстраненный наблюдатель, безразличный к копошению у его ног ничтожных тварей. Ему приносятся жертвы; он начертал письмена на шкуре ягуара (в рассказе фигурирует почему-то в начале ягуар, а в конце – тигр), «предвидя, что в конце времен случится множество бед и несчастий»; благодарный Тсинакан говорит, что «Бог не оставил меня и помог промолчать под пыткой». Это противоречие не нарушает художественности произведения, потому что читатель верит и знает вместе с Борхесом, что он мошка, и тот бог, который есть (то есть пребывает не в ткани рассказа, а в реальности), действительно если не жесток, то вполне безразличен к судьбе своих созданий, и что находится он вполне «по ту сторону добра и зла». А вот читатель находится совсем не по ту сторону добра и зла, как раз наоборот; и потому ему очень обидно такое к нему отношение, он вполне понимает Тсинакана и сочувствует его пафосу.

Я тоже когда-то был таким читателем. Теперь же я знаю, что любая песчинка, любой комар также близок к богу, как он сам к себе. Нет для бога ничего далекого и безразличного: все близко, все важно. «Две малые птички продаются на рынке за ассарий, а и те на счету у Бога, у вас же на голове и каждый волос сосчитан», – говорит Иисус ученикам. Глубочайшая мысль. Борхес игнорирует в своем рассказе эту мысль, эту истину, и что касается Борхеса, то он имеет на это право как художник. Он имеет право на любую фантазию, и бог с ним. Для людей, наслаждающихся искусством, вполне безразлично, что собой представляет Первоначало и каковы его отношения с сотворенным им бытием. Не может же это быть безразлично тем Высшим Адептам, цель которых совершить Великое Делание. И Первосущности вовсе не безразлично то, что творится с ней и в ней. Доброму она «радуется», от дурного, злого «страдает». Это

не принижает ее и не возвеличивает нас. Таково положение вещей. Причина же, по которой всесильная, всемогущая Первосущность не устраняет того, что ее мучает, та, что она ***бессознательна.*** В ней нет того, что могло бы осознать положение вещей, и потому изменить его. Первосущность не безразлична, не инертна, она действует, идет к цели, но очень сложным, очень непрямым путем. Она порождает в себе все более совершенные структуры: разумных, сознательных и сверхсознательных существ, которые, в конце концов, и совершат прорыв (я называю его «Великое Делание»), трансформируют, просветлят ее сущность, и тем освободят ее. (Разумеется, это сделает кто-то один. *Ученик*.)

Если бы Тсинакан понимал, знал это, он именно это и сделал бы. Он же остался умирать в своей темнице.

Приложение III. Артур Шопенгауэр (1788-1860)

Этот набросок о Шопенгауэре я взял на себя смелость опубликовать, сделав в нем минимальные, но необходимые поправки. Без этого, имеющийся у меня материал, просто нельзя было печатать из-за бесконечных ремарок, помарок, повторений и исправлений. Мнение же Теэтета о Шопенгауэре и его доктрине, хоть и в несовершенном виде, мне все-таки хотелось представить в Приложениях в виду того, что Теэтет очень ценил Шопенгауэра и считал его наиболее близким себе по духу мыслителем. Даже не зная работ Шопенгауэра, уже по этому отрывку, по приведенным в нем цитатам, можно видеть сходство строя мысли Шопенгауэра и Теэтета. Я, конечно, понимаю, что представляемый очерк, далек от совершенства и потому приношу свои извинения читателю.

Ученик.

<О Шопенгауэре>

Шопенгауэр говорил, что человека можно сравнить с могучим слепым, несущим на своих плечах зрячего паралитика. Это слепая и бессознательная «воля», которой разъясняет и указывает путь интеллект, этот «посредник мотивов». Впрочем, задача интеллекта на самом деле гораздо шире, фундаментальнее даже. Интеллект и создает, собственно, весь мир как представление. На мой взгляд, философию Шопенгауэра вполне справедливо относят к субъективному идеализму. Сам Шопенгауэр, правда, говорил, что «субъект» и «объект» корреляты, предполагают друг друга и друг без друга немыслимы**,** но, тем не менее, добавлял, что

«Истинная философия, во всяком случае, должна быть идеалистическою. Да, она должна быть такою, если только хочет быть честною, ибо нет ничего несомненнее того

факта, что никто и никогда не может вылезть из себя, чтобы непосредственно отождествиться с предметами, отличными от него» [1, с. 5].

Интеллект, в свойственных ему формах[99], представляет самому себе, но в первую очередь, конечно, «воле» весь внешний мир. Сам интеллект вполне пассивен, и не понуждай его воля, он не то, что ничего не стал бы представлять, но и вообще бы не появился. Субстанциональна только ВОЛЯ, а интеллект, как и мир, им создаваемый, вполне вторичны. Доказывать здесь, собственно, нечего, на определенном уровне развития и понимания это достаточно очевидно. Тому же, чей интеллект порабощен практическими задачами на службе у воли и не имеет никакого резерва или избытка для возможности незапятнанного практицизмом суждения[100], никакие доказательства помочь не могут.

«…философия, нового времени, благодаря трудам Беркли и Канта, додумалась до того, что весь этот мир

---

[99] *…в свойственных ему формах…* — Следуя Канту, его «Трансцендентальной эстетике», Шопенгауэр считал, что интеллект создает свои представления в двух априорных формах — это время и пространство, без которых невозможно никакое познание, никакой опыт, — и одной тоже априорной, но всегда связанной с опытом, — это закон причинности. Мир потому и идеален, что эти формы предполагаются еще **до** всякого возможного опыта. Время и пространство формы «чистые» т. к. для их представления не нужен никакой опыт вообще, а закон причинности эмпиричен, потому что выявляется только в опыте, хотя сам по себе он имеет априорный характер.

[100] *…незапятнанного практицизмом суждения…* — Шопенгауэр считал, что изначальное предназначение интеллекта служить воле. Избыток интеллекта — исключение, но только он способен привести к освобождению. Теэтет же считает, что освобождение, т. е., по сути, Великое Делание, не может произойти только за счет интеллекта или выпавших на долю индивида страданий, как это подразумевается у Шопенгауэра, а только действием того Высшего Адепта, который это Делание и совершит.

прежде всего только мозговой феномен, что все познание его сопровождается такими многочисленными, важными и различными субъективными условиями, при которых мнимая абсолютная реальность мира исчезает и очищает место для совершенно другого мировоззрения, где этот субъективный феномен ложится в основу всего, т. е. становится в такое же отношение к миру, в каком находится вещь в себе к простому явлению» [1, с. 4].

«После того, как в течение тысячелетий ставили опыты чисто объективного философствования, в конце концов открыли, что в числе многих факторов, которые делают мир таким загадочным и полным сомнений, самый главный и самый первый это тот, что существование мира, при всей его неизмеримости и массивности, все-таки висит на одной единственной ниточке, и эта ниточка, — каждое отдельное сознание, в котором этот мир существует» [1, с. 4].

««Мир — это мое представление», — вот истина, которую, подобно аксиомам Эвклида, должен признавать, как такую, каждый, кто только ее поймет, хотя она вовсе не принадлежит к разряду тех истин, которые понимает каждый, как только их слышит. Ввести этот закон в сознание и соединить его с проблемой об отношении между идеальным и реальным, т. е. между миром в голове познающего существа и миром вне этой головы, — вот та задача, которая вместе с проблемою о моральной свободе придает такой своеобразный характер философии нового времени» [1, с. 4].

То, что предлагает воле интеллект, она или одобряет или отторгает, причем интеллекту предоставляется угадывать самому, что же воля желает поистине. Это, собственно, касается только непосредственной деятельности в уже существующем мире. Сам же мир настолько фундаментально представляет саму волю (хоть и силой интеллекта), что воспринимается

интеллектом, отнюдь не как его собственное произведение, а как нечто чуждое и, даже, враждебно противостоящее ему.

Всякая субъективно-идеалистическая философия сталкивается с проблемой солипсизма[101]. Шопенгауэр уклонился от разбора этого вопроса, отшутившись тем, что «солипсизм не столько нуждается в опровержении, сколько в лечении». (Да и что он мог сказать, если даже такой недалекий ортодокс как Ленин, еще до Витгенштейна, сказал, что невозможно опровергнуть последовательного субъективного идеалиста (читай солипсиста) «если он последовательно проводит свой взгляд» (В. И. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм»).) Вообще это проблема философии, но не мистики, которая мгновенно исчезла бы без этого крайне субъективистского элемента[102].

Философская судьба Шопенгауэра знаменательна. Настоящая слава пришла к нему только после смерти. В конце жизни он только-только начинал становиться известным. Однако сам Шопенгауэр на свой счет никогда не заблуждался, он знал, что он великий гений. Своему издателю Брокгаузу, сообщающему Шопенгауэру, как плохо расходятся его книги,

---

[101] *….с проблемой солипсизма…* — **Солипсизм —** «крайняя форма субъективного идеализма, в которой несомненной реальностью признается только мыслящий субъект, а все остальное объявляется существующим лишь в сознании индивида» [4, с. 625].

[102] *...крайне субъективистского элемента.* — Мистика — субъективна. То, что является камнем преткновения для философов, для мистики необходимый и безусловно предполагаемый элемент. Именно чисто мистическое понятие равенства или подобия макрокосма микрокосму создает возможность магии, магического лечения, всевозможных, основанных на магическом представлении о симпатии, техниках. Мистика как бы a priori полагает, что все мы некое единое существо, каким-то волшебным образом разделенное на отдельные души. Именно потому наука постоянно стремится отрицать ценность всех оккультных находок, что вынуждена, следуя своей методике, быть строго объективной (в сфере своих допущений и аксиом, конечно).

тот написал 3 сентября 1850 года (за 10 лет до смерти): «Думайте обо мне, что хотите, но я говорю Вам, что мои произведения — это лучшее создание века…» Посмертная слава Шопенгауэра доказала это.

Шопенгауэр не только великий философ, он еще и признанный мастер немецкого языка. (Это признавали даже те, кто не разделял его философских воззрений.) Вот, что пишет его переводчик на русский язык Н. М. Соколов (все оговоренные цитаты здесь даны в его переводе): «В 1844 году появился второй том «Мира как воля и представление» — через 25 лет после первого. За это время Шопенгауэр собрал удивительный запас доказательств в защиту основных положений своей доктрины. С поразительной эрудицией он освещает смысл и сущность своих воззрений и дает самую понятную и ясную формулу своего учения. Громадное содержание философемы, сжатое в тесных рамках первого тома, подавляло внимание читателя и требовало от него больших усилий вдумчивости и воображения. Во втором томе Шопенгауэр дает более простые, — а иногда и более определенные, — формулы своих воззрений. Отвлеченные положения первого тома здесь часто переведены в образ и доведены почти до наглядности. Абстрактные понятия, — по терминологии Шопенгауэра, — здесь «реализуются». Меткий и образный язык дает новую жизнь теоретическим выводам. Шопенгауэр делает все, чтобы логическую убедительность превратить в интуитивное убеждение» [1, с. V].

Я считаю, что, несмотря на всю славу, по-настоящему Шопенгауэр не оценён и до сих пор. Забавно, что мысли и идеи Шопенгауэра постоянно крадут у него те, кто рассуждает и философствует так, как будто Шопенгауэра никогда и не существовало. И началось это еще при жизни философа, в его трудах и письмах встречаются упоминания об этом. Это, между прочим. Ситуация ясна. Слишком уж Шопенгауэр бескомпромиссен и честен, и потому никак не потакает любимым суевериям и заблуждениям людей. Оцените это гордое заявление: **«Я ни к чему не стремлюсь, кроме истины,**

и пишу, как писали древние, с единственным намерением сохранить свои мысли, чтобы некогда они послужили во благо тем, кто сумеет продумать их снова и оценить их» [1, с. II].

Воля Шопенгауэра не Бог, а слепой и бессознательный фатум; спасение же возможно по Шопенгауэру только как результат неимоверных страданий, невольных или добровольно возложенных на себя, да и скорее всего не за одну жизнь, а за множество. Подразумевается, что ряд последовательных возрождений выработает, у постоянно возрождающегося индивидуума такую изощренную интеллигенцию, что она непременно обратится к возможности спасения[103]. Что ж, в этом много верного.

«…Мы не имеем никакого основания предполагать, будто бы существует более высокая интеллигенция, чем человеческая. Мы видим, что достаточно уже человеческого интеллекта, чтобы дать воле столько познания, сколько нужно, чтобы она могла отречься от себя и прекратить свое существование, с которым гибнет индивидуальность и,

[103] Справедливости ради надо заметить, что Шопенгауэр не признавал метемпсихоза в том виде, как он понимается в оккультизме и индийских религиях. То есть, индивидуум по представлениям Шопенгауэра в смерти исчезает совершенно. Именно это его представление послужило для Теэтета толчком для критики теории спасения, изложенной Шопенгауэром, как часть его учения. Даже пережив чудовищные личные страдания, полностью отказавшись от воли к жизни, уйдя тем самым из жизни, индивидуум всего лишь прекращает индивидуальное существование. В чем же тогда спасение? Того же результата он мог бы достичь просто покончив собой. Однако Шопенгауэр выступает с резкой критикой самоубийства, отрицает возможность спасения от горестей жизни, благодаря ему. Почему? Всегда предельно ясный и четкий в своих мыслях и суждениях Шопенгауэр, почему-то этот аспект человеческой жизни освещает очень неясно. Видимо, он чувствовал не убедительность своей теории спасения, но признать это не захотел.

следовательно, интеллигенция, как простое орудие индивидуальной, т. е. животной природы[104]. Это покажется нам менее сомнительным, если мы вспомним при этом, что даже до последних пределов возможного совершенную интеллигенцию, какую мы только могли бы допустить в виде предположения, мы не можем мыслить существующею в течение бесконечного времени; и это время, как такое, оказалось бы слишком скудным, чтобы давать этой интеллигенции всегда новые и достойные ее объекты. Именно потому, что сущность всех вещей в своей последней основе есть нечто единое, — всякое познание ее неизбежно должно быть тавтологичным. А раз она постигнута до конца, — а такая, в высокой степени совершенная интеллигенция должна была бы постигнуть ее очень скоро, — что оставалось бы тогда для познания, кроме постоянного повторения одного и того же? — Следовательно, что оставалось бы, кроме скуки в течение бесконечного времени? И с этой точки зрения, значит, мы приходим к тому выводу, что целью всякой интеллигенции может быть только реакция на волю. А так как всякая воля есть

---

[104] *…животной природы…* — Надо отметить, что Шопенгауэр отрицал возможность избавиться от утверждения индивидуальной воли к жизни при помощи самоубийства. Просто смерть не спасает человека, считал он, а тем более самоубийство, которое совершается не с целью действительно освободиться, не с целью «отрицать волю к жизни», а из-за невозможности удовлетворить те или иные ее прихоти. Следовательно, самоубийство — это только своеобразная форма утверждения воли к жизни (я не могу достичь того, что *хочу*, так убью себя). В своей же теории спасения он почему-то полагает, что исчезновение индивида из лона животной природы решает все дело, что это и есть спасение и другого не требуется и не может быть. Это не верно. «Спасшийся» индивидуум исчезает, но принцип остается не затронутым. Воля продолжает проявляться, продолжает существовать как явление, и что же мешает считать любого являющегося в мире индивида именно тем, кто якобы спасся.

заблуждение[105]**, то последним делом интеллигенции является прекращение воли, целям которой она до сих пор служила. Поэтому, даже возможно совершеннейшая интеллигенция может быть только переходною ступенью к тому, куда не может достигнуть уже никакое познание; такая интеллигенция может занимать в сущности вещей только место мгновения полного и все проникающего прозрения»** [1, с. 737-738].

Основной труд Шопенгауэра 2-х томный «Мир как воля и представление» поистине представляет собой энциклопедию человеческих умствований. В нем с поразительной эрудицией, проницательностью и ясностью показаны Шопенгауэром все стороны жизни духа, да и тела в приложении к его доктрине, все, что Шопенгауэр считал необходимым и полезным осветить. «Талант, — говорил Шопенгауэр, — это факел, который человек несет перед собой, а гений это солнце, освещающее всю вселенную». Вот он и освещал вселенную. Шопенгауэр гордился, что в своих выводах его философия совпадает с «самыми продуманными и благородными религиями, каковы буддизм и брахманизм». Создавая свою философию, Шопенгауэр еще не имел о них понятия как, впрочем, и весь почти европейский мир тогда.

Во втором томе «Мира как воля и представление» есть глава «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа в себе». Шопенгауэр полагал, что истинно существует только воля, которая вечна, все же индивидуумы, а к ним он относил, собственно, любые ограниченные объекты, существующие в нашем представлении, существуют только

---

[105] *...воля есть заблуждение...* — То есть воля в виде мира как явление, в виде воли к жизни, а не сама в себе, разумеется. Слово «всякая» поэтому относится только ко всем возможным формам проявления воли в мире.

благодаря принципу индивидуации[106] и потому достаточно эфемерны. Индивидуумы это — только феномен, нечто временное, разрушающееся и мимолетное. Воля же, прежде всего, — ноумен, то есть внутренняя и фундаментальная суть мира. Умирает, исчезает, разрушается только феномен, то, что проявляется в природе, в явлении, суть же сама для себя остается вечной и неизменной. Ни времени, ни пространства для этой «вещи в себе» не существует, т. к. первые только условия существования феномена, явления.

Конечно, пессимисты были и до Шопенгауэра, но он, безусловно, самый выдающийся из них. Сам Шопенгауэр считал, что оптимизм «поистине безнравственное учение, утверждения которого есть ни что иное как бесстыдная насмешка над несказанными страданиями человечества». Сотни страниц в произведениях Шопенгауэра посвящены блистательному анализу именно этой стороны человеческого, да, и любого бытия.

«Великие, оживленные радости мы можем представить себе только как результат великих прежних страданий, ибо к состоянию продолжительного довольства нельзя прибавить ничего, кроме какой-либо забавы или удовлетворения суетности» [1, с. 696].

«Прежде чем так уверенно говорить, что жизнь благо, достойное желанья и благодарности, — пусть хоть раз сравнят сумму всех возможных радостей, которые человек может встретить в своей жизни, с суммою всех возможных

---

[106] *...благодаря принципу индивидуации...* — **Индивидуация —** выражается в утверждении, что для любых двух индивидов найдется разделяющий их признак. Это — т. н. принцип индивидуации, являющийся классическим утверждением о существовании, поскольку эффективного способа разыскания разделяющего (индивидуализирующего) признака при этом не требует, предполагая, что индивидуация может зависеть от актуально бесконечного разнообразия свойств [4, с. 207].

страданий, которые только могут поразить его. Я думаю, итог было бы подвести не трудно. Но в сущности совершенно излишне спорить чего больше на свете, благ или зол, ибо простое существование зла решает вопрос, так как благо, которое существует рядом с ним или после него, не в силах его уничтожить, а поэтому никогда и не может вознаградить за него».

«То, что тысячи жили в счастьи и наслаждении, никогда не прекращает страдания и смертных мук одного; точно так же мое настоящее наслаждение не уничтожает моих прежних страданий. Поэтому, если бы зла в мире было в сто раз меньше, чем его существует, — одного факта его существования было бы достаточно, чтобы обосновать истину, — которую можно выразить самым различным образом, хотя всегда не прямо, — именно ту, что по поводу существования мира нет причины радоваться, а скорее есть основание скорбеть; — что он есть нечто такое, что в сущности не должно было бы существовать и т. д.» [1, с. 697 – 698]

«Если бы мир и жизнь были своей конечной целью и поэтому с теоретической точки зрения не нуждались ни в каком оправдании, а в практическом в никаком извинении, но существовали бы так, как представляют их Спиноза и современные спинозисты, — т. е. как единственная манифестация высшего существа, которое anima causa или ради собственного отображения предприняло такую эволюцию самого себя, — следовательно, такое существование не нуждалось бы в оправдании из его причин или в объяснении из его следствий; — тогда не только горести и муки жизни должны были бы в нем совершенно сглаживаться наслаждениями и благополучием (а это, — как сказано, — невозможно, ибо мое настоящее страдание не уничтожается всеми грядущими радостями, так как оно так же наполняет свое время, как радости наполнят свое); — но совершенно не должно было бы существовать в нем никаких

страданий, — не должно было бы существовать и смерти или смерть не должна была бы представлять для нас ничего страшного. Только в таком случае жизнь бы оплачивала себя» [1, с. 698].

«И этот мир, — этот шумный рынок измученных и истомленных существ, которые живут только тем, что пожирают друг друга, — этот рынок где каждый хищный зверь — живая могила тысячи других, а его самосохранение — результат длинного ряда мученических смертей, — где с познанием возрастает восприимчивость и впечатлительность к страданию, что достигает в человеке своей высшей степени и тем высшей, чем человек интеллигентнее, — этот мир хотят подогнать под систему оптимизма и демонстрировать перед нами как лучший из возможных миров! Вопиющая нелепость! Но оптимист приглашает меня открыть глаза и посмотреть на мир, как он прекрасен, озаренный солнцем, с его горами, долинами, потоками, растениями, животными и т. п. — Но разве этот мир панорама? — С виду он, конечно, прекрасен, но по сущности он нечто совершенно иное»[107] [1, с. 703].

---

[107] *С виду он, конечно, прекрасен, но по сущности он нечто совершенно иное…* — В гротескном рассказе Мамлеева «Крыса» один из персонажей утверждает, что мир создан злобной крысой с целью наслаждения страданиями созданных ею тварей. Реминисценция на Шопенгауэра очевидна. «Посмотрите на этого типа — вон на эту рожу, — он пришел сюда мрачный, как труп, а сейчас выпил немножечко — и уже веселый. Как мало нужно человеку... Для счастья... Хе-хе... Это тоже предусмотрено... Потому что, если не было бы такого ослиного переключения, все бы давно повесились... Красота, природа... Это тоже предусмотрено (он хихикнул).

— И ласковый весенний ветерок, и дымные очертания гор, и далекий плеск моря — все это нужно для того, чтобы сильнее привязался человек к своей обреченной жизни — и тогда больше будет простора для садистической фантазии Крысы...» (Юрий Мамлеев, «Крыса»)

Шопенгауэр никогда не менял не только своих воззрений, но даже терминологии.

«Замечательно, — говорит он, — что уже в 1814 году (на 27 году моей жизни) у меня вполне определились все, даже второстепенные, догмы моей системы».

«Под моими руками или, лучше, в моем сознании слагается новое произведение; это философия, этика и метафизика вместе, как нечто единое и целое; до сих пор их так же ошибочно обособляли, как ошибочно делить человека на душу и тело. Мой труд растет, развивается медленно и постепенно, как дитя в теле матери, — и я не знаю, что возникло прежде и что потом. Я замечаю один член, один орган вслед за другим, — т. е. пишу, не думая о том, как это подойдет к целому, ибо я знаю, что все возникает из одной основы. Так возникает органическое целое, а только такое и может жить».

«Я, который сижу здесь и которого знают мои друзья, не понимаю возникновения моего произведения, как мать не понимает возникновения в ее теле ребенка. Я только вижу это и говорю, как мать: «во мне зреет плод». Мой дух через интеллект и органы внешних чувств получает пищу из мира; эта пища дает тело моему труду; но я не знаю, как и почему он слагается именно во мне, а не в других, которые имеют ту же самую пищу» [1, с. III].

Чрезвычайно ценное признание. Сам Шопенгауэр никак это не объяснял. Он вообще остерегался заходить в запретную для него область мистики (но все-таки иногда заходил) и любил подчеркивать, что он именно философ, т. е. говорит, исходя из общего для всех опыта. Желающих узнать больше, чем может дать философия, он отсылал к мистическим авторам, по-видимому, к тем, что нравились ему самому.

Вот, его определение мистики:

«Мистика в самом широком смысле слова — это руководство к непосредственному восприятию данных из той области, куда не проникают ни восприятия, ни понятия, — следовательно, никакое познание. Таким образом мистики представляют противоположность философам, так как они идут извнутри, а философия извне. Мистик исходит из своего внутреннего, позитивного, индивидуального опыта, в котором он видит себя, как вечное и единственное существо в мире и т. д. Но из этого познания он не может ничего передать другим, кроме утверждений, в которых ему надо верить на слово, — следовательно, он не может никого убедить. А философ исходит из общего всем, объективного, всем предлежащего явления и из фактов самосознания, как они даются в сознании каждого» [1, с. 739].

Мне нравится весь Шопенгауэр. Даже и то, с чем я не согласен. И такого совсем не много. Главное же мое несогласие с ним в вопросе спасения. На этом я сейчас и остановлюсь.

Как все у Шопенгауэра, теория спасения у него глубоко продумана и органична для всего учения в целом (и тем удивительнее для меня ее несостоятельность). Оправдания для бытия мира Шопенгауэр не находит никакого. Познание, чистое познание, ясно говорит: небытие предпочтительнее бытия. То, что все живое так боится смерти не результат познания и размышления, у животных и вообще невозможных, а действие все той же силы, что создала нас и вынуждает продолжать жить и жить вопреки любым невзгодам. Хорошего ничего в этом нет, отрадно в жизни только то, что, в ней всё-таки есть возможность от этой фатальности освободиться, и тем спастись.

Будучи субъективным идеалистом, Шопенгауэр совершенно последовательно утверждает, что та воля, что проявляется абсолютно во всех явлениях мира и, собственно, создает мир, это наша *собственная* воля (Слово «наша» употреблено здесь только в угоду грамматике, но по смыслу не верно, потому что воля одна (едина)). Так понятая, моя

конкретная жизнь, со всеми ее особенностями, это строго *мой* выбор и ни чей иной. Я сам выбрал бытие, и тем, собственно, предопределил, можно сказать «вызвал» именно такое бытие мира, это *мое* решение, правда, в качестве самой воли, а не мимолетного феномена, порожденного интеллектом, каким я являюсь на самом деле по отношению к ней. А раз я сам это выбрал, то и сам могу это закончить (Вот с этим-то я не вполне согласен[108].). Индивид, возникший в мире на некоторое, не очень продолжительное время, полностью порабощен целями и задачами воли к жизни. Попросту говоря, он беззаветно и даже яростно любит жизнь. Разлюбить же жизнь (а это и будет первым шагом к спасению), как декларирует Шопенгауэр, можно только после долгого и тяжкого пути познания (по большей части отнюдь не дискурсивного), т. е. горького жизненного опыта.

«…Воля в своей объективации, чем бы она не была, доходит до самопознания, в силу чего возможно ее уничтожение — полный поворот и спасение» [1, с. 775]. Не этими словами, но в принципе я мог бы сказать тоже самое. Именно в объективации воли (т. е. Проявленном бытии) и возникают Высшие Адепты, один из которых и победит, в конце концов, объективацию. Но я полагаю, что это произойдет только в том случае, если при этом будет преобразована сама воля, и именно воля в себе. Шопенгауэр путает тут *индивидуальное* решение и решение самой воли. Индивиды, разумеется, отказываются от воли к жизни постоянно (в старости ли, в горе ли, после тяжких страданий, или даже после углубленных размышлений[109]), но так же постоянно воля продолжает

[108] Хочу подчеркнуть, что никакие мистические основания здесь в расчет не берутся.

[109] Философ Майнлендер, не будучи ни старым, ни больным, ни страдальцем, покончил собой, как считается, под влиянием Шопенгауэра. Я, к сожалению, прочесть Майнлендера не имею возможности, а потому не знаю, как преодолел он соображения, выдвинутые Шопенгауэром против самоубийства.

порождать все новых и новых индивидов. Об этом прекрасно говорит сам Шопенгауэр:

«…если мы постараемся представить себе грядущие поколения с миллионами их представителей, в чуждой для нас форме их нравов и костюмов, и затем снова поставим для себя вопрос: «откуда пришли все они? Где они теперь? Где то богатое лоно чреватого мирами ничто, несущее в себе их, грядущие поколения?» — то не будет ли смешным и в то же время верным ответом на эти вопросы: — «Где же иначе, как не там, где только и было все реальное и где оно будет? — В настоящем его содержании, — следовательно и в тебе, безумном совопроснике. — Ты в неведении своего собственного существа похож на древесные листья, которые блекнут осенью и, готовые упасть, жалуются на свою погибель и не хотят утешиться представлением о свежей зелени, которая весной оденет дерево. И этот лист жалобно говорит: “Но ведь это не я! Это совершенно другие листья!» — О, глупый лист! Куда пойдешь ты и откуда должны прийти все другие? Где то ничто, пасти которого ты боишься? — Познай же свое собственное существо, — познай его наконец — во внутренней, таинственной, зиждительной силе дерева, которая всегда одна и та же во всех генерациях листьев, — которая всегда недоступна возникновению и уничтожению”» [1, с. 581].

Моя претензия к Шопенгауэру проста и очевидна. Спасение, освобождение происходит по Шопенгауэру в индивидууме, после того как он, потрясенный ужасом и злом мира от всей души отказывается продолжать это безумное «утверждение воли к жизни». Каждая **«смерть индивидуума — это постоянный и без устали повторяемый вопрос, который природа предлагает воле к жизни: «Довольно ли тебе? Не хочешь ли ты выйти из меня?»**

Да, индивидууму может быть и довольно, да и то не всякому, а только «прозревшему», «отвернувшемуся от воли к

жизни», но причем тут сама воля? Шопенгауэр неоднократно подчеркивает, что смерть это конец индивидуальности. Ну, положим в момент смерти некий индивидуум от всей души и проклянет эту жизнь, это несовершенное бытие (это и происходит постоянно, ведь мало кто умирает счастливо), но волю-то саму по себе это мало трогает, а если и трогает, то, что она может поделать, если она слепа и бессознательна, да и вообще находится вне форм явления, т. е. вне пространства и времени. Получается, что спасается то, что, собственно, ни в каком спасении не нуждается т. к. все равно исчезнет (Да и что это за спасение — умереть, сполна отмучавшись и оставив остальной мир продолжать страдать?), а сама воля, сам принцип, производящий жизнь, бытие, а стало быть, и все страдания и ужасы остается нетронутым.

Обосновывая свою теорию спасения, всегда безупречный Шопенгауэр впервые начинает допускать очень странные для него погрешности. С одной стороны он категорически заявляет, что спасение возможно, с другой не менее определенно дает понять, что спасается не вся воля, не воля вообще, а конкретный индивидуум, тот в ком воля смогла «отвернуться от себя». Так в чем же спасение?

В оккультизме, да и в восточных религиях индивидуум реинкарнирует, его личность продолжается в других его же жизнях. Под спасением или освобождением понимается прекращение перерождений[110]. И хотя я считаю, что это только иллюзия освобождения, но с позиции индивидуума такое освобождение понятно. Но у Шопенгауэра индивидуум — конечен (так можно понять его многочисленные на этот счет высказывания).

[110] *...прекращение перерождений.* — При этом предполагается, что такая освободившаяся индивидуальность будет существовать вечно (Рамануджи, Мадхва).

«Требовать бессмертия для индивидуальности — это собственно значит пытаться повторять одну и ту же ошибку до бесконечности, ибо в сущности каждая индивидуальность все-таки только ошибка специализации, только промах, только нечто такое, чему лучше было бы не существовать, — и даже нечто такое, отрешиться от чего является целью жизни[111]**»** [1, с. 597].

Оно-то может и так, но проблема-то в том и заключается — как же устранить эту «ошибку специализации»? Шопенгауэр здесь солидаризируется с некоторыми мистическими школами, видевшими корень зла в «Эго», в крайнем индивидуализме и эгоизме людей, что в принципе не верно, так как это вторичные феномены, порожденные изначальным фактом превращения «воли в себе» в Проявленное бытие, в «мир как представление». Вся и беда-то в том, что «Единое стало многим», повторю я вслед за неоплатониками.

Видимо Шопенгауэр чувствовал своим сверхестественным нюхом, что спасение конечно же должно быть, и что его концепция спасения слаба, но ничего лучшего, как предложить идею своего особенного индивидуального спасения, он сделать не смог. То, что его теория спасения не вполне корректна, замаскировал он отлично. Главы его основного труда, посвященные «отказу от воли к жизни» и «пути спасения» написаны великолепно. Трудно найти хоть

---

[111] *…является целью жизни…* — Похоже на то, что Шопенгауэр полагал, что каждый индивидуум рано или поздно «отвернется от воли к жизни и спасется», тем самым, достигнув «цели жизни». И когда спасутся, таким образом, все — мир как представление закончится (то, что воля, ничем не сдерживаемая, всегда может наплодить сколько угодно еще новых индивидуумов, он почему-то даже не рассматривает). Это воззрение действительно совпадает с представлением как западного, так и восточного оккультизма о спасении, но очевидно, что это заблуждение, — прошла вечность, а «мы все налицо».

какие-то некорректности, но, тем не менее, они есть. И я сомневаюсь, чтобы сам Шопенгауэр этого не понимал.

«В час смерти решается вопрос, вернется ли человек снова в недра природы или будет уже принадлежать не ей, а — — — для этой противоположности у нас не хватает ни образа, ни понятия, ни слова, — именно потому, что и образ, и понятие, и слово взяты из объективации воли и поэтому относятся только к ней и, следовательно, никоим образом не могут выразить абсолютную противоположность ее, так что эта противоположность стоит перед нами только в форме простого отрицания. Смерть индивидуума — это постоянный и без устали повторяемый вопрос, который природа предлагает воле к жизни: «Довольно ли тебе? Не хочешь ли ты выйти из меня?» — И индивидуальная жизнь коротка — именно для того, чтобы это бывало почаще» [1, с. 735-736].

Последнее замечание прямо забавно, собственно, шутка. Относительно чего почаще? Вечности? Или может быть самой воли, для которой, как известно, время не существует[112].

[112] *...время не существует.* — При индивидуальном спасении по Шопенгауэру получается, что тот индивид, который смог «отказаться от воли к жизни», уходит из Проявленного бытия, потому что делает, наконец, свой верный выбор. Но ведь тогда получается, что он и до воплощения, до появления в виде явления обладал индивидуальностью, чтобы сделать индивидуальный выбор. И более того, продолжает ею обладать и после освобождения, так как освободился не весь мир, не сама воля, а только он, конкретный индивид. Это никак не согласуется с теорией о принадлежности личности исключительно явлению, что прямо вытекает из всей философии Шопенгауэра. Все правильно, так и должно быть. Так как идея индивидуального спасения фикция, фактически постулирует то, что невозможно, то и не удивительно, что она приводит к противоречиям. Теэтет считает, что индивидуальность простирается вплоть до границы Проявленного бытия, и исчезнет только после Великого Делания, слившись навсегда с Первосущностью. Обычные люди не могут деперсонализироваться даже случайно, постоянно

Шопенгауэр, конечно, шутит, понимая, что подошел вплотную к самому слабому месту своей философии. Страницей ниже он, практически, это признает:

***«*Здесь именно тот пункт, относительно которого только мистики дают положительные откровения и за которым не остается ничего, кроме мистики. Кто хочет иметь, — в виде некоторого дополнения к этому отрицательному познанию, до которого только и могла довести его философия** (опять немного лукавства: на тот момент «философия» его наговорила уже достаточно мистического), **— положительные выводы, тот лучше всего и полнее всего найдет их в Oupnekhat, затем в Эннеадах Плотина, у Скота Эриугены, по местам у Якова Беме, особенно же в удивительном произведении Гюйон Les torrens и у Ангелиуса Силезия; наконец в стихотворениях Суфи, сборник которых дал нам Толук, а так же в других произведениях».**

«Теизм, рассчитанный на восприимчивость толпы, полагает первоисточник нашего бытия вне нас, как объект; вся мистика, а так же суфизм, снова и постепенно — по мере неодинакового посвящения в тайну — вбирает этот первоисточник бытия в нас, как субъект; и адепт в конце концов с удивлением и радостью узнает, что этот первоисточник бытия — сам он [113]» [1, с. 739-740].

возрождаясь после очередной смерти. Высший Адепт даже после деперсонализации продолжает существовать, правда, трудно сказать в какой форме.

[113] *...первоисточник бытия — сам он...* — Вот как описывает это познание современный нам мистик, пытавшийся поставить мистическое познание на научную основу, Л. К. Лилли, совпадение впечатляющее: ***«Центр циклона есть то восходящее спокойное место с низким давлением в центре, где можно научиться, как жить вечно.***

Сразу вне этого центра кружится вихрь вашего собственного эго, в бешенном круговом танце борющийся с другими эго. Если

Перечисленные Шопенгауэром писатели, действительно, великие мистики и, что характерно, почти сплошь стоящие на позициях «индивидуального спасения». В последней цитате, мне кажется, Шопенгауэр намекает на свое ***посвящение*** в некую тайну, и делает он это, возможно, для того, чтобы придать дополнительный вес своей концепции. Это, правда, только мои предположения.

Да, это великое открытие узнать, что ты сам источник всего бытия. Но, что же дальше? Уход в нирвану или «служение людям»[114], с неизбежной перспективой последующей деградации? Печальный финал. Тот индивидуальный поворот воли, который описывает Шопенгауэр как спасение и который действительно у некоторых адептов происходит, никого, включая и самих адептов, не спас и спасти не может. Если даже они и испарились из этого мира, воля продолжает создавать и

уходишь от центра, рев вихря оглушает вас все более и более по мере того, как вы присоединяетесь к этому танцу.
Ваша концентрированная мыслящая и чувствующая сущность, ваше собственное Сатори только в центре, никак не снаружи. Все ваши противоречивые действия, состояния заброшенности, направленные против Сатори, ваш ад, вами самими сотворенный, лежит вне центра. В центре циклона вы вне колеса Кармы, вне колеса Жизни, вы поднимаетесь, чтобы соединиться с Творцами Вселенной, Творцами Нас.
Здесь мы узнаем, что именно мы творим Тех, которые есть мы сами» [36, с. 12]. Конечно, Лилли здесь полностью в плену той иллюзии, что достаточно освободиться от «Эго», от «беспокойства ума», подвергнуть себя йогической тренировке, проникнуть в «центр циклона» и освобождение обеспечено, но само по себе его прозрение великолепно.

[114] *...служение людям...* — Теэтет ставит кавычки потому, что считает деятельность Высшего Адепта, направленную только на благо людей, тщетной и уводящей адепта с пути его прямого предназначения. «Бессмысленно лечить гангрену компрессами», — вот, что он говорил.

пускать в мир все новые и новые миры как представление, все новых и новых страдальцев.

Приложение IV. Тайна тайн Юрия Мамлеева

Выдающийся мистик, эзотерик (и, кстати, выдающийся мастер слова) Юрий Мамлеев сделал странное и ни с чем несообразное открытие. Он открыл, что есть нечто трансцендентное Абсолюту[115]. Некая великая бездна, великая

[115] *...есть нечто трансцендентное Абсолюту*. – Свои взгляды Юрий Мамлеев изложил в трактате «Судьба бытия». Трактат состоит из нескольких достаточно независимых частей. В начале предлагается ранняя работа Мамлеева «Утризм Я», предлагающая оригинальную концепцию преодоления солипсизма, неизбежного для любой крайне мистической и субъективно-идеалистической системы. Завершается трактат работой «Последняя доктрина», в которой и обосновывается главное открытие Мамлеева о существовании некой бездны, трансцендентной Абсолюту, и добавленной к нему статьей об искусстве. В качестве перехода от первой теоретической части ко второй Мамлеев дает обзор, близких видимо ему, мистических, религиозных и философских концепций.

В своем художественном творчестве Мамлеев с большим искусством показывает разнообразные аспекты своего открытия. Мистическая проблематика вообще является в нем преобладающей, при общем весьма высоком уровне художественности в целом. Я нашел довольно много мест очень близких открытию, сделанному Теэтетом, и вообще его ходу мыслей. В рассказе «Крыса», например, или вот какой интересный пассаж я обнаружил в романе «Московский гамбит»:

«— А ты веришь в Бога? — вдруг спросил Муромцев.

В ответ раздался хохот — первый хохот за все время этой беседы.

— Послушай, Валя, — даже с некоторым добродушием сказал дядя, как-то нежно взглянув на него, — я понимаю, что ты имеешь в виду. Я, правда, простой человек, и я не читал и не буду читать всех этих ваших индусов или святых отцов. Но я стою у истока жизни и понимаю жизнь. Да, конечно, некая сила, разум — позади сцены — сотворил все это или был источником — не может такой невероятной сложности мир создаться просто так, случайно, из комбинаций слепой материи или ни с того ни с сего быть, — как пишут у нас в учебниках. Даже чтобы создать спички, нужен разум. Но запомни: этот мир создал дьявол, а не Бог, и, на мой взгляд, создал себе для наслаждения, чтоб было над кем поиздеваться и кого

умерщвлять. Посмотри спокойно на суть жизни и на то, что происходит в мире, и ты увидишь, что я прав. Да достаточно одного нашего двадцатого века, его истории! Двадцатый век — это лучшее доказательство того, что мир создан дьяволом. Или во всяком случае Бог отдал его дьяволу. И тот полностью контролирует все, все лагеря и умы. Практически это одно и то же, как если бы мир был создан князем тьмы. К тому же, что это за Бог, который отдал мир дьяволу... Так или иначе, контроль у князя, надо только понять, что творится сейчас с миром...

— Однако в мире есть «нечто», ну, скажем, оазис, который не подчиняется такой теории... Правда, этот «островок» все сужается и сужается... Но ты судишь, исходя из опыта человека нашего времени, нашего маленького среза реальности, а переносишь на целое...

— Другого опыта у нас нет. Пусть даже и есть иные миры, где все прекрасно и божественно. Нам-то, до них какое дело? «Наш» мир создан дьяволом, вот и все. И потому, дорогой Валя, я верю в дьявола, а не в Бога.

— Картина впечатляющая, но односторонняя... Никто не отрицает это дыхание над миром... Но... островок, островок. Не все потеряно.

Валентин вдруг вздохнул и добавил:

— Но картина все-таки впечатляющая.

И не то растерянно, не то наоборот, ткнул вилкой в ветчину.

— А все-таки, дядя Толя, ты явно не ортодокс в марксизме, — неожиданно перевел он разговор. — С меня и спроса нет, я — беспартийный. А ты вот — с красной книжечкой!

Дядя расхохотался, но на этот раз как-то помягче и по-человечески.

— А кто сейчас ортодокс? — наконец ответил он. — Таких нет. У всех есть что-то свое в душе. Но это не мешает мне выполнять свой долг. А то, что у меня в нутрях — касается одного Бога, вернее, дьявола.

— Так в чем же тогда смысл? Всех людей на земле. Плясать под дудку дьявола?

— Уж не знаю, под чью дудку, но главное — сплясать, — усмехнулся дядя. — И учти: в будущем будет еще хуже. Везде. Я объездил эту планетку и знаю. Все неизбежно катится в пропасть, и сделать уже ничего нельзя. Не дай Бог, если будут такие пляски, что и «скрежет зубовный» покажется детским лепетом. Поэтому давайте-

тьма. Это не дьявол, не Сатана, традиционный противник Бога (обезьяна Бога), нет, это что-то принципиально иное и противостоящее Богу как некий Анти-Абсолют. Вообще-то это открытие можно было бы рассматривать как просто некий выпендреж со стороны Мамлеева, если бы не очевидная серьезность его и как мыслителя, и как художника. Всё же его незаурядное литературное творчество посвящено в основном иллюстрации этой его генеральной идеи.

В понятиях, на словах эта концепция крайне уязвима. Абсолюту по определению **ничто** не может быть трансцендентно. Мамлеев же говорит не для жонглирования понятиями, а из какого-то своего глубоко интимного мистического опыта. Может быть, в чем-то сходного с опытом Бёме[116]. Тот тоже постоянно упоминает о какой-то неисследимой бездне. Правда, он ее никогда не трансцендирует Абсолюту. Такое до Мамлеева еще никому в голову не приходило.

Как известно наш интеллект, хоть и является чудом природы, весьма склонен ко всяческим заблуждениям и извращениям. И каждый волен выдумывать всё, что ему заблагорассудится, давать любую интерпретацию своему внутреннему опыту. И, в конце концов, это личное и интимное дело каждого. Мамлеев мне интересен и важен тем, что я совершенно неожиданно (сначала он показался мне хоть и глубок, но сравнительно традиционен) нашел в нем мыслителя, чей ход мысли парадоксальным образом подтверждает и укрепляет мои собственные воззрения и открытия, которые, в

ка лучше спляшем сейчас. Пока не наступил двадцать первый век. И они сплясали» [«Московский гамбит», с. 65].

Валентин Муромцев — очевидный протагонист автора говорит все-таки: «Не все потеряно», видимо намекая на то, что надеется разрешить обсуждаемую проблему известным ему способом. Как известно, мир пока не спасен, а сам Мамлеев пока еще не в бездне.

[116] ...*Бёме*. – Смотрите комментарий 21.

отличие от мамлеевских (он-то свою концепцию до конца не довел), неизбежно вызовут ясный практический результат для всего мира.

Открытие Мамлеева затрагивает как и большинство мистических систем только его самого, затрагивает только того адепта которому открылась истина, кто способен ее воспринять. Кстати, по описаниям Мамлеева, проникновение адепта в эту его окончательную бездну не очень-то привлекательно. По правде сказать, меня туда и калачом бы не заманили. Помнится, я долго не мог понять для чего надо йогу добиваться состояния асампраджнята самадхи, когда ему так хорошо в просто сампраджнята[117]. Зачем отказываться от состояния чистого блаженства и переходить в состояние чистого безразличия ко всему? Потом я объяснил это себе так, что из сампраджнята самадхи возможен возврат в относительное состояние, а из асампраджнята самадхи — нет. Это, как оказалось, не совсем так, и потому я и сейчас считаю, что теория йоги содержит внутреннее противоречие. Похожее противоречие я вижу и у Мамлеева. Зачем оно ему нужно, зачем ему этот окончательный

---

[117] *...просто сампраджнята.* – Теэтет, мне кажется, имеет в виду, что и в асампраджнята самадхи йогин не достигает своей цели, хотя это и подразумевается. Разница же между сампраджнята самадхи и асампраджнята самадхи заключается в том, что если в сампраджнята самадхи присутствуют объекты сосредоточения, то асампраджнята самадхи свободно от них. Приведу мнение авторов «Введения в индийскую философию»: **«…ум-читта постигает природу различных объектов внутри и вне тела, постепенно отрешаясь от них, до тех пор пока совсем не освободится от мысли о каких бы то ни было объектах и не достигнет асампраджнята самадхи, то есть йоги по преимуществу. Она кладет конец всяким душевным модификациям, и мы уже не связываемся ни с одним объектом. Эта стадия йоги является последней, потому что при ее достижении весь мир объектов перестает оказывать свое действие на йогина и существовать для него»** [21, с. 256]. Зачем бы тогда йогу снова возникать в мире объектов?

выход за пределы всего? Когда Адепт сливается с Абсолютом, достигает полной богореализации – это понятно, он освобождается, т. е. достигает максимально возможного блага для ограниченного существа, собственно, преодолевает свою ограниченность. Мамлеев же зачем-то растворяется в своем непостижимом Антиабсолюте, но всё не так просто. Всё это каким-то образом связанно с преодолением зла, несовершенства и т. п. мира. Вот тут-то мы с ним и сходимся (при всех расхождениях). Мое открытие тоже говорит о бездне, в которую придется проникнуть, чтобы разрешить в окончательном виде проблему мирового несовершенства и зла. Только «моя» бездна и есть тот Абсолют, с которым мы все постоянно имеем дело, и которым, в сущности, являемся, и я считаю, что другого никакого Абсолюта нет и быть не может. Мистическое же открытие, созерцание, которое заставляет Мамлеева говорить об «трансцендировании за Абсолют» это собственно констатация факта «неабсолютности абсолюта». Я иногда еще говорю, что абсолют «разабсолютился». Эта проблема хорошо известна в Веданте, и была поставлена еще Бадараяной в его Брахма-сутре:

«Отстаивая роль Ишвары в качестве «созидателя» мира, Бадараяна сталкивается с необходимостью защитить это учение от возражений двоякого рода. Во-первых, не предполагает ли «созидание» некоторый «недостаток», а также стремление устранить этот недостаток в виде мотива действия? Но если это так, то не противоречит ли «созидание» тезису о божественном совершенстве? Во-вторых, не противоречит ли этому совершенству и несовершенство созданного Ишварой мира (наличие в нем страдания, зла и т. д.). Отвечая на эти возражения, Бадараяна выдвигает идею, сыгравшую впоследствии существенную роль в различных вариантах индуистских «теодицей». Это — идея «лилы» (игры). С точки зрения Бадараяны и его позднейших комментаторов, творение есть не подчиненная некоей схеме активность, а, «божественная

игра», т. е. нечто, характеризуемое свободой от заранее заданной цели, творческой спонтанностью, легкостью и свидетельствующее не о недостаточности, а о преизбыточности. Эта «игра» в целом оказывается выше полярности добра и зла (существующей на «низшем» уровне и регулируемой законом кармы, который представляет собой «правило», но не жесткую схему «игры»). Ишвара беспристрастен к персонажам, выступающим в ходе «игры» (Что сравнивается комментаторами «Брахма-сутры» с «беспристрастностью» дождя, одинаково проливающегося на разные существа, но воздействующего на них по-разному — в зависимости от их собственной природы). Играя «по правилам», Ишвара создает возможность духовного совершенствования вплоть до возвышения над полярностью добра, и зла и уподобления ему самому абсолютно для всех. Не существует предопределения и предизбрания. «Игра» подразумевает снятие дилеммы «вечное наказание» — «вечное вознаграждение» (и награды, и наказания предстают как нечто временное). Вечны лишь свобода «играющего» божества и возвращение к свободе тех, кто временно «втянут» в игру» [11. с.91-92].

В высшей мистике есть одно общее место, которое как-то повторяет и Мамлеев, место об относительности наших, слишком человеческих представлений о зле и страдании. Якобы есть высшая точка зрения, божественная или неких высших сил, с которой зло и оправдано и необходимо. Я это отрицаю и считаю «разабсолютизацию» (а именно она производит всё явление, а, стало быть, и всё зло) фундаментальным, онтологическим принципом мира. Преодолеть этот принцип можно только, преодолев бездну. Вот потому-то в неё и тянет самых глубоких и самых возвышенных адептов (а на самом деле всех). Тянет практически бессознательно и вопреки стандартной и безупречной логике общепринятой (если это возможно) эзотерики. Открытие Мамлеева уникально, а вот логика его

действий совершенно закономерна. В моей терминологии это означает стремление «заабсолютить абсолют» с тем, чтобы окончательно и навсегда завершить мировой процесс.

Мое открытие касается всех нас, всех, и адептов, и не адептов, собственно всех, кто осознает свое бытие, а значит, существует (повторю я за Мамлеевым). Касается потому, что «каждый человек, как и каждый атом во вселенной, стремится стать богочеловеком, а потом богом» (Блаватская), то есть спастись. Очень многие Высшие Адепты, да собственно почти все, не понимают, что невозможно никакое приватное спасение или освобождение, что все их индивидуальные достижения, освобождения — ничто. Бытие спасется только тогда, когда спасется сам «бог», сама эта неисследимая бездна. По Мамлееву же, к сожалению, в его трансцендентальную Абсолюту бездну смогут попасть и попадут только избранные и призванные, лично для себя тем самым разгадавшие тайну зла и бытия.

Приложение V. Жан-Поль Сартр и парадигма Великого Делания

Философы иногда дают удивительные откровения, при том, что могут сколько угодно заблуждаться. Некоторые прямо-таки купаются в своих фантасмагориях, упиваются своими произвольными и почти всегда ложными измышлениями. И, тем не менее, проблески истины их посещают.

А. М. Руткевич в «От Фрейда к Хайдеггеру», вот как описывает взгляды Сартра:

«Он (Сартр) пишет о «в-себе-бытии» как существующем независимо от человеческого сознания, но фактически это статичный, завершенный, неподвижный полюс сознания, обладающий, за исключением шарообразности, всеми характеристиками парменидовского бытия. Тождественность, равенство самому себе — такова характеристика «в-себе-бытия»» [45].

Очевидно, что здесь говорится о внутренней сущности мира, о Непроявленном бытии. И дальше.

«Человеческое существование определяется Сартром как изначальное отрицание этого «в-себе-бытие», как «для-себя-бытие», которому совершенно не свойственна самотождественность и статичность. Это — негативность, отсутствие какой-либо определенности, непрестанный выход за собственные пределы. «Для-себя-бытие» определяется как «нехватка», «недостаточность», неравенство самому себе. В данном смысле оно является «небытием», «ничто» (Вот, уж, не «ничто», хорошо кабы «ничто», нет, самое, что ни на есть мерзкое и отвратительное «что». Общая и частая ошибка даже выдающихся мыслителей. **—** Теэтет.), **вечно неудовлетворенным желанием, экстатическим становлением, вожделением слиться с бытием, дабы обрести полноту и самодостаточность (стать богом). Но это вожделение всегда неудовлетворенное, ибо слияние «в-себе-бытия» и «для-себя-бытия» означает, по**

Сартру, смерть «для-себя-бытия», поэтому человек есть «бесполезная страсть»» [45].

Очень верно! Так и есть! Внутренняя сущность самодостаточна, а Проявленное бытие всегда неудовлетворительно, несовершенно, страдает и погибает. Не понимает Сартр только самую малость. Именно «в-себе-бытие» и есть настоящий и вечный «он-сам», а «для-себя-бытие» есть излишний, нелепый и мучающий излишек. Консервная банка, привязанная к хвосту несчастного пса.

Философия Сартра — безысходный пессимизм. Выхода нет. Как мыслитель Сартр с большой точностью разглядел положение дел в мире. Признал это положение вечным и неизменным и на этом остановился. Нигилизм, отрицание в учении Сартра очень сильны. Позитива же нет никакого. Да, и какой, уж, тут позитив? Собственно, единственным разумным следствием из сартровской философии был бы вывод о том, что любому следует как можно быстрее покончить жизнь самоубийством (Побыстрее уничтожить это бессмысленное и само себя мучающее «для-себя-бытие». Благо, никакого бессмертия души, Бога, кармы и т. п. учение Сартра не предусматривает.). Поскольку ни сам Сартр, ни его последователи этого не делают, то ясно, что они сами не верят в свои теории (точнее, не осознают их до конца), хотя и считают их верными. И правильно. Бытие-то «знает», что выход есть, и потому (хотя и подспудно) внушает эту благую весть своим несчастным созданиям. Вот, только, что это за выход, и как им выйти, они должны узнать сами, потому что у них, а не у бытия, есть глаза, разум, сознание, а, главное, гносис — просветление — и возможность совершить Великое Делание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. С-Петербург, 1893.
2. Жак Бросс. Духовные учителя. С-Петербург, 1998.
3. Эразм Ротердамский. Философские произведения. М.,1986.
4. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
5. Евангелие от Матфея.
6. Джордж Беркли. Сочинения. М., 1978.
7. Яков Бёме. AURORA или Утренняя заря в восхождении. М., 1914.
8. Сандулов Я. Дьявол. С. П. Б.,1997.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.
10. Древнеиндийская философия. Начальный период. М., 1963.
11. Костюченко В. С. Классическая веданта и неоведантизм. М., 1983.
12. Размышления и афоризмы французских моралистов XVI — XVIII веков. М., 1987.
13. Виктор Пелевин. Чапаев и Пустота. М., 1999.
14. Андрей Сидерский. Третье открытие силы. Киев, 1997.
15. Аллан Уотс. Путь дзен. Киев, 1993.
16. Уильям Джеймс. Многообразие религиозного опыта. М.,1993.
17. Древнекитайская философия. М., 1972.
18. Вересаев В. Живая жизнь. М., 1991.
19. Свами Шивананда. Йога-терапия. Киев, 1994.
20. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Смоленск, 1993.
21. С. Чаттерджи и Д. Датта. Введение в индийскую философию. М., 1955.
22. Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. М., 2001.
23. Набоков В. В. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1990.
24. Набоков В. В. Круг. Ленинград, 1990.
25. Пелевин В. О. Generation П, М., 2001.

26. Платон. Сочинения в трех томах. М., 1970.
27. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 9-ти томах М.,1958.
28. Григорий Сковорода. Сочинения в двух томах. М., 1973.
29. Даниил Андреев. Роза мира. М., 1991.
30. Исаева Н. В. Шанкара и индийская философия. М., 1991.
31. Хозе Сильва. Управление разумом по методу Сильва. Минск, 2000.
32. Алистер Кроули. Книга лжей. М., 1998.
33. Словарь иностранных слов. М., 1954.
34. Дион Форчун. Мистическая Каббала. Киев. 1995.
35. Антология мировой философии в четырех томах. М., 1969.
36. Джон К. Лилли. Центр циклона (автобиография внутреннего пространства). Киев, 1993.
37. Иммануил Кант. Критика чистого разума. С. ПЕТЕРБУРГ, 1867.
38. Алистер Кроули. Магия в теории и на практике: В 2-х кн. Москва, 1998.
39. Хорхе Луис Борхес. Проза разных лет. М., 1984.
40. Кора дуба № 4. Ростов-на Дону, 1999.
41. Мамлеев Ю.В. Собрание сочинений. Электронная публикация — РВБ, 1999, 2000.
42. Шопенгауэр Артур. Афоризмы и Максимы / Пер. с нем. Ф. В. Черниговца./ СПб. 1892.
43. Руткевич А. М. «От Фрейда к Хайдеггеру» Москва, 1985.

СОЛИПСИЗМ

«…Мы не знаем ни разума, ни материи, и то и другое — фикции. Мы воспринимаем только ощущения. Простые идеи, такие как образы, воспоминания и мысли, представляют собой отзвук ощущений. Любая сложная идея есть не что иное, как набор простых идей. Наш разум тождественен имеющемуся у нас набору ощущений и идей. Не следует предполагать существование каких-либо субстанций, кроме тех, которые мы воспринимаем непосредственно на опыте. Всякий опыт порождает только ощущения.

…Пространство и время это способ и порядок постижения идей, а причинность — привычная взаимосвязь идей. Ни пространство, ни время, ни причинность не есть объективная реальность. Сила и яркость наших ощущений вводят нас в заблуждения, заставляя верить в реальность окружающего мира. В действительности же существование окружающего мира с заданными свойствами не более чем умозаключение, в истинности которого мы не можем быть уверены.

…Сам человек это обособленный набор восприятий, т. е. впечатлений и идей. Любая попытка познать себя приведет лишь к некоторому восприятию, и нет уверенности в том, что это восприятие истинно. Следовательно, нет, и не может быть научных законов, относящихся к перманентному, объективно существующему физическому миру».

Девид Юм (1711—1776)

«So bleibt es immer ein Skandal der Philosophie und allgemeinen Menschenvernunft, *das Dasein der Dinge ausser uns bloss auf Glauben* (подчеркнуто у Канта) annehmen zu müssen und, wenn es jemand einfällte es zu bezweifein, ihm keinen genügenden Beweis entgegenstellen zu können». (Для философии и вообще для человеческого разума всегда будет скандалом, *что существование вещей вне нас* остается для нас предметом веры и что, если кто-либо вздумает в нем сомневаться, мы не в состоянии доказать ему это существование.)

И. Кант *«Критика чистого разума»*

Апрельским плачем изойду,
И станет беспощадно ясно:
Прекрасна жизнь — как на беду! —
Да, жизнь прекрасна,
Жизнь прекрасна…
Какое небо — во всю грудь!
И сколько боли! Сколько боли!
И снова под ногами — Путь,
И колокол гудит:
ДОКОЛЕ?

А. Брунько

Часть первая

Сознание большинства людей настолько поглощено процессом жизни, что не замечает, казалось бы, очевидных истин. Помнится, я сам был поражен, когда со всей очевидностью понял, что мы (я) составляем себе представление о мире на основании только того, что дают нам наши пять чувств. Хотя что, казалось бы, может быть очевиднее?

Эти пять чувств передают нам всю (!) информацию о мире.

Интеллект ее перерабатывает и принимает решения о тех или иных действиях. Предполагается, что на рецепторы подается информация, представляющая собой ту часть всего мира, которая непосредственно на них и воздействует. Рецепторы передают информацию интеллекту, интеллект обрабатывает ее, и некий отдел в мозгу, заведующий сознанием, ее, наконец, осознает. Это осознание и есть «объективная» картина мира. Это именно картина, потому что никакого мира «самого по себе» в ней нет (см. Приложение). Мир предполагается объективно существующим на основании ***вывода***. Знание об объективно существующем мире — ***выводное знание***, а не непосредственное.

Никакого непосредственного знания о мире мы (я) не имеем.

Этот выводной характер знания о мире не осознается по той же причине, по какой не осознается процесс распознавания и вспоминания букв в процессе чтения — вследствие его автоматизма и глубокой вовлеченности в него сознания. Причем, если в чтении мы всегда можем оторваться от текста, или что-то может заставить нас, его прервать, то сделать то же самое с процессом осознавания жизни по своей воле не возможно. Он продолжается и во сне, и (я настаиваю на этом) после смерти. Гибель мозга при смерти тела не важна, потому что мозг обеспечивает только ту часть интеллектуальной деятельности,

которая отвечает за осознавание вибраций этого плотного мира при жизни тела. После смерти физического тела этим занимаются другие структуры бытия.

«Ад — это другие». Тот, кто сказал это[118], сказал только то, что мир, в котором ему приходится жить и в котором он общается с другими, плох и для него невыносим. В христианском аду другие это черти, и ад делают мучительным совсем не они, а вечные и ужасающие страдания, в которые навечно погружено бессмертное сознание. Христианская догма обеспечивает это вечное сознание столь же вечным и неуничтожимым телом для того, чтобы страдания могли продолжаться вечно. Трудно придумать еще более гнусный миф.

Однако, миф этот не какая-то, возникшая ниоткуда фантасмагория. Это прозрачная метафора того мира, в котором мы живем и которым иногда столь искренне восхищаемся.

Я думаю, что не стоит огорчаться, что наша участь представляется нам все-таки не такой суровой, какую предусмотрел своим грешным творениям мстительный Иегова.

Продолжу про солипсизм.

Общение с «другим» наиосновнейшая функция, обеспечиваемая Проявленным бытием. Собственно, появление мира или создание его в том и заключается, что начинается «общение». Общение частей разделившегося самого в себе целого. Одной единицы с другой единицей.

Единое первоначало, пребывающее в себе самоем не способно к общению по причине отсутствия (невозможности) собеседника.

Оно ***одно***. В каком-то смысле само для себя оно и не существует, потому что существовать — значит обладать сознанием — ***со-знанием***. Всегда смешно слышать о бесконечном сознании Божьем, потому что нечто бесконечное, каковым положено представлять Бога, по необходимости не может оставить место ничему другому, а потому и не может и

[118] Жан Поль Сартр.

сознавать, то есть совершать то, для чего требуется второй или другой.

Мистик, конечно, скажет, что Бог на то и Бог, чтобы для него не существовали ограничения, вводимые нашими ограниченными понятиями и ограниченным умом. И, хотя в отношении непознаваемого и запредельного Первоначала это суждение совершенно верно, но верно и другое, а именно то, что и мы не с луны свалились, и имеем к Богу и его творению (если было творение) самое непосредственное отношение, а потому и логика, и познание наши обязательно соответствуют неким реалиям бытия, которого они неотъемлемая часть.

Мир отделяется от Бога (точнее от Единого Первоначала) именно образованием Диады. Разделившееся в себе Первоначало начинает безудержно теперь делиться, происходит как бы Большой Взрыв и готово, мир создан. Это то, что мы наблюдаем во вне. Мы наблюдаем мир множественностей. Вот как прекрасно эта мысль сформулирована у физиков, склонных к мистике, Тихоплавов: ***«Мир поляризован, ибо без разности потенциалов ни один процесс не только не идет — он просто не существует»*** [Тихоплав В. Ю. Тихоплав Т. С. «Великий переход» СПБ 2002, с. 28].

Изнутри же мы наблюдаем внутренний ***диа***лог. Наши мысли это разговор с самим собой. Тезис — антитезис — синтез. Это происходит когда быстро, когда медленно, когда качественно, когда не очень, но принцип мышления именно таков — диалог. Даже когда непосредственно, интуитивно, может быть в сложных образах, постигается нечто, то это тоже диалог самого содержания постигаемого с тем, кто постигает, и сравнение с тем или противопоставление тому, что уже известно или находится в этот момент в разработке у сознания.

Общение с другими отличается от внутреннего диалога только своей специфической формой. Это переход с автономного режима работы в онлайновый. Знаковая информация перерабатывается и выступает в виде «чужих» мыслей, выступает в виде того, что пришло «из вне», хотя наши

собственные мысли тоже приходят «из вне», что, как правило, не осознается.

Конечно, память на родном винчестере отличается от памяти на сервере или у всей паутины, не говоря уже обо всем мире, но различия здесь все-таки только формальные.

Мир однозначно находится внутри одного единственного субъекта, и этот субъект ты. **«Нет ничего несомненнее того факта, что никто и никогда не может вылезть из себя, чтобы непосредственно отождествиться с предметами, отличными от него»** [*Артур Шопенгауэр*. Мир как воля и представление (2-й том). С-Петербург, 1893, с. 5], — мудро заметил мудрейший Шопенгауэр.

Нельзя отрицать, что вполне непосредственно каждый из нас мнит себя самостоятельным и вполне отдельным существом в ряду подобных ему. МИР ОБЪЕКТИВЕН, и точка. Но ***мир не объективен и никогда не был объективен, и не может быть объективен.*** Утверждать, что субъект находится в объекте объективно, есть абсурд, потому что непосредственно любой субъект имеет дело только с самим собой как субъектом. В себе же самом субъект может сколько угодно забавляться со своими фиктивными псевдо объектами, воображая их сколь угодно независимыми от себя, но истина проста и очевидна: субъект — единственная непосредственная реальность, объект всегда, **ВСЕГДА**, виртуален.

Так, что же такое объективность? Собственно это феномен неотделимый от нормального функционирования любого сознания. Со-знание. Дипольность. Диада. Всегда акт сознания предполагает то, что ***является***, и того, кому он является. Это не какое-то случайное свойство бытия, а основа основ. Это условие бытия, условие его возможности. И именно это условие предполагает возможность и необходимость несовершенства, дисгармонии, страдания, мучения и зла. Это не какие-то фикции случайно присущие эфемерным созданиям, случайно возникшим на мгновение в огромном и массивном мире, нет, это суть и условие бытия.

Первично, субстанционально, воистину онтологично только сознание. Только оно и происходит, и все происходит в нем. Вот как просто высказал эту идею гениальный Марк Твен: **«Нет бога, нет вселенной, нет жизни, нет человечества, нет рая, нет ада, все это только сон. Нет ничего, кроме тебя, а ты только мысль, блуждающая мысль, бесцельная мысль, бездомная мысль, потерявшаяся в вечном пространстве»** [«Таинственный незнакомец»].

В детстве я читал сказки, в юности Марка Твена, в зрелые годы Шопенгауэра, теперь читаю себя, свои мысли, объяснившие мне наконец то, что я всегда так стремился понять.

Чтобы исчезло зло, несовершенство, должно исчезнуть то, что его производит. Должен исчезнуть мир двойственности.

«Но если б он мог исчезнуть, он бы и не появился или исчез бы уже давным-давно», — слышу я свой скептический голос. Это верно. Время относительно, и то, что мы воспринимаем как вечность, как бесконечное время, видимо, один бесконечно длящийся миг.

Безразмерная искра, вспыхнувшая раз и застывшая в вечности.

Однако она, очевидно, обладает внутренней подвижностью, внутренней динамикой. Мир постоянно происходит. Пусть жизнь души — это вечное сейчас. Но оно, это сейчас, бесконечно разнообразно. Оно живет и производит напластовывающиеся друг на друга мгновения, наполненные отнюдь не идеальным содержанием.

Первоначало, что породило это Проявленное бытие, полностью им и исчерпалось. Ведь само в себе оно абсолютная пустота.

Единственный бог этого мира — это бессмертный, вечный субъект, бесконечно переживающий, когда невыносимые, когда и терпимые сны жизни. ***«Бог не может существовать, потому что тогда я был бы вторым, а я первый»*** — вот какую мысль высказал один гениальный

интуит[119], плохо понятый слышавшими его. Не так уж далеко он ушел от воззрений адвайта-веданты и шуньявады.

Бог должен быть по определению всемогущ. Почему же я, почему же ты не всемогущ? Да, всемогущ! Как же не всемогущ, если создал и продолжаешь создавать этот величественный и ужасающий мир? ***Каждый субъект — это единственный субъект. И как отличаются разные мгновения жизни одного человека между собой, по такому же принципу различаются между собой содержания разнообразных мгновений разных субъектов.*** Различия эти иллюзорны. Независимость, автономность их сосуществования друг относительно друга в прямом смысле иллюзорна. Все есть единое целое, непостижимым образом разделившееся само в себе. Все мы Бог, а Бог един.

Мир, бытие, вся жизнь — это кошмарный и непрекращающийся сон Бога. В виде разнообразия бывают в нем и проблески, но скоро небо опять застилают тучи. Совершенно очевидно, что Бог может и должен пожелать себе более прекрасного сна, идеального состояния, а не страдать от созданного самим же собой. Почему же он этого не делает? Куда он смотрит?

Увы, мы все это знаем. Он смотрит в ложь, иллюзию, в заблуждение. Он воображает себя маленькой козявкой, которую вот-вот раздавит могучая стопа «настоящего» бога. Вот такой нелепый сон. И невозможно проснуться, потому что любое пробуждение, любая попытка пробуждения это тоже только сон об этом, который во сне смотрит многострадальное насекомое.

«Когда индивидуум ощущает страх смерти, тогда собственно представляется редкое и даже забавное зрелище, — именно то, что владыка миров, который наполняет своим существом все и через которого только все, что есть, имеет существование, — робеет и боится погибнуть, погрузиться в бездны вечного ничто; — тогда как на самом деле всё полно

[119] Фридрих Ницше.

им и нет места, где бы его не было, — нет существа, в котором бы он не жил, так как не бытие держит его, а он бытие; — он тоскует в страхе смерти, охватывающем индивидуума, так как и он подвержен ошибочному представлению, возникшему через principium individuationis, будто бы его существование ограничено существованием в данную минуту умирающего существа; но и эта иллюзия принадлежит к числу тех тяжелых снов, в которые он погружается как воля к жизни. Умирающему можно было бы сказать: «Ты перестаешь быть чем-то; но ты сделал бы лучше, если бы никогда не делался этим»» [*Артур Шопенгауэр*. Мир как воля и представление (2-й том). Глава XLI. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа в себе. С-Петербург, 1893, с. 608].

Я утверждаю, что пробуждение возможно. Оно трудно, потому что возникновение из ***«ничего»*** во ***«что-то»*** есть уже великое и невообразимое чудо из чудес. По идее ничего никогда не было и никогда и не должно было быть. Абсолют равный ничто пребывает в ***«ничто»*** и в ***«нигде»***. И вдруг есть что-то.

Обратный переход должен быть не менее чудесен.

Бытие не бесплатно, оно расплачивается за себя своим же бытием, бытием в страданиях, мучениях, бесконечной суете в дисгармонии и хаосе. Что бы выйти из него, выйти навсегда (и всем) нужно совершить акт особого деяния, акт великой расплаты, после чего и завершится все. Об этом после обзора.

Обзор

1. Веды, Упанишады породили Веданту. Веданта и означает — завершение Вед. Из всех разновидностей Веданты только Адвайта-Веданта (Гаудапада, Шанкара, Рамакришна, Вивекананда) бескомпромиссно признает единственной первичной реальностью, только Брахмана. Другие системы явно стараются не вступить в противоречие с любимыми заблуждениями и суевериями людей. Впрочем, это мало отражается на предлагаемых ими методиках пробуждения, освобождения и спасения. Методики эти восходят к более древним Санкхье и Йоге.

Санкхья и Йога соотносятся между собой как теория и практика, хотя и имеют между собой в теории небольшие различия.

Практика Йоги это восьмеричный путь правильной жизни и устранения от мира. С внешней стороны это аскетизм, уединение, ограничение телесных потребностей исключительным минимумом.

С внутренней — это постоянная работа над содержанием сознания, укрощение его путем контролирования и недопущения любых мыслей. Путь этот очень постепенный и исходит из изначальной почти полной неспособности человека к нему. В конечном итоге йогин переходит в состояние нирвикальпа-самадхи или асампраджнята-самадхи, характеризуемое как неразличение познающего, познаваемого и процесса познания. Собственно, это полное небытие. Самое странное, что, побывав в этом состоянии, йогин может снова вернуться в этот мир, чтобы впоследствии повторить один раз достигнутое. Странно это потому, что непонятно зачем, один раз достигнув цели, снова возвращаться на предыдущий этап.

В любом случае спасение, пробуждение такое касается только непосредственно того индивидуума, который предпримет необходимые манипуляции. Даже в случае его успешного завершения не произойдет ничего иного как прекращение

функционирования одной конкретной личности. Я называю такой акт **индивидуальным освобождением**. И поскольку я считаю убеждение о независимом существовании индивидуумов заблуждением, основанном на общей иллюзорности мира, то я не признаю «индивидуальное освобождение» действительно освобождением.

2. Буддизм (я рассматриваю эзотерический буддизм, а не экзотерический, рассчитанный на примитивное понимание толпы) в отличие от Веданты отрицает фактически наличие того, кто может спастись, отрицает субстанциональность Я. Техника же спасения, предлагаемая им практически та же, что и у Йоги. И тогда совершенно не понятно как может спасаться тот, кто не существует. Теоретически буддизм считает необходимым прекращение желаний, которые и порождают бытие.

В буддизме, достигший просветления находится в нирване, которая, строго говоря, просто «ничто», «пустота», на санскрите «шуньята». Правда, пустота эта чревата мирами, которые и порождаются ею, пока не устранено желание.

Философски буддизм конечно же солипсизм, который всячески сам же от себя отбрыкивается. В особенности махаяна, утверждающая концепцию бодхисаттвы, т. е. Будды сознательно не уходящего в нирвану пока не будут просветлены и тем самым спасены все чувствующие существа. Что и говорить, задача благородная. Методика же действования бодхисаттвы не годится никуда. Еще человека как-то можно уговорить спастись (на самом деле и это мало реально), но как спасать мух, комаров или, скажем, гусей? Противоречие возникает из-за того, что из верной посылки об иллюзорности индивидуума (точнее разделения на индивидуумы) делается тот неверный вывод, что действовать в деле спасения все-таки следует индивидуально (спасаться самому). В Буддизме было много святых и подвижников, начиная с Будды, совершивших удивительные геройства, великолепнейшие подвиги духа (Миларепа, Марпа, Бодхидхарма, Тилопа, Наропа, Атиша и еще множество других), результат же налицо — мир не спасен, и с точки зрения

буддизма совершенно не ясно почему. По идее, с уходом Будды в нирвану, должен был прекратиться и весь мир как, собственно, модификация его сознания.

3. Пифагорейство, неоплатонизм, каббала. Общим у этих разных, но близких систем является представление об эманировании из Бога (Единого Первоначала) некоей энергии, порождающей миры и души. Пройдя нисходящий путь, душа, досыта настрадавшись и набравшись мудрости, начинает стремиться к Богу, назад, в блаженное единство единого божества. Учения эти стараются не касаться проблематики выводящей на солипсизм, хотя прямо нигде его не отрицают, а зачастую высказываются явно в его пользу.

Учения эти достаточно индивидуалистические и спасение возможное по рекомендованным ими техникам есть классическое «индивидуальное спасение». Я спасусь сам, если смогу, а остальной мир пусть разбирается со своими проблемами сам. Такова парадигма этих учений, хотя и не декларируемая прямо, но явно ими подразумеваемая.

4. Учение дона Хуана, изложенное Кастанедой, дон Хуан называл магией «за неимением более точного определения».

Пожалуй, учение это не менее глобально, чем Веданта. Учение это рассматривает мир, прежде всего, как описание, которое производит любое осознание. Есть в этом учении как бы некоторый налет догматизма, не имеющий, впрочем, никакого значения. То, что описывается, является Тоналем, а неопределимая внутренняя сущность — Нагваль. Описание, даваемое миру обычным, заурядным человеком, сковывает его по рукам и ногам, потому что дается оно с позиции слабости и потакания себе (индульгирование).

Маг или Безупречный Воин описывает мир магическим путем и потому живет и действует в совсем ином, магическом, мире. Воин знает и помнит, что он умрет и действует как смертное существо, которое должно уложиться в отведенный ему срок, обычный человек почитает себя бессмертным вопреки очевидности и потому погибает безальтернативно. Все жизни,

все осознания, даются, порождаются, Орлом. Ничем не худшее имя, чем Бог. По окончании жизни Орел поглощает все осознания, кроме тех, кому он может предоставить свой Дар. Обычно это Безупречные Воины, накопившие моря магической силы или энергии. Дар заключается в том, чтобы пребывать вечно в царстве Абсолютной Свободы.

Маги, описанные Кастанедой, а так же Тайшой Абеляр и Флориндой Доннер, вызывают уважение и зависть своей силой, мастерством и целеустремленностью и, в любом случае, удивление.

Некоторые из описанных Кастанедой магов могут продлевать свою жизнь неопределенно долго, могут менять внешность и манеру поведения, могут путешествовать по каким-то иным мирам, жить там хоть тысячелетия, однако они все-таки не бессмертны и иной жизни у них как и у всех людей нет.

Самое поразительное в учении Кастанеды то, что при всей своей фантастичности, оно подается им как несомненная истина, со всей очевидностью удостоверенная им самим, доном Хуаном и остальными магами его окружения. Есть масса косвенных данных, свидетельствующих правдивость Кастанеды. Скептиков и не верующих, конечно, тоже хватает, но это учение не про них.

Все те места в книгах Кастанеды, где обычно вскользь и полушутливо обсуждаются философские и мистические проблемы чрезвычайно хороши. Точный, глубокий и верный взгляд. Что и подкупило читателей Кастанеды, так это убедительность образа дона Хуана. К нему можно отнести слова Руссо, сказанные им о Евангелиях, тот, кто это смог бы выдумать, был бы еще более удивителен, чем его выдумка.

Ни дон Хуан, ни Кастанеда ни разу не произнесли слово «солипсизм». Кастанеда, если его и знал, то постеснялся бы говорить дону Хуану о таких глупостях. И, тем не менее, все теории дона Хуана не что иное, как изощренная и обстоятельная, совершенно оригинальная форма солипсизма[4], воспринятого как руководство к действию.

Маги тольтекской традиции безупречны и живут практически счастливой жизнью. Даже предполагая, что им не светит Дар Орла, они принимают решение жить безупречно просто ради самой безупречности. Достойная позиция. Для этих магов нет социальных проблем, нет философских (они непосредственно видят свои истины), единственное их устремление безупречность.

В конце своего пути дон Хуан со своей группой магов превратился в сияющий сгусток энергии и исчез. Мы же остались здесь, сокрушаться о своем несовершенстве и упречности.

Практика тольтекских магов — индивидуальное освобождение. Маги уходят из этого мира, становясь бессмертными или исчезая, оставляя этот мир как отработанный матерьял.

5. Нет ни одного учения, которое предложило бы технику или метод воздействия непосредственно на то, что порождает и создает мир. Да, все мистические техники работают с сознанием, но они с ним работают именно как с индивидуальным сознанием ограниченного и смертного индивидуума (что и ошибочно).

Объяснение (и заблуждение) очевидно. И разум, и традиция, здравый смысл, наконец, все дружно заявляют: Бог вне нашей компетенции, даже если богом признать самого себя. Да, каждый человек бог или частичка бога, но он еще и тварь, червь, мошка и вообще ничто перед ликом божиим. При таком взгляде не может и появиться мысли о работе с богом для преобразования его же. А ведь работать, т. е. действовать может только человек, инициатива может исходить только от него, потому что «бога нет», после сотворения мира он и есть мир и человек.

Если он и ***есть в себе***, то он ничем не отличается от ничто или пустоты, как это и было всегда.

Солипсизм, известный и учитываемый, впрочем, всеми серьезными мистиками и мыслителями, является своеобразным ключом к преодолению этого заблуждения.

Так как же можно повлиять на Начало Начал с тем, чтобы оно просветлило и освободило само себя и тем самым и всех нас?

Часть вторая

Солипсизм — «крайняя форма субъективного идеализма, в которой несомненной реальностью признается только мыслящий субъект, а все остальное объявляется существующим лишь в сознании индивида». [*Философский энциклопедический словарь*. Москва. 1983, с. 625], — говорит философский энциклопедический словарь.

В сознании индивидуума, знает ли он, что такое солипсизм или не знает, существует весь мир, все люди и даже он сам. Все это живет в нем, возникает, исчезает, страдает само, мучает его, физически или духовно, и в конечном итоге продолжается in finitum.

Мир, бытие мира, производит впечатление хаоса, до какой-то степени упорядоченного, существующими в нем законами. Сама по себе картина мира производит впечатление некоего, не имеющего никакого внешнего смысла, суетливого пребывания в постоянном движении и беспокойстве, время от времени прерываемом кризисами смерти и разрушения.

Обыватель довольствуется стратегией получения от мира того, что можно от него получить и смирением во всех прочих отношениях. Он мирится с незнанием, злом, страхом, неопределенностью, вполне справедливо полагая, что лучшего не дано и надо брать, что дают. Ни в коей мере я никого не осуждаю. Может быть, стратегия обывателя самая оптимальная из эмпирически возможных.

Поднявшиеся выше, тем самым, лишают себя определенных преимуществ, получая взамен, удовлетворение более высокого порядка от поисков смысла жизни, бога, своего пути, самореализации и прочего.

Таким образом, выстраивается определенная иерархия разумных существ от приземленных обывателей до титанов духа, пребывающих в заоблачных высях.

Ну, и что толку от совершенствования, самореализации, достижения все более высокого положения? Может быть толк в

том, что просветлевший, реализовавшийся, освободившийся, «ставший живым богом» вышел из фатальности бытия, стал, наконец, счастлив и безмятежен, уподобившись Богу народных верований? Вопреки категорическим декларациям, этого нет и не может быть именно потому, что все мы одно существо, и пока страдает хоть кто-нибудь, в его лице страдают все, и достигший «сверхсознания» знает это лучше, чем кто бы то ни было.

Кроме того, есть еще феномен деградации, которому в принципе подвержен всякий пребывающий в этом мире. Мир наполнен бодхисатвами, изменившими своему призванию, забывшими о нем.

Откуда же этот закон, откуда это стремление в высь, к богу? Почему **«человек, как и каждый атом во Вселенной, стремится стать Богочеловеком и затем Богом»?** [*Е. П. Блаватская*. Тайная доктрина. Смоленск. 1993, т. 1, с. 200]

Дело в том, что только высшая степень развития и понимания, возможная в этом мире и индивидууме, способна на равных говорить с богом, выражаясь метафорически. То есть с собой, со своим последним основанием. Ведь, чтобы это делать, надо видеть и знать, с кем ты имеешь дело и, что надо делать.

Все эти медитации, магические ритуалы, мистические прозрения, религиозные экстазы, и даже философские штудии, ведут, собственно, к одному, к знанию и пониманию сокровеннейших и глубочайших основ бытия и духа, к пониманию, что же надо с ними сделать, что бы величественным аккордом завершилось все.

С другой же стороны все выше перечисленное пока не дало этого результата, видимо потому, что этот величественный аккорд просто никем пока еще не был взят.

Вся история мира до сего момента была только подготовкой к нему. Вот вывод, неизбежно следующий из существования высочайших духовных достижений и очевидного их фиаско в деле спасения и просветления как мира, так и самих себя.

Да, просветленные просветлели, это возможно осуществить и потому было осуществлено. Спасения же никакого нет и не было. Все абсолютно попытки его осуществить окончились крахом.

Будда растворился в нирване, и что он сделал большего, чем просто исчез из мира, оставив ученикам разбираться и спорить по поводу заурядных нравственных поучений и нарочито туманных и, хотя и глубокомысленных, но мало понятных теоретических положений.

Гнусные римские солдаты, издеваясь над Христом, кричали ему: «Спаси себя, спаситель всех». Понятно, что быдло не может оценить пророка. Но ведь и, действительно, кого и как спас Иисус? Что толку от его крестных мучений и его проповедей любви и всепрощения? Добрые люди всегда только тем и развлекались, что распинали всех, кто им не нравился и не мог оказать сопротивления. Христиане тоже в этом преотлично преуспели.

Христианство, даже в самом высоком понимании, не более чем упование на божественную милость и посильное устранение себя от суетных дел мира. О нелепостях догматического церковного христианства я и не хочу говорить, они не больше и не меньше всех прочих глупостей мира.

Божественной милости нет. Но спасение мира совершится. Мир это флюктуация, однократно возникшая из божественного ничто, и непременно долженствующая туда же сгинуть. Почему однократно? Бог не может наступить два раза на одни и те же грабли. Мир не нужен Богу и потому не может появиться.

Какой Бог? Бога нет, есть ничто, есть вечное Я, есть Ниргуна-брахман, не имеющий определений.

Есть. Но для того, чтобы закончился мировой процесс, закончился мир со всем его несовершенством, нужен другой Бог. И он будет. Его создаст то Великое Я, которое и совершит Великое Делание и тем завершит Мировой процесс. Может я, может ты.

Я скомкал конец, потому что не могу в двух словах изложить довольно сложную парадигму. В трактате «Великое Делание» об этом говорится поподробнее и пообстоятельнее, но, боюсь тоже маловато. А, впрочем, dictum sapienti sat.

Приложения к части второй

Приложение 1.

Роберт Антон Уилсон из книги «Квантовая психология»

Сколько у вас голов?

Позаимствовав одну шутку (или гениальное открытие?[120]) из книги Бертрана Рассела «Наше знание о внешнем мире», я сейчас покажу, что уважаемый читатель имеет две головы.

Согласно здравому смыслу и консенсусу, которого достигло большинство (западных) философов, мы существуем «внутри» некоторой «объективной вселенной», или — если сказать то же самое, но по- другому — «объективная вселенная» существует «вне» нас.

Мало кто когда-либо в этом сомневался. Но те люди, которые сомневались, неизбежно приходили к самым эксцентричным заключениям.

Давайте пока что избегать всякой эксцентричности и полагаться на общепринятые воззрения. Итак, каким образом мы можем знать что-нибудь об этой «внешней вселенной»? Каким образом мы ее воспринимаем?

(Для удобства я в дальнейшем буду учитывать только чувство зрения. Читатель может проверить сам себя, срабатывает ли та же логика, если заменить зрение на слух или любое другое чувство.)

Мы видим объекты во «внешней вселенной» при помощи наших глаз, а затем создаем в нашем мозгу их картинки, или модели. Мозг «интерпретирует» то, что глаза передают ему как энергетические сигналы. (Пока что будем игнорировать

[120] Это открытие давным-давно сделал Шопенгауэр. Кончеев.

имеющиеся данные о том, что процесс интерпретации этих сигналов мозгом носит характер игры случая.)

Опять-таки, мало кто из западных людей когда-либо подвергал это сомнению, но тот, кто делал это, приходил к очень странным и «невероятным» альтернативам.

Итак, мы живем «внутри» некоторой «внешней вселенной» и создаем ее картинку, или модель, «внутри» нашего мозга посредством складывания (синтезирования) и интерпретации наших картинок, или моделей, различных частей вселенной, которые мы называем «объектами». Из этого следует, что мы вообще не знаем «внешнюю вселенную» и ее «объекты». Мы знаем лишь модель «внешней вселенной» в нашем мозгу, который существует внутри нашей головы.

Таким образом, все, что мы видим, существует не вовне (как мы привыкли думать). На самом деле то, что мы видим, существует внутри, то есть у нас в голове.

Но мы еще не пришли к солипсизму. Мы по-прежнему предполагаем наличие «внешней вселенной». Это остается в силе. Мы просто обнаружили, что не можем видеть или знать ее. Мы видим модель, которая существует в нашей голове, и в повседневной жизни забываем об этом обстоятельстве и действуем так, как будто эта модель существует вне нашей головы. Иначе говоря, мы действуем так, как будто: 1) модель и вселенная занимают один и тот же объем пространства (помните карту, которая, чтобы показать «все» о Дублине, должна была бы занимать то же пространство, что и Дублин) и 2) этот объем пространства существует «вовне».

Но ведь модель и вселенная не занимают одно и то же пространство! То пространство, в котором существует модель, может быть расположено только «внутри» нашего мозга. А мозг расположен внутри головы.

Теперь мы понимаем, что, хотя вселенная существует вовне, модель существует внутри и потому занимает гораздо, гораздо меньше места, чем вселенная.

«Реальная вселенная», таким образом, существует «вовне» и остается непознанной — а пожалуй, и непознаваемой. То, что мы переживаем и знаем (или думаем, что знаем), существует лишь в локальной сети электрохимических связей в нашем мозгу.

Если читатель захочет подвергнуть сомнению то, что было сказано выше, ему неизбежно придется придумать альтернативное объяснение восприятия. Такие альтернативы действительно выдвигаются, но они всегда выглядят еще более странно и даже совершенно неприемлемо для приверженцев «здравого смысла».

Идем дальше. Теперь у нас есть «внешняя вселенная», очень большая (в относительном смысле), и ее модель, гораздо меньших размеров (тоже в относительном смысле). Первая находится «вне» нас, а вторая «внутри» нас. Конечно, между «внешней» и «внутренней» вселенными существует некоторое соответствие, или изоморфизм. Иначе я бы не мог встать со стула, подойти к двери, спуститься в холл и попасть в кухню, чтобы налить себе еще чашечку кофе из того объекта, который я идентифицирую как «кофеварку».

Но где же существует наша голова?

Очевидно, наша голова существует «внутри» «внешней вселенной» и «снаружи» нашего мозга, в котором содержится модель «внешней вселенной».

Но, поскольку мы никогда не видим и не знаем «внешнюю вселенную» непосредственно, а видим только ее модель, то и голову нашу мы воспринимаем лишь как часть модели, существующей внутри нас. Конечно, воспринимаемая нами наша голова не может существовать отдельно от воспринимаемого нами нашего тела, пока мы живы, а воспринимаемое нами наше тело (включая голову) существует внутри воспринимаемой нами вселенной. Все правильно?

Таким образом, та голова, которую мы воспринимаем, существует внутри другой головы, которую мы не воспринимаем и не можем воспринимать. Эта вторая голова

содержит в себе нашу модель вселенной, нашу модель этой галактики, нашу модель этой солнечной системы, нашу модель Земли, нашу модель этого континента… и т. д., нашу модель нашего дома, нашу модель самих себя, а наша модель самих себя увенчивается моделью нашей головы. Итак, модель нашей головы занимает гораздо меньше места, чем наша «настоящая» голова.

Подумайте об этом. Удалитесь в свой кабинет, отключите телефон, заприте дверь и тщательно рассмотрите каждый шаг наших рассуждений. Обращайте внимание на то, какие абсурдные проблемы возникают, если подвергать сомнению любой отдельный шаг и пытаться искать ему альтернативу.

Наша воспринимаемая голова существует как часть (очень малая часть) нашей модели вселенной, каковая модель существует в нашем мозгу. Мы уже доказали это, не так ли? Наш мозг, однако, существует внутри нашей второй головы — нашей «реальной», «настоящей» головы, в которой содержится вся наша модель вселенной, в том числе и наша воспринимаемая голова. Короче говоря, наша воспринимаемая голова существует внутри нашей воспринимаемой вселенной, которая существует внутри нашей реальной головы, которая существует внутри реальной вселенной.

Таким образом, мы можем дать названия нашим двум головам — у нас есть «реальная» голова вне воспринимаемой вселенной и «воспринимаемая» голова внутри воспринимаемой вселенной. И наша «реальная» голова, судя по всему, не только гораздо больше нашей «воспринимаемой» головы, но и больше нашей воспринимаемой вселенной!

Поскольку мы не можем знать или воспринимать «реальную» вселенную непосредственно, наша «реальная» голова кажется большей, чем та единственная вселенная, которую мы действительно знаем и воспринимаем, — наша воспринимаемая вселенная, находящаяся внутри нашей воспринимаемой головы.

Возможно, читателю будет приятно узнать о том, что Бертран Рассел, придумавший это логическое рассуждение, изобрел также математический класс всех классов, которые «не содержат самое себя». Этот класс, видите ли, не содержит самое себя, если только он не содержит самое себя. Кроме того, он содержит самое себя в том и только в том случае, если он не содержит самое себя. Уяснили?

Когда Рассел не был занят крестовыми походами за рационализм, мир во всем мире, общественную нравственность и другой подрывной деятельностью, он уделял много времени еще более разрушительной практике, изобретая таких вот логических «монстров», которые сводили сума логиков и математиков.

Вернемся к нашим двум головам: лорд Рассел никогда не развивал свою шутку (или гениальное открытие?) дальше этой черты. Но, немного подумав и проанализировав вопрос, читатель легко сможет увидеть, что у нас есть даже три головы. Третья голова содержит в себе модель, которая содержит в себе «реальную» вселенную, «реальную» голову, воспринимаемую вселенную и воспринимаемую голову. А как только мы подумали об этом, у нас стало уже четыре головы…

И так далее, до бесконечности. Когда мы говорим о нашем восприятии нашего восприятия — о нашей способности воспринимать то, что мы воспринимаем, — у нас уже три головы, а как только мы это поняли, у нас их уже четыре, а если мы захотим продолжать этот анализ до бесконечности, у нас будет бесконечное число голов…

Приложение 2. Однажды под влиянием психотропных веществ Карлос совершил совершенно реалистичный полет. Он запомнил его во всех подробностях. Потом, со свойственной ему дотошностью, он стал выпытывать у Дона Хуана, действительно ли он летал. Дон Хуан отвечал неопределенно, но скорее подтверждая факт полета. Кастанеда поставил вопрос ребром, и Дону Хуану пришлось признаться, что полет был самый реальный. «Но ведь я сидел в это время, прислонившись спиной

к скале!» — возражал Кастанеда. Дон Хуан не отрицал этого, но говорил, что это не может помешать реальности полета. Тогда окончательно разъярившийся Карлос сказал: «А если бы меня приковали цепями к скале?» «Я думаю, ты так бы и летал со скалою на спине», — ухмыльнулся Дон Хуан.

Часть третья

ПРОКЛЯТИЕ СОЛИПСИЗМУ

или ответ Н. Шульгину на его справедливые упреки

> Если, писал Декарт, я утверждаю, что не может быть горы без долины, то это не потому, что иначе и в самом деле быть не может, а только в силу того, что Бог дал мне такой разум, который не может не предполагать долины, когда говорится о горе.
> *Л. Шестов. Афины и Иерусалим*

В комментариях к моему трактату «Великое Делание» Н. Шульгин задал мне откровенный и очень важный вопрос, мой обстоятельный ответ на который может способствовать лучшему пониманию всеми интересующимися моей сотериологической концепции. Это вопрос о смысле и возможности публичного декларирования солипсизма. Вот как сформулировал свой вопрос Н. Шульгин:

«Уважаемый Александр Сергеевич! Я внимательно перечитал ваш трактат, и подумал — а вдруг все это — розыгрыш?! Неужели вы на самом деле, всерьез, имеете

подобный образ мыслей?!.. Тем более что сама возможность «розыгрыша» в области онтологии и эзотерики вами не только не исключается, но даже проговаривается — вы знаете, о чем я говорю. Если же вы действительно разыгрываете читающую публику, то интересно, с какой целью?

Разумеется, говоря о «розыгрыше», я имею в виду не вашу концепцию всеобщего разового спасения, которая по самому своему смыслу совершенно серьезна, так же как и альтернативная концепция Шульгина об изначальной мировой спасенности. В таких высоких областях бытийной абстракции чисто бытовое понятие «розыгрыша» вообще абсурдно и просто глупо по определению, поскольку совершенно бессмысленно и неприменимо. Нет, речь идет именно о вашей декларации солипсизма. Ведь солипсизм имеет смысл лишь как личный образ мыслей, а не то, с чем выходят на публику. Какой смысл выходить на публику (т. е. предполагать СУЩЕСТВОВАНИЕ этой самой публики) с текстом, утверждающим, что НИКАКОЙ ПУБЛИКИ НА САМОМ ДЕЛЕ НЕТ ВОВСЕ, помимо автора? Это явно абсурдное поведение, и мысли об очевидном «розыгрыше» и ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НЕСЕРЬЕЗНОСТИ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ САМОЙ СИТУАЦИИ возникают очень органично».

Увы, я действительно имею подобный образ мыслей. Но, если я просто скажу: «Я никого не разыгрываю», — то этого явно будет недостаточно, такой ответ сам по себе может быть воспринят как очередной розыгрыш. Да, и вопрос поставлен шире — если не розыгрыш, то зачем? Поэтому постараюсь изложить мое понимание вопроса как можно обстоятельнее.

Согласитесь, уважаемый Николай, что мотивы для обращения к почтеннейшей публике могут быть и у самого отпетого солипсиста. Ведь солипсизм это гносеологическая концепция, а не диагноз психиатра. Что с того, что я не могу знать, что собой представляют *сами в себе* объекты моего

представления в моем уме? Разве от этого мне не будет больно, если они меня побьют, или я не буду голодать, если они не произведут для меня пищу? Может найтись достаточно веский мотив и для общения. Любая моя инициатива в этом направлении предопределяет ту или иную реакцию на нее. И мне, хоть и солипсисту, такая реакция может быть желательна. Это самые общие, но далеко не окончательные, соображения.

Изложение концепции солипсизма, тому, нереальность кого якобы этой же концепцией и декларируется, никакой принципиальной невозможности такой стратегии действия не предполагает. Скажем, я вижу трещину на потолке и говорю ей, ты не трещина, а река Миссисипи (при этом совсем не важно, верю я в то, что эта трещина упомянутая река или нет). И если в результате произнесения такой фразы, происходит некое желательное мне событие, пусть, например, появление у меня в кармане ста долларов, то почему бы мне эту фразу и не говорить? Я специально выдумал пример поабсурднее, чтобы тем яснее проиллюстрировать одну из своих основных мыслей.

Как субъективно переживающее самоё себя существо я знаю только себя. И сколько я себя помню, со всех сторон мне внушается мысль, что другие люди суть внутри себя такие же существа, как и я. Это я сейчас говорю «внушается», на самом же деле это самая фундаментальная концепция в моем умозрении, имеющая во мне статус самой непреложной истины[121]. На этой истине построена вся моя практическая деятельность. Чтобы я не совершал, любая мысль, любое действие сопровождается, по большей части, неосознаваемым, но при этом совершенно неустранимым представлением о наличии в других точно такого же субъекта восприятия, каким я знаю себя. И, вот, во мне эта фундаментальная истина вдруг входит в противоречие с другой, не менее для меня фундаментальной, истиной о том, что «весь этот столь

[121] Но если бы это была врожденная идея, то любое сомнение в ней было бы немыслимо, а оно мыслимо.

массивный мир висит на тоненькой ниточке моего индивидуального сознания», а, попросту говоря, находится у меня в голове, а голова, собственно, сама находится непонятно где, но видимо там же.

Кажется, что вместе эти истины существовать не могут, что одна неизбежно дезавуирует другую. Логика неумолима. Практика есть критерий истины. Проклятие солипсизму.

Но, дальнейшее исследование дела показывает мне, что, более непосредственной моей истиной является как раз всеми гонимая истина солипсизма, а противостоящая ей истина, собственно, общепринятое (А может только мое?) заблуждение.

Немного поясню последнее утверждение. Существование других, кроме меня, субъектов проблематично и сомнительно, собственно, *неизвестно*. Все доказательства в пользу их существования, которые привожу себе я, и которые приводят мне они сами, косвенные. И по логике я могу исходить только из одной какой-нибудь альтернативной возможности (хотя практически всегда исхожу только из одной) и, как честный человек, должен заявить: «Не знаю». Но когда я смотрю на глыбу глины или на камень, я не предполагаю внутри них сходных со мной субъектов. В людях же я это предполагаю. Почему? Потому что они меня в этом уверяют, раз, и потому, что я наблюдаю в них внешнее сходство с собой, два. Если бы камень стал меня уверять, что он разумное, прекрасно осознающее себя существо, то по этой логике я должен бы был поверить и ему. Да, большинство людей бы и поверило, говорит мне мой опыт. У меня же основания не верить ему только такие же, как и в отношении любого человека — я не могу войти к нему во внутрь и проверить его утверждения. В отношении же людей тут, кроме прямых заверений, существует множество ситуаций, прямо вынуждающих меня исходить из наличия в них такого же точно духовного существа, каков я сам. Это хоть и говорит против солипсизма, но, тем не менее, его не опровергает.

Ситуация такова. Наличие в находящихся в моем представлении людях такого же сознания, как у меня, недоказуемо и сомнительно, но признается всеми и мной совершенно несомненным, что неверно (это гипотеза). Наличие духа (самосознания) во мне для меня очевидно, а наличие его же, подобного моему, в световых бликах, звуках, тактильных, обонятельных и вкусовых ощущениях, **находящихся, собственно, внутри меня же** совершенно неочевидно и даже как-то странновато, но отрицание этого наличия почитается совершенно нелепым и даже чем-то вроде психического заболевания. Я бы и признал для простоты, что просто болен и меня следует лечить, если бы не несколько веских соображений.

Солипсизм общеизвестен. Не прилагая особых усилий, я находил многочисленные подтверждения солипсистской позиции (истины), которая в последней своей основе есть все-таки просто логическая конструкция, в книгах, философских и художественных произведениях, а иногда и просто в речах других людей[122], что не так уж оказывается и противоречиво.

---

[122] Недавно в частной переписке весьма неординарным человеком мне было сообщено следующее многозначительное откровение:
«Теперь о солипсизме. В детстве я читал «Детство» Толстого. В библиотеке отчима не было детских книг — я читал, увлекаясь процессом чтения, так же как сегодня люблю любое кино, которое гляжу на большом экране, то есть могу наслаждаться одним только мнимым движением серебра. В «Детстве» — нарочно не хочу сверяться с памятью, доверяя ошибкам — Толстой говорит о тайне, которую скрывают взрослые: это тайна, что кроме тебя, нет никого и ничего. И если бы удалось оглянуться достаточно быстро, то мы бы сумели поймать взглядом краешек сокровеннейшей пустоты. Если же об этом пытаться говорить и верить, что действительно так — одна пустота и одно воображение — то вещь эта окажется давно известной взрослым и будет называться солипсизмом. Но лучше об этом не говорить, потому что тебя немедленно начнут в солипсизме разубеждать, вынимать соринку из глаза. Два учения — солипсизм и атеизм —

Достаточно только суждение это никому не навязывать. Обсуждая солипсизм с другими, я соглашался с их мнением, что как я могу считать их существование проблематичным, так и они могут высказывать точно такие сомнения в отношении меня. И такое положение ничего не доказывает и ничего не опровергает. Это совершенно неразрешимый логический парадокс. То есть даже строгий солипсизм не может отрицать гипотетическую возможность самостоятельного существования неких сущностей, соотносимых с являющимися и представляющимися ему объектами.

И вот из этой логической погремушки в один прекрасный момент мне пришлось сделать весьма далеко идущие выводы, скажу честно, достаточно меня поразившие.

Я увидел, что первая основная (антисолипсистская), не подвергаемая сомнению позиция, служит стабилизации мира, бытия, обеспечивает его нормальное и законосообразное движение и пребывание. Вторая же, солипсистская, для большинства нелепая, а для немногих проблематичная и скрываемая или необсуждаемая вчуже позиция играет большую роль и имеет очевидный смысл и значение в таких существенных для меня (и для многих) областях бытия, как мистика, магия и оккультизм. Не зря они у наиболее «трезвомыслящей» части общества подвергаются точно такой

всегда оказывались на задворках философии: первое было игрушкой, как парадоксы Зенона, а второе — совершенным злом. Когда я прочел о переживании солипсизма у Толстого, то схватил себя за нос — всё то же переживалось и мной. И вот это-то — всеобщие тайны, о которых может говорить одна только литература, говорить так, что мурашки бегут по коже, и ты еще не знаешь, хорошо это или плохо — сделало меня самого человеком пишущим.

Вероятно, с того времени я убежден, что только сокровенное может быть предметом литературы, и [есть] только одно лицо, обращенное к тебе, и обращенное таким образом, что тебя нет, и если ты однако существуешь, то в качестве только этого лица».

же обструкции, как и солипсизм. Втихаря всякие колдушки, экстрасенсы, гадалки, ясновидцы, вообще, разнообразные мистики и полумистики, используют солипсистскую концепцию в своих практических целях, тем самым, подтверждая ее практикой, но категорически (неискренне или по недомыслию) отрицая ее теоретически[123]. Может это и не очень очевидно, но большинство мистических феноменов, прекрасно засвидетельствованных и удостоверенных, отлично объясняются именно способностью отдельных личностей манипулировать внешним миром, исходя из того, что это собственно, их собственный внутренний мир[124].

Разумеется, утверждая наличие солипсических воззрений у других, я тем самым сам солипсизм как бы отрицаю. Но этот парадокс мне уже известен и признан мною неразрешимым, в то время как я сам, применяя солипсистские (магические, по сути) принципы, получаю те же впечатляющие результаты.

Да, о солипсизме говорить не следует, потому что это бессмысленно. Это аподиктически верное суждение. И, вот, Николай Шульгин задает мне вполне резонный вопрос: как же я, вдруг, о нем говорю, да еще так много и настойчиво (Собственно, не так уж и много. А в «Великом Делании», вообще, почти не упоминаю.). И не разыгрываю ли я тем самым внимающую мне публику.

Да, для целей мистики, магии, очень удобно и продуктивно считать, что все остальные люди только объекты,

---

[123] Рациональная наука постоянно натыкается на разнообразные онтологические странности. Я уж не говорю о Зеноне. Есть теорема Гёделя, есть парадоксы математики в теории множеств, есть копенгагенская интерпретация Нильса Бора, по мнению некоторых прямо ведущая к солипсизму, есть теория нелокальных взаимодействий в физике и т. п.

[124] Это концепция изложена еще в "Изумрудной скрижали" Гермеса Триждывеличайшего. Что наверху подобно тому, что внизу. И обычно трактуется в оккультизме как подобие (а, может, и полное равенство) микрокосма макрокосму.

которыми можно управлять при помощи манипуляции своим собственным сознанием. Никакой дурак не стал бы заниматься этими вещами, если бы не надеялся получить от них какое-нибудь удовлетворение или выгоду. Тут диапазон самый широкий. Магией люди удовлетворяют, таким образом, свои страсти и страстишки. Мистикой могут удовлетворяться потребности духовного спокойствия и равновесия, специфического восторга даже. Мне представляется, что обычный истово молящийся верующий, надеясь быть услышанным Богом, тоже льет воду на мельницу солипсизма, никогда о нем, возможно, и не слышав. Ведь здесь он исходит из **сверхзначимости** своего духа. Он исходит из того, что он важен, значителен для Бога, иначе зачем бы Тот стал его слушать, да еще и выполнять какие-то его просьбы, просьбы ничтожного червя? Солипсизм же ведь не просто тупое отрицание существования других, а собственно беспримерное утверждение Себя. Сюда же присовокупляется и идея о едином во всех духе Божием, который столь таинственно нас устроил, что мы одновременно и объект, и субъект, и бог, и червь.

Забавно, что в Индии, этой Мекке субъективизма, зародилось знаменитое «тат твам аси» — «это есть ты», говоримое при указании на любое живое существо, в качестве, видимо, напоминания, что не ты только один существуешь на свете, но и другие тоже такие же субъекты, как и ты, не забывай. Да, собственно, примеров того, что солипсизм есть распространенная и небезразличная людям идея, несть числа. Некоторые представители буддизма оскорбляются, слыша, что буддизм есть субъективный идеализм и в выводах своих приводит к солипсизму. Но это — самая простая истина. Что такое Адвайта-веданта, утверждающая, что весь мир есть мировая иллюзия (майя), сон Брахмана, где каждый субъект, собственно, Единый Брахман, видящий именно такой сон о таком субъекте? Однако история повторяется: говорить, упоминать о солипсизме крайне дурной тон. Некоторые, правда, простоватые ребята вроде Ауробиндо или Блаватской (на СИ из

мыслителей это, скажем, Е. Березина) о нем надо полагать и слыхом не слыхали. У них все их магические (или научно-познавательные) штучки происходят по Божественному соизволению и из особой любви к ним Бога (или Духов, как в случае Блаватской), ну, или потому, что природа так устроена (Березина).

Так, с чего же я-то заговорил? Разумеется, и я помалкивал до поры до времени, как Вы косвенно мне советуете, уважаемый Николай. Произошло же то, что с некоторого момента я осознал принципиально новую мистическую концепцию, которую назвал «Великое Делание». Концепция эта исходит из крайних форм мистического знания и базируется на крайних формах мистической практики. Я эту концепцию кратко изложил в нескольких произведениях.

По моей мысли для осуществления Великого Делания Высший Адепт должен примирить в себе эти две описанные и изначально противоречащие друг другу концепции бытия и, воспользовавшись именно обеими, совершить его самоё.

На самом деле я не солипсист. Я иррациональным образом признаю как истинные обе концепции. Но концепцию солипсизма и крайнего субъективизма считаю очень важной именно для мистической практики, подготовляющей Великое Делание. С другой стороны само Великое Делание подразумевает вполне объективное и независимое существование множества субъектов во вполне реальном объективном мире. Этих субъектов, а так же и самого себя и претендует спасти «одноразово» Высший Адепт, идя на Великое Делание. И совершить Великое Делание может любой Высший Адепт, а не только я, как я должен был бы решить для себя, будь я действительно строгим солипсистом и только солипсистом[125].

[125] Я уже писал где-то, что для всех, исключая Высшего Адепта, совершающего Великое Делание, последнее будет выглядеть как мгновенное и окончательное спасение по ничем не обоснованной, так сказать, бесконечной божьей милости.

Я бываю им иногда, но далеко не всегда. Этот парадокс и противоречие для меня, собственно, фундаментальный факт, указывающий на нелогичность бытия, трансцендентность его относительно мышления, его иррациональность, а потому и неверифицируемость моей концепции в русле классических философских и мистических парадигм[126]. А факты имеют свойство не только говорить, но еще и намекать.

И потому Теория Великого Делания — не философия. Это парафилософия, потому что зиждется она на моем частном мистическом откровении, которому я придаю, в соответствии с общей абсурдистской[127] структурой моего и вытекающего из него всеобщего бытия, всеобщий характер. Заметьте, что с точки зрения «нормальной», «обычной» логики я, разумеется, не должен всего этого говорить, опасаясь обвинений в безумии и прочем подобном. Но я ничего подобного не страшусь, нет

---

[126] Здесь возникает парадокс сходный с уже разобранным солипситским. Если я иррационалист, то как я могу пользоваться рациональным мышлением и рациональными доводами для обоснования чего бы то ни было? Приходится признать, что рациональность и иррациональность собственно все те же гора и долина из рассуждения Декарта, и на каком-то этапе мистического созерцания и озарения преотлично снимаются.

[127] Знаменитый русский философ Л. Шестов на протяжении всей жизни отстаивал удивительнейшую теорию. Теорию того, что следует отказаться от всякой рациональности (он наиболее часто говорил «от разума») и предаться Вере. Абсурдной Вере. И тогда Всё станет возможно. Мне кажется, его никто не понимал. Или понимали догматически, как апологию церковного теизма. Он не объяснял, как это сделать. Очевидно, да, и по его собственным признаниям, сам он к такой Вере так и не пришел. Не добился ее и умер так же, как и все прочие люди. Но утверждал он категорически, что если добиться ее, возможно будет всё. Я внимательно прочитал его сочинения. И когда смеялся, когда восхищался, часто возмущался (говорил, вот дурак, вот глупец), но не почувствовать в его поиске и открытии что-то родственное моим устремлениям и находкам, я не смог.

необходимости. Я знаю, что на интуитивном уровне, где-то в глубине души, хоть немного склонной к мистике, обязательно должно возникнуть понимание и знание того, что если я и не во всем прав, то что-то в этом есть. Я же знаю всё точно и доподлинно[128].

Теперь окончательный ответ на вопрос Н. Шульгина:

Декларируя свой солипсизм, я не собирался тем самым никого разыгрывать. Я знаю, что впадаю в неразрешимое рациональным путем противоречие, но из высших соображений примиряюсь с этим.

Назвав же это эссе «Проклятие солипсизму», я, разумеется, пошутил.

[128] Каков наглец!?

МНЕНИЕ ШОПЕНГАУЭРА О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ЭГОИЗМЕ И О ЕГО ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗАДАЧЕ ФИЛОСОФИИ

эссе

Теоретическим эгоизмом Шопенгауэр называл то, что сейчас принято называть солипсизмом. Термин Шопенгауэра строг, вполне определен, и поэтому нравится мне больше расплывчатого «солипсизм».

Человеку, знающему гелиоцентрическое устройство солнечной системы, может быть тяжко и даже отвратительно разъяснять невежде, что земля вовсе не плоская, как блин, и не лежит на трех китах. Вряд ли это и вообще стоит делать.

Шопенгауэр писал свой труд для философов (таких же добросовестных, каким был сам, для таких как Декарт, Беркли, Локк, Спиноза, Кант), но он отлично понимал то, что неизбежно его труд будет встречен сплоченными рядами невежд, конформистов и просто приспособленцев от философии, ни в какой философии, собственно, не нуждающихся, и в глубине души искренне считающих, что в ней и вообще никто не нуждается.

Постоянно Шопенгауэр подчеркивает, что истинная философия начинается с совершенно несомненного постулата о взаимоотношении субъекта и объекта, постулата о том, что объект без субъекта существовать не может, как и наоборот. И при этом он вполне отдает себе отчет, что знание это, столь лично для него несомненное, вовсе не столь же несомненно даже и для вполне добросовестных исследователей, его современников. Поэтому основной труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление» насколько блестящ, настолько же и предельно обстоятелен.

Здесь я хочу коснуться проблемы теоретического эгоизма в трактовке Шопенгауэра, а так же показать, что Шопенгауэр понимает под философским познанием в свете открывшегося ему откровения о сущности познания. По Шопенгауэру, чтобы заниматься философией, следует отказаться от учета тех соображений, которые и создают парадигму теоретического эгоизма.

Термин «откровение» вполне укладывается в парадигму философии Шопенгауэра, потому что по нему непосредственное созерцание данного в представлении и есть своего рода додискурсивное откровение, интуиция. Абстрактное же познание наступает позже и будет являться уже пониманием при помощи понятий и, таким образом, истолкованием этой непосредственной интуиции.

Итак. Основой познания мира для субъекта является его тело и созерцание того мира, в котором это тело находится. Тело именно поэтому познается двояко. С одной стороны, оно есть объект среди других объектов в мире и отличается от них (и принципиально) тем, что непосредственно отражает в сознании любое на себя воздействие, тогда как непосредственные воздействия на другие тела наблюдаются субъектом только в представлении, непосредственно не ощущаясь. С другой, тело познается как непосредственное самоощущение, нечто исполненное потребностей и желаний. Это внутреннее самоопределение тела Шопенгауэр называет волей. Те же ощущения, но связанные с телом, как объектом во времени и пространстве, Шопенгауэр так же считает волей. Первое мы познаем непосредственно, как волю, второе, опосредовано, считая «внешнее» тело тоже волей. Внутри себя человек — есть воля, во вне — это та же воля, уже объективированная, как объект, как тело в мире. Любое действие тела есть волевой акт. После укуса комара воля в себе чувствует боль и хочет прекратить ее, а заодно удалить и внешнюю причину; рука выполняет эту волю, прогоняя или убивая комара. Движение руки есть непосредственное действие воли, наблюдаемое во

времени и пространстве.

Изучение себя изнутри не дает никакого другого познания, кроме того, что я есть воля. Это самое непосредственное и несомненное познание. То, что мое тело тоже есть моя воля, причем та же самая, уже вызывает определенное сопротивление в сознании, потому что как объект тело познается не непосредственно, а в формах представления.

Но еще большая сложность ожидает исследователя при анализе того, что же такое мир и в нем другие живые существа. Здесь Шопенгауэр, собственно, вводит догмат. Но обосновывает он этот догмат, хоть и косвенными доказательствами, но настолько основательно, насколько это вообще можно сделать. (Отсылаю читателя к основному труду в двух томах и к «Воле в природе».) Догмат этот заключается в том, что и весь мир, и все существа в мире есть та же самая воля, которую любой наблюдатель может обнаружить непосредственно с самого первого момента наблюдения, наблюдая самого себя.

Итак, по Шопенгауэру механизм познания таков: сначала воспринимается в себе наблюдателем воля как таковая, она соотносится с непосредственно созерцаемым миром в представлении и в первую очередь с собственным телом. Далее, представление человеком изучается и исследуется при помощи абстрактного познания (при помощи понятий) и как вывод получается знание того, что же такое мир есть. Поскольку люди в разной степени наделены способностью к созерцанию, здравому суждению и к восхождению к началу начал, постольку мнения о мире у разных людей могут быть самые удивительные. Я это сказал своими словами, но у Шопенгауэра немало места в его трудах уделено разбору именно этих свойств людей.

Описанный механизм познания, собственно, есть философский способ познания. А на пути у него стоит теоретический эгоизм. Теоретический эгоизм это запрет на тот прыжок, который Шопенгауэр в интересах познания и философии совершает, принимая свой догмат. Это прямое

отрицание этого догмата.

Дальше я процитирую отрывок из § 19 первого тома «Мира как воля и представление», из которого читатель сможет заключить, верно ли я изложил выше идеи Шопенгауэра, а потом перейду непосредственно к теоретическому эгоизму, о котором свое исчерпывающее мнение Шопенгауэр высказал в этом же параграфе.

§ 19

Если в первой книге мы, с внутренним сопротивлением, признали собственное тело, подобно всем остальным объектам этого наглядного мира, только представлением познающего субъекта, то теперь для нас стало ясно, что именно в сознании каждого отличает представление собственного тела от всех других представлений, с ним в остальном вполне сходных: это то, что тело появляется в сознании еще в совершенно ином, toto genere (всецело, полностью (лат.)) отличном виде, который обозначают словом *воля;* что именно это двоякое знание о собственном теле дает нам разгадку самого этого тела, его деятельности и движения по мотивам, а также его страдания от внешних воздействий, словом разгадку того, чем оно является не как представление, но кроме этого, что́ оно есть *в себе;* такой разгадки относительно существа, деятельности и страдания всех других реальных объектов непосредственно у нас нет.

Говоря о «разгадке» того, что тело есть, Шопенгауэр начинает подводить читателя к разгадке уже того, что есть другие люди, а в конечном итоге и сам мир, хотя **непосредственного** знания об этом у нас нет и быть не может.

Познающий субъект именно благодаря этому особому отношению к собственному телу, которое вне этого отношения для него только представление, подобно всем другим, есть индивид. Но отношение, в силу которого познающий субъект является *индивидом,* существует поэтому только между ним и единственным из всех его представлений; вот почему лишь это единственное он сознает не только как представление, но в то же время и совершенно иначе — как волю.

То есть, другие есть такие же тела, как и я, а внутренняя их суть — воля, как и у меня, но я о себе это знаю непосредственно, другим же верю на слово и по внутренней интуитивной убежденности, непосредственно их не зная.

Но если отвлечься от этого особого отношения, от этого двоякого и совершенно разнородного познания одного и того же, то это одно, тело, является, конечно, представлением, подобно всем другим; поэтому, чтобы ориентироваться здесь, познающий индивид должен принять одно из двух: либо отличительная черта этого одного представления заключается лишь в том, что его, индивида, познание находится в таком двойном отношении только к этому представлению, имеет одновременно двойной доступ только в этот один наглядный объект, — но это объясняется не отличием данного объекта от всех других, а только отличием отношения его, индивида, познания к этому одному объекту сравнительно с отношением его к другим объектам; либо этот один объект по существу отличается от всех других объектов, единственно между всеми есть одновременно и воля, и представление, тогда как все остальные — только представления, т. е. простые фантомы, и тело человека, следовательно, есть единственный реальный индивид в мире, т. е. единственное проявление воли и единственный непосредственный объект субъекта.

Здесь Шопенгауэр представляет два решения вопроса как якобы равноценные. Более того, форма подачи проблемы такова, что второе решение, подталкивающее рассуждающего признать всех «остальных» за фантомы, сразу выглядит достаточно нелепой. Тем не менее, из всего выше сказанного можно понять, что именно второе решение обосновано строго, а вот первое проблематично. Шопенгауэр чувствует это и усиливает аргументацию. По правде сказать, то, что он сделал в отношении предельного прояснения вопроса о теоретическом эгоизме, нельзя переоценить.

То, что другие объекты, рассматриваемые просто как *представления,* подобны телу субъекта, т. е. как и оно наполняют пространство (существующее, может быть, тоже лишь в качестве представления) и как оно действуют в пространстве, — это хотя и доказывается бесспорно из a priori несомненного для представлений закона причинности, не допускающего никакого действия без причины, но (не говоря уже о том, что от действий можно заключать только к причине вообще, а не к одинаковой причине) это не выводит нас еще из области чистого представления, для которой только и имеет силу закон причинности и дальше которой он никогда не может нас повести. Но можно ли считать, что объекты, известные индивиду лишь в качестве представлений, будут ли они все-таки, подобно его собственному телу, явлениями воли, — вот в чем, как уже сказано в предыдущей книге, заключается истинный смысл вопроса о реальности внешнего мира.

Действительно, а реален ли мир? По Шопенгауэру мир реален постольку, поскольку реальна воля, которой этот мир

является. Если же мир есть только представление в некоем единственном субъекте, то реален только этот субъект, мир же есть только мираж в этом субъекте и реален только как таковой.

Отрицательный ответ на этот вопрос составляет сущность *теоретического эгоизма,* который именно потому и считает все явления, кроме собственного индивида, за фантомы, — подобно тому как практический эгоизм поступает точно так же в практическом отношении: только собственную личность он рассматривает как действительную, а во всех остальных видит лишь призраки и соответственно обращается с ними. Теоретический эгоизм, правда, никогда ***не может быть опровергнут никакими доказательствами***; (выделение А. Кончеева) однако в философии им всегда пользовались исключительно в качестве скептического софизма, т. е. для вида.

Вот, где самая болевая точка. «…не может быть опровергнут никакими доказательствами…» Не все ли это равно, что он имеет предельную доказательность? Почти. Далее Шопенгауэр просто и понятно скажет: «Хотите быть философом, рассуждать, искать истину, разобраться в том, что такое мир и т.п., откажитесь от теоретического эгоизма напрочь, не хотите, дело ваше, но советую пройти лечение.

А как серьезное убеждение его можно найти только в сумасшедшем доме, и тогда оно требует не столько аргументов, сколько лечения. Поэтому мы не станем больше останавливаться на нем, и в наших глазах оно будет только последней цитаделью скептицизма, который всегда имеет полемический характер. Если, таким образом, наше всегда привязанное к индивидуальности и именно этим ограниченное познание

необходимо влечет за собою то, что каждый может *быть* лишь чем-то одним, все же остальное он может *познавать* (это ограничение и порождает, собственно, потребность в философии), то мы, стремясь именно поэтому расширить философией границы нашего познания, будем рассматривать этот выступающий против нас скептический аргумент теоретического эгоизма как маленькую пограничную крепость, которую, правда, никогда нельзя взять, но и гарнизон ее тоже никогда не может выйти наружу, поэтому ее можно смело обойти, не боясь оставить в тылу.

Прекрасный образ. Неприступная крепость, которую нет смысла осаждать ввиду ее полной безопасности.

Именно с этого положения, с этого догмата фактически, начинается философия. И для философии эта крепость действительно не представляет никакой опасности. Уже современные мыслители показали, что нет смысла спорить и вообще много говорить о солипсизме, поскольку речь по большей части идет только о словах, о способе говорить и выстраивать понятия. К тому же еще есть фанерон[129]. (Отсылаю желающих к неплохой в своем роде статье М. Гарднера «Почему я не солипсист».)

От себя же хочу сказать, что это рассуждение про неприступную крепость относится именно к философии, которая

[129] «Все, что мы знаем о мире, основано на информации, получаемой через наши чувства. Мир нашего опыта — всеобщность всего, что мы видим, слышим, касаемся, чувствуем, иногда называется "феноменальным миром". Ясно, что нет способа получать ощущения за пределами ощущений, испытать больше того, что может быть испытано. Чарльз Пирс изобрел полезное слово для этого феноменального мира. Он назвал его «фанероном».» М. Гарднер. «Почему я не солипсист».

сознательно игнорирует теоретический эгоизм, но никак не к мистике, в сфере которой стены и рвы, окружающие эту крепость, вовсе не являются непреодолимыми. Увы, они настолько бывают зачастую условны, что позволяют пышным цветом расцвести под чутким руководством упомянутого гарнизона разнообразным формам магии, мистики и основанном на них мистико-магическом видении мира. И это бывает так реально, что и философия уже не может себя чувствовать вполне в безопасности. Если это, конечно, действительно глубокая философия, не позволившая себе забыть породивший ее догмат.

БЕСЕДА СТРАНИЦЫНА С КОНЧЕЕВЫМ

(*диалог о «Солипсизме» и «Великом Делании»*)

Эта переписка велась в комментариях к моему эссе «Солипсизм», опубликованном в журнале »Самиздат» М. Мошкова. Мой диалог с Геннадием Страницыным весьма примечателен. Во всяком случае, я перечитал его с удовольствием. Думаю, он может прояснить концепцию Великого Делания не хуже самого «Великого Делания», с которым все-таки лучше предварительно ознакомиться.

«Если бы Г. Страницына не существовало, его бы следовало выдумать», — так он хорош. Говорю без всякой иронии и так же совсем не иронизирую, выражая ему благодарность в конце нашей полемики. Он был горяч и неравнодушен, а у меня могло бы и не появиться повода к столь определенным высказываниям.

Я привел нашу переписку полностью, несколько сократив только повторы. Совсем избавиться от них не получилось из-за того, что без них не всегда могло бы быть понятно, о чем идет речь и к какой мысли относится та или иная реплика. Так что, шустрых умом прошу меня извинить за неудобства, и уверен, что всё им ненужное, они мигом повыбрасывают сами.

В конце полемики меня неожиданно одобрил талантливый поэт с удивительной фамилией Адвайтов. (Адвайта-веданта — величайшая философская система Индии, вполне солипсистского духа.) Он написал: «Солипсизм — единственно близкое к истине философское

направление. Подробности излишни». Это была единственная реплика, пришедшая со стороны за три месяца. Она мне понравилась, и я ее так и оставил в этом тексте вместе со ссылкой на раздел Адвайтова. Стихи мне его тоже понравились, и я понаставил ему в рейтинг вполне заслуженных десяток, а не только за фамилию и хорошее мнение о солипсизме.

11.01.2003 СТРАНИЦИН

Вы говорите о пяти чувствах, сознание исчерпывается данными от этих чувств — левополушарное сознание — да. А как же магическое «шестое чувство» поэтов, как великая космическая Любовь древних, Долг, наконец, Дух?.. Ваши конструкции откровенно механистичны. Вот Вы, как субъект, Вы ведь не можете не дышать больше пары минут. Так и мозг Ваш не может не мыслить. И вот он придумывает Бога, добро, зло, страдание — и начинает всерьёз возиться со всем этим барахлом как ребёнок с игрушками. Не чувствуете ли такого противоречия? Там, где двое, там ведь нужен третий. Эго и ум с пятью чувствами — этого мало. Есть вещи, позволяющие шагнуть за пределы ума — сон, медитация, транс — вот где нет ни Бога, ни зла, ни страдания, ничего, но как об этом сказать? Да и стоит ли? Мудрецы говорят, что всё-таки стоит. Ради той же Любви или Долга. Индейские шаманы могли всерьёз считать своим учителем скалу, дерево, оленя, ворона или, там, койота… Вы никогда не пытались сменить своего многомудрого Шопенгауэра хотя бы на обыкновенного воробья? По-моему, это единственный выход из Вашего интеллектуального тупика.

«как спасать мух, комаров или, скажем, гусей»… — потрясающе! А кто Вас просит их спасать? Они-то давно спасены. Всё дело за Вами.

«было много буддистских святых, но результат налицо — мир не спасён». С чего вдруг такие эвфемизмы? Я не спасён, то бишь Вы. За мир решать не стоит, он Вас не уполномочивал и не уполномочит в таком состоянии, это уж точно. Неудавшиеся поэты уходят в философию, как в монастырь, — сказал Гёльдерлин (поэтический двойник Вашего Шопенгауэра). Это как раз про Ваш случай. Тот, кто способен видеть — зачем такому философия? «Бог не может наступить два раза на одни и те же грабли. Мир не нужен Богу и потому…» Смешно! Как Вы не чувствуете очевидного? Ваш единственный «Бог» — Ваше озабоченное эго. Вот и выплясывает оно силлогизмами. Так в эпоху Аристотеля мудрейшие греки спорили о размерах Солнца. Один заявлял, что оно как сковородка, другой — как колесо, а самый смелый договорился аж до того, что Солнце размером с Пелопоннес (как Греция). Вот и Вы прыгаете между сковородкой, колесом и Пелопоннесом. Можете, конечно, возразить, что ежели бы не было тех споров, не было б и современной космонавтики. Пожалуй, что так. Только для Вашего индивидуального спасения ни наличие космонавтики, ни полное её отсутствие никакого значения не имеют. Разве не так?

«Но для того, чтобы закончился мировой процесс…» А почему, собственно, должен «закончиться мировой процесс»? Из чего это следует? Из желания Вашего эго? Закончите тогда желание — и все дела. Тот, кто не может спасти себя, рвётся спасать мир. Христос, Будда, Кастанеда — они как раз закончили свой индивидуальный мировой процесс. Закончили как надо. Красиво. Оставив нам

бессмертные примеры. Так что теперь всё дело за нами. Если мы помним о Долге… Если Дух стучится в дверь…

С почтением, Геннадий.

5.02.2003 КОНЧЕЕВ

Вы говорите о пяти чувствах, сознание исчерпывается данными от этих чувств — левополушарное сознание — да. А как же магическое «шестое чувство» поэтов, как великая космическая Любовь древних, Долг, наконец, Дух?..

Сознание чувствами не исчерпывается, разумеется. На пяти чувствах основанны все представления о внешнем мире, а это совсем не одно и то же.

Понятия же о духе, любви и долге создаются в результате осмысления (обоими полушариями) информации, полученной от органов чувств. Любовь, Долг, Дух, «шестое чувство» — не более, чем интерпретация интеллектом для субъекта того или иного нормального чувственного опыта. Если и есть какие-нибудь другие чувства, кроме общепризнанных пяти, скажем, телепатия (или аналогичные земным пять астральных чувств), то я их сознательно не рассматриваю. Я рассматриваю только бесспорно признанное и непосредственно участвующее в построении картины мира. К тому же число чувств не принципиально (пусть их хоть 1000 будет, как у Микромегаса). Главное, что за их пределы, «наружу» выбраться никак не возможно.

Ваши конструкции откровенно механистичны. Вот Вы, как субъект, Вы ведь не можете не дышать больше

пары минут. Так и мозг Ваш не может не мыслить. И вот он придумывает Бога, добро, зло, страдание — и начинает всерьёз возиться со всем этим барахлом как ребёнок с игрушками.

Добро, зло и страдание совсем не барахло и не интеллектуальная игра. Страдание конкретно и непосредственно. Непосредственное знание страдания и вырабатывает в интеллекте понятия о добре и зле.

Не чувствуете ли такого противоречия? Там, где двое, там ведь нужен третий. Эго и ум с пятью чувствами — этого мало.

Кому и зачем «нужен» третий? Кому мало и для чего? По мне и этого много. Никаких третьих нигде нет. Третий ─ это все тот же первый, беседующий со вторым.

Есть вещи, позволяющие шагнуть за пределы ума ─ сон, медитация, транс ─ вот где нет ни Бога, ни зла, ни страдания, ничего, но как об этом сказать?

Как же нет бога, а кто тогда находится в сне, в трансе и медитации как не вечный Брахман? В обычной жизни тоже бывают прекрасные состояния счастья и блаженства, в которых человек может и не вспомнить ни о боге, ни о страдании. Я говорю не о частных состояниях, а о мироустройстве вообще, которое в настоящем виде без зла, страдания и несовершенства немыслимо. Добавлю еще, что и во сне, и в медитации, и в трансе тоже возможны тяжкие переживания, то есть и они от зла в принципе не избавлены.

Да и стоит ли? Мудрецы говорят, что всё-таки стоит. Ради той же Любви или Долга. Индейские шаманы могли всерьёз считать своим учителем скалу, дерево, оленя, ворона или, там, койота… Вы никогда не пытались сменить своего многомудрого Шопенгауэра хотя бы на обыкновенного воробья? По-моему, это единственный выход из Вашего интеллектуального тупика.

Не думаю, что воробей или кто бы то ни было сможет открыть мне что-то новое. «Интеллектуального тупика» у меня нет. Собственно, я считаю, что именно нашел выход из тупика, в котором фактически находится вся эзотерика. И нашел не только на интеллектуальном уровне, но и на всех прочих тоже.

«как спасать мух, комаров или, скажем, гусей»… — потрясающе! А кто Вас просит их спасать? Они-то давно спасены. Всё дело за Вами.

Идея не моя, а буддистская. Я-то ее как раз критикую, но не слева, как Вы, а справа. Я согласен с буддистами, что они совсем не спасены. С чего это Вы решили, что они спасены, они, что, не страдают? Спасать же их требует сострадание. С тем же, что дело за мной, я, в общем, согласен. Как только, так сразу.

«было много буддистских святых, но результат налицо — мир не спасён». С чего вдруг такие эвфемизмы? Я не спасён, то бишь Вы. За мир решать не стоит, он Вас не уполномочивал и не уполномочит в таком состоянии, это уж точно.

То, что мир не спасен, никакой не эвфемизм, а неоспоримый факт. Солипсизм и показывает, что невозможно провести разграничение между я и миром. Я и есть мир, потому я сам себя и уполномачиваю. Уполномачивает на это меня мое неприятие, безграничное возмущение, злом и страданиями, наполняющими мир. Я не могу сказать миру: «Это твои проблемы», как Вы мне предлагаете, как это говорят разнообразные сверхчеловеки, воображающие, что можно находиться в этом мире и быть по ту сторону добра и зла. Забавно, но Вы почти дословно повторили обвинение, брошенное монахом дон Кихоту в пьесе Е. Шварца. Вот, что он ответил: «Я презрел блага мирские, но не честь».

Неудавшиеся поэты уходят в философию, как в монастырь, — сказал Гёльдерлин (поэтический двойник Вашего Шопенгауэра). Это как раз про Ваш случай. Тот, кто способен видеть — зачем такому философия?

Что касается меня, то я не поэт и не философ, я нечто иное. Что толку от «видения», если оно не служит к благу (т. е. спасению) ни видящего, ни видимых?

«Бог не может наступить два раза на одни и те же грабли. Мир не нужен Богу и потому…» Смешно! Как Вы не чувствуете очевидного? Ваш единственный «Бог» — Ваше озабоченное эго.

Можно сказать и так, если Вам угодна такая терминология. Я как раз таки и пишу, что солипсизм совершенно очевиден. Что странного или плохого в

озабоченности моего эго злом, страданиями мира и проблемой возможности его спасения? На мой взгляд, это единственное, чем и стоит озабочиваться в этом мире.

Вот и выплясывает оно силлогизмами. Так в эпоху Аристотеля мудрейшие греки спорили о размерах Солнца. Один заявлял, что оно как сковородка, другой — как колесо, а самый смелый договорился аж до того, что Солнце размером с Пелопоннес (как Греция). Вот и Вы прыгаете между сковородкой, колесом и Пелопоннесом. Можете, конечно, возразить, что ежели бы не было тех споров, не было б и современной космонавтики. Пожалуй, что так. Только для Вашего индивидуального спасения ни наличие космонавтики, ни полное её отсутствие никакого значения не имеют. Разве не так?

Я отрицаю возможность индивидуального спасения. То, что под ним подразумевается, я мог бы совершить уже давным-давно, и это было бы ошибкой. Все эти игры с отрицанием «ума», «эго», добра и зла тем и кончаются.

Мое мистическое открытие базируется не на силлогизмах, а на мистическом опыте. Писать же и говорить без силлогизмов невозможно.

«Но для того, чтобы закончился мировой процесс…» А почему, собственно, должен «закончиться мировой процесс»? Из чего это следует? Из желания Вашего эго? Закончите тогда желание — и все дела. Тот, кто не может спасти себя, рвётся спасать мир.

Как у Вас все просто! «Если нет хлеба, пусть едят пирожные». Индивидуальное прекращение желания

вопроса не решает (Я это показал в своей полемике с Шопенгауэром. «Великое Делание», Приложение III.). Спасание мира и есть спасание себя. Понятие только «спасения себя» заключает в себе внутреннее противоречие. Индивидуум, личность отдельно от мира не существует. «Индивидуальное спасение» ─ иллюзия.

Христос, Будда, Кастанеда — они как раз закончили свой индивидуальный мировой процесс. Закончили как надо. Красиво. Оставив нам бессмертные примеры. Так что теперь всё дело за нами. Если мы помним о Долге… Если Дух стучится в дверь…

Христос, Будда, Кастанеда (при всем моем к ним личном уважении) являют собой пример трагической неудачи, ошибки, повторить которую Вы так рветесь. Советую Вам глубже вникнуть в аргументацию, изложенную в «Великом Делании». Дух-то стучится, но вот в чем заключается долг, к которому он призывает, хорошо бы разобраться поосновательнее.

8.02.2003 СТРАНИЦИН

Мы с Вами говорим на разных языках и не понимаем друг друга. Я о своём, вы — о своём. Я говорю не о понятиях, в частности не о понятии долга в результате «осмысления», а об именно Долге. Каков, например долг волка, воющего на луну. О настоящем долге помнят уже с пелёнок или ещё до рождения. Ты идёшь по извилистой тропке,чертыхаешься, шарахаешься, ничего не понимаешь — но делаешь, часто против желания. И однажды вдруг вспышкой осознаёшь... Даже Христос не осознавал свой долг, но шёл... Чтобы это понять, достаточно Вспомнить Его последние слова: «Для чего Ты меня оставил?..» Не

знает, но делает. Дальше нет смысла длить наши противоречия. Остаёмся при своём. Спасибо.

8.02.2003 КОНЧЕЕВ

Не вижу никаких особых противоречий. Более того, я согласен с выше изложенным. Есть нечто, заставляющее идти вперед, стремиться к совершенству, к запредельному (оно же заставляет выть волка или идти на крест Иисуса). Расхождение наше с Вами, да и мое со всеми, практически, в том, что я не верю, отрицаю индивидуальный путь спасения как противоречащий тем самым основам из которых он якобы вытекает. Обычно не подвергается сомнению, что Будда, Христос божественны и не могли заблуждаться. Я считаю, что могли. Vale!

16.02.2003 СТРАНИЦИН

Возвращаюсь через неделю... Давайте конкретизируем: спасение от чего? Люди опасаются несчастий, неудач, болезней и, как квинтэссенции всего этого, — смерти. То есть неизвестного. Однако десятки миллионов людей перенесли клиническую смерть, некоторые по двадцать минут находились там — и… психологи, которые потом работали с этими воскресшими, дружно отмечают один удивительный факт: эти люди перестают бояться смерти, они, говоря Вашими словами, уже не нуждаются во спасении. Потому что они прошли посвящение, поневоле, не так, как древние святые или шаманы, но всё равно испытали малую смерть и стали другими, более целостными, преобразились. Они понимают интуитивно, где интересы тела (эго), где интересы ПодъЯ, СверхЯ, Без Я. В Вашем случае у меня существует подозрение, что вы, не пройдя подобного посвящения, просто находитесь в плену у своего интеллекта, ума-тела.

Точнее, рассудка, дискурсивного мышления, дискурса. Тогда понятно, от чего хочет спасаться Ваш дискурс. От несоответствия реального мира логическим правилам человеческого интеллекта, от невозможности разложить всё по полочкам и силлогизмам, начиная со смерти — от своей неполноты и ограниченности. Это беда лишь человека, издержки его телесного ума, тех полутора тысяч кубиков серого вещества, даже больше, которое фильтрует подавляющую часть внешней информации и оставляет вместо мира бледную копию. В которой царит смерть. Мысль — это то, что в избытке, — знали ещё древние греки. Вот почему не нуждаются в «спасении» животные — у них просто нет избытков, от которых следует спасаться. Им нечего экстраполировать на мир. Подобная интенция рассудка по-другому называется логической похотью. Как мужчина рвётся познать женщину, так человеческий мозг рвётся познать (подчинить, использовать, зарядить собой) остальной мир. Это и есть первородный грех, раковая опухоль человечества. Вот от чего, на мой взгляд, надо спасаться. От «спасителей». Так Буш «спасает» Ирак от Саддама. Кстати, когда Христос говорил: «Будьте как дети», — думаю, что Он имел ввиду нечто похожее. Доверьтесь миру! Этого хотят и буддисты. И даже поэты.

Как цветы доверяются миру,
Какая в них тишина…
А мы рвём, отмеряем их час.
Но кто знает, о чём так грустят, поникая,
Лепестки… О себе или, может, о нас…

Это бессмертные строки Рильке. «Хочет всё воспарить, только мы, тяжелея, Давим всё, восхищённые властью своей…» вы хотите сорвать цветок мира, чтобы «спасти» в свой интеллектуальный гербарий. Слишком углубляясь в логическое «спасение», человек допускает огромный крен своей целостности, что чревато повторением печального конца Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора. Ни Будда, ни Христос не собирались спасать мир. Они лишь показывали путь избранным, готовым повторить. А к «спасению» рвутся уже павлы, бывшие савлами… Не думаю, что Вас убедил, но вновь попытался. Спасибо.

20.02.2003 КОНЧЕЕВ

Уважаемый Геннадий!

Вы пишете свои комментарии к статье «Солипсизм» и я не знаю, но подозреваю, что Вы не прочли «Великого Делания», где, как мне кажется, достаточно определенно освещены те вопросы, отрицание или не понимание которых Вы как будто ставите мне в вину. Как бы там ни было, я отвечу непосредственно на ваш последний комментарий.

Давайте конкретизируем: спасение от чего? Люди опасаются несчастий, неудач, болезней и, как квинтэссенции всего этого, — смерти.

Я читал и Моуди, и Кублер-Росс, и С. Грофа, сам имею немалый опыт (посвящений достаточно) и могу согласиться, что панический страх смерти после некоторых, фактически мистических, опытов, ослабевает.

В особенности у людей ни во что не веровавших и материалистичных, для которых этот опыт явился крушением их мировоззрения. Вы, пожалуй, слишком громко называете этот опыт «посвящением», хотя, конечно, это и можно считать своего рода посвящением. С другой стороны, должен Вам сказать, что знание того, что смерть не является полным уничтожением, отнюдь не устраняет страха смерти, боязни ее, и уж тем более страданий и неудач. Смерть, кстати, нечто совершенно иное, чем несчастья и страдания жизни и совсем не является их квинтэссенцией.

Ни Будда, ни Христос не собирались спасать мир.

Идею спасения не я выдумал. Практически все развитые религии и большинство философских систем построены на этой идее. В отношении Будды и Христа Вы заблуждаетесь. В церковной догматике Христос почитается спасителем от первородного греха (понимается под ним совсем не «логическая похоть», а пребывание мира в страданиях и зле), в Евангелиях же сам он постоянно говорит о своей миссии спасителя «заблудших овец дома израилева», что он есть «истина, спасение и жизнь» и т.п. Буддизм учит спасению от пут сансары, т.е. цепи бесконечных перерождений, наполненных, по его и всеобщему мнению, несчастьями, страданиями и всяческим злом. Не думаю, что Будда находился «в плену у своего интеллекта, ума-тела. Точнее, рассудка, дискурсивного мышления, дискурса», когда провозглашал свои знаменитые четыре благородных истины, которые говорят ни о чем другом как об освобождении (спасении) от страданий и зла.

Тогда понятно, от чего хочет спасаться Ваш дискурс. От несоответствия реального мира логическим правилам человеческого интеллекта, от невозможности разложить всё по полочкам и силлогизмам, начиная со смерти — от своей неполноты и ограниченности.

Я, конечно, не возражаю против Ваших подозрений в отношении меня в неполноте и ограниченности, но сам я ничего такого в себе не замечал, и слышал от других крайне редко.

Я полагаю, что логические правила человеческого интеллекта сами являются частью реального мира и вполне ему соответствуют. Познавать мир умом так же естественно, как и познавать женщину, почему это «первородный грех и раковая опухоль человечества» я не знаю, хотя и слышал нечто подобное не раз. И Буш, и Хусейн — обычные люди, движимые стереотипными человеческими мотивами. Собственно такие же страждущие как и все остальные существа. Они так же нуждаются в спасении, как и все. Так же как и животные, я уже писал об этом. Или Вы не видели страдающих животных? Бодхисаттвы (буддисты достигшие просветления) дают обет не уходить в нирвану пока не будут спасены ВСЕ чувствующие существа: и люди, и животные, и даже голодные духи. Ни они, ни я не хотим «сорвать цветок мира, чтобы «спасти» в свой интеллектуальный гербарий» и вообще ничего такого.

что чревато повторением печального конца Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора.

Из всех людей Вы назвали тех, кто меньше, чем кто бы то ни было нуждается в сочувствии. Это титаны духа, собственно, редкое исключение в роде человеческом. Внешние же обстоятельства их судеб дело десятое, когда речь идет о личностях такого масштаба. Все трое отнюдь не резонеры. Ни с человеческой, ни с высшей точки зрения никакой особой трагедии я в их жизнях не вижу. Христу так и то покруче судьба досталась.

к «спасению» рвутся уже павлы, бывшие савлами

Чем же Вам не угодил Павел? Вы что ж полагаете, что он «рвется к спасению» от избытка интеллекта или страха за свою шкуру? Я не поклонник христианства, но, думаю, что Павел заслуживает презрения не больше всех прочих искателей мудрости и истины.

Это беда лишь человека, издержки его телесного ума, тех полутора тысяч кубиков серого вещества, даже больше, которое фильтрует подавляющую часть внешней информации и оставляет вместо мира бледную копию.

Вот это как раз по моей теме. Мир содержится не в сером веществе, не в теле, а в субъекте. «Бледная копия» чего? Чем и как Вы можете наблюдать мир «сам по себе»? Это тема статьи «Солипсизм». Я думаю, что Вы ее просто не поняли. Так же как не понимаете, что такое спасение и зачем оно нужно. Может Вы боитесь посмотреть правде в глаза? Вы как бы пытаетесь абстрагироваться от сути дела. Мир прекрасен, потому что в нем есть прекрасные цветы, прекрасный мир висит где-то там вне человека и интеллекта, вне его проблем и

страданий, наслаждаясь сам собой. Страдания, зло, несовершенство мира — ах, какая чепуха, всего лишь самоистязания эго или может ума. Осмелюсь заметить, что когда детей нанизывают на штыки или людям бросают на головы бомбы, то им плохо не от избытка «логической похоти» или потому что у них такая «интенция рассудка», а потому что в мире царствует зло, несмотря ни на какие прелести цветов и стихов. Победить же зло возможно только, поняв суть сознания и субъекта, как это Вам не покажется нелепым и невозможным, потому что именно они лежат в основе всего, а не мир сам по себе и не пресловутое серое вещество.

Не думаю, что Вас убедил, но вновь попытался.

Я не совсем понял, в чем Вы хотели меня убедить. В том, что я ограниченный недоумок, губящий себя по примеру Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора? Что зла нет, но зато есть мир сам по себе вопреки Беркли, Шопенгауэру и Канту? Что надо нюхать цветы, читать стихи и поменьше думать об этих глупостях? Вам действительно это не удалось.

1.03.2003 СТРАНИЦИН

Во-первых, с порога хочу отмести слова типа «глупость», «недомыслие» и т. п. — ничего подобного у меня и близко не было, это слишком примитивно. Проблема в другом. Как ни странно, Ваша тема мне близка, даже очень близка, просто я гляжу на неё в ином ракурсе. И каков результат? Мы абсолютно не понимаем друг друга. Каждый талдычит по кругу о своём, об одном и том же.

Вывод, наверное, таков, что у нас неправильный путь. Бесполезно об этом говорить в такой форме. Об этом, может быть, следует вести проповедь в монастыре, в пещере… Согласитесь, чтобы кого-то спасти (в нашем смысле), надо прежде его понять. Но если даже мы с вами не понимаем друг друга — как тогда быть? Кстати, эта проблема, кажется, глобальная. Тот же Иисус сетовал: «Те, кто со Мной, не понимают Меня». Чтобы хоть отчасти поняли, Ему понадобились смерть и Иуда. А Рильке я поминал вовсе не потому, что призываю «нюхать цветы». Он ведь тоже «в теме» и гораздо раньше нас. Кстати, он наследник Ницше по Лу-Андреас Саломе, но диаметральный антипод. Ещё в начале прошлого века подражатели его спрашивали: как быть, как жить, как писать стихи — когда бога нет? А он отвечал: а вы не думаете, что Он ещё только будет, что Он, может быть, только сейчас созидается. И Рильке действовал как если бы Бог действительно созидался. Это путь сердца, путь красоты, путь творца, локального Христа. И он сразу понятен, такой путь, безо всяких нудных объяснений. Это попытка с другой стороны. Так что не сердитесь. В любом деле очень важна оппозиция. Если в лесу перебить волков, дабы не беспокоили оленей — олени тотчас начнут хиреть и вырождаться. Не вырождайтесь. Мыслите и дерзайте. И больше психологичности, больше попыток понять другого. Плюс… самое главное… давно уже лучшие западные умы в один голос признают, что наша цивилизация, утратив магическое повседневное восхищение миром, лишилась сердца. Вспомните Камю: быть нелюбимым всего лишь неудача, не любить — вот отчего мы все умираем сегодня. Отсюда многие западные поэты и художники эмпирическим путём страданий пришли к не-деланию, к

позволению миру быть, к тому, что давно уже известно на Востоке. Вот почему мы с Вами антиподы. Я защищаю неделание; Вы — делание. Не знаю, кто из нас прав. Однако я вижу, что вы не понимаете меня, не понимаете Рильке, не понимаете Камю, птиц, зверей, цветы — кого же Вы тогда понимаете? Христос и Будда спасали не мир, а тех, кто приходил к ним за спасением. Они заглядывали человеку в душу и видели, что этой душе нужно. Вы же заглядываете в интеллект. Это другое. И Ваши подлинные герои, они титаны духа?.. Да, мальчишки кидали Кьеркегор в спину камнями, Ницше был санитаром на войне и страдал от сифилиса, Кьеркегор отказался от невесты, все трое закончили безумием — согласен, что они титаны страдания, но кого преобразило их слово, как преображали слова Христа или Будды? Кто научился быть счастливым благодаря их словам? Кто избежал страданий? Кто повторял их страдания — многие… а вот кто избежал или с радостью принял смерть?.. Тогда ради чего? Я бы назвал их дезертирами духа, титанами интеллекта — так правильнее. Многие приходили, чтоб испытать Христа или Будду, потому что полагали, что сумеют вывести «лжепророков» на чистую воду. Но оставались с пронзёнными душами. Вот и я, прочтя вашу рекламу, решил заглянуть: вдруг вы скажите пару слов, и я действительно осознаю нечто наиважнейшее… Увы. Кажется, мне есть, что вам сказать. Но не наоборот. Вот почему для меня неприемлем Ваш путь. Если бы вы говорили о спасении своём личном — конечно… Но ведь вы подспудно ратуете и за меня, и за Рильке, за Камю, за всех, короче, даже за воробьёв и цветы. Но всё относительно. Когда человек ратует за другого — это не потому ли, что он прячется от себя? (Если, конечно, и впрямь не титан). Так что позвольте нам быть.

Пора делать выводы. Итак, не понимая мир, Вы, тем не менее, твёрдо убеждены в необходимости его тотального спасения. Ясно, что вы пришли к этому не сердцем, не душой, а взяли где-то напрокат идею, позаимствовали со стороны, не выстрадали. И вот вы призываете меня к своему главному произведению, но зачем? Человек ведь всегда одинаков и действует по единому алгоритму. Так специалисты по одной лишь подписи могут набросать полный портрет незнакомого человека. И Вы уже поставили свою «подпись». Вы просто чешете мозги. И тем самым противоречите даже своим кумирам. Ведь у вашего титана Ницше был превосходный критерий: из всего, что написано, мне нравится только то, что писали собственной кровью. Можно предположить, почему Ницше так говорил. Христос пролил кровь, он хотел встать на место Христа, хотел встать без любви — и рассыпался. Где же Ваша кровь? Хотя бы кровь?.. словесное пиво — это другое. А кровь распознаётся быстро. Впрочем, как и мозги. Вот почему я призывал Вас наблюдать воробьёв, любоваться цветами, читать Рильке. Кажется, Вы восприняли это почти как призыв стать педиком. Но я призывал попытаться познать многогранный безудержный мир, прежде чем его интеллектуально судить, навязывая «спасение». Вы не внемлите. И мне остаётся поблагодарить Вас за интересный диалог и пожелать Вам жить полной жизнью, не зацикливаясь на голых внешних идеях. Спасибо и будьте здоровы!

12.03 2003 КОНЧЕЕВ

Уважаемый Геннадий!

Для начала хочу объясниться по поводу моего отношения к Вам и Вашим ко мне посланиям. Я не сержусь и не раздражаюсь, а, наоборот, очень им рад, рад серьезному общению с неравнодушным, духовным человеком. Если же какие-то мои слова показались или покажутся Вам резкими и запальчивыми, то простите великодушно и отнесите их за счет моей манеры выражаться.

Должен признать, что мы действительно, видимо, антиподы. Что же касается взаимопонимания, то я Вас отлично понимаю, а вот Вы меня, действительно, не очень. Поэтому в очередной раз пускаюсь в объяснения.

Под спасением я понимаю нечто совершенно иное, чем то, что понимали дворяне 19-го века, когда женились на проститутках, чтобы их спасти. И потому, чтобы произошло спасение, о котором говорю я, никому ничего и никого понимать не надо, по крайней мере в обычном понимании этого слова. Вы, видимо, очень невнимательно прочли то, что я написал, если приписываете мне косный интеллектуализм в противовес некоей особой духовности. Вообще, мне не совсем понятно, с чего это Вы решили, что я какой-то академический сухарь, укравший где-то не свежую идею, погрязший в абстрактных спекуляциях и потому не способный любить и ценить цветы, поэзию, природу, животных, а так же не знающий и не понимающий того, что понимается и постигается только в озарениях и медитациях и невыразимо в словах. Да, именно потому, что я прошел через все это, прошел через именно внеинтеллектуальное постижение сути вещей, и прошел не в одной жизни и не в одном мире, а во множестве, и имею, без преувеличения сказать,

гигантский опыт, я и говорю то, что говорю. Разумеется, говоря, высказываясь, нельзя не пользоваться понятиями, схемами интеллекта, ясное дело уплощающими непосредственно созерцаемую картину мира, но вне которых, он просто не может функционировать и сообщаться с другими.

То, что я написал, это — своего рода подарок тем, кому он может быть по нраву или для тех, кто сможет им воспользоваться. То, что Вам это не нравится и кажется неверным или плоским ни о чем фундаментальном не говорит, слова Христа или Ницше тоже многим не по нраву или просто непонятны.

Я не считаю свои произведения проповедью. Я не ставлю своей целью счастье или просветление кого бы то ни было. Я не верю в самогосебяутешающие мифы.

И в восточной, и в западной мистике есть весьма распространенное убеждение, что мир сам по себе, внутренняя его сущность прекрасны, хороши безусловно, духовны и блаженны. На санскрите это звучит как «сат, чит, ананда». Бытие, дух, блаженство — вот как трактуется суть божества, а, стало быть, и нас всех. Несчастья же все от ума, эго и интеллекта. Достаточно избавиться от них, по благодати ли божией, специальной ли тренировкой, при помощи ли Ади-будды и дело сделано, оковы мира спали, зло вместе с эго и интеллектом исчезло, и мы теперь вечно можем пребывать в розовом теплом раю. Комментарии Ваши ко мне выдержаны в духе именно этой доктрины, сама же она вполне интеллектуального происхождения. Мы не «не понимаем» друг друга, а, наоборот, понимаем — прекрасно понимаем, кто на какой позиции. Вы «позволяете миру быть», позволяете,

несмотря на все его мерзости и абсурды, а я «не позволяю». Вы считаете, что достаточно «успокоить ум», сесть в дзадзен, предаться «любви и созерцанию» и все проблемы мира исчезнут, как сон. Что ж Вы не одиноки и политика такая не самая плохая, да только это все ложь и самообман. Нет никакого «неделания», пока мир не спасется окончательно всякое бытие будет только «делание» и «делание», что бы вы себе ни воображали. Мы умираем совсем не от отсутствия любви, а потому что смертны. Если и существовали культуры с повседневным магическим восхищением миром, то, что это меняет в принципе? Что ж в этом такого отрадного, что могло бы примирить меня со злом мира, существовавшим и царствовавшим всегда.

Замечу тут же, что спасение никому навязать нельзя (а Вы мне это приписываете), спасение, — то, что я понимаю под спасением, — по самой сути то, что любое существо должно желать и действительно желает больше всего, каждое в меру своего понимания или ограниченности. Как оно может произойти и произойдет для всех и окончательно схематично изложено в трактате «Великое Делание».

Что касается Камю, то это Теэтет истинный бунтарь, а не филистер Камю, в конце своих философствований пришедший к тому, что надо стараться прожить как можно дольше. Философ Камю никакой. Рассуждает он честно, а выводы делает нечестные. Из его философии следует на самом деле не то, что надо жить как можно дольше (зачем?), а то, что надо покончить собой как можно быстрей — благо ни

бога, ни бессмертия, ни наказания за самоубийство его философия не предусматривает.

Рильке же, мне кажется, просто изрядно кокетничал, когда говорил, что бог еще только будет, что он сейчас созидается. Поэтам свойственно обоготворять свою поэзию и чего они только не говорят. Во всяком случае, я у него истинного прозрения не чувствую.

Слова и Ницше, и Кьеркегора, и Шопенгауэра потрясали людей не меньше, чем слова Христа или Будды. Если в пророка кидают камни, то это скорее говорит в его пользу, чем против него. Кстати сифилис Ницше не более чем миф. Титанами же духа я их считаю потому, что они и есть титаны духа — имеющий глаза, да увидит.

Смешно, конечно, это говорить, но я все-таки скажу. Идеи свои я выстрадал, пишу я кровью, алгоритмам подчиняюсь плохо, «мозги чесать» мне незачем, «многогранный и безудержный мир» наблюдал и познавал я достаточно как, впрочем, и воробьев.

30.03.2003 СТРАНИЦИН

Хорошо, пусть так. Но как насчёт свободы воли? Насколько я знаю, кажется, ни одно учение её не отрицает. То есть, никакая сила не способна, упрощённо говоря, отдать человека во власть дьявола или сделать ангелом, если на то не будет его воли. Соответственно и спасение. Спасти можно только того, у кого есть воля спастись. Вот этот пункт, по-моему, и вызывает основные разногласия. Воля глубже рассудка. Я знаю, что на неё можно воздействовать трансом, гипнозом, магическими ритуалами, но вот что волю может изменить какая-то цепочка силлогизмов или абстрактная идея — очень я

сомневаюсь. У Ницше, у Шопенгауэра подобный диктат разума над волей окончился дурдомом. Потому, на мой взгляд, спасение начинается с проникновения в душу, с распознания и отделения «овец от козлищ». И когда говорят «красота спасёт мир» — это не пустые слова. Красота, эстетическое переживание как раз способно воздействовать на глубинные слои сознания — и от этого происходят волевые подвижки, такое бывает. А чтобы от логики, от голых идей — я не слышал. Болтать можно всё что угодно. Но у сердца свои доводы, не всегда доступные разуму, — это ещё Паскаль сказал. А когда слова совпадают с волей… это было у Будды, у Христа — такие слова настоящие, они способны преобразовать. И, по-моему, это — единственный путь, к подобным словам, к единству воли и разума, к целостности. Это и есть спасение. А какое ещё? По Фёдорову? Механическое? Техническое? Прививки бессмертия делать? А как же воля к смерти? А сопутствующие биологические проблемы? Помнится, у Лема была хорошая фантастическая повесть на эту тему, он называл это «бетризацией». Миллионы людей кончают самоубийством — попробуйте остановить хотя бы одного, попробуйте добраться до его сердца и утвердить там «спасение». Нужно сначала знать каждого, все шесть миллиардов или сколько их там, читать каждого как по бумажке, видеть насквозь. Видите Вы насквозь, скажем, Гитлера, Иуду Искариота, Торквемаду, Кафку, Буша, шахида, соседа, да собственную жену, наконец? Не пошлют они Вас на три буквы с Вашим «спасением»? Что тогда… Нет, по-прежнему не понимаю. Наверное, Вам надо воздействовать на мою волю… убедите хотя бы меня для начала, что я нуждаюсь в таком-то конкретном спасении,

чтоб моя воля была согласна, чтоб появилось намерение — поверьте я не самый тяжёлый реципиент...

Попробую подытожить. Мир пластичен, он как пластилин, если есть Воля. Если вы сумеете убедить мир, что он нуждается в спасении и может быть спасён — он будет спасён. Если убедить человека, что он нуждается в спасении и может быть спасён, если он в это глубинно поверит — он уже спасён, поскольку вера (воля) способна двигать горы. Вот Вы и действуете в этом направлении. Вы написали трактат, в котором пытаетесь убедить мир, что он может быть спасён. Тут ничего спорного нет. Если Вы сумеете заставить мир поверить — мир будет спасён. Но вот как Вы заставите?! Если даже вдруг сам Джордж Сорос обратит внимание на Ваши трактаты и начнёт мощнейшую многомиллиардную раскрутку — всё равно ничего принципиально не изменится. Философы 20 в. пришли в конце концов к мнению, что истина плюралистична. У мира нет единой истины — и нет единой воли. То есть, у мира нет воли к спасению. Надо изменить его волю, создать намерение, чтобы он спасся. Для этого нужно иное воздействие, не логическое, не рассудочное. Вы, кажется, надеетесь на некоего Deus ex machina — Он это сделает, Который придёт. В том то и дело, что Он придёт лишь тогда, когда будет Воля, чтоб Он пришёл. Не наоборот! Потому нужно отбросить амбиции и начинать с малого. Индивидуальный подход. Локальный христос, локальный будда. Начинать с малого. По крупице, по капле, которая точит камень. С одного конкретного человека. Убедить одного, другого, третьего — тогда эти трое убедят ещё девять, те девять — ещё 81, а дальше как снежный ком. А вот как быть с воробьями, птицами Афродиты, и прочими тварями божьими — я до сих пор не понимаю. Потому и

предлагаю Вам отработать индивидуальный подход на мне. Мне близка эта тема. Я сам за неё сражаюсь, как до меня уже делали многие. По мере сил и способностей. И вспоминается цель Достоевского: если сможешь воздействовать хотя бы на одну душу — не говори, что прожил жизнь напрасно.

3.04.2003 КОНЧЕЕВ

Хорошо, пусть так. Но как насчёт свободы воли? Насколько я знаю, кажется, ни одно учение её не отрицает.

Мы отклоняемся в сторону, но почему бы и нет. Учений отрицающих свободу воли предостаточно. В первую очередь это все учения о предопределении, в европейской традиции это августинианство и лютеранство, отрицающие наличие свободной воли в человеке. Спасение или погибель предопределены изначала богом. Раньше это был очень строгий догмат, но современный мир это учение подзабыл. В философии отрицал наличие свободной воли в человеке, как это ни странно, Шопенгауэр. Его труд «О свободе человеческой воли» был удостоен премии Королевского норвежского научного общества. Упрощённо говоря, Шопенгауэр считал, что выбор уже сделан, мы уже появились и скорее как дьяволы, чем как ангелы. По Шопенгауэру нам только кажется, что мы свободны в выборе, на самом деле нами железной рукой правит закон мотивации. Наши субъективные метания — это, собственно, перебор вариантов. Не спешите отрицать — это не такой уж простой вопрос.

То есть, никакая сила не способна, упрощённо говоря, отдать человека во власть дьявола или сделать ангелом, если на то не будет его воли. Соответственно и спасение. Спасти можно только того, у кого есть воля спастись. Вот этот пункт, по-моему, и вызывает основные разногласия. Воля глубже рассудка. Я знаю, что на неё можно воздействовать трансом, гипнозом, магическими ритуалами, но вот что волю может изменить какая-то цепочка силлогизмов или абстрактная идея — очень я сомневаюсь.

В этом пункте я с Вами согласен, думаю, и Шопенгауэр бы согласился. Спасение должно быть и будет актом воли. Силлогизмы и абстракции не способны, разумеется, подействовать на мир так, чтобы он мог спастись. Об этом нет и речи. Поймите меня правильно, то, что я пишу, только издержки моего производства. Ну, что-то вроде раскладывания пасьянса (занятие достаточно бессмысленное) для отдыха и развлечения. Я уже говорил и повторюсь, что писаниями своими не собираюсь проповедовать, просвещать или спасать. И если просветить кого-нибудь они, может быть, и могут, то спасти уж точно не способны, хотя бы потому, что единоличное спасение невозможно. Я даже не понимаю, что это такое. Даже если все $6 \cdot 10^9$ человек одновременно достигнут состояния Будды и перейдут в нирвану, мир не приблизится к своему спасению ни на йоту. Это был бы просто некий частный эпизод из жизни мира, не больше. Что ж тогда мои каракули? Никакие раскрутки, никакие биллы гейтсы ничего не могут изменить в таком положении вещей. Вполне возможно, и очень вероятно, что и Вас я ни в чем не смогу убедить. Это нормально для

этого мира и тех ситуаций, что в нем в основном существуют.

У Ницше, у Шопенгауэра подобный диктат разума над волей окончился дурдомом.

*Буду возражать. Оба мыслителя волюнтаристы — это написано везде. Шопенгауэр был всегда совершенно нормален, но отличался скверным характером. Умер он в своей постели (*вообще-то, на диване, присев отдохнуть*) в здравом уме и твердой памяти. Сам он считал, что с возрастом интеллект слабеет (трудно с ним не согласиться), и потому собирался в старости ничего не писать, «чтобы хилыми детьми старости не нанести ущерб славе отца».*

Ницше до рокового удара был нормален. Последующая молва приписала ему и безумие, и сифилис, которых у него не было в момент создания знаменитых книг, а сифилиса, видимо, вообще, никогда. Ницше и в жизни, и в творениях своих очень странен, абсурден, нелогичен. Какой уж там диктат разума? Это у Гегеля, скорее, диктат разума, но он умер от холеры.

Потому, на мой взгляд, спасение начинается с проникновения в душу, с распознания и отделения «овец от козлищ». И когда говорят «красота спасёт мир» — это не пустые слова. Красота, эстетическое переживание как раз способно воздействовать на глубинные слои сознания — и от этого происходят волевые подвижки, такое бывает. А чтобы от логики, от голых идей — я не слышал. Болтать можно всё что угодно. Но у сердца свои доводы, не всегда доступные разуму, — это ещё Паскаль сказал. А когда

слова совпадают с волей… это было у Будды, у Христа — такие слова настоящие, они способны преобразовать. И, по-моему, это — единственный путь, к подобным словам, к единству воли и разума, к целостности. Это и есть спасение.

То, о чем Вы говорите хорошие, конечно, вещи, но не спасение. Локальное, если хотите, спасение, но по большому счету не спасение.

А какое ещё? По Фёдорову? Механическое? Техническое? Прививки бессмертия делать? А как же воля к смерти? А сопутствующие биологические проблемы? Помнится, у Лема была хорошая фантастическая повесть на эту тему, он называл это «бетризацией». Миллионы людей кончают самоубийством — попробуйте остановить хотя бы одного, попробуйте добраться до его сердца и утвердить там «спасение». Нужно сначала знать каждого, все шесть миллиардов или сколько их там, читать каждого как по бумажке, видеть насквозь.

Вот, видите как плохо Вы меня читали. Никого остановить невозможно, да и не надо. Каждый отрабатывает свою судьбу. Смерти нет, воля к смерти — может быть бунтом против лжи, зла и несправедливости жизни. Самоубийство, конечно, ошибка, но, зачастую, неизбежная. Мир наполнен злом и страданиями и чем выше уровень развития живого существа, тем более он способен непосредственно воспринимать чужие страдания, как свои. Главный постулат буддизма — сострадание. Бодхисаттвы дают обет сострадать живым существам до конца и не уходить в нирвану, пока не спасутся все.

Видите Вы насквозь, скажем, Гитлера, Иуду Искариота, Торквемаду, Кафку, Буша, шахида, соседа, да собственную жену, наконец?

Да, вижу. Это не так и сложно (мне, во всяком случае), потому что это, в сущности, тоже я (Ваш вопрос показал мне, о чем я никогда не задумывался, что о каждом из них я мог бы написать роман.). Видеть не сложно, а вот созерцать бывает очень тяжко. Потому-то я и хочу «спасения» больше всего на свете.

Не пошлют они Вас на три буквы с Вашим «спасением»?

Не пошлют, потому что они хотят его не меньше, чем я, только называют это для себя по-другому. И, если по ошибке и пошлют, я не обижусь именно потому, что я их очень хорошо знаю и понимаю.

Что тогда… Нет, по-прежнему не понимаю. Наверное, Вам надо воздействовать на мою волю… убедите хотя бы меня для начала, что я нуждаюсь в таком-то конкретном спасении, чтоб моя воля была согласна, чтоб появилось намерение — поверьте я не самый тяжёлый реципиент...

Обязательно постараюсь подействовать, но меньше всего через убеждение, Вы и сами знаете, что это ложный путь. Воля же Ваша давно согласна, но, может быть, просто не может пока себе это уяснить.

Попробую подытожить. Мир пластичен, он как пластилин, если есть Воля. Если вы сумеете убедить мир, что он нуждается в спасении и может быть спасён — он будет спасён. Если убедить человека, что он нуждается в спасении и может быть спасён, если он в это глубинно поверит — он уже спасён, поскольку вера (воля) способна двигать горы. Вот Вы и действуете в этом направлении. Вы написали трактат, в котором пытаетесь убедить мир, что он может быть спасён. Тут ничего спорного нет. Если Вы сумеете заставить мир поверить — мир будет спасён. Но вот как Вы заставите?! Если даже вдруг сам Джордж Сорос обратит внимание на Ваши трактаты и начнёт мощнейшую многомиллиардную раскрутку — всё равно ничего принципиально не изменится.

Я знаю лучший и действительно эффективный способ. Убедить никого не надеюсь, кроме единиц, да это и не требуется. Писал же не преследуя никаких сверхцелей, я, знаете ли, пессимист. Однако, уверен, что одну и самую главную гору воля сдвинуть сможет.

Философы 20 в. пришли в конце концов к мнению, что истина плюралистична. У мира нет единой истины — и нет единой воли. То есть, у мира нет воли к спасению. Надо изменить его волю, создать намерение, чтобы он спасся. Для этого нужно иное воздействие, не логическое, не рассудочное. Вы, кажется, надеетесь на некоего Deus ex machina — Он это сделает, Который придёт. В том то и дело, что Он придёт лишь тогда, когда будет Воля, чтоб Он пришёл. Не наоборот! Потому нужно отбросить амбиции и начинать с малого. Индивидуальный подход. Локальный христос, локальный будда. Начинать с малого. По крупице,

по капле, которая точит камень. С одного конкретного человека. Убедить одного, другого, третьего — тогда эти трое убедят ещё девять, те девять — ещё 81, а дальше как снежный ком.

Из всего я бы признал 5%, остальное опробывается уже целую вечность, а результата нет и не будет, как это ни печально. И я знаю почему, и даже немного написал об этом.

А вот как быть с воробьями, птицами Афродиты, и прочими тварями божьими — я до сих пор не понимаю.

Все существа нуждаются в спасении и достойны его. Страдания людей оправдывают тем, что они якобы страдают за грехи (что, конечно, ложно), но за что страдают невинные?

Потому и предлагаю Вам отработать индивидуальный подход на мне. Мне близка эта тема. Я сам за неё сражаюсь, как до меня уже делали многие. По мере сил и способностей. И вспоминается цель Достоевского: если сможешь воздействовать хотя бы на одну душу — не говори, что прожил жизнь напрасно.

Наверное я этим и занимаюсь сейчас и, к сожалению, видимо, вопреки собственным убеждениям :o(. Серьезно же скажу так: убеждать мне Вас не надо, Вы идете своим и потому правильным путем. Объективно весь мир трудится на спасение, приближая его своими страданиями. Почему-то вспомнились слова Христа,

сказанные ученикам: «Ищите царства Божия и правды его, а остальное все приложится вам». Наверное, он прав.

6.04.2003 01:37 СТРАНИЦИН

Хорошо, пусть так. Но как насчёт свободы воли? Насколько я знаю, кажется, ни одно учение её не отрицает.

Мы отклоняемся в сторону, но почему бы и нет. Учений отрицающих свободу воли предостаточно. В первую очередь это все учения о предопределении, в европейской традиции это августинианство и лютеранство, отрицающие наличие свободной воли в человеке. Спасение или погибель предопределены изначала богом. Раньше это был очень строгий догмат, но современный мир это учение подзабыл. В философии отрицал наличие свободной воли в человеке, как это ни странно, Шопенгауэр. Его труд «О свободе человеческой воли» был удостоен премии Королевского норвежского научного общества. Упрощённо говоря, Шопенгауэр считал, что выбор уже сделан, мы уже появились и скорее как дьяволы, чем как ангелы. По Шопенгауэру нам только кажется, что мы свободны в выборе, на самом деле нами железной рукой правит закон мотивации. Наши субъективные метания — это, собственно, перебор вариантов. Не спешите отрицать — это не такой уж простой вопрос.

Не буду спорить. Не силён в лютеранстве, для меня это в философском плане попса, как и всё христианство, начиная с блаженного Августина, вернее, даже, собственно, с Павла.

То есть, никакая сила не способна, упрощённо говоря, отдать человека во власть дьявола или сделать ангелом, если на то не будет его воли. Соответственно и спасение. Спасти можно только того, у кого есть воля спастись. Вот этот пункт, по-моему, и вызывает основные разногласия. Воля глубже рассудка. Я знаю, что на неё можно воздействовать трансом, гипнозом, магическими ритуалами, но вот что волю может изменить какая-то цепочка силлогизмов или абстрактная идея — очень я сомневаюсь.

В этом пункте я с Вами согласен, думаю, и Шопенгауэр бы согласился. Спасение должно быть и будет актом воли. Силлогизмы и абстракции не способны, разумеется, подействовать на мир так, чтобы он мог спастись. Об этом нет и речи. Поймите меня правильно, то, что я пишу, только издержки моего производства. Ну, что-то вроде раскладывания пасьянса (занятие достаточно бессмысленное) для отдыха и развлечения. Я уже говорил и повторюсь, что писаниями своими не собираюсь проповедовать, просвещать или спасать. И если просветить кого-нибудь они, может быть, и могут, то спасти уж точно не способны, хотя бы потому, что единоличное спасение невозможно. Я даже не понимаю, что это такое. Даже если все $6 \cdot 10^9$ человек одновременно достигнут состояния Будды и перейдут в нирвану, мир не приблизится к своему спасению ни на йоту. Это был бы просто некий частный эпизод из жизни мира, не больше. Что ж тогда мои каракули? Никакие раскрутки, никакие биллы гейтсы ничего не могут изменить в таком положении вещей. Вполне возможно, и очень вероятно,

что и Вас я ни в чем не смогу убедить. Это нормально для этого мира и тех ситуаций, что в нем в основном существуют.

У Ницше, у Шопенгауэра подобный диктат разума над волей окончился дурдомом.

Буду возражать. Оба мыслителя волюнтаристы — это написано везде. Шопенгауэр был всегда совершенно нормален, но отличался скверным характером. Умер он в своей постели в здравом уме и твердой памяти. Сам он считал, что с возрастом интеллект слабеет (трудно с ним не согласиться), и потому собирался в старости ничего не писать, «чтобы хилыми детьми старости не нанести ущерб славе отца».

Ницше до рокового удара был нормален. Последующая молва приписала ему и безумие, и сифилис, которых у него не было в момент создания знаменитых книг, а сифилиса, видимо, вообще, никогда. Ницше и в жизни, и в творениях своих очень странен, абсурден, нелогичен. Какой уж там диктат разума? Это у Гегеля, скорее, диктат разума, но он умер от холеры.

Про Шопенгауэра и Ницше Вы говорите так убеждённо, не знаю, что и сказать. В советское время я сдал университетский курс философии на «отлично» — понимаю, по большому счёту это не говорит почти ни о чём, однако... пусть будет по-Вашему. Про сифилис, и правда, мог выдумать кто-нибудь вроде Томаса Манна. Вообще, конечно, это крайне дурная и очень раздражающая меня «филистерская» тенденция западных профессоров

всех духовно отклоняющихся пытаться объяснять отклонениями физическими — мне кажется, таким способом они стремятся утвердить своё посредственное «я». Но вот насчёт Ницше. Его отношение к Заратустре и — особенно — «Антихристианин» («Антихрист»), как он упорно пытается встать над 3-4 «банальными идейками» Христа — разве он сам, как профессор, не предвосхищает здесь профессоров последующих? Дело Христа есть дело Воли (намерения); Ницше пытается охватить это Дело рассудком. Каждый из нас в какой-то мере локальный христос... потому я сужу так о Ницше. Гегель просто болтун. Пустобрех. Наши с Вами различия, мне кажется, проступают в другом. Вы всё время загребаете в общее, в философское; я же клоню в единичное, в психологическое. Единица, Монада - я пытаюсь ухватить её душу. И дух.

Потому, на мой взгляд, спасение начинается с проникновения в душу, с распознания и отделения «овец от козлищ». И когда говорят «красота спасёт мир» — это не пустые слова. Красота, эстетическое переживание как раз способно воздействовать на глубинные слои сознания — и от этого происходят волевые подвижки, такое бывает. А чтобы от логики, от голых идей — я не слышал. Болтать можно всё что угодно. Но у сердца свои доводы, не всегда доступные разуму, — это ещё Паскаль сказал. А когда слова совпадают с волей… это было у Будды, у Христа — такие слова настоящие, они способны преобразовать. И, по-моему, это — единственный путь, к подобным словам, к единству воли и разума, к целостности. Это и есть спасение.

То, о чем Вы говорите хорошие, конечно, вещи, но не спасение. Локальное, если хотите, спасение, но по большому счету не спасение.

А какое ещё? По Фёдорову? Механическое? Техническое? Прививки бессмертия делать? А как же воля к смерти? А сопутствующие биологические проблемы? Помнится, у Лема была хорошая фантастическая повесть на эту тему, он называл это «бетризацией». Миллионы людей кончают самоубийством — попробуйте остановить хотя бы одного, попробуйте добраться до его сердца и утвердить там «спасение». Нужно сначала знать каждого, все шесть миллиардов или сколько их там, читать каждого как по бумажке, видеть насквозь.

Вот, видите как плохо Вы меня читали. Никого остановить невозможно, да и не надо. Каждый отрабатывает свою судьбу. Смерти нет, воля к смерти — может быть бунтом против лжи, зла и несправедливости жизни. Самоубийство, конечно, ошибка, но, зачастую, неизбежная. Мир наполнен злом и страданиями и чем выше уровень развития живого существа, тем более он способен непосредственно воспринимать чужие страдания, как свои. Главный постулат буддизма — сострадание. Бодхисаттвы дают обет сострадать живым существам до конца и не уходить в нирвану, пока не спасутся все.

Видите Вы насквозь, скажем, Гитлера, Иуду Искариота, Торквемаду, Кафку, Буша, шахида, соседа, да собственную жену, наконец?

Да, вижу. Это не так и сложно (мне, во всяком случае), потому что это, в сущности, тоже я (Ваш вопрос показал мне, о чем я никогда не задумывался, что о каждом из них я мог бы написать роман.). Видеть не сложно, а вот созерцать бывает очень тяжко. Потому-то я и хочу «спасения» больше всего на свете.

Если правда Вы видите... Господи, может быть, так бывает... очень грустно было бы разочароваться. Вы говорите, что можете о каждом из них написать по роману... я тоже так думал и пробовал, и даже кое-что написал... Но теперь... Если Вы только на том этапе, который мной уже пройден, тогда всё понятно... Но если Вы преодолели, двинулись дальше, почему я так слеп и не могу уловить своего??? Вот если б Вы написали стихотворение, миниатюру, рассказ, чтоб задействовать другие области психики — этот язык мне был бы ближе. Не пошлют они Вас на три буквы с Вашим «спасением»?

Не пошлют, потому что они хотят его не меньше, чем я, только называют это для себя по-другому. И, если по ошибке и пошлют, я не обижусь именно потому, что я их очень хорошо знаю и понимаю.

Что тогда… Нет, по-прежнему не понимаю. Наверное, Вам надо воздействовать на мою волю… убедите хотя бы меня для начала, что я нуждаюсь в таком-то конкретном спасении, чтоб моя воля была согласна, чтоб появилось намерение — поверьте я не самый тяжёлый реципиент...

Обязательно постараюсь подействовать, но меньше всего через убеждение, Вы и сами знаете, что это ложный путь. Воля же Ваша давно согласна, но, может быть, просто не может пока себе это уяснить.

Попробую подытожить. Мир пластичен, он как пластилин, если есть Воля. Если вы сумеете убедить мир, что он нуждается в спасении и может быть спасён — он будет спасён. Если убедить человека, что он нуждается в спасении и может быть спасён, если он в это глубинно поверит — он уже спасён, поскольку вера (воля) способна двигать горы. Вот Вы и действуете в этом направлении. Вы написали трактат, в котором пытаетесь убедить мир, что он может быть спасён. Тут ничего спорного нет. Если Вы сумеете заставить мир поверить — мир будет спасён. Но вот как Вы заставите?! Если даже вдруг сам Джордж Сорос обратит внимание на Ваши трактаты и начнёт мощнейшую многомиллиардную раскрутку — всё равно ничего принципиально не изменится.

Я знаю лучший и действительно эффективный способ. Убедить никого не надеюсь, кроме единиц, да это и не требуется. Писал же не преследуя никаких сверхцелей, я, знаете ли, пессимист. Однако, уверен, что одну и самую главную гору воля сдвинуть сможет.

Философы 20 в. пришли в конце концов к мнению, что истина плюралистична. У мира нет единой истины — и нет единой воли. То есть, у мира нет воли к спасению. Надо изменить его волю, создать намерение, чтобы он спасся. Для этого нужно иное воздействие, не логическое, не рассудочное. Вы, кажется, надеетесь на некоего Deus ex

machina — Он это сделает, Который придёт. В том то и дело, что Он придёт лишь тогда, когда будет Воля, чтоб Он пришёл. Не наоборот! Потому нужно отбросить амбиции и начинать с малого. Индивидуальный подход. Локальный христос, локальный будда. Начинать с малого. По крупице, по капле, которая точит камень. С одного конкретного человека. Убедить одного, другого, третьего — тогда эти трое убедят ещё девять, те девять — ещё 81, а дальше как снежный ком.

Из всего я бы признал 5%, остальное опробывается уже целую вечность, а результата нет и не будет, как это ни печально. И я знаю почему, и даже немного написал об этом.

Результат... Какой результат... как у спортсменов? Движение — всё; конечная цель — ничто. Этот ревизионистский лозунг Бернштейна ведь базируется на древнем как мир убеждении: если думаешь, что нашёл, то уже потерял.

А вот как быть с воробьями, птицами Афродиты, и прочими тварями божьими — я до сих пор не понимаю.

Все существа нуждаются в спасении и достойны его. Страдания людей оправдывают тем, что они якобы страдают за грехи (что, конечно, ложно), но за что страдают невинные?

«Вина, невинные...» Вы так резко отозвались о Камю, но это же их боль, их болото. Как раз их. «Вина», «страдание»... что есть страдание? Только слово, как и «вина».

Потому и предлагаю Вам отработать индивидуальный подход на мне. Мне близка эта тема. Я сам за неё сражаюсь, как до меня уже делали многие. По мере сил и способностей. И вспоминается цель Достоевского: если сможешь воздействовать хотя бы на одну душу — не говори, что прожил жизнь напрасно.

Наверное я этим и занимаюсь сейчас и, к сожалению, видимо, вопреки собственным убеждениям :o(. Серьезно же скажу так: убеждать мне Вас не надо, Вы идете своим и потому правильным путем. Объективно весь мир трудится на спасение, приближая его своими страданиями. Почему-то вспомнились слова Христа, сказанные ученикам: «Ищите царства Божия и правды его, а остальное все приложится вам». Наверное, он прав.

6.04.2003 23:02 СТРАНИЦИН

Хорошо, пусть так. Но как насчёт свободы воли? Насколько я знаю, кажется, ни одно учение её не отрицает.

Мы отклоняемся в сторону, но почему бы и нет. Учений отрицающих свободу воли предостаточно. В первую очередь это все учения о предопределении, в европейской традиции это августинианство и лютеранство, отрицающие наличие свободной воли в человеке. Спасение или погибель предопределены изначала богом. Раньше это был очень строгий догмат, но современный мир это учение подзабыл. В философии отрицал наличие свободной воли в человеке, как это ни странно, Шопенгауэр. Его труд «О свободе воли» был увенчан Норвежской Королевской Академией Наук. Упрощённо говоря, Шопенгауэр считал, что выбор уже сделан, мы уже появились и скорее как дьяволы, чем как

ангелы. По Шопенгауэру нам только кажется, что мы свободны в выборе, на самом деле нами железной рукой правит закон мотивации. Наши субъективные метания — это, собственно, перебор вариантов. Не спешите отрицать — это не такой уж простой вопрос.

Не буду спорить. Не силён в лютеранстве, для меня это в философском плане попса, как и всё христианство, начиная с блаженного Августина, вернее, даже, собственно, с Павла.

То есть, никакая сила не способна, упрощённо говоря, отдать человека во власть дьявола или сделать ангелом, если на то не будет его воли. Соответственно и спасение. Спасти можно только того, у кого есть воля спастись. Вот этот пункт, по-моему, и вызывает основные разногласия. Воля глубже рассудка. Я знаю, что на неё можно воздействовать трансом, гипнозом, магическими ритуалами, но вот что волю может изменить какая-то цепочка силлогизмов или абстрактная идея — очень я сомневаюсь.

В этом пункте я с Вами согласен, думаю, и Шопенгауэр бы согласился. Спасение должно быть и будет актом воли. Силлогизмы и абстракции не способны, разумеется, подействовать на мир так, чтобы он мог спастись. Об этом нет и речи. Поймите меня правильно, то, что я пишу, только издержки моего производства. Ну, что-то вроде раскладывания пасьянса (занятие достаточно бессмысленное) для отдыха и развлечения. Я уже говорил и повторюсь, что писаниями своими не собираюсь проповедовать, просвещать или спасать. И

если просветить кого-нибудь они, может быть, и могут, то спасти уж точно не способны, хотя бы потому, что единоличное спасение невозможно. Я даже не понимаю, что это такое. Даже если все $6 \cdot 10^9$ человек одновременно достигнут состояния Будды и перейдут в нирвану, мир не приблизится к своему спасению ни на йоту. Это был бы просто некий частный эпизод из жизни мира, не больше. Что ж тогда мои каракули? Никакие раскрутки, никакие биллы гейтсы ничего не могут изменить в таком положении вещей. Вполне возможно, и очень вероятно, что и Вас я ни в чем не смогу убедить. Это нормально для этого мира и тех ситуаций, что в нем в основном существуют.

У Ницше, у Шопенгауэра подобный диктат разума над волей окончился дурдомом.

Буду возражать. Оба мыслителя волюнтаристы — это написано везде. Шопенгауэр был всегда совершенно нормален, но отличался скверным характером. Умер он в своей постели в здравом уме и твердой памяти. Сам он считал, что с возрастом интеллект слабеет (трудно с ним не согласиться), и потому собирался в старости ничего не писать, «чтобы хилыми детьми старости не нанести ущерб славе отца».

Ницше до рокового удара был нормален. Последующая молва приписала ему и безумие, и сифилис, которых у него не было в момент создания знаменитых книг, а сифилиса, видимо, вообще, никогда. Ницше и в жизни, и в творениях своих очень странен, абсурден, нелогичен. Какой уж там диктат разума? Это у Гегеля, скорее, диктат разума, но он умер от холеры.

Про Шопенгауэра и Ницше Вы говорите так убеждённо, не знаю, что и сказать. В советское время я сдал университетский курс философии на «отлично» — понимаю, по большому счёту это не говорит почти ни о чём, однако... пусть будет по-Вашему. Про сифилис, и правда, мог выдумать кто-нибудь вроде Томаса Манна. Вообще, конечно, это крайне дурная и очень раздражающая меня «филистерская» тенденция западных профессоров всех духовно отклоняющихся пытаться объяснять отклонениями физическими — мне кажется, таким способом они стремятся утвердить своё посредственное «я». Но вот насчёт Ницше. Его отношение к Заратустре и — особенно - «Антихристианин» («Антихрист»), как он упорно пытается встать над 3-4 «банальными идейками» Христа — разве он сам, как профессор, не предвосхищает здесь профессоров последующих? Дело Христа есть дело Воли (намерения); Ницше пытается охватить это Дело рассудком. Каждый из нас в какой-то мере локальный христос... потому я сужу так о Ницше. Гегель просто болтун. Пустобрех. Наши с Вами различия, мне кажется, проступают в другом. Вы всё время загребаете в общее, в философское; я же клоню в единичное, в психологическое. Единица, Монада - я пытаюсь ухватить её душу. И дух.

Потому, на мой взгляд, спасение начинается с проникновения в душу, с распознания и отделения «овец от козлищ». И когда говорят «красота спасёт мир» — это не пустые слова. Красота, эстетическое переживание как раз способно воздействовать на глубинные слои сознания — и от этого происходят волевые подвижки, такое бывает. А чтобы от логики, от голых идей — я не слышал. Болтать можно всё что угодно. Но у сердца свои доводы, не всегда

доступные разуму, — это ещё Паскаль сказал. А когда слова совпадают с волей… это было у Будды, у Христа — такие слова настоящие, они способны преобразовать. И, по-моему, это — единственный путь, к подобным словам, к единству воли и разума, к целостности. Это и есть спасение.

То, о чем Вы говорите хорошие, конечно, вещи, но не спасение. Локальное, если хотите, спасение, но по большому счету не спасение.

А какое ещё? По Фёдорову? Механическое? Техническое? Прививки бессмертия делать? А как же воля к смерти? А сопутствующие биологические проблемы? Помнится, у Лема была хорошая фантастическая повесть на эту тему, он называл это «бетризацией». Миллионы людей кончают самоубийством — попробуйте остановить хотя бы одного, попробуйте добраться до его сердца и утвердить там «спасение». Нужно сначала знать каждого, все шесть миллиардов или сколько их там, читать каждого как по бумажке, видеть насквозь.

Вот, видите как плохо Вы меня читали. Никого остановить невозможно, да и не надо. Каждый отрабатывает свою судьбу. Смерти нет, воля к смерти — может быть бунтом против лжи, зла и несправедливости жизни. Самоубийство, конечно, ошибка, но, зачастую, неизбежная. Мир наполнен злом и страданиями и чем выше уровень развития живого существа, тем более он способен непосредственно воспринимать чужие страдания, как свои. Главный постулат буддизма — сострадание.

Бодхисаттвы дают обет сострадать живым существам до конца и не уходить в нирвану, пока не спасутся все.

Видите Вы насквозь, скажем, Гитлера, Иуду Искариота, Торквемаду, Кафку, Буша, шахида, соседа, да собственную жену, наконец?

Да, вижу. Это не так и сложно (мне, во всяком случае), потому что это, в сущности, тоже я (Ваш вопрос показал мне, о чем я никогда не задумывался, что о каждом из них я мог бы написать роман.). Видеть не сложно, а вот созерцать бывает очень тяжко. Потому-то я и хочу «спасения» больше всего на свете.

Если правда Вы видите... Господи, может быть, так бывает... очень грустно было бы разочароваться. Вы говорите, что можете о каждом из них написать по роману... я тоже так думал и пробовал, и даже кое-что написал... Но теперь... Если Вы только на том этапе, который мной уже пройден, тогда всё понятно... Но если Вы преодолели, двинулись дальше, почему я так слеп и не могу уловить своего??? Вот если б Вы написали стихотворение, миниатюру, рассказ, чтоб задействовать другие области психики — этот язык мне был бы ближе.

Не пошлют они Вас на три буквы с Вашим «спасением»?

Не пошлют, потому что они хотят его не меньше, чем я, только называют это для себя по-другому. И, если по ошибке и пошлют, я не обижусь именно потому, что я их очень хорошо знаю и понимаю.

Что тогда… Нет, по-прежнему не понимаю. Наверное, Вам надо воздействовать на мою волю… убедите хотя бы меня для начала, что я нуждаюсь в таком-то конкретном спасении, чтоб моя воля была согласна, чтоб появилось намерение — поверьте я не самый тяжёлый реципиент...

Обязательно постараюсь подействовать, но меньше всего через убеждение, Вы и сами знаете, что это ложный путь. Воля же Ваша давно согласна, но, может быть, просто не может пока себе это уяснить.

Я обошёл Вас по кругу. Вы как монумент (один такой как раз снесли в Басре, смотрел по Евроньюс). Страдание Ваше не очень внушает доверие. Вот Вы сидите, скажем, за столом, а по столу вдруг таракан пробежал. Ваши действия инстинктивны: хлоп — и всмятку. А в это время другой хитрован-таракаша выглядывает из щели под потолком и думает: Жизнь есть страдание. К сожалению, его страдание из другой системы координат. Ваше страдание — из Вашей системы координат. А если отбросить все эти сетки, если и вправду на Марс на велосипеде, да ещё и задом наперёд?.. куда деть Вашу сеть, запутаетесь. Неудавшиеся поэты уходят в философию как в монастырь — это Гёльдерлин так сказал, ещё один безумец, которого Ницше посмертно переквалифицировал в гении (одно из немногих его добрых дел). Так что, Вы вроде как монах, да ещё и постмодернист: всё перечитали, всё продумали да ещё и памятник воздвигли. Но вот скучно Вам со всем этим, мучительно скучно. Будьте здоровы.

Попробую подытожить. Мир пластичен, он как пластилин, если есть Воля. Если вы сумеете убедить мир,

что он нуждается в спасении и может быть спасён — он будет спасён. Если убедить человека, что он нуждается в спасении и может быть спасён, если он в это глубинно поверит — он уже спасён, поскольку вера (воля) способна двигать горы. Вот Вы и действуете в этом направлении. Вы написали трактат, в котором пытаетесь убедить мир, что он может быть спасён. Тут ничего спорного нет. Если Вы сумеете заставить мир поверить — мир будет спасён. Но вот как Вы заставите?! Если даже вдруг сам Джордж Сорос обратит внимание на Ваши трактаты и начнёт мощнейшую многомиллиардную раскрутку — всё равно ничего принципиально не изменится.

Я знаю лучший и действительно эффективный способ. Убедить никого не надеюсь, кроме единиц, да это и не требуется. Писал же не преследуя никаких сверхцелей, я, знаете ли, пессимист. Однако, уверен, что одну и самую главную гору воля сдвинуть сможет.

Философы 20 в. пришли в конце концов к мнению, что истина плюралистична. У мира нет единой истины — и нет единой воли. То есть, у мира нет воли к спасению. Надо изменить его волю, создать намерение, чтобы он спасся. Для этого нужно иное воздействие, не логическое, не рассудочное. Вы, кажется, надеетесь на некоего Deus ex machina — Он это сделает, Который придёт. В том то и дело, что Он придёт лишь тогда, когда будет Воля, чтоб Он пришёл. Не наоборот! Потому нужно отбросить амбиции и начинать с малого. Индивидуальный подход. Локальный христос, локальный будда. Начинать с малого. По крупице, по капле, которая точит камень. С одного конкретного человека. Убедить одного, другого, третьего — тогда эти

трое убедят ещё девять, те девять — ещё 81, а дальше как снежный ком.

Из всего я бы признал 5%, остальное опробывается уже целую вечность, а результата нет и не будет, как это ни печально. И я знаю почему, и даже немного написал об этом.

Результат... Какой результат... как у спортсменов? Движение — всё; конечная цель — ничто. Этот ревизионистский лозунг Бернштейна ведь базируется на древнем как мир убеждении: если думаешь, что нашёл, то уже потерял.

А вот как быть с воробьями, птицами Афродиты, и прочими тварями божьими — я до сих пор не понимаю.

Все существа нуждаются в спасении и достойны его. Страдания людей оправдывают тем, что они якобы страдают за грехи (что, конечно, ложно), но за что страдают невинные?

«Вина, невинные...» Вы так резко отозвались о Камю, но это же их боль, их болото. Как раз их. «Вина», «страдание»... что есть страдание? Только слово, как и «вина».

Потому и предлагаю Вам отработать индивидуальный подход на мне. Мне близка эта тема. Я сам за неё сражаюсь, как до меня уже делали многие. По мере сил и способностей. И вспоминается цель Достоевского: если сможешь воздействовать хотя бы на одну душу — не говори, что прожил жизнь напрасно.

Наверное я этим и занимаюсь сейчас и, к сожалению, видимо, вопреки собственным убеждениям :o(. Серьезно же скажу так: убеждать мне Вас не надо, Вы идете своим и потому правильным путем. Объективно весь мир трудится на спасение, приближая его своими страданиями. Почему-то вспомнились слова Христа, сказанные ученикам: «Ищите царства Божия и правды его, а остальное все приложится вам». Наверное, он прав.

10.04.2003 КОНЧЕЕВ

Вообще, конечно, это крайне дурная и очень раздражающая меня «филистерская» тенденция западных профессоров всех духовно отклоняющихся пытаться объяснять отклонениями физическими — мне кажется, таким способом они стремятся утвердить своё посредственное «я».

Это — разновидность зла. Действия посредственностей, собственно, вполне инстинктивны. Оправдывают же они себя рационализациями, лежащими на поверхности.

Но вот насчёт Ницше… разве он сам, как профессор, не предвосхищает здесь профессоров последующих? … Гегель просто болтун. Пустобрех.

Что касается филистерства профессоров и Гегеля, то не могу не согласиться. Но, мало ли кто чего не высказывает? Ницше же не могу считать профессором. Да, и, вообще, это отдельная и сложная тема.

Вы всё время загребаете в общее, в философское; я же клоню в единичное, в психологическое. Единица, Монада — я пытаюсь ухватить её душу. И дух.

Все верно. Я с единичным закончил, теперь занимаюсь всеобщим.

Если правда Вы видите... Господи, может быть, так бывает... очень грустно было бы разочароваться. Вы говорите, что можете о каждом из них написать по роману... я тоже так думал и пробовал, и даже кое-что написал... Но теперь... Если Вы только на том этапе, который мной уже пройден, тогда всё понятно... Но если Вы преодолели, двинулись дальше, почему я так слеп и не могу уловить своего??? Вот если б Вы написали стихотворение, миниатюру, рассказ, чтоб задействовать другие области психики — этот язык мне был бы ближе.

Разочароваться Вам вряд ли придется, потому что я совсем не собираюсь ничего такого писать. Я чувствую, что они есть во мне, чувствую, как, едва я направлю в их сторону мысль, они рвутся воплотиться в художественной форме. Зачем мне их выпускать? К тому же само писание есть довольно изнурительный труд, который можно предпринимать, только будучи чем-то веско промотивированным. У меня же таких мотивов практически нет. И, главное, отсутствует любовь к писанию как таковому. Если бы то, что я знаю в себе, каким-то чудом появилось, хотя бы и плохонько изложенным, в виде вот этих значков, я бы может быть и не оставил их на произвол судьбы, вложил бы труд. Так же, увы, все останется невоплощенным. Впрочем, я об этом отнюдь не горюю, ведь в основе всего, в начале начал, уже и так все существует и лучше, чем кто бы то ни было когда бы то ни было мог бы создать.

Я обошёл Вас по кругу. Вы как монумент (один такой как раз снесли в Басре, смотрел по Евроньюс). Страдание Ваше не очень внушает доверие. Вот Вы сидите, скажем, за столом, а по столу вдруг таракан пробежал. Ваши действия инстинктивны: хлоп — и всмятку. А в это время другой хитрован-таракаша выглядывает из щели под потолком и думает: Жизнь есть страдание. К сожалению, его страдание из другой системы координат. Ваше страдание — из Вашей системы координат. А если отбросить все эти сетки, если и вправду на Марс на велосипеде, да ещё и задом наперёд?.. куда деть Вашу сеть, запутаетесь.

Совсем не запутаюсь. Возьмем Ваш пример с тараканом. Я инстинктивно не действую, я действую сознательно, если я не хочу общаться с тараканами (А. С. Шлёнский утверждает (СИ «Записки полуэмигранта»), что в Канаде с тараканами вообще не борются, считая их безобидными домашними животными.), то я им и сообщаю об этом тем, что каким-то образом их уничтожаю (Хотя по их примитивности это самый понятный для них язык, но есть и другие методы. Можно, скажем, войти в их эйдос, если, конечно, есть соответствующее умение, и договориться с ним.). Причем, я лично делаю это максимально безболезненно для них. Если какой-то таракан решит, что жизнь зло, то будет прав. В этом отношении его и мои координаты совпадают, да и всех остальных тоже (попробуйте представить себе жизнь без зла и страданий). Конечно, когда мы абстрагируемся от конкретных обстоятельств, мы видим разнообразные координаты разнообразных индивидуумов, в

которых в частном срезе присутствует вся палитра — от ада до рая — разнообразных переживаний. Сам-то по себе мир ни добр, ни зол, но само наличие зла (когда бы то ни было и где бы то ни было) решает вопрос — бытие есть то, что должно быть преодолено. Vale!

P. S. Почему я монумент и что за дзеновская езда на Марс на велосипеде и задом наперед я, признаюсь, понять затруднился.

Так что, Вы вроде как монах, да ещё и постмодернист: всё перечитали, всё продумали да ещё и памятник воздвигли. Но вот скучно Вам со всем этим, мучительно скучно.

Боюсь, это Вам скучно при чтении меня. Это не страшно и нормально. Мне же скучно не бывает, горестно, печально бывает, отрешенно тоже. По всякому бывает, скучно — нет.

Но если Вы преодолели, двинулись дальше, почему я так слеп и не могу уловить своего??? Вот если б Вы написали стихотворение, миниатюру, рассказ, чтоб задействовать другие области психики — этот язык мне был бы ближе.

Всему свое время, простите за банальность. Я же не пишу, во-первых, потому что ой как много и хорошо написано до меня, и, во-вторых, потому, что это потребовало бы от меня ту энергию, которую мне сейчас необходимо использовать в других областях. Да, и, как я уже говорил, проповедями и пропагандой заниматься я считаю бессмысленным.

13.04.2003 СТРАНИЦИН

Хорошо, попробую другой пример, а то с эйдосами тараканов Вы ставите меня в тупик. Вот мистический опыт, глобальный взгляд. Скажем, саванна. Лев гонится за антилопой. Если лев догонит, то антилопа погибнет, а он будет жить. Если лев не догонит, то погибнет (от голода) он. Люди могут становиться на позицию охотника или жертвы и соответственно сопереживать. Но Тот, Кто смотрит (сверху?) — Он ни на чьей позиции, он просто любуется Танцем Силы, все эти погони, убийства — лишь пируэты и па Великого Танца. Вы как будто хотите остановить. Договориться льву и антилопе? Или пример микрокосма. Человеческий организм состоит из клеток. Есть нормальные, есть клетки-охранники, а есть — раковые, каждый день их образуется что-то около 25 тыс. Но охранники всех их распознают и беспощадно уничтожают. Но если однажды какую пропустят — каюк. Дадим слово клеткам. У каждой группы свой ракурс. Раковые конечно будут орать о страдании, защитники — о борьбе; нормальные, наверное будут искать согласия. Но это всё ракурсы, ограниченные системы координат, глобальный же взгляд подразумевает целое, всё вместе, ансамбль взаимоисключающих противоположностей. Вы вроде бы всех хотите спасать: и раковых, и защитников, и львов, и антилоп… Что же будет за ад!Что будет с человеком, с целым, что будет с саванной? Исчезнет красота, исчезнет гармония, а счастье… оно уже исчезло — и вот это как раз и нужно людям в первую очередь, счастье — но это больше вопрос психологии, души — а Вы на ментальном плане… есть у Вас вообще эмоции?.. Вам

никогда не приходило в голову, что большинство захочет повеситься на третий день после «спасения»…

15.04.2003 КОНЧЕЕВ

Лев гонится за антилопой. Если лев догонит, то антилопа погибнет, а он будет жить. Если лев не догонит, то погибнет (от голода) он. Люди могут становиться на позицию охотника или жертвы и соответственно сопереживать. Но Тот, Кто смотрит (сверху?) — Он ни на чьей позиции, он просто любуется Танцем Силы, все эти погони, убийства — лишь пируэты и па Великого Танца.

Человеческий организм состоит из клеток. Есть нормальные, есть клетки-охранники, а есть — раковые, каждый день их образуется что-то около 25 тыс. Но охранники всех их распознают и беспощадно уничтожают. Но если однажды какую пропустят — каюк. Дадим слово клеткам. У каждой группы свой ракурс. Раковые конечно будут орать о страдании, защитники — о борьбе; нормальные, наверное будут искать согласия. Но это всё ракурсы, ограниченные системы координат, глобальный же взгляд подразумевает целое, всё вместе, ансамбль взаимоисключающих противоположностей.

То о чем Вы говорите, марксисты называли «единством и борьбой противоположностей». Все правильно, мир так и устроен, без добра нет зла, без правого нет левого. Тот же, Кто смотрит со стороны, а, собственно, и организует все это движение, любоваться им не может, потому что ничем не отличается от процессора в компьютере. Это мы, когда

антропоморфизируем его деятельность, можем говорить о Танце Силы или Великом Танце, а он просто перебирает нули и единицы. Это совсем не бог, не Брахман, не Первоначало, а вполне промежуточная инстанция, чисто техническая, хоть и именуется громко то Бог-Отец, то Иегова, то Демиург, то Ишвара. Я называю эту инстанцию — регулятивный принцип. Материализм прямо приводит к понятию относительности морали, а, значит относительности и добра, и зла. Это имманентный взгляд на вещи, взгляд изнутри. Чтобы судить о замкнутой системе в целом необходимо находиться вне этой системы. Материализм, реализм, позитивизм, даже объективный идеализм — системы в принципе не допускающие никакого выхода за пределы замкнутой системы, каковой представляется им все наличное бытие. Религии толкуют о вере именно потому, что ясно видят — за пределы замкнутой системы знание выйти не может. И потому же религии, вера, серьезными мыслителями считаются некорректными. Я же утверждаю, что выход за пределы указанной замкнутой системы имеется. Это мистическое постижение. Я это утверждаю, но это не мое открытие, а очень древнее и делается каждым серьезным мистиком самостоятельно и каждый раз заново. Постижение это возможно потому, что каждый мистик, как, впрочем, и не мистик, сам в принципе является той точкой из которой он может смотреть на наше относительное бытие из вне. «Я есть истинный, мое Я — Бог» — воскликнул Холладж, за что и был убит. Ангелуз Силезус: «Чтобы постичь истинный свет надо самому стать истинным светом». И так далее. Примеров не счесть. Помимо чисто мистических прозрений, есть и теоретические намеки на возможность такого выхода за

пределы имманентности. Именно на это я намекаю в статье «Солипсизм». Этой же проблемы касается, опубликованная мной глава из трудов Шопенгауэра «К основному идеалистическому воззрению». Выйдя же за пределы можно увидеть, что реальность не такова, какой представляется большинству и изнутри. Внутренняя сущность мира совпадает с экзистенциональной сущностью любого живого индивида и ничем не напоминаем инертных кирпичиков, из которых якобы состоит материальный мир. Воистину, материальный мир — просто большая иллюзия. Так это видится и понимается в мистическом постижении. В веданте и йоге это состояние называется турия, у Кастанеды — нагваль. Некоторые мистики приписывают Первоначалу то самое безразличие к добру и злу, что присуще материи, но это не верно. Наоборот, то, что относительно в материи в экзистенции онтологично. Потому я и утверждаю, что Первосущность страдает (нечто сходное можно найти у Аристотеля, об этом я пишу в «Великом Делании»). Теоретически у каждого из нас есть выход на Начало Начал, потому что каждый из нас, в каком-то смысле и есть Начало Начал. Реально же достичь просветления, прозрения можно только пройдя долгий путь, зачастую весьма тяжкий путь. Так что, что касается зла, то правы все. И раковые клетки правы, и антилопа, возмущенная своими болью, страданиями и смертью, и лев прав, потому что выполняет закон, данный ему из вне. Частная интерпретация зла как чего-то прекрасного, изящного, увлекательного не есть довод в его пользу. Чикотило наверняка представлял себя тоже каким-нибудь великим воином или суперсамцом, охотящимся на нежную женскую плоть. Эстетизировал, без сомнения, свои изуверства под

какой-нибудь Танец Силы. В отличие от Советского суда я обвиняю не Чикотило, а само бытие.

Вы как будто хотите остановить.

Хочу.

Что же будет за ад! Исчезнет красота, исчезнет гармония.

Ад — это наше бытие сейчас как целое. Отдельные счастливые моменты у отдельных людей сути дела не меняют. Я здесь единомышленник Достоевского. Одна слеза решает дело, я бескомромиссен. Красота же и гармония в нашем мира только отголосок того, чем это должно быть, только намек. Где Вы их видели без ущерба? Мы все вернемся к ним воистину только после завершения мирового процесса.

есть у Вас вообще эмоции?..

Эмоции у меня есть и довольно интенсивные. Может, я ответил на риторический вопрос?

Вам никогда не приходило в голову, что большинство захочет повеситься на третий день после «спасения»…

Не приходило. После спасения не будет дней, не будет голов (чтобы за них вешаться), не будет конкретных желаний, вообще не будет ничего, кроме бога, единого в вечности (вот когда только осуществится

«сат», «чит», «ананда»), которая больше никогда не станет временем.

20.04.2003 СТРАНИЦИН

Хорошо. Опять Вы ушли в общее. Попробуем вернуться к конкретному с другой стороны. Подобное видит подобное. Подобное защищает подобное. Вы защищаете Сорокина, защищаете Зорина. Поскольку Зорин наш коллега, то можно, наверное, поговорить о нём. Ведь он как бы Ваша эстетическая экстраполяция; наверное, если бы Вы писали художественную прозу, то писали бы именно так.

Итак, посмотрите комментарии на Зорина. (*Речь зашла о Иване Васильевиче Зорине, потому что в его разделе я высказал свое мнение о самом Зорине и о комментариях Страницына, резко критических, в отличии от всех прочих. Кончеев.*) Стоит кому-то его задеть, как он становится в позу обиженной барышни: «Ах, оставьте.. У меня 200 рассказов. Не нравится этот — выбросите его, читайте другие». Помнится, Вы подписались под ницшевским критерием «пишется кровью». Можно ли отнести этот критерий к Зорину? У него, получается, 200 стаканов крови, льёт он свою кровушку налево и направо, ничуть не переживая — короче, заслуженный донор республики, а не писатель. Я серьёзно. Есть ещё один критерий — ответственность. Наверняка вы замечали, что слово имеет свою подоплёку, своё как бы подсознание. Одно и то же слово, сказанное разными людьми, воспринимается по-разному. И дело здесь не только в субъективном восприятии говорящего. Можно просто слово услышать, почувствовать и т. д. Любому писателю

это знакомо, все эти люди весьма суеверны в этом отношении. То есть, скажем, по молодости, говоришь ты красивости, что поэт — это тот, кто бьётся лбом о бетонную стену, — говоришь так и сам внутренне стыдишься, сам себе как бы не веришь… Но проходит лет пять, ты однажды несёшься с рукописью в редакцию, под ноги не смотришь, радостный — и вдруг бац! — откуда только взялась на пути бетонная балка, у тебя сотрясение мозга, больница, рукопись развеяна ветром по улице… Это всё серьёзно. Мой друг (писатель) умер от шаманской болезни. Мои друзья (поэты) по очереди сидят в дурдоме — и многим, кстати, я это предсказывал заранее на основе их творчества. Ведь, скажем, истинное стихотворение можно рассматривать как сновидение наяву, при небольшом опыте легко отыскать следы бессознательного и подсознательного — и тем самым понять степень ответственности. Человек просто треплется, если говорит лишь рациональная часть его личности. Но человек «отвечает за базар», если слово его есть компромисс, резолюция целостного обсуждения внутри его СО-знания. Это же притча во языцех, как великие поэты, к примеру, заранее описывали свою смерть. Они просто отвечали за слова, их слова были целостны! Так вот, Зорин «за базар», на мой взгляд, не отвечает. А вот Ницше, Шопенгауер, Кьеркегор, Рильке — отвечали. В советское время я покупал Ницше в антиквариате за бешеные деньги. Он тоже мой кумир, но бывший. Это Матросов… Помните подвиг Матросова?.. Голой грудью на амбразуру. Подвиг, да, плюс отличная пропаганда, но если так всем воевать?.. Мои друзья-поэты искренне убеждены, что настоящий поэт просто обязан «отметиться» в дурке. Как Ницше, как Кьеркегор, как… Ложный путь! В никуда! Дезертирство по гамбургскому счёту. Ницше с компанией

пытались интеллектом штурмовать интеллигибельное — вот и погибли матросовы… Человек приходит сюда не извне и не по чужой «цифровой» воле. Вы проболтались. Что такое Дар! Что такое талант? Мера веса. 26 кило и 200 граммов за плечами. Талант — это ответственный приход. Подставить плечо Богу. Разделить Дар этого мира. Соучаствовать. Не знаю, как ещё это объяснить.. Вы опять собьёте всех в одну кучу, Силезиуса, веданту и Кастанеду… а у меня есть конкретное, есть безвылазные друзья в психушке, есть… не могу сказать всего, нельзя, суеверие… Ваши слова кажутся мне ментальным самовнушением. Потому так всё складно. Как дважды два. После месячной дискуссии мы опять возвращаемся на круги своя. А что касается Достоевского… перечитайте его легенду о великом инквизиторе. Разве Вы не на пути инквизитора? Я с другой стороны. И если Ваша треклятая цифровая истина будет против Христа, я (как и ФМ) останусь с Христом, а не с истиной. По своей воле, согласно дара…

Будьте здоровы.

P.S. Насчёт Чикатилло. Вы говорили, что познали всех существ... видимо, в том числе, и его. Но Ваши предположения о его мотивациях меня не убеждают. Насколько я слышал и видел (по телевизору), он оперировал некоторыми почти Вашими понятиями, примерно так: мир есть по преимуществу зло, в которое человек заброшен не по своей воле; обычный человек сам не в состоянии спастись из этой юдоли, поскольку обычный человек слаб; особенно слаба женщина, которая слабее мужчины. Сильный (мужчина) может помочь слабой (женщине) и досрочно освободить её из этой юдоли, преодолеть злой мир, на что сама она никогда не способна.

Это тяжёлый, жестокий выбор (великое делание!), но кто-то должен этим заняться. Кто-то, чувствующий в себе силы и призвание освобождать досрочно, перенимая (собирая) злую тяжесть темницы на себя. Он «делатель», «спаситель». Воин (охотник) не лезет в чужие дела, а занимается своими!

27. Адвайтов Тимофей *2003/04/21 10:11*

Солипсизм — единственно близкое к истине философское направление.

Подробности излишни.

22.04.2003 КОНЧЕЕВ

Опять Вы ушли в общее.

Зрю в корень. :о

Помнится, Вы подписались под ницшевским критерием «пишется кровью». Можно ли отнести этот критерий к Зорину? У него, получается, 200 стаканов крови, льёт он свою кровушку налево и направо, ничуть не переживая — короче, заслуженный донор республики, а не писатель.

Пожалуй, я соглашусь с Зориным, что Вам его творчество почему-то не нравится. Это, конечно, Ваше право. Мне, наоборот, представляется, что он как раз таки переживает и сопереживает тому, что описывает. Да, и писатели разные бывают. Можно ведь и играть в холодность. Вот, критикам казалось, что Набоков держится только на холодном мастерстве. Чепуха. Я

вообще не верю в холодное мастерство, если писатель холоден, как рыба, то это неизбежно отразится в его творчестве. Видимо Вам не близок зоринский художественный метод, мне же, Вы правы, он родственен. Да, и дух, настрой сочувственен. Но диапазон у меня вообще широкий, потому я и Сорокина люблю, и Пелевина, и А. Кима, и Маркеса, и Лескова, и Чехова (он говорил, что надо браться за перо, будучи холодным, как лед — так он это видел), и Л. Толстого и кого только не люблю. Крови же в нашем мире льется достаточно, что ж ей не литься в творениях Зорина? Или я что-то не понял?

Есть ещё один критерий — ответственность. Наверняка вы замечали, что слово имеет свою подоплёку, своё как бы подсознание. Одно и то же слово, сказанное разными людьми, воспринимается по-разному. И дело здесь не только в субъективном восприятии говорящего. Можно просто слово услышать, почувствовать и т. д. Любому писателю это знакомо, все эти люди весьма суеверны в этом отношении. То есть, скажем, по молодости, говоришь ты красивости, что поэт — это тот, кто бьётся лбом о бетонную стену, — говоришь так и сам внутренне стыдишься, сам себе как бы не веришь… Но проходит лет пять, ты однажды несёшься с рукописью в редакцию, под ноги не смотришь, радостный — и вдруг бац! — откуда только взялась на пути бетонная балка, у тебя сотрясение мозга, больница, рукопись развеяна ветром по улице…

Забавный пример.

Это всё серьёзно. Мой друг (писатель) умер от шаманской болезни.

Видимо, попытался прыгнуть выше головы, а это чревато.

Мои друзья (поэты) по очереди сидят в дурдоме — и многим, кстати, я это предсказывал заранее на основе их творчества. Ведь, скажем, истинное стихотворение можно рассматривать как сновидение наяву, при небольшом опыте легко отыскать следы бессознательного и подсознательного — и тем самым понять степень ответственности.

Это уже другой вопрос. Не литературный, а магический и мистический. Пелевин в одном интервью признался, что уже после написания «Чапаева…», одна из описанных им сцен в больнице (постепенное обретение сознания в ванной) произошла с ним наяву после тяжелого несчастного случая. Пелевин теперь может и боится писать, но это чисто его проблема. О какой ответственности можно здесь говорить? Какой ответ «за базар»? Я считаю, что по большому счету в этом мире вообще никто ни в чем не виноват (разве что как по Шопенгауэру: виновны в том, что родились), все мы действуем так, как действуем, потому что нам так надо, хочется, потому что не можем так не действовать. Не думаю, что Ваши друзья мечтали сидеть в дурдоме, наколотые сульфазином и галоперидолом. Мнение же ваших друзей-поэтов, конечно, бравада или некий снобизм. Ничего не хочу сказать о них плохого, у меня самого такие друзья есть, а некоторые уже были. В конце концов жизнь не есть самоцель, хотя бы потому что все равно закончится, а вот поэтическое творчество и вообще творчество, я знаю, имеют и некий наджизненный,

высший смысл. Аполлон или Дионис призвал, изволь идти и выполнять. Так, что, может быть, это и не дезертирство, а совсем наоборот.

Ложный путь! В никуда!

Даже обыватель и филистер не движется в никуда. Своим прозябанием и духовной ограниченностью они создают возможность бытия Высших Адептов, творцов, гениев. Мысль, кстати, Пушкина из «Моцарта и Сальери». Гении же более непосредственно чувствуют зов и отвечают на него соответственно. Если же гибнут (а кто не гибнет?), то, видимо, не даром. Все не могут так воевать, так уж всё устроено, но если б стали, то уже дошли бы до конца, а не были бы там, где мы сейчас все пребываем.

Человек просто треплется, если говорит лишь рациональная часть его личности.

Каков критерий различающий и разделяющий рациональную и иррациональную части личности? И чем иррациональная лучше рациональной? У меня так и вообще никакого подсознания давно нет (кроме того содержания, которому там, и только там, и положено быть), я его вывел в сознание — сделал себя тем, что Хаббарт называет клир (clear).

Человек приходит сюда не извне и не по чужой «цифровой» воле. Вы проболтались.

Я действительно считаю Первоначало бессознательным (как воля у Шопенгауэра), а регулятивный принцип началом совершенно бездуховным (как, скажем, законы физики или химии). В «Великом Делании» я говорю об этом и обосновываю это неоднократно. Это мы все — духи. Тонкий план я ничем внешним не считаю, я и непроявленное бытие внешним не считаю — всё во мне, внутри, или, скажем, в нас. Все эти слова, конечно, достаточно условны. Я ни в чем не пробалтывался. Что на витрине, то и в магазине.

Подставить плечо Богу. Разделить Дар этого мира. Соучаствовать.

Бог не существует, к сожалению. Следственно, плечо подставлять некому. Мир наш — дар весьма сомнительный, только то и утешает, что его никто не дарил и не мог подарить. Если Вы в своих суждениях постоянно исходите из этих фикций, то ясно, что всё, что я говорю, кажется Вам дикостью. Что касается соучастия, то мы все и соучаствуем, соучаствуем в преступлении (преступлении против добра, гармонии, совершенства), которым является этот мир. Естественно, преступникам свойственно оправдывать себя и романтизировать свои деяния. «И не идут они к свету, что бы не обличились дела их, потому что они злы». Угадайте с трех раз, кто это сказал.

Вы опять собьёте всех в одну кучу, Силезиуса, веданту и Кастанеду…

Веданта и Кастанеда имеют много общего, это совсем не мной сказано. Я же их подвергаю жесткой критике за их теории спасения и освобождения. Назвать же эти учения суеверием я бы не решился. Да, что там! За исключением некоторых конечных выводов это — величайшие и мудрейшие учения и я преклоняюсь перед их создателями.

А что касается Достоевского… перечитайте его легенду о великом инквизиторе. Разве Вы не на пути инквизитора? Я с другой стороны. И если Ваша треклятая цифровая истина будет против Христа, я (как и ФМ) останусь с Христом, а не с истиной.

Насколько я помню, Великий Инквизитор, как апологет мудрости мира сего, не хотел никакого второго пришествия Христа, никаких Высших истин, просто потому что считал, что это может привести к гибели предпочтительного и самодостаточного, по его мнению, статус кво. Так, кто из нас на его пути? Достоевский с невиданной художественной силой показал, что теодицея невозможна, богу не отмыться от зла мира, но и стать примитивным атеистом, филистером, он был не способен. Он вынужден был выработать себе некий иррационалистический компромисс (слепая вера в абстрактного бога-Христа, чудесным образом разрешающем все противоречия), которого вместе с ним, очевидно, придерживаетесь и Вы, да и, собственно, пока весь мир, доросший до понимания этого вопроса. Для меня это — суеверие. (Перечитайте цитаты из Достоевского и Вересаева в «Великом Делании».)

Лихтенберг, кажется, сказал, что кто полюбит Христа больше истины, полюбит потом свою церковь больше Христа и кончит тем, что будет любить только себя самого. Вот, мир весь и любит себя и только себя. Я живу ради Истины, а не ради чего-либо иного, хотя бы и Христа. Кстати, истина моя прекрасна, потому что ведет она к истинному освобождению.

Ваши слова кажутся мне ментальным самовнушением.

Сомневаюсь, что мне кто-то и что-то может внушить, в том числе и я себе сам. Я годы и годы работал над освобождением себя от каких бы то ни было влияний. Я прошел через суровые испытания, я практически не имею обычных мотивов в этом мире, мне чужды тщеславие, честолюбие, корысть, плотские страсти. В конце концов, мне не так уж долго придется оставаться в этом теле. Зачем же мне себе что-то внушать?

После месячной дискуссии мы опять возвращаемся на круги своя.

По-моему, мы весьма удалились от начала.
Будьте здоровы

22.04.2003 КОНЧЕЕВ

29. Кончеев Александр Сергеевич *2003/04/22 00:42* [ответить]

27.Адвайтов Тимофей

Солипсизм — единственно близкое к истине философское направление.

Подробности излишни.

Приятно встретить единомышленника, их не так много как можно было бы ожидать. Спасибо за отклик. Прочтите (если не читали) в моем разделе Шопенгауэра.

3.05.2003 СТРАНИЦИН

Причём здесь «переживает и сопереживает»? Разве этого достаточно? Бабульки на посиделках тоже сопереживают друг дружке, охают да руками всплескивают. Только это всего лишь беседа. Поэты, писатели… их предками были шаманы, именно шаманская песнь дала начало литературе. Когда человек говорит, он в подавляющем большинстве случаев просто самоутверждается, экспансирует своё «я». И только когда в его речи появляется надчеловеческое, надличностное, т. е., говоря традиционно, когда снисходит на него вдохновение, когда посещает его Муза — вот тогда это творчество. Про Зорина я имел ввиду как раз это — ремесленный ментальный подход, конвейерная штамповка рассказов, которые все как один. Полное отсутствие вдохновения, «месиджа» — того, что способно проникнуть в душу к другому человеку. У него проникает только в ум. Потому что и следа нет Духа. Вот Вы говорите, что Бога нет. Может быть. Но Дух-то есть, я не верю, а знаю это. Дух есть. Есть его знаки, сигналы, приметы. Через настоящих писателей это всегда каким-то образом выходит наружу, чаще в виде неосознанной контрабанды, но выходит. У Зорина — нет. У Ницше, кстати, тоже в стихах не

выходило… Только «я» выходило. «Я горю, себя сжигая, ненасытный, словно пламя». У Лихтенберга тем более не выходило; его, вообще, как я полагал, забыли уже в любимом вашем 19 веке — оказывается, нет. Каковы Ваши кумиры, таковы, очевидно, и Вы. Вы уже проболтались «контрабандой». И теперь, как мне кажется, Вы даже не улавливаете, о чём речь. Это ведь не ментальные конструкции, на которых Вы собаку съели. Это — живое. «Изволь идти и выполнять». Что выполняет Зорин? Коллекционирует афоризмы житейской мудрости? Про друзей-поэтов и дурдом я упомянул вовсе не для того, чтоб пожалобиться… Может, Вы подскажете Слово для них… Я ведь, в отличие от Вас, не вывел наружу всё своё подсознание и до сих пор, как все уважаемые мною писатели, занимаюсь самовыслеживанием. Потому и надеялся, что, может, Вы объясните мне причины моей неприязни к Зорину — и я открою кое-что новое в себе, кое-что выведу «наружу». Но, видимо, это очень разные вещи, познать всех живых существ скопом и распознать одного конкретного человека. Как только доходит до конкретного, с Вами беседовать не о чем. Вы, похоже, прочли все книжки на свете, уже и Хаббарта упоминаете — осталось ли у Вас время для себя?..

Насчёт инквизитора. Вы ведь на позиции делания, я защищаю недеяние. Нехитрым манёвром Вы повернули к тому, что как раз инквизитор — недеяние… Ну да, вы ведь воспринимаете мир ментально, для Вас, как и для Зорина, похоже, существует только это полушарие. Кто что болтает — тот то и есть. На СИ, между прочим, некоторые товарищи утверждают, что они одновременно папа римский и Ясир Арафат. Может, и им поверим на слово? Я

же всё время веду речь о том, что не имеет никакого значения, о чём человек болтает, если это исходит только от его рассудка. Трёп — и всё. Инквизитор может болтать себе в оправдание всё что угодно, он же не отвечает за свои слова, потому это и не он говорит вовсе, а только малая его толика. А вот делает уже он. Сжигает, сажает в тюрьму, убивает. Или это, по-Вашему, недеяние, статус-кво? Забавно мыслите, парадоксально. Тогда и наш Чикатилло образчик недеяния. Тогда и цена видна всех ваших рассуждений. Бог, теодицея, Истина — это всё слова, и с ними Вам лучше к Зорину. Если Вы столького достигли, как утверждаете, зачем Вам вообще какие-то слова, сотрясение воздухлв?.. Что такое «мир — злой»? Злой относительно чего? Относительно Вашего рассудка? Ну да, рассудок — это ум тела, продолжение тела, он зависит от тела, ведь он меняется от того, что съел человек. Ему умирать, он боится. Но если Вы вправду бывали за пределами тела, «по ту сторону добра и зла», тогда, наверное, Вы должны понимать абсолютную относительность телесного. Дальше. И веды, и Кастанеда — это, действительно, настоящее, подлинное, цельное. Что проникает в сердце, что идёт от духа, не от бренного тела. Объяснили бы мне, неразумному, что идёт у Зорина от духа? Или что у вас самого?.. А то только «я» да «я». Ежели Бога нет, так нет и того начального Слова. Откуда тогда Вы выкопали Истину? Наверное, она может быть лишь бессловесной, несказанной, интеллигибельной — зачем Вы оправдываетесь передо мной, зачем что-то доказываете?.. Если есть у Вас Истина… получается, Вам её не хватает, что-то нужно ещё — от Зорина, от меня, от Лихтенберга и Шопенгауэра. Значит, истина Ваша только частичная или вовсе фиктивная. «Если думаешь, что нашёл свой путь, ты

его уже потерял». Думаю, как раз про Вас. «Не идут они к свету»… — говорите. Ну-ну. «Свет, который в себе, человек зажигает сам» — Гераклит. Понимаете, сам. Не Шопенгауэр, не Ницше, не Лихтенберг, не веды. Зажечь свет в себе, это, моими словами, подставить плечо Богу, принять Дар, отвечать. За гармонию в мире отвечает не Бог, а мы сами. Те, кто зажёг себе этот свет. Есть много избранных, но мало призванных. Мои друзья-поэты… они как самураи, как япошки, что прятались в джунглях сорок лет после войны. Они получили приказ. Вы теперь говорите, что тот генерал — «цифровой», ненастоящий; настоящий общается с Вами. Какая разница? Если человек воин, разве может он изменить присяге? «Спасение» — для обывателей, для мещан для филистеров. А для воина — долг. Каждому — своё. Jedem — das Seine. Astutus astu. Или что-то похожее…

Будьте здоровы.

14.05.2003 КОНЧЕЕВ

Про Зорина я имел ввиду как раз это — ремесленный ментальный подход, конвейерная штамповка рассказов, которые все как один. Полное отсутствие вдохновения, «месиджа» — того, что способно проникнуть в душу к другому человеку.

Переживания бабулек тоже не пустое дело. Я графомании у Зорина как-то не вижу. Да, и большинство его читателей тоже. Если он так пишет без вдохновения, то, что же будет, когда оно к нему придет? Мне так кажется, что он разнообразные души не плохо

показывает, а, что рассказы похожи, то, что за беда? Короче, о вкусах лучше не спорить.

Вот Вы говорите, что Бога нет. Может быть. Но Дух-то есть, я не верю, а знаю это. Дух есть. Есть его знаки, сигналы, приметы.

Дух, даже всеобщий дух, всё-таки не Бог. Вам же нужен Бог, я же вижу. Совершенно законное желание, мне Он тоже нужен. Знаки, сигналы, приметы подает Вам Ваше Сверх-Я. Оно совсем не Бог. Собственно, это только Ваша бета-версия :о)

И теперь, как мне кажется, Вы даже не улавливаете, о чём речь.

Мне кажется, что улавливаю.

Каковы Ваши кумиры, таковы, очевидно, и Вы.

Не думаю, что Вы хотели мне польстить, но выходит так.

Это ведь не ментальные конструкции, на которых Вы собаку съели. Это — живое. «Изволь идти и выполнять». Что выполняет Зорин?

Любой художник в конечном итоге работает на совершенствование и просветление души. Если он Вам не нравится, значит это не Ваше.

Я ведь, в отличие от Вас, не вывел наружу всё своё подсознание и до сих пор, как все уважаемые мною

писатели, занимаюсь самовыслеживанием. Потому и надеялся, что, может, Вы объясните мне причины моей неприязни к Зорину — и я открою кое-что новое в себе, кое-что выведу «наружу». Но, видимо, это очень разные вещи, познать всех живых существ скопом и распознать одного конкретного человека. Как только доходит до конкретного, с Вами беседовать не о чем. Вы, похоже, прочли все книжки на свете, уже и Хаббарта упоминаете — осталось ли у Вас время для себя?..

В свое время я занимался магией, целительством — решал конкретные проблемы. Сейчас я понял, что частные решения ничего не решают. Решать надо проблему мира и мирового зла. Я, собственно, отнюдь не первый, кто это понял. Как я ее решаю, Вы знаете. Я поделился с желающими результатами своих исследований. Призывать же я никого ни к чему не призываю. Каждый сам и так знает, что ему делать и как действовать. Мой же сталкинг уже закончен. Кстати, учение Хаббарда одно из самых значительных в современном мире. Не зря у всех филистеров сайентология — прямо-таки ругательство. Но работает он, как и все, не в глубь, а в ширь.

Я же всё время веду речь о том, что не имеет никакого значения, о чём человек болтает, если это исходит только от его рассудка. Трёп — и всё. Инквизитор может болтать себе в оправдание всё что угодно, он же не отвечает за свои слова, потому это и не он говорит вовсе, а только малая его толика. А вот делает уже он. Сжигает, сажает в тюрьму, убивает. Или это, по-Вашему, недеяние, статус-кво?

Это недеяние Великого Делания. Большинство мерзостей правителями делается для того, чтобы продлить, удержать свое правление, т. е. некое статус кво. Инквизитор действительно не хочет для себя перемен и потому ему не нужны никакие благие вести.

Насчёт Чикатилло. Вы говорили, что познали всех существ... видимо, в том числе, и его. Но Ваши предположения о его мотивациях меня не убеждают. Насколько я слышал и видел (по телевизору), он оперировал некоторыми почти Вашими понятиями, примерно так: мир есть по преимуществу зло, в которое человек заброшен не по своей воле; обычный человек сам не в состоянии спастись из этой юдоли, поскольку обычный человек слаб; особенно слаба женщина, которая слабее мужчины. Сильный (мужчина) может помочь слабой (женщине) и досрочно освободить её из этой юдоли, преодолеть злой мир, на что сама она никогда не способна. Это тяжёлый, жестокий выбор (великое делание!), но кто-то должен этим заняться. Кто-то, чувствующий в себе силы и призвание освобождать досрочно, перенимая (собирая) злую тяжесть темницы на себя. Он «делатель», «спаситель». Воин (охотник) не лезет в чужие дела, а занимается своими!

Да, это не случайное совпадение. Темный, видимо психически больной человек, таким образом интерпретирует свои инстинкты. Высшее в нем требует бороться с недолжным, и он по своей темноте освобождает женщин от жизни, а требуется-то освободить от зла и весь мир. Мои предположения на его счет (Чикотило наверняка представлял себя тоже каким-

нибудь великим воином или суперсамцом, охотящимся на нежную женскую плоть. Эстетизировал, без сомнения, свои изуверства под какой-нибудь Танец Силы.), как видите, подтверждаются, частности не важны. Понятно, что Чикатилло выродок, в прямом даже смысле. Но и он, пройдя соответствующий путь, может совершить Великое Делание, став Высшим Адептом. Сейчас его представления — бред, приведший его на эшафот. Станет совершеннее, станут совершеннее и представления. Великое Делание, спасение, не могут быть навязаны миру, людям, они будут ими с радостью обретены в конце времен, как потерянный рай.

Тогда и цена видна всех ваших рассуждений. Бог, теодицея, Истина — это всё слова, и с ними Вам лучше к Зорину. Если Вы столького достигли, как утверждаете, зачем Вам вообще какие-то слова, сотрясение воздухов?..

Да, в общем-то, ни к чему. Это я так развлекаюсь в свободное время. Бог, теодицея, Истина, конечно, слова. Но произносятся они не поэтому. Когда Эпиктета упрекали в болтливости, он говорил: «Разговор идет не о пустяках, а о том, быть безумным или нет». Я знаю, Вы-то так и считаете, отбрось ум, погрузись в неизреченное и все противоречия исчезнут. Блажен, кто верует. У меня так, чтобы не возвращаться не получается и, боюсь, вообще ни у кого и никогда не получалось, а на временные погружения в нирвану я не согласен. Почти что наркомания, сначала кайфуешь, а потом расплачиваешься и сурово.

Что такое «мир — злой»? Злой относительно чего? Относительно Вашего рассудка?

Если стать на точку зрения камня, то сразу окажешься «по ту сторону добра и зла». Это — абстракция. Стать на точку зрения не значит стать таким самому. Живое тем и отличается от мертвого, что способно страдать. Мир не злой. В нем обнаруживаются и добро, и зло. Но наличие зла решает вопрос. Мир существует не по благому и мудрому божественному соизволению, а, как бы, по недоразумению. Зло всегда существует относительно добра. Любить зло противоестественно, абсурдно, невозможно. Маниаки, садисты, сатанисты, все вообще злодеи, любят не зло, а причинение его другим (когда его причиняют им, это не очень-то им нравится) или свои на этот счет фантазии. Для них это не зло, но вообще зло. То, что причиняет страдание хоть кому-то — зло.

Но если Вы вправду бывали за пределами тела, «по ту сторону добра и зла», тогда, наверное, Вы должны понимать абсолютную относительность телесного.

За пределами тела совсем не значит «по ту сторону добра и зла». Там они так же реальны, как и здесь. Не могу согласиться с тем, что телесное «абсолютно» относительно. Оно относительно только в той степени, в какой весь мир относителен относительно Абсолюта. Дуализм добра и зла пронизывает все бытие, ни одно чувствующее существо от них не свободно. В тонких мирах формы могут быть очень изощренными, совершенно

неописуемыми, но суть не меняется: наслаждение, страдание, борьба, страх…

И веды, и Кастанеда — это, действительно, настоящее, подлинное, цельное. Что проникает в сердце, что идёт от духа, не от бренного тела. Объяснили бы мне, неразумному, что идёт у Зорина от духа? Или что у вас самого?.. А то только «я» да «я».

Общаюсь-то с Вами я, вот я и якаю. Мне представляется, что творчество Зорина исходит от его духа. То же и у меня. Вы описали графомана, говоря о Зорине. Мне, и не только мне, очевидно, что он не графоман. Почему Вы его так не любите, объяснить не могу, есть, видимо, что-то подспудное. Может, он в прошлой жизни Вам чем-нибудь насолил? Я вот Рерихов не люблю, хотя, казалось бы, вполне достойные люди, а Блаватская почему-то мне нравится.

Ежели Бога нет, так нет и того начального Слова. Откуда тогда Вы выкопали Истину?

«Если Бога нет, то какой же я тогда штабс-капитан?» Слово-то как раз есть. Схема (в самом общем виде) такая. Первоначало (бессознательное) — Слово (принцип) — Мир (дух, мировая душа, до времени не актуализированная) — Я (актуализировавшийся дух, монада). Материи нет, материя — понятие, существующее в духе. Все монады имеют представительство (единосущие на самом деле) в Первоначале. За счет этого возможны магические и мистические феномены (по большей части столь же

нелепые и никчемные как и весь мир). Тут-то и создается иллюзия существования Бога, якобы всем командующего и всем разумно управляющего. Малкут воображает, что стремится к Кетер, а нужно-то ему в Айн Соф Аур. Или другими словами, мир стремится выслужиться перед Богом, а требуется-то Великое Делание. Мир переполнен Истиной, он навязывает ее (и зачастую весьма сурово), и когда-нибудь то, для чего он это делает, свершится. Вот откуда я выкопал Истину. С равным правом можно сказать и то, что это она меня выкопала.

Зачем Вы оправдываетесь передо мной, зачем что-то доказываете?.. Если есть у Вас Истина… получается, Вам её не хватает, что-то нужно ещё — от Зорина, от меня, от Лихтенберга и Шопенгауэра.

Мы ведем с Вами дискуссию. Я не оправдываюсь (в чём?), а отвечаю на возражения и привожу доводы и соображения. Истина, конечно, хорошая штука, но для совершения Великого Делания ее не достаточно. Я работаю в этом направлении, отчасти и тем, что переписываюсь с Вами. В основном же общаюсь я с Вами и с выше Вами перечисленными людьми просто ради удовольствия, ничего другого, чего бы я и так уже не имел, Вы все дать мне уже не можете.

Значит, истина Ваша только частичная или вовсе фиктивная.

Проще всего просто отрицать то, что не достаточно понято.

«Если думаешь, что нашёл свой путь, ты его уже потерял». Думаю, как раз про Вас.

Нет, не про меня. Я не думаю, что нашел путь, а действительно его нашел, или, скажем так, я знаю и понимаю, что я делаю, зачем и как. Афоризм Ваш желает обличать необоснованную самонадеянность неофита, замешанную на тщеславии и глупости. Неявно в нем содержится утверждение, что путь-то собственно не важен (может его и вообще нет?), а важно что-то другое, якобы более высокое и существенное (интеллигибельное!), что открыто мудрому, и скрыто пока от глупого ученика. — Ваша задушевная идея. Я не неофит, не искатель истины и не ученик. То, что нашел, уже не потеряю.

Не Шопенгауэр, не Ницше, не Лихтенберг, не веды. Зажечь свет в себе, это, моими словами, подставить плечо Богу, принять Дар, отвечать.

Разумеется, постигает истину каждый для себя сам. Так ведь и веды и мудрецы всякие они ж не где-нибудь, а в «себе», т. е. во мне, и находятся. Может они и есть те самые знаки и символы? Ну, хоть не все, так некоторые. Зачем Богу — БОГУ! — плечо? Зачем мне «играть на его стороне», принимать его Дар, отвечать? Если Вы разделяете себя и Бога (я этого не делаю), то будьте тогда последовательны. Не может ему быть нужно ни Ваше плечо, ни Ваш ответ, ни даже соучастие, о дарах же его я и говорить не хочу. Не хочется оскорблять Ваши религиозные чувства, однако замечу, что представление о Боге, «Боге-живом», вера в Него, не вытекает из вашего

непосредственного знания духа, о котором Вы упоминали раньше, — это произвольная интерпретация этого знания, призванная, в сущности, выдать желаемое (очень желаемое!) за действительное. Будь такой Бог реален, существуй Он, было бы расчудесно, в особенности, когда Он оценил бы плечо, незарытый в землю талант, «соучастие» и распространил бы в благодарность за самоотверженность и безупречно выполненный долг свои собственные гармонию и блаженство (a priori ему приписываемые) еще и на весь мир, на всех своих несчастных созданий. Вы верите, что Он есть, а я нет. Чем внимательнее я смотрю на мир, тем меньше я понимаю, как можно верить, что он создан и управляем Богом. Уж, скорее, дьяволом (у Бёме, Мамлеева это довольно стройно обосновано). Вы полагаете, что мой рассудок, ум, тело, пища даже, которая его поддерживает, внушают мне ложную, совершенно неплодотворную идею о царствующем в мире зле. Такой я вот слепец, ни пути не вижу, ни Бога. Ну, а Ваши глаза где? «И если это божья длань — Кровавая дорога — Мой дух пойдет и с Ним на брань, Восстанет и на Бога». Так поставила вопрос З. Гиппиус, я, хотя и сочувствую ей, вижу все так, что восставать и не против кого, Бог — эта самая знаменитая фикция — просто не существует.

Мои друзья-поэты… они как самураи, как япошки, что прятались в джунглях сорок лет после войны. Они получили приказ. Вы теперь говорите, что тот генерал — «цифровой», ненастоящий; настоящий общается с Вами.

Да нет, со всеми и настоящий общается. И цифровой настоящий, только он не Верховный

Главнокомандующий, а ВРИО. Настоящий вроде как болен, а мы все работаем на его выздоровление. Если объяснять на пальцах. Так что Вы напрасно за него и своих друзей обижаетесь. Их скорбный труд не пропадает.

«Спасение» ─ для обывателей, для мещан для филистеров. А для воина — долг.

Ну, назовите не спасение, а победа в бою. Суть не изменится.

8.06.2003 СТРАНИЦИН

Здравствуйте. Прочёл, наконец, до конца ваше «Делание» и могу теперь высказать более-менее убеждённо свои соображения.

Общее впечатление таково, что, во-первых, автор не слишком уверен в себе. Чересчур много разномастных цитат отовсюду, причём весьма часто не из самых серьёзных источников. То есть цитирование на любительском уровне, работа, естественно, не научная. Во-вторых, автор проявляет слабое знание психологии, точнее, вообще не принимает её в расчёт. Просвечивает ущербная духовная позиция, слабость духа. Это хорошо видно на примере эссе о Борхесе, в отношении к индейскому жрецу (если бы мог, то, конечно бы, сделал бы, как и любой прочий:) Это как старик Фрейд, имея собственный невроз, превратил в невротика весь мир. Так и Вы, не будучи способным обуздать своё эго ничтоже сумняшеся полагаете, что каждый человек таков. Ну-ну: В-третьих, тон работы вызывающий, она утверждает, что до Вас буквально

все, даже самые высшие духовные авторитеты в конечном счёте ошибались. И только Вы: Короче, высшая Истина Мироздания оказалась доступной только Вам. Но чем Вы обосновываете свою «истину»? Только намёками на личный мистический опыт: я, мол, видел, знаю, вывел, помню. Однако, как говорят, что любовь и кашель не скроешь, точно так же можно сказать, что и личный мистический опыт не скроешь. Человек преображается от а до я, и слова его преображаются. И это нетрудно заметить. Всегда. Но только не у Вас. Вам так тщательно удаётся скрыть любые малейшие следы личного опыта, что я, право, в замешательстве. Кто-то из нас кого-то дурачит. Опять же, чем больше у человека своего опыта, тем меньше он лезет в чужой, потому что становится самодостаточным. Поскольку Вы повсюду лезете в чужой, ещё одно подтверждение в мою копилку. Да Вы и сами проговариваетесь на примере Ангелуса Силезиуса, что, по-Вашему, можно быть мистиком и не имея личного мистического опыта. Ну-ну, как научиться плавать посреди безводной пустыни: Нет, мистикой и психологией я бы советовал Вам всерьёз подзаняться. А то вот Вы похвалились, что вывели наружу всё своё подсознание — а подсознание есть у всего, и у текста тоже. У Вашего — точно есть. Оно явственно и проявилось в многочисленных разрывах слов, и эти разрывы нетрудно истрактовать при помощи психоаналитических методов как серьёзные свидетельства Ваших внутренних противоречий, подвергающих серьёзнейшему сомнению всё Вами сказанное. Возразите, что это компьютер, нестыковка вордов и хэтэмээлов, у всех так бывает. Ну да, почти у всех. Но из них Высший Адепт только Вы — и где же Ваша

безупречность?! Если она рассыпалась на такой мелочи, как же вам совершить Великое Делание? Языком?

Дальше. Главное, от чего Вы отталкиваетесь, это утверждение, что мир есть страдание. Опять же Вы смешиваете высокое и низкое, понятие философское (не говорю уже о мистическом, это не Ваше) и понятие филистерское. Поясню. Вот Сократ как раз упоминает в беседе с Теэтетом (у Платона, конечно), что есть два движения: одно движется, другое страдает. Луч света движется и попадает в наш глаз. Наш глаз страдает, т. е. воспринимает воздействие и, тем самым, работает. Кстати, связь страдания с работой очевидна из лингвистики. Так в латышском языке, наиболее сохранившем свои древние индо-европейские корни, страдат (без «ь») буквально и означает работать. Да и в русском языке слово «страда» недвусмысленно клонит туда же. Или страдательный залог в грамматике. То есть изначально, в философском смысле, страдание — это адекватное восприятие мира, жизненная работа, только и всего. Но если понимать по-филистерски: И не надо заблуждаться, где здесь корень. В людской изнеженности и в подмене. Человек изнежился, стал из философа холопом (или, по другому, из философа — профессором философии — Жильсон, через него Камю). Когда-то люди без особого уныния жили в условиях Ледникового периода. А сейчас?.. Многие исследователи и этнографы, сталкивавшиеся с первобытными племенами, в один голос утверждали, что те «дикари» жили куда счастливее и радостнее нас и почти не испытывали сколь-нибудь продолжительных страданий и стрессов. Покуда мы не приобщили их к «благам цивилизации». То есть, страдание — вещь относительная, и меня удивляет, как Вы, при таком уровне мистического самовосхваления, не

понимаете элементарного. Простой пример. Австралийские аборигены преспокойно спят голыми на голой земле при температуре в ноль градусов. Заставь обстоятельства это проделать Ваших кумиров, всех шопенгауэров и набоковых, какой поднимется новый вопль о безмерном страдании. А если подумать, не окажется ли 90 (99?) процентов «страданий» как раз из этой области?.. Нет, я не стану отрицать, что тем же аборигенам приходится сталкиваться и со смертью, и с болезнью, и с голодом, и со слезой ребёнка — но они не винят в этом постороннее, Абсолют или Первоначало, они видят причины в слабости своего духа — и всегда с честью справляются. Или умирают. Как воины, без филистерских воплей. Да что аборигены: обычная махонькая птичка, тот же жаворонок, продолжает петь, даже когда за ним гонится сокол, когда смерть у него на хвосте. Вот кто настоящий мистик! Вот кто знает кое-что о сути жизни, до чего Вам, как мне кажется, никогда не дойти, сколь ни бахвальтесь. Если открутить эволюционную линию обратно, то ясно, что дикие животные страдают ещё меньше, чем те же австралийские аборигены. Ведь животные могут обходиться без пищи и воды гораздо дольше, чем человек, многие запросто по месяцу. Также животные меньше болеют, смерть у них скоротечна — по всей видимости, они гораздо счастливее человека, как это всегда и полагали древние люди, рассказывавшие о золотом веке. Становится понятно, что человек слишком много ресурсов бросил на развитие мозга, в ущерб всему остальному, выносливости, здоровью, эмоциональному комфорту. То есть сначала человек выпал из природного баланса (отпал от Бога), стал эволюционировать собственным исключительным путём, «вышел из семьи», больше не признавая ни Отца, ни Мать

— но счёт за все последовавшие беды малодушно отсылает Им. Ведь такое сепаратное развитие приносит человеку всё больше и больше страданий — и он предъявляет претензии туда, откуда с гордостью ушёл. Мало того, что он бросил родителей, так он ещё хочет их и «спасти» вкупе со всеми остальными счастливыми членами семейства. Явно антиморальное поведение, заносчивое, глупое и нечестное.

Наконец, последнее. Ещё один Ваш «философский» столп. Бессознательное само тяготится нашими страданиями и оно заинтересовано, что б Вы к нему явились с просветительской миссией. Красиво звучит: бессознательное заинтересовано. Любой психолог будет в восторге. Бессознательное потому и бессознательное, что оно «без». Почему оно тяготится? Любой червяк, улитка, даже микроб, если он чем-нибудь тяготится, то отвернётся и уползёт. Только не бессознательное. Вы задали ему параметр, ввели четвёртого (или какого уже?) в эту игру, своё эго. Которое даже над бездной, над Первоначалом: тогда, наверное, надо честно сказать, что истинное Первоначало — оно. С него и весь спрос, что и требовалось доказать. Но если серьёзно, если попробовать говорить о бессознательном — его следы ведь можно уловить. Человеческое бессознательное выходит на арену в наших снах. И наш мозг трактует его. Как днём трактует информацию внешнего мира, так ночью трактует информацию внутреннюю. (Которая у филистера по преимуществу информация подсознательная, а у человека продвинутого, воина или «адепта» всё больше бессознательная). И как он трактует? Как раз наоборот всей Вашей писанине. Пообщайтесь со сведущим толкователем снов, с шаманом, наконец. Он вам скажет, что золото — это говно, а говно — золото. Если Вас бьют, то дают Вам

энергию, силу, а если вообще нещадно истязают и режут на куски — это знак высшего посвящения. Хохотать и весело петь - плохо, слеза же, наоборот, хорошо. Смерть — всего лишь новое дело. Короче, у бессознательного язык не такой, как у Вас, ему начхать на ваши определения, силлогизмы и страдания. Если наш мир ему снится, сон этот вполне хорош. Но Оно только сила, заряд. Чем больше заряд, тем крепче у человека дух и тем меньше он ноет, потакая слабостям своего эго.

Это легко пояснить примером. Быть может, слишком грубым, зато сразу понятным. Представьте, что стоят посреди улицы два мужика. У одного потенция через край хлещет, а другой — импотент. И мимо женщины идут. Тот, у которого хлещет, начнёт восхищаться, охать и ахать, восторгаться; а другой: что другой?.. скорчит кислую рожу и скажет: да ну, да у них наверняка под одеждой всё накладное, и любая через пять лет в каргу превратится, а через десять и вовсе подохнет — то же мне красавицы. И нечего тут возразить У каждого своя истина. И каждому своё. Например, Борис Пастернак однажды признался, что именно годы великой войны для него были счастливыми, хотя, казалось бы, вершина страданий.

Будьте здоровы!

P.S. А насчёт Вашего «открытия»: Помнится, Эжен Ионеску, мастер абсурда, тоже грозился в своём предсмертном интервью, что приготовил для Господа Бога несколько нелицеприятных вопросов, касающихся сущности бытия. Господь Бог, как видно, не прореагировал, и Вы пошли дальше, занялись бездной. Дерзайте.

12.06.2003 КОНЧЕЕВ

Здравствуйте. Прочёл, наконец, до конца ваше «Делание» и могу теперь высказать более-менее убеждённо свои соображения.

Общее впечатление таково, что, во-первых, автор не слишком уверен в себе. Чересчур много разномастных цитат отовсюду, причём весьма часто не из самых серьёзных источников. То есть цитирование на любительском уровне, работа, естественно, не научная.

Все верно. Кроме уверенности в себе. «Истина же остается истиной, даже если написана на заборе». Цитаты выполняют вспомогательную роль, я бы мог и прямо все написать, даже и написал, но так мне нравится больше.

Во-вторых, автор проявляет слабое знание психологии, точнее, вообще не принимает её в расчёт.

Точно. Мне психология как-то ни к чему. Мне только Великое Делание.

Просвечивает ущербная духовная позиция, слабость духа. Это хорошо видно на примере эссе о Борхесе, в отношении к индейскому жрецу (если бы мог, то, конечно бы, сделал бы, как и любой прочий:) Это как старик Фрейд, имея собственный невроз, превратил в невротика весь мир. Так и Вы, не будучи способным обуздать своё эго ничтоже сумняшеся полагаете, что каждый человек таков.

Печень пока что с правой стороны, а потому все, что живет как индивидуум есть ЭГО. Можно умереть за идею, но не ради ж фикции. В рассказе же Борхеса как раз

превозносится эго как некая самостоятельная ценность. Я не мужество жреца обличал, а неверное решение и, собственно, не его, а Борхеса. Речь идет о выборе, слабость духа здесь ни причем. Полагаю, что у меня, как и у жреца из рассказа Борхеса, силы духа достаточно.

Ну-ну: В-третьих, тон работы вызывающий, она утверждает, что до Вас буквально все, даже самые высшие духовные авторитеты в конечном счёте ошибались. И только Вы: Короче, высшая Истина Мироздания оказалась доступной только Вам. Но чем Вы обосновываете свою «истину»? Только намёками на личный мистический опыт: я, мол, видел, знаю, вывел, помню.

Что же делать, если они действительно ошибались? Истина «моя» понятно, что обоснуется окончательно только тогда, когда исполнится. Кроме моего мистического опыта, главный довод в мою пользу тот, что мир полон мерзостей, но продолжает существовать. Кастанеда хоть не обещал спасти мир, но ведь и Христос, и Будда обещали, как Вы не занимайтесь софистикой пытаясь доказать, что этого не было.

Однако, как говорят, что любовь и кашель не скроешь, точно так же можно сказать, что и личный мистический опыт не скроешь. Человек преображается от а до я, и слова его преображаются. И это нетрудно заметить. Всегда. Но только не у Вас. Вам так тщательно удаётся скрыть любые малейшие следы личного опыта, что я, право, в замешательстве. Кто-то из нас кого-то дурачит.

Это уж не мои проблемы, мне никого убеждать не надо. Какой есть, такой есть. Если же Вы удивляетесь, что я такой «крутой», а вот тут с Вами в инете переписываюсь, то я не только этим занимаюсь, а Вы ничем не хуже кого бы то ни было. К тому же я себе ничего сверхъестественного не приписывал (а что было такого уж необыкновенного в Раджнише, Гурджиеве или Рамакришне, да хоть и в Саи Бабе? Плевать мне на его чудеса.) и, что такое Вы хотели бы во мне узреть, мне неясно. Я Вас ни в чем ни дурачу, а того, что Вы меня дурачите, я не думаю. Кстати, а скольких Высших Адептов Вы знали лично? Все, кого знал я, были веселыми ребятами без особых претензий.

Опять же, чем больше у человека своего опыта, тем меньше он лезет в чужой, потому что становится самодостаточным. Поскольку Вы повсюду лезете в чужой, ещё одно подтверждение в мою копилку.

Для меня ни чужих, *ни* других *не существует. Это всё — я же, и я. Опыта же у меня ни много, ни мало, а ровно столько, сколько мне нужно.*

Да Вы и сами проговариваетесь на примере Ангелуса Силезиуса, что, по-Вашему, можно быть мистиком и не имея личного мистического опыта.

Я имел в виду специфический визионерский опыт (вроде как у Сведенборга или Д. Андреева), который вообще достаточно экзотичен и необязателен (я его, кстати, имею). Разумеется у Ангелуса Силезиуса был мистический

опыт, раз он великий мистик, а таковым я его и считаю, о том и писал.

Ну-ну, как научиться плавать посреди безводной пустыни: Нет, мистикой и психологией я бы советовал Вам всерьёз подзаняться. А то вот Вы похвалились, что вывели наружу всё своё подсознание — а подсознание есть у всего, и у текста тоже. У Вашего — точно есть. Оно явственно и проявилось в многочисленных разрывах слов, и эти разрывы нетрудно истрактовать при помощи психоаналитических методов как серьёзные свидетельства Ваших внутренних противоречий, подвергающих серьёзнейшему сомнению всё Вами сказанное. Возразите, что это компьютер, нестыковка вордов и хэтэмээлов, у всех так бывает. Ну да, почти у всех. Но из них Высший Адепт только Вы — и где же Ваша безупречность?!

Разрывы слов и прочие погрешности в тексте возникли из моей тогдашней еще недостаточной опытности, и сейчас я по возможности их ликвидирую на другом сайте, скоро перенесу и сюда. В этом мире полная безупречность невозможна ни для кого. (Что бы здесь нормально существовать, ВА приходится сознательно создавать себе квазикарму, за счет которой только и возможно то или иное пребывание в плотных слоях мира. А без погружения в них он ничего не может добиться.) Я предпочитаю иметь дырки в словах, нежели в голове. В том, что эти недочеты свидетельствуют о недостаточной безупречности, Вы правы. Добавлю еще, что то, что я написал отнюдь не мелочь, а весьма энергетически насыщенная вещь, так что мелкие огрехи

это еще ничего, от нее может и монитор треснуть. (Шучу.)

Если она рассыпалась на такой мелочи, как же вам совершить Великое Делание?

Так уж и рассыпалась? Что же касается ВД, то я готовлюсь.

Языком?

Дальше. Главное, от чего Вы отталкиваетесь, это утверждение, что мир есть страдание. Опять же Вы смешиваете высокое и низкое, понятие философское (не говорю уже о мистическом, это не Ваше) и понятие филистерское. Поясню. Вот Сократ как раз упоминает в беседе с Теэтетом (у Платона, конечно), что есть два движения: одно движется, другое страдает. Луч света движется и попадает в наш глаз. Наш глаз страдает, т. е. воспринимает воздействие и, тем самым, работает. Кстати, связь страдания с работой очевидна из лингвистики. Так в латышском языке, наиболее сохранившем свои древние индо-европейские корни, страдат (без «ь») буквально и означает работать. Да и в русском языке слово «страда» недвусмысленно клонит туда же. Или страдательный залог в грамматике. То есть изначально, в философском смысле, страдание — это адекватное восприятие мира, жизненная работа, только и всего.

А я что говорю? Все в мире построено на страдании. Естественно, что страдание кому-то и при каких-то условиях может быть и естественно, и желательно, и даже приятно. Тем не менее «известно место в «Апологии

Сократа» — оно слишком длинно, чтобы его здесь привести, — где Платон говорит устами этого мудрейшего из смертных, что смерть, даже если она навек лишает нас сознания, следует считать великим благом, ибо глубокий сон без сновидений следует предпочесть любому дню даже самой счастливой жизни». «Наконец, если бы я в подтверждение своих слов хотел привести отвергающие оптимизм изречения великих умов всех времен, то количество примеров было бы бесчисленным, так как почти каждый из них высказался в резких словах о горестях мира». В счастливейшей и изобильной в природном отношении Индии зародились самые пессимистичные и жизнеотрицающие учения: веданта, буддизм и джайнизм. 24 тиртханкара джайнизма покинули этот мир путем добровольного отказа от пищи, это же часто делают и другие джайны. Проблем с силой духа у них нет.

Но если понимать по-филистерски: И не надо заблуждаться, где здесь корень. В людской изнеженности и в подмене. Человек изнежился, стал из философа холопом (или, по другому, из философа — профессором философии — Жильсон, через него Камю). Когда-то люди без особого уныния жили в условиях Ледникового периода. А сейчас?..

Многие исследователи и этнографы, сталкивавшиеся с первобытными племенами, в один голос утверждали, что те «дикари» жили куда счастливее и радостнее нас и почти не испытывали сколь-нибудь продолжительных страданий и стрессов. Покуда мы не приобщили их к «благам цивилизации» *(«блага цивилизации» не делают пребывание в мире ни для кого ни легче, ни тяжелее)*. То есть, страдание — вещь относительная, и меня удивляет, как Вы,

при таком уровне мистического самовосхваления, не понимаете элементарного. Простой пример. Австралийские аборигены преспокойно спят голыми на голой земле при температуре в ноль градусов. Заставь обстоятельства это проделать Ваших кумиров, всех шопенгауэров и набоковых, какой поднимется новый вопль о безмерном страдании. А если подумать, не окажется ли 90 (99?) процентов «страданий» как раз из этой области?..

Мир подразумевает возможность изнеженности так же, как и грубости и всего остального. Что за садизм Вы приветствуете? Если некто изнежен, так давайте его каленым железом жечь, чтобы не забывал, где находится? Я слабым и изнеженным особенно сострадаю, но сам к ним не отношусь, естественно.

С утончением и усложнением структуры способность индивидуума ко всем видам страданий увеличивается. Вопрос не в мере страдания, а в отношении к самому его наличию. И не только наличию самого страдания, а вообще наличию зла и несовершенства. Сколько не приискивайте Вы им оправданий и обоснований — их нет. Если дикарь может, не дрогнув, скушать собственную матушку — это ни о чем, кроме его тупости и неразвитости, не говорит. Дальше Вы сами это подтверждаете.

Нет, я не стану отрицать, что тем же аборигенам приходится сталкиваться и со смертью, и с болезнью, и с голодом, и со слезой ребёнка — но они не винят в этом постороннее, Абсолют или Первоначало, они видят причины в слабости своего духа *(ха-ха)*- и всегда с честью справляются. Или умирают. Как воины, без филистерских

воплей. Да что аборигены: обычная махонькая птичка, тот же жаворонок, продолжает петь, даже когда за ним гонится сокол, когда смерть у него на хвосте.

Если б она знала, что ей сейчас предстоит, не очень бы она распелась. Хорошо быть мистиком, не обладая рефлексией.

Вот кто настоящий мистик! Вот кто знает кое-что о сути жизни, до чего Вам, как мне кажется, никогда не дойти, сколь ни бахвальтесь. Если *открутить эволюционную линию обратно*, то ясно, что дикие животные страдают ещё *меньше*, чем те же австралийские аборигены. Ведь животные могут обходиться без пищи и воды гораздо дольше, чем человек, многие запросто по месяцу. Также животные *меньше* болеют, смерть у них скоротечна — по всей видимости, они гораздо *счастливее* человека *(верно, счастливее, но не блаженны)*, как это всегда и полагали древние люди, рассказывавшие о золотом веке *(думаю, что по своим мерзостям «золотой век» от нашего не сильно отличался)*. Становится понятно, что человек слишком много ресурсов бросил на развитие мозга *(Где же и когда он принял такое опрометчивое решение?)*, в ущерб всему остальному, выносливости, здоровью, эмоциональному комфорту. То есть сначала человек выпал из природного баланса (отпал от Бога), стал эволюционировать собственным исключительным путём, «вышел из семьи», больше не признавая ни Отца, ни Мать — но счёт за все последовавшие беды малодушно отсылает Им.

Ни от какого Бога человек не отпадал, от него и невозможно отпасть по определению. (Если отпасть от бога, то появится второй бог и так далее, что нелепо.) Вы гипостазируете дуализм мира (приписав его только человеку) на Абсолют и, узаконив его (дуализм) таким образом, молитесь ему, «подставляете плечо», «соучаствуете», мечтаете о «вхождении в семью» — это всё фикции, не имеющие никакой ценности и реальности, кроме, вот уж действительно филистерского, временного и ненадежного самоутешения.

Ведь такое сепаратное развитие приносит человеку всё больше и больше страданий — и он предъявляет претензии туда, откуда с гордостью ушёл *(Где и когда он принял это опрометчивое решение? Я бы не ушел. И пинками не выгнали б.)*. Мало того, что он бросил родителей, так он ещё хочет их и «спасти» вкупе со всеми остальными счастливыми членами *(То счастье, что имеется у «счастливых членов» — самообман — по-настоящему счастья нет. Есть только скоропреходящие счастливые моменты.)* семейства.

Ничего другого не остается делать. Любая иная деятельность сама по себе суетна и бессмысленна. Спастись же, если только действительно понимать, что это такое, никто отказаться не может.

Явно антиморальное поведение, заносчивое, глупое и нечестное.

Стремиться к спасению (то есть, в сущности, к добру) не может быть аморально.

Наконец, последнее. Ещё один Ваш «философский» столп. Бессознательное само тяготится нашими страданиями и оно заинтересовано, что б Вы к нему явились с просветительской миссией. Красиво звучит: бессознательное заинтересовано. Любой психолог будет в восторге. Бессознательное потому и бессознательное, что оно «без». Почему оно тяготится? Любой червяк, улитка, даже микроб, если он чем-нибудь тяготится, то отвернётся и уползёт.

Вот оно посредством нас и пытается уползти. И уползет, дайте время. Семантические же нелепости (я их, конечно, признаю) получаются оттого, что понятийный аппарат человеческого интеллекта не приспособлен и потому не справляется с работой над схематизированием этих странных для него реалий.

Тяготится оно, тяготится, я точно знаю, потому что Оно и все мы (я) есть одно целое. Это многие видели, не только я и Аристотель.

Только не бессознательное. Вы задали ему параметр, ввели четвёртого (или какого уже?) в эту игру, своё эго. Которое даже над бездной, над Первоначалом: тогда, наверное, надо честно сказать, что истинное Первоначало — оно. С него и весь спрос, что и требовалось доказать. Но если серьёзно, если попробовать говорить о бессознательном — его следы ведь можно уловить. Человеческое бессознательное выходит на арену в наших снах. И наш мозг трактует его. Как днём трактует информацию внешнего мира, так ночью трактует информацию внутреннюю. (Которая у филистера по

преимуществу информация подсознательная, а у человека продвинутого, воина или «адепта» всё больше бессознательная). И как он трактует? Как раз наоборот всей Вашей писанине. Пообщайтесь со сведущим толкователем снов, с шаманом, наконец. Он вам скажет, что золото — это говно, а говно — золото. Если Вас бьют, то дают Вам энергию, силу, а если вообще нещадно истязают и режут на куски — это знак высшего посвящения. Хохотать и весело петь — плохо, слеза же, наоборот, хорошо. Смерть — всего лишь новое дело. Короче, у бессознательного язык не такой, как у Вас, ему начхать на ваши определения, силлогизмы и страдания. Если наш мир ему снится, сон этот вполне хорош. Но Оно только сила, заряд. Чем больше заряд, тем крепче у человека дух и тем меньше он ноет, потакая слабостям своего эго.

Все, что Вы сказали, может быть и верно (правда, меня практически не касается), только речь-то Вы ведете не об Абсолюте, не о Первоначале, не о Боге, если уж взять Ваш любимый термин, а о том, что вполне имманентно нашему миру, вполне посюсторонне, как коллективное бессознательное Юнга. Да, Вы, в сущности, его и описали. О том, что занимается здесь нашими делишками, и за которое вы так обиделись, когда я сказал, что оно не духовней компъютера. Да уж, ему наши беды точно по барабану. Мир наш «снится» не ему, скорее он сам «снится» кое-кому.

Это легко пояснить примером. Быть может, слишком грубым, зато сразу понятным. Представьте, что стоят посреди улицы два мужика. У одного потенция через край хлещет, а другой — импотент. И мимо женщины идут. Тот,

у которого хлещет, начнёт восхищаться, охать и ахать, восторгаться; а другой: что другой?.. скорчит кислую рожу и скажет: да ну, да у них наверняка под одеждой всё накладное, и любая через пять лет в каргу превратится, а через десять и вовсе подохнет — то же мне красавицы. И нечего тут возразить У каждого своя истина. И каждому своё.

Все это относительное, я уже пояснил выше. Мой же предмет Абсолют и совершенство и там нет многих истин.

Например, Борис Пастернак однажды признался, что именно годы великой войны для него были счастливыми, хотя, казалось бы, вершина страданий.

Наверное радовался, что не ему приходится гнить в окопах и быть пушечным мясом, как другим (бессознательно, конечно, интеллигентный ведь человек). Наивен был, как Ваш веселый жаворонок, бедняга.

Будьте здоровы!

P.S. А насчёт Вашего «открытия»: Помнится, Эжен Ионеску, мастер абсурда, тоже грозился в своём предсмертном интервью, что приготовил для Господа Бога несколько нелицеприятных вопросов, касающихся сущности бытия.

Намерение Ионеско мне сочувственно. Молодец. Думаю, мы с ним своего добьемся.

Господь Бог, как видно, не прореагировал *(Он бы и хотел, но не знает как.)*, и Вы пошли дальше, занялись бездной *(Ницше предостерегал вглядываться в бездну, мотивируя это тем, что тогда бездна может начать вглядываться в тебя. Да, именно это я делаю, и буду делать до тех пор, пока бездна не соизволит вглядеться в меня. Тогда совершится Великое Делание.)* Дерзайте. *Буду.*

Возражения Ваши, доводы, я полагаю, достаточно типичны и совершенно искренни. Тем они и ценны. Многое из того, что я услышал от Вас, я говорил и себе сам. Полагаю, что могу быть только благодарен Вам за критику, вопросы, упреки, подозрения и обличения. В общем, говорю спасибо. Vale! К.

P.S. Я приготовил для ответа Вам в пику Вашему оптимизму отличную цитату из Лютера, но вижу, что ее некуда вставить, потому даю ее просто в посткриптуме:

«А ведь во всей нашей телесности и со всеми вещами мы подчинены Дьяволу, и мы — гости мира, в котором он владыка и Бог. Ибо хлеб, который мы вкушаем, напитки, которые пьем, одежды, которыми укрываемся, и все, чем живем плотски, — все это находится под его властью». M. Luther. Zum Galatenbrief, cap. 3

О СВОБОДЕ ВОЛИ, СОЛИПСИЗМЕ И ОСВОБОЖДЕНИИ

посвящается Алине Мелиссе

Предположим, что свободной воли нет. Чтобы начать говорить о следствиях, следующих из такого предположения, надо разобраться в том, что же такое «свободная воля». (На данном этапе рассуждений я для простоты идеи Шопенгаэура, выраженные в его известной работе «О свободе воли», не рассматриваю. Рассуждаю самостоятельно.)

При совершении действий, мне не свойственно задумываться о том, по какому принуждению я их совершаю. Это, собственно, кажется само собой понятным. «Сам совершаю, без принуждения». Нельзя не согласиться ни с Буддой, ни с Шопенгауэром, что в основе моих поступков лежит желание. Самые простые желания — физиологические. Тело мое постоянно требует соблюдения определенных правил заботы о нем. Голод, холод, разнообразные болезненные ощущения требуют принимать меры по устранению всего неприятного или опасного для тела. При очень широко понимаемой свободе надо признать, что я, находясь в теле, очень несвободен, да, я просто раб тела, от которого я не могу сбежать[130].

[130] Я даже не могу, собственно, убить тело, потому что не представляю, что может за этим последовать. Ведь, как за убийство другого человека положено наказание от людей, то вполне возможно, что существует некая вне или за человеческая инстанция, карающая убийство своего собственного тела. Жрецы всегда пользовались этим соображением, естественно приходящим в голову тому, кто хочет себя убить (если, конечно, он способен к размышлениям). Они могли выдумывать что угодно об этой инстанции, пользуясь страхом, невежеством и доверчивостью паствы. Этой сказкой достигалось сразу несколько целей: сохранялся полезный (или могущий быть полезным) член общества, наводилась дисциплина, укреплялась вера в Бога, обеспечивающая стабильность положения жрецов. Их даже и обвинить во лжи нельзя. Поскольку вопрос открыт, то любое утверждение, хоть за, хоть против, прямой ложью не будет.

Удовлетворяя нужды тела, я постоянно совершаю многочисленные выборы. Создается полное впечатление, что выборы эти вполне предопределены теми условиями, в которых я нахожусь, и каким я являюсь. Я не нахожусь в состоянии свободы, когда могу, скажем, взять из тарелки либо левый, либо правый пирожок. Я нахожусь в состоянии сознательного или бессознательного перебора и обдумывания представленных мне мотивов. Левый пирожок может быть больше, но я не очень голоден и возьму тот, что меньше, и наоборот. Буриданов осел не мог бы в реальной жизни умереть с голоду, потому что те две охапки сена, которые ему были представлены для выбора, не могли быть абсолютно одинаковы. И даже в таком случае появились бы обязательно некие незначительные флюктуации, которые бы непременно определили бы выбор. Скажем, легкое движение воздуха сделало бы более сильным запах с левой стороны. Или движение воздуха, любой звук заставили бы голодного осла повернуть голову в какую-нибудь сторону, что и определило бы его выбор. (Я представляю, как бедный осел от голода падает с ног прямо мордой на аппетитную охапку сена. Да, здравствует жизнь!) В житейских вопросах очень легко показать, что, хотя выбор и происходит, но он не имеет в себе произвольности, а, значит, определяется не свободой воли, а наличием того, что этой воле требуется. Побеждает всегда более сильный мотив, даже если он считается более привлекательным (сильным) ошибочно. Если я захочу проявить свободу воли конкретным образом в эксперименте, то и это мне не удастся.

Пример. Передо мной стоят два стакана с напитками. В одном стакане молоко, которое я очень люблю, а в другом кефир, который я люблю гораздо меньше. Я выбираю кефир, чтобы показать, что я свободен и могу предпочесть более слабый мотив мотиву более сильному. Но этот эксперимент требуемого (т. е. наличия свободного выбора) не доказывает. Я выбираю менее мной любимый напиток потому, что мотивом для его выбора будет уже не его вкус или моя любовь или нелюбовь к нему, а стремление повести эксперимент в

предопределенном направлении. Таким образом, такой эксперимент показывает как раз то, что требовалось подвергнуть сомнению. — Действие всегда происходит по одобренному волей мотиву. В данном случае мотив был сложный. Он состоял из двух разных частей, первая, желание кефира (слабое), вторая, желание повлиять на ход эксперимента. Не будь у мотива второй части, был бы выбран стакан с молоком.

В таких простых случаях мотив прослеживается очень легко. Но, рассуждая о сложных случаях, нет никаких оснований предполагать, что действие или выбор направления действия не происходят в точности по такому же механизму, как в более простых случаях.

Пожалуй, я могу отнести к желаниям, подобным желаниям тела, желания, относящиеся к сфере общения, а так же интеллектуальной и творческой деятельности, тем или иным вкусовым предпочтениям.

В этой сфере механизм предопределенности действий мотивами, оценивающими и обдумывающими имеющуюся в наличии ситуацию, собственно, тоже не вызывает сомнений в своем существовании.

Итак. Всё в жизни предопределено. Но почему же тогда я считаю себя свободным, постоянно чувствую себя таким и даже чувствую в душе некий протест, когда слышу уверения, что любые события в этом мире фатально предопределены?

Попробую разобраться.

Если проследить цепь событий, происходящих в мире, в прошлое, то можно легко увидеть, что она уходит в бесконечность. Для моих рассуждений не требуется представлять общепризнанную современную физическую картину мира (Big Bang вовсе не предполагает, что до него ничего не было). Достаточно посмотреть на жизнь людей. Физическая жизнь людей имеет материальную преемственность. Животное или человек производит потомство, которое производит свое потомство и так далее. Поколения сменяют поколения, и каждое человеческое поколение с легкостью

представляет себе, что жизнь любого поколения отличается от другого только в неких частностях. Когда же началась эта цепочка? Ответа нет. То есть, он не определен. Либо так было всегда, либо все возникло некогда в конкретный нулевой момент времени и продолжает существовать до текущего момента.

Теперь перейду к солипсизму. Нет никаких оснований думать, что материя не изоморфна. То есть, так думать никто не может запретить, но ежедневный и любой опыт показывает ее изоморфность. Часть находящегося в сознании представления о материи имеет дело с материей специфической, той, из которой сделано тело солипсиста. Как я уже сказал, нет оснований думать, что эта материя иная, чем в телах тех, кого солипсист только наблюдает. Она точно такая абсолютно во всем, кроме одного нюанса. Моя материя имеет для меня ощущения и чувства, которые я могу материальным образом проявлять (а могу не проявлять). Материя же, из которой состоят тела других людей, других живых существ, показывает в своих действиях те же проявления, что могу делать и я, но сам я никаких чувств, подобных тем, что испытываю непосредственно сам в себе, при этом не испытываю. Правда, есть другие чувства (сострадание, жалость, злоба, ненависть, стремление помочь или уничтожить, убить), но они ничего не говорят о действительном положении дел. И возникновение этих чувств можно объяснить столь же условно, как и наличие моих собственных чувств по поводу моих собственных переживаний и ощущений. Строго говоря, никак.

Думая о себе, вспоминая себя, я вижу, что с несомненностью есть то, что мне предлежит, и есть тот, кому предлежит это то. Как и в случае размышления над материальной цепочкой преемственности поколений я могу предположить, что я существую (Ребенок не знает, что он смертен, пока ему это не разъяснят взрослые, он уверен, что был всегда и будет всегда.) всегда, либо, что я возник в некий момент, что бы существовать сейчас и думать, что я существую всегда. (Тот факт, что я помню свою жизнь сравнительно

недолгий срок не означает, что я не существовал и до того, как появились первые воспоминания, которые я знаю. Если бывает амнезия, фиксирующаяся медициной, то может быть и любая другая ее форма. Скажем, метафизическая.)

Есть ли у меня основания думать, что есть некая сила за мной, которая меня произвела и продолжает производить каждый следующий миг моего существования? Думать я так могу, но оснований для такой концепции, строго говоря, нет. То есть, тут опять дуализм. Оба предположения равно убедительны и равно недоказуемы.

Пребывание в медитации (или в любом трансперсональном переживании) может создать иллюзию того, что непосредственный субъект меня солипсиста сам по себе является неким объектом для субъекта более высокого порядка. Ну, на то она и медитация. На самом же деле, это переживание ничто иное как манипулирование, которое каким-то образом производится в недрах моего собственного познающего и осознающего сознания.

Есть глобальный факт. Я — сознание. А дальше начинаются размышления над содержимым сознания. Размышления, собственно, над миром, существующем в этом сознании. Отрицание онтологичности самосознания, самое большее может привести к дурной бесконечности, которую логично прервать на самом первом этапе, на этапе предположения некоего высшего сознания, стоящего над тем, которое столь непосредственно имеется в наличии.

Может показаться, что вышеприведенное рассуждение дает однозначный ответ на вопрос, а существует ли нечто, стоящее за моим существованием, или ничего такого нет? Не дает. Потому что неопределенность никуда не исчезает. Просто в целях уничтожения дурной бесконечности делается некий вполне произвольный и даже несколько догматический выбор в пользу придания онтологического статуса наличному сознанию.

И вот тут-то и вступает в действие свободная воля. Я делаю совершенно свободный выбор в своих рассуждениях.

(Строго говоря, у меня нет безупречных оснований думать, что другие люди внутри себя точно такие, как я сам внутри себя. (Что мне от этих теоретических изысканий?) Витгенштейн, вообще, показал, что, уж, чего мы точно не знаем, так это именно того, что скрывается за поверхностью вещей. Он только почему-то называл и мир, и вещи, его составляющие, «мой язык», ну, пусть язык. Других (сознаний), строго говоря, нет, а о самом себе сказать нечего, потому что я сам не могу быть описан никаким языком. Язык описывает внешнее, а я не отношусь к внешнему, следовательно обо мне ничего сказать нельзя. Надо молчать. Что я и делаю.) Я утверждаю, что и я сам, и всё, о чем я думаю, что я воспринимаю, вообще, абсолютно всё, есть некое абсолютное единство, которое по какой-то абсолютно неведомой мне причине представляется мне не единым, а состоящим из частей. Частей нет. Они иллюзия. Но иллюзия есть. Она есть. Вот, она.

Можно сказать, что я захотел, хочу, чтобы не было ничего, кроме этого Единого. А можно сказать, что это единое захотело, чтобы я (как, якобы, отдельное существо) существовал и думал, что это я хочу, чтобы Единое существовало. Причина в желании. Чье это желание? Это желание того, кого оно только и может быть, потому что ничего другого, что могло бы не то что иметь желания, а вообще существовать, не существует. Ничего иного нет.

Есть Нечто Одно. Это и есть я. Я пожелал быть я. Ну, вот я им и являюсь. В этом-то и была моя абсолютная свобода. — Являться тем, чем я являюсь. Я стал собой.

Понравилось ли это мне? Будет ложью, если я скажу, что мне быть собой совсем не нравится. Но, когда я размышляю масштабно, когда я сижу, забыв обо всем, обо всем и хорошем, и плохом, я вижу, что для существования нет никаких причин, как, впрочем, и для отсутствия существования. А для существования в виде существа, которому по тем или иным обстоятельствам еще и бывает плохо, есть веские основания желать отсутствия такого существования. И этого я желаю. Но желаю не сильно,

слабо, плохо, не по настоящему. Потому и продолжаю жить. Ну, а тут погода меняется, жизнь начинает казаться сносной, а страдания мира несуществующими. (А они и действительно не существуют, потому что я ведь не страдаю в данный момент, а страдания свойственны только мне, остальные страдальцы только миражи, которые изображают страдание тогда, когда я хочу, чтобы мне стало плохо от лицезрения страданий. Впрочем, они могут еще убедительнее изображать страдания, когда мне на все наплевать, но это частность.)

Вот, что такое жизнь. Вот, что такое бытие в проявленном мире. Мысли, желания, наслаждения, страдания, недовольство. Можно ли надеяться на спасение? Нет. Спасения нет. Или есть. Не знаю. (Теория Великого Делания ведь всего лишь мистическая гипотеза. И как ни силен во мне мистик, философ призывает меня, мыслителя, ему не доверять.)

Я знаю, что хотел бы быть растением. Растение не страдает. (Призраки иногда говорят мне, что растения страдают, но я знаю, что это ложь. Чтобы страдать надо думать, мыслить и иметь то, что способно страдать, а у растений ничего этого нет.) Ну, а раз я этого хочу, то значит скоро им и стану. А еще я хочу запомнить это мое желание и никогда его не менять на желание стать человеком или даже животным. Конец.

0 часов, 11 минут, 20 февраля 2015 года, г. Ростов-на-Дону.

ОТВЕТЫ КОНЧЕЕВА НА ВОПРОСЫ О ВЕЛИКОМ ДЕЛАНИИ

Вопрос: Если все существа, это одно и то же существо, то почему же слияние какого-нибудь одного существа с богом не приводит к спасению и всего мира? Может быть, все-таки, как это и признаемся всеми мудрецами, Великое Делание должно совершаться каждым индивидуально и действенно потому может быть только индивидуальное спасение?

Ответ: В принципе Великое Делание в каком-то смысле тоже является индивидуальным спасением и освобождением. Только оно по своему характеру будет совсем иное, чем то, что производилось всегда до этого. Подразумевается, что тот, кто осознал себя брахманом, тем самым и освободился. И действительно, если он брахман, чего еще желать, куда стремиться? Остается исчерпать карму и навсегда слиться с началом начал. В таком представлении есть скрытое противоречие. Практически всякий адепт, Бодхисаттва, Будда, естественным образом сочувствует непросветленному миру и желает его просветления и освобождения не меньше, чем некогда желал его себе самому. Однако каждый в этом мире отвечает сам за себя, и потому индивидуальный труд никто ни за кого сделать не может. И вот Высший Адепт завершает свой путь и становится Брахманом. Казалось бы, будучи всесильным Брахманом, первое, что он должен сделать, так это осуществить то, чего он больше всего хотел, находясь еще в этом мире. То есть взять и спасти весь мир, раз и навсегда. Но он этого почему-то не делает. Почему? Вопрос этот редко кто так прямо формулирует, но отвечают на него постоянно. Собственно, любая солидная философская, религиозная или мистическая концепция обязательно содержит ту или иную теорию, объясняющую это недоразумение.

В Европе по причине ее малой развитости в этом отношении вообще большинство мыслителей ограничиваются просто отрицанием самой постановки вопроса, сводя свои умствования к той или иной форме агностицизма или догматизма. И то и другое просто скрытое признание за миром неустранимой дуальности. Никакого «атман = брахман» нет и быть не может, а потому либо, естественно, никакое спасение и освобождение вообще невозможно, и говорить о нем нелепо, либо вопрос спасения адресуется непостижимому и бесконечно далекому от людей божеству, которое, понятно, если уж сотворило все эти ужасы, то ничего отменять не собирается и не будет, хоть вы все молитесь ему с утра до вечера, а с вечера до утра.

Мистическое знание отрицает дуализм и признает каждого равносущим единому первоначалу. Осознание этой истины и приводит к идее спасения, идее слияния с богом. Более того, считается, что кое-кто более шустрый и успешный, чем другие, уже этого и достиг. Я же считаю, что произойти это может только для всех, только один раз и в результате того, что я называю Великим Деланием. «Успешные» же в той или иной форме снова вернулись в Проявленное бытие. Главное же, почему не происходит всеобщее спасение мира, когда кто-нибудь становится брахманом то, что брахман, хотя и есть любой из нас, но совершенно, в отличие от нас, бессознателен. Этим я объясняю зло и неспасенность мира.

Вопрос: Всякому разумному человеку ясно, что понятия о добре и зле относительны. Зло в одном каком-то отношении в другом добро. Мир потому не добр и не зол и спасаться никому и не от чего не надо. Естественно потому, что и все рассуждения на эту тему просто пустопорожний треп.

Ответ: Это не вопрос, а точка зрения. Вопрос, из нее вытекающий, мог бы быть таким: не дурак ли тот, кто занимается такими пустыми вопросами?

Я не считаю добро и зло только относительными понятиями, я их вообще не считаю только понятиями. Когда субъект познания говорит об относительном, он говорит о каких-то объектах в его уме, существующих либо друг относительно друга, либо относительно него самого. Так вот, добро и зло представляются относительными для тех объектов, которые сами относительны субъекта (чужая боль не болит), а для самого субъекта никакой относительности зла и добра не существует, разве только по степени; боль и страдание (т. е. зло), как и любое наслаждение и радость (добро) воспринимаются теми, кем воспринимаются, всегда непосредственно, напрямую, т. е. не относительно.

Что бы сказать, что мир ни добр и ни зол, надо самому быть вне мира и не в метафорическом смысле, а в самом строгом, прямом. А это невозможно ни для кого, даже для Парабрахмана[131]. То есть вообразить это, представить можно. Можно вообразить себе некий мир, в котором кому-то плохо, кому-то хорошо, но все это неважно и относительно, в особенности потому, что я к нему никакого отношения не имею. При этом рассуждающий абстрагируется от того несомненного факта, что и сам он находится в том же самом мире и рано или поздно ему, возможно, придется претерпевать то же самое и вполне непосредственно.

Когда же мне говорят на это: «Ну, и претерплю», — я не возражаю, но напоминаю, что речь у нас идет о природе зла и добра, об относительном или абсолютном их характере.

Вопрос: Да, никому нельзя избежать в жизни тех или иных неприятностей, но стоит ли так все драматизировать и вообще разводить такой пессимизм? Я не верю ни в какое спасение, а нагнетание пессимизмом всяких мраков отравляет

---

[131] Это так, потому что я сам, мои радости и горести, страдания, восторги и невзгоды, как неотделимы от меня самого, так неотделимы и от Парабрахмана. Противоположное воззрение — дуализм.

мое непосредственное здесь и сейчас, которое не всегда так уж плохо.

Ответ: Вообще диапазон состояний, переживаемых субъектом, колеблется от величайшего блаженства и экстаза до самого глубокого мрака и невообразимого страдания. Вам хорошо сейчас потому, что вы находитесь в крепости вашей конкретной для данного момента индивидуальности. И естественно вы хотите пребывать в таком, благоприятном положении вечно. Но ничто не вечно под луной. Те же люди, которые попадают в менее благоприятные состояния, чем ваше, начинают искать выход. Мейстер Экхарт сказал: «Быстрейший конь, несущий нас к совершенству, есть страдание». У него это звучит как бы даже в похвалу страданию. И некоторые Учителя даже призывают искать страдания, чтобы побыстрее прогрессировать. Что ж в этом есть и рациональное зерно, но у этой медали существует и обратная сторона. В результате духовного развития, у человека развивается и способность сострадать. Те продвинутые Адепты, которые похваляются своим бесстрастием и неподвластностью никаким страданиям, в сущности, расписываются в том, что у них уже начался процесс деградации. Сначала такой Адепт становится по ту сторону добра и зла, потом становится крутым магом, которому проблемы простых смертных по барабану, потом черным магом, потом голодным духом, потом человеком, которому, в общем-то, пока не плохо, а хорошо бы, чтобы было хорошо всегда. Это нормальное и естественное желание. И Великое Делание, собственно, желание это и удовлетворит. Главное, оно устранит для бессмертного духа какую-либо возможность попадания в отрицательные состояния и возможность пребывания в них.

Вопрос: Из того факта, что все люди одно то же существо следует, что вообще есть только одно существо, т. е. - солипсизм. Значит, для меня есть только я, а для вас есть только вы и так далее. Так, как же может совершить Великое

Делание кто-то еще кроме меня, если кроме меня никого больше нет? Каждый может его совершить только для себя, а значит только индивидуально. Вот, я вас и опроверг.

Ответ: В чем же опровержение? Я же не говорю, что Великое Делание совершится само собой, хотя и это можно было бы предположить. Правда, такое предположение не выдерживает критики. Мир уже давно закончился бы навсегда сам собой, если бы это было возможно. Он ведь бесконечен во времени. Но Великое Делание будет совершать Высший Адепт, а он, по сути, такая же монада, как и любой другой. Понимаете, солипсизм не говорит, как мне кажется, что кроме меня никого нет. То есть можно его понять и так, но можно и не понимать, и второе нам и ближе, и естественнее почему-то. То есть, навязывающееся солипсисту представление о множественности подобных ему индивидуальностей имеет какой-то смысл и какую-то реальность. Собственно, если вы станете на точку зрения строгого солипсиста и совершите Великое Делание, действительно совершите его, а не индивидуальное освобождение, то это будет так. Все же остальные, если они все-таки реальны, освободятся вместе с вами. Если же кроме вас никого нет, а мы все только ваша иллюзия, то все равно спасти вас может только Великое Делание, потому что простое слияние с Абсолютом, то есть с самим собой, в сущности, просто вернет вас в то статус кво, в котором вы сейчас и пребываете. Совершение же Великого Делания кем бы то ни было другим помимо вас самих, будет выглядеть для вас, как строгого солипсиста, просто окончанием мирового процесса и освобождением как бы происшедшим само собой. Правда, после Великого Делания вы станете брахманом, абсолютом, а потому будете обладать всеведением, а, значит, точно знать один вы были на свете или остальные тоже присутствовали.

Вопрос: Меня больше всего в ваших теориях смущает то, что Великое Делание никто не совершил до сих пор. Такого

просто не может быть, если оно вообще возможно. Значит, надо сделать вывод, что оно невозможно и не произойдет никогда и ни при каких условиях.

Ответ: Первое время этот вопрос смущал и меня самого. Сама идея Великого Делания и происходящего в результате него спасения всего мира, как результат просветления Первоначала представлялась и представляется мне совершенно несомненной. Не потому, что она философски безупречна. Нет. Я прекрасно вижу все те возражения, которые ей может предъявить философия. Но. Идея эта, во-первых, полностью устраняет все нелепости понимания бытия мира, вроде свободной воли творить зло, злодея-бога, или доброго бога, сотворяющего абсолютное зло — дьявола и т. п., во-вторых, подтверждается общим направлением всей деятельности, происходящей в мире, и, в-третьих, она открылась мне в результате личного трансфизического опыта неимоверной глубины. Я, собственно, и осознал-то ее далеко не сразу, а вначале постепенно, потом же, увидев ее сразу в мгновенном озарении. Хорошо, скажете вы, и будете совершенно правы, какое кому дело до ваших трансфизических озарений? Мало ли у кого как крыша подъезжает? Но я-то знаю, что я совершенно нормален, а, кроме того, я Высший Адепт, а потому могу разобраться в том, что во мне происходит и почему, и по той же причине я не могу врать или мне незачем это делать. В конце концов, я же не настаиваю на том, чтобы мне хоть кто-нибудь верил.

Продолжу ответ на ваш вопрос. Я нашел ответ. Он очень странен. Но другого я найти не смог. Если кто предложит, я не против. Я представляю себе дело так: в результате некоей флюктуации, видимо, неизбежно долженствующей случиться когда-нибудь с абсолютом, возникло проявленное бытие, чтобы под ним не понимать. Может это просто галлюцинирующий субъект, может это какая-то жуткая смесь хаоса и упорядочения, неважно. Важно то, что событие это аподиктически требует своего преодоления и нейтрализации. Поскольку абсолют не

имеет механизмов такой нейтрализации, он начинает их вырабатывать[132]. Наша жизнь, наше бытие, и есть такая деятельность абсолюта по выработке для себя противоядия. Она нелинейна. То есть она идет как в одном направлении, так и в другом. Собственно в бытии предостаточно процессов препятствующих основной цели. Но ведь если бы не было таких препятствующих процессов, то может, и не было бы необходимости и в прямом процессе. Может и прав Шульгин, и в мире полно вселенных, которые совсем не надо устранять. Меня этот вопрос не интересует, я вижу, что то, с чем имеем дело все мы, наш мир, требует преодоления (устранения) и стремится к нему. Так почему же эта цель до сих пор не достигнута? И не говорит ли это о том, что она и не будет достигнута никогда? Дело в том, что по определению **Великое Делание может произойти только один раз и обязательно**. Второго не будет. И вот, этот первый раз и должен произойти. Или не было никакой вечности (а это так и есть, потому что время вообще только субъективная форма, в которой происходит любой возможный опыт по Канту), или в вечности предусмотрен такой момент, когда сложатся, наконец, все необходимые ингредиенты, появится Спаситель и мир благополучно завершится. Это не так уж и важно. Великое Делание должно произойти, и оно произойдет. Причем для всех не участвующих в Великом Делании, да и для самого Спасителя, при достижении результата, все произойдет в одно мгновение.

Итак, отвечаю. Попыток совершить Великое Делание до сих пор не предпринималось. Причем, поскольку само Великое Делание технически не очень сложно, то можно смело утверждать, что и идея его высказывается мною, именно в таком прямом, ясном и бескомпромиссном виде впервые. После

---

[132] Как поневоле покрывается рана гноем, т.е. погибшими антителами, отдавшими свою жизнь для заживления раны, так страдания и мучения индивидуумов, гибель их направлены к тому, чтобы произошло Великое Делание.

осознания этой идеи Высшими Адептами, рано или поздно одним из них оно и будет произведено.

СОЛИПСИЗМ И ТОЛЬКО

философское эссе

В результате своих последних исследований я обнаружил, что тот факт, что несомненно существует только одно сознание, именно то, которое в сей момент осознает само себя, доказывается очень просто, и факт этот настолько очевиден, что мог бы обойтись и вообще без доказательств, тогда как реальное существование других сознаний, других живых существ никоим образом доказать невозможно. Фактически я имею дело постоянно только сам с собой, даже когда сплю или пребываю в прострации, а так же с какой-то своеобразной формой виртуальной игры (которую по условиям игры я обязан считать миром людей, существующим в том, что называется «природа» или «вселенная»), которая крайне упорно навязывается моему сознанию.

Данный текст производится мной тоже в русле условностей этой игры. В сплошном массиве разнородной информации я вычленяю, когда реально, а когда виртуально, внимающие мне уши; вопрошающие меня взгляды; готовые размышлять о чем угодно, в том числе и над моими словами, умы. Что это за игра? И кто я такой, находящийся в ее центре?

Хорошо, но в чем же все-таки заключается различие между реальным и нереальным. Я живу среди людей. И не только людей. Живу среди животных, домов, машин, деревьев, ну, и всего остального. С какой стати мне считать нереальным всё то, что на самом деле предельно реально? Человек может что-то сделать для меня. А может не сделать. Машина может меня отвезти, куда мне надо, а может меня переехать, если я зазеваюсь. Куда, уж, реальнее?

Вот, предположим, я нарисовал на листе бумаги человечка. Смотрю на него, а он вытягивает руку и щелкает меня по носу. Реален ли этот щелчок?

Хорошо. Если с экрана телевизора ко мне в комнату соскочит тот, кто перед этим находился на экране, будет ли он реален? Я думаю, что будет, потому что реально все то, что таковым воспринимается, и действует как таковое.

На экране Том гоняется за Джери. Я знаю, что это фильм, созданный на специальной студии в США. Кто-то придумал события фильма, нарисовал их, затем группа художников сделала более подробные рисунки. Ну, и так далее. Так, реальны ли кот и мышонок, бегающие перед моими глазами по экрану? Поскольку реален мультфильм, постольку реальны и его персонажи. Но только как таковые. Странно было бы, идя по улице, увидеть мультипликационного кота, волка, крокодила или Чебурашку. Их нет в реальности. Их нет в окончательной, не виртуальной реальности. Да? А откуда известно, что то, что по условиям игры я по умолчанию считаю не виртуальной реальностью, что оно не виртуально для меня истинного? А я ведь истинен, я не виртуален. Я есть действительно. Меня может переехать виртуальная машина виртуальной реальности, прикидывающаяся реальностью не виртуальной, но боль в теле, которое принадлежит к виртуальной реальности (как не верти), будет вовсе не виртуальной. Боль по сути дела не виртуальна. Так же, как и мое осознание себя самим собой.

Я не могу говорить всерьез о миражах, о которых не имею ни малейшего понятия. Кто-то мог бы сказать, что для Бога мои страдания, моя боль, мое осознание себя самим собой мало реальны, вообще, нереальны, они для него абсолютно виртуальны. И это было бы верно, если бы я не имел знаний о Боге еще меньше, чем о желудочно-кишечном тракте Чебурашки или о его гендерной самоориентации. Упомянутых вещей у Чебурашки нет по определению, поскольку он реален только в серии рисунков, из которых состоит фильм, в котором я его вижу, материальной плоти у него нет. О Боге же я просто ничего не могу сказать. Это Х, о котором я не имею никакого понятия. Во всяком случае, в области достаточно общепринятых представлений. (Я могу объявить Богом тот фатум, который,

возможно, породил меня, игру, в которой я участвую, а так же ее правила. Но знания эта гипотеза мне не прибавляет.)

Реальность, таким образом, в принципе виртуальна, поскольку находится внутри моего сознания и восприятия. Нет и не может быть ни одного элемента в ней, который бы не был строго замкнут на то, что находится во мне и только во мне.

Я вижу худощавого высокого человека в отлично скроенном темно-сером костюме, который садится в кресло, закидывает нога за ногу, закуривает сигарету, кладет изящную позолоченную зажигалку на журнальный столик и говорит мне: «Но ведь будет непротиворечиво утверждение, что существует множество миров. И каждый такой мир — это примерно такой же мир, в каком существуете вы. Я существую в своем мире, вы в своем, мы можем выйти на улицу или посмотреть в окно, и там мы увидим множество иных миров, которые нам понятны именно потому, что представляют собой ни что иное как модификации некоего первомира, который вовсе не обязательно должен быть так же реален как вы или я и существовать непосредственно в нашем материальном бытии. Вполне я готов признать, что это образ, идея, что-то собирательное, послужившее прообразом для всех тех, кто живет и наслаждается жизнью в своих собственных мирах».

Я отвечаю: «А от кого я это слышу? Не от персонажа ли фильма или сна, или галлюцинации? Да, говорите вы складно, но говоримое-то не ново. Даже очень старо. Но что мне в том, если я точно знаю, что нет способа ни проверить справедливость ваших слов, ни даже выяснить природу того, кто говорит мне то, что я сейчас слышу?»

— Стоп, стоп! — говорит мой собеседник, — Бритва Оккама. Вопрос излишен. То, что вы слышите, есть только предмет для размышления. Вы можете размышлять над моими словами, а можете не размышлять. Но мой статус, статус того, кто обращается к вам, есть вещь совершенно безразличная. Вы

правы. Способа нет. А зачем он вам? Что вы хотите с ним делать? Да, и, собственно, поскольку вами точно вычислено, что вы ничего не можете знать о вещи в себе вне вас и даже не можете знать, существует ли такая вещь, то не правильным ли ходом в ваших размышлениях будет навсегда избавиться от вопроса об онтологической сути того, что существует в вашем мире как представление? Поскольку вы легко можете представить себе отсутствие этого мира или наличие на его месте мира совершенно на него непохожего, то естественным образом вы приписываете только себе актуальное существование, делаете только себя онтологическим принципом своего бытия. Ну, и ради бога. Оставьте вы эту мелочную интеллектуальную возню. Просто забудьте о ней раз и навсегда. Могу перефразировать Витгенштейна: о чем незачем говорить, и в чем невозможно сомневаться, о том лучше перестать говорить навсегда.

Теперь о лично моем статусе. Вы спросили, от кого вы всё это слышите? Да, от меня. Я вам сказал то, что сказал. А ваша ли это галлюцинация или персонаж игры, в которую вы играете потому, что не хотите в нее не играть, или еще что-либо, я думаю, с этим вы легко можете определиться. Собственно, выберете то, что вам больше понравится.

— Хм. В общем-то, вы правы. Я провел исследования, сделал точные выводы, можно отбросить то, что излишне.

— Я понимаю вашу внутреннюю борьбу. Слишком, уж, от многого и очень, уж, одиозного, придется отказаться по требованиям той концепции, которую вы для себя в конце концов выработали. Другим персонажам игры проще. Они находятся в блаженном (или роковом, это как посмотреть) неведении. Вы — нет. Хорошо это или плохо? Ни то, ни другое.

— Да, интересно и любопытно. Но ведь, фактически, вы приводите меня к мысли, что для меня совершенно правильно и последовательно считать всех людей, ну, и вас, разумеется, только за мультипликационные фигурки на экране моего ума. Увы, онтологический статус совсем не нейтральная вещь. Вы

говорили о множестве миров. Старая идея о пузырях восприятия, в которых существуют все отдельные люди. Я в этой идее не вижу ничего. Она для меня — ноль. Это всего лишь концепция в мире игры. Причем, концепция даже вовсе не безобидная. Она пытается навязать мне совершенно определенную стратегию взаимодействия с этими «пузырями восприятия», о которых на самом деле я и понятия не имею. Нет и нет! Отрицать, так до конца!

Тут дело в том, что, воспринимая внешний мир только как предмет приложения моих сил в какой-то странной и не вполне понятной игре, я в то же время являюсь самим собой, а потому смотрю на правила игры, на саму игру, как на нечто внешнее, даже как на нечто мне враждебное в каких-то отношениях. С какой стати я должен принимать условности игры как что-то для меня обязательное, значимое, непреложное? Ага! Разогнался!

Мораль? Нравственность? Любовь? Нет, я не против. Если мне что-то нравится, я чего-то хочу, если мне что-то может угрожать, я буду вести игру по всем правилам, я буду святее Папы Римского или хитрее Панурга, но это только потому, что мне это выгодно. А, если не выгодно? Да, пошло оно все! Очень я теперь понимаю ту женщину, что сказала, «после нас хоть потоп». Я, правда, не знаю, будет ли что-нибудь «после нас», после меня. Может ли, вообще, быть что-то такое, что можно понимать как «после меня»? Сомневаюсь. Но, с другой стороны, много ли я знаю? Собственно, знаю ли я вообще о себе что-то абсолютно несомненное и вечное? Нет, конечно.

Зачем любить ближнего? Зачем прощать того, кого прощать не хочется? Почему нельзя делать зло, быть злым, если есть такая блажь, такое желание? Да, это меня мучило, но ваши слова меня почему-то утвердили в том, в чем я почему-то сомневался. Отлично. Я все намотал на ус.

— Вам свойственно думать, что внутри себя вы совершенно вне игры. Для этого есть основания. Вы, конечно, способны смотреть на игру, как на нечто вполне внешнее по отношению к вам, способны абстрагироваться от навязываемых

игрой стереотипов. Но все-таки вы часть игры. И игра занимает внутри вас очень большое место. Вот, и упомянутые вами сомнения были отголосками этого влияния. Это только естественно, и будет не удивительно, если вы еще не раз поймаете себя на непоследовательности, колебаниях, а то и ошибках, которые правилами игры подразумеваются и составляют в ней весьма существенный элемент.

Мой собеседник поднялся, и я понял, что разговор окончен, и он уходит.

Я закрыл глаза, расслабился, а, когда открыл глаза, он уже ушел.

Февраль, 2014 г.

АНАЛИЗ «КНИГИ ИОВА»

ДУАЛИЗМ ТВАРИ И ТВОРЦА В ИУДАИЗМЕ И ХРИСТИАНСТВЕ

Для анализа и цитирования использовано светское издание текста «Книги Иова». Перевод ее был опубликован в БВЛ в 1973 году. Автор перевода и комментариев С. Аверинцев.

Я решил, что современный перевод, выполненный специалистом, предпочтительнее канонического, используемого церковью, вследствие своей выверенности, беспристрастности и научности. Тем более что расхождения между переводами непринципиальные.

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ИОВА

Предмет моего исследования «Книга Иова». Для меня это просто книга. То, что она входит в состав Ветхого Завета, который верующими почитается продиктованным самим Богом, для меня ничего не значит. Я рассматриваю ее в собственном смысле, без каких бы то ни было аллюзий.

«Книга Иова» почти сказка, притча и поучение. Написана она по меркам человеческой истории очень давно. От сказки в ней немного (чуть-чуть в начале, и чуть-чуть в конце), а от притчи много.

Можно посмотреть на эту книгу так, что «Книга Иова» притча о том, как надо понимать человеку, обрушивающиеся на него несчастья и страдания в свете положительной теологии. Я вижу в ней очень раннюю и очень страстную попытку создать теодицею[133]. Поскольку людям того времени, видимо, о

[133] Термин введен Лейбницем и означает теорию, оправдывающую Бога от обвинения в сотворении и поддержании зла.

теодицее, а уж о необходимости в ней и подавно, было совершенно ничего неизвестно, то автор «Книги Иова», счел свою задачу выполненной с блеском. Вывод, сделанный автором «Книги Иова» прост и честен. Причина, по которой Бог допускает зло — тайна, но поскольку зло это исходит от Бога, т.е. высшей и могущественнейшей силы, то следует смириться и принять действительность такой, какая она есть. Книгу отличают бурное красноречие и величественный, хотя и вполне дидактический, финал.

По форме изложения своих мрачных и тяжелых идей «Книга Иова» довольно забавна.

Живет на земле человек, которому Бог дал все, о чем обычно мечтают нормальные люди во все времена. Если сказать коротко и по-современному, человек этот очень богат, славен и счастлив в личной жизни. Кроме того, человек этот еще очень благочестив и добродетелен. Он постоянно помнит о Боге, совершает необходимые жертвоприношения и вообще живет так, что Бог на него не нарадуется.

Видимо, таких праведников тогда на земле было немного, а может и вообще больше ни было (по словам Бога: **«Ведь нет на земле мужа, как он»**), потому что Бог на утренней планёрке вспомнил об Иове и указал на него Сатане (Это совсем не Люцифер, падший ангел церковного учения, а, судя по контексту, нормальный ангел (один из Сынов Божиих), занимающийся по заданию Бога наблюдением за земными делами.), что, вот, де, какие у меня есть праведники. Сатана, судя по всему, хорошо разбирался не только в человеческой, но и в Боговой психологии. В общем, он своими скептическими речами подвиг Бога, явно не без тайного желания последнего, произвести испытание Иову. Кончилось это испытание тем, что Иов лишился всех детей, всего богатства, покрылся с ног до головы гнойными язвами и заболел проказой. Надо сказать, что Иов действительно был человек стойкости и праведности удивительных, потому что возопил не сразу. Он никак не мог поверить, что все эти ужасы смогли с ним произойти, и даже

сначала пытался обойтись как-то обычными самоутешениями: «Бог дал, Бог взял» и тому подобным. Но потом он, видимо, осознал все до конца и по-настоящему и, естественно, возроптал. Правда, ропот его, в общем-то, не был богохульством, скорее в нем слышится глубочайшее изумление.

Из слов Иова и других действующих лиц этой истории можно понять, что они искренне верят (Иов, правда, после происшедшего с ним, уже явственно в этом начинает сомневаться), что человек праведный угоден Богу, и потому Бог его обижать, вроде, недолжен. И, вдруг, такой прокол. К Иову приходят друзья и утешают его, но как можно утешить того, кто потерял все, покрылся язвами и заболел проказой? Да и утешения у них собственно такие, что не очень-то утешают, и которые и сам Иов себе все время в отчаянии повторяет: Бог, что захочет, то, что угодно и с кем угодно, и сделает, а хороший ты или плохой ему, видимо, безразлично, добавляет он уже от себя. С последним друзья Иова соглашаться никак не хотят и, собственно, из-за этого между ними и разгорается спор.

И вот вся книга почти состоит из сплошных сетований Иова, очень красноречивых, на свои обстоятельства и упреков ему его оппонентов за эти сетования. Сначала идет первая горестная речь Иова, потом говорят три его друга, Иов каждому отвечает, потом говорит, какой-то молодой человек по имени Элиу (Елиуй по каноническому тексту Библии), неизвестно откуда взявшийся и неизвестно куда потом исчезнувший.

Я здесь не разбираю художественных достоинств «Книги Иова». Они есть. Скажу только, что именно словесному мастерству автора книги, по моему скромному мнению, она обязана львиной долей своего успеха за последние несколько тысяч лет. Даже и сейчас вполне можно почувствовать ее неординарное словесное изобилие. Парадигма же ее еще будет предметом моего анализа.

В конце концов, Богу надоедает слушать все эти разглагольствования, и Он решает Сам сказать Свое веское слово. Правда, говорит он в принципе то же самое, что Иов и его

обличители, только чуть другими словами и еще более веско, а чтобы тавтология эта не была так уж заметна, гневно объявляет речи друзей Иова ложными и даже подлежащими наказанию. Бог объясняет «из бури» Иову и его друзьям, видимо, безмерно потрясенным, что Он Бог, Б-о-о-о-г, а потому претензии не принимаются. Раз он делает зло, то значит так и надо. «Ну, в общем, всё всем понятно?! Я ясно излагаю?!» Иов и остальные, надо полагать, хором кричат, что ясно. И им действительно ясно. Еще бы не ясно! Сам Бог им с неба объяснил, что по чём, и в каком мире и на каком небе они находятся.

Ну, сказка не была бы сказкой без хорошего конца. Тут Бог решает ради такого исключительного случая нарушить все свои принципы и выдает Иову немедленную и щедрую компенсацию за все им доселе претерпленное. Дети воскресают (или нарождаются новые в прежнем количестве, этот вопрос недостаточно ясен), богатство возвращается, и Иов живет очень долго и счастливо до тех пор, пока достаточно не насыщается жизнью. Последняя фраза мне особенно нравится. **«После этого Иов жил еще сто сорок лет** (на момент событий ему скоре всего от 45 до 55 лет) **и видел своих детей и детей своих детей, вплоть до четвертого поколения. И умер Иов в старости, насытясь жизнью».** Как будто наелся от пуза и отвалился от стола.

История Иова напоминает мне историю непонятно за что высеченного отличника. Отличника высекли, и он в недоумении. Он сидит себе в уголке, подвывает и робко сетует на то, что, как же так, такой хороший и добрый учитель, вдруг, поступил с ним так жестоко и несправедливо. Учитель уже и сам понял, что высек не того, но признаться в этом не может и из-за учительских непререкаемых амбиций, и из высших педагогических соображений. Наконец учитель с учеником приходят к компромиссу. Ученик признает, что его высекли правильно, потому что учитель он и есть учитель, кого захочет, того и высечет, и объяснять ничего не должен; а учитель, безо всяких извинений, разумеется, но после надменных разъяснений

постулатов о непреложности и непререкаемости своего авторитета, ставит ученику в два раза больше пятерок, чем до этого, и ласково гладит по головке. Ученик в результате безмерно счастлив.

АНАЛИЗ ТЕКСТА КНИГИ

БЛОКИ

«Книга Иова» состоит из отчетливо различимых блоков.

Первый блок — вступление, в котором две части. Первая разъясняет нам, кто такой и каков Иов, вторая описывает беседу Сатаны с Богом, в которой Бог разрешает Сатане испытать Иова. Тот испытывает его по полной программе, что и описывается.

Второй блок — это первые сетования Иова, в которых Иов говорит, что чем так жить, лучше бы умереть или вовсе не рождаться.

Третий блок — речи друзей-мудрецов Иова, возражающих ему, и упрекающих его в богохульстве, неблагодарности (?) и недостатке мудрости и смирения.

Четвертый — ответы Иова на увещевания друзей, где он вполне резонно замечает им, что хорошо рассуждать, не побывав на его месте. Я разделяю третий и четвертый блоки, но они включены друг в друга, перемежаясь между собой взаимными речами.

Пятый — речь Элиу, направленная и против речей Иова, и против речей старших товарищей. Эта речь некоторыми исследователями считается более поздней вставкой. И для этого есть основания, которые можно найти и в самой речи. К тому же в финальной сцене Бог, осуждая трех друзей Иова за то, что они говорили о Нем не так верно как Иов, ни слова почему-то не говорит об Элиу, и потому остается совершенно неизвестно, как же Он отнесся к его речам.

Шестой блок — речи Самого Бога, ставящего точку во всех прениях. Тут же и несколько реплик Иова,

демонстрирующих полное смирение и согласие со всем, изреченным Богом.

И седьмой блок — развязка. Прозаический текст, в котором описывается наказание, которому подверглись три друга Иова (не суровое, надо сказать), и награды, которые получил Иов от Бога, родственников и наказанных друзей. Завершается блок и вся книга фразой, которую я привел выше.

ОПИСАНИЕ БЛОКОВ И ПАРАДИГМА «КНИГИ ИОВА»

БЛОК I

А. «Был человек в земле Уц, и звался он Иов; и человек этот был прост, и праведен, и богобоязнен, и далек от зла. И родилось у него семеро сыновей и трое дочерей; имения же было у него семь тысяч овец, и три тысячи верблюдов, и пятьсот пар волов подъяремных, и пятьсот ослиц, и челяди весьма много. И был человек этот велик между всеми сынами земли восточной. И сыновья его имели обыкновение сходиться, и каждый в день свой давал пир в доме своем; и посылали они за тремя сестрами своими, и звали их есть и пить вместе. Но когда дни пира совершали круг свой, тогда посылал Иов за сынами своими и творил над ними очищение; рано утром вставал он и возжигал искупительную жертву по числу их. Ибо говорил Иов:

«Может статься, погрешили сыны мои
и похулили Бога в сердце своем?»
И так делал Иов во все дни».

Что за удивительная речь?

«Может статься, погрешили сыны мои
и похулили Бога в сердце своем?»

Богатый и счастливый Иов почему-то подозревает своих богатых и счастливых сыновей в богохульстве. С чего бы им богохульствовать? Казалось бы, такого и быть не может. Похоже на то, что фраза эта вставлена писателем, в нарушение общей логики ситуации, для того, чтобы исподволь подготовить читателя к тому, что и в самом счастливом существовании не все благополучно. Такие мысли в голове «простого» и «благочестивого» Иова показывают, что не так уж он и прост. Есть еще одно соображение, я скажу о нем чуть позже.

Есть еще одна странность.

По ходу повествования герои книги часто высказываются, как бы подразумевая изначальную нечестивость и нелюбовь человека к Богу, и более того, приписывает ее даже ангелам — «Сынам Божиим»[134]. Да и Богу, как видно из общего смысла высказываний, видимо, важна не любовь к нему, а страх и внешняя покорность. Да, что и удивляться? Бога, способного запросто делать с людьми то, что сделал Бог с Иовом, действительно, душевно любить трудно, можно со всей искренностью только бояться.

Б. На похвалы Бога Иову Сатана резонно замечает:

---

[134] **«Человек ли пред Богом прав,**
перед Творцом своим чист ли муж?
Вот, не верит Он и Слугам Своим,
и в Ангелах обличает порок.
Что сказать о тех, чей дом
из глины и стоит на пыли?
Их раздавят, как моль,
к вечеру их рассекут,
они сгинут — не приметит никто.
Исторгается у шатра их вервь,
и не в мудрости умирают они».
(Глава 4)

«Разве не за мзду богобоязнен Иов?

Не Ты ли кругом оградил его,
и дом его,
и все, что его?
Дело рук его Ты благословил,
разошлись по земле его стада.

Но — протяни-ка руку Твою,
дотронься до всего, что есть у него;
разве не похулит он Тебя
в лицо Тебе?»

У Бога и у Самого, видимо, уже бывали подобные подозрения, почему Он и соглашается испытать Иова с видимой легкостью. Здесь именно и проявляется сказочный, условный элемент этой истории. Бог здесь выступает в психологическом типе восточного тирана и деспота, желающего проверить лояльность подчиненного. Таким существенным божественным атрибутом как всеведение здесь и не пахнет. (Это всё изыски более поздних времен.) Бог в этом контексте обладает всеми признаками и ограничениями человека-правителя и деспота, включая подозрительность и самодурство. Вот инструкции Бога Сатане: **«Вот — все, что его, в руке твоей; лишь на него не простри руки твоей!»** и, вторая, **«Вот — он в руке твоей; лишь дыханье его сохрани!»**

Ну, Сатана и исполнил все в лучшем виде: **«И отошел Противоречащий** (С. Аверинцев переводит «Сатана» как «Противоречащий») **от лица Господа, и поразил Иова злыми язвами от подошвы стопы его по самое темя его. И взял Иов черепок, чтобы соскребать с себя гной, и сел среди пепла».**

Жена Иова простоватая, видимо, женщина, при виде всех этих ужасов, да и сама, наверное, в ужасе, ведь у нее только что погибли семь сыновей и три дочери, заболел муж, и пропало все богатство, попыталась сбить Иова с пути истинного:

«И говорила ему жена его:
«Ты все еще тверд в простоте твоей?
Похули Бога — и умри!»»

(Под простотой, по разъяснению переводчика, здесь понимается безупречность.)

Что ж, я ее вполне понимаю. Но Иов был праведником старой закалки, да и в намерения автора повествования не входило, чтобы он взял, вдруг, и сломался. Вот ответ Иова жене, и обратите внимание на (выделенный мной курсивом) комментарий автора после ответа:

«Но он сказал ей;
«Словно одна из безумных жен,
так молвила ты!
Приемлем мы от Бога добро —
ужели не примем от Него зло?»
При всем этом не погрешил Иов устами своими».

Автор подчеркивает «непогрешение устами», как бы вполне допуская и не осуждая возможность в Иове погрешение мыслями. Может быть, грешные мысли во мнении писателя, не такой уж и грех, ведь в них человек напрямую не властен, а над словами властен? Сами же слова Иова нарочито благочестивы. Ведь понятно, что имеется в виду не «неприятие зла» в физическом виде, (Принимай его, не принимай, куда от него денешься?), а именно неприятие (осуждение) факта зла и Того, Кто его наслал. Тут Иов осмотрителен не хуже члена Политбюро, ведь в действительности из того, что добро хорошо, совсем не следует, что хорошо и зло, хотя бы и из Божьих рук.

Вот еще пример политкорректности Иова. После первых ударов Сатаны Иов узнает о потере состояния и гибели детей:

««Сыны твои

и дочери твои
ели и пили вино
в доме брата своего первородного;
и вот великий вихрь
с того края пустыни пришел,
и сотряс он четыре угла
дома того,
и пал дом на юных, и они мертвы;
и спасся я один,
дабы известить тебя!»

И тогда встал Иов, и разодрал ризу свою, и обрил главу свою, и повергся на землю, и преклонился, и сказал:

«Наг вышел я из родимых недр
и наг возвращусь назад.
Господь дал, Господь взял —
благословенно имя Господне!»

При всем этом не погрешил Иов и не оказал Богу никакого неподобия».

Выдержка железная. Может быть это неточность перевода, но бритье головы в таких экстремальных обстоятельствах меня просто поражает. Учитывая то, в каком Иов состоянии, и качество бритвенных приспособлений в то время, представляю, на что была похожа голова Иова.

Итак, первый блок показывает нам Иова как человека исключительно богобоязненного и выдержанного. Никакие лишения и страдания не могут вынудить его обвинить того, от кого они только и могут исходить, а по содержанию текста и исходят.

БЛОК II

«И прослышали трое друзей Иова о всех несчастьях, что постигли его, и пошли они каждый из места своего: Элифаз из Темана, и Билдад из Шуаха, и Цофар из Наамы; и сговорились они идти к нему вместе, чтобы соболезновать ему и утешать его.

И когда они издали подняли глаза свои, они не узнали его. Тогда возвысили они глас свой, и возрыдали, и разодрал каждый ризу свою, и метали они прах на главы свои, к небу. И сидели они при нем на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели они, что скорбь его весьма велика».

Дальше следует пространная и страстная речь Иова, в которой он сетует на свои несчастья, проклинает день, в который родился и высказывает мысль, что лучше бы он умер в младенчестве. В сетованиях Иова нет осуждения Бога, есть только некоторое недоумение. На мой взгляд, Иовом, походя, высказана довольно глубокая философская мысль, противостоящая убеждению Экклезиаста о том, что «и псу живому лучше, чем льву мертвому».

«Как недоноску, не жить бы мне,
как младенцам, что не зрели свет!

Тогда лежал бы я, дремля,
спал бы и был в покое,
среди царей и советных вельмож,
что зиждут себе строенья гробниц,
среди князей, у которых злато,
полнящих серебром домы свои.
Там кончается ярость злых,
там отдыхает, кто утомлен;
узники в кругу своем не знают тревог,
не слышат голоса палача;
малый и великий там равны,
пред господином волен раб.

На что Он дает страдальцу свет
и жизнь тому, кто душой удручен,
кто хочет смерти, и нет ее,
кто рад бы добыть ее, как клад,
до восторга бы возликовал
и восхитился, обретя гроб, —
мужу, чей путь скрыт,
кому поставил преграду Бог?»

Вопросы к Богу имеют здесь очевидный риторический и косвенный характер.

Есть в этом месте текста и еще одно весьма многозначительное признание. Как мы знаем, все несчастья постигли Иова в качестве испытания его благочестия и праведности. Можно сказать, случайно. Бог похвалил его, Сатана усомнился в нем, Бог разрешил Сатане его проверить. Но Иов еще *до всех происшедших событий* опасался уже чего-то в таком роде, ожидал крушения своего благополучия.

«Вместо хлеба моего мне вздохи мои,
и льются, как воды, стоны мои,
ведь чего я ужасался, постигло меня,
и чего я боялся, приходит ко мне».

То есть Иов знал и ожидал от Бога (или судьбы) любых каверз и непредсказуемых действий. И правильно. Жизнь именно такова и есть, по божьей ли воле она такова или без нее. (Слова последних двух строк потом почти дословно повторил апостол Павел, прекрасно знавший первоисточники.)

БЛОКИ III И IV

Третий блок состоит из речей трех друзей Иова и его ответов им. Стиль речей очень высокопарный, но местами

попадаются ясно и просто выраженные весьма неглупые мысли и соображения.

Речи друзей несут на себе отчетливый привкус проповеднической риторики. Вообще вполне можно предположить, что речи эти были созданы не в ответ на конкретные высказывания Иова, а, так сказать, впрок на заданную тему.

Первым стал высказываться Элифаз из Теманы. Если он хотел утешить Иова, то выбрал поистине странную политику. Во-первых, он заявил, что Бог без вины никого не наказывает, и в нашем случае попал пальцем в небо.

«Припомни: когда чистый погиб
и где справедливый был стерт?
Насколько я видел, пахарь беды
и сеятель зол пожнут посев.
От дуновенья Божья сгинут они,
истают от дыханья гнева Его.
Глас льва, и рычащего зык,
и зубы львят исчезнут;
и погиб без добычи ярый лев,
и рассеяны отродья львицы».

Да и само по себе такое воззрение безмерно глупо[135]. Всякий, у кого есть глаза, знает, что сплошь и рядом происходит

---

[135] Такие же прекраснодушные речи ведет и Цофар из Наамы:

«Если ты управишь сердце твое
и к Нему прострешь руки твои, —
удалишь скверну с руки твоей,
из шатра твоего прогонишь порок,
тогда вознесешь беспорочно лицо твое,

в точности наоборот. Об этом даже потом и Иов скажет. Правда Элифаз и сам чувствует, что надо как-то подкрепить этот странный постулат, и он говорит, что собственно перед Богом никто не праведен.

«Человек ли пред Богом прав,
перед Творцом своим чист ли муж?
Вот, не верит Он и Слугам Своим,
и в Ангелах обличает порок.

(Вот интересно, какие есть пороки у ангелов, о которых мог бы знать человек, и есть ли они у них вообще.)

Что сказать о тех, чей дом
из глины и стоит на пыли?
Их раздавят, как моль,
к вечеру их рассекут,
они сгинут — не приметит никто».

Так что все эти рассуждения о неизменной справедливости Бога следует рассматривать в устах Элифаза скорее как риторическую фигуру. Мгновение спустя, он еще и не то отморозит. Как мы помним, весь разговор происходит

не убоишься и будешь тверд.
Так, ты позабудешь скорбь свою;
она будет для тебя, как вода, что ушла.
Светлее полудня воссияет жизнь,
и утренним светом озарится мрак.
Будешь спокоен и надеждой богат;
ты огражден отовсюду, чтоб в мире спать;
возляжешь, и грозящего тебе нет,
и многие будут угождать тебе!

через неделю после того, как погибли дети Иова, утратились его несметные богатства, а он сам покрылся язвами и проказой. Так вот тактичный и деликатный Элифаз, пришедший вроде бы утешить Иова, говорит ему, что ему надо поменьше жаловаться и грешить и тогда у него все будет преотлично. Не зря его потом Бог за эти слова наказал.

«Так,
блажен, кого обличит Бог,
и наказанья от Крепкого не отвергай!
Ибо Он уязвит, и Он исцелит,
Он бьет, и врачуют руки Его.
В шести бедах спасет тебя,
и в седьмой не коснется тебя зло;
в голод избавит от смерти тебя
и на войне — от силы меча.
От злого языка будешь укрыт,
не убоишься прихода нужды.
Нужде и гладу посмеешься ты.
и зверя земли не страшись:
ибо с камнями поля у тебя союз,
и зверь поля в мире с тобой.
И узнаешь, что дом твой цел,
оглядишь двор твой — и ущерба ни в чем,
и узнаешь, что обильно потомство твое,
и отпрыски твои, как трава земли.
Созрев до конца, сойдешь ты в гроб,
как сноп, что собран во время свое».

Сказанное (выделено курсивом мною) в другое время, в другой обстановке и другому человеку это все может быть и было бы уместно. Здесь же это выглядит просто нелепой насмешкой. Странно как-то говорить пожилому человеку, только что потерявшему всех детей и стоящему одной ногой в могиле, что он узнает когда-нибудь, что «обильно потомство

твое» и «отпрыски твои, как трава земли». Вообще-то, так оно по воле автора впоследствии и произошло, но по тексту нигде не говорится, что Элифаз пророк или прорицатель. А возмущение Бога его речами, осуждение их, вообще сводит на нет ценность его пророчеств, может быть в отношении одного Иова во всю историю человечества только и сбывшихся.

В своем ответе Иов не зря, поэтому, говорит:

«Если бы взвесить скорбь мою
и боль мою положить на весы!
Тяжелее она, чем песок морей;
оттого и дики слова мои!

Ибо стрелы Крепкого настигли меня,
и дух мой ядом их напоен,
и ужасы Божьи мне грозят.
Ревет ли дикий осел на траве,
и мычит ли бык над кормом своим,
и пресное ли без соли едят,
и есть ли вкус в белке яйца?
Да, чем гнушается душа моя,
то дано мне в тошную пищу мою!

И дальше Иов продолжает изощряться в сетованиях, проявляя изрядные многословие и красноречие. Смысл его речей — я не виноват, а если и виноват, то можно было бы и простить или хоть что-то объяснить.

Смысл речей Биллада из Шуаха приметно таков же, как и у его предшественника Элифаза. Он утешает Иова тем, что Бог справедлив и убил его сыновей потому, что они погрешили перед ним (что, как мы знаем, совсем не так).

«Ужели суд Свой извращает Бог
и Крепкий извращает правду Свою?
Погрешили пред Ним сыны твои,

и во власть вины их предал Он их.
Но если взыскуешь Бога ты
и с мольбою Крепкого призовешь
и если чист и праведен ты,—
Он нынче же встанет над тобой
и умирит место твоей правоты;
и если начало твое мало,
то велик будет твой конец!»

Почему-то он забыл о безупречной праведности Иова, которой тот славился. Иов не сделал ничего плохого и пострадал, а друг ему советует «с мольбою Крепкого призвать», не очень-то Иов его советам обрадовался. А я бы мог сообщить Элифазу, что Крепкий тут уже как раз побывал, в качестве своего представителя, правда.

Надо отметить интересную психологическую черту ораторов, они постоянно обвиняют Иова в каких-то особых богохульствах и всячески его предостерегают от них. Многие места из их речей можно даже прямо понять, как попытку формально отмежеваться от того крамольного, что говорит Иов, путем декларирования того, что по их понятиям должно было бы быть приятно и лестно Богу, хотя бы и не очень-то соответствовало истине. Здесь проступает простая житейская стратегия, применяемая «мудрыми» в практическом плане людьми, по отношению к начальнику, властителю, т. е. человеку, наделенному большой властью, но падкому на лесть и не снисходящему до анализа мотива восхвалений. Я думаю, и в то время уже понятие о Боге было достаточно изощренным для того, чтобы предполагать, что Он может быть обманут столь наивными хитростями. По сути, Иов об этом и говорит в своих речах. Его понимание Бога куда глубже плоских и наивных представлений его обличителей. Хотя по многим словам последних, их скорее можно заподозрить в притворстве, чем в неискушенности. Там, где они уверены, что их речи не могут быть осуждены Богом, они так же повторяют суждения Иова,

как и Иов то и дело повторяет их. Удивительного, впрочем, мало, если вспомнить, что все речи написаны, видимо, одним и тем же человеком. Если и есть более поздние вставки, то они, безусловно, добросовестно стилизованны под основной текст.

Итак, по большому счету можно сказать, что друзья Иова говорят в основном не по делу, да еще и, наступая Иову на больную мозоль. С удивительным постоянством повторяется идея справедливости Бога, идея его справедливого воздаяния грешникам и праведникам. Конечно с точки зрения теологии, а не истины, Бога очень важно оправдать и представить в наиболее благоприятном свете.

В самом конце «Книги Иова» (6-й блок) Иов говорит Богу:

«Теперь знаю: Ты можешь все,
и невозможно противиться Тебе!
Кто есть сей, что промысл мрачил
речами, в которых разуменья нет?
Да, Ты явил дивное, непонятное мне,
великое, непостижное для меня.
Внемли же, я буду говорить,
и что буду спрашивать, изъясни!
Только слухом я слышал о Тебе;
ныне же глаза мои видят Тебя[136], —

[136] *Только слухом я слышал о Тебе; ныне же глаза мои видят Тебя. —* Я сознательно не обращаю внимания на подчеркивание Иовом разницы в его отношении к Богу тогда, когда он только слышал о Нем, и тогда, когда он видит его воочию. Слова эти можно понять аллегорически, как разницу между мистическим глубоким постижением Божества и поверхностным, дискурсивным, произведенным только на уровне говорения и слушания. Вся иудейская парадигма того времени чужда такому современному

сего ради отступаюсь
и раскаиваюсь во прахе и пепле!»

Казалось бы полное смирение и покорность. Может и так. Но в главе 9 можно найти более, видимо, искреннее признание Иова в том, что он не видит никакого смысла препираться и спорить с Богом, как в неизмеримой степени его превосходящей силой.

«Гнева Своего не сдержит Бог:
слуги Рахава падут пред ним!
Что я? Мне ли отвечать Ему,
для спора с ним подбирать слова?
Пусть правда — моя, но я смолчу,
должен умолять Судью моего.
Если б звал я и явился Он,
я не верю, что Он бы слушал меня.
В вихре налетел Он на меня,
без вины умножил раны мои,
не дает мне перевести дух,
но горечью пресыщает меня!

пониманию взаимоотношений человека и Бога. Книга же Иова прямо направлена к тому, чтобы подчеркнуть бесконечную дистанцию между человеком с его проблемами и непостижимым Богом. Поэтому я считаю эти слова Иова или случайно вызывающими такое понимание, или посторонним влиянием других парадигм (которое, безусловно, присутствует в произведении), или поздней коварной вставкой какого-нибудь эзотерика (последнее маловероятно, но мне хотелось бы так думать).

Если дело в силе — могущ Он;
а если в правде — кто рассудит меня?»

При большой внешней схожести между речами Иова и его друзей, пришедших утешить его, есть существенная разница. Иов жалуется на страдания, сетует на них, страстно просит Бога простить его, если он виновен в чем, говорит о том, как он мечтает умереть, исчезнуть, но нигде он не пытается найти объяснение действиям Бога. Более того, он подчеркивает, что никаких таких объяснений нет (а в его случае это так и есть) и, что как это ни ужасно, но несомненно и предельно ясно, что все эти напасти производит Сам Бог, а потому всякие вопросы и претензии к нему неуместны. В дальнейшем выяснится, что это позиция и самого Бога (в трактовке автора, разумеется). Друзья же пытаются *объяснить* страдания и несчастья, постигшие Иова, да и неминуемые для любого человека, человеческими объяснениями. Они исходят из того, что Бог награждает праведников и наказывает грешников. Но Иов совершенно справедливо утверждает, что есть сколько угодно примеров обратного, злодеев счастливых и грешников процветающих.

«К чему злые остаются жить,
достигают старости в расцвете сил?
Их дети устроены пред лицом их,
и на глазах у них цветет их побег;
в безопасности от бед их дома,
и Божьего бича на них нет!
Их бык прыгает и плодотворит,
их корова не выкинет плода своего.
Как овец, выгоняют они своих детей,
и скачут, как телята, чада их:
ликуют под шум бубна и струн,
веселятся, слушая свирели напев.
В счастье провожают они свой век
и сходят в преисподнюю легко.

Богу они молвят: «Уйди от нас!
Не хотим мы знать путей Твоих!
Что есть Крепкий, чтоб нам служить Ему,
и что проку прибегать к Нему?»
Вот, благо не в их руках!
Прочь от меня, умысл злых!

Доколе? Да погаснет светоч злых,
да придет на них сужденная беда
и Бог их во гневе да одарит!
Пусть они будут, как солома на ветру,
словно мякина, что взвеял вихрь!
Или кару Бог отложил для сынов?
Пусть воздаст самому, чтобы знал впредь!
Пусть погибель увидят его глаза,
и от гнева Крепкого пусть он пьет;
ибо что ему судьбы дома его,
когда сроки жизни его истекут?

Но Бога ли мудрости учить,
в вышних творящего свой суд?

Один умирает в полноте своей,
всем доволен и примирен;
полны млеком сосуды его
и кости мозгом напоены.
А другой умирает, удручен душой,
ничего доброго не вкусив;
они вместе будут лежать в земле,
и покров из червей покроет их.

Тут нелишне подчеркнуть, что в круг представлений древних иудеев, каковыми и являются Иов и его друзья, не входят еще понятия о загробном воздаянии за праведную или

неправедную жизнь и вообще представление о бессмертии души[137]. Человек прах и в прах вернется. Речь идет о той жизни,

---

[137] В "Книге Иова" есть одно довольно странное место. Иов задумывается о возможности существования жизни после смерти. Это явно чуждое влияние, и место это видимо, призвано было показать крайнюю неортодоксальность Иова и его предельное отчаяние.

Да, для дерева надежда есть,
что оно, и срубленное, оживет
и побеги станет пускать вновь;
пусть одряхлел в земле корень его
и обрубок ствола омертвел в пыли —
чуть дохнет влагой, зеленеет оно,
как саженец, выгоняет ветвь в рост.
А человек умирает — и его нет;
отходит — и где его искать?
Если воды в озере пропадут,
иссякнет и высохнет ручей;
так человек — ложится, и не встанет вновь,
не проснется до скончания небес,
не воспрянет от своего сна.

О, пусть бы Ты в преисподней сокрыл меня
и прятал, покуда не пройдет твой гнев,
на время — а потом вспомнил меня!
Но будет ли по смерти жив человек?

Что ж это за преисподняя, которую упоминает Иов?

Наличие, может вполне смутных представлений, о личном бессмертия можно обнаружить и в том

которая есть на земле от рождения до смерти. В таком контексте оптимистические утверждения друзей Иова выглядят особенно нелепо и просто-таки лживо. Какой-то розовый, близорукий идеализм, близкий к идиотизму.

БЛОК VI

И вот Бог отчитывает и осуждает тех, кто фактически хотел его оправдать, и хвалит и награждает Иова, который хоть и сетовал на него, но сказал то, что Бог одобряет и считает истиной. Бог выше добра и зла. Бог сотворил все и сотворил так, как хотел, и потому может посылать своим созданиям добро и зло без какой либо системы, а по одному только своему божественному произволу. Вот вывод автора «Книги Иова».

Что ж, вывод правильный. И гораздо более глубокий, чем прекраснодушные умствования мудрецов, пытающихся приписать Богу, да еще вопреки очевидности, человеческие представления о справедливости. Правда, вывод такой никак не может претендовать на роль теодицеи. Фактически в «Книге Иова» утверждается, что Бог «по ту сторону добра и зла» с намеком на то, что так и должно быть, поскольку и сам Бог, собственно, по ту сторону от созданного им бытия.

Вся иудейская религия (и имеющее те же основы христианство) построена на противопоставлении Бога и человека, Творца и твари. Бог — начало всего, всего явного и неявного. Человек же — земля, прах, да к тому же еще и прах

знаменательном факте, что при всем ужасе своего положения, Иов даже отказывается рассматривать идею самоубийства. И действительно, что стоит Богу воскресить (даже при всеобщем отсутствии посмертного существования) беглеца и нечестивца и подвергнуть его какому-нибудь ужасному наказанию.

согрешивший. Ведь Бог создал человека «для славы своей», но славы не вышло. И не вышло по вине человека, совершившего первородный грех и изгнанного за это из рая. Благодаря этой парадигме западное мышление гораздо более дуалистично, чем восточное. Для иудея, христианина дуализм представление вполне органичное.

В этом свете любовь к Богу выглядит как заискивание его милости. Странно, нелепо даже, говорить об искренности и непосредственности такой любви к Богу. Религиозные восторги, как не верти, имеют под собой низкую подоплеку, — страх перед неведомым и опасения за свой живот. Я читал как-то восторженные изъявления совсем небывалой любви к Богу у какого-то христианского подвижника, который договорился до того в своем низкопоклонническом усердии, что утверждал, что во имя любви к Богу, готов попасть в ад и вечно там терпеть адские муки. Я не думаю, что я больший циник, чем все прочие люди, но утверждать такое может только тот, кто не вполне понимает, что говорит, или тот, кто не вполне нормален, что в отношении крайне религиозно экзальтированного фанатика достаточно вероятно. Интересно, как бы себя могла чувствовать такая непомерная любовь, если бы ей предложили испытание в виде отправления всех людей в ад на вечные муки. И чем бы тогда такая любовь отличалась от любви к дьяволу или просто к злу? Достоевский слезинки ребенка не мог Богу простить, а такая любовь к Богу подразумевает прощение, не вменение в вину ему, любого изуверства, любой самой изощренной пытки и в отношении кого угодно.

Следствием такой философии не может не быть признание чрезвычайной хрупкости, ограниченности, конечности человека и его жизни, и в конечном итоге полной, абсолютной зависимости их от бесконечно могущественного Бога. Можно угождать Богу, можно просить его, молить, просто надеяться на его милость, вот, пожалуй, и все. Если Богу ты будешь угоден, если угодишь ему (молитвами, жертвоприношениями, строгим соблюдением обрядов,

предписанных Богом), Бог даст тебе жизнь благополучную, хорошую. Или не даст. Тут, уж, его воля. После же жизни — смерть. Прах к праху, а дух к Богу. Дух это не душа, не индивидуальность, это есть то живящее, что было Богом вдунуто при творении в человека, а после смерти возвращается к Нему обратно.

НЕМНОГО О ВЕДАНТЕ

Доктрина, на которой базируется «Книга Иова», а шире иудаизм и христианство, противоположна доктрине ведической. Веды не антропоморфизируют Бога. Антропоморфными являются только Аватары. Вишну, Шива, Брахма. — Великая индуистская троица (тримурти) не является первоначальным Богом, как Троица христианская. Первоначальный Бог Веданты Ниргуна-брахман (Брахман, не имеющий определений). В позднем, изощренном, «эзотерическом» христианстве есть представление о Боге примерно совпадающее с Ниргуна-брахманом Веданты, это Бог апофатической теологии, в которой утверждается, что Богу невозможно дать положительного определения, а следует определять его отрицательно, утверждая только то, чем он точно не является. Есть, правда, и существенное различие. Апофатическая теология, при всей строгости в своем подходе к определениям Бога, является все-таки следствием изначального дуализма иудейского понимания мира, дуализма твари и творца. Бог, таким образом, определяется отрицательно относительно тварного мира, в котором и находимся все мы, и в том числе и тот, кто толкует о свойствах Бога. В Веданте же сходной позиции придерживается только одно из направлений — двайта-веданта Мадхвы (дуалистическая веданта). Знаменитая же адвайта-веданта (абсолютный монизм, буквально, не дуализм), в принципе не отделяет творение от творца. «Творение» признается иллюзией — майей — не имеющей реального существования, а представляющей собой что-то вроде сновидения абсолютного

субъекта — Ниргуна-брахмана. Поэтому каждый частный субъект в веданте, хоть и представляет собой ограниченную индивидуальность, в то же время в сущности своей является Брахманом. В упанишадах это положение выражено постулатом Атман есть Брахман, где Атман то всеобщее в индивидууме, что вообще и само по себе — Брахман.

Только такая концепция дает возможность говорить о спасении и освобождении, как результате только личного усилия и подразумевать под ними слияние с Брахманом в единую сущность.

ДОГМА И НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Теперь мне хочется посмотреть, какие основания есть у двух упомянутых направлений религиозной мысли для своих достаточно категоричных утверждений.

В иудаизме это Библия, священное предание. Иудей не может ему не верить, потому что оно неоднократно подтверждено чудесами, знамениями, пророчествами и самим Моисеем, получившим лично от Бога скрижали завета, и написавшим первые пять книг Библии. Иудей верит всему этому, и потому живет так, как предписал, строго говоря, Моисей. Христиане, конечно, сильно видоизменили первоначальную иудейскую доктрину[138]. Но введение в иудейские основы учения об искупительной миссии Христа, никаких изменений в сами представления о Боге не внесло,

[138] Совершенно последовательно видеть в христианстве, возникшую в недрах иудаизма ересь, неожиданно получившую широкое распространение и признание. Ортодоксальный иудаизм все еще ждет своего мессию, тогда как христиане веруют, что он уже приходил и, соответственно, ждут уже второго его пришествия.

основа христианства осталась дуалистической. Я не хочу здесь вдаваться в тонкости не нужные для моих целей, подчеркну только, что при всем внешнем отличии христианства от иудаизма, это учение о твари и творце, и все упование на благодать и спасение в нем перекладывается полностью на Бога, при посильном, в некоторых вариантах учения[139], соучастии человека.

---

[139] В христианстве существует учение об отсутствии у человека свободы воли. Знаменитый спор между Эразмом Ротердамским и Лютером шел именно на эту тему. Лютер был категорическим сторонником этой идеи, но отнюдь не ее автором. При отсутствии свободы воли (признании субъективного ощущения свободы волевых импульсов, собственно, иллюзией) спасение человека полностью может находиться только в руке Божьей и не зависит от деяний человека, которые, строго говоря, предопределены богом изначала. Лютер считал, что именно гарантии Бога делают спасение возможным, в то время как никакие личные усилия, в виду их несовершенства, ни к какому спасению никогда бы не привели.

«Что касается меня, то признаюсь: если бы это и было возможно, я не хотел бы обладать свободной волей или иметь в своей власти нечто, при помощи чего я мог бы стремиться к спасению. И не только по той причине, что я не сумел бы удержаться и устоять перед всеми препонами и опасностями, перед всеми одолевающими меня бесами — а ведь один бес могущественнее всех людей, и ни один человек не спасется, — но по той причине, что если бы и не существовало никаких опасностей, никаких препон и никаких бесов, то все равно я вынужден был бы все время радеть о неверном и бить воздух (1 Кор., 9, 26.). Ведь если бы я даже и жил

вечно, и трудился, моя совесть никогда не могла бы быть спокойна и уверена, что я сделал столько, сколько надо, чтобы было достаточно. Потому что после завершения каждого дела оставалась бы червоточина: нравится ли оно Богу, или же сверх этого Ему требуется что-то еще. Это подтверждает опыт всех наиправеднейших людей, да и сам я, к великому своему несчастью, за много лет достаточно хорошо этому выучился.

Но теперь, когда Бог, изъяв мое спасение из моей воли, взял его на Себя и пообещал меня спасти независимо от моего попечения об этом или моего старания по своей благодати и милосердию, я спокоен и уверен, потому что Он верный и не обманет меня. Он столь могуществен и велик, что никакие бесы, никакие препоны не сломят Его и не смогут похитить меня из руки Его. "Никто, — говорит, — не похитит их из руки Моей, оттого что Отец, Который дал Мне их, больше всех" (Ин., 10, 28 сл.). Выходит так, что если не все, то некоторые — и многие — спасутся; тогда как при помощи свободной воли вовсе никто не уцелеет, сгинем все до одного. Тут уж мы уверены и твердо знаем, что мы нравимся Богу не из-за того, что заслужили этого своим делом, а по благоволению Его милосердия, обещанного нам. Если мы сделаем мало или же плохо, то Он не взыщет с нас, а по-отечески простит и направит. В этом и заключается слава всех святых перед Богом». [Мартин Лютер «О рабстве воли». Из книги Эразм Ротердамский «Философские произведения». 1986, Стр. 540.]

Да, в христианстве есть исихазм, умное думание и тому подобны изыски, которые вполне справедливо причисляют себя к христианству эзотерическому. По моему мнению, для ортодоксального христианства все это совершенно излишне, по сути, избыточно, а в чем-то и кощунственно. Бог был распят на кресте, Бог отдал свою жизнь во искупление первородного греха и, тем самым, человек уже спасен. От него не требуется совершения никаких особых манипуляций со своим сознанием и разумом, никаких психотехнических тренировок. От него требуется соблюдение заповедей, предписываемых церковью и Писанием, посильная праведная жизнь и вера в то, что он спасен Христом по воле Бога.

В Веданте же ее основы получены как раз таки, в немалой степени благодаря изощренным психотехникам. Не имеет большого смысла анализировать, почему так получилось в историческом плане. Причины могут быть, какие угодно. Собственно, если припомнить, Моисей был воспитан египетскими жрецами и без сомнения имел представление о египетской магии, умевшей открывать человеку непосредственно его тайную божественную суть. С другой стороны, в Индии, в Ведах имеется безупречно дуалистическая система, древнейшая и уважаемая санкхья — прародительница йоги. В санкхье нет Бога, в санкхье нет творца, в санкхье есть Пуруша (дух) и Пракрити (материя)[140][008]. Пуруша ошибочно

[140] Строго говоря, именно санкхью можно называть дуалистической системой в собственном смысле. Именно она постулирует два абсолютных и независимых друг от друга начала. Христианство и иудаизм системы сами по себе недуалистические, это монизм, в качестве такового постулирующий Бога, как единое первоначало. Дуализм в них проявляется только в виде дуализма твари и творца. Человек в них видит себя тварью, т. е. тем, что сотворено посторонней для него, непостижимой в принципе и

принимает за себя свое отражение в мертвой бездушной материи, откуда страдания, несовершенство, суетность жизни. Специальными тренировками, диетой, образом жизни, можно сделать материю безупречно спокойной, а соответственно успокоить и все психические функции, которые имеют вполне материальное происхождение, и потому перестать быть беспокойной материей, а стать вечным Пурушей. Теория эта имеет множество неотвеченных вопросов и нелепиц, но именно она подвигла неисчислимые полчища людей к поразительным и изощреннейшим подвигам экспериментирования над своими душой и телом, в попытке достичь самадхи (блаженное и предпочтительное перед всеми другими состояние неразличения познающего, познаваемого и процесса познания) и стать Пурушей. Именно Раджа-йога открывает человеку суть того, чем он поистине является, открывает ему великую истину равнозначности его Атмана Вечному Брахману. И ведь такое понимание заложено уже и в санкхье, в которой любой йог старается перестать быть человеком, а стремится стать тем, кем он является поистине — Пурушей. Пуруша на санскрите означает человек. Но это не просто человек, это не любой человек, это первочеловек, исходный, извечный, изначальный, всеобъемлющий человек. В неоплатонизме, гностицизме есть

неизмеримо превосходящей его силой. Отчасти именно из этой позиции исходят европейские нигилизм и агностицизм. Мы можем постичь только то и столько, что и сколько будет угодно Богу. Не будет угодно, ничего не постигнем.

Любой монизм сталкивается с проблемой объяснения того факта, что единое стало многим. И христианство, и иудаизм дают только строго догматический ответ, то есть фактически не дают никакого.

сходное понятие. Это Адам Кадмон[141]. Первый человек, сотворенный Демиургом, в котором, в потенции, находятся все люди, которым когда-либо суждено будет родиться, и который, как таковой, представляет их всех.

Учение же древних Иудеев, перекладывающее весь онтологический груз на мощные плечи Бога, а человеку оставляющее только покорность и довольство своей маленькой, исчезающее маленькой, судьбой, мушиной долькой, исключает и саму возможность поиска какой бы то ни было реальной этому

---

[141] Вот интересное место из неоплатоника Иоанэ Петрици. Даю без комментария:

ГЛАВА 211
[НЕРАЗУМНОСТЬ ЧАСТИЧНОЙ ДУШИ]

«Всякая частичная душа, нисходя в становление, нисходит вся целиком».

Это воззрение говорит, что если бы душа была всеобщей и высшей, то вечно бы познавала и не низвергалась бы по неразумности, а имела бы разумные глаза и пребывала бы в вечном блаженстве рая, т. е. в украшении разумных родов. Ибо там вечная душа созерцает роды и разумные солнца. Но когда что-либо нисходит оттуда, смешивается с идолами и из-за неразумия лишается способности созерцать высшие божественные роды и насладиться соприкосновением и слиянием с разумным и сверхразумным, то тогда нужно спросить его: где ты находишься, Адам. т. е. как отделила тебя неразумность от твоего бога и отца? (Иоанэ Петрици "Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадоха". Москва — 1984)

альтернативы. «Книга Иова» декларация этой идеи. Тем не менее, Книга Иова» — великая книга. Надо отдать ей должное, это книга честная.

У меня осталось впечатление, что книга эта, в том виде, что мы имеем, собрана как бы из фрагментов, даже и не всегда достаточно ловко подогнанных друг к другу. Возможно, в первоначальном варианте она была более откровенна и жестка. Мне представилось, что некоторые из слов Иова, вполне вероятно, попали к нему из речей его оппонентов и наоборот. Есть совершенно неоправданные повторы, противоречия, неизвестно куда исчезнувший Элиу и т. п. Речи друзей построены слишком абстрактно, это — проповеди, построенные с расчетом на определенным образом настроенную аудиторию, а не слова увещевания и порицания, долженствующие иметь конкретный адрес и смысл.

При всем при том, для содержания книги это несущественно. В конце концов, введенный в транс ее бурным многословием и цветистостью слога, не особенно и следишь, кто именно говорит и что. Случается и Иову противоречить самому себе. В конечном же итоге идея автора торжествует и потому не очень-то важно, что там говорилась до этого.

Мудрецы-друзья отстаивают тривиальное понятие о Боге, почти примитивное. Добродетель и набожность автоматически обеспечивают процветание и расположение Бога. Поскольку это положение очевидно расходится с реальным состоянием дел в мире, ими дается то объяснение, что видимо все-таки какая-то вина есть у любого пострадавшего (подкрепление идеи о первородном грехе), а праведник неизбежно будет вознагражден. Но мы-то знаем, что Иов ни в чем не виноват, совершенно праведен. И сыны его невиновны. Чтобы в этом не было сомнений, автор в первых же почти строках сообщает нам, что если и была на них какая вина (богохульство), то Иов уже принес жертвоприношение и тем ее искупил. В своих ответных речах Иов говорит, зачастую, почти то же самое, что и его оппоненты, но, и это главное, у него нет утверждений о

справедливости и заслуженности страданий. Скорее он постоянно подчеркивает их незаслуженность, произвольность. И в то же время он подчеркивает, что, хоть это и ужасно, но такова очевидно воля Бога, а, значит, она непредсказуема и воистину произвольна. В дальнейшем Сам Бог подтверждает правоту такого взгляда. Он не говорит это прямо, но речи его на удивление похожи на речи Иова, и совершенно в них отсутствует мотив справедливости или предпочтения добра злу.

О БЛОКЕ V (с некоторым запозданием)

В теле «Книги Иова» есть странный персонаж. Это Элиу. В начале книги говорится, что к Иову пришло три друга, и эти друзья перечисляются по именам, Элиу среди них нет. Они рыдали, глядя на Иова и не узнавая его (так он изменился от горя), кидали в небо пепел и посыпали им головы, сидели молча возле него семь дней. Потом они слушали Иова, возмущались его словами, возражали ему примерно одинаковым образом и в одинаковых выражениях, выслушивали его возражения на их возражения и, в конце концов, не имея, что возразить Иову дальше, замолкли. И тут откуда-то появился Элиу. О нем говорится, что он был молод, и хотя был не согласен ни с Иовом, ни с его пожилыми друзьями, молчал, уважая их возраст. Теперь же он начал очень взволнованную, страстную обличительную речь, претендующую на какое-то новое откровение. Треть речи, собственно, состоит из уверений, что слушающие сейчас услышат, что-то невиданное. Однако гора родила мышь. Во-первых, он повторил всё те же благоглупости[142], что уже были в

---

[142] **Бог говорит один раз**
и во второй раз, коль не вняли Ему:

во сне, в виденьях ночных,
когда падет на человека забытье,

дремота на ложе усыпит, —

вот тогда Он отверзает мужам слух,
внушенье Свое напечатляет им,
чтоб человека от замысла его отвратить
и отвеять от мужа гордыню его,
чтобы от бездны душу его отвести
и жизнь его — от острия меча.

То есть утверждается, что Бог настолько участлив в некоторых мужах, что является к ним во сне и дает им такие внушения, которые отвращают их от таких замыслов и такой гордыни, которые могли бы привести их в бездну (?) или на острие меча. По правде сказать, такие поступки скорее пристали бы какому-нибудь сердобольному ангелу, а не Богу. Вот оно извечное непонимание. Иудейский Бог не может делать выбор между плохим и хорошим, между добром и злом, потому что является безусловным началом (принципалом) и того и другого. С какой стати ему предостерегать от бездн, которые он сам любовно и заготовил. Если он спасет от острия меча, то кого тогда будет на это острие насаживать тот, у кого этот меч находится в руках. И не присутствует ли Бог равно и в том, кто погибает, и в том кто несет погибель. (См. Бхагавадгиту.)

Или муж болезнью на ложе вразумлен,
жестокою болью в своих костях;
жизни его опостылел хлеб,
и лакомая снедь омерзела душе;
его плоть тает, ее не видать,

речах его предшественников, о безупречной справедливости Бога, во-вторых, высказал идею, видимо совсем свежую тогда, но за прошедшие века изрядно износившуюся и поднавязшую в зубах. Идею о том, что страдания вполне возможно даются человеку Богом для того, чтобы его улучшить и испытать. Это одна из наиболее популярных в наше время теодицей. У кого я

и скрытая прежде торчит кость;
и приближается к могиле его душа
и к месту смерти — его жизнь.

Но если есть Ангел за него.
Ходатай, из тысячи один,
учащий человека правоте,
он сжалится над ним и скажет так:
«Избавь его, чтоб он не сошел в гроб;
я выкуп за него нашел!»
Тогда тело его юностью процветет
и молодость его вернется к нему;
он молится, и милует его Бог,
дает видеть ликующим Свое лицо,
и возвращает мужу его правоту.
Тот поет пред людьми и говорит так;
«Я погрешал и прямое кривил,
но Он не воздал мне по делам:
освободил от погибели душу мою,
и жизнь моя видит свет!»

Вот, все это делает Бог,
дважды и трижды с человеком творит,
чтоб вышла из тлена его душа
и во свете живых он воссиял.

ее только не встречал, а она была высказана еще Элиу в «Книге Иова». И, тем не менее, идея эта не более чем софистическая уловка. Надо ли говорить, что всемогущему и запредельному божеству незачем никого ни испытывать, ни воспитывать. Оно бы могло с легкостью, как говорит Шлёнский, понаделать и более совершенных, и более понятливых козявок из белковой материи. (Мнение Шлёнского о христианстве (крайне негативное) можно узнать из моей статьи «ЗАЧЕМ БОГ СОТВОРИЛ ЗЛО, И НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ЕМУ БЫЛО ЭТОГО НЕ ДЕЛАТЬ?»)

Боюсь, что сумбурная речь Элиу тоже не пришлась бы по вкусу Суровому Божеству, вмешавшемуся, наконец, в затянувшийся этико-теологический спор. Но, скорее всего потому, что речь Элиу более поздняя вставка, как полагают многие эксперты, Бог не сказал о нем ни слова, и осуждению и наказанию по команде Яхве подверглась только первоначальная троица мудрецов, а Элиу как возник неизвестно откуда, так же, не попрощавшись, исчез неизвестно куда.

Итак. Бог явился и внес в ничему не приведшие прения приятную однозначность. Хотя по речам Бога и видно, что они написаны тем же автором, что и предыдущие речения, но в них звучит какая-то новая монументальность. Видно, что автор очень основательно подготовил конец, являющий нам апофеоз задушевнейших его идей. Бог не говорит прямо, конечно, что Я, де, выше добра и зла, а потому нечего вам тут и спорить. Он в могучих образах и с уже привычным многословием и цветистостью обрисовывает свое могущество и мощь, не очень явно, но, достаточно понятно намекая Иову в ответ на его сетования, что говорить-то, собственно, не о чем. Посмотри, Кто Я, и кто ты. Это впечатляющая речь. И вероятно Иов вполне искренне сказал:

«Теперь знаю: Ты можешь все,
и невозможно противиться Тебе!
.....

сего ради отступаюсь
и раскаиваюсь во прахе и пепле!»

«Книга Иова» апофеоз специфического вида дуализма. Дуализма твари и Творца. Великолепная апология дуалистического понимания мира, как вечного и несокрушимого твари и Творца противостояния. Мне видится в русле такой парадигмы совершенно последовательным представление об отсутствии для индивидуума, какого бы то ни было посмертного существования (Какое посмертие может быть у белковых козявок?). Воля и планы Творца непостижимы, и раз он создал людей и создал их такими, какие они есть, то следует принять это как факт. В конце концов, любая жизнь более-менее сносна, а если и несносна, то можно утешаться ее непродолжительностью. Утешаться как той надписью на кольце царя Соломона, на которую следовало смотреть или в очень счастливые минуты жизни, или в очень плохие, надписью гласящей: «И это пройдет».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СОВРЕМЕННЫЙ МИСТИЦИЗМ

Ортодоксальное христианство в современном мире проиграло философскую битву. Оно, так сказать перешло во вторую лигу. Это совсем не внешняя его вина. Сторонники христианства совершенно справедливо подчеркивают, что злоупотребления церковных чиновников, иерархов даже, нельзя вменять в вину всей церкви (собранию верующих, по сути). А уж идеологии тем паче.

Распространение на западе восточных религий, философий, не есть происки дьявола, как нас пытаются уверить апологеты ортодоксального христианства, а именно очевидная для непредвзятого человека мудрость и глубина восточного мудрствования. Одним из самых убедительных внешних доводов в пользу восточной мудрости является ее веротерпимость, относительность, способность подвергать исследованию и сомнению собственные каноны и святыни. И на востоке мудрецы встречаются не на каждом шагу, но там им не приходится преодолевать догматических трудностей. Главное же то, что для осознания себя единым с Богом (Брахманом) в монистической философии действительно есть основания.

Надо признать, что, как *экзотерика*, восточные религии имеют перед христианством мало преимуществ. Собственно, не имеют никаких. Каждая традиция хороша на своем месте, в свое время и для соответствующего общественного устройства. Но подоплека у иудео-христианства и буддизма, и индуизма разнятся в принципе. Сколько угодно можно рассуждать об интимности христианства, о присутствии в нем «Бога живого», и невозможности такого понимания у буддиста, скажем.

Буддисту не нужно этого, потому что весь мир это он сам и есть, а если буддист признает наличие Бога, то и Бог этот тоже он. Здесь же декларативность выдает сама себя. Хочется интимности, хочется, ох, как хочется, Бога Живого, хочется

какой-то необыкновенной, невообразимой веры[143], потому что в основе-то парадигмы, хоть и в скрытом виде и всячески зашифровано, но лежит ***неустранимый порок — есть Творец, а есть тварь*** (и любить твари Творца, в сущности-то, не за что, разве что из холопства (или по глупости — «за бытие»)). И отношения их по необходимости должны быть отношением бесконечности к нулю. Какая уж тут интимность? Вот и приходится ее (как и благодать, приобретаемую верой) изобретать и присочинять.

Дуализм — учение безотрадное. Мир нам являет восхитительное равнодушие к бедствиям и страданиям живых тварей. В древние наивные времена можно было поверить, что это происходит потому, что Бог рассердился на первых людей и решил наказать их таким миром и такой жизнью. Сейчас же те, кто уверены, что верят в это, делают это только по инерции или в угоду догматизму, заменяющему многим людям способность к самостоятельному здравому мышлению. Сейчас уже нет таких наивных людей, чтобы они могли искренне верить, что Бог может быть похож на злого, мстительного и недалекого человека. Именно это чувство, вполне возможно действовало в Ницше, когда он писал в «Так говорил Заратустра»: «Говорил мне дьявол, и у Бога есть свой ад. Это его любовь к людям. Из-за сострадания к людям умер Бог». Что иного можно увидеть в этих словах, кроме утверждения, что любовь и сострадание уничтожают возможность актуального бытия Божия, а стало быть, и веру в него. Нет этого бытия. Умер Бог.

---

[143] Вот как интересно это стремление выражено у христианского мистика Хуана де Ла Круса: **«Душа должна опустошиться [...], она должна всегда оставаться как бы обнаженной и погруженной во тьму, имея в вере единственную опору, единственного проводника, единственный светоч».**

Но я отрицаю истинность такого дуализма не из-за его безотрадности. Это не может быть доводом против него. Если истина безотрадна, это не может быть поводом для того, чтобы приветствовать ложь. Нет, доводом против него выступает мистическая практика, мистический опыт, в которых восток преуспел настолько же больше запада, насколько запад преуспел в строительстве небоскребов по сравнению с каким-нибудь племенем бушменов, благополучно без них обходящихся в своих джунглях. Я ничего не преувеличиваю. Дело не в количественных показателях, а в принципиальной установке. В Библии, а вследствие этого и исторически на западе — это дуализм. В иудейско-христианской традиции встречаются гениальные прозрения, гениальные мистики (Экхарт, Бёме, Ангелиус Силезий, Хуан де Ла Крус и другие), но погоды они не делают, да и, надо признаться, заигрывая с царствующей идеологией, сами бывают, сплошь и рядом, непоследовательны.

Вообще, представление о бесконечном, всемогущем и мудрейшем, благом Боге, непонятно зачем и почему сотворяющем наш странный мир, а в нем неисчислимое сонмище страдальцев, очевидно ни для него и ни для чего не могущих иметь никакой ценности и смысла, воистину странно. Ну, а с другой стороны, почему бы такое и не предположить? Если нет никакой основы, подойдет любая. Воззрение такое для своей законченности, как непременный элемент, должно включать в себя неисповедимость путей Божьих, нелогичность, несообразность, абсурдность божества. Это вера от отчаяния.

В экзотерике, в общечеловеческой практике, это собственно нормальный и законный элемент общепризнанных представлений. Вполне законный архетип. Поскольку я не считаю, что жизнь людей можно улучшить, изменив их идеологию, то я и не скорблю об этом. «Весь человек есть ложь», — сказал Апостол. Так, да, не так. Ложь, но не весь. Как в обществе среди посредственностей есть исключение — гений, так и в душе, порабощенной суетой и злом, есть место для истины. Мир может продолжать заблуждаться сколько угодно, и

только те, кто выстрадал право на истину, перестают заблуждаться. Хорошо как-то сказал Иисус: «Следует познать истину, и истина сделает вас свободными».

Книга Иова, входящая в библейский канон, столь же знаменита, как и книга Экклезиаста, Притчи царя Соломона, Моисеево Пятикнижие или книга пророка Исаии.

Несть числа толкованиям и трактовкам этой книги. От трактовок этой книги, как произведения прославляющего мудрость и доброту Бога, до приписывания ей пророчества о необходимости и неизбежности осуществления искупительной миссии Христа. Я упомянул два эти полюса как наиболее, на мой взгляд, нелепые[144].

Бог книги Иова совсем не добр. Вообще очевидный смысл книги Иова как раз в том и заключается, что именно Бог есть окончательный принципал в мире, как добра, так и зла. А более утонченный тот, что постичь намерения Бога, Его планы и предпочтения невозможно.

Книга эта освящена древностью и писалась, видимо для культурных и изощренных в искусстве мышления людей своего времени. Потому-то она и входит так беспрепятственно в канон.

---

[144] Вот какой забавный по своей витиеватости пассаж вычитал я в аннотации к пьесе «Книга Иова» автора Самиздата Шуляка С. И.: «Иов, конечно, только повод. Он — неразменный рубль мифологии, он — эталон праведности (столь недосягаемый, что временами на волосок от ереси). И он еще, кажется, был одним из первых, кому удавалось усадить в лужу Творца». Упоминанием возможности ереси я, признаться, был удивлен, а вот по поводу того, что Иову удалось «усадить в лужу Творца», я только руками развел. По-моему этого еще никому не удалось, скорее это Он нас.

Если бы она была создана сейчас, я полагаю, ее не только не включили в канон, но и сочли бы изрядно богохульной, потому что прямой ее смысл совершенно противен современным благостным богословствованиям.

Прямой смысл этой Книги ужасен. По современным понятиям в нем можно увидеть даже, весьма изощренную форму богохульства. Не богохульство разве сказать, Бог зол, зол по своей прихоти, и человеку надеяться не на что, кроме совершенно непредсказуемого, иррационального, непостижимого произвола Божьего. Именно таков смысл книги и таков смысл речей Иова, подтвержденный в конце книги самим Богом с вручением Иову заслуженной награды. Умники же, друзья и оппоненты Иова, пытавшиеся объяснить и оправдать Бога в духе современных (и даже почти евангельских) представлений, Богом в Книге Иова осуждены и наказаны. Благо, хоть не очень сурово.

Я считаю Книгу Иова книгой честной. Мир нам являет царство безбожия или царство такого Бога, которому страдания и несчастья созданных Им тварей глубоко безразличны. О том же и книга Иова.

Дуализм **твари** и **творца** представляет человека ничтожной козявкой к тому же еще и греховной, полностью находящейся во власти непредсказуемого Бога. Кто читал меня, знает, как я ненавижу эту клевету и на человека, и на Бога. Я противопоставляю парадигму христианско-иудейскую ведантистской, восточной. Человек не ничтожная тварь, а Атман, который есть Брахман, т. е. по сути, ВСЁ, начало и конец всех вещей. И судьба его не изничтожиться в пыль, не попасть в ад, а покинуть свое несчастное, относительное и условное состояние и стать Брахманом теперь уже воистину.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

БИОГРАФИЯ КОНЧЕЕВА

Кончеев счастливчик, любимчик бога. Во всяком случае, он сам так часто о себе думал. Ему не выпало на долю быть нищим, уродом, глупцом, невеждой. То, чего ему очень хотелось, рано или поздно исполнялось. Даже то, вероятность исполнения чего, была, казалось бы, равна нулю, и рассматривалась им только в качестве фантазии.

Кончеев не всегда был великим мистиком. Детство его прошло в среде мистически и религиозно практически стерильной. С тем, конечно, уточнением, что изначальные установки в ней были принципиально атеистические.

В бога никто из окружающих не верил и делал это вполне искренне. Когда умер его дедушка (Кончееву было 7 лет), никому и не пришло в голову позвать священника или поставить на могилу крест.

Единственное религиозное впечатление Кончеева-ребенка было его удивление тем, что его няня верит в бога, хотя она ему всегда представлялась серьезной и разумной женщиной. Няня была женщина деревенская, украинка, и в том уже возрасте, когда вполне допустимо было быть и верующей, потому что в бога могли верить только темные старушки, сумасшедшие или уж совсем какие-то странные люди.

Кончеев в детстве очень любил сказки, и перечитал их все. Читать он научился рано, года в четыре, самостоятельно, и после этого читал запоем, в основном сказки. Сказки, конечно, были очищены от религиозной пропаганды, но зато в них было много чудес и волшебства. Разумеется, юному Саше и в голову не приходило, что что-то сказочное может иметь место и в реальной жизни, жизнь это жизнь, а сказки это сказки. Хотя очень хотелось превратиться, например, в цветок, ударившись

оземь, или научиться превращаться в бесплотного духа, чтобы летать, где вздумается.

В детстве Кончеев много болел и потому часто с высокой температурой находился в измененном состоянии сознания. Узнал он об этом значительно позже, но переживания, мысли, образы, воспринятые им в этом состоянии, сильно повлияли на него в дальнейшем.

Кончеев не верил в бога до 26 лет (теперь он не верит тоже, но на иных основаниях). Лет в 16 он придумал себе религию, в шутку, разумеется.

Будучи по воспитанию строгим материалистом-реалистом, Кончеев-юноша как-то подумал о том, что, как было бы хорошо, если бы бог существовал. Не тот, конечно, классический бог, в которого верят в церквах, мягко говоря, странные люди, а свой бог, классный и прикольный, свой в доску. Но, в то же время, и совершенно настоящий бог, всемогущий, всеведущий, мудрый.

Поразмышляв, Кончеев понял, что, несмотря на всемогущество, такой настоящий бог сможет выполнять далеко не все его пожелания, а только некоторые, связанный условиями того мира, который уже существует, и нарушать которые, ему видимо непристало. Кончеев с этим согласился. Вообще, он признал за богом полную свободу выбора: тот мог всегда отказаться выполнить любую его просьбу без особого объяснения причин, и потому его следовало просить не часто, а только в действительно очень серьезных случаях и быть заранее готовым получить отказ. Такие условия Кончеев счел вполне справедливыми.

Оставалось придумать богу имя и заклинание, трехкратное повторение которого обеспечивало бы совершение ритуала. Этим заклинанием стало имя бога, а именем бога весьма распространенное, но и очень непристойное ругательство из нескольких слов (без слова «мать»). Почему так? Для бога имя — условность, и потому Кончеев выбрал такое, произнесение которого всуе исключалось. Кроме того, такое

скабрезное по звучанию имя должно было подчеркнуть интимность взаимоотношений Кончеева с его личным богом.

Замечательно, что Кончеев прибегал к этому заклинанию крайне редко, с полной серьезностью и только в действительно исключительных случаях. И вот удивительно, не было ни одного такого, чтобы «бог» не исполнил его желания. Получалось, что он, вроде как, и был. Иногда у Кончеева возникал искус воспользоваться заклинанием и не в очень важном случае. И, хотя в принципе в этом не было ничего плохого и сам бог, очевидно, ничего не имел бы против, Кончеев не поддавался искусу и испытывал даже угрызения совести после него.

Впоследствии Кончеев узнал, что таким образом он вышел на того, кого Алистер Кроули называл Святым Ангелом Хранителем или собственным сверх-Я мага.

В школе Кончеев узнал об основном вопросе философии. Великие философы, самые выдающиеся из когда-либо существовавших, считали, вполне справедливо, что материя первична, а сознание, существующее при помощи этой материи вторично. Странно бы было даже подвергать сомнению такой трюизм. Философы-идеалисты, жившие давно в прошлом, разумеется, это тоже прекрасно знали, но притворялись, что дух первичен в угоду церкви, спорить или возражать которой было в те жуткие прошлые времена очень не безопасно. Такая убедительная версия была преподана Кончееву в школе.

Кончеева удивило только одно, а именно то, что противоположная точка зрения была отброшена материалистами без какого-либо рассмотрения как заведомо ложная, но ведь строгое мышление, что бы быть честным перед самим собой, должно рассмотреть все, даже абсурдные возможности. В геометрии, скажем, подвергались сомнению и нудным тавтологическим доказательствам даже совершенно самоочевидные положения и ни одного учителя это не удивляло и не возмущало. Более того, Кончеев вынужден был признать, что, не смотря на полную абсурдность идеализма, логически он столь же правомерен, как и самоочевидный материализм, а

потому добросовестный философ обязан был, хотя бы, просто об этом упомянуть. Но, дотошные и многословные в менее важных вопросах, классики здесь были на удивление лаконичны. Впрочем, очень быстро Кончеев постиг окончательно причину их такой скромности. Дело было в том, что помалкивали они именно потому, что, несмотря на полную очевидность материализма, невозможно было найти ни одного довода в его пользу, который с таким же успехом нельзя было применить и в пользу идеализма. То есть логически идеализм и материализм оказывались равноправны, и материалисты почему-то этого боялись. На первых порах собственно только это и поразило Кончеева. Зачем бояться того, что ложно и ничем тебе не грозит и зачем опасаться за судьбу того, что очевидно в полной безопасности?

В студенческие годы Кончеев узнал о существовании философии Канта (из двух-трех строчек в каком-то учебнике). Кант был агностик, доказывавший то, что никак не возможно доказать такую очевидную вещь как материализм. Вот оказывается, в чем было дело. Материализм, хоть и косвенно, но подвергался сомнению видимо очень высоким философским авторитетом. Конечно, тут понятно, что лучше было сильно не заострять внимание, а то ведь психика не у всех крепкая, вдруг и подведет кого-нибудь, и он станет идеалистом.

Это считалось в МЛФ самым ужасным бедствием, которое может постигнуть человека. Он тогда должен был стать или религиозным мракобесом, или буржуазным перерожденцем, то есть чем-то худшим, чем даже сумасшедший.

Кончеева такие перспективы испугать не могли. Он не мог представить себе того, как он может стать вдруг тем, чем ему совсем не хочется становиться, да и, если бы это как-то и получилось, то было бы очень интересно все это пронаблюдать. И Кончеев, о, ужас, представил себя идеалистом. Ничего особенного. Правда появилась, как следствие, возможность бессмертия. Но Кончеев сразу понял коварство этой идеи. Бессмертие хорошо, если жизнь хорошая, но если это

бессмертие в каком-нибудь аду или в бесконечных страданиях? Ну, уж, нет.

Короче, серьезно поразмыслив, Кончеев решил, что он как честный человек признает несомненным только то, что несомненно. Поскольку же и материализм, и идеализм строго недоказуемы, следует смело это признать и не придерживаться категорически ни того, ни другого.

Прошло совсем немного времени, и в курсе диамата Кончееву была преподана, со всеми приличествующими случаю поношениями, теория субъективного идеализма. Вот тут-то Кончеев и узнал, кто он. Это было совершенно очевидно. Классикам если бы у них было ума хоть на гран, следовало именно ее и взять на вооружение, вот тогда-то им не пришлось бы стыдливо помалкивать, обсуждая основной вопрос философии. Правда, тогда им пришлось бы стать идеалистами. Но не один ли бес? Классовую борьбу можно обосновать исходя из идеализма не хуже, чем из материализма, теперь Кончеев это отлично понимал, и именно потому таковая его совершенно не занимала.

Конечно, Кончеев был ужасно горд, что додумался до такого изыска, что он несомненный субъективный идеалист. Однако проку от этого было немного. Жизнь как была проблемой, так и осталась. А о проблеме жизни Кончеев размышлял постоянно. Забавно, что его почти не интересовало, а размышляет о ней еще кто-то. Собственно, исходя из тривиального опыта, Кончеев считал, что не размышляет никто и, судя по всему, никто никогда и не размышлял. Как же он был удивлен впоследствии, узнав об истинных масштабах этого печального явления.

В бога Кончеев не верил. Зачем верить в того, в ком нет никакой надобности? Нет надобности в самом по себе. Если бы был сказочный бог, бог настоящий, с которым можно поговорить по душам, попросить о каком-нибудь чуде, которое ему ничего не стоит, а тебе очень нужно и было бы очень приятно. Эх! Такого бога не было, и быть не могло. Так тогда

думал Кончеев. Думал, впрочем, недолго. Ему иногда попадались книги, в которых, хоть и вскользь затрагивались вопросы веры, религии, без огульного их отрицания. И, будучи идеалистом, Кончеев, должен был признать, что в отличие от материализма идеализм вполне сочетаем с религией или допущением существования бога. Но в то время как идеализм его базировался на отчетливом понимании им того факта, что весь мир, строго говоря, происходит у него в голове, существование бога никак в этом мире не проявлялось.

С внешней стороны жизнь Кончеева была самой тривиальной. Он закончил технический ВУЗ и работал инженером в НИИ. Когда наступил подходящий момент, он женился и даже по любви. Это внешнее благополучие не удовлетворяло Кончеева. Не говоря уж о том, что за серењким фасадом всякие могут разыгрываться драмы и трагедии, основная проблема Кончеева были депрессии и постоянно угнетенное состояние духа.

Внешне это, правда, почти никак не выражалась. Кончеев в те годы был человек обязательный, исполнительный, трудолюбивый, обладал от природы сангвиническим темпераментом и хорошим здоровьем (детская болезненность исчезла без последствий).

Когда депрессия уж очень донимала его, он пьянствовал, что не отражалось на внешнем его образе жизни, но приглушало депрессию на время, чтобы обострить ее в последствии.

Иногда Кончеев думал, как было бы хорошо, если бы его вообще не было. Не было бы депрессий, похмелий, неизбежных стычек с женой по мелочным поводам, вообще бы ничего.

Вполне возможно, что если бы Кончеев был материалистом, он решился бы на самоубийство. Разумеется, он боялся смерти и хотел жить, но он прекрасно видел, что это только инстинкт, животный инстинкт, запрещающий побег и принуждающий выполнять определенную природную программу. Кончеев видел в себе нечто «человеческое», ставящее его выше животного с его понятными инстинктами,

которое вполне могло бы преодолеть этот инстинкт, чтобы избавиться радикально от всего, так его мучающего и до смерти надоевшего. Но как идеалист, не верующий в полное уничтожение после смерти, он обязан был допустить возможность какого-то неведомого посмертного существования, а тогда самоубийство теряло всякий смысл и представлялось поступком весьма опрометчивым.

Депрессии Кончеева не были беспричинными, но причина их была странная. Это были размышления Кончеева о жизни и ее смысле. Кончеев видел с определенностью, что никакого смысла у жизни нет. Все, кто рождался, заканчивали жизнь смертью. Восторги познания, наслаждения искусством, глубокие открытия научные, психологические, философские, память о лучших моментах жизни, в смерти, очевидно, просто испарялись, превращались в ничто. Да, душа, возможно, и жила как-нибудь дальше, но, очевидно, все прошлое позабыв, и неизвестно в каком качестве. Да, что там неизвестно, ясно, что начинала с нуля опять все ту же маяту, чтобы снова пройти все тот же бессмысленный цикл. Вечное возвращение, в общем.

Кончеев любил родителей, жену, просто людей. Он не испытывал к людям отвращения, даже если они казалось бы этого заслуживали. Таким уж он родился. Мудрые же литературные произведения, показывая жизнь во всех ракурсах и во всей ее неисчерпаемой глубине, только укрепляли его в этой позиции. И с другой стороны любовь к людям, сострадание к ним говорили, что раз жизнь их мучает, а в конце убивает, то не лучше ли было бы, чтобы они и вообще не рождались?

Кончеев не знал ответов на вечные вопросы и не верил, что они есть или могут быть.

Однажды Кончеев прочел у Льва Толстого в «Исповеди» фразу, очень точно описывающую его понимание жизни и бытия и возникшее от этого понимания состояние: **«Душевное состояние это выражалось для меня так: жизнь моя есть какая-то кем-то сыгранная надо мной глупая и злая шутка. Несмотря на то, что я не признавал никакого «кого-то»,**

который бы меня сотворил, эта форма представления, что кто-то надо мной подшутил зло и глупо, произведя меня на свет, была самая естественная мне форма представления». Толстой в «Исповеди» пытался обосновать свой приход к вере в бога и к религии. Кончеев только посмеивался, читая ее. Все это был самообман великим человеком самого себя. Нет никакого бога, а религия глупость. Но сама фраза Толстого о его душевном состоянии Кончееву понравилась.

Заинтересовавшись Толстым, Кончеев прочел всё, что тот написал. Чтение произвело на Кончеева большое впечатление. В конце он уже не смеялся. Доводы Толстого были убийственны. Это говорил не безграмотный поп, не безумец, не фанатик, не запутавшийся в умствованиях романтик, а человек, безусловно, очень умный, душевный и неравнодушный. Короче, родственная душа. Толстой повторял то, что Кончеев не раз говорил сам себе, но в то же время выходило, что Толстой нашел выход там, где Кончеев видел только безнадежный тупик.

«Бог есть, — говорил Толстой, — его существование настолько самоочевидно, что не замечается (как рыбы не замечают воду). Бог непохож ни на что из того, что про него говорят, но сами по себе слова о нем людей бывают очень верными. Скажем, в Евангелии от Иоанна сказано, что Бог есть любовь. Ясно, что это метафора. Ведь любовь это только чувство, которое людям свойственно испытывать. Но он любовь потому, что мы точно знаем, что любовь есть то высшее, что мы испытываем в себе. Бог конечно не любовь, но любовь это та сторона бога, которой он открывается людям, желающим его познать. Все в мире условно, вторично и необязательно, первичны только бог и любовь». Так говорил Толстой. А Кончеев подумал, что он никогда не придавал такого высшего смысла любви, жалости, состраданию, живущим в нем. Наоборот, зачастую злился, что они мучают его, осложняя жизнь. А вот Толстой указал на их онтологичность, первоначальность, указал на то, что это собственно и есть бог, то есть та его сторона, которой он в этом мире открыт людям.

Толстой признавал, что жизнь выглядит сама по себе совершенно бессмысленной, но тут же и объяснял, что это происходит потому, что мы ищем смысл, не выходя за пределы себя. Если же переложить смысл в бесконечное, в бога, сняв его с ограниченной нашей жизни, то все станет на свои места. Да, мы смысла не знаем, но он и не нужен нам. Смысл в боге, а он, видимо, сам для себя смысл, потому что мы конечны, а он бесконечен.

Но почему же нам бывает так плохо в жизни? И просто бывает плохо и плохо бывает потому, что мы не знаем и не понимаем для чего и почему мы живем? Плохо потому, ответил Толстой, что мы не делаем того, что бог хотел бы, чтобы мы делали. На самом деле смысл в нашей жизни есть, и очень важный смысл. Бог порождает нас совсем не для того, чтобы мы просто жили, как придется, да еще сетовали на бессмысленность жизни. Отнюдь. Бог имеет к нам совершенно определенные требования, он хочет, что бы мы уклонялись от зла и стремились к добру. Вот поэтому он и любовь.

Больше всего проняло Кончеева то, что жизни оказывается можно все-таки придать смысл через перенос его на бога, то есть на нечто бесконечное, всемогущее и всемудрое. Речи Толстого вполне убеждали его. Действительно, то, что казалось излишним или второстепенным в жизни — любовь, добро, жалость, сострадание, становилось руководством к действию под санкцией бесконечного и всеблагого прародителя жизни. Главное же, что еще больше подкупило Кончеева, было то, что с тех пор как он начал думать о боге, о любви, о добре, о найденном через бога смысле жизни, у него прошли депрессии, и наступило состояние постоянного воодушевления. Так Кончеев на некоторое время стал толстовцем. С удовольствием он узнавал теперь, что в его примерно возрасте толстовцем был Бунин. Лесков писал Толстому, что, узнав его учение, он отбросил свою плошку и пошел за его фонарем. Узнал, что взгляды Толстого разделяли или исповедовали, переписывавшиеся с ним, Ганди и Вивекананда, да и еще

множество культурнейших и благороднейших людей (Эмерсон, Торо, Рёскин и др.).

Кончеев «опростился». Он перестал есть мясо. — Если любишь животных, нельзя их убивать, чтобы есть. Перестал пить, курить. Перестал голосовать, ходить на вызовы в военкомат. Стал носить самую дешевую одежду и обувь, по возможности без использования кожи. По характеру Кончеев был склонен к франтовству, да и возраст был подходящий для этого, но теперь он сам шил себе рубашки, брюки, куртки, вязал свитера, носки (правда, на вязальной машине, для скорости), ходил в кедах или кирзовых сапогах.

Он уволился с легкой инженерной работы и поехал в деревню зарабатывать свой хлеб в поте лица своего.

Толстовство не имеет строгих канонов. Каждый сам решает, до какого предела борьбы с низшим, животным, следует дойти в стремлении к высшему, божественному. Именно в этом практика толстовства. Уходить от животного к божественному.

Кончеев не дошел до последних крайностей. Он не выкинул документы, не отказался совсем от пищи, что, кстати, было бы вполне последовательно по толстовской доктрине, как ее понимал Кончеев.

Среди последователей Толстого при его жизни было достаточно трагедий. Первым погиб некий Дрожжин в арестантских ротах за отказ от военной службы. Многие сидели в тюрьмах за распространение толстовских произведений, запрещенных правительством, сидели за отказ брать в руки оружие. Все правильно. Веру надо засвидетельствовать мученичеством. Кончеев тоже готовился загреметь, но бог миловал. Кончеев постоянно по заповеди Толстого работал над собой, изничтожая в себе мирские похоти и мирской страх. Он даже дошел одно время до такой глупости, что ходил на избирательный участок во время выборов, чтобы не огорчать людей (что было бы противно любви к ним), приходивших к нему домой уговаривать его, чтобы он пошел, проголосовал. В советские времена явка на выборы должна была быть близка к

100%, и специальные люди ходили по квартирам и уговаривали нерадивых голосовальщиков. Кончеев ходил, но конечно не голосовал, а бросал в ящик объяснение того, почему голосовать не следует и почему он этого не делает (он считает любое правительство, применяющее насилие, незаконным, антибожественным). А в конце объяснения писал свой адрес, имя и фамилию, чтобы искупить грех участия в этом все-таки неправедном деле. Никаких последствий это не имело. Те времена, когда это могло бы иметь фатальные последствия, к счастью, тогда уже прошли.

Сократил Кончеев до предела и свою сексуальную жизнь. Трагедии в этом особой не было, но в конечном итоге, отчасти, вероятно, из-за этого, жена его нашла себе другого, что он и приветствовал, искренне ее любя. Правда, сексуальные желания донимали сильно.

Герой Челентано в фильме «Укрощение строптивого» умерщвлял плоть тем, что рубил дрова. Кончеев изнурял себя трудом и постом. Его уход в деревню не осуществился. Советская забюрократизированная деревня мало была приспособлена для толстовства. Это можно было бы преодолеть, но в городе у Кончеева была еще престарелая мать и тогда еще мало приспособленная к самостоятельной жизни малолетняя (18-ти лет) жена. Кончеев любил жену, а по толстовству еще и должен был всячески ей потакать. Он обшивал ее, стирал, занимался уборкой, а поскольку матушка не любила вегетарианства, готовил вегетарианскую еду сам. Работал Кончеев на мукомольном заводе грузчиком. Это была отличная работа, но очень тяжелая. Как раз то, что надо. Толстой говорил, что самый правильный труд крестьянский, «хлебный». Если же не можешь уехать в деревню пахать землю, то найди в городе работу потяжелее и попротивней. Кончеева иногда мучила совесть за то, что работа на мельнице была не очень противной, но идти искать действительно противную работу ему совсем не хотелось (да, он и хлебнул таких работ, пока не дошел до мельницы). Ну, можно же хоть немного себе сделать поблажку?

В этот период жизни Кончеев был практически счастлив. Единственное, что его мучило по-настоящему, был секс, вернее запрет на него. Кончеев был согласен с Толстым, что разумному существу не пристало предаваться столь нелепому, смешному и объективно столь мало эстетическому занятию как совокупление. И тем не менее он этого позорного действия ужасно хотел. До ухода жены иногда он не выдерживал и склонял ее к соитию, корчась от ее насмешек. Женщины иногда бывают очень жестоки. То, что он жесток к ней, зачастую даже не замечая этого, Кончеев оправдывал высшими соображениями. Она же иногда, когда они ссорились, обзывала его лицемером.

Удивительно, но толстовство Кончеева закончилось. В сущности, оно изжило себя. На самом деле оно закончилось вместе с кончиной одной из кончеевских ипостасей, той, что была толстовской.

До знакомства с религией Толстого Кончеев не знал верующих людей. Нянюшка не в счет. Довольно долго он был белой вороной в своем чисто атеистическом, а точнее, филистерском окружении. Никого не интересовали вопросы веры, безверия, смысла жизни, материализма и идеализма. Кончеев варился в собственном соку. Он прочел всего Толстого, и все о нем. Некоторые произведения Толстого невозможно было достать, и Кончеев читал их в читальном зале публичной библиотеки. Несколько особо важных и ценных книг Толстого, которые не было никакой надежды купить, он переписал от руки. («Соединение и перевод четырех Евангелий», «О жизни», «Царство божие внутри вас», «Христианство и патриотизм», «В чем моя вера», «Что такое религия и в чем сущность ее».). Постепенно у Кончеева появлялись единомышленники и люди близкие по интересам. Это, конечно, естественно. Толстовство, подобно христианству и еще некоторым религиям приветствует прозелитизм. Следует не хранить свет под колпаком, а нести его к человекам. Кончеев не упускал ни одной возможности для пропаганды своих взглядов. Он ловил себя иногда на тщеславии,

на гордыне, на злобе даже по отношению к неподдающимся на его проповеди, за что искренне себя укорял и налагал епитимьи.

Однажды Кончеев поссорился с женой и накричал на нее. Она обиделась и заплакала. Присутствующий при этом приятель, умный, но далекий от религии человек, сказал Кончееву: «Ты не прав, Саша, как мое левое яйцо. Толстовство твое ерунда, если ты можешь так обидеть человека». И он был прав. Хотя в чем-то и Кончеев был прав. Такая мелочь, но она в свое время, лет через десять, сыграла свою роль в исходе, так сказать, Кончеева из толстовства.

Кончеев много читал. Толстой упоминает в своих трудах множество родственных ему мыслителей. Кончеев старался достать их и прочесть. Кончееву попадала в руки литература и тех направлений, которые Толстой отрицал, Кончеев читал и их и принимал к сведению. Кончеев познакомился с удивительными людьми. Долгое время он думал, что в нашем мире только он один такой, но оказалось, что есть очень много незаурядных, мыслящих, мудрых людей. И не одним толстовством живет мир.

Кончеев познакомился с йогой, буддизмом, ведантой. В этих учениях было много знакомого, «толстовского», но было и такое, что Толстой или не признавал, или откидывал. Скажем в йоге и Тантре существовали техники преобразования сексуальной энергии в духовную. Совсем, оказывается, было необязательно мучиться похотью, можно было совершенно рационально использовать ее для духовного развития. Мучения эти, правда, были полезны Кончееву. Благодаря им, физическому труду, общей воздержанности, он накопил большую личную силу, как сказал бы Кастанеда. Когда Кончеев приступил к занятиям йогой, у него мгновенно начали проявляться разнообразные сиддхи, которые он добросовестно игнорировал, как и подобает серьезному йогу. Мы люди западные, и Кончеев ощущал себя западным человеком, практикующим восточную мудрость. Однако западному человеку совсем не обязательно избегать, развившихся в нем

необычных способностей. Рано или поздно это было учтено и намотано на ус дотошным Кончеевым. (Было это тогда, когда Кончеев перешел от толстовства к ритуальной магии.)

Если первые годы Кончеев читал Толстого, как пил воду, и он даже хотел найти что-нибудь у Толстого, с чем он мог бы не согласиться, но не находил, то теперь такое появилось. Кончеев стал видеть ограничения и несуразности толстовства. Здесь биография Кончеева, а не исследование толстовства, так что анализ тонкостей его понимания последнего оставим до другого раза и места.

Толстовский опыт стал отходить на второй план. Кончеев стал видеть многие вещи другими глазами. Он увидел ненужность прозелитизма, понял, что для любой истины надо созреть. Толстой же считал, что его учение настолько просто и правильно, что с ним не может не согласиться кто угодно[145]. Часто Толстой приводил в качестве довода слова Христа о том, что скрытое от мудрых и премудрых, открыто младенцам. То есть непосредственность и простота, по мысли Толстого, должны были способствовать постижению идеи и воли Бога. Кончеев же, по заповеди Толстого окунувшийся в народную массу, прекрасно видел, что простоты и наивности в ней хоть

[145] Был такой случай. Толстовца, арестованного за отказ от военной службы, сопровождали два солдата. Одному из них толстовец объяснил, почему нельзя убивать, а потому служить в армии. Воззвал к его совести и сослался на Евангелие. Солдат положил ружье и стал толстовцем. Другой случай. Князь Хилков раздал имение и жил трудами своих рук на оставленном для этого себе участке земли. У него отобрали детей и так и не вернули. Жена его была его единомышленница. Ближайший ученик Толстого Чертков, воспитывался вместе с наследником престола, раздал имение и жил очень скромно, не помню за счет чего.

отбавляй, мудрости же особой никакой нет, кроме житейского прохиндейства.

Еще более существенным моментом было то, что Кончеев называл жизнеотрицающими тенденциями. Учение свое Толстой возводил во многом к первоначальному христианству, не имеющему никакой организации, а живущему только духом учения Евангелия. Учения апостола Павла Толстой не признавал и резко критиковал идею первородного греха и искупительной миссии Христа, считая это тем, что уничтожает ценность всей идеи Евангелий.

По правде сказать, Кончееву надоел безудержный толстовский ригоризм. До тех пор пока он верил, что это единственный способ жить правильно и достойно, это его не тяготило. Он знал, что только таков правильный путь на земле. Новые знания, новые опыты пошатнули эту веру. Кончеев строже взглянул на доводы Толстого и свои собственные, являвшиеся развитием толстовских, и обнаружил достаточно такого, что его не удовлетворило.

Собственно, попросту говоря, толстовство, как и христианство, говорили, что жизнь плоха в принципе, плоха земная, телесная жизнь. И потому надо жить в духе. Толстой понимал под этим бесконечное смирение перед волей бога, под которой он понимал безропотное приятие всего, что выпадает на долю человека. Сказать-то это легко, а выполнить невозможно. Толстой сам это прекрасно понимал. И поэтому он всегда подчеркивал, что идеал недостижим, надо к нему бесконечно стремиться и тогда тебе будет хорошо, даже если и будет казаться, что тебе плохо.

Кончеев вдруг понял, что это софизм. Такой софизм, который очень трудно поймать, особенно у такого мастера, каким был Толстой. Да, в жизни много плохого, жестокого, но много и хорошего, прекрасного, и не только подвиги добра. Если уж отрицать жизнь, то надо делать это радикально, не растягивая это на бесконечность и оправдываясь тем, что этого якобы хочет бог. А Толстой был категорически против самоубийства.

Тиртханкары у джайнов прекращали есть и умирали. Неспособные на это занимались самоистязанием. Кончеев не понимал, какой смысл себя истязать, если можно все решить одним усилием.

Надо заметить, что в толстовстве нет никаких мифов. Толстой прямо говорил, что не знает, что будет после смерти. Рассуждая логически, говорил он, после смерти либо не будет ничего, либо будет нечто подобное тому, что уже есть сейчас. Человек совершенствуется, любит, сострадает, работает на благо других не ради каких-то будущих заслуг, а только для того, чтобы всем было хорошо именно сейчас. Кончееву не было хорошо именно сейчас. (Полноты ради надо сказать, что первые годы Кончееву было не в пример хорошо жить, по сравнению с дотолстовским его периодом. Но постепенно ценность этого, сознание этого, притупилось. Появилось сознание относительности достижения.) Ему было не плохо и только. Да, он накачал в себя энергию, благодаря здоровому образу жизни, его не мучают депрессии, но в глубине души он начал чувствовать какое-то подземное неудовлетворение. В трактатах по йоге его образ жизни назывался путем карма-йоги. Карма-йога долгий и тяжелый путь, но в каком-то смысле и самый простой. Кончеев взглянул на свою жизнь. В общем-то, она была неплоха. Но она была совсем не то, что нужно. Люди, среди которых он жил, были просто смертные людишки, которых, конечно было жалко, но жизнь которых была просто прозябание перед смертью. Жена его, не любившая его проповедей, ушла к мужчине, с которым на пару стала употреблять наркотики и попала в тюрьму. Он ее предупреждал, но она захотела идти своим путем. Люди, с которыми Кончееву было легко и приятно общаться, занимались йогой, медитациями и верили в реинкарнацию. Сначала идея реинкарнации до Кончеева никак не доходила, но потом как-то очень просто дошла. Действительно, реинкарнация даже только теоретически объясняет многое в нашей жизни иначе непонятное. Не столько даже сама идея реинкарнации, сколько сопряженная с ней идея

кармы. Толстой не был категорически против таких представлений. Да, Кончеев и не был догматиком, слепо следующим указаниям учителя, он абсолютно все постулаты толстовства переосмыслил самостоятельно и следовал только тому, что сам одобрил. (Правда, в первые годы он одобрил практически всё.)

Толстой как-то сказал, что понимание истины постоянно уясняется и уясняется строго индивидуально. Поэтому нельзя никого осуждать. Каждый действует в соответствии с постигнутым им на данный момент жизни как высшая истина. Ему была близка идея Сократа о том, что нет злых людей, есть только люди, неправильно понимающие, что такое добро.

И Кончеев подумал, что, действительно, в нем происходит дальнейшее уяснение истины и потому приходится многое пересматривать и от многого отказываться.

Кончеев сделал две попытки решить проблему жизни одним рывком. Самоубийства он для себя не допускал, совершенно справедливо полагая, что самоубийство вполне способно породить отвратительную карму. Однако это не касалось мистического самоубийства. Если мир плох, несовершенен, то надо уйти из него, переболев его одним махом. И Кончеев стал голодать. Таким образом ушел из жизни Гоголь и, в сущности, вследствие того же мотива. Сила воли у Кончеева была проверенная и закаленная. Тут препятствий не ожидалось. Однако совершенно неожиданно препятствие возникло.

После продолжительного голодания, сопровождаемого медитацией и подготовкой покинуть этот мир, сознание переходит в совсем иной режим функционирования, нежели обычный. Сознание изменяется. Нельзя сказать, что это неприятно, скорее наоборот. Обостряются все чувства, воображение. В районе анахаты ощущается водопад энергии, порождая, в сущности, океан блаженства. Трудно сказать насколько такой опыт всеобщ. Скорее всего, вообще невсеобщ, а является сугубо опытом Кончеева. У Кончеева же начало расщепляться сознание, он стал ощущать себя одновременно

несколькими людьми, думающими и чувствующими разные для каждой личности вещи. Более того, Кончеев стал по-другому воспринимать мир. Привычные вещи перестали быть тем, чем были всегда, а превратились в нечто невиданное, но, тем не менее, вполне понятное и приятное. И, наконец, наступил момент, когда Кончеев понял, что он не умрет и никуда отсюда не уйдет, потому что это просто невозможно, голодай ты хоть тысячу лет. Я не пишу роман и потому опускаю все события и чудеса, происходившие с Кончеевым в этом измененном состоянии сознания. Скажу только, что Кончеев не умер и голодовку прекратил.

Второй попыткой была попытка уйти навсегда в самадхи. Она так же не удалась. По теории йоги она не удалась из-за недостаточного опыта и невозможности обеспечить все необходимые условия. И действительно, в Индии удивительные аскеты, наисовершеннейшие йоги, постоянно достигают самадхи, но всегда, кроме последнего, естественно, раза, возвращаются. Зачем, спрашивается? По теории из самадхи возвращаться незачем. Самадхи — высшая цель. Достиг и пребывай в нем. А если вернулся, то это значит, что ты там и не был. Тогда для Кончеева это был совершенно темный вопрос.

Эти две неудачи повернули путь Кончеева в сторону западной мистики. Или мистики западного толка. Кончеев не отказывался от толстовства, но решил, что надо работать над собой, а не только вкалывать на пользу себя и ближнего. Толстой говорил, что упражняться надо только в любви. Под любовью же Толстой понимал жалость и сострадание к живым существам. Плотскую любовь Толстой любовью не считал. Кончеев тоже ее любовью не считал, но постепенно стал отходить от толстовского ортодоксального взгляда. Взглянув на дело беспристрастно, он понял, что не видит в совокуплении ничего противного и порочного. Он обнаружил, что в этом вопросе он явно попал под внушение Толстого, который был воспитан в пуританских традициях и к тому же имел крайне негативный жизненный сексуальный опыт. И то сказать, это

такая область, где обзавестись таким опытом, в особенности для таких неординарных и странных людей как Толстой, проблемы не составляет. Кончеев всё это прекрасно знал, потому что прочитал все девяносто томов полного собрания сочинений Толстого от корки до корки, а в особенности внимательно все дневники и письма, и не один раз.

Западная традиция мистики старается избегать крайностей. Она культивирует особого рода духовность, старающуюся как можно меньше противопоставлять себя окружающему миру. Этого совсем не надо. Адепт и так отличается по внутренней сути от окружающих его не адептов как небо от земли. В западной традиции силен магический элемент. Духовная практика имеет налет какого-то практицизма. Так или не так понимал это Кончеев, но он увидел некий просвет именно в магическом взгляде на мир. Тут еще и Кастанеда подоспел с Ричардом Бахом. Ошо высмеял все на свете с неизъяснимой мудростью. А главное, что все это было безумно интересно и весело. Стоит ли скорбеть скорбями мира, когда они так просто развеиваются эффективной и не очень сложной духовной практикой. Каждый страдалец страдает для того, что бы понять, наконец, что пора кончать страдать, а следует начинать духовное развитие, которое раз и навсегда сделает невозможными любые страдания.

Кончеев отказался от вегетарианства. Животные должны быть счастливы, что отдают свою плоть для жизни человека. Счастливы, конечно, не конкретные животные, а дух, эйдос животного мира, с которым у человечества давным-давно заключено джентльменское соглашение. Самое удивительное, что Кончеев понял это не из разъяснений мудрых книг. После неудачи с самадхи он не прекратил медитаций, а, наоборот, преуспел в них преосновательно, получая все больше уникального, как он считал, мистического опыта.

Дальнейший духовный путь Кончеева отметился тремя крайне важными для него событиями. Первое, он порвал с толстовством, как подросток порывает с детской. Кончеев

решил, что тело не сосуд греха и вместилище похотей, а просто достаточно удобная и, в сущности, великолепная форма для получения уникального духовного опыта.

Во-вторых, Кончеев пережил резкий духовный переворот по значимости даже превосходящий тот, который произошел у него при переходе к толстовству и толстовской религии. Происшедшее с ним он сам для себя классифицировал как просветление. Именно так просветлел Будда под деревом бодхи. Он сидел на берегу реки, обессиленный, отчаявшийся, заснул и проснулся просветленным. А может заснул, потрясенный просветлением. Это не важно. Главное, что в тебе происходит нечто такое, после чего ты уже совсем другой, в каком-то смысле это уже даже и не совсем ты, но если посмотреть отрешенно, кажется, что вроде бы ничего и не произошло.

Случилось так, что Кончеев, уже после происшедшего у него просветления, на некоторое время стал наркоманом. Это само по себе настолько удивительно, что об этом стоит рассказать. Наркомания Кончееву была и важна, и нужна. С одной стороны она привела его к удивительным прозрениям и откровениям, к такому мистическому опыту, какого он совсем не ожидал. С другой стороны она показала ему возможность деградации даже для такого крепкого и волевого человека, каким был он.

Традиционная йогическая практика специально предостерегает от употребления наркотиков, как средства достичь особых мистических состояний. В двадцатом же веке произошла, так называемая, психоделическая революция, появилась психоделическая мистика, мистика, работающая с измененными состояниями сознания, вызванными особыми химическими веществами. Кончееву не нужны были наркотики, чтобы изменять и расширять сознание, после происшедшего у него просветления, оно и так было в той степени расширения, какой он сам хотел. Просветление ответило ему на все вопросы (как потом оказалось все-таки не на все). В сознании появилось знание того, что вопросов больше нет. Набоков как-то на вопрос

интервьюера, чем люди отличаются от животных, ответил, тем, что мы осознаем тот факт, что мы осознаем свое бытие. По аналогии просветленный отличается от непросветленного тем, что он осознает тот факт, что он больше не нуждается в ответах на вопросы, неизбежно мучащие непросветленного. Более того, он действительно знает, как на них ответить, по крайней мере, себе, потому что иногда может возникать затруднение с переводом понимания в слова.

Когда ученик готов, учитель приходит. Кончеев знал, что наркотики, галлюциногены, психоделики, ничего нового ему не откроют. Однако его тянуло к ним как к какой-то экзотической и полузапретной форме магического искусства. Возможно, приход наркотиков подготовили занятия магией.

Толстой осуждал наркотики, алкоголь. Сам он долго не мог бросить курить, но, в конце концов, справился с этим своим пристрастием. Так же он осуждал и занятия магией, «волхование», как он это называл. Кончеев, разумеется, разделял эти убеждения Толстого. Они казались ему совершенно ясными и разумными. Наркотики и вино замутняют сознание, притупляют совесть, мешают слышать голос Бога. Магия, спиритизм, гадания всякие, алхимия, астрология, просто суеверия, не имеющие под собой ничего кроме невежества. Толстой как-то сказал, что если бы перед ним даже кто-нибудь полетал, чтобы доказать истинность спиритизма или астрологии, он все равно в них не поверил бы. Во всяком случае, можно смело утверждать, что факт летания кого бы то ни было доказать может только сам себя и только тем, кто его увидит. Что ж, это вполне разумно и последовательно.

До этого места, несколько лет назад, дописал биографию Кончеева его биограф. Поскольку есть сомнения в том, что он когда-нибудь ее продолжит, я предлагаю ее широкой публике в незаконченном виде. Фактически, оборванной на полуслове.

Я, конечно, предпочел бы увидеть это произведение завершенным, но, думаю, и такое оно достаточно любопытно. Я хотел убрать из завершающей части упоминание о наркотическом периоде в жизни героя (тем более что он оказался неописанным), чтобы не возникло по поводу его недоразумений, но потом решил, пусть останется всё, как есть. В конце концов, положительная репутация Кончеева, во-первых, в его мыслях и делах, а не в частных фактах его биографии, а, во-вторых, совершенно ему без надобности.

К сожалению, пока читатель не узнает, как Кончеев расправился, с пытавшимся его одолеть пороком, как решил свои сексуальные проблемы, чего достиг на поприще магии, как обеспечил себе материальный достаток не совсем обычным путем и многое другое. Не узнает пока и самое главное, как он открыл свое «Великое Делание». Возможно, когда-нибудь…

ОДИНОЧЕСТВО КОНЧЕЕВА

Какой-то христианский восторженный мыслитель сказал, что душа по природе христианка. Наверное он имел в виду, что человеку от природы присуще размышлять о боге и к нему стремиться, а так же стремиться к любви и добру, что обычно и понимается под сутью христианства (это же изречение понимается еще так, что душа стремится отсюда туда (к Христу) и что только там ее истинная родина).

Кончеев с некоторых пор постоянно размышлял о боге. Размышлял с тех пор, как в него уверовал. Вспоминая свою жизнь с раннего детства, он видел, что изрядную часть времени он отдавал не играм и суетным обязанностям детства (им конечно тоже, он был нормальный ребенок), а размышлениям «о сути вещей». Он старался понять со всей возможной отчетливостью, что же это за мир, в котором он находится, что это за чудо такое он сам, постоянно себя маленьким мальчиком ощущающий, что это такое мысли, слова, которые он думает и говорит. Он повторял по многу раз какое-нибудь обычное слово, до тех пор, пока оно не теряло свой смысл и не превращалось в набор самого странного вида слогов и букв. Это было сделать легче, если по какой-то причине это слово долго не употреблялось. Как-то его поразило слово «трюмо». Трю-мо. Это было большое зеркало на деревянной подставке. Подставка обладала ящиками, зеркало нависало сверху и все это никак не было связано с трю-мо.

Став юношей, взрослым, Кончеев не соотносил эти свои, часто повторяющиеся мысли, с богом. Но, безусловно, это был поиск какой-то основы, какого-то окончательного, ясного и определенного понимания.

И вот теперь, уверовав, он понял, что поиск такой основы, такого понимания и есть поиск бога.

Бог был всё, и бог всё объяснял. Сам же он по сути дела не мог иметь никакого объяснения. В то время Кончееву

показалось бы смешным и наивным опровержение существования бога Бертраном Расселом.

Рассела убедил силлогизм. Если всё создал бог, то кто создал бога. Это только кажется, что таким образом мы избавляемся от бога и попадаем в естественное состояние, т. е. состояние ничегонепонимания. Да, этот вопрос приводит к дурной бесконечности. Но эта бесконечность представляется дурной только до тех пор, пока речь идет о создании (творении) в человеческом понимании. Я строю дом. Из кирпичей. Кирпичи создал рабочий. А кто создал глину, из которой состоят кирпичи. И вопрос как бы подразумевает такого же труженика вроде меня или рабочего, трудящегося на своем рабочем месте и создающего глину. Ясно, что такого труженика нет. Есть природа, с уже готовой глиной. Если глина как-то там и создалась сама в недрах природы в результате всяких процессов, то уж то, из чего она создалась, ясно, что существовало от века, всегда. Это материя, субстанция, сама природа, создающее все в ней существующее из самой себя. В таком представлении, видимо высшем возможном для Рассела, богом выступает природа. А поскольку природа все-таки это природа, а не бог, то бога нет. Кто создал бога? Кто создал природу? Кто создал бесконечное и конечное?

Кончеев помнил, что как-то в детстве, лежа с высокой температурой, он вдруг понял, что он существует и существует потому, что не существовать он не может. Несуществования нет. Не несуществования его, Саши, больного мальчика, лежащего с температурой в мучительно жаркой постели, а вообще всего существующего. Раз уж все существует, то только потому, что оно есть, а раз есть, то и не может не быть. В этом измененном состоянии сознания Кончеев понимал, что могут исчезнуть и исчезают любые формы, любые люди, может умереть он, разрушиться дом, земля даже, но все равно что-нибудь будет и будет всегда. Продумав и прочувствовав эту мысль в автоматическом, болезненном режиме, Кончеев и не задумался о своем собственном исчезновении в качестве формы. Это было

неважно. Это было несущественно. Было бытие. И оно было всегда и не могло не быть. Никто его не создавал, и не мог создать, и его незачем было создавать, потому что оно и так было всегда.

Впоследствии Кончеев перенес это свое ощущение вечности и неуничтожимости бытия на бога. Бог был неуничтожим, а бытие бытия зависело от бога, а потому могло быть или не быть. Бог теперь для Кончеева был предел бытийственности. Но он пока еще не осознавал того наиважнейшего факта, то бог как предел бытийственности и бог религии, любящий отец и попечитель вовсе не одно и то же. В то время это для Кончеева было еще не выяснено отчетливо.

Сам Толстой путался в этом вопросе. Признавая несомненным то, что бог не есть личность, не может иметь никаких целей или желаний, что было бы нелепо для бесконечной и абсолютной абстракции, Толстой заявлял, что бога вполне можно любить, можно относиться к нему как к личности, можно обращаться к нему и черпать в нем надежду, энергию и силу, а главное, знать его волю, выполнять ее и тем достигать максимально возможного блага. То есть смотрел как на заинтересованную в человеке сущность, а это уже Бог с большой буквы, Отец.

Толстой полагал, что просить бога ни о чем нельзя и бессмысленно. Бог и так уже сделал всё так и только так, как оно и должно быть, и вообще «лучше вас знает, в чем имеете вы нужду». Такая двойственная позиция Толстого Кончеева в то время вполне устраивала. Она была и его позицией. Бог был нечто бесконечное, а потому непонятное и непостижимое. Человеческая позиция полностью определялась богом, но сам человек мог понимать эту позицию только косвенно, из событий, с ним происходящих, но ни в коем случае непрямо, потому что «конечное неспособно понимать бесконечное».

Что с того, что все это было до конца неясно, и никогда бы не стало ясно при пребывании в конечной жизни? Кончеев чувствовал, что жизнь только миг, только краткий и возможно

несущественный миг. Толстой, правда, считал, что очень существенный, очень важный. И это было довольно слабое место во всей системе.

Когда Толстого спрашивали, что будет с человеком после смерти, он отвечал, что, либо ничего не будет, либо бог направит человека снова в примерно такую же жизнь, какая у него уже была. Иногда Толстой высказывался более определенно и связывал то положение, которое может возникнуть у человека после смерти с тем, каким образом человек прожил эту жизнь. В этом был, конечно, уже явственный намек на возмездие со стороны бога за такую жизнь, которую бог мог бы счесть и недостаточно праведной. Кончеев в качестве неофита, только приобщившегося к этому строю мыслей, до поры до времени игнорировал эти несуразности и недоработки.

Если смерть конец жизни и личности, если после смерти у нее нет никакого продолжения, то, собственно, что в этом плохого? Толстой в своих разъяснениях склонялся в основном к этой версии. Как ни странно, учение Толстого в этом близко к дзен-буддизму. По Толстому человек должен вести моральную жизнь, быть порядочным не из-за каких-то страхов или опасений, а просто потому, что это хорошо. И хорошо это, прежде всего потому, что обеспечивает простую, нормальную, удовлетворительную жизнь со спокойной совестью. Но бог является существенным элементом этой системы. Он выступает гарантом стабильности и уверенности. Надо отдаться на его волю, а как он поступит, собственно, его дело. Направит в новую жизнь или не направит никуда, никакой разницы нет, ибо в любом случае это есть пребывание в руке божией, а значит, в положении максимально благоприятном.

К сожалению, оказалось, что Кончеев не создан для того, чтобы исповедовать и соблюдать это учение на протяжении всей жизни как окончательную истину. Как говорится «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Демоны разнообразных мастей собрались вокруг Кончеева, чтобы сбить его с пути праведного. Довольно долго

он только посмеивался, называл себя «железным человеком», вызывал дьявола на бой (не веря в него, правда), но, в конце концов, крутые горки укатали Сивку. Это шутка, разумеется.

Демонами этими были разнообразные философы, мудрецы, возвышенные философские системы, печальные и прекрасные (надо быть объективным) жизненные опыты, а так же разнообразные соображения, приходившие в живой и даже изощренный ум Кончеева.

Отход Кончеева от толстовства можно представить в виде такой схемы. 1. Разочарование в толстовстве как универсальной системе получения максимально возможного блага. 2. Изучение других систем, дающих сходную картину мира и ее интерпретацию, но в то же время и разнящуюся с толстовством в некоторых весьма существенных аспектах. 3. Своеобразные личные обстоятельства, вызвавшие отход от толстовства и мощные мистические переживания. Просветление.

И на этом этапе с толстовством не было покончено радикально. Строго говоря с толстовством и нельзя покончить, ведь толстовства как законченной системы не существует. Есть рекомендации Толстого, есть его интерпретации тех или иных проблем или вопросов, но всегда и во всем Толстым подчеркивался приоритет личного, индивидуального поиска и следования только тому, что нашел сам.

Главным открытием Кончеева было то, что «толстовство», его каноническое воплощение, имеет тенденцию к вырождению в догматизм, осуждению не принимающих каких-то его положений, и непониманию и неучитыванию им таких вещей, которые нельзя, невозможно было не учитывать. Разумеется, это было личной кармой Кончеева. Были люди, которые не принимали учения Толстого по другим причинам.

По правде сказать, толстовство само по себе очень скучно. Добро вообще скучно. Оно хорошо и только. Пьянствовать и развратничать, а пуще того драться, воевать, пускаться в авантюры плохо, конечно, но весело. По крайней

мере, вовсе не занудно. Да, это соблазн. Это говорит соблазн. Животная, низшая, презренная природа. Изничтожить ее, подавить, доказать ей со всей непреложностью ее незаконность, бесчеловечность, небожественность. К этому, собственно, сводятся увещевания Толстого. «Твори добро, чертям назло…»

Но если зло так плохо, то почему оно так привлекательно? Крайние формы его отвратительны, конечно, а не крайние? Да, секс отвратителен. Толстой это отлично доказал и показал в «Крейцеровой сонате» и послесловии к ней. Ссоры, ревность, ненависть, запах из рта, да и из других мест, добавлю от себя. Но ведь страсть к нему неистребима, невзирая ни на что. А детки? Они ведь такие славные. Да, ведь и зубы можно почистить, а гениталии мыть регулярно с мылом. А ругань, ревность, ненависть взаимная это вообще уже из другой оперы. Или взять паразитизм. Ясно, что большинство людей гады и паразиты. Чтобы их любить вопреки этому, действительно нужна суровая заповедь. Иначе захочется перебить их всех до одного, как говаривал Анатоль Франс.

Чем дальше и скрупулезнее вникал Кончеев в толстовство, тем больше он видел в нем какой-то странной искусственности, неестественности, слащавого ригоризма. И это при том, что сам Толстой, безусловно, был великолепным человеком, вызывающим искреннее уважение и даже преклонение. Он сам был как бы выше и сильнее своих собственных проповедей. Проникновеннее их, глубже. В его дневниках и письмах есть удивительные описания, откровения. Он и сам постоянно продолжал подвергать сомнению самые уже, казалось бы, несомненные собственные положения. Вот Бунин вспоминает. Он хотел подольститься к Толстому (он сам в этом откровенно сорок лет спустя признается) и сказал, что сейчас под влиянием толстовства образуется много обществ трезвости. Толстому идея не понравилась.

— То есть это когда собираются, чтобы водки не пить? Вздор. Чтобы не пить, незачем собираться. А уж если

собираться, то надо пить. Все вздор, ложь, подмена действия видимостью его... (*И. Бунин* «Освобождение Толстого»)

К тому же невозможно было не заметить, что многое в Толстом было вполне социального или индивидуального происхождения. Во всяком случае, так Кончееву стало казаться, хотя нельзя было отрицать, конечно, вневременной и внеисторический характер толстовской религии.

Кончеев прочел (вначале с чувством превосходства) произведение Германа Гессе «Степной волк». Да, волк Гессе страдал, и страдал именно потому, что жил не по-толстовски. Он был паразит, интеллигент, не желающий зарабатывать свой хлеб в поте лица на каком-нибудь скромном крестьянском поле. Вина его была очевидна. Но была ли она? Существовала ли? В конце концов, вопрос об этом стал для Кончеева очень важным. Да универсальна ли эта парадигма, о вкалывании на природе ради куска хлеба? Толстой был граф и принадлежал к высшему свету. Хоть он был и великий людовед, но у него есть идеализация крестьянина и рабочего. К тому же Толстой оговаривался, что современные ему (а значит и нам) рабочие и крестьяне развращены царствующей идеологией оправдывающей пороки и вовлекающей их в поддержание узаконенного в мире зла. Толстой чувствовал вину за свое происхождение (хотя вины его в этом нет никакой) и барскую жизнь, якобы невиданно роскошную, а на самом деле весьма скромную и разве что только вполне нормальную.

Кончееву же воспитанному в круглосуточном воспевании рабочего класса по марксистской догме в школе и в СМИ, а знающему этот класс не понаслышке, а в ежедневном общении, обольщаться этими трудягами не было никаких оснований. Это были люди, как люди. Разные. Хорошие, плохие, прибабахнутые, всякие. В большинстве своем вполне нормальные, неплохие. В меру ограниченные, в меру счастливые, в меру несчастные.

Толстой любил постоянно подчеркивать, что он самый обычный человек, ну может обладающий несколько необычным талантом литератора и мыслителя. Кончеев, следуя примеру, пытался так же думать и о Толстом, и о себе. Вранье. Ни Толстой, ни он сам не были обычными людьми. То есть они были ими только в каких-то отношениях. Но были такие отношения, в которых они ими не были. Гордиться или кичиться этим было бы глупо, но и игнорировать это тоже было как-то странно.

Кончеев читал много очень специфической, мистической и философской литературы. И в ней он находил описания людей похожих в чем-то и на него, и на Толстого, похожих людей можно было встретить и в описании окружения Толстого. Вокруг же Кончеева таких людей не было. Что за аномалия такая? По Толстому и Христу выходило, что то, что скрыто от мудрых, открыто младенцам. По сути дела, любой человек должен был интересоваться тем, кто он такой, помимо того, что он эмпирический субъект, куда идет, зачем живет? Совершает он добро или нет, будет ли он существовать после смерти, то есть, есть ли у него бессмертная душа или нет и т. п. Нельзя сказать, что люди были вообще равнодушны к этим вопросам. Нет. Они были для них весьма важны. В особенности все, что касалось смерти и загробного воздаяния за грехи. Но решение этих вопросов большинством было удручающим. Большинство людей были, пожалуй, просто трусами. Подраться или пропить получку или прогулять неделю у них храбрости было хоть отбавляй, а подумать о том, что может наступить момент, когда ты будешь точно знать, что, вот, сейчас ты точно умрешь, им не позволяло иногда просто удивительное малодушие. Ой, давайте только не об этом! Обычное восклицание какой-нибудь дамочки средних лет. Мужики выражались другими словами, но часто в том же духе. Остальные делились на филистеров и догматиков, с преобладанием первых. Первые были и потупее. Толстовство как разновидность христианства приветствует прозелетизм. И Кончеев никогда не упускал возможности попроповедовать

«высшие истины». Проповедование, надо признать, дало Кончееву ценный опыт общения с людьми и знания их. Ладно, оставим людей.

Кончееву повезло и он, наконец, встретился с людьми подобными ему. К этому времени Кончеев изрядно разочаровался в универсальности толстовства. Он признавал, что ему оно близко и подходит, в общем. Что же касается других людей, то он признал, что способность их к пониманию, познанию, постижению себя и того мира, в котором они находятся, вполне определяется неким странным, мистическим, но очевидно вполне реальным понятием, как карма. Новые друзья Кончеева не были его единомышленниками, но они понимали его с полуслова, сами прошли каждый уникальный и непростой духовный путь и очевидно имели кармические предрасположенности сходные с кончеевскими. Ни один из них не стал толстовцем. Один, правда, некоторое время под влиянием Кончеева и из дружеского расположения к нему побыл толстовцем, но потом закончил с ним. Примерно в одно время с Кончеевым. Друзей этих тоже можно отнести к демонам, сбивавшим Кончеева с толстовского пути. По большей части они были последователями йоги, буддизма и дзен-буддизма. Практиковали они это все на свой страх и риск, но очень преданно, самобытно и не догматично. Друзей этих было трое, они появились у него чуть ли не в один день все и знаменовали собой начало нового этапа в кончеевской жизни.

Немного времени спустя появились и другие друзья, учителя, литература, живое и непосредственное обсуждение важнейших мировоззренческих и философских проблем. В общем неплохое было времечко.

Кончеев работал на мельнице и туда же устроился один из его друзей, Вовчик. Этот Вовчик был крепкий, спортивный, молодой человек. Если бы я умел, я сложил бы о нем поэму. В основном о его работе на мельнице. Представьте себе Остапа Бендера, дона Жуана или Печерина (а именно эти три типа соединились в моем друге) таскающим мешки, разгружающим

вагоны с зерном при помощи мехлопаты и поднимающим тучи зловреднейшей пыли при подметании подземной галереи для транспортировки зерна. Тогда мне это представлялось вполне естественным, но сейчас я вижу в этом даже некое комическое извращение. Вова был по природе кшатрий. Я типичный брахман, правда, с задатками вайшьи. И оба мы добровольно взяли на себя обязанности шудры. Мы работали физически, не ели мяса, делали йоговские дыхательные упражнения как Йозеф Кнехт в «Игре в бисер» и жили прекрасно. Иногда в лунную ночь, когда не было работы, мы выходили на пустырь на территории завода и соединялись с космосом под сверкающим звездами небом.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРОСВЕТЛЕНИЯ КОНЧЕЕВА

(*из биографии Кончеева*)

У выдающихся людей бывают иногда наимелочнейшие, казалось бы, поводы для самых грандиозных переворотов в их жизни. Наиболее известный пример Сёрен Кьеркегор. Большая часть информации почерпнута мною из работы Л. Шестова «Кьеркегор и экзистенциальная философия». Общеизвестно, что Кьеркегор неожиданно разорвал помолвку с любимой женщиной и навсегда отказался от брака. Об этом событии сам Кьеркегор говорит, как об определившем его философскую и реальную судьбу. Вообще биографы Кьеркегора изрядно недобросовестны. Иногда они делают глухие намеки на то, что Кьеркегор чуть ли не был уродцем — карликом или горбуном, иногда просто, что он был страшен и не вполне психически нормален. Если что-то из этого правда, то почему бы и не сказать это прямо без всяких туманных экивоков? Скорее всего, это просто досужие домыслы.

Доподлинно известно, что Кьеркегор отказался жениться на горячо любимой женщине, написал громадное число художественных и философских работ и умер в 43 года, упав на улице. У одного биографа я даже обнаружил намек на то, что смерть наступила оттого, что Кьеркегор ударился горбом, будучи горбатым, стало быть.

Л. Шестов, тщательно изучивший полюбившегося ему Кьеркегора, тоже непрямо, а виде прозрачных намеков (при всем своем философском хулиганстве, Шестов не может, видимо, уступая нравам своей эпохи, обсуждать такие интимные вещи прямо), утверждает, что Кьеркегор отказал любимой женщине в радостях брака отнюдь не из аскетических и высших соображений, как можно было бы подумать, зная его крайний религиозный мистицизм, а из-за банальнейшей импотенции. По Шестову выходит, что Кьеркегор сказал себе в душе своей, если мир так устроен, что моя неспособность быть мужчиной уничтожает для меня радость жизни и ее смысл, то я должен понять, каким же образом можно это преодолеть. И он разработал учение об иррациональной вере, приобретя которую, человек тем самым получает от бога полное всемогущество. По

словам Евангелия: «Если у тебя будет веры с горчичное зерно, и ты скажешь горе сей, сойди в море, то она сойдет». Причем, в качестве чудес, приобретаемых верой, Кьеркегор упоминает и возможность удовлетворить свою любимую в качестве мужчины.

В отношении самого Шестова одним критиком было высказано предположение, что для него таким, перевернувшим мировоззрение в сторону веры, событием была смерть сына на войне, что, конечно, к банальным событиям не причислишь.

У Кончеева роль спускового крючка, перевернувшего его жизнь и всю его «внутреннюю субстанцию», сыграли его довольно сложные, хотя и банальнейшие, отношения с женой. Я уже упоминал, что жена его, в конце концов, покинула его утомленная его ригоризмом и, возможно, аскетизмом, сошлась с красавчиком-наркоманом, что и привело ее извилистыми путями судьбы в тюрьму.

Кончеев любил жену. История их взаимоотношений была насквозь романтична. Кончеев познакомился (а через несколько дней после знакомства и довольно близко) с ней, когда ей не исполнилось еще и восемнадцати лет. Правда, она соврала ему, что ей 21 год и у нее есть муж, с которым она не живет. Кончеев влюбился в красотку и не очень-то обращал внимание на некоторые несуразности, довольно часто проскальзывающие в ее словах. Кроме мужа у нее еще был ребенок. Ребенок находился на попечении бабушки, страстно его любившей. Что касается ребенка, то это была чистая правда.

По роду своей деятельности Кончеев был вынужден довольно много времени проводить в служебных командировках. Любимая его в это время жила с мамой и ребенком. Когда же он приезжал, она приходила к нему и проводила все время до следующей командировки уже с ним, только изредка навещая ребенка и мать. По ее словам, мать ее, при всей своей непомерной даже любви к внучке, была психически не вполне нормальна, как, впрочем, и часть других родственников, но на благоденствии ребенка это не отражалось. Может, это и было преувеличением, а, может, и нет. По правде сказать, любимая и сама не отличалась крепкой головой и иногда вытворяла такое, что Кончеев только диву давался. Впрочем, все это его более чем устраивало. Это было время молодости, свободы, хиппи, музыки, веселых и легкомысленных компаний и дешевого сухого вина. Отличное времечко.

В один прекрасный момент нагрянули родственники. Кончеев еще спал, а любовь его увидела в глазок мамочку и мужа тети. Это зрелище ее почему-то ужаснуло. Зачем-то затащив проснувшегося Кончеева в самую дальнюю комнату квартиры, стуча зубами от страха, она поведала ему страшную тайну — ей 17 лет. Кончееву это было как-то по барабану. Велика ли разница 17, 21. За растление его не могли привлечь, намерения у него были самые честные, и он готов был жениться в любой момент. Опять же, вряд ли кто может упрекнуть мужчину в растлении женщины, имеющей полугодовалого ребенка и не от него. Это поздние соображения, тогда же Кончеев со свойственной ему быстрой сообразительностью, быстро въехал в ситуацию, успокоил и обаял (насколько это было возможно) родственников и через некоторое время женился.

Честности ради, надо добавить, что Оленька, невзирая на ребенка, была невинна и наивна, как барышня начала 19-го века, да и то не всякая. Обретение ею потомства было следствием роковой случайности и вопиющего невежества. Не только ее, но и мамы, да и всей среды. Оля прекрасно знала о широких взглядах Кончеева на взаимоотношения полов, и потому ей не было необходимости ему врать, да ничего позорного в ее истории и не было. Кончеев же, впоследствии выслушавший нехитрую исповедь любимой, ей вполне поверил, потому что к своим 26 годам прекрасно научился отделять ложь от правды. Во всяком случае «развратное прошлое» его возлюбленной никогда его не смущало, не смущает и теперь. Что может быть естественнее для молодой женщины, чем зачать ребенка и родить его? И так ли уж важны сопутствующие этому обстоятельства?

Кончеев женился и пробыл в браке восемь лет. За это время он стал толстовцем, йогом, мистиком, оккультистом, плохим мужем и хорошим другом. Довольно скоро его отношения с женой превратились во что-то напоминающее отношения отца с дочерью. Мягкого отца, пытающегося быть строгим, и строптивой и своенравной, но, в общем-то, любимой и балуемой дочери. Пожалуй, не все было гладко. Здесь биография Кончеева, а не его жены и потому все связанное с ее психологическими и кармическими проблемами можно опустить до рассказа об этом в другом месте.

Оля работала в театре (в костюмерной), работа ей нравилась, она ездила с театром на гастроли, пребывала в специфической театральной среде (изрядно снобистской, надо сказать) и от Кончеева

постепенно все больше дистанцировалась. Так дистанцируется взрослеющая дочь от стареющего и предающегося чудачествам отца.

У Кончеева был участок плодородной земли, недалеко о его квартиры, и на земле этой рос плодовый сад, стоял небольшой летний домик, и было выделено место под огород. Поскольку толстовство требует обеспечивать себя трудом своих рук, Кончеев выращивал овощи, плоды, консервировал их, и тем самым уменьшал степень своей эксплуатации других людей со своей стороны. Это, конечно, был только паллиатив. Ему приходилось пользоваться инструментами, химикатами, деньгами, но в принципе полностью избавиться от взаимодействия с неправильно и не по-божески устроенным обществом нельзя, да, и не надо. На самом деле, та среда, в которой ты находишься, те компромиссы, на которые она вынуждает тебя идти, показатель того, что ты собой представляешь, показатель степени совершенства тебя самого. Так всегда разъяснял этот вопрос Толстой и Кончеев был с ним согласен.

Оля очень любила клубнику, а клубника у Кончеева была на славу. И вот наступил сезон клубники, а Оля не появилась. В этот момент, будучи в отпуске после гастролей, она поселилась у подруги и помогала ей делать в квартире ремонт. (Кончееву и в голову не пришло, что это типичная ложь женщины, заведшей любовника.) Это была официальная версия. На самом деле у нее в театре завязался роман, вспыхнула любовь, возникла страсть, и именно это заставило ее забыть о клубнике. Конечно, проводя прекрасно время с подругой, Оля могла и забыть о клубнике, но не навечно же. Клубничный сезон не так уж и короток, а подруга, надо думать, тоже была любительницей клубники, как и большинство людей. В общем, Оля появилась только тогда, когда клубника практически сошла. Кончеев без обиняков попросил ее рассказать ему правду. Хотя он вроде бы и не считал ее больше своей женой и в мыслях своих, да и на словах иногда давал Оле полную свободу, все-таки где-то в глубине души у него оставались собственнические на нее притязания. Пора была их окончательно изничтожить.

Оле и самой хотелось исповедаться, к тому же и приезд ее был связан с какой-то размолвкой с предметом страсти. Кончеев выслушал исповедь благожелательно и благословил даже, но Оля в порыве откровенности стала перечислять все тяжелые и неприятные черты своего возлюбленного, на что Кончеев мудро, хоть и огорченно, ей

заметил, что так часто в сексуальных отношениях и бывает и надо надеяться на лучшее, а лучше всего все обиды друг другу прощать. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в боге, а бог в нем. На что Оля кисло скривилась, проповеди Кончеева давно уже сидели у нее в печенках.

Оля стала приезжать время от времени, а после особых размолвок даже оставалась ночевать. Спали они с Кончеевым в обнимку, по привычке, сохраняя полное целомудрие, как это давно у них уже было заведено. Это не было Кончееву так уж легко, но не так уж и трудно. В этот момент Кончеев пребывал в периоде какой-то особой мистической упертости и воспринимал происходящее с ним, как экзамен и суровое испытание. Пальцы, правда, как Отцу Сергию, ему отрубать себе не пришлось.

Ладно уж, признаюсь честно, кое-когда, кое-что и было, но тут, как говорится, Клио замолкает. Инцест, а это был почти инцест, знаете ли, может возбуждать не хуже юношеской гиперсексуальности. (И почему зло так привлекательно, спрашивает дурак-биограф?)

***

Как воин гордится своими шрамами, так наркоман зачастую гордится следами своих уколов.

Оля употребляла наркотики. Вначале это было достаточно невинно. Кончеев увидел как-то на кухне здоровенный пакет маковой соломы. Естественно, он не знал, что это такое, а Оля сказала, что эта трава, настоем которой она толи полощет что-то, толи подмывается. Кончееву быстро надоело слушать ее небрежные и сбивчивые разъяснения.

Со временем он узнал, что это такое. Ну, и что? Какая разница, каким образом уводят себя люди от царства божия? Может быть, в этом смысле банька с водочкой и девочками и надежней, и приземленней. Да, и то, смотря кому.

Первые годы Кончеев был к Оле даже чрезмерно строг. Она курила, когда они познакомились. Он запретил ей это делать, и запрет действовал год. После года выяснилось, что она курит тайком, с

подругами. Сгоряча устроив скандал, Кончеев понял, что был не прав, и разрешил миру быть таким, каким хочется ему, а не Кончееву.

И вот произошло достаточно удивительное событие. Оле удалось, после многих лет ввергнуть Кончеева в пучину безумной страсти. Это, конечно, только так говорится. Оля явилась как-то к Александру Сергеевичу, которого тогда еще никто так не называл, и со слезами на глазах призналась, что она форменная дура и во всем раскаивается. Выяснилось, что ее возлюбленный, настоящий миниак, ревнивец, агрессор и вообще человек, с которым совместное проживание невозможно. Она от него ушла. Это были, конечно, ее проблемы, а Кончеев мог только посочувствовать или дать несколько бесплатных советов. Но, нет. Оля поняла, что она все-таки любит и ценит именно Кончеева, а потому вернулась к нему, чтобы строить свою дальнейшую жизнь с ним. Вот, испытание толстовцу.

Напряги Кончеев хоть немного свои замечательные мозги, вспомни хоть что-то о том мире, в котором он когда-то жил, он бы просто и непосредственно понял, что это речи женщины, убеждающей себя в том, что она сама себе навыдумывала, рассказы о том, чего нет. Что она таким образом пытается оправдать в собственных глазах свои выбрыки и мелкие неудовольствия. Кончеев же, занятый решением мировых проблем и общими вопросами, понял все буквально. А поскольку Оля была хороша, загорелая, стройная, налитая силой и женственностью, то в воображении Кончеева на секунду возник рай. Ему привиделась нормальная семейная жизнь, ребенок, прекрасные друзья, все понимающие и все знающие (а такие уже на тот момент появились), уют, короче, счастливая жизнь и гармоничная смерть.

Кончеев, несколько удивленный, спросил Олю, уж не готова ли она завести ребенка. И она ответила утвердительно.

Тут требуются разъяснения. У Оли был ребенок. Она родила его в страшных муках. Кстати, Кончеева, мать родила вообще без родовых страданий, сколько он ее не расспрашивал, она ничего такого припомнить не могла. Оля получила сильнейшую психологическую травму, и, хотя она любила детей, хотела в принципе ребенка, перспектива повторных родов ее ужасала. Кончеев ее прекрасно понимал, и никогда не настаивал на деторождении. Это был решенный вопрос. По толстовству же секс греховен, в особенности же греховен секс, не могущий привести к зачатию. С этих обстоятельств и началось их взаимное воздержание. Оля боялась забеременеть, вполне

резонно подозревая, что фанатик-муж не разрешит ей сделать аборт, а Кончеев считал занятие сексом без возможности забеременеть, только удовлетворением похоти и ублажением в себе животного начала, а потому, сдуру, не позволял себе ни прерывать половой акт, ни пользоваться презервативами. Муж и жена в такой психологической атмосфере не могут не отдалиться друг от друга в интимной области, а потом это переходит и в другие сферы жизни.

На это Кончеев попался. Конечно, тут сыграла роль и его латентная сексуальная неудовлетворенность. Кончеев хотел женщину, и желательно ее. Ему нужен был не ребенок, и не Бог и служение ему (нет, нужен, конечно, но не так), ему нужна была она. Такая молодая, такая красивая, такая несчастная. А как же наркотики? Она их не употребляет. Он, ее изверг, тоже пытается бросить, денег нет, а ей вообще все это надоело и хочется нормального семейного угла и уюта. Уют Кончеев создавать умел.

Кончеев согласился. Но поскольку он все-таки был дурак не совсем, он про себя подумал, что, скорее всего, это очередная проделка Дьявола и надо быть к этому готовым. Так это и оказалось, естественно.

В общем, Кончеев пробыл счастливым будущим отцом и семьянином где-то сутки. Потом Оля пропала. Ну, вернулась она к своему наркоману. Произошло это, конечно, не совсем прямолинейно. Оля пошла к подруге, а туда и явился истосковавшийся и готовый во всем раскаяться «изверг». Ну, и забрал ее оттуда опять к себе в свою конуру. Нормально.

Оля, расставаясь с Кончеевым перед походом к подруге, рассказала ему как бы невзначай, что ее Саша-наркоман в порыве ревности способен на все, на убийство, на изуверство, если она и боится чего-нибудь больше всего на свете, так это встретить его снова. Напряги Кончеев мозги хоть на секунду, ему стало бы ясно, что больше всего на свете она хочет вернуться к нему и только и мечтает об этом. Но Кончеев принял все эти росказни за чистую монету и ждал к вечеру ее возвращения. Возвращение не произошло. Кончеев пошел к подруге и узнал, что Оля ушла от нее с Сашей. Правда, Оля, кажется, не очень этого хотела, но Саша ее заставил. (Потом Кончеев даже подумал, что подруга говорила так, жалея его, ведь мало кто знал, а фактически никто, об истинных отношениях его с Олей. А потому им естественно было смотреть на него как рогоносца.)

Кончеев понял, что Оля вернулась к Саше. Однако из добросовестности он решил встретиться с Олей и услышать решение из ее уст. Я опускаю подробности, но в рассказе Оли о конфликте с Сашей фигурировали жуткие угрозы с его стороны и раздутые до фантастических размеров опасения с Олиной. Все это, разумеется, оказалась полной чепухой.

Тут следует напомнить, что я веду, собственно, речь к описанию пережитого Кончеевым просветления, которое как ни странно было вызвано именно этими заурядными (но не для Кончеева) событиями.

Кончееву довелось впоследствии увидеть Сашу-наркомана при несколько забавных обстоятельствах. Оля попросила Кончеева разрешить ей посадить в саду делянку мака. Кончеев ничего не имел против. В те времена это еще не было запрещено законодательно. Он не видел принципиальной разницы между вином, табаком и наркотиками. Употребление их одинаково уводило человека от Бога, но не могло все-таки сделать это радикально. Как бы не замутнял свое сознание человек, голос Бога, хоть и тихо, продолжает в нем звучать непрестанно. Это и Толстой подтверждал, и сам Кончеев этот голос постоянно слышал.

И вот, придя как-то в сад с друзьями, Кончеев застал там Олю, лакомящуюся малиной, а в доме спал Саша. Как я понимаю, после хорошего укола. Кончеев тогда этих тонкостей не знал и не понимал. Ну, спит человек и спит. Он зашел в дом и увидел спящего парня в довольно грязных джинсах и таких же носках, один из которых бестыдно обнажал тоже довольно серую пятку. Кончеев потихоньку вышел. Оля не удосужилась его предупредить, что она в саду не одна, а с Сашей.

Этот Саша-наркоман, как потом уже узнал Кончеев, был добрейшей души парень. Он приторговывал маком, но жил в полной нищете, потому что грел своих друзей бесплатно или в долг (неотдаваемый по большей части), а друзей у него было много.

Это произошло несколько позже, а в день пропажи Оли Кончеев был не уверен, что скоро она не превратится в хладный труп.

На следующий день, с утра, Кончеев направился к Боряше, который знал местожительство Саши. Боря впоследствии стал лучшим другом Кончеева, на этот же момент, они были еще едва знакомы, хотя и чувствовали друг к другу расположение, скоро перешедшее в

дружбу. (Боря был великий мистик, гений и крайне незаурядный человек. Несколько лет назад он погиб.)

Боре Кончеев вкратце изложил ситуацию, подчеркнув, что к Саше и Оле никаких претензий не имеет, а только хочет убедиться, что Оля находится у Саши добровольно и вообще жива. Кончеев прожил с Олей 8 лет, но в некоторых отношениях он ее совсем не знал. Только много позже он обнаружил, что у Оли была феноменальная способность представлять обстоятельства дела, характеры людей и движущие ими мотивы в причудливо искаженном виде, зачастую даже непонятно для какой такой выгоды или смысла. Возможно, что она и Саше представила Кончеева как некоего монстра и патологического ревнивца, который вполне может нагрянуть, с целью устроить скандал и разборку. Во всяком случае, все, что Оля рассказала Кончееву о Саше-наркомане, оказалось полной чепухой. Саша был мягкий, незлобливый и порядочный парень, стеснительный и гордый. Бестактный Кончеев рассказал друзьям и Оле о драном Сашином носке, а та передала его рассказ Саше, что впоследствии привело к тому, что Саша смотрел на Кончеева, когда им приходилось встречаться случайно у общих знакомых, как-то затравлено.

На стук в окно вышел Саша и сказал, что Оля спит (было около часа дня), и потому выйти не может. Кончеев разозлился. В конце концов, вышла заплаканная Оля и призналась Кончееву, что остается у Саши, которого любит, а потому будет терпеть его и дальше. Саша мялся в нескольких метрах сзади, и, похоже, больше всего опасался, что Кончеев уведет с собой его ненаглядную. Кончеев Олю не увел. Кончеев рассмеялся, сказал Оле, что ничего против ее решения не имеет, что благословляет ее и Сашу на совместную жизнь, просит приходить ее к нему по-прежнему, выписывать ее не будет, конечно, и ушел вместе с Борей. Вот в этот момент прощания с Олей и Сашей и постигло Кончеева просветление, точнее началось. Он, вдруг, в один момент увидел все происшедшие с ним события, но вместе с тем и все другие события, происходящие в мире, в каком-то, правда, перевернутом, но именно поэтому истинном виде. Он понял, что ему одинаково дороги все люди, понятны все события в мире, что, собственно, никаких отдельных событий нет, а есть он в настоящий момент и все с ним происходящее именно таким образом, как оно происходит. Невозможно это описать. Они шли с Борей, и Боря говорил что-то как бы утешающее, но не очень убедительное потому,

что к этому времени он уже немного знал Кончеева и потому знал, что тот, в сущности, ни в каких утешениях не нуждается, а еще потому, что сам Кончеев, перебивая его, делился нахлынувшим на него потоком удивительного постижения и понимания. Он тогда еще не знал точно, но подозревал уже, что Боря один из немногих людей на свете, способный понять его до конца. И Боря понимал. Он смеялся вместе с Кончеевым, он говорил свои фантасмагории (а Боря умел говорить так, как никто) как бы в шутку, а, вообще, им обоим было очень весело и хорошо. Так хорошо Кончееву не было еще никогда.

Кончеев полюбил людей. Действительно полюбил. В частности он полюбил Олю, Сашу, Борю. Он не заставлял себя любить их, не говорил, что Бог есть любовь, что надо возлюбить ближнего как самого себя. Это все было бы лишним. Он воистину видел в них… Себя не себя, он видел в них некий таинственный процесс, происходящий с ним. Он вдруг понял, что несколько последних дней чувствовал себя очень тяжело. Что он ревновал, сам не осознавая этого, боялся того или иного развития событий. (Боялся, очевидно, даже возможной, но совершенно ему ненужной семейной жизни.) А теперь внезапно понял, что все это просто находится внутри него, и как ему возможно проявлять эти, как тяжелые, так и радостные, чувства, так можно проявлять и любые другие, а потому, конечно, лучше проявлять приятные, веселые и радостные.

Через два часа после сцены у Сашиного двора Кончеев заступил на смену на своем заводе. В складе никого не было. Сегодня Кончеев на смене был один. Он брал на плечо семидесятикилограммовые мешки с мукой, как перышко, и относил их к месту укладки. Возвращался к деревянному отполированному тысячами мешков столу, опирался на него и смотрел вверх, ожидая следующего мешка. Эта спокойная, размеренная и разумная работа оставляла в покое и ум, и душу. И Кончеев думал: «Я могу производить из себя мир-кошмар, а могу производить мир-счастье и радость. В мире-кошмаре тяжело и плохо жить, он плох, не надо его производить». И казалось Кончееву при этом, что нет ничего проще, как производить только такой мир, какой тебе нужен, и больше никакой.

МОЯ ЖИЗНЬ И МОЯ ФИЛОСОФИЯ

История моей жизни и создания трактата «Великое Делание»

и финальная концепция

Я до того строя мыслей, который отражен в «Великом Делании», прошел долгий и сложный путь.

Самым важным в нем я считал происшедшее во мне просветление. Оно было неожиданным, но, безусловно, настоящим. Размышляя, я вспомнил, что мне попадались описания разнообразных просветлений, и, обычно, они были внезапными, а сознательные усилия его добиться результата не давали. Наверное, думал я, это не совсем так. Просветлевшие стремились к просветлению. А, может, не к просветлению, а просто упорствовали в какой-то практике, стремясь усовершенствоваться в ней. Поэтому нельзя говорить, что просветление произошло ни с того ни с сего. Конечно, каким-то образом оно было подготовлено всей предшествующей жизнью.

Я знал, что такое просветление, читал о нем. Признаться, не очень-то верил, что это что-то реальное. Скорее, я думал, что это какой-то качественный скачок, после которого человек полностью определяется в своих взглядах и образе жизни. Теперь я знаю, что это не так.

Просветление вызвало во мне ощущение похожее на избавление от ноши. Не то, чтобы ноша была как-то особо тяжела. Совсем не тяжела. До такой степени не тяжела, что я ее и не замечал, пока она не перестала на меня действовать.

Один раз в жизни со мной уже произошло кое-что похожее на освобождение, данное просветлением. Это было

принятие учения Льва Толстого в качестве истинного и такого, которому мне, безусловно, надо следовать. Но там не было резкого изменения, а, главное, это не было именно просветление. Из тяжкого, фактически отягощенного безысходностью состояния души, я перешел в состояние свободы и воодушевленности. То, что могло бы выглядеть, как жертва, далось мне с радостью, без усилий. Я бросил есть мясо, курить, пить спиртное, стал заниматься физическим трудом, ушел с легкой работы, предназначенной для интеллигенции, и стал рабочим. Я стал носить самую дешевую и простую одежду. Причем зачастую я изготавливал ее себе и своим близким самостоятельно. Научился шить. Вязал на вязальной машине.

Несколько лет я прожил просто чудесно. Да, и не удивительно. Я был молод, полон сил, энергии, занимался духовными практиками, много читал по этой теме, а разнообразные тяготы и неприятности переносил стоически, понимая, что жизнь без этого не бывает. Собственно, следуя Толстому, я считал, что претерпеваю испытания, которыми меня испытывает Бог.

В другом месте я пишу, как я ушел от этого умонастроения. Как Сивку все-таки укатали крутые горки. Да, нет. Закончилось одно нужное, наступило другое нужное.

После просветления я понял, что я носил в себе особого рода напряжение. Я видел, что мир живет жизнью очень неправильной, и толстовство в нем не имеет никаких шансов, а ведь оно претендовало на полное преображение мира на принципах любви и добра. Более того, даже мои близкие, мои знакомые были безразличны к тому, что было так важно для меня. Ну, и дополнительной тяжестью на мне еще лежало появившееся осознание того, что кое в чем я с Толстым согласиться не могу. (Смотрите главу о ригоризме Л. Толстого.)

Просветление все поставило на свое место. Мир при всех своих несовершенствах представился мне после просветления совершенно правильным. По поводу него, вообще, не стоило беспокоиться. Он был таков, какой есть. В нем было много плохого, но меня оно точно не касалось. Я, по словам Христа, не мог седой волос сделать черным или прибавить или убавить себе росту, хотя бы на несколько сантиметров.

Прошло еще несколько лет. Я сильно изменился. С точки зрения толстовства, т.е. себя прежнего, я сильно деградировал, собственно, предал многие из своих прежних чисто толстовских идеалов. Да, так оно и было. Только в моем настоящем понимании это была не деградация, а прогресс. Я стал иным, я стал широковидящим и широкомыслящим. Исчезли внешние силы, которые я должен был бы учитывать, делая то, что я делал. В каком-то смысле это был настоящий пофигизм. Но пофигизм обыденный в людях мне совсем не нравился, потому что проистекал он у такого пофигиста не из знания и понимания, как у меня, а из элементарной низости характера. Такой характер в том или ином человеке был, конечно, предопределен, но я вовсе не обязан был любить то, что мне категорически не нравилось. А, впрочем, я на такие мелочи не обращал внимания.

В жизни моей так случилось, что я попал в довольно тяжелые материальные обстоятельства и к тому же очень серьезно заболел. Я был присмерти, но врачи меня спасли.

Едва оклемавшись, я принялся за работу. Постулат Толстого, что надо себя обеспечивать добросовестным трудом, я продолжал считать совершенно правильным. Правда, еще до болезни мне довелось добывать себе материальное обеспечение разными способами. Иногда даже и совсем не толстовскими. Здесь не исповедь души, и пусть мои скорбные тайны уйдут вместе со мной в небытие, ну, а я, возможно, и чуть подальше.

Я работал и размышлял. Я всю жизнь размышлял.

КАК Я РАЗМЫШЛЯЛ

Я продолжал заниматься разными практиками, потому что болезнь свою воспринял, как нешуточный сигнал. Теоретически, да, и отчасти практически, я не боялся смерти, но приближать ее совершенно не хотел. Я чувствовал, что мне, как бы, надо сделать что-то очень важное. Это было даже странно. По идее, просветление избавило меня от целей.

У моей жизни не было цели, не было смысла, точно так же это касалось и всех остальных людей, всего мира. До просветления это понимание меня мучило. Толстой только на время избавил меня от него. Просветление поставило на этих мыслях крест. Ноша упала с меня. Но что-то, видимо, осталось. Я не особо переживал по этому поводу, но считал, вопреки классическому представлению о просветленном, что в себе надо продолжать разбираться. Попытаться до конца постичь, что же это такое я и мое бытие. Умереть я не могу и не хочу, а жить дальше вроде как и незачем.

Просветление, вообще-то, дает довольно исчерпывающее понимание, что такое ты, и, что такое мир, в котором ты находишься. Неясного не должно было быть. А раз оно в каком-то виде присутствовало, то надо было постараться разобраться с этой загадкой. Ну, примерно так же, как надо было постоянно разбираться с теми или иными житейскими проблемами.

Результатом моих исследований стало понимание, что и со мной, и с миром не все в порядке, несмотря на происшедшее во мне просветление. Нет, никакой особой трагедии, но что-то есть, а, значит, надо действовать. Я ведь всегда действовал, когда видел, что в моей жизни происходит не то, что я мог бы терпеть, или чем мог бы пренебрегать. И, что знаменательно, этим диссонансом, собственно, была жизнь живых существ, как таковая, да, в какой-то степени и моя собственная. Жизнь,

частности которой мне категорически не нравились, наличие чего я никак не мог одобрять.

Помнится, я стал изучать систему Верищагина, называющуюся ДЭИР (Дальнейшее энергоинформационное развитие.), ставшую внезапно модной. Мне она нравилась. Просветленный умирает не так, как тот, у кого не было просветления. И Верищагин показывал крайне заманчивый путь к такой внутренней трансформации, когда смерть открывает перед умершим вполне заманчивые перспективы.

Для себя я решил, что дальше жить мне не надо. Я думал, передо мной будет возможность выбора, либо уйти в Нирвану, либо вернуться в мир в качестве привилегированного участника его жизни. Поскольку я был довольно молод и уже здоров, я мало задумывался над частностями, которыми неизбежно будет сопровождаться конец моей настоящей жизни.

Вполне я допускал, что по каким-то соображениям, я могу и снова родиться, хотя предпочел бы не рождаться. А тут у меня даже стали появляться некоторые сомнения. Несмотря на субъективную уверенность в своей силе и статусе, я допустил в себя естественным путем скептическое размышление. Собственно, я не был экспертом по загробным делам. Ну, что-то немного знал и испытал. Считал, что этого достаточно. Но ведь я мог и ошибаться. Вполне это могла быть ловушка. Я тут ликую, воображаю себя полностью свободным, жду не дождусь перехода в нирвану… А не рано ли я губы раскатал? Нет, нет и еще раз нет, убеждал я себя. Какая там ловушка? А что?

Вернусь к ДЭИР. По большому счету оно мне ни к чему. Но ведь Верищагин пишет интереснейшие вещи.

И тут мне приснился сон. Деталей я уже не помню. Где-то он у меня записан, если найду, дам в приложении. Я услышал голос, который торжественно сказал: «Дальнейшее энергоинформационное развитие». И я увидел это развитие. Я смотрел на него со своей точки зрения, видел его. И внезапно я

понял, что целью жизни, целью бытия является, должно являться, не ДЭИР, а окончательное и бесповоротное завершение какого-то ни было ДЭИР. Я увидел полчища фанатов ДЭИР. Полчища других искателей, которые фактически занимаются ДЭИР, но называют это по-другому. Кто-то преуспевает, кто-то отчаивается, а все просто живут, на самом деле не понимая, что ДЭИР не нужно, а поистине надо достичь великой цели, достичь состояния, в котором не требуется и не может требоваться никакое ДЭИР. ДЭИР — чепуха, ни к чему существенному не ведущая. Контраст между серьезностью ДЭИР и моим пониманием его никчемности поразил меня. Я расхохотался и от смеха проснулся. Ведь как все просто! Люди с великой серьезностью, с полной, зачастую, самоотдачей занимаются тем, про что с незапамятных времен выяснено, что всё это прах, майя, суета, очередная приманка, уводящая в дебри бытийной фантасмагории…

Несколько дней я ходил под впечатлением от этого сна, а потом стал записывать новые мысли, которые сами собой стали приходить мне в голову, и которые казались мне интересными, важными и практически совершенно не популярными, т.е. широко никогда не обсуждавшимися. Это меня не могло смутить, а, наоборот, радовало. Это было начало создания трактата.

Ну, а в процессе написания труда мысль моя усложнялась. Некоторые вещи стали мне видны с предельной четкостью. К тому же мне стало ясно, что труд мой является своего рода революцией, потому что с одной стороны ставит под сомнение безоблачное прекраснодушие разнообразных «достигших», а с другой показывает более глубокий и главное истинный путь, по которому следует идти тем, кто достиг просветления. Да, и не достигшим просветления, но идущим духовными путями, сообщает благую весть об окончательном и всеобщем освобождении.

СУТЬ КОНЦЕПЦИИ

Разумеется, трактат написан с точки зрения мира множественности. Собственно, сама концепция трактует о множественности, которая должна быть преодолена.

Желая придать трактату определенный тон, я даже специально заострил неожиданные выводы, которые сами собой вывелись из концепции.

— совершение Великого Делания одним Высшим Адептом, неважно, кем именно;

Казалось бы, странно. Почему? Если каждый равен Брахману, то в его лице Брахман может сделать то, что изначала и предопределено.

— описание Великого Делания, как акта происходящего мгновенно и со всем феноменальным бытием в один момент;

Время условность. Время условие существования феномена. Пока есть феномен, нет Великого Делания, произошло Великое Делание — феномен исчез.

— утверждение о необходимости Высшего Адепта и его намерения для пробуждения Первоначала и тем самым завершения Великого Делания;

Феноменальный мир изначала стремится избавиться от своей феноменальности. Для этого только и существуют в его субъектах духовные устремления. Рано или поздно должно появиться то, что с феноменальностью покончит, останется один ноумен.

— о невозможности для Первоначала вернуться в исходное состояние после пробуждения;

Иначе бы не стоило и огород городить, хотя невозможно постичь, как можно бы это условие обеспечить. Я это выразил в форме старой априорной истины: «Богу всё возможно».

Корень зла лежит не в дуализме или феноменальности мира, так только представляется, а в том, что и то, и другое ведут к тому, что недолжно, несовершенно, что является злом и т.п. И еще, мое понимание не может быть полным, потому что это понимание, все-таки порожденное феноменальным миром. Из этих двух соображений я сделал вывод, что по достижении цели, которая была поставлена феномену ноуменом, бытие примет вид для меня в принципе неизвестный, но безупречный. То есть, без тенденции начать всё с начала.

Мы имеем дело с неправильным феноменальным миром. Я не могу утверждать, что феноменальный мир непременно должен исчезнуть, но я уверен, что не перестать быть неправильным после Великого Делания он не может.

Ну, и множество других, которые мне сейчас вспоминать, собственно, незачем.

На самом же деле, Великое Делание не таково, каким оно описано в трактате, и совершится оно, наверное, по-другому. Но, что примечательно, я ничуть не погрешил против истины. С точки зрения множественности по-другому сказать нельзя. А сказать необходимо. Собственно, даже это, возможно, я написал напрасно.

Надо подчеркнуть, что при написании трактата я совершенно не задумывался об альтернативном видении проблем, связанных с Великим Деланием. Я должен был изложить и излагал концепцию «для всех». Для всех, кто способен понять ее и принять как руководство к действию или, хотя бы, как истину.

С одной стороны, сила трактата именно в этом. Он написан для мира множественности. Слабость же его в том, что неизбежно, рано или поздно, обнаружится, что на определенной высоте понимания Высший Адепт не способен смотреть на мир множественности иначе, как на чистую иллюзию, которую можно, конечно, растворить, но, вроде бы, и незачем.

Вот, для указания на решение этого противоречия я и пишу эту финальную концепцию.

Собственно, она несложна. Но очень удивительна. Тут следует вернуться к началу.

ФИНАЛ

Небытие не существует. Абсолютное бытие не может возникнуть из абсолютного небытия. Но, поскольку бытие имеется в наличии, абсолютного небытия нет, и никогда не было. Бытие исключает небытие.

По парадигме Великого Делания мир множественности (феноменальный мир) образуется из Первоначала как отрицание абсолютности Первоначала. Такое отрицание — нелепость, абсурд, но оно имеет место, как это можно непосредственно наблюдать. Абсолют (которым и является Первоначало) каким-то образом входит в состояние самоотрицания. Наш мир и есть факт этого самоотрицания. В Абсолюте, поскольку он является абсолютно всем, что хоть чем-то и как-то может быть, существует и принципиальная возможность самоотрицания. Напоминаю. Абсолют находится вне форм мышления. Для него нет ни времени, ни пространства. Обе эти формы, присущие нашей познавательной способности, существуют только в мире

множественности (в майе, в феномене), в мире, как представление, и только для него.

Итак, в Абсолюте реализуется самоотрицание, которое по своей нелепости и невозможности не имеет никакого права на актуальное существование. «Права не имеет», но возникает.

Можно представить, что в Абсолюте постоянно находится тенденция к его разабсолютизации. В сущности, из-за этого Абсолют не является Абсолютом, а является тем, что, как бы, и утверждает себя, и отрицает. Но абсолютность, именно потому, что она абсолютность, не может не стремиться прекратить такое положение вещей. Оно прекращается, и Абсолют становится уже незыблемым Абсолютом. Для нас, по необходимости мыслящих в категориях времени, он становится таким на веки вечные.

Хорошо. Абсолют абсолютен. Пребывает в вечности, и никто его не наблюдает. А кто тогда такие мы? Что есть наш мир? Что такое субъект, мышление, время, пространство, совершенство и несовершенство, добро и зло? А это то, что произошло в Абсолюте в безразмерный миг между его утверждением, и его отрицанием. В сущности, ничего, ноль, пустота. Поскольку Абсолют находится вне времени, то отрицание его, а так же последующее исчезновение отрицания происходило в нем с точки зрения мира множественности, т.е. времени в прямом смысле бесконечное число (число является коррелятом времени) раз и в один безразмерный миг. Поэтому субъективных миров, в которых имеется мир как представление, тоже бесконечно много (но это вовсе не те индивидуумы, которых я наблюдаю в своем представлении мира). Но любой из них существует в Абсолюте не актуализовано, в некоей потенции.

В субъективном мире субъекта (у меня или у кого угодно) происходит некая вполне логичная и упорядоченная фантасмагория. Индивидуум рождается, воспитывается, растет. В соответствии с имеющейся у него в наличии картиной мира он

совершает те или иные действия, претерпевает те или иные невзгоды или радости. Всё. Жизнь заканчивается, тем самым заканчивается и данная разабсолютизация. Все представления о мире ином, Царстве Божием, астральном мире посмертия, о новой жизни, новом воплощении в соответствии с наработанной кармой для Абсолюта ничто. Это просто сказка, которой тешится индивидуум (если думает о ней) тогда, когда существует, как представление во времени и пространстве.

Индуистская теория кальп намекает на такой порядок вещей. Есть день Брамы, а есть ночь Брамы. Ночь Брамы — это его абсолютное состояние — чистое бытие и ничего другого. День Брамы — разабсолютизация. Суть ее никакая. Это призрак, мираж, майя, которая закончится при наступлении ночи Брамы.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Не имеет значения, что мне как субъекту делать. Но стратегия моего действия, как субъекта, разабсолютизацией предписывается довольно ясно. Можно выбирать пути благоприятные, а можно неблагоприятные. Ошибки неизбежны, но редко фатальны. А что такое в этой концепции фатальны? Что такое, скажем, смерть, самоубийство? Фактически это конец данной разабсолютизации. Можно представить, что разабсолютизаций бесконечно много. Но столь же непротиворечиво считать, что разабсолютизация существует только одна. Ведь для Первоначала, Абсолюта нет множественности, нет чисел, нет времени.

Мистики утверждают, что после смерти есть иная жизнь. Кое-кто из них утверждает, что самоубийство ухудшает посмертную участь. Но ведь в мире, как представление, может быть реализовано любое представление. Поэтому и самоубийца может не умереть (не закончить данную разабсолютизацию), а продолжать жить в ужасах астрала. И вот так выходит, что лучше себя не убивать, а ждать естественного конца. А естественная смерть не закончит разабсолютизацию, если

разабсолютизация сможет зацепиться за те или иные представления субъекта. Это очень важно. Субъект и есть носитель разабсолютизации. Нет субъекта, нет ее. Все же мистические рассуждения, собственно, фантазии и страшилки. Впрочем, не вполне пустые.

Моя конкретная жизнь для меня теперь предрешена. Я умираю, неважно каким способом, и на том конец. Для чего же было всё? Зачем я страдал, писал, описывал Великое Делание? Это реализация майи данного плана. Я содержал в представлении этот мир. Населил его абсолютно всем, что мне встретилось в жизни. Я написал все гениальные книги, всю гениальную музыку, услышал гениальные, да, и отвратительные песни. Все это создал я — разабсолютизация. Какова же теперь моя судьба? Моя судьба — исчезнуть вместе со всем своим добром. Исчезнуть, чтобы никогда больше не появиться. А, если я хочу появиться, если я хочу появляться и появляться? Ну, будешь появляться. Будешь появляться ровно до тех пор, пока в момент смерти не скажешь с полной силой и энергией: «Всё, меня больше нет». (Прозревал, прозревал Шопенгауэр весь этот путь, потому и создал столь нелепую теорию спасения.)

И в завершение, хочу уточнить. Я знаю только принцип Великого Делания, а не его конкретную реализацию. Вполне я допускаю возможность существования в недрах Абсолюта какого угодно мира, какой угодно сложности. Но после Великого Делания никогда больше не будет мира, в котором была бы хоть капля зла.

ПРИЛЕЖАЩИЕ К «ВЕЛИКОМУ ДЕЛАНИЮ» РАБОТЫ

МАТЕРИАЛИЗМ УБИВАЕТ МИСТИКУ. А ОНА...

абсолютная цель науки и материалистического познания

Я сейчас нарисую антисолипсистскую картинку. Это картина строго объективного представления о мире.

Все живые существа обладают восприятием. Люди воспринимают мир при помощи своих очевидных пяти чувств[001]. На примере тех людей, которые не имеют какого-либо одного (или больше) чувства, но, тем не менее, создают для себя вполне адекватную картину мира, мы можем представить (допустить) возможность существования существ с количеством чувств больших пяти. Собственно, с любым количеством, с каким сможет справиться их интеллект. Количество чувств ничего в принципе не определяет. Это просто изначальное условие. Так сказать, пять изначально данных параметров. Параметры эти обрабатываются интеллектом, на основе их значений и образуется объективная картина мира.

В построении объективной картины мира роль интеллекта не переоценима. Важны не сами данные органов чувств, а их, той или иной степени сложности, интерпретации. Вот, что такое культура, наука, философия. Они и база, и результат все усложняющихся интерпретаций, в сущности, одних и тех же от века существующих в человеке данных, получаемых от пяти органов чувств. Даже познание мира при помощи сложных специально созданных приборов ничто иное, как усложнение интерпретации путем усложнения предстоящих интерпретации данных. Данные же от приборов воспринимаются все теми же чувствами.

В современной культурной общераспространенной парадигме мы имеем довольно сложную картину мира, значительно удалившуюся от той, что непосредственно, как бы сама собой, навязывается человеку естественному.

Каково же место человека в этой картине мира? Человек есть малая, чрезвычайно специфическая частица мира, вследствие своих специфических свойств способная создавать о познаваемом ею мире разумные суждения.

Мир состоит из блоков плотной раскаленной (миллионы и миллиарды градусов) материи, разделенных гигантскими пространствами с крайне низкой плотностью материи. Очень небольшая (ничтожная) часть материи вселенной имеет температуру близкую к абсолютному нулю. (—273 ºС). Люди состоят из материи, имеющей свойство поддерживать жизнь в очень узком диапазоне температур (около 100 градусов), близком к абсолютному нулю. Именно эта редкая форма материи создает структуры, способные мыслить, составлять суждения. Мы — это материя, обладающая чувствами и думающая, т. е. обладающая восприятием и способностью это восприятие обрабатывать.

Изучение мира показало, что температуры ниже абсолютного нуля быть не может. При этой температуре прекращается какое бы то ни было движение материи, она застывает. Запрета на максимум температуры наукой пока не обнаружено. Считается, что такого предела не существует.

Вполне возможно предположить, что в бесконечном диапазоне возможных температур (или в наблюдаемом не бесконечном, но достаточно большом) существуют

области температур, в которых материя может порождать каким-то образом упорядоченные структуры, обладающие теми же свойствами, что и люди. Чувствами, интеллектом, способностями к мышлению о мире и к исследованию его. Поскольку такие существа по необходимости должны иметь, совершенно иные масштабы времени, нежели люди, никакое общение между ними и нами и даже знание друг о друге невозможно[002]. Разумеется, в рамках существующей парадигмы.

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В МАТЕРИИ

Области раскаленной материи (да, и любой вообще) имеют дисперсное строение. Дисперсность эта прослеживается на всех уровнях, от метагалактик и предполагаемых, но недоступных наблюдению иных вселенных, подобных нашей, но возникших в результате иных больших взрывов (big bangs) до микроуровня материи, имеющей физические параметры и взаимодействия частиц, не прослеживающиеся на уровне макро.

Вообще современная культурная, научная парадигма исходит из изотропности законов, существующих в пространстве и времени. Изотропность же существования самих пространства и времени (время по сути анизотропно, потому что в нем прошедшее не равнозначно еще не наступившему будущему) в последнее время была подвергнута сомнению и фактически опровергнута. Изотропность физических законов не доказана и вполне может быть тоже

подвергнута сомнению. Попытки этого делаются. Сама современная научная парадигма предполагает возможность существования областей сингулярности, т. е. областей, в которых существующие во вселенной физические законы перестают действовать.

Итак. Человек — существо, занимающее исключительно малое место в пространстве, в материи и, собственно, во времени. Существо, образовавшееся вследствие крайне нетипичных условий существования материи. Бóльшая часть материи вселенной сконцентрирована в звездном веществе, квазарах, пульсарах, радиогалактиках, галактиках и т. п., имеющих гигантскую массу, температуру и плотность. В одной из миллиардов галактик, состоящей в свою очередь из миллиардов звезд, на периферии ее, возле небольшой низкотемпературной звезды на маленьком кусочке остывшей почти до абсолютного нуля материи, летающем вокруг нее, образовались специфические, могущие существовать только при такой низкой температуре, органические и неорганические молекулы, которые вследствие законов, естественных для материи, находящейся при столь низкой температуре, оказались способны к самоорганизации, развитию и усложнению. Из этих молекул образовались, так называемые, сложные организмы, один из немногих видов которых обладает мышлением и органами чувств. По поводу данных от них он размышляет и выстраивает на основе этого размышления существующую в мышлении и отражающуюся в материальных носителях культуры картину мира, т. е. картину существующей материальной вселенной.

Картина мира, нарисованная усилиями многочисленных исследователей и мыслителей, не является окончательной. Она имеет элементы, считающиеся несомненными. В то же время, история познания показывает, что в его процессе с течением времени приходилось отрицать и самые несомненные, казалось бы, положения. После появления теории относительности, принципа дополнительности и принципа неопределенности квантовой механики ученым стало очень трудно говорить о незыблемости тех или иных открытых познанием истин.

Построение объективной картины мира идет параллельно с исследованиями в практических областях. Собственно, человеку, родившемуся для того, чтобы просуществовать несколько десятков лет, а потом исчезнуть не так уж и важно конкретное устройство вселенной, в которой всё это с ним происходит. Было и есть сколько угодно людей, знающих о вселенной очень мало и ничуть этим не тяготящихся. Их гораздо больше занимает конкретное функционирование их организма и обстоятельства такому функционированию сопутствующие. Такие люди имеют упрощенную (в сравнении с картиной, известной людям образованным) картину мира, из которой выброшены несущественные для узких практических целей жизни моменты. Человек, вынужденный тяжко трудиться, желающий обеспечить себе уют и процветание, занятый обдумыванием своих планов и целей, очень мало зависит от представления, скажем, о Земле. Где она находится, и что собою представляет. Его так же устроит то, что она плоская и лежит на трех слонах, как и то, что она кусочек остывшей

материи, двигающийся в пустоте. Более того, существуют вполне понятные обскуранты, желающие отказаться от глобального познания свойств материи и законов ею управляющих, как опасных для жизни и выживания человечества. И опасения таких обскурантов имеют веские основания. В настоящий момент, благодаря деятельности и открытиям ученых, существует оружие, вполне способное уничтожить человечество, уничтожить вообще все живое на Земле и даже разрушить саму Землю. Хозяйственная и экономическая деятельность людей имеет в настоящее время необходимым компонентом результаты научных, технологических открытий. И именно благодаря им, на земле происходят, вполне возможно, необратимые процессы, имеющие труднопредсказуемые последствия. Вполне вероятно то, что эти процессы поставят существование биосферы и в частности человека на грань уничтожения.

Человек существо, по сути, кратковременное. Природа заложила в него стремление к благу. Это стремление может до определенной степени входить в противоречие с устремлениями других подобных ему существ. Жизнь всё ставит на свои места. Каждый получает не то, на что претендует, а то, что оказывается для него возможным получить. Техногенная же эволюция может сделать то, что некие интересы частных субъектов смогут преодолеть противостоящие им интересы других, может быть и более многочисленных, субъектов таким образом, что настоящее будет куплено ценой будущего. То есть, те, кто рассуждает «после нас хоть потоп», вполне смогут что-нибудь вроде потопа устроить, в виду своих частных и эгоистических целей.

Это представление тоже входит в современную картину мира и вытекает из современной объективной научной парадигмы. Эта парадигма не признает телеологии[003]. То есть, законы природы существуют сами по себе, как бы для самих себя, объективно, и вовсе не имеют в виду благо и счастье человека. Благо человека вообще субъективное понятие, собственно, некорректное. Благом для себя человек считает свое преуспеяние как организма (во всех возможных отношениях). Сюда вполне органично включаются и разнообразные духовные блага. С концом организма исчезают и все его блага, так же как и его сознание, и мышление. Современные наука и философия не имеют никаких оснований полагать, что дух в человеке, его душа, его психические функции имеют иную какую-либо реальность, кроме той, что определяется в нем комбинациями органических молекул и иных химических соединений. Предполагать нечто существующим вне материального мира, есть область религии и мистики, полагаемые научной парадигмой произвольными фантазиями и заблуждениями.

ИЗВЕЧНАЯ ПРИРОДА ЛЮДЕЙ

Научные исследования не могут быть остановлены усилиями обскурантов. Во-первых, обскуранты немногочисленны, во-вторых, они непоследовательны и сами пользуются теми достижениями научно-технического прогресса, которые осуждают, в-третьих, процессы развития общества и науки имеют объективный характер и определяются желаниями, чаяниями и

устремлениями большинства людей. Природа же большинства людей такова, что желает устремляться к целям эгоистическим, чувственным и материальным. Истинная (и часто тайная) философия большинства людей именно и выражается максимой: после меня хоть потоп. Если потоп до сих пор не наступил, то только потому, что ни у кого из частных субъектов не было достаточной возможности устроить его с какой-нибудь осязаемой для себя выгодой.

ВЕЛИКАЯ ЦЕЛЬ НАУКИ

Научная парадигма имеет в себе представление о смысле и цели жизни человечества в целом и для каждого человека в частности. Это редко обсуждается и даже мало кем осознается, но я возьму на себя смелость изложить эту цель как можно более прямо и просто.

Не подлежащей сомнению ценностью жизни считается физическое процветание человека. Прежде всего, его здоровье. Конечность жизни вносит, конечно, свой диссонанс в бытие человека. Те мыслители, которые полагают, что медицине и другим наукам следует стремиться только продлить срок жизни человека и длительность его продуктивного (в сущности, наиболее благоприятного) периода жизни, и другого положения вещей себе не мыслят, страдают особого рода ограниченностью. Они вносят в свои теории представление о наличном, несовершенном состоянии человека, в то время как нет никаких запретов для того, чтобы жизнь человека могла быть продлена вполне научными методами безгранично и доведена до

совершенства. Наука должна ставить себе цели предельные и максимальные. Значит, наука должна стремиться
обеспечить **максимальное** благоденствие **всех** людей
на **безграничное** время. Возможность индивидуального бессмертия здорового и энергичного человека ставит множество частных проблем, разрешение которых тоже входит в цели науки. В пределе это должно быть некое состояние гомеостаза, в котором люди должны превратиться в «наслаждающиеся комки нервов», по словам Ренана. При этом наука должна разработать и реализовать такие условия существования этих существ, которые не могли бы нарушиться никакими случайностями со стороны внешней среды. Если для этого придется переселиться в космос или, скажем, создать искусственное солнце, значит, это должно быть сделано. Я не рассматриваю в данный момент возможности науки осуществить эти цели, я говорю только о самих целях. Но сама по себе научная парадигма подразумевает возможность для науки достижения любых целей, как бы фантастичны или невозможны, они не казались. До тех пор пока конечная цель науки (полное, безоблачное и бесконечное счастье всех людей) не достигнута, наука должна стараться достичь максимального приближения к этой цели, имея в виду саму цель как идеал.

Я, разумеется, описал голую идею. Сколько угодно можно найти ученых, считающих достижение описанной мною цели науки и познания невозможными. Но речь ведь идет не об эмпирике, а о принципе. Принцип же науки прост: можно найти решение любой проблемы, или

почти любой. Так что, если цель, описанная мною, и недостижима, то, как абстрактный идеал, она вполне действенна. К тому же, хочу подчеркнуть, научными методами доказать невозможность достижения такой цели невозможно. Как невозможно доказать и обратное.

ПРЕДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ. ТАЙНЫЙ ДОГМАТИЗМ

Наука не способна отвечать на вопросы, не касающиеся эмпирического познания. Она исследует материю, ее законы, формы, в которых она проявляет свое существование, но наука не может отвечать на вопросы предельные или запредельные. Запредельных она просто не признает, я об этом уже говорил, а предельные, хоть и признает, но, если она честна, вынуждена их снимать. К таким предельным вопросам следует отнести вопросы, скажем, о том, почему эмпирические данные опыта именно такие, а не какие-нибудь другие, а так же вопрос о том, почему физические законы и их константы именно таковы, каковы есть.

К предельным вопросам можно отнести и вопрос о происхождении материи, вообще бытия, о причине и сущности большого взрыва. Хотя в отношении последнего видимо, возможны все-таки некоторые теории и исследования, возможные в том случае, если посчитать его неким частным материальным событием, могущим совершаться с материей в неких специфических условиях.

И вот, поэтому-то научная парадигма представляет собой некий специфический вид догматизма. Она

вынуждена, обязана исходить из неких аксиом, признающихся ею строго обязательными и очевидными. Эти аксиомы касаются именно тех предельных вопросов, о которых я говорил выше. Хотя они и не имеют, строго говоря, однозначных решений, такие решения предполагаются и считаются несомненными.

Считается, что все люди устроены по единому принципу. Этот единый принцип вытекает из единообразия материи и единообразия законов, по которым существует материя.

Считается, что объективное существует в качестве основы бытия и познания, а субъективное есть привходящий к объективному, материальному бытию феномен.

Считается, что природное безразлично к субъективным переживаниям сознающих его существ, переживания которых, собственно, случайны. Добро и зло, благо и невзгоды не существуют реально, а есть только субъективные мнения субъектов.

Считается, что мнения субъектов есть их частное дело и осмысленны и ценны они только в том случае, если имеют материальную подтверждаемость и повторяемость. — Основной принцип научного познания.

Считается, что материальный мир может существовать без наличия познающих его существ совершенно объективно и, что такое его бытие является основным и естественным. Наличие же познающих его существ — случайный и необязательный феномен. Собственно, вполне возможно предположить, что есть некий закон, предусматривающий периодическое и/или

спорадическое изменение законов природы и их основных констант. И тогда вполне возможно возникновение на какой-то период таких законов природы, при которых возникновение разумных и вообще чувствующих существ во вселенной станет невозможно.

Считается, что начало закономерных процессов скрыто во времени. И современные научные представления не исключают возникновения и вовсе явлений, не имеющих причины. Из этого следует, что и в макро и микро мире возможны появления таких флюктуаций, которые для существования человечества могут быть роковыми.

И т. п.

Все эти положения подразумеваются научной парадигмой, во всяком случае, не противоречат ей. Но сами по себе они вносят в нее элемент непредсказуемости, случайности, некорректности. То есть, можно вполне обоснованно утверждать, что при всей своей основательности, солидности, пиетете, научная картина мира не является непреложной, единственно верной и безупречной. Можно даже еще более резко обвинить ее в том, что она допускает противоречия со своими же собственными началами, а следовательно не может гарантировать неизбежной истинности собственных выводов и положений. Увы, это так.

МНЕНИЕ НАУКИ О РЕЛИГИИ, МИСТИКЕ И ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Законы материи таковы, что создают популяции живых существ, стремящихся продлить свое существование беспредельно. Происходит это и сознательно, и бессознательно. Половой инстинкт (как и любой инстинкт) действует на бессознательном уровне. Он толкает индивидуумов к совершению действий, представляющихся им желательными, но вовсе не по причинам воспроизведения популяции. У людей, правда, некоторые особи совершают сексуальные действия с целью получения потомства, но сами соображения о желательности получения такого потомства являются вполне инстинктивными. Желать потомства, собственно, незачем. Судьба его будет ничем не отличаться от судьбы тех, кто это потомство желает. Ad infinitum.

Поскольку люди в отличие от животных понимают, что их индивидуальное пребывание в том виде, в каком они пребывают, закончится, то от самого факта такого понимания они по необходимости испытывают состояние фрустрации. Врожденное стремление к бесконечному пребыванию в жизни входит в противоречие с несомненной уверенностью в невозможности достижения этого. В снятии этого противоречия и заключается анестезирующая сила религий. Религии, фактически, утверждают идею продления существования индивидуума в неопределенную бесконечность. Чтобы быть убедительными, религии демонстрируют чудеса, фанатиков, совершающих религиозные подвиги, и незыблемую сплоченность жреческой касты. Человек, подвергнутый психологической обработке религий, становится «верующим» и иногда начинает испытывать, вследствие усиленных размышлений на религиозные

темы, необычные психические состояния, галлюцинации, которые еще больше убеждают в «вере» его, а так же и окружающих. События эти и есть то, что подразумевается под «мистическим опытом». Обобщая религиозные представления и откровения мистиков, некоторые мыслители создают умозрительные схемы и системы, дополняющие и укрепляющие мистические и религиозные представления. Философия эта по большей части называется идеалистической, хотя может появляться и под другими названиями.

По существующим научным представлениям мистические, религиозные, идеалистические представления не имеют под собой никакой основы, базируются на заблуждениях, иллюзиях и очевидных психологических мотивах. Мир материален, никем не создан, существует вечно, процессы в нем происходящие, скорее всего, цикличны.

ДОГМАТИЗМ НАУКИ

Надо признать, что последнее утверждение предыдущей главы собственно нуждается в доказательстве. Доказательство не предъявляется и не требуется по той причине, что оно с очевидностью невозможно. Для тех, кому это не очевидно, существует Эммануил Кант с его «Критикой чистого разума», в которой он показал пределы, в которых разум может уверено действовать, и указал вопросы (под видом антиномий), на которые разум дать ответы не в состоянии.

ВЫВОД

Таким же точно образом, каким наука критикует мистику и идеалистическую философию, последние могут раскритиковать ее. Наука игнорирует тот факт, что она всегда имеет дело не с объективным материальным миром, а с фанероном[004], а, следовательно, все ее рассуждения в самой основе покоятся на ошибке.

Цели науки, которые я указал, даже самими учеными осознаются довольно редко, а уж то, что они осуществимы, более чем сомнительно. Обычно ученые спасаются от печальных мыслей о неизбежном конце разнообразными самоутешениями, не прибегающими ни к чему запредельному. Поскольку интеллект ученых обычно выше среднего уровня, а душевный склад характером их деятельности предполагается достаточно уравновешенный, из них выходят отличные филистеры, прямо отказывающиеся задумываться о чем бы то ни было, выходящем за рамки обыденного кругозора. Бывают и исключения. Паскаль, Сведенборг, Ньютон, толкующий Апокалипсис, верующий Эйнштейн, тот же Кант. К религии ученые приходят обычно на склоне лет, а потому и не испытывают затруднений в примирении научной парадигмы с идеализмом. В, конце концов, двоемыслие не так уж и трудно.

В области философии, мистики, религии действовали в известном нам историческом периоде не менее могучие умы, нежели в области науки. Их доводы, положения и обоснования своих взглядов бывают просто потрясающи.

Я склоняюсь к тому, чтобы видеть, что в мире действуют две конкурирующие парадигмы: мистическая и научная. Иногда усиливается одна, иногда другая. Происходит это именно тогда, когда одна из них находит доводы, для опровержения которых другой требуется значительное время.

Принципиальна разница для меня между этими парадигмами та, что по научной парадигме человек в мире есть лишь случайность, а мир вечен с человеком или без него. По мистической же парадигме, во всяком случает той ее разновидности, к которой принадлежу я сам, человек (суть его сознание и самосознание, а так же то, что их порождает независимо от материи и ее материальных форм) есть центр мира, а мир только случайный феномен, паразитирующий на его сути. Феномен этот имеет конечное существование, при завершении которого бытие должно будет навечно вернуться к своему началу. «Земля и небо прейдут, а слово Мое пребудет вовек», — намекнул на этот мой постулат пророк Исаия.

---

001 Зрение, слух, обоняние, осязание, вкус.
002 Поскольку не существует запрета и на сколь угодно малый промежуток времени, то вполне возможно, что за долю секунды жизни человека, успевают возникнуть и исчезнуть мириады жизней, цивилизаций и культур иных не столь низкотемпературных форм жизни.
003 ТЕЛЕОЛОГИЯ [гр. teleos достигший цели + logos понятие, учение] — противоречащее выводам науки идеалистическое лжеучение, по которому всё в природе

устроено целесообразно и всякое развитие является осуществлением заранее предустановленных целей. Т. несовместима с научным пониманием закономерности и причинной обусловленности явлений природы. Целесообразное устройство организмов является закономерным результатом естественного отбора (см. дарвинизм). Заранее поставленные цели свойственны лишь разумным существам, людям, причём цели, преследуемые людьми, обусловлены их общественным (классовым) бытием, а осуществление этих целей определяется объективной исторической закономерностью.
«Словарь иностранных слов», Москва — 1954

004 Бертран Рассел как-то вспоминал, что однажды он получил письмо от дамы-логика Кристины Лэдд-Фраклин, в котором она объявляла себя солипсисткой.

Доктрина эта казалась ей столь неопровержимой, что она не понимала, почему другие философы не являются солипсистами. Мы все пленники так называемого «эгоцентрического затруднения». Все, что мы знаем о мире, основано на информации, получаемой через наши чувства. Мир нашего опыта — всеобщность всего, что мы видим, слышим, касаемся, чувствуем, иногда называется «феноменальным миром». Ясно, что нет способа получать ощущения за пределами ощущений, испытать больше того, что может быть испытано. Чарльз Пирс изобрел полезное слово для этого феноменального мира. Он назвал его «фанероном».

М. Гарднер. «Почему я не солипсист»

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОЮ ОДЫ БОГУ И ХОЧУ ИЗЖИТЬ МИР

краткое исследование

В разделе Журнала Самиздат Полякова Максима Евгеньевича велась дискуссия на религиозные и околорелигиозные темы в комментариях к статье «От Христа к инквизиторам (продолжение)». Я участвовал в этой дискуссии, высказывая свое мнение, разъясняя свою позицию и давая ссылки на свои и не свои публикации. В итоге Валерий Александрович Чижик задал мне два вопроса. Вот, они:

1) «Я свои хвалебные оды Богу и этому миру уже отпел». — ?

2) «Теперь я собираюсь этот мир, это бытие, изжить». — ?

Это мои собственные высказывания, сопровожденные вопросительными знаками. То есть. В.А. Чижик попросил меня высказаться подробнее.

Здесь я выскажусь, поясню, что я думаю на эту тему.

Первое высказывание констатирует тот факт, что я из оптимиста, верующего в Бога, стал пессимистом и Бога и мир им созданный восхвалять перестал.

Второе высказывание отражает мои убеждения, мою философию и то понимание себя и своей миссии, которые я имею в настоящий момент.

Я считаю себя человеком довольно необычным, с достаточно уникальной судьбой. Причем уникальность эта проявилась не столько во внешних событиях, сопровождавших мою жизнь, сколько в том внутреннем пути развития, который мне за жизнь довелось пройти. Тому, кто прочтет то, что я опубликовал, будет ясно, почему я так считаю, и в чем заключается моя особенность. Хочу подчеркнуть, что я ничуть не кичусь этим фактом и принимаю его, как выпавшую на мою долю случайность. По моим представлениям, все происходящие в этом мире события, все живущие в нем индивидуумы, все формы, существующие в мире, случайны и преходящи. Вечно и абсолютно только некое начало, лежащее за миром явлений, в котором находится всё мыслимое и немыслимое. В нем пребывает и всякое возможное бытие, в настоящий момент находящееся в отчасти проявленном состоянии. Причем время, а значит, и все его моменты я считаю тоже частью этого проявления. Истинное бытие, окончательная реальность, пребывает вне каких бы то ни было интеллектуальных форм, а в частности и вне времени и пространства.

Теперь к ответу на вопросы.

Вообще-то я довольно подробно и обстоятельно уже на эти темы высказывался в своих публикациях и комментариях к ним. Но вкратце могу и повториться.

***

У меня был религиозный период, когда я считал мир вполне хорошим местом обитания. Чем-то вроде испытательного цеха, в котором Бог доводит до

кондиции души человеческие. Бракованные уничтожает, подходящие рачительно использует в своих божественных интересах. Хорошие люди это те, кто любят Бога и ближнего, стараются быть хорошими и живут, полностью положившись на Бога и его милосердие. Таких Бог после этой жизни заберет к себе и направит в еще лучшую жизнь, чем эта, или просто посадит одесную себя, для пребывания в вечном блаженстве. Плохие же будут наказаны именно тем, что будут плохими, а не хорошими. Таким людям жить противно и тяжело. После смерти такие души идут на переработку. В существование ада я никогда не верил, считая его нелепым и жестоким человеческим измышлением.

Воззрение это близко теософским взглядам, оккультистским, толстовским, вообще, современному нью эйджу. Да и христианство, в сущности, рисует примерно такую же картину. «В мире будете иметь скорбь, но радуйтесь, я победил мир», «много званых, но мало избранных». Притчи о таланте, зарытом в землю, о виноградарях, о доброй закваске, об овцах и козлищах и др. И после смерти покаявшиеся грешники и праведники будут с Христом в раю, а отверженные пойдут во тьму внешнюю, «где плач и скрежет зубовный».

В дальнейшем я от таких представлений отказался. Пришло время, и я осознал, что ни одна система не проводит свои взгляды последовательно и до конца. И в каждой имеются черты догматизма. Мне же сказки не нужны, я люблю только Истину. И потому я решил исследовать всё сам и с самого начала. Путь к этому известен. Надо работать над своим телом и духом. Тело

взять под контроль, дух тоже. Для этого подходят умеренный аскетизм (никаких самоистязаний) и восьмеричный путь йоги, описанный Патанджали. В результате своих исследований я вынужден был пересмотреть свой оптимизм, представления о Боге, представления о посмертии, этику и эстетику. А, главное, онтологию. Теперь для меня в основе всего не лежит мир, созданный Богом, в котором я пребываю в качестве твари. В основе бытия, по моим теперешним представлениям лежит некий абсолютный дух, коего все существа являются частичными проявлениями.

(Вот интересная цитата из Г. Сковороды, выражающая схожее представление:

«Стань же, если хочешь, на ровном месте и вели поставить вокруг себя сотню зеркал венцом. В то время увидишь, что один твой телесный болван владеет сотнею видов, от единого его зависящих. А как только отнять зеркала, вдруг все копии скрываются в своей исконности, или оригинале, будто ветви в зерне своем. Однако же телесный наш болван и сам есть единая только тень истинного человека. Сия тварь, будто обезьяна, образует лицевидным деянием невидимую и присносущую силу и божество того человека, которого все наши болваны суть, как бы зерцаловидные тени, то являющиеся, то исчезающие при том, как истина господня стоит неподвижна вовеки, утвердившая адамантово свое лицо, вмещающее бесчисленный песок наших теней, простираемых из вездесущего и неисчерпаемого недра ее бесконечно. Г. Сковорода

«Разглагол о древнем мире», Москва 1973, Сочинения в двух томах, т. 1, с. 301.)

Воззрение это Григорий Сковорода возводил к библейскому «Сокроешь их в тайне лица твоего». Я же почерпнул это понимание из упанишад.

***

В Бхагавадгите описаны три йоги. Карма-йога, джнани-йога, бхакти-йога. (Долг, знание, любовь (поклонение) соответственно.) И любовь должна присутствовать во всех. Толстовство — это выполнение долга, Шопенгауэр и вообще любые мудрецы и философы — это знание, мудрость, Иисус — любовь, поклонение Богу и любви. Все эти йоги работают, но они не первоначальны. Они фиксируют уже имеющуюся ситуацию, но претензии у них абсолютные. Эти претензии обоснованы их теистическим характером.

Только джнани-йога (по большому счету) свободна от теизма, потому что теизм это догма, а познание по сути дела должно быть адогматическим. Но очень мало есть мудрецов, лишенных догматизма. Все почти религии, Ауробиндо, Рамакришна и другие сводят свои философствования к Богу как чему-то такому, что известно непосредственно и доподлинно. А Бог, на самом деле, есть нечто вполне неизвестное. Пожалуй, с определенностью можно сказать только: «что-то есть». А что есть? Какое оно? Это неизвестно. А раз неизвестно, то и нельзя построить на этом неизвестном никакой этики, санкционированной Богом. Этику можно построить только эмпирическую. (Хорошо разобраны

вопросы этики в работе Шопенгауэра «Две основные проблемы этики»)

Таким образом, я пришел первоначально в результате своих поисков к теоретическому неверию и отчаянию. Что-то вроде экзистенциализма атеистической разновидности. (Правда, Камю меня потряс своим невозможным сочетанием незаурядной литературной одаренности и прямой мировоззренческой глупости.) Я отказался от теизма, от любви, как метафизического принципа, от придания бытию какой-либо осмысленности. Очень поддержал меня в этот момент дзен-буддизм, высшая из возможных апология бессмысленности бытия, возводящая эту бессмысленность в абсолют, и прозревающий в этой бессмысленности некий особый высший невербализирумый и нементализируемый смысл.

Но, несмотря на отчаяние, я продолжал искать. Я был молод, энергичен и отчаяние мое было временным и теоретическим.

В дальнейшем на меня наиболее сильное влияние оказали упанишады и адвайта-веданта. То, к чему я пришел в результате мучительных поисков и даже отчаяния, там было давно и хорошо известно и своеобразным образом преодолевалось. Конкретная практика по рекомендованным ими техникам привела меня к новому уровню знания и понимания. Здесь я не вижу необходимости освещать все подробно, а отсылаю к моему произведению «Великое Делание» и другим, где, как мне кажется, я сказал больше и достаточно.

В настоящий момент мои взгляды таковы: истинно существует только бог. Но это не Бог религий. (Я

избегаю слова «Бог», и употребляю его всегда условно.) Это некое абсолютное первоначало, производящее то, что мы воспринимает как бытие свое и всего мира. С точки зрения бога этот мир что-то вроде миража или его сна. (Сливаясь с богом в мистическом трансе, видишь это с совершенной отчетливостью.)

Каждый человек в своей внутренней сущности является богом. Или бог является всеми нами, что то же. Поэтому абсолютно каждый человек имеет с богом интимную связь. Разделяя во многом воззрения гностиков и неоплатоников, я считаю мир нисходящей эманацией бога, на одной из низших ступеней которой мы и находимся. Почему это произошло и как, человеческим интеллектом понять невозможно. Это есть, существует, и всё. Но эманация представляется своим собственным элементам (а это все мы) чем-то совершенно недолжным, мучающим их, несовершенным, наполненным злом. Зло это не абстракция, не умственная конструкция, а непосредственно переживаемые каждым тяжкие ощущения. Тяжкие ощущения, непосредственно каждым переживаемые. Духовные и физические. Если бы Бог был добр, как это декларируется в массовых религиях по понятным соображениям, он не стал бы, ни из каких даже самых возвышенных целей, пытать свои несчастные создания. Он бы и вообще не стал бы создавать их с такими качествами, которые допускают в них способность страдать и способность грешить[001]. Будучи добрым и всеведущим, он не мог бы не знать, к чему приведет тот акт творения, последствия которого мы все наблюдаем.

В отношении мира я придерживаюсь крайнего пессимизма в духе Шопенгауэра. По-моему, чтобы это увидеть, даже и особой остроты зрения на требуется, достаточно быть искренним и непредвзятым.

Я считаю, что мир нуждается в спасении. И спасение это, собственно, есть спасение от него самого. Христос сказал: «Я победил мир». Но он его не победил. Мир, погруженный в грязь, мерзости и гнусности, преспокойно существует по сей момент. Если посмотреть прямо, то можно увидеть, что мир победил Иисуса. Он его унизил и распял, а учение его осмеял и извратил. Мир, который распинает праведников, уничтожает всё даже самое прекрасное, который производит монстров, истязающих себе подобных, мир, заставляющий даже хороших людей создавать оружие, убивающее даже невинных прекрасных детей, не должен существовать, не имеет права на существование. Даже, если бы я не знал точно, что он может быть спасен, а был уверен, как уверено в этом большинство людей, что он будет существовать вечно, я бы его все равно проклинал и хотел бы его уничтожения. В исправление его я не верю.

Мир не может исправиться, его основа, его структура, его законы, его материя, таковы, что неизбежно будут порождать зло до тех пор, пока он существует[002]. Мир может быть не изменен, а просветлен, а просветлеть он может только тогда, когда просветлеет то начало, которое его и создало. То есть, бог. Бог должен стать БОГОМ. Без этого никакое спасение, никакая победа над миром невозможны. Невозможно создать себе сухую полянку посреди океана.

Хочу подчеркнуть, что мои понятия об этом, это не понятия частного явления, зациклившегося на своих переживаниях, а именно онтологическая картина мира. Я вышел за пределы своей ограниченности, я вышел за пределы своей личности, своего земного бытия. Я слился с Брахманом, для меня не было эпох, времен, планет, не было частных форм. Я был Брахман. И в то же время это был я, такой же, в сущности, я, который вам, читающие меня, это сейчас пишет. И вот, этот Брахман ощущал в себе наличие этой иллюзии, этой майи, этой эманации, этого мира (как больной и во сне ощущает в себе раковую опухоль), но он не знал, не понимал, что это такое, не понимал, что происходит. — БРАХМАН БЕССОЗНАТЕЛЕН. Это мы ограниченные, частные твари обладаем сознанием — Брахман бессознателен[003].

Уже потом я прочитал у одного из отцов апофатической теологии, что «Бог сам не знает, что он есть, потому что он не есть никакое «что»» (Скот Эуригена).

Я вернулся, я опять стал тем, чем и являюсь теперь, но теперь я знал смысл бытия, и смысл деятельности бытия. Бытие порождает разумных существ для того, чтобы они своим направленным развитием духа, довели это развитие, в конце концов, до такого уровня, когда наступит слияние этого как бы независимого духа с породившим его Брахманом. Эманация (или майя, или наш мир) исчезнет, и мир тем самым будет спасен. Все это подробнее, обстоятельнее и убедительнее я изложил в уже упомянутом мною выше трактате «Великое Делание».

Уже не один человек написал мне, что вполне понимает меня. Я не могу доказать большинство своих положений, потому что они являются следствием моего уникального мистического опыта, но многие люди имеют сходные с моими переживания и мысли.

Итак. Я пессимист, который был оптимистом. Я и сейчас признаю, что в мире есть много прекрасного. Но оно всегда относительно находящегося в том же мире отвратительного. Поэтому я мир в целом теперь никогда не хвалю, только отдельные его частности.

Я имею уникальное мистическое откровение, в деталях сходное с описаниями мистического опыта у многих других мистиков. Однако в моем понимании есть то, что у других или отсутствует или выражено недостаточно отчетливо, что показывает их не достаточно ясное понимание именно этих аспектов откровения. Я считаю, что мир нуждается в спасении и будет спасен. Отдельного, индивидуального спасения быть не может, потому что индивидуум есть иллюзия, а реален только Адам Кадмон, говоря гностическим языком, а на самом деле истинно реален только недвойственный брахман, не имеющий определений. И, таким образом, спастись должен не мир, не человечество, не я или еще кто-либо, а само Первоначало, сам Абсолют, который, допустив возможность возникновения нашего мира, тем самым его создал и тем самым и «разабсолютился», что и привело к наблюдаемым всеми нами печальным последствиям.

И последнее. О любви к жизни. Любовь к жизни слепа. Мы любим жизнь не потому, что она так уж хороша, а потому, что мы, собственно и есть эта любовь,

пока мы все здесь находимся. Именно эта любовь и заставляет людей цепляться за жизнь во что бы то ни стало, хотя бы и за счет любых совершаемых ими подлостей. Но есть в мире и противодействующая тенденция. Это тенденция любви к спасению, к отрицанию любви к миру. И эта тенденция в извращенном виде проявляется в продвинутых религиях в их проповеди крайнего аскетизма и в их противостоящей жизни морали, а в прямом в эзотерических учениях и школах, ищущих истинный путь. Язычество же наивно радуется бытию. Потому я и говорю, что большинство людей, населяющих мир, язычники. Они радуются, пока радостно, и скорбят и проклинают все на свете, когда их постигает оборотная сторона радости.

Я действительно собираюсь этот мир изжить. Если этого не сделаю я, это сделает кто-то другой. Персона не имеет значения. Достаточно это сделать кому угодно и один раз, и мир будет изжит или, что то же самое, спасен. Как и когда это произойдет — это вопрос открытый. Я полагаю, что теперь уже скоро.

---

[001] Грехом часто объявляются деяния, не имеющие в себе ничего предосудительного. Объявляется грехом нарушение того или иного табу, имеющего социальную природу. Истинным же грехом будет только причинение вреда, т. е. зла, подобному себе существу. Конечно, и нарушение социальных табу может быть злом. Но, если посмотреть строго, то трудно вообще найти хоть какое-то действие, поступок, который ни кому бы не вредил.

[002] Материалисты поэтому вполне последовательно утверждают, что зло и страдания это чисто условные человеческие понятия, и в мире это только разнообразные химические и механические процессы, связанные с изменениями форм, в которых свойственно пребывать материи. Всё чувствующее и переживающее

может чувствовать и переживать весь возможный спектр чувств и ощущений, свойственных данному конкретному виду чувствующих существ. Для мира и материи здесь нет и не может быть никакого зла.

003 Что бы сознавать, надо иметь то, что отражается, и то в чем отражается. То есть, должны быть две вещи, две сущности. Брахман же, по сути, есть нечто абсолютно единое, а потому в нем нечему и не в чем отражаться. Об этом же говорит, видимо, и Скот Эуригена, которого я процитирую ниже.

ПРИТЧА О ВЕРЕ

Жил умный человек — писатель, ни во что не верил. С детства-то его пытались привлечь к вере какие-то верующие, но он не поверил, а решил, что это все чепуха для дурачков. И вот, когда стал писатель известным и не бедным, стал он задумываться о том, что такое жизнь, для чего она, и есть ли смысл в ней что-нибудь делать, кроме приятного времяпрепровождения. Думал-думал и понял (умен ведь был не на шутку), что никакого смысла нет и жить незачем. И так его это почему-то огорчило, что стала ему жизнь не в радость. Читал он книги, друзей умных спрашивал и убедился, что все думают точно так, как и он. Только большинство никакого значения этому не придают, ну, может, огорчаются иногда слегка, что когда-то умереть навсегда придется, но быстро утешаются. Люди-то умные, понимают, что против лома нет приема, так что и нечего горевать попусту. Писатель же так не мог. Ни жена, молодая, красивая, ни дети отличники, ни дача шикарная ничто его ни радовало. Хотел он даже застрелиться или повеситься, но все тянул, страшно было. Читал он и религиозные книжки, но в них такая дурь была понаписана, что жить ему еще меньше хотелось. В общем, с внешней стороны классическая шизофрения. Зациклился писатель. Все живут без смысла и ничего, а ему смысл подавай. Он и сам уже про себя так или почти так стал думать, но увидел, что все-таки не один он такой. Более того, очень умные и выдающиеся люди бывало даже и действительно решались на самоубийство из-за бессмысленности и обреченности жизни. И было еще много философов и религиозных мыслителей (совсем неглупых людей), которые прямо говорили, что вся вера в бога, все религии потому только и существуют, что людям никак невозможно жить, не веря в то, что в жизни есть смысл, в то, что душа не умирает, а получает награду или порицание от бога, а потом и снова где-нибудь живет — на земле или в раю.

Писатель в это никак не мог поверить. Во-первых, доказательств никаких не было, во-вторых, очевидно было, что верующие веруют только потому, что им было бы очень выгодно, если бы взаправду было то, во что они верят, потому что очень они боятся смерти и жутко им даже представить, что все несчастья, горести и несправедливости их жизни и жизней других людей так и останутся ничем не искупленными и никем не отмщенными. Завидовал писатель верующим, завидовал их неразвитости, темноте, некритичности и знал, что это не про него. Он себя обманывать не мог.

Болезнь прогрессировала, писатель очень страдал и все больше склонялся к тому, что тянуть нечего, надо умирать. И тут в болезни произошел перелом.

Писатель все думал о тех миллиардах людей, которые веруют себе, не мудрствуя лукаво, ходят себе в церковь или дома молятся, воображают себе, что бог с ними разговаривает, общается, помогает, обнадеживает. И вдруг он «понял», что это и есть бог. Бог это то, понял он, что дает возможность жить со спокойной душой, не мучаясь и не страдая. Ведь то, что бога нет, тоже ведь никто не доказал, так что здесь можно просто выбирать или то, или это, или вообще отказаться от выбора, все это как бы одинаково. Ан, не одинаково! В первом случае будешь себе жить спокойно и радостно (так это представлялось измученной душе писателя), а в других двух будешь мучаться и страдать. Вот оно искомое доказательство! Веришь в бога — хорошо и спокойно, не веришь то, если не дурак (а писатель считал, что все те, кто спокойно живет без всякой веры, просто тупицы), будешь мучаться и страдать. И вот тут-то он и уверовал. А когда уверовал, то стало ему даже странно, а чего он и сомневался. Ясно ведь, что мир откуда-то взялся и почему-то продолжается. Бог, значит, создал. Ясно ведь, что душа важнее тела, как тело одежды. Ну, и так далее. Все это делает бог — создает и души и тела.

Короче, понял писатель, что может и весь мир, и все люди, и он сам себе только кажутся, а вот бог, тот точно есть.

Собственно, воистину, как писали разные мудрецы, он только и есть. (Особенно ему понравилось, как Исаия эту мысль выразил, да еще и сказал, что и небо, и земля прейдут, а слово его пребудет вовек. Понятно, что не Исаии слово пребудет, а сам бог.)

Стал писатель в церковь ходить, молиться, все обряды соблюдать. Долго ходил, с год, наверное, но бросил. Книжки религиозные да священники его отвадили. Как послушал он их, так и взяла его тоска, такое несут, что сразу видно, что ничего они не понимают, ну, почти ничего, а многие из них, видно и вовсе не понимают, что такое вера и зачем она нужна. Могли бы и без веры отлично прожить. Сел тогда писатель за стол и кредо свое изложил, а глупости, которые он, по его мнению, у церковников, других писателей и философов обнаружил, обличил. Те тоже в долгу не остались, так его обличили, что только перья полетели. Церковь его вообще прокляла. Писатель, конечно, снова писал, объяснял, проповедовал, но, в конце концов, ему это надоело. Я-то верю для себя, чтобы не мучаться и с собой не покончить, так чего мне спорить? Их устраивает верить так, как они верят, так пусть и верят, как хотят. Извинился тогда писатель перед теми, кого ненароком, а то и специально обидел, и объявил, что каждый пусть верит так, как хочет, а он будет верить так, как в книжках уже объяснил.

Появилось у писателя много последователей. Целая религия образовалась. Стали ему вопросы задавать, как то, как это. Писатель отвечал и под все подводил теоретическую базу. То, что казалось ему правильным, нравилось, то и получалось, что сам бог одобрял. Надо сказать, что писатель сам был человек порядочный и добрый, так, что и бог у него выходил добрым. Он даже иногда так и писал, что в других верах бог злой, а у него добрый, так и надо верить так, как он верит. Совсем забыл он те времена, когда он ни во что не верил и мучался мыслями о том, что хочется ему, чтобы кругом были одно добро и справедливость, а кругом только зло и смерть и смысла в этом никакого нет.

Долгую жизнь прожил писатель, много добрых книг написал. И главная мысль всех его книг была та, что надо в бога верить, иначе тяжко на душе будет и вообще жизнь будет плохая, и еще то, что надо быть добрым, всех любить, никому не делать зла и ждать смерть с радостью, потому что она — встреча с богом.

До глубокой старости и физически, и психически писатель больше уже не болел. Так что свое состояние до уверования он совсем и не считал болезнью, а считал «поисками бога». Еще он думал и всегда всем говорил, что и любой человек не может жить без веры, если только он не совсем животное. Ему, конечно, возражали, что полным-полно совсем не животного облика людей, ни в какой вере не нуждающихся, но он или не верил или говорил, что их еще жареный петух в одно место не клюнул, а как клюнет, сразу уверуют. На том спор и кончался, проверить-то нельзя кого клюнуло, а кого нет — это дело интимное. Правда, надо сказать, что единомышленников у писателя было не очень много, а несогласных и критиков сколько угодно. А когда до дела дошло, то и единомышленники между собой переругались, решая как надо понимать те или иные поучения. Писатель огорчался, конечно, но потом решил, что главное самому верить, а весь мир хоть пусть и вовсе неверующим будет.

Люди злоязычные и ехидные спрашивали, бывало, писателя, как же бог дает покой душе, смысл жизни, а жизнь устроил такую глупую и злую. Писатель ответа не имел, но говорил, что если бы все любили друг друга духовной любовью, то зла бы не было. Софизм, конечно. Как же ты их полюбишь? Да и без злодеев на земле достаточно несчастий. «А если б крылья выросли, то и по земле не надо было б ходить?» — говорили насмешники. Писатель сердился и писал труд страниц на 300, где доказывал, что изначально человек хорош, и мир хорош, но люди злые и своекорыстные (И откуда только такие берутся?) развращают хороших и потому пока все плохо. К тому же жизнь долго не продлится, а после смерти всем будет

хорошо, потому что бог милосерден и простит даже и злодеев, которые вовсе и не злодеи, а просто заблуждаются пока, не видят, а потому и не верят, что бог есть любовь. В общем, такое нес, что людям умным и объективным тошно становилось, но и возражать как-то неловко было, получалось, что если возражаешь, то значит ты и против бога, и против добра. Так что никто особо не возражал, тем более очевидно было, что это у писателя так проявляется его психическое заболевание, которое он купировал таким образом своими религиозными идеями.

Хоть писатель и считал, что достаточно верить только самому, а там хоть трава не расти, но все-таки очень он хотел, чтобы и другие поверили так же, как он. Он думал о том, как людям плохо без веры, ему-то самому очень было в свое время плохо, а потому, считал он, надо им все хорошенько объяснить, они уверуют и им станет хорошо. Я уже говорил, что он добрый был человек. И для того, чтобы люди уверовали, писатель написал много разъясняющих книг. Он прочел книги всех религий, всех мудрецов, философов (специально все языки повыучивал), выбрал из них те, что ему нравились и поразили своими доводами и ловкостью рассуждений, и он их или издавал, или пересказывал в своих книгах. Многим эти книги очень понравились. Действительно, мысли и идеи, в них изложенные, трогали за душу, вызывали сложные переживания, бывало, что и переворачивали все представления в умах у людей, заставляя их пускаться в сложные метафизические спекуляции, а иной раз и кардинально менять свою жизнь.

Одной из задушевных идей писателя была та, что весь мир поделен на высшее и низшее. Духовное и материальное. Божественное и небожественное. И по этой его идее высшее, то есть духовное, должно было бороться с низшим (материальным) и побеждать. Так де бог хочет. Вот и выходило, что надо все материальное в себе угнетать. Есть надо мало и не досыта, рыбу и мясо не есть (бог есть любовь, а убийство рыб и животных нарушает любовь к ним), сексом надо стараться не заниматься даже с женой (пусть кролики им занимаются), жить надо без

украшений и нарядов, чтобы бога не забывать, и обязательно следует заниматься физическим трудом, если, конечно, здоровье позволяет. Поскольку все достижения цивилизации, в общем-то, направлены на ублажение тела в самых разнообразных его потребностях, следует их всех по возможности избегать, а сама цивилизация — зло, т. к. во имя ублажения тел людей, преданных материальным (а значит низменным) пристрастиям, заставляет трудиться весь мир в нездоровых условиях заводов и фабрик, да еще и губит при этом природу.

Добрая душа писателя видела, что такая жизнь, какую, по его мнению, бог должен был бы приветствовать, может быть только очень несладкой, и потому он смягчал свои суровые требования той оговоркой, что бог ни от кого ничего категорически не требует, и потому, что хочешь, исполняй, а что не хочешь, не исполняй. Наказаний же никаких не будет, потому что бог добрый. Да, путаница получалась изрядная.

Писатель, конечно, не сам это все выдумал. Многое он взял из Евангелия, неедение мяса и рыбы от индусов (Джайны не обрабатывают землю, потому что боятся убить червяка, а он, вполне возможно, был в прошлой жизни твоей матерью. Плоды же обработки земли они, кажется, едят, то есть соглашаются, чтобы их мать убил кто-нибудь другой.). Вообще-то это старая-престарая идея, что весь человек грех, и потому чем более он умерщвляет плоть и мучается, тем больше угождает богу. Плоть от дьявола, а дух от бога. «Душа изначально христианка». «Дух живит, плоть же не пользует нимало». И тому подобное.

Сам писатель искренне старался всему этому следовать, а когда не получалось жестоко себя порицал и выдумывал о себе даже и всякие небылицы, которые его недруги с удовольствием и повторяли. Иногда бывали и забавные случаи. Однажды писатель машинально убил комара на лысине одного из наиболее ортодоксальных своих учеников. Тот воззрился на него в ужасе и прошептал: «Что вы наделали? Вы убили живое существо!» Всем было ужасно неловко в особенности не очень ортодоксальным ученикам.

Положительным во всех этих событиях было то, что все-таки определенные люди, как и сам писатель, все больше осознавали устройство себя и мира. Писатель не стоял на месте, он сильно изменился, усовершенствовался. Он не боялся смерти, хотя и благоговел перед ней (он даже плакал, если слышал, что где-то кто-то кого-то убил). Он мог подолгу не есть, не пить, переносить страдания, хоть и с трудом и не всегда, но воздерживался от секса. Он подолгу медитировал, и в этих медитациях ему открывались великие истины; бывало, что и в медитациях и без, его посещали поразительные озарения.

Когда приблизилась смерть, писатель тешил себя мыслью, что мир, благодаря нему, хоть чуть-чуть стал лучше и добрее, чуть-чуть стал ближе к богу. Ничего такого, конечно, не произошло, мир остался таким, как и был, пожалуй, на время даже ухудшился, чтобы этим компенсировать то добро, которое писатель все-таки сумел сделать некоторым отдельным людям.

И вот душа писателя вышла из тела и стала искать бога, с которым собиралась встретиться. И, почему нет? Встретилась. Вполне может сбыться то, чего сильно и искренне хочешь. Слилась душа с богом и забыла все, что пришлось ей пережить на земле. Лежал бывший писатель в боге, как ребенок в люльке, только ему было еще лучше, ведь это была не просто люлька, а сам бог. Долго он в нем лежал, очень долго. Так долго, что стали опять появляться у него мысли и воспоминания. Другими глазами теперь увидел писатель всю свою прошедшую земную жизнь. Увидел все мгновения прошедшей жизни как одно целое, и, вопреки утверждениям мудрецов, ни о чем не пожалел и ничего не устыдился, хотя глупости и зло и ему доводилось совершать, все было так, как и должно было быть. Увидел он даже и зарубцевавшуюся опухоль в своем мозгу, которая вызвала такие мучения и «поиски бога», и зарубцеваниеAgrippa стр. 4 16.03.2004 которой привело к обретению им веры. И понял он, почему она возникла и зачем была нужна. Увидел он и истину и заблуждения в их невообразимой спутанности, неисчезнувших почему-то и теперь,

здесь, в лоне бога. И оглянулся обезплотившийся писательский дух и понял, что хотя ничего не закончилось (это-то ничего, он и никогда не верил, что все закончится), но ничего и не изменилось. Ничего.

И обратился он к богу, из своей сияющей колыбели, к этому солнцу, к этому свету, к этому началу начал, и вопросил его о смысле и сути бытия. И светился бог и молчал.

И вспомнил тут мудрец, что не первый раз он вопрошает бога и не в первый раз не получает ответа. Да, что ж это такое и кто? — спросила душа уже самое себя. И вот — ответа нет.

И еще вспомнил он старинную восточную легенду, которую он очень любил, будучи писателем, на земле. Легенду о том, что надо слиться с богом, раствориться в нем, стать им и тогда все поймешь, а все зло, весь мир, все исчезнет, растает, растворится как сон, как иллюзия. Бог же потому ничего не может ответить и никогда не отвечает, говорилось в легенде, что он неизмеримо выше и вопросов и ответов. Обрадовался писатель, кинулся к богу и растворился в нем.

А на земле родился новый писатель.

АПОКАЛИПСИС ОТ КОНЧЕЕВА

притча

Некоторые создания и слуги тьмы решили служить свету и добру. Все бы ничего, но они понятия не имели о том, кто они такие, и потому воображали о себе, бог знает что. Воображали себя Белыми Учителями, служителями Бога Света, духовными целителями, благодетелями человечества, вообще ангелами, посланными богом для служения на благо всему миру. Ничего из их намерений не могло осуществиться по той простой причине, что создала-то их тьма и создала их с задачей служить ей, а не какому-то там свету, о котором тьма и понятия никакого не имела. И вот слуги тьмы стали учить свету, звать к богу, делать то, что, они считали, должно облагодетельствовать всех и мир. И им казалось, что у них всё это неплохо получается. Но на самом-то деле выполняли они задания тьмы. Не то, чтобы тьма хотела какого-нибудь зла, просто устройство ее таково, что те, кого она создала, должны делать то, что соответствует ей, да и, собственно, ничего другого и не могут делать. И вот ученики у Учителей становились непослушными, а то и предателями, Бог Света то помогал, то покидал их (бог-то и был, все та же тьма), больные всё равно после исцелений заболевали, а потом и умирали, естественно. В общем, совершенства и гармонии не было. Ясно было, что во всем виновата тьма, с которой Белые Учителя и служители Бога Света считали своим святым долгом всеми силами бороться. Понятно, что тьме только того и надо было, и от всех этих добродетельных потуг тьма только сгущалась.

Не все, правда, создания тьмы думали, что они ангелы. Некоторые думали, что они демоны, а потому и вели себя, как демоны, каковыми, в сущности, и являлись.

Самыми же любимыми созданиями у тьмы были те, что просто созерцали тьму и старались не выносить о ней никаких

суждений. Они, конечно, тоже служили тьме, но суть их была ближе всего к самой сути тьмы, а некоторые из них были, собственно, сама тьма. Никак тьма не могла постигнуть, как же так собственные создания ее вдруг являются ею же самой? И за это она почему-то особенно любила их. Еще видела тьма (и сама по себе, и посредством своих любимых творений и слуг), что и сама она как бы есть порождение чего-то. Но чего такого она может быть порождение, постичь она никак не могла, потому что ничего такого не существовало и существовать не могло.

И почувствовала как-то тьма, что сгустился внутри нее совсем уж какой-то фантастический мрак. И жутко стало тьме, потому что почувствовала она при этом появление и начало чего-то такого, что никак не могло быть, и не бывало никогда в течение всех тех бесчисленных вечностей, что существовала зачем-то всегда тьма, но, что, оказывается, могло как-то появиться все-таки и существовать помимо тьмы. Это не мог быть свет, потому что свет был только пустая фантазия некоторых странных и ограниченных порождений тьмы.

И посмотрела тьма на своих любимых созданий и увидела в них тоже признаки чего-то жуткого, невозможного и приближающегося. Трепетали они, и вместе с ними трепетала и она.

Радостно, весело трепетали, хоть это и невозможно, казалось бы, для тьмы. Что возможно, что нет? Ну, не может так же тьма и бояться ничего, неведом ей ужас. Была она всегда, и всегда была одна и в себе, и ничто не могло быть, кроме нее. И вот чудо, абсурд, нарушение всех законов разума — а тьма была очень разумна и логична — возникает нечто вместо тьмы и возникает из нее, и не нужны уже ни разум, ни логика! Поразилась тьма, сгустилась в последний раз и исчезла. И с нею вместе исчезли навсегда и все ее порождения, вместе со всеми своими делами и безумными фантазиями.

ТРИ ГИПОТЕЗЫ И МОЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ИСТИНА

Концепция Великого Делания исходит из того, что все бесконечное многообразие психологических состояний человека можно свести к простому диполю: хочу-не хочу. Причем «не хочу» может принимать сколь угодно изощренные и невообразимые по своей интенсивности формы. Испытывающий любые телесные страдания не просто испытывает нечто, что предпочел бы не испытывать, а совершенно непосредственно не хочет, ненавидит испытываемое, фактически превращеется в этот момент в чистое нехотение. То же можно сказать и о душевных терзаниях. Терзающийся вопиёт: «Не хочу, проклинаю, сгинь всё!» Но мир стоит невозмутимо. Плевать ему на все вопли и терзания.

Из этого простого эмпирического факта разум выводит три гипотезы.

Первая, самая распространенная, та, что мы просто червячки («Козявки из белковой материи». Шленский.). Мыслящая и чувствующая плесень, порожденная природой. О природе же мы можем узнать примерно столько же, сколько сами занимаем места в природе. То есть исчезающе мало. Но узнай мы даже бесконечно много, это ничего не сможет изменить в природе вещей — мы родились ненадолго, чтобы вскорости исчезнуть. Дальше можно ничего не исследовать, кроме возможностей продлить жизнь, уменьшить количество страданий и увеличить количество удовольствий. Это воззрение стоиков, материалистов и эпикурейцев, т. е. всех гедонистов.

Вторая гипотеза, тоже достаточно распространенная, смотрит на человека как на дитя божие, как на духовную сущность, порожденную другой Великой духовной сущностью. Поскольку Бог, т. е. Верховная Духовная Сущность, признается неизмеримо превосходящей человека по своим свойствам, то и спроса с нее никакого быть не может. Человеку следует

склонить голову перед превосходящей его силой и постараться понять, что же надо сделать такого, чтобы угодить этой сущности, чтобы она поменьше дала ему страданий и побольше… нет, не наслаждений, а хотя бы покоя. Такое понимание неизбежно допускает некое посмертное бытие, вполне возможное для духа, при соизволении на то духа верховного. Это и плохо, и хорошо. Хорошо потому, что человеку свойственно бояться смерти, а значит, появившаяся возможность посмертия с одной стороны утешительна, с другой же стороны, посмертие это, вследствие своей полной неопределенности, может вполне быть таковым, что лучше б его вообще не было (вот откуда представления об аде, т.е. бесконечном и абсолютном страдании). Воззрение это базируется на том факте, что любой человек внутри себя обнаруживает нечто, что явно не является природой и материей, но в то же время никак не объясняет обладателю его, что же оно такое. Этим и живут жрецы, взяв на себя эту приятную обязанность, растолковывать не жрецам, что же это такое душа.

Третья гипотеза выдвинута мной и гласит, что верховный дух, сотворив души и материю, ошибся, совершил внутренне противоречивое действие, противоречащее его внутренней самодостаточности. Потому и страдают в этом мире все духовные сущности в той или иной мере, что каждая из них является в то же время и верховной духовной сущностью тоже. Это дико и ненормально. Любой непредвзятый и трезвомыслящий человек это тем или иным образом чувствует. Далее моя гипотеза развивается в теорию спасения, по которой верховная духовная сущность стремится уничтожить, исправить свою ошибку и непременно сделает это. Собственно видимо это уже удавалось ей не раз, но потом ошибка совершалась снова и снова, как это описано в индуистском мифе о бесконечном чередовании дней и ночей Брамы. Конец проявленного мира в пралайе слишком прямолинеен и потому неизбежно порождает новое творение. По моей гипотезе верховная духовная сущность не может остановить этот автоколебательный процесс без

вмешательства третьей силы. Но поскольку никакой такой силы нет и быть не может, то процесс этот и продолжается бесконечно. Однако я увидел, что такая третья сила может возникнуть, вернее ее роль может выполнить как бы квазитретья сила, образованная в недрах самого бытия. Собственно, каждая кальпа пытается создать ее и потому стать последней, но это ей не удается из-за того, что конец ее наступает раньше, чем в ком-либо вызревает понятие об этом и соответствующая этому сила, могущая сыграть роль третьего фактора. Все сами по себе бессмысленные и зачастую абсурдные процессы, происходящие в мире, во время его пребывания в воплощении до очередного развоплощения, по сути дела направлены только к одному — породить то, что его окончательно уравновесит и окончательно вернет его к самому себе.

(Богословские теории о бунте Люцифера не есть ли предугадывание возникновения такой третьей силы. У Бёме бунт Люцифера заканчивается огрублением духовного и возникновением материальной природы, в которую дух закован, как в кандалы. Но как же ему спастись? Не духовным ли усилием, высвобождающим дух из бытия и становления?)

Я представляю себе некоего идеального мыслителя, созерцающего эти гипотезы. Не сомневаюсь, что такой мыслитель может на основе каждой из них образовать дополнительные гипотезы и любоваться ими до бесконечности. А может и перестать их созерцать и заняться чем-нибудь еще. В мире нет идеальных мыслителей, и потому каждый человек занимается, кроме обдумывания тех или иных гипотез, еще и своей жизнью и жизненными проблемами. Я же созерцаю не гипотезу, а то, что знаю и то, что представляется мне несомненным. Гипотезы меня с детства не устраивали, всегда хотелось добраться до истины.

12.11.2003

Я написал это эссе под впечатлением от двух рассказов В. Пелевина, находящихся в его произведении «ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА»

«ЗАПИСЬ О ПОИСКЕ ВЕТРА»

Рассказ Пелевина «Запись о поиске ветра» очень глубокомысленен. Суть его сводится к гипотезе, что все мы, все бытие это тень от тени, которая является своей собственной тенью. И потому все слова, все умствования никогда ничего не откроют и не объяснят. Само желание объяснять, «искать истину» и порождает объяснение и истину и вместе с ними и невозможность их окончательной формулировки. Такая вот безотрадная ситуация, описанная не только Пелевиным, а Лао-цзы, Чжуан-цзы, Буддой, Бодхидхармой, Хуэй-Ненем и всеми остальными, кончая Суратом.

И в то же время рассказ этот содержит совсем не призрачные реалии. Это реалии жизни. Это политические волнения в Поднебесной. Это беседы Учителя с учеником, это попытки изложить истину, открывшуюся ученику после приема некоего психоделического вещества. В конце концов, это совершенно реальная жизнь, с чаем, опрокидыванием доски, ветром, горами, ночью и днем, реками и городами. Да, все меняется, да, наверное, есть некий непостижимый и в то же время такой явственный Путь. Мудр студент и искренен, но в то же время каким-то странным образом слеп. Если нет ничего кроме ветра, то что такое трава, небо, облака, его Учитель и он сам? Я не согласен с этой великой мудростью, хотя в свое время отдал ей ее дань. И, тем не менее, рассказ Пелевина гениален. После него по этой теме, кажется, больше нечего говорить.

«ФОКУС-ГРУППА»

Этот рассказ можно было бы посчитать юмористическим, если бы не тяжкий его подспудный драматизм. Собственно, это

иллюстрация специфической модификации кастанедовской идеи, изложенной К. Кастанедой в «Даре Орла». (Некая сила порождает все Осознания, чтобы после смерти их поглотить.) Меня этот рассказ привлек обнаженностью идеи, об упомянутой в эссе дипольности психологических состояний. Сейчас я не хочу его анализировать. Конец рассказа неопределен. Я же полагаю, что быть поглощенным Орлом в качестве осознания, ничем не хуже, чем перейти в нирвану после праведной жизни

НЕОЖИДАННЫЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВАДИМА ЗЕЛАНДА

Об учении В. Зеланда в приложении к учению А. Кончеева о совершении Высшим Адептом Великого Делания

1

Я не оговорился, работу Вадима Зеланда я считаю философским исследованием. Пожалуй, слово «исследование» я употребляю по традиции, это не столько исследование, сколько изложение выводов, полученных путем неких исследований, а, может, и какими-нибудь и другими способами.

Во всяком случае, я нахожу работы Зеланда весьма глубокомысленными и содержательными даже чисто философски. Происходит это, разумеется, потому, что я нахожу многое в них очень близким тому, что знаю, нашел и применяю я сам. А кое-что из его концепции я собираюсь непосредственно использовать в своих целях. С этой стороны работы В. Зеланда обеспечили меня очень ценным материалом для размышлений и определенных действий.

Основное достоинство философии Зеланда то, что она делает упор на практическое приложение знаний, Зеланду открывшихся. Фактически его трактаты созданы не с целью доказать или обосновать декларируемые в них истины, а для того, чтобы со всей возможной тщательностью показать любому, желающему вникнуть в содержание книг, как он может использовать

предлагаемое ему знание с пользой для себя. Это — исключительно практическая философия.

По многим признакам можно видеть, что философия В. Зеланда есть философия оккультная. В современном смысле этого слова. Впрочем, могу и пояснить. Оккультной философией в наше время будет философия, базирующаяся на основах, не признаваемых официальной наукой, но имеющей общепризнанное в мистических и эзотерических кругах значение. Таковы положения о всеобщем информационном поле, заключающем в себе информацию обо всём, «что было и что будет», а так же и о том, что в принципе возможно. Признание возможности астральных выходов из тела (в одном месте Зеланд признает их реальность и предостерегает об их опасности). Признание возможности осознанных сновидений и возможности того или иного их использования для практической жизни. Постулирование существования эгрегоров, по Зеланду маятников, и наличие фаворитов маятников, пассионариев по Льву Гумилеву. Рассмотрение мозга не в качестве самостоятельного хранилища знаний, а только как посредника между душой, разумом и информационным полем. Представление о «Едином Духе, пронизывающем все сущее, и который мы называем Богом». И многое еще что есть.

Картина мироздания, представленная В. Зеландом в его работах, имеет довольно приблизительные очертания. И это, собственно, достоинство его философии. О вещах, безразличных для его целей, Зеланд старается не утверждать ничего категорически. О некоторых же предметах, о которых эзотерики и мистики

обожают давать наиточнейшие сведения, он старается вообще не рассуждать.

Суть практической философии Зеланда достаточно проста. Зеланд рассматривает мир людей как совокупность бытия индивидуумов, занятых в основном частными проблемами. Бытие большинства индивидуумов в достаточной степени неудовлетворительно. Мягко говоря. К сожалению, люди как раз в большинстве своем являются убежденными фаталистами. Это заблуждение. Каждый человек проживает ту жизнь, которую сам выбрал. Иначе говоря, есть несомненная возможность выбора. Почему выбор у упомянутого большинства такой странный, Зеланд сознательно оставляет за скобками. Для его целей это не имеет значения. Его цель помочь любому желающему сделать такой выбор, который его вполне удовлетворит.

Зеланд утверждает, что есть достаточно простая методика, которой он может научить, и, используя которую, любой (с некоторыми оговорками) человек может полностью изменить свою жизнь с неудовлетворительной или мало удовлетворительной на хорошую, если даже не на отличную.

Методика тут же в книге «Трансерфинг реальности» излагается и достаточно подробно.

Книги В. Зеланда написаны легким и приятным стилем. Изложение понятно и сделано добросовестно. Поэтому за подробностями отсылаю к ним. Здесь я дам только краткий конспект.

Любой человек проживает свою жизнь, как бы двигаясь по определенной линии. Хотя и кажется, что у человека есть свобода делать выбор в жизни, тем не

менее, каждая конкретная линия в своей форме предопределена. Находясь на ней, невозможно не сделать всего того, что ею подразумевается, что в ней прописано. Линию жизни саму по себе изменить нельзя. Но можно перейти на другую линию. Любая реализация в материальном мире есть реализация только одной возможности из, в сущности, бесконечного их количества. Не пытаясь покинуть имеющуюся в наличии линию, так на ней и останешься. Но и пытаясь ее покинуть, следует соблюдать определенные правила, что бы не переместиться на линию, худшую той, которая покинута. Что, кстати, сплошь и рядом бывает, когда люди по незнанию совершают действия, переводящие их на неблагоприятные линии. Скажем, боязнь каких-то неприятностей, постоянное стремление их избегнуть, концентрация на них, может привести к тому, что именно эти неприятности в жизни появятся. Зеланд вполне убедительно показывает, как это происходит.

Человек состоит по терминологии Зеланда из разума и души. Разум думает, планирует, рассуждает и прочее. Душа бессловесна, интуитивна и, главное, видит «пространство вариантов». Душа видит, куда ее могут привести те или иные действия, на которые подвигнет человека разум.

Тут важное правило. Если душа чувствует дискомфорт, ничего хорошего из действий не выйдет, как бы разум не доказывал их необходимость и целесообразность. Если душа радуется предложениям разума, то исход проблематичный. Возможно произойдет нечто желательное, а может и нет. Собственно, предпринимать следует только то, что и душа, и разум

принимают с ликованием, но и то только после тщательного анализа разумом всех аспектов предстоящей деятельности. Это идеал. Жизнь, разумеется, полна компромиссов.

Но как же все-таки переходить на благоприятные линии?

Первым делом надо подготовиться. На этом Зеланд останавливается подробно, я не буду.

Далее. Следует понять несколько простых вещей. Человек всегда действует потому, что преследует те или иные желаемые цели. Действие возникает в результате намерения. Одного желания мало. Более того, страстное желание может создать определенный отрицательный потенциал, который помешает желаемому сбыться. Человек движется по линии жизни движимый **внутренним** намерением. Но есть еще такая штука «внешнее намерение». Примером действия внешнего намерения является движение руки. Одного желания передвинуть руку недостаточно. Надо сделать специфическое действие и тогда рука сама переместится, куда надо. Что это за действие объяснить нельзя, но, в сущности, оно любому понятно. Это что-то вроде специфического волевого усилия, совершаемого без какой-либо тени сомнения в возможности его осуществления. Захотел поднять руку и поднял. Что тут необычного? Необычным было бы, если бы рука осталась неподвижной. Что касается привычных действий, связанных с движениями тела, то мы пользуемся внешним намерением постоянно. И в то же время считаем, что ни в каких других случаях внешнее намерение не действует. Это не так. Это естественное, но

заблуждение. В принципе, при помощи внешнего намерения можно сделать, что угодно. Хоть, по воде пройтись, хоть воду в вино превратить, хоть египетские пирамиды выстроить (утверждение Зеланда). Только это такой уровень, который доступен лишь редким уникумам. Нам, обычным людям, этого вовсе не надо. Нам нужны простые человеческие ценности.

Каждый сам решает, что ему надо, но примерный список ясен. Хочется быть здоровым, иметь хорошую семью (или не иметь плохой), иметь приятную и не обременительную работу, хочется иметь деньги или, точнее, иметь то, что может предоставить социальный инструмент по имени деньги. И так далее. Если человек счастливчик и у него всё уже есть и ему ничего не надо, то ему книги В. Зеланда читать незачем. Но, поскольку подавляющее большинство людей имеет нереализованные желания, на возможность реализовать которые оно давно махнуло рукой, то это учение как раз для них.

Вадим Зеланд утверждает, что его методика работает всегда. Он испытал ее на себе, есть множество людей, которые сообщили ему с благодарностью об успешной трансформации своей жизни при помощи его методики. От себя могу сказать, что в построениях В. Зеланда много верного. В похвалу ему могу еще добавить, что он тщательно избегает затрагивать вопросы, могущие вызвать споры и разногласия. И, вообще, книги Зеланда написаны мастерски.

2

Переходя к цели написания этих заметок, хочу сказать, что мне лично не требуется переходить ни на какие другие линии жизни, принципиально иные, нежели та, на которой я сейчас нахожусь. Это имеет место потому, что я живу жизнью, которую уже выбрал некогда. Выбрал примерно таким путем, какой Зеланд и описывает.

Я вижу пространство вариантов во всем его бесконечном разнообразии. Разумеется, из этой бесконечности реализуется только ничтожная часть. Но поскольку любая часть бесконечности не может иметь масштаба, то хотя она и меньше бесконечности, но может быть в то же время на удивление велика.

Зеланд предпочел не обсуждать вопроса, откуда же оно взялось пространство вариантов. Кажется, он даже упомянул где-то, что ответа на этот вопрос не может быть. Отчего же? Если возможен трансерфинг реальности, в суждении о котором, кстати, всегда не будет недостатка в желающих отрицать его возможность и реальность, почему бы тогда и не иметь ответа на этот, для меня лично несложный вопрос?

Говоря о внешнем намерении, Зеланд подчеркивает, что внешнее намерение, в сущности, является тем, что обычно людьми понималось под магией. Магия это управление действительностью при помощи воли. Надо уточнить, «внешнее управление».

Обычный человек течет по течению реки жизни, подчиняясь ее фатуму. Все пороги, водопады, валуны на отмелях, водовороты, омуты, заводи и т. п. — все его. Повезет, проплывешь, не пострадав или пострадав мало.

Не повезет, получишь кучу неприятностей, а то и утонешь.

Магия предлагает что-то вроде навигации и приспособлений для удобства плавания. Делай то, не делай этого, соблюдай определенные правила, а то и предприми активные упреждающие действия. Попался водопад, выйди на берег и обойди его. Опять же, можно плыть на плоту, в пироге, а можно на шикарном круизном лайнере.

Думаю, понятно, что предлагает Зеланд. Зеланд предлагает специфическую форму магии. Я бы сказал, глобальную форму магии. Никаких волхований, все научно и по сути дела. Пришел, увидел, победил.

Надо сказать, что довольно часто Зеланд обнаруживает хорошее знакомство с работами К. Кастанеды. У Кастанеды есть методика, напоминающая данную Зеландом. Она называется «мастерство намерения»[001]. Маг учится овладевать намерением. Овладев намерением, маг становится магом, перестав быть обычным человеком.

Когда я описывал Великое Делание[002], я подчеркнул, что совершиться оно может только благодаря намерению Высшего Адепта, приведенного в полное соответствие с намерением Единого Духа (позаимствую этот термин у Зеланда).

Пространство вариантов это есть область действия намерения. Если намерение было бессознательным, жизнь идет фатальным образом по изначально определенной программе. Реализуются те или иные области пространства вариантов в соответствии с предопределенной линией жизни. Когда вмешивается

сознательное намерение, да, еще в процессе уже начавшей реализовываться линии, активизируются дополнительные области пространства вариантов (параллельные, по словам Зеланда). Возникают другие декорации, другой сценарий, жизнь становится иной. (Желательно, конечно, чтобы не очень-то иной, а то еще попадешь бог знает куда[003].) Параллельная жизнь очень похожа на уже имевшуюся, но только это модифицированный и улучшенный ее вариант.

Теперь напомню, что я думаю по поводу того, откуда взялось пространство вариантов (а заодно и информационное поле, и весь наш мир).

Некогда не было никакого пространства вариантов, никакого информационного поля. Ничего такого. Но, строго говоря, нельзя сказать, что не было вообще ничего. Было «что-то». В индуизме это «что-то» называется парабрахман, в буддизме «нирвана», у Шопенгауэра «воля», в Каббале «Айн», у даосов «Дао» и т. д. «Само собой дышало Единое».

То, что мы теперь называем «пространство вариантов», «информационное поле», «наш мир», «вселенная» некогда не существовало само по себе, как оно существует сейчас, а находилось в не актуализованном виде в этом «нечто», которое не есть никакое «что». Ну, это все понятно. Думаю, я несложно изъясняюсь?

И вот, каким-то образом всё это актуализировалось. Каким?

Я увидел это так. Дело в том, что в бесконечности не актуализованного бытия, в недрах и сути парабрахмана существует воистину **АБСОЛЮТНО**

ВСЁ. И, потому, таким образом, существует некая гипотетическая возможность некоего самоотрицания этой полной и всеобщей абсолютности и законченности. А раз она существует, то и должна была некогда непременно вступить в действие и актуализироваться. Что мы и имеем.

Мы живем в том, что является актуализированной возможностью отрицания абсолютом собственной абсолютности. Иначе говоря, мы существуем в абсолютном мире чистого абсурда. И, хотя он таков, он есть, он присутствует, он живет, он заявляет о себе в тех формах, которые нам всем так хорошо знакомы. Основным свойством нашего мира именно поэтому (из-за отклонения от абсолютности) является его несовершенство. Я не говорю о мертвой вселенной. Думаю, что и в ней есть свои эксцессы, хотя издалека она и представляется почти абсолютной. Хотя можно вполне задаться вопросом, а действительно ли мертва она? И каково ей быть такой, какова она есть? Несовершенство мира для меня заключается в его свойстве воспроизводить живых, чувствующих существ, постоянно подвергаемых разнообразным злосчастьям.

Приняв близко к сердцу учение В. Зеланда вполне можно экстраполировать его, во-первых, на всех людей, а, во-вторых, на все времена.

Если внешнее намерение в принципе всесильно, то почему бы в пределе не достичь такого положения, когда все абсолютно живые существа живут припеваючи, все их желания удовлетворены или постоянно удовлетворяются, нет ни зла, ни страданий, из всего многообразия пространства вариантов выбраны варианты

существования, как для мира, так и для каждого отдельного человека такие, о каких только можно мечтать. Зеланд как-то ничего не говорит о смерти (вероятно, опасается внести в свою жизнь и писания негатив), но я могу пофантазировать. Смерти либо нет вообще, либо она приятна и происходит с людьми и животными в основном во сне и с улыбкой у них на устах. Да, да животные тоже улыбаются.

Хотя такая картина мало правдоподобна, но как некий апофеоз ее вполне можно допустить. То есть, можно было бы допустить, если бы дело обстояло иным образом, нежели оно обстоит.

Зеланд, конечно, в такие выси не залетал. Ему оно ни к чему. Он поставил себе реальную, но и более скромную задачу. «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас и дам покой душам вашим, ибо иго мое благо, а бремя мое легко». «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Что ж? И это немало.

Я здесь ничего не могу иметь против. Я очень хочу, чтобы в мире было как можно больше успешных и счастливых людей. И, благодаря учению Зеланда их вполне может стать больше.

Правда, те, кто знают мой пессимизм и читали «Великое Делание», могут удивиться моим словам. Я ведь не раз говорил, что считаю сумму благ и страданий в мире величиной практически неизменной. Да, я и сейчас такого мнения. А хочу я большего благоденствия в мире не потому, что думаю, что мир в целом от этого станет лучше, а потому, что в мире, где есть культура, цивилизация, есть успешные, здоровые и счастливые

люди, скорее может распространиться просвещение, которое приведет к массовому вызреванию людей высшего типа, из которых в конечном итоге образуются безупречные Высшие Адепты. То есть, я этого хочу по тактическим соображениям. Объективно учение Зеланда может такой моей тактике несколько способствовать. Но не в этом, тем не менее, его ценность для меня.

Учение Зеланда натолкнуло меня на понимание того, как конкретно может быть осуществлено Великое Делание. Я чувствовал, знал, что оно возможно, что оно произойдет, но никак не мог увидеть в конкретике как именно. Сейчас я вижу лучше.

Вадим Зеланд, обращаясь к людям, говорит. Вы можете выбрать то, что хотите. Вы можете выбрать такую жизнь, какая только вам придется по вкусу. Это даже не очень сложно. Для этого надо только позволить себе иметь. Надо позволить себе выбрать для вас необходимое. Выберете это, и оно будет у вас.

И люди, услышавшие пророка, выбирают. Что они выбирают? Они выбирают благополучие. Собственно, такое, какое кому требуется. Я вполне могу себе представить маньяка, который выберет для себя такую линию жизни в пространстве вариантов, где он сможет беспрепятственно и со вкусом упражняться в своей ненормальности, ничем не рискуя. Почему бы и нет? Без всякого перехода на другие линии жизни существуют маньяки и прочие изверги рода человеческого, обеспечивающие некоторым людям такие реализации линий жизни, каких лучше бы вообще не существовало в пространстве вариантов, т. е. никогда и нигде.

Пространство вариантов, как и весь наш мир, в принципе порочно, поскольку оно является следствием утраты абсолютом его абсолютности. Это никакой не «негатив», это объективный факт, от признания которого, конечно, может спасти наилучшим образом засовывание головы в песок.

Нельзя не признать, что некоторые люди могут, конечно, обеспечить себе некоторое благоденствие на фоне других. Могут какое-то время процветать, могут даже умереть во сне с улыбкой на устах, но никуда не могут деться те вполне реальные линии жизни, на которых ничего благоприятного не происходит.

Мир наш неисправим. И за каждое благо платится всегда соответствующая ему цена в виде того или иного отсутствия блага (это я решил выразиться помягче).

Учение В. Зеланда обращается к малым сим. И честь ему за это и хвала. Но его можно рассмотреть и как руководство к действию в глобальном масштабе.

Я уже сказал, что не верю, что можно как-либо намерением изменить пространство вариантов таким образом, чтобы реализовывалось одно только благорастворение воздухов, один только позитив, и никакого негатива. Это невозможно по сути дела. Хорошо было бы, но этого нет. Это была бы такая же тщетная задача, какую поставили себе Бодхисаттвы, собираясь добиться полного спасения и освобождения всех чувствующих существ. Я еще, помнится, спросил устами Теэтета у Федона, каким образом можно спасти и освободить гусей или вирусов? (Фраза, возмутившая Геннадия Страницына — одного из первых моих критиков.)

Итак, пространство вариантов, как и весь мир, улучшить намерением нельзя. Но намерением можно совершить Великое Делание. Внешнее намерение это такое действие, которое совершается в полной уверенности, что не совершиться оно не может. Одному моему знакомому приснился сон о том, что он забыл, как надо дышать. Он хотел вздохнуть, но не помнил как это надо делать. Пока он вспоминал, он начал задыхаться. В конце концов, он просто вздохнул и при этом понял, что знать, как надо дышать, вовсе не надо, надо просто дышать. Так же должно совершиться Великое Делание. Это будет как вдох. Но для того, чтобы преуспеть, желательно внимательно ознакомиться с учением В. Зеланда, начать его практиковать и опробовать его на объектах менее глобальных, чем парабрахман.

Как перемещается рука снизу вверх, ноги перемещаются при ходьбе, так и проявленное бытие (вместе с информационными полями и пространством вариантов) можно переместить внешним намерением из того места, где оно находится сейчас, туда, где оно должно находиться для того, чтобы абсолют стал абсолютным, и, следовательно, туда, где после этого уже в ином качестве оно и пребудет вечно.

---

001 Сам Зеланд в интервью Елене Лиственной сказал: «...«путь Воина» — это далеко не Трансерфинг, а в корне противоположное учение толтеков, известное по книгам Карлоса Кастанеды и Теуна Мореза. И если кто-то пытается сравнивать эти два учения, значит, не

понимает толком ни одно из них. Несмотря на то, что и то, и другое ведет к одной и той же цели, а именно — к свободе, когда не ты повинуешься миру, а он тебе, — дороги к этой свободе идут в разных направлениях: последователи толтеков пытаются заставить мир повиноваться, а трансерферы — позволить ему это. Очевидно, методы достижения цели различаются в принципе». А по мне, что совой по пеньку, что пеньком по сове. Маг, используя намерение, добивается необходимых для себя изменений в мире, обретает в нем свободу. Можно заставить, а можно позволить. Главное, чтобы вышло то, что требуется. Мне представляется, что я понимаю «толком» оба учения: и Зеланда, и Кастанеды. И такое понимание никак не может помешать эти учения сравнивать.

002 В моем трактате «Великое Делание» и в комментариях к нему на сайте «Журнал Самиздат» библиотеки М. Мошкова.

003 У Кастанеды при помощи изменения точки сборки и мастерства намерения маг мог изменить жизнь, вообще, невообразимым образом. Один из магов, с которым имел дело Кастанеда, жил более 10000 лет. Для Кастанеды он выглядел как миловидная женщина индейских кровей. Очень обаятельная особа. Дон Хуан объяснил Кастанеде, что этот маг предпочитает женское обличие потому, что это очень облегчает ему жизнь там, где он постоянно обитает. А обитал он где-то в мирах неорганических существ. То есть, работа по Зеланду в принципе может занести человека и очень далеко.

ТИПА ИСПОВЕДЬ

Недавно я опубликовал эссе «Солипсизм и только». В комментариях мне оппонировал Геннадий Началов. Я написал ему кое-что. Он написал мне. В конце концов, я решил, что проще дать общий ответ. Показать свой взгляд.

http://samlib.ru/comment/k/koncheew/11_si_solipsizm_i_tolko

Здесь я ответил Началову, но при этом решил дать свой общий ответ в отдельной заметке «Типа исповедь». В настоящий момент в моей жизни происходят и обыденные, и странные события. Я не могу предсказать, что будет дальше. Может, ничего. Вот и решил слегка дополнить то, о чем говорил раньше.

Нет смысла разбирать отдельные утверждения, Геннадий. С чем-то соглашаться (с немногим), с чем-то не соглашаться (со многим). В этом нет никакого смысла.

Я написал трактат «Великое Делание» в 1999 году. Сопутствующие ему статьи чуть позже. Я понимал больше, чем написал. За прошедшие годы многое мною уяснилось еще лучше. Не знаю точно, приведу ли я свои записи в порядок и опубликую ли их. Это и надо, и не надо. Моя фраза будет понятнее после прочтения нижеследующего текста.

В настоящий момент я собираюсь написать книгу, но не уверен, что это понадобится и осуществится.

Концепция о супер-пупер маге, совершающем Великое Делание и тем самым навсегда уничтожающем Великую Майю, собственно, непосредственно вытекает

из представлений восточной и западной мистики. Прежде всего из индийской философии и философии буддизма. В свое время меня поразило понимание, что столь очевидная концепция во всех этих системах даже не рассматривается. Точнее, я встретил один раз ее обсуждение в недрах адвайта-веданты, где она была отвергнута шри Шанкарой по смехотворным, ошибочным и догматическим соображениям. И встретил я ее уже после написания трактата «Великое Делание». То есть, давным-давно я читал о ней, но она не привлекла моего внимания, поскольку я тогда был еще очень далек от идеи одномоментного всеобщего спасения.

Мой трактат писался для тех, кто хорошо знаком с концепцией спасения, признает истинность и веданты, и буддизма, но в качестве личного убеждения признает только индивидуальный путь. А, это, собственно, все эзотерики, кроме меня. Вовсе я не думаю, что я самый умный. Я только сказал, что «король голый» в то время как всеобщим убеждением было то, что об этом надо благоразумно помалкивать, а можно даже и вообще этого не замечать. «Не знать».

Что я сказал? Я сказал, что грош цена всем вашим просветлениям, пробуждениям, освобождениям, вашим великим победам над собой, над миром, грош цена всем вашим соединениям с Богом и вхождениям в радость Его, грош цена всем, ставшим дживанмуктами, преодолевшим дуализм я и не-я, освободившимся от деспотизма Эго и всем остальным, подобным вышеперечисленным, если осталась основная проблема - наличие майи, а в ней наличие страдающих, не спасенных и не пробужденных.

Надо обнажить эту проблему, признать ее, поставить ее, а не упиваться своими свершениями. Или мудро уповать на некие особые высшие постижения.

Но тут же, я преотличнейше понимал, почему такое «обнажение» отсутствует. Да, потому что даже самый крутой просветленный не может, судя по всему, даже самому себе дать ответ, как же так получается, что его жизнь происходит в форме человека и среди людей, а высшее знание и прозрение показывает, что нет ничего субстанционального за тем процессом, который в нем происходит, да, и сам процесс, в сущности, совершенно не субстанционален. Прямой вывод обязывает совершать индивидуальное спасение, которое опять же по прямой логике будет «спасением» всего того, что в спасающемся содержится. А, собственно, по этой же логике все чувствующие существа, все страдальцы и так уже спасены, потому что их попросту не существует, они пустота. Я сам, в сущности, пустота, пусто потому и всё, что во мне. Остается один шаг, надо шагнуть самому в эту пустоту, провалиться в самого себя - и всё, собственное и всеобщее спасение совершено.

Эта идея в моем трактате не отражена, поскольку цель его была совсем другая, а сам я со всей ясностью и отчетливостью видел, что передо мной стоят две совершенно разные по природе концепции. Причем о первой писать трактаты легко, а по второй или трудно, или даже вовсе незачем.

Но эти концепции по необходимости имеют одну общую точку соприкосновения. Именно она и является сутью «Великого Делания». Я абстрагируюсь от очевидного индивидуального солипсизма и становлюсь

на ортодоксальное понимание мира, как реально существующей множественности. В таком мире обязан появиться Высший Адепт, совершающий индивидуальное спасение таким образом, что тем самым навсегда и окончательно спасается и весь мир. Повторюсь. Одна концепция: нет никого, мир возник у меня одного, уже со всеми трактатами, сказками про великих мудрецов, про веданту, буддизм, великие философии. Не было никогда никакого Канта, никакого Шопенгауэра, Гаудапады, Шанкары, Будды. Не было человечества, войн, страданий, истории, Большого Взрыва, нет вселенной, галактик, квазаров и пульсаров, нет ученых с их бреднями, нет ничего. Есть только я. Есть Я, такой, какой есть. И я должен совершить индивидуальное спасение. Я должен уйти в пропасть самого себя и в ней исчезнуть навсегда. Почему-то сразу это сделать у меня не получается. Потому я начинаю изучать содержимое самого себя, которое, возможно, подскажет мне путь для моего Великого Делания. И я вижу этот путь.

Другая концепция, наоборот, внушает мне миф о субстанциональности мира множественности (того, что я в трактате называю «проявленный мир»), но смыкается с первой в том, что, собственно, предписывает действие в точности такое, какое предписывает первая концепция. Кроме того, я отчетливо понимаю, что не должен игнорировать то, что в виде мифа мне преподносится. Сам миф ложен, но за ним кроется указание на путь, суть которого я и должен постичь. В русле созерцания мной этих двух концепций ко мне приходит забавное понимание: делать ничего не надо. Ну, не совсем.

Требуется дождаться естественного развития событий и дать им завершиться в твердом намерении стать тем, чем я был до того, как стал тем, что я есть теперь. В этом и будет и спасение, и Великое Делание. Я не уверен, что это понимание истинное, но лучшего я ничего не знаю. Но его неистинность ничем мне не грозит, потому что в любом случае я буду жить и действовать до тех пор, пока Великое Делание не произойдет.

СТАТЬИ И ЭССЕ

СОЛИПСИСТСКАЯ ПРИТЧА ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «ИВАН КУБЛАХАНОВ»

Виктор Пелевин вообще-то не чурается хохм и розыгрышей, но «Иван Кублаханов» одно из самых серьезных его произведений. Это, собственно, философский трактат художественными подробностями и нарочитыми противоречиями (в приписывании, скажем, Абсолютному Первоначалу соображений и рассуждений вполне антропоморфных), якобы недопустимых в серьезном философствовании, маскирующийся под модернистское или постмодернистское произведение искусства.

Основа рассказа в большой степени ведантистская, но также и буддистская, как и следует ожидать от Пелевина после «Чапаева и Пустоты». (На самом деле Пелевин нигде не определяет конкретно своих религиозных и философских пристрастий, равно проявляя себя сведущим во многих областях, начиная с китайского даосизма, тибетского буддизма и вплоть до европейского оккультизма и Кастанеды.)

Некое безличное абсолютное начало обнаруживает, что в нем начинает что-то происходить, хотя по идее происходить в нем ничего не должно и не может. Этакое таинственное зарождение мира из какого-то первичного «космического яйца». В конце концов, оно понимает, что ему просто снится сон, происходящий от «его безграничной власти над бытием», один из тех снов, что «снились ему всегда». Это именно ведантистская идея о безличном брахмане, в качестве «божественной игры» в бесконечной периодичной последовательности производящем, а затем уничтожающем наш иллюзорный мир, собственно являющийся его сном. Производящий от избытка производительной мощи, а уничтожающий по своему произволу. В буддизме, в отличие от

адвайта-веданты, в начале начал присутствует только шуньята — пустота — сама по себе ни к производству чего бы то ни было, ни к игре ради игры несклонная и, возможно, и неспособная. Причиной мира является не она, а «желание». Собственно, различия больше формальные. На мой вкус, Веданта более последовательна. Надо еще добавить, что сам Будда считал такие вопросы, как причина возникновения бытия или вопрос о наличии или отсутствии за ним Брахмана или чего-либо подобного, совершенно праздными. Его путь действенен в любом случае, потому что касается не абстракций, а конкретного переживания субъектом настоящего момента. В этом смысле рассказ Пелевина иллюстрирует буддийскую парадигму так же хорошо, как и ведантистскую, не противореча ни той, ни другой.

Читатель рассказа довольно быстро понимает, что ему, собственно, описываются ощущения и размышления зародыша, развивающегося в материнском чреве. Развитие, начавшееся с нуля, как бы с небытия, начинает осознаваться могучим безграничным сознанием брахмана, каким-то чудом являющимся, в то же время, и сознанием, растущего во чреве матери, плода. Сознавая себя как развивающееся, растущее существо, брахман знает, что видит сон, и он особенно ясно осознает это, пробуждаясь, время от времени (в момент, видимо, засыпания плода), от него полностью. Впрочем, зачастую сон настолько вовлекает его в себя, что он напрочь тогда забывает о сновидческом характере происходящего с ним, о том, кто он, и потому мучается страхами и тревогами зародыша, а впоследствии, родившись, наконец, уже и страданиями и заботами человека до очередного пробуждения. Для Брахмана реальностью является его пробужденное состояние, состояние же сна он осознает как нереальное, как небытие.

Великий Декарт констатировал, что единственным абсолютно несомненным знанием является только знание того, что я существую. Во всем остальном (в наличии людей, вселенной, непреложности (да и самой законности) законов

природы — любой вешней реальности) позволительно сомневаться. Но вот сомневаться в том, что ты в данный момент сомневаешься — невозможно. Вот, начало начал. Так же невозможно сомневаться в том, что в данный момент переживаешь то, что переживаешь. Пелевин показывает Брахмана, переживающего сон, во время которого он воспринимает этот сон как несомненную реальность, реальность некоего Ивана Кублаханова. Иван Кублаханов только рябь на безграничном сознании Брахмана.

Осознает полностью Брахман иллюзорность этой реальности, только пробуждаясь от нее. Очевидно, что Пелевин хочет показать нам, что описывает то положение, в котором находимся все мы. И хотя большинство из нас помнят себя не с зачатия, а только с более или менее раннего детства, видимо, есть все же момент, когда мы начинаем осознавать себя отдельным, самостоятельным существом, неизвестно откуда и каким образом взявшимся. Пелевин описывает не абстрактные представления, а непосредственный опыт любого субъекта, живущего в мире. Из ничего, из ниоткуда возникает мир, растет, развивается и заставляет считать себя единственной и окончательной реальностью.

«Сон между тем развивался по своему собственному закону. В мельтешении световых пятен и звуков постепенно стали возникать закономерности; он научился различать причины и следствия, и вскоре поток бессмысленных раздражителей разделился на лица, голоса, небо и землю. Над ним часто склонялись двое, от которых исходила любовь и забота; они подолгу повторяли одни и те же звуки, и, складываясь из узнанных им слов[001], из хаоса выступил удивительный мир, населенный тенями, одной из которых был он сам.

Вскоре он сделал свои первые шаги по его поверхности и в совершенстве изучил волшебное искусство общения с тенями — для этого служили те же слова, из которых состоял мир.

Бодрствуя, он часто задавался вопросом: откуда берутся те, кто населяет иллюзорное пространство его снов? Они могли просто сниться ему. И еще они могли сниться кому-то другому — но кому? Однажды на пороге пробуждения у него даже возникла фантастическая мысль, что он в мире не один и существует еще кто-то, с кем он может встретиться, только заснув, но проверить это никакой возможности не было — во сне он мог, например, посмотреть через плечо, нет ли кого-нибудь у него за спиной, но в том, что существовало на самом деле, не было, конечно, ни возможности оглянуться, ни плеча, ни спины, ни направлений, в которых можно было бы посмотреть.

Кроме того, все спутники, в обществе которых он наслаждался небытием, появлялись только тогда, когда их освещало его внимание, и не было никаких доказательств, что они существуют остальное время даже во сне. Конечно же, мысль о существовании других могла родиться только спросонья — бодрствующему сознанию было совершенно ясно, что понятие «другие»[002] — такая же точно нелепица, как «пространство» и «время», и для их существования необходим фантасмагорический мир сна».

Пробудившийся Брахман видит истину и непосредственно знает, что он один и един, а множественность только иллюзия сумбурного и фантастического сна.

По Пелевину получается, что мы все сознаем только часть реальности, а именно иллюзорную реальность, реальность, существующую только как сон Брахмана, т. е. нереально. Потому нереален любой индивидуум, нереальны его страхи и жажда бессмертия. **«Хоть Иван Кублаханов и был всего лишь рябью сознания, но, когда эта рябь возникала, она страстно хотела жить, искренне верила, что она есть на самом деле, и даже считала сознание, по поверхности которого она проходила, одним из своих атрибутов».** Вообще-то вполне законная инверсия. Ведь в момент рассуждения сознание Ивана Кублаханова осознает только Ивана Кублаханова, а, значит,

вполне законно считает сознание своим собственным онтологическим принципом и потому только своим атрибутом. Это вопрос из серии, кто кем виляет, собака хвостом или хвост собакой. Далее Пелевин дает однозначное решение:

«И вот однажды эта призма [расщеплявшая реальность на краски удивительной красоты] прекратила свое существование. Сон про Ивана Кублаханова перестал сниться — он подошел к своему естественному концу, за которым началось нечто новое, такое же странное и захватывающее, как первые мгновения после рождения». Здесь высказана еще одна знаменитая философская максима: конец одной жизни — это начало другой. (Когда у великого мудреца Фалеса, утверждавшего, что жизнь не отличается от смерти, спрашивали, почему же он в таком случае не умирает, он отвечал, что именно поэтому.)

Эта и дальше мысли Пелевина вполне в духе Шопенгауэра. Иллюзорность индивидуума, исчезающего в момент смерти, одно из принципиальнейших положений философа, отнюдь не разделяемое разнообразными мистическими учениями, склонными потакать наивным чаяниям страждущих индивидуумов. По Шопенгауэру только при условии отрешения от своего я, от индивидуальности, возможно полноценное эстетическое переживание. Индивидуум в момент чистого созерцания не отравляет ум своими эгоистическими заботами, и потому мир созерцается таковым, как он есть, созерцается, собственно, платоновская идея вещей.

«Но во сне было много красивого. Например, закаты так называемого солнца — иногда наблюдающий их Иван Кублаханов на время *переставал думать о себе* (здесь и дальше курсив мой)**, и тогда оставалось только то, что он видел; эти моменты его жизни были ближе всего к *реальности*, меньше всего похожи на сон — тот, кому он снился, видел сквозь его глаза красные полосы над горизонтом, и *никакого Кублаханова, переполненного смесью страдания и надежды, в это время не существовало. Был***

***только закат и тот, кто смотрел ни него*, а Иван Кублаханов становился прозрачной призмой, расщепляющей реальность на краски удивительной красоты».**

В середине рассказа есть необыкновенной красоты и глубокомыслия пассаж. В утонченной условности рассказа тот, кому снится Иван Кублаханов, кому снится сон о нем, обладает разумом вполне сопоставимым с нашим привычным и повседневным. Он думает, размышляет о себе, об Иване Кублаханове, о бытии, о сознании, о снах, о реальности и иллюзорности, нереальности снов. Это как бы сам Иван Кублаханов, переставший быть Иваном Кублахановым — иллюзорной видимостью и ставший некой Первосущностью, Брахманом, пожалуй, лучше всего сказать чем-то вроде греческого Нус. Сверхразума всё знающего, всё понимающего, вечного и бесконечно просветленного истинного начала чего бы то ни было. Вот, этот пассаж:

«Размышляя о своих сновидениях, он пришел к выводу, что их истинная природа непознаваема — возможно, удивительная логика и стройность, которая была им свойственна, рождалась в его собственном сознании, безупречные зеркала которого образовывали калейдоскоп, способный создать симметричную картину из бесформенных осколков хаоса».

Глубокомыслие и удивительность его именно в том, что даже Сверхразуму приписывается неспособность познать истинную природу себя самого, а, значит, и того, что мы все знаем как наш мир. Сверхразум знает, что мир — это сон, но что такое этот сон, откуда он и почему, он постичь не способен. Даже он. Что уж говорить о тех, безмерно наивных порождениях сна, которые даже на могут понять того, что находятся во сне, и с полной серьезностью считают его единственной и окончательной материальной реальностью.

В сущности, в этом размышлении пелевинский абсолютный размышляющий субъект обнаруживает некую

ограниченность, свою промежуточную, между единицей и бесконечностью, природу. Пелевин, возможно, здесь тонко намекает, что мы в рассказе имеем дело все-таки не с Брахманом, не с Богом, не с Началом Начал, а с чем-то таким, что само может быть сновидением чего-то другого (перекличка с рассказом Борхеса «Круги руин»). Возможно, что он намекает на то, что такой фикции как Абсолют и вовсе нет, а то, что может почитаться за таковой, сам как бы не вполне абсолютен. «Бог это окружность, центр которой везде, а граница нигде», — вспоминаются мне слова Николая Кузанца. Что ж, в этом что-то есть.

В конце рассказа Иван Кублаханов, естественно, умирает, а «Ему» начинает сниться новый сон, в котором память об Иване Кублаханове постепенно исчезает.

Все наши деления условны. Запад, восток, веданта, йога, буддийская йога, дзен, оккультизм, восточный оккультизм, эзотерический буддизм, эзотерическое христианство, Каббала, неоплатонизм, гностицизм и так далее. А Истина проста: что-то есть. И есть оно так, как есть. «I am that I am». Сон ли это, явь? Как можно знать, что такое смерть, если не известно, что такое жизнь? И наоборот. Если последовать совету мудрецов (которому они сами не достаточно следовали, иначе как бы они давали советы) и навсегда застыть в здесь и сейчас — в единственной истине мига, то тем более ничего не поймешь. И такое положение было бы отлично, если бы не приходилось постоянно одно «здесь и сейчас» менять на другое, зачастую, совсем непрезентабельное. Нет, истины мига нет. Это пока еще только одно красивое слово. Миг приходит, и миг уходит, а что-то пребывает вовеки. Странно, но живущие мигом, не растекающиеся сильно мыслью по древу (я всегда почему-то думал, что в этом крылатом выражении имеется в виду дерево сефирот), в большинстве своем склонны придерживаться убеждения, что это столь славное и привлекательное для них чередование мигов непременно когда-нибудь закончится и, что характерно, навсегда. А вот представителям иной породы

открыто иное (не могу сказать лучшее или худшее) знание. Ничто не кончается, все длится вечно. И даже Иван Кублаханов, ужасавшийся своего грядущего исчезновения, длится вечно.

«Но, рассмотрев эту мысль как следует, он успокоился и даже развеселился (?!) **— ведь все, что он мог решить во сне, тоже было частью сна и не имело никакого отношения к его ненарушимому и вечному бытию. Разница между сновидением и реальностью была очень простой — просыпаясь и вспоминая, кто он, он испытывал ни с чем не сравнимую радость, а во сне он осознавал не себя, а происходящее; при этом он забывал, что на самом деле с ним никогда и ничего не может случиться, — появлялся страх».**

Да, рассказ Пелевина оптимистичен. Есть только ОН, Брахман, Первоначало, вечный субъект, безымянное сознание, как ни назови. И ему хорошо. Ананда. Бытие сна, бытие Ивана Кублаханова непостижимо и ужасно. (**«Иван Кублаханов был просто мгновенной формой, которую принимало безымянное сознание, — но сама форма ничего об этом не знала. А ее жизнь, как и у остального сонма теней, была *почти* чистым страданием. Разумеется, это страдание было ненастоящим и мимолетным, но таким же был и сам Иван Кублаханов, ничего не знавший о своей иллюзорности — потому что знать было некому».** Как вам это «почти»?) Потому надо почаще просыпаться.

Меня всегда занимал один простой вопрос. Если всё бытие — сон Брахмана, то почему ему приспичивает смотреть кошмары (по крайней мере, в половине снов). Почему бы не смотреть только приятные сны? Ричард Бах, скажем, отвечает на этот вопрос так, что нам нравятся кошмары, вот мы их и смотрим. Вроде того, как одни ходят только на триллеры, а другие только на индийские мелодрамы. Да, нет. Фильм доставляет наслаждение именно тем, что созерцаются ужасы или страсти-мордасти, а созерцающий при этом знает, что это все понарошку, и его затронуть не может. Брахман же окончательная реальность, и созерцаемое им, хотя бы и во снах,

тоже абсолютно реально. Реально своей иллюзорной реальностью. Тут я не побоюсь оспорить и самого Шанкару с Гаудопадой. Мир — сон, иллюзия, майя. Это бесспорно. Каждый, кто имеет хотя бы начальный мистический опыт, приближается к этому знанию и пониманию. Но творящееся в мире это не мираж, не просто мираж. Это что-то столь же онтологичное, как и сам Творец, сам Сновидец. Да, что там! Это мы сами и есть, каждый из нас им (и Богом, и сном) сейчас и во веки веков и является. И покажите мне того, кому безразлична его судьба и он сам, если это не законченный безумец. Как хорошо сказано в Евангелие. «Две малые птички продаются за ассарий, а и те на счету у Бога, у вас же и каждый волос на голове сосчитан». Очень глубокая мысль, все, что здесь происходит — не просто так. Как? Я рассказал о своем знании в другом месте (и еще как-нибудь и где-нибудь расскажу), а свое собственное знание для себя, пусть каждый извлечет из своих собственных недр.

---

001 Рассказ Пелевина написан с большим искусством и разнообразными реминисценциями. Ребенок не выучивает слова, которые слышит от родителей, а «узнает» их. Намек на идею, высказанную Сократом, о том, что всякое познание есть припоминание. Солнце для «него» «так называемое», что подчеркивает отстраненность сна от того, кому он снится. Мир для безымянного сознания «состоит из слов», и т. п. Я уж не говорю об имени героя, происходящем от имени Кубла-Хан. В новелле Борхеса «Сон Кольриджа» описывается эпизод из жизни Кольриджа, знаменитого английского поэта, который в наркотическом сне увидел во всех деталях прекрасную поэму о Кубла-Хане, который выстроил прекрасный дворец, в мельчайших деталях привидевшийся ему во сне. Кольриджа что-то отвлекло от записывания этой поэмы, и до нас дошло только несколько строк. Дворец, выстроенный Кубла-Ханом, тоже не сохранился.

002 В конце августа 2003 года у меня была в разгаре полемика с Н. Шульгиным по поводу концепции «Великого Делания». Шульгин отстаивал весьма оригинальную и для меня совершенно непостижимую теорию о том, что «мир спасен изначально». Я и по сей момент не знаю и не понимаю, что бы это могло означать. (Я даже просил Шульгина признаться в том, что он меня разыгрывает, но он категорически это отрицал. Так мне и пришлось оставить полемику. Я не могу спорить с тем, что не укладывается у меня в голове. Причем, как мне кажется, не по моей вине. Интересующихся отсылаю в раздел Шульгина на Самиздате Мошкова). Доводы Шульгина, мои ему ответы, реплики Сечива и моя полемика уже с последним достаточно любопытны и весьма характерны. Я даже подумываю обработать эту полемику и выложить ее здесь. Одна из статей Шульгина называлась «Мы уже спасены». В комментариях к этой статье Дмитрий Руж спросил: «Если мы уже спасены, то кто мы?» Я дал ему пространный ответ, который, как мне кажется, весьма своеобразно перекликается с рассуждениями Пелевина о иллюзорности «других». Предлагаю этот мой пассаж вашему вниманию.

«Мы» — это эвфемизм. Доподлинно известно «каждому» только о «Я». Это эмпирическое «Я» пребывает в некоем состоянии, характеризующемся непрестанным беспокойством — движением, благодаря которому оно воспринимает все то, что оно воспринимает. Эмпирическое Я обладает способностями суждения и созерцания, при помощи которых и классифицирует все познаваемое (созерцание + суждение = познание) тем или иным, удобным или приятным для него, как ему первоначально кажется, образом. Это, воспринимаемое эмпирическим Я «многообразное содержание апперцепции» оказывает на него либо желательное действие, либо не желательное. Этим и определяются волевые порывы эмпирического Я, определяемые мотивами. Поскольку разобраться в хаосе мотивов сложно, СУЖДЕНИЕ (ум, интеллект)

разрабатывает те или иные стратегии и вырабатывает те или иные интерпретации непосредственно данного опыта. (Я имею в виду не научную деятельность, а самую обиходную.) Здесь и присутствуют ДРУГИЕ. — РАССМАТРИВАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИМ Я СЕБЯ В КАЧЕСТВЕ ДРУГОГО И ПОРОЖДАЕТ (строго говоря некорректное) ПОНЯТИЕ «МЫ».

Я стою, во-первых, на точке зрения строгого солипсизма, строго различая то, что происходит во мне, и то, что происходит вне меня, а, во- вторых, рассматриваю «мир» (то есть то кино таинственного происхождения, которое беспрерывно смотрит эмпирическое Я) как совершеннейшую нереальность, некую иллюзию. Поясню второе положение. Испокон века делались попытки Я остановить или приостановить мир вокруг себя. Для йогов это самадхи, для тольтеков — остановка внутреннего диалога (Кастанеда), для православных исихазм и умное думание и т. п. Попытки эти пока не удались, но они дали бесценный опыт. Они дали возможность увидеть, что за эмпирическим Я кроется НЕЧТО неопределимое, но совершенно реальное. Это Дао даосов, Айн каббалы, Брахман веданты, сознание Будды буддистов и, вероятно, Бог апофатического богословия. Можно припомнить и еще. В мистическом опыте самоуглубления постигается, что эмпирическое Я и это НЕЧТО являются одним и тем же, но находящемся как бы в разных модальностях. (Упанишады формулируют это как Атман = Брахман.) Для Брахмана никаких «мы» нет, для него есть только Я в бесконечных модификациях. Эмпирическое же Я не способно нормально функционировать в этом мире не отождествляя себя с другими, в которых оно (вполне непосредственно следуя иллюзии) усматривает модификации себя. Это и есть «мы». «Мы» это база мировой иллюзии. Это почва, точка опоры, пренебрежение которой может иметь для Я самые печальлные последствия. Это настолько общее правило, что

мало кто даже пытается понять, что же такое Я, а что такое Мы, или точнее — «другие». И вот, самое главное. Относительность и иллюзорность «других», «мы», является совершенно той же иллюзорностью в отношении Брахмана (НЕЧТО) как и эмпирическое Я. Потому, с некоторой долей условности, не противоречиво, до тех пор пока не прекратилась великая иллюзия, рассматривать других как «мы» и ожидать от них в принципе того же, что и от себя. Более того, даже того, что может быть не ожидаешь и от себя. Этот великий принцип отражен в Упанишадах в изречении «Тат твам аси» — это все ты и ты. Я предпочитаю использовать ведическую терминологию и образы, потому что считаю, что ни христианство, ни иудаизм, ни, за редчайшими исключениями, вся европейская философия к ведическим вершинам и не приблизились. (Но гонора и спеси хоть отбавляй.)

ПЕЛЕВИН — ТАЙНЫЙ ИДЕОЛОГ ПУСТОТНОСТИ

это статья о романе Пелевина «Священная книга оборотня», его творчестве и идеях

Отрицающий Атман, сам Атман.
Упанишады

Книга В. Пелевина «Священная книга оборотня», собственно, философско-мистический трактат, облеченный в художественно-публицистическую форму. Можно сказать, что Пелевин просто-таки эксплуатирует этот жанр. Все творчество Пелевина вполне можно себе представить как развитие и усовершенствование этого жанра.

В. Пелевин как мыслитель забрался в своих мистико-философских созерцаниях в такие дебри, которые даже для того, чтобы изложить только самому себе, необходимо оснастить мощным художественным аппаратом. Я думаю, он это и делает постоянно, занимаясь размышлениями, а для нас разрабатывает специальную версию, состоящую из образов предоставляемого нам текста, имеющую целью донести, в конечном итоге, до широких масс его почитателей или просто читателей, свои задушевные и взлелеянные в долгой одинокой тишине открытия.

Надо, правда, признать, что в самой философеме, пронизывающей всё творчество Пелевина, а не только «Священную книгу оборотня», нет ничего

принципиально нового и небывалого. Более того, с таким искусством и столь искренне и непосредственно излагаемое героями Пелевина миросозерцание, известно испокон веков. Пелевин, собственно, этого и не скрывает. Герои его подтверждают истинность и важность этих древних истин, переоткрывая их для себя заново, извлекая, зачастую их не из тех или иных традиций или поучений, а из собственного непосредственного и потому бесконечно убедительного для них самих опыта. Тем самым эта убедительность передается и читателю, если он, конечно, способен ее воспринять.

Ход мысли Пелевина представляется мне следующим образом. Пелевин думает: я великолепный художник, у меня немыслимое воображение и при этом необыкновенный дар слова. Но я и мыслитель. Я созерцаю такие небеса и бездны, до которых, очевидно, додумываются, ой, как немногие. К тому же я вовсе неравнодушный к окружающей меня жизни человек. Жизнь меня окружает грубая, гнусная, во многом очень непривлекательная и очевидно, что хотя бы в некоторой степени ее можно улучшить, по крайней мере, попытаться это сделать благородному человеку просто необходимо, если существует, хотя бы минимальный шанс. Публицист я, естественно, тоже неплохой. Вместе с чисто художественным дарованием, я наделен еще и язвительным языком и саркастическим умом. Сам бог мне велел эту свою способность по мере сил реализовывать. Как, впрочем, и все иные.

И вот Виктор Пелевин в одном флаконе, как говорится, смешивает все эти три свои ипостаси. Я еще забыл упомянуть, что и философствование, и

писательство (игра образами), и публицистика доставляют производящему их автору, видимо, изрядное удовольствие. И это хорошо. Пелевин — художник, мыслитель, публицист, популяризатор своих мистико-философских пристрастий, милостью божьей. Ко всему этому он в высокой степени способен.

Сливание в один флакон столь разнородных компонентов, вообще-то говоря, дело весьма рискованное. Неизбежно должен возникать антагонизм. Пелевин виртуозно пытается возникающие антагонизмы сгладить. Собственно, просто наглядно, как он все делает для этого. Сюжетные коллизии иллюстрируют размышления героев на общие темы, художественные описания вдруг перерастают в памфлеты, эссе на политические, социальные и нравственные темы. Неожиданные выдумки и сюжетные повороты способствуют выявлению задушевных идей героев. Пелевин-художник явно перенапрягается.

Художественной манере Пелевина всегда было свойственно удивительное качество: Пелевин может описывать любой бред, любую нелепость или абсурд так, что ему веришь. Собравшаяся на пикник компания превращается в волков и заодно превращает в волка случайно приблудившегося путника — веришь («Проблема верволка в средней полосе»), говорит Пелевин, что вселенная находится в чайнике, продающемся на китайском базаре, да и еще утверждает, что это общеизвестно — веришь («Бубен нижнего мира»), цыплята на бройлерном комбинате имени Луначарского ведут философские беседы, практикуют йогу и путь безупречного воина — веришь («Затворник и

Шестипалый»), тут же веришь и в крысу, достигшую просветления. Герой Пелевина существует одновременно и в реальности и в компьютерной игре, погибает и восстанавливается, — веришь («Принц Госплана»), Чарльз Дарвин побеждает в честной схватке ужасающую гориллу — веришь («Происхождение видов»). Всё это — мастерство художника. Кто может написать такой пассаж и не вызвать ни возмущения, ни протеста?

«Широкий бульвар и стоящие по сторонам от него дома напоминали нижнюю челюсть старого большевика, пришедшего на склоне лет к демократическим взглядам.

Самые старые здания были еще сталинских времен — они возвышались, подобно покрытым многолетней махорочной копотью зубам мудрости. При всей своей монументальности они казались мертвыми и хрупкими, словно нервы у них внутри были давно убиты мышьячными пломбами. Там, где постройки прошлых лет были разрушены, теперь торчали грубо сработанные протезы блочных восьмиэтажек. Словом, было мрачно». («Тарзанка»)

В романе Пелевин постоянно ерничает, кощунствует, хохмит, наполняет текст откровенной похабщиной (О, очень тонко. Понимаешь и не осуждаешь.), новыми (своего и чужого производства) и старыми анекдотами. Для чего, спрашивается? Маскируется. Для лучшего достижения своей цели. Скрывает замысел простой, как карандаш. И, чтобы лучше скрыть, чуть ли не прямым текстом тут и там в этом признается.

Текст Пелевина развлекателен. Развлекателен по форме. Намеки, сюжетные посулы, неожиданные коллизии, стремительные и остроумные диалоги и монологи. Экскурсы в историю, литературу, психологию, философию, всё это зачастую изложено на сленге, с разговорными оборотами, матом, если нужно, точными подробностями обстановки и психических движений персонажей. Вся эта игра служит основной цели — добиться максимальной понятности и убедительности в изложении той философемы, которая у него уже заготовлена и приберегается к концу. Причем, Пелевин учитывает и такую возможность (практически очевидную), что изрядное число читателей, несмотря на все его искусство и старания, философемы его не поймет или совершенно не заинтересуется ею, что ж, для них останется, так сказать, бульон. Вполне питательный, кстати.

По большому счету, Пелевин предает художника. Заставляет его служить внешним для него (художника) целям. И будучи большим знатоком и почитателем Набокова, не может этого не осознавать. Конечно, Пелевин может сослаться на то, что и у Набокова есть использование того же приема — пропаганда любимых идей под прикрытием художественного флера. Я усматриваю, однако, разницу, и принципиальную. Набоков действительно поступал так, но никогда он не делал это в ущерб художественности, и, более того, никогда не ставил себе такой цели. Пелевин ставит, но никогда в этом не признается. Такой хитрый.

На самом деле, Пелевин большой мастер, поставивший свое дарование на службу своим идеям. Не

зря он так уважает Льва Толстого. В романе А Хули (имя героини романа, означающее по-китайски Лиса По Имени А) несколько раз подчеркивает свое уважительное отношение к Толстому. Толстой же прямо считал, что художник обязан поставить свой талант или гений на службу тех истин, что он нашел. Если же не нашел, то должен искать, а не развлекаться выдумками, ради тщеславия и материальной выгоды. Пелевин выбор сделал.

Философема романа «Священная книга оборотня», по сути, ничем не отличается от тех, что были изложены в «Чапаеве и Пустоте» и в «Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда». Правда, в ней появился новый элемент: «любовь». Однако он не выглядит чужеродно, чувствуется, что раньше Пелевин не хотел высказываться столь прямолинейно (с кажущейся прямолинейностью) о столь одиозном и истрепанном веками христианства, да и нью эйджем, понятии.

Пелевина вполне справедливо «обвиняют» в буддизме. Он и есть буддист. Бесспорно, что, когда дело касается понятий, очевидно, почерпнутых из буддизма, голос Пелевина преисполняется интонаций величайшего пиетета. Отнюдь я не хочу его обвинить в какой-нибудь формальной приверженности какому-нибудь направлению буддистской мысли. Я сам люблю буддизм, а рыбак рыбака видит издалека. Надо признать, что в последнем романе Пелевин высказался наиболее откровенно. Вот его философема.

Мир есть нечто непостижимое. Вообще-то, он происходит в сознании и определяется только сознанием. Строго говоря, можно считать, что существует только

одно сознание, а именно то, что в данный момент и занимается осознанием и рассуждениями по поводу того, что осознается. Беркли прав.

Так, позвольте! Что ж, предметы исчезают, как только я от них отвернусь? А остальные люди, а звезды, а Солнце, а вселенная, они, что, не существуют?

Кто ж его знает?

Беркли считал, что всё существующее в уме субъекта, еще существует и в уме Бога. Но тогда придется признать существование Бога, а оно ни из чего, вроде, не следует и никак не проявляется. (Если не считать его проявлением, само наличие какого бы то ни было проявления вообще, добавлю я от себя.) В общем, с налету и при помощи ума разобраться в том, что такое жизнь, мир, субъект, бытие, невозможно. Кто ни пытался, почти ни у кого ничего не выходило. У Пелевина вышло. Он постиг то, что некогда постиг и Будда. Не один Будда, конечно. Постигли многие, те, кто сумел выйти за пределы ума, и тем или иным способом получить внеумственное понимание (просветление).

Героиня романа «Священная книга оборотня» А Хули тоже совершает в конце романа эту находку, обретает просветление и побеждает мир.

Хоть это и нельзя объяснить при помощи слов, при помощи ума, вообще нельзя объяснить, А Хули делает это. Пелевин делает это. Разница, правда, в том, что А Хули действительно исчезает из этого мира, оставив от себя только знак в виде выгоревшей земли в форме звезды и ноутбук с текстом «Священной книги оборотня», а у Пелевина это пока не вышло. Просветление, понимание он обрел, а уйти не получается.

Но ведь тут сама суть дела такова, что если известно, как победить мир и есть такая возможность, то зачем же медлить? И ведь очевидно, что известно это не уму (тут нет сомнений), а нутру. А Хули это сделала. Пелевин нет. Почему? Ответ: Пелевин не знает, как это сделать. То есть, знает умом и прекрасно объясняет нам это в своих отличных и увлекательнейших романах[001], а нутром — нет.

По сути дела роман «Священная книга оборотня» роман только по форме. Это философско-мистический трактат. Вполне можно выбросить из него всех героев, все приключения и не касающиеся сути дела разнообразные эссе и лирические отступления и получить текст, коротко и внятно излагающий вполне конкретную философскую парадигму.

Если, кстати, сделать обратное и выбросить всю философию, то большинство читателей будут только довольны. Эротики, приключений, острых поворотов сюжета вполне достаточно, чтобы прочесть роман на одном дыхании. Философствования, собственно, портят роман с точки зрения развлекательности, зануживают. Сюжетные линии остаются неразработанными, смазанными. Нет описания смерти лорда Крикета во время Черной Мессы в храме Христа Спасителя, нет объяснения происшедшего с оборотнем Александром, когда в него попали три серебряных пули. Не описана таинственная работа Александра в ФСБ и в нефтяной промышленности и его дальнейшая деятельность. Нет описания полковника Лебеденко, его жизни и смерти. Ведь второй главный герой романа генерал-лейтенант ФСБ оборотень Александр, это тот самый Саша, что стал

волком-оборотнем в рассказе «Проблема верволка в Средней полосе». Не развиты многообещающие линии с сестрами А Хули, Е Хули и И Хули, которые вроде бы сами собой напрашивались. С точки зрения развлекательности и коммерческого успеха роман должен быть в три раза больше по объему и эффект его тогда, как романа, был бы в десять раз больше, но только философия его, идеология, философема стали бы в этом случае совершенно излишни или их пришлось бы предельно облегчить и поставить на службу сюжету и увлекательности.

Не следует обманываться страстными пелевинскими филиппиками в отношении философии и философов. Разумеется, среди философов можно найти сколько угодно дураков, мерзавцев и просто ненормальных. Из упомянутых Пелевиным, мне как-то довелось попытаться почитать Бодрийяра. Знаменитость, блин! Но, впрочем, промолчу, не буду осквернять серьезный текст воспоминаниями о такой мерзости.

Философия тоже может быть плоха. Но и хорошая философия все-таки не луна, а только палец, пытающийся на нее указать. Я уверен, что Пелевин так и смотрит на свое творчество. Он понимает, что никому ничего объяснить нельзя, понять ничего невозможно, но допускает, что палец все-таки необходим, по крайней мере, это можно допустить.

Мне доводилось встречать в статьях о Пелевине твердо выраженное убеждение, что Пелевин конъюнктурщик, наполняющий свои романы модными мистическими и парадоксально-философскими элементами. Это очень поверхностное мнение. Пелевин

знает и любит то, о чем пишет. Это не дань моде или творческому методу, давшему некогда успех, это отражение глубокого и очень искреннего мистического опыта. Опытному взгляду разглядеть это нетрудно.

Рассуждая о философиях, религии Пелевин позволяет себе очень непочтительные о них суждения. Можно подумать, что для него ничего не свято. Это не так. Правда, даже в самых патетических местах текста его не оставляет присущая ему ирония. Он как бы подстраховывается ей. Он говорит, это все-таки не совсем мои взгляды, это пишет и говорит моя героиня, а она действует в условном пространстве романа, где я хозяин, а значит здесь истинно то, что я пожелаю сделать истинным. Речь не идет о мире вне романа, потому что в романе может происходить только то, что происходит внутри него, а внешнее для него не существует. Героиня-лиса находит путь освобождения. Годится этот путь только для лис. Тут же А Хули говорит, что знает такой же путь и для людей, но излагать его не будет: нет времени, да и в принципе он мало отличается от лисиного. Изложение пути все-таки приводится. Оно носит несколько пародийный характер. Опять маскировка? А ведь эпизод наиважнейший, кульминационный. Пелевин хохмит в самом серьезном месте вполне в традициях дзен-буддизма.

Далее, я отбрасываю все эти романные условности и смотрю на то, что непосредственно говорит мне Пелевин. Хорошо говорит[002]. Но для меня в его рассуждениях присутствует тот же самый порок, что и во всем буддизме. Эту проблему иногда формулируют, как отрицание субстанциональности «я». То есть, за

явлением мира нет ничего, о чем можно было бы говорить в терминах этого мира. Есть пустота и любое явление бытия внутренне пустотно.

В рассказе «Бубен верхнего мира» герой, майор Звягинцев, временно воскресший летчик времен войны, спрашивает героиню Машу, долго ли живут воскрешенные мертвецы и не жалко ли ей, что всего года три. Вот ответ Маши:

«Я так слышала, есть закон земли, и есть закон неба. Проявишь на земле небесную силу, и все твари придут в движение, а невидимые — проявятся. Внутренней основы у них нет, и по природе они всего лишь временное сгущение тьмы. Поэтому и недолго остаются в круговороте превращений. А в глубинной сути своей пустотны, оттого не жалею».

«Так и есть, — сказал майор. — Крепко понимаешь».

Воззрение это имеет неустранимый внутренний парадокс, для устранения которого и возникает в буддизме необходимость объявлять все действия ума относительными, в принципе не приспособленными для добывания истины. Парадокс этот заключается в том, что мир, бытие представляется чем-то вроде сна, вроде иллюзии, а вот того, кому снится сон, того, кого обманывает иллюзия, выходит, не существует. Пелевин даже говорит забавную фразу о том, что это сам сон смотрит снящийся ему сон[003]. (Это не его изобретение, а довольно распространенная, но ложная концепция. Смотрите полемику Кончеева с Адвайтовым к статье Кончеева «Может ли сон видеть сон». http://zhurnal.lib.ru/comment/k/koncheew/k_surat_slee

р) Может быть ум, разум, и плохо приспособлен к постижению высших истин, может быть он и склонен, как собака, заострять внимание не на бросившем палку, а на самой палке, но, тем не менее, он к нам не с луны свалился, и, если пустота каким-то образом произвела во мне горы, моря, небо, облака, дома, животных и растения, то и она же произвела во мне и ум с его функциями. И если ум подразумевает некий порядок, некую законосообразность, то в ней есть некий, пусть и локальный, и условный, смысл — я не ем, время от времени, песок и камни и не откусываю себе, ни с того ни с сего, пальцы. И, если этот ум устроен так, что видит за объектом обязательно субъект, и осознает, что, собственно, этим субъектом, его функцией, он и является, то этот субъект, это осознание и есть та точка, та платформа, на которой следует остановиться, а не воображать некую гипотетическую пустоту, для которой и сама эта платформа только иллюзия. Если сон смотрит сон, то обязательно есть тот, кто смотрит первый сон. А если и он сон, то значит и его кто-то смотрит. И это не дурная бесконечность. Вовсе нет необходимости продолжать этот процесс в бесконечность, достаточно остановиться на самом себе. Да, глаз не видит себя. «Я — темный пункт самосознания» (Шопенгауэр). Но, если хоть что-то есть, то, значит, и есть некая субстанциональность, находящаяся под (за) бытием.

Буддизм, как известно, вырос из индийских корней. Буддизм это такой индуистский панк, вообразивший себя свободным от замшелых и нудных вековечных истин вед и упанишад. Панк повзрослел, образумился, но возвращаться к родителям ему было уже поздно,

слишком, уж, много между ними накопилось мелочных недоразумений, чтобы начать устраивать совместное сосуществование. В Индии, родине буддизма, буддизма нет. Будда введен в пантеон индуистских богов на правах провокатора, испытующего безупречность правоверных индусов.

Индуизм же вполне последовательно постулирует наличие Парабрахмана, нечто весьма похожее на шунью (изначальную пустоту) майявадинов буддизма. Вот, он и видит сон. Или заставляет нас всех видеть сон. Имеют место обе концепции. Я придерживаюсь первой, но сейчас речь не об этом. Важно то, что сон есть кому смотреть. Сон смотрится. Сказать же, что сон смотрит сам сон — есть нелепость, годная только для анекдота. «Я знал такого высокого человека, что для того чтобы побриться, ему приходилось забираться по лестнице». «Я набил на голове шишку, шляпа стала мала, и мне приходилось надевать сразу две». Это — шутки. Попытка же понять суть бытия, чтобы овладеть им, чтобы победить мир, вовсе не шутка. Неоднократно Пелевин говорит, и совершенно серьезно, что бытие людей, есть непрерывное и беспредельное страдание[004]. Может это и выглядит гиперболой, но что-то в этом есть. Во всяком случае, это мнение мало отличается от первой благородной истины Будды.

В «Чапаеве и Пустоте», вспомним, Петр Пустота понимает, наконец, то, о чем ему постоянно говорит Чапаев, что сознание нигде. Да, оно нигде, но это не означает, что его вовсе нет. Оно есть. Вот, оно.

Роман «Священная книга оборотня» — хорошая книга. Умная, в чем-то шокирующая, веселая, печальная, ужасная, она полна остроумных находок и захватывающих приключений. Но, на мой вкус, она не превосходит «Чапаева и Пустоту» и многие рассказы. Основательность философской составляющей ослабила художественность (в «Чапаеве и Пустоте», наоборот, вся сила получается именно за счет философии.). Философская же компонента разработана в ней тщательно, тщательнее даже, чем в «Диалектике переходного периода из ниоткуда в никуда». Поскольку Пелевин художественный гений, то даже сравнительно средние его произведения, два его последних романа, представляют собой произведения выдающиеся. Лично бы я предпочел, чтобы он не пытался снискать лавры Руссо и Толстого, а потому усилил художественность в ущерб идеям, которые, к тому же, ошибочны. Конечно, популяризаторский эффект у них есть. Но нужен ли он? Кому надо, тот с удовольствием прочитал бы и просто философскую статью о бытии, пустоте, любви и освобождении.

ПРИМЕЧАНИЯ

001 Есть такая шутка у эзотериков: "Не умеешь сам, научи товарища".

002 Приведу образчик таких рассуждений. Шуточные интонации присутствуют, но на самом деле это рассуждение вполне серьезно.

"Мир устроен загадочно и непостижимо. Желая защитить лягушек от детской жестокости, взрослые

говорят, что их нельзя давить, потому что пойдет дождь — и в результате все лето идут дожди из-за того, что дети давят лягушек одну за другой. А бывает и так — стараешься изо всех сил объяснить другому истину и вдруг понимаешь ее сам.

Впрочем, последнее для лис скорее правило, чем исключение. Я уже говорила — чтобы понять что-то, мы, лисы, должны кому-нибудь это объяснить. Это связано с особенностями нашего разума, который по своему назначению есть симулятор человеческих личностей, способный к мимикрии в любой культуре. Говоря проще, наша сущность в том, чтобы постоянно притворяться. Когда мы что-то объясняем другим, мы притворяемся, что сами все уже поняли. А поскольку существа мы умные, обычно приходится понять это на самом деле, как ни уворачивайся. Говорят, что серебряные волоски у нас в хвосте появляются именно по этой причине.

Когда я притворяюсь, у меня все всегда получается натурально. Поэтому я притворяюсь всегда — так выходит гораздо правдоподобнее, чем если я вдруг начну вести себя искренне. Ведь что значит вести себя искренне? Это значит непосредственно выражать в поведении свою сущность. А если моя сущность в том, чтобы притворяться, значит, единственный путь к подлинной искренности для меня лежит через притворство. Я не хочу сказать, что никогда не веду себя непосредственно. Наоборот, я изображаю непосредственность со всей искренностью, которая есть в моем сердце. В общем, слова опять подводят —

я говорю об очень простой вещи, а кажется, что я фальшивое существо с двойным дном. Но это не так. Дна у меня нет совсем.

Поскольку лиса может притвориться чем угодно, она постигает высшую истину в тот момент, когда притворяется, что она ее постигла. А делать это лучше всего в беседе с менее развитой сущностью. Но, говоря с Александром, я совершенно не думала о себе. Я действительно изо всех сил старалась помочь ему. А получилось, что он помог мне. Какой удивительный, непостижимый парадокс... Но этот парадокс и есть главный закон жизни. Я приближалась к истине постепенно:

1) наблюдая за Александром, я поняла, что волк-оборотень направляет гипнотический удар в собственное сознание. Оборотень внушает себе, что превращается в волка, и после этого действительно в него превращается;

2) во время куриной охоты я заметила, что мой хвост насылает наваждение на меня саму. Но я не понимала, что именно я себе внушаю: возможно, думала я, это своего рода обратная связь, которая делает меня лисой. Я была уже в двух шагах от истины, но все равно не видела ее;

3) во время своих объяснений я сказала Александру, что он и этот мир — одно и то же. У меня было все необходимое для окончательного прозрения. Но понадобилось, чтобы Александр вслух назвал вещи своими именами. Только тогда я постигла истину.

Я и мир — одно и то же... Что же я внушаю себе своим хвостом? Что я лиса? Нет, поняла я за одну ослепительную секунду, я внушаю себе весь этот мир!

Оставшись одна, я села в лотос и ушла в глубокое сосредоточение. Не знаю, сколько прошло времени — возможно, несколько дней. В таком состоянии нет особой разницы между днем и часом. Теперь, когда я увидела главное, стало ясно, почему я раньше не могла заметить этого уробороса (не зря ведь я постоянно повторяла это слово). Я не видела истины, потому что не видела ничего, кроме нее. Гипнотический импульс, который хвост посылал в мое сознание, и был всем миром. Точнее, я принимала этот импульс за мир.

Я всегда подозревала, что Стивен Хокинг не понимает слов "реликтовое излучение", встречающихся в его книгах на каждой второй странице. Реликтовое излучение — вовсе не радиосигнал, который можно поймать с помощью сложной и дорогой аппаратуры. Реликтовое излучение — это весь мир, который мы видим вокруг, не важно, кто мы, оборотни или люди.

Теперь, когда я поняла, как именно я создаю мир, следовало научиться хоть как-то управлять этим эффектом. Но, сколько я ни концентрировала свой дух, ничего не выходило. Я применяла все известные мне техники — от шаманических визуализаций, которые в ходу у горных варваров Тибета, до сокровенного огня микрокосмической орбиты, практикуемого приверженцами Дао. Все впустую —

это было похоже на попытку сдвинуть с места гору, упершись в нее плечом.

И тут я вспомнила про ключ. Действительно, Желтый Господин говорил про ключ... Я всегда считала, что это просто метафора верного понимания сути вещей. Но если я так опростохвостилась насчет самого главного, я ведь могла ошибаться и тут. Чем он мог быть, этот ключ? Я не знала. Выходит, я так ничего и не поняла?

Моя концентрация нарушилась, и мысли начали блуждать. Я вспомнила об Александре, - который терпеливо ждал в соседней комнате — за время моей медитации он не издал ни единого звука, боясь нарушить мой покой. Мысль о нем, как всегда, вызвала во мне горячую волну любви.

И тогда наконец я поняла самое-самое главное:

1) ничего сильнее этой любви во мне не было — а раз я создавала своим хвостом весь мир, значит, ничего сильнее не было и в мире.

2) в том потоке энергии, который излучал мой хвост, а ум принимал за мир, любовь отсутствовала начисто — и потому мир казался мне тем, чем казался.

3) любовь и была ключом, которого я не могла найти.

Как я не поняла этого сразу? Любовь была единственной силой, способной вытеснить реликтовое излучение хвоста из моего сознания. Я вновь сосредоточилась, визуализировала свою любовь в виде ярко пылающего сердечка и стала медленно

опускать его к хвосту. Я довела огненное сердце почти до его основания, и вдруг...

И вдруг случилось невероятное. Внутри моей головы, где-то между глаз, разлилось радужное сияние. Я воспринимала его не физическим зрением — скорее это напоминало сон, который мне удалось контрабандой пронести в бодрствование. Сияние походило на ручей под весенним солнцем. В нем играли искры всех возможных оттенков, и в этот ласковый свет можно было шагнуть. Чтобы радужное сияние затопило все вокруг, следовало опустить пылающий шар любви еще ниже, заведя его за точку великого предела, которая у лис находится в трех дюймах от основания хвоста. Это можно было сделать. Но я почувствовала, что потом уже никогда не сумею найти среди потоков радужного света этот крохотный город с оставшимся в нем Александром. Мы должны были уйти отсюда вместе — иначе чего стоила наша любовь? Ведь это он дал мне ключ от новой вселенной — сам не зная об этом..."

[003] Цитата: **"Сон есть, а тех, кому он снится — нет. То есть они тоже элемент сна. Некоторые говорят, что сон снится сам себе. Но в строгом смысле "себя" там нет".**

[004] В «Иване Кублаханове» говорится: **«Иван Кублаханов был просто мгновенной формой, которую принимало безымянное сознание, — но сама форма ничего об этом не знала. А ее жизнь, как и у остального сонма теней, была почти чистым страданием. Разумеется, это страдание было ненастоящим и мимолетным, но таким же был и сам**

Иван Кублаханов, ничего не знавший о своей иллюзорности — потому что знать было некому».

Вот, диалог с таксистом в "Священной книге оборотня":

"Шофер заметил мое мрачное расположение духа.

— Что, — спросил он, — обидел кто, дочка?

— Угу, — сказала я.

Последний раз меня обидел он сам, когда назначил триста пятьдесят рублей за дорогу.

— А ты наплюй, — сказал шофер. — Меня за день знаешь сколько раз обижают? Если бы я все в голову брал, она бы у меня была как воздушный шар с говном. Наплюй, точно говорю. Завтра уже не вспомнишь. А жизнь знаешь какая длинная.

— Знаю, — сказала я. — А как это сделать — наплевать?

— Просто наплюй, и все. Думай о чем-нибудь приятном.

— А где его взять?

Таксист покосился на меня в зеркало.

— У тебя ничего приятного нет в жизни?

— Нет, — сказала я.

— Как так?

— Да вот так.

— Что ж, одно страдание?

— Да. И у вас тоже.

— Ну, — засмеялся таксист, — об этом ты знать не можешь.

— Могу, — сказала я. — Иначе вы бы здесь не сидели.

— Почему?

— Я бы объяснила. Только не знаю, поймете ли вы.

— Ишь ты какая, — фыркнул шофер, — что, думаешь, я глупее тебя? Уж наверно, пойму, если ты поняла.

— Хорошо. Ясно ли вам, что страдание и есть та материя, из которой создан мир?

— Почему?

— Это можно объяснить только на примере.

— Ну давай на примере.

— Вы знаете историю про барона Мюнхгаузена, который поднял себя за волосы из болота?

— Знаю, — сказал шофер. — В кино даже видел.

— Реальность этого мира имеет под собой похожие основания. Только надо представить себе, что Мюнхгаузен висит в полной пустоте, изо всех сил сжимая себя за яйца, и кричит от невыносимой боли. С одной стороны, его вроде бы жалко. С другой стороны, пикантность его положения в том, что стоит ему отпустить свои яйца, и он сразу же исчезнет, ибо по своей природе он есть просто сосуд боли с седой косичкой, и если исчезнет боль, исчезнет он сам.

— Это тебя в школе так научили? — спросил шофер. — Или дома?

— Нет, — сказала я. — По дороге из школы домой. Мне ехать очень долго, всякого наслушаешься и насмотришься. Вы пример поняли?

— Понял, понял, — ответил он. — Не дурак. И что же твой Мюнхгаузен, боится отпустить свои яйца?

— Я же говорю, тогда он исчезнет.

— Так, может, лучше ему исчезнуть? На фиг нужна такая жизнь?

— Верное замечание. Именно поэтому и существует общественный договор.

— Общественный договор? Какой общественный договор?

— Каждый отдельный Мюнхгаузен может решиться отпустить свои яйца, но...

.....

— Что "но"? — спросил шофер. Я пришла в себя.

— Но когда шесть миллиардов Мюнхгаузенов крест-накрест держат за яйца друг друга, миру ничего не угрожает.

— Почему?

— Да очень просто. Сам себя Мюнхгаузен может и отпустить, как вы правильно заметили. Но чем больней ему сделает кто-то другой, тем больнее он сделает тем двум, кого держит сам. И так шесть миллиардов раз. Понимаете?

— Тьфу ты, — сплюнул он, — такое только баба придумать может.

— И снова с вами не соглашусь, — сказала я. — Это предельно мужская картина мироздания. Я бы даже сказала, шовинистическая. Женщине просто нет в ней места.

— Почему?

— Потому что у женщины нет яиц. Дальше мы ехали молча".

Любопытное рассуждение. Анализ его оставлю для другого раза.

ГРАБОВОМУ Г. П. НЕ ДАЕТ СПАТЬ СЛАВА ИИСУСА ХРИСТА?

Недавно мне попал в руки удивительный видеодокумент. Это было заявление Григория Петровича Грабового о том, что он является вторым пришествием Иисуса Христа. Внимательно просмотрев этот документ, а так же еще ряд сходных документов с участием Грабового, прочитав несколько его книг и книг о нем, я пришел к выводу, что он такое же второе пришествие Иисуса Христа, как я китайский император.

Но, если то, что я не китайский император, достаточно очевидно, то, я полагаю, что может найтись достаточно людей легковерных и малосведущих, которые могут подумать, а чем черт не шутит, может и впрямь он Христос? Я потому обращаюсь в основном именно к этим людям и прошу их не обижаться на мои определения, люди могут быть всякими. Я даже полагаю, что можно найти и таких наивных, которых можно было бы убедить и в моем китайском и императорском происхождении.

Для начала о христианстве Грабового.

Мне кажется, что если Грабовой сделал это заявление искренне, то он человек очень невежественный и недалекий. Если не искренне, то он мошенник. Я слышал разные мнения, но должен признать, что если человек берет по 1000 рублей за маловразумительную двухчасовую лекцию, где он ничему не научает и даже никого не излечивает и при этом собирает полный зал, не может быть глуп. Хотя, пути господни неисповедимы.

Я видел видеозапись такой лекции. Речь Грабового, хотя и малопонятна, обладает какой-то внутренней целостностью, создающей впечатление чего-то очень значительного и важного.

Еще Грабовой ведет приемы посетителей. Стоят они очень недешево. То есть, Грабовой зарабатывает на своих способностях, в чем бы они ни заключались, в умении ли околпачивать простаков, или в действительном умении совершать экстрасенсорные манипуляции.

Надо ли говорить, что таких экстрасенсов (магов, колдунов, целителей, прорицателей), зарабатывающих на людских нуждах нетрадиционными методами пруд пруди. И даже и других вторых пришествий Христа среди них найти отнюдь не сложно. Среди них их предостаточно.

Многие экстрасенсы любят себя представлять мессиями, посланниками божьими. Механизм такой мысли крайне прост. Я умею делать то, что не умеют делать люди обычные, я хочу людям добра, я могу передать им учение, следование которому приблизит их к Богу, создаст им хорошую жизнь, а в итоге приведет в рай. Значит я мессия. Общеизвестный мессия — Иисус — обещал придти во второй раз, вот, значит, это я и есть.

Поскольку зачастую экстрасенсы психически люди не вполне нормальные, они могут не учитывать в своих рассуждениях некоторые очевидные факты. Например, то, что никакого связного учения у них нет, что, собственно, неизвестно куда может привести тот набор постулатов, который они предлагают как свое «учение», что их мессианство находится в вопиющем противоречии с другими учениями, в том числе и с самим

христианством (как ортодоксальным, так и не ортодоксальным).

ХРИСТИАНСТВО

Экстрасенсы, маги, оккультисты действуют обычно в наше время в рамках течения, которое иногда называют «новая эпоха» — new age. Для этого течения характерна основательная ревизия христианского вероучения, от резкого неприятия, до признания всех догматов любых конфессий.

Я считаю, что удобнее всего рассматривать христианство в его двух основных разновидностях, надо признать, довольно резко противостоящих друг другу.

ЦЕРКОВНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Первая, и основная разновидность христианства. Она основана на посланиях апостола Павла, положивших основание христианской церкви. По этому учению Христос есть второе лицо троицы, он бог, вернее одна из ипостасей бога, Бог-Сын. Ипостась эта ничем не ниже других ипостасей и вообще мало понятно, чем от них отличается. Лицам троицы приписывают разную функциональность, но нигде не говорится и даже не подразумевается, что любое лицо троицы не могло бы выполнять функции любого другого лица. Потому-то позже возникший ислам и обошелся прекрасно без троицы, предоставив выполнять все божественные функции единому богу — Аллаху.

По учению церкви бог не хотел, чтобы на земле было зло, страдания и не мог и не хотел их сотворить. Это произошло как-то само собой. Абсолютно счастливые люди, Адам и Ева, жившие в Эдеме, вдруг согрешили, лишились всех божеских милостей, были изгнаны из Эдема и сурово наказаны. И проклятие бога перешло и на всех потомков. Я не хочу сейчас анализировать эту достаточно невразумительную и малоправдоподобную историю. Я напоминаю о ней потому, что по **церковному учению** Христос, второе лицо троицы, Бог-Сын, единосущный Богу-Духу и Богу-Отцу был послан на землю, чтобы искупить этот, так называемый, первородный грех своей крестной смертью. И он его искупил. С рода человеческое проклятие божие снято. Правда, только условным образом. Во-первых, последствия первородного греха продолжают действовать, человек рождается грешником и до конца жизни им и остается, а вот после жизни он спасается. Не совсем так. Спасается при условии примерного поведения в жизни или, по крайней мере, предсмертного покаяния. Такие дела.

В конце своей жизни Иисус пообещал скоро вернуться на землю, «чтобы судить народы»[001]. Его первые последователи верили, что это произойдет еще при их жизни. Иисус пообещал это практически недвусмысленно. Поскольку этого не произошло, церковь объяснила, что вероятно Бог решил еще повременить с судом народов, осуждением неправедных и наградой праведным. Праведные, собственно, немного проигрывают, а вот неправедные, каковы почти все мы,

явно выигрывают, в чем и проявляется дополнительное милосердие божие.

По учению церкви Христос пришел, чтобы утвердить новый закон. Первый дан был Моисеем, а новый Христом. Второе же пришествие Христа должно быть не для того, чтобы дать еще какой-то закон, а для того, чтобы завершить мир и подвести итоги. Христос четко объяснил, что праведные овечки пойдут в рай, а козлища нечестивые будут брошены в геенну или во «тьму внешнюю, где скрежет зубовный». Да, красноречия ни Иисусу, ни большинству апостолов было не занимать.

В общем, современные верующие церковные христиане живут в надежде на доброту и милость Христа, т. е. Бога, который, несмотря на их прегрешения и несовершенства, да, и, учитывая, что первопричиной всего является все-таки он сам, помилует их и простит по своему безграничному милосердию и поместит их всех после смерти в рай.

Это одна, основная версия христианства. Я опустил в описаниях все частности, отстаивание которых разделяет христианскую церковь на разнообразные конфессии и делает, как правило, их лютыми врагами друг друга.

Странно, что Григорий Петрович не уточнил, к какой именно конфессии он я вился в качестве Посланника (Христос в переводе с др. греч. посланник).

ВНЕКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Основой христианского учения являются Евангелия. В Евангелиях описана земная жизнь Иисуса Христа, его проповеди и крестная смерть. Любой человек может прочесть Евангелия, уяснить смысл учения и начать его выполнять в меру своего понимания и желания (благо, в отличие от богословского словоблудия в них написано все довольно понятно). В Евангелиях не утверждается, что верующий в Бога человек, человек, выполняющий учение Христа, не может спастись без церкви[002]. Вот, церковь на этом настаивает категорически. Простой человек должен обращаться к Богу только через посредника. Посредником является церковь, а в ней помазанный миром священник.

Причем, что забавно, прихожанин, скажем, лютеранской церкви твердо убежден, что прихожанин церкви католической обречен на осуждение. Или, если быть точнее, каждая церковь утверждает недейственность другой церкви в области спасения, если конечно, эти церкви не договорятся о поддержке друг друга. Тысячу лет действовала взаимная анафема православной и католической церквей. И приверженцы этих церквей тысячу лет были друг для друга проклятыми еретиками, обреченными геенне. Но сейчас церкви помирились, и хотя и шипят друг на друга время от времени, но взаимно друг друга признают.

Когда Христа спросили фарисеи, какая высшая заповедь в законе, Христос ответил, что это любовь к Богу, а вторая, близкая ей, любовь к ближнему, как к самому себе. «Высших сих заповедей нет». Именно поэтому Христа неконфессиональные христиане называют иногда апостолом любви. И уже это

определение свидетельствует о том, что они ему отказывают в божественности, а признают только его пророческую и учительскую миссию. Вообще-то это весьма существенно для понимания учения, Христос — Бог, или Христос — Учитель.

Люди мало сведущие в религии иногда считают, что это и вообще несущественный вопрос: бог Христос или не бог. Он научил правильному, праведному поведению, следуй его учению, а Бог разберется в твоей душе, что в ней было хорошо, а что плохо. Эта точка зрения в целом разделяется и представителями «новой эпохи».

NEW AGE

Формализированное, задогматизированное, забюрократизированное церковное христианство постепенно теряло свое влияние на умы людей. Опозоренное гонениями на инакомыслящих, кострами инквизиции, обскурантизмом и мракобесием своих высших (да, и иных) чиновников, оно сохранило свое безусловное влияние только на некоторую часть людей. В основном это обыватели, далекие от религии, или люди, ищущие успокоения душе в русле традиций, а потому удовлетворяющиеся верованиями традиционными, на их взгляд имеющими именно в этом очевидное преимущество.

Материализм, атеизм, нигилизм, позитивизм, материалистическая наука не дают ответов на важнейшие запросы души, не отвечают на мировоззренческие, вечные вопросы. Этими учениями удовлетворяются люди или еще очень молодые, или люди с мощным, но

узконаправленным интеллектом, или прирожденные филистеры. Большинству людей от этих учений, как претендентов на идеологию, может быть только тошно. Воззрения эти при последовательном их проведении, собственно, должны проповедовать самоубийство после того, как человек потеряет способность получать тот максимум удовольствий и удовлетворения, к которому он привык. И такой конец для адептов этих учений довольно обычен.

На фоне этих двух крайностей, безусловной веры и отсутствия веры, и возникает в конце 19 века new age.

Мне привычнее назвать это течение современным западным оккультизмом. Коротко — оккультизм.

Вот, его основные постулаты.

Оккультизм признает в той или иной форме метемпсихоз. То есть, переселение душ. Каждая душа появляется на свет не в первый раз и не в последний. Она живет очень долго, может быть, вечно. Конкретные обстоятельства жизни определяются кармой, т. е. прегрешениями и заслугами, приобретенными человеком в прошлых жизнях. Все догмы относительны, потому что создаются людьми или, по крайней мере, существами одного с ними порядка.

Оккультизм глубоко мистичен. Он признает магию, т. е. способность влиять на мир и свою или чужие жизни при помощи индивидуальных волевых усилий. Большинство оккультистов верят в Бога или, по крайней мере, в некие Высшие силы, которые руководят всеми процессами в бытии. По их представлениям мир представляет собой перманентную схватку добра со злом.

Причем разобраться, где зло, а где добро зачастую бывает невозможно.

Теоретическим предтечей оккультизма считается Гермес Триждывеличайший. Он провозгласил великий принцип оккультизма: то, что вверху, подобно тому, что внизу. В качестве более близких предшественников современного оккультизма можно назвать манихеев, гностиков, неоплатоников, каббалистов, друидов, — все направления несвязанные твердым догматизмом, а допускающие возможность индивидуального поиска и развития.

Я, разумеется, даю некое усредненное и упрощенное описание. В русле него могут быть самые разные модификации оккультных представлений. Скажем, есть маги, не признающие реинкарнации и верящие в то, что они живут первый и последний раз. Есть представления эпикурейские, отрицающие вмешательство богов в человеческую жизнь и тому подобное. Но вообще-то оккультизм держится на бескорыстном экспериментаторстве многочисленных подвижников. Некоторые маги, экстрасенсы демонстрируют поразительные феномены, долженствующие показать истинность породивших их основ. Некоторые маги знают загробный, потусторонний мир так же хорошо, как и этот, и чувствуют себя в нем как дома. Так, что о том, что «оттуда ни один не возвращался», говорят только люди несведущие. Возвращаются только так.

В церкви тоже есть элементы магии, но ее исток перекладывается исключительно на Бога. Самый знаменитый магический феномен в православной церкви

(если не считать появления мира) есть самопроизвольное возгорание факела в ночь на пасху в иерусалимском храме. Впрочем, любой фокусник может произвести такой феномен без особых затруднений. К магическим действиям можно отнести и обряд крещения, и таинство евхаристии, и моление за здравие и упокой.

В оккультизме отношение к Христу очень неоднозначно. Поскольку оккультизм имеет явные восточные корни, часто и Христу приписываются свойства и особенности характерные для восточных учителей. Говорят, что в тибетских монастырях есть документы, свидетельствующие о том, что Иисус проходил в них теоретическое и практическое обучение. И действительно, его деяния в древнем Израиле во многом можно объяснить именно полученным там специфическим образованием. Да, и само учение Христа вполне можно интерпретировать как модифицированный, приспособленный к израильскому менталитету, а шире, к менталитету Греко-римского мира, буддизм махаяны.

В крайних, языческих формах оккультизма встречается отрицательное отношение к Христу и крайне отрицательное отношение к христианству. Язычество с его жизнерадостностью, мужеством и стойкостью перед жизненными невзгодами презирает унылый пессимизм христианских проповедей. «Ты победил Назареянин, мир посерел от твоего дыхания», — сказал под явно языческим влиянием поэт Суинберн.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ОККУЛЬТИЗМА

Официально церковь признает оккультизм формой антихристианства и категорически его осуждает. Не спасает оккультизм ни обычная в нем проповедь добра, ни проповедь мудрости, не спасают и похвалы, иногда возносимые церкви, и использование церковных молитв, обрядов и догматов в оккультных целях. Для церкви весь оккультизм непростительная бесовщина, происки князя Мира Сего, сатанизм, путь погибели души.

Надо признать, что церковь никого никогда не осуждает безусловно. В церкви есть догмат о безграничном милосердии божьем, а значит любой, сколь угодно страшный грешник, имеет надежду на прощение и спасение.

В этом отношении оккультизм тоже достаточно внятен. Строго говоря, в оккультизме нет понятия греха. Есть понятие ошибочных действий, за которые придется расплачиваться в этой или следующей жизнях согласно наработанной карме. Церковь не признает метемпсихоза, в 530 году учение о перевоплощении души было официально осуждено и тем самым запрещено Вселенским собором. Но до этого его придерживались видимо многие, и даже такой выдающийся деятель церкви как Ориген. Учение Оригена, вообще, во многом родственно современному оккультизму.

Никогда, ни одна конфессия не признает самопровозглашенного мессию Г. П. Грабового. Для них он человек, одержимый гордыней и бесом. Это может подтвердить любой священник. Я бы очень удивился,

если бы увидел, как выходит Патриарх Всея Руси и представляет Грабового, вот, второе пришествие Иисуса Христа, прошу любить и жаловать. И ничуть бы не удивился каким-нибудь бы произнесенным в его адрес анафемам. Конечно, Грабовой может сказать: «Да, плевал я на Ваши анафемы, мое дело провозглашать учение и помогать людям». Хорошо. Но зачем тогда пользоваться терминологией тех, кто тебя никогда не признает? Любой обычный человек, не христианин, может сказать: «Что такое второе пришествие Христа и для чего оно нужно?»

МИССИЯ ГРАБОВОГО

Безусловно, Грабовой дитя современного оккультизма. Представитель его специфической разновидности, заигрывающей с научными представлениями и использующей наукообразную терминологию.

Грабовой прежде всего экстрасенс. Он обладает ясновидением и способностями экстрасенсорного воздействия на действительность, от целительства до управления поведением неодушевленных предметов. (Напомню, церковь таких осуждает.)

Знаменитый кудесник Ури Геллер может гнуть ложки и другие предметы усилием мысли. Остановил своим желанием Биг Бен, часы на Тауэре, которые до этого вообще никогда не останавливались, во всяком случае, ближайшую сотню-другую лет. Другой экстрасенс Алан Чумак влияет на живые организмы, лечит. Ури Геллер утверждает, что тоже к этому способен, но не хочет этого делать по своим внутренним

соображениям. Правда, он перед камерой заставил-таки как-то прорасти во мгновение ока конопляное семечко. Это все экстрасенсорные феномены. И сильных экстрасенсов существует довольно много.

В принципе, их возможности довольно хорошо засвидетельствованы и сомневаются в их наличии, и честности самих экстрасенсов в основном только профессиональные скептики и невежды.

В своих книгах Грабовой мало высказывался по религиозным вопросам. В них вообще мало конкретных объяснений. Одна из самых знаменитых книг Г. П. Грабового повествует о его способности воскрешать мертвых[003]. В этой книге Грабовой приводит несколько примеров таких воскрешений и нотариально заверенные заявления разнообразных людей, свидетельствующих разнообразные феномены, Грабовым произведенные. Несмотря на предельную лаконичность описаний и пояснений, можно сделать из них вполне определенный вывод о том, что Грабовой — оккультист. Он признает метемпсихоз, он признает существование потустороннего мира, населенного духовными сущностями, чем бы они ни были (заходит в этот мир, по его словам, запросто), он признает Бога, создателя этого мира. В конце концов, Грабовой признает магию, потому что большинство его действий, иначе как магические, определить невозможно.

И, вот, Г. П. Грабовой заявил, что он не просто экстрасенс великой мощи, но еще и второе пришествие Иисуса Христа. Я даже не помню никаких упоминаний Христа Грабовым в его произведениях, что же он под ним понимает, что для него Христос и зачем он сделал

это странное заявление? Можно попробовать разобраться.

Вот, его заявление.

Я, Грабовой Григорий Петрович, родившийся 14 ноября 1963 года в поселке Кировском, село Богара, Кировского района Чимкентской области Казахстана, заявляю, что я, Григорий Грабовой, — второе пришествие Иисуса Христа!

Данное заявление я делаю на основании Слова Божия и Словом Божием, и на основании того, что я лично в этом был уверен всегда, то есть, я это знал изначально от рождения. И в связи с этим данное заявление для меня достаточно в этом плане простое, как заявление, располагающее людей к действию по спасению, ко всеобщему действию спасения, когда люди, зная данное заявление, что я есть второе пришествие Господа Бога Иисуса Христа, могут спастись, изучая те знания, которые я даю, знания моего Учения, и при этом могут передать данную благую весть всем и сразу!

«Данное заявление я делаю на основании Слова Божия и Словом Божием».

Да, в Слове Божием (имеется в виду Евангелия и Библия) говорится о Мессии и о втором пришествии Иисуса Христа. Но там ничего нет про Грабового. Более того, там говорится о втором пришествии много такого, чему заявление Г. П. Грабового вовсе не соответствует. В частности, там есть место, где Иисус говорит, что многие придут лжехристы и многие явят чудеса и будут про них

говорить, что, вот, это Христос и он там или там, но этому верить не надо, потому что это соблазн от бесов. Когда действительно во второй раз придет Иисус Христос, то его явление будет так же всем очевидно, как очевидна молния, когда она сверкает в степи и видна от горизонта до горизонта. Мне кажется, что Грабовой Евангелие просто не читал. Иначе он поостерегся бы делать такие опрометчивые заявления. Публикация в Интернете низкокачественной видеозаписи на полминуты никак не тянет на молнию, сверкнувшую от горизонта до горизонта, да, еще так, чтобы ее увидели абсолютно все люди.

Далее говорится, что, собственно, эти слова Грабового и есть слово божие. Ведь он делает это заявление «Словом Божием» и говорит при этом сам. Значит, его устами говорит Бог. Как по другому можно понять его слова? Никак.

«я лично в этом был уверен всегда»

Если я не верю Грабовому (а с какой стати мне ему верить?), то его личное мнение есть для меня только мнение некоего частного лица. Достаточно одиозное, надо признать.

«зная данное заявление, что я есть второе пришествие Господа Бога Иисуса Христа, могут спастись, изучая те знания, которые я даю, знания моего Учения, и при этом могут передать данную благую весть всем и сразу»

Из этих слов видно, что Грабовой упорно пытается стать на церковную позицию. Это именно церковь настаивает на том, что Христос есть Сам Господь Бог, второе лицо троицы. В Евангелиях об этом или ничего нет, или почти ничего нет. Евангельский Иисус запрещал ученикам даже называть его мессией. Ну, да это богословский вопрос, который нас сейчас не занимает. Гораздо важнее заявление о том, что, зная это заявление, можно спастись. Честно говоря, я из работ и лекций Грабового так толком и не понял, что он понимает под словом спастись. В основном имелось в виду, что Грабовой может научить любого действовать так, что у него всё всегда будет получаться так, как он захочет, а так же научить тому, как можно воскрешать тех, кто умер. В поучениях и описаниях этих как бы подразумевалось, что если кто-то и не научится, то тогда это сделает за него сам Грабовой. Еще можно было понять, что Грабовой видит цель и задачу своей жизни изменить бытие таким образом, чтобы из него исчезло все дисгармоничное и деструктивное. Ведь зло это то, что воспринимается людьми как нежелательное, а значит, если абсолютно все в мире станет желательным, то зла не станет. А как это можно сделать иначе, нежели сделав людей безоблачно счастливыми и бессмертными.

Хотя тогда, когда я это читал, я не знал еще о мессианских претензиях Грабового, мне не раз приходило в голову, что так широко не замахивался даже сам Иисус. Я еще шутил тогда, говоря с друзьями о Грабовом, как бы он плечо себе не вывихнул.

И, вот. Перед нами сам господь бог, говорящий в соответствии со словом божиим и самим словом божиим,

говорящий такие вещи, которые любого смогут сделать спасенным, т. е. безоблачно счастливым и бессмертным.

Хочу подчеркнуть, что в оккультизме бессмертие понимается как бессмертие души. В соответствии с Бхагавадгитой тело понимается как одежда, в которую одета душа, одежда изнашивается, и ее меняют. Часто оккультисты стремятся продлить существование тела, омолодить его при помощи магии (иногда алхимии — разновидности магических манипуляций). Есть масса легенд об удаче таких попыток, случившейся у самых выдающихся оккультистов. Сен-Жермен, Калиостро, Розенкрейцер и другие.

Иисус тоже предлагал своим ученикам и последователям жизнь вечную, царство небесное, свободу. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Оккультисты видят в этих словах указание на мистический аспект учения Христа, познав который, человек освобождается от пут материальной зависимости, от власти над ним относительного смертного мира. Церковь понимает под Истиной самого Иисуса и трактует эти слова так, что познайте то, что Иисус вас всех спас, и вы теперь все свободно можете войти в царство небесное после смерти (при некоторых условиях, о которых я говорил выше).

Григорий Грабовой, мне кажется, никогда не говорил, что Царство Его, в которое он зовет не от мира сего. Нет, оно вполне от мира сего. В этом земном мире Грабовой может научить всех как жить вечно и не страдать. Как переустроить бытие вселенной так, чтобы все в ней не погибало, не разрушалось, не умирало, а жило вечно, будучи прекрасным и молодым (ну, или в

рассвете лет и сил). Недавно Грабовой сделал заявление, из которого можно понять, что он собирается стать очередным президентом России. Ну, это без комментариев. Хотя один сделаю. Вряд ли Русская Православная Церковь допустит, чтобы президентом России стал сатанист. А для церкви Грабовой — сатанист.

Я хочу взглянуть на феномен Грабового непредвзято и объективно.

Есть некто Грабовой, полноватый, сумрачный, не очень обаятельный человек лет сорока. Этот человек много лет известен как успешный экстрасенс.

Ходили слухи, что он был личным экстрасенсом Ельцина.

Он работал в авиации, где предотвращал катастрофы при помощи ясновидения и телекинеза.

Не так уж давно Грабовой обосновался в Москве, где занимался экстрасенсорной практикой, давая объявления в соответствующих газетах оккультного направления. Услуги свои Грабовой оценивал недешево. Обычный прием лет пять назад стоил у него 450 долларов, сейчас цена выросла. Правда, иногда он принимал страждущих или просто желающих и бесплатно.

Грабовой провел несколько успешных PR-акций.

Он объявил о своих способностях воскрешать людей, он написал книгу, претендующую излечивать от всех болезней при помощи концентраций на числах. В этой книге перечислены все существующие болезни и к каждой приложены два числа, одно семизначное, другое

девятизначное. Числа эти определил Грабовой при помощи ясновидения и по внушению, видимо, Создателя. Концентрация на этих числах излечит соответствующую болезнь.

Грабовой пообещал любому, кто будет с десяти до одиннадцати вечера, хотя бы несколько минут, концентрироваться на нем, произнося его имя, выполнить загаданное им желание.

Грабовой объявил о создании государства Григория, с собой в качестве бессменного президента. Вот сообщение об этом, опубликованное на сайте Грабового.

«Грабовым Григорием Петровичем создано государство Григория с целью всеобщего спасения и вечного созидательного гармоничного развития по технологиям Учения Григория Грабового.

Важнейшей задачей государства Григория по Учению Григория Грабового является предотвращение возможной глобальной мировой катастрофы».

И последним актом (по моему мнению, очень глупым актом) было заявление Грабового о том, что он является вторым пришествием Иисуса Христа. Видеозапись сделана достаточно непрофессионально, в конце изображение дергается и слышны щелчки.

Я лично не верю в идею мессианства. Я не верю, что некий бог пошлет, кого бы то ни было на землю что-то тут проповедовать или менять. Думаю, что если Богу понадобится произвести какие-то изменения в

мироустройстве вселенной и людей, то он обойдется и без этих театральных эффектов.

Меня всегда поражала тупость людей, восхищающихся крестными муками Иисуса. Как же на кресте мучался Сам Бог! Да, если он Бог, то для него повисеть несколько часов на кресте не более затруднительно, чем студенту столько же времени просидеть в пивном баре за кружкой пива. Если же Иисус страдал, как и всякий человек, то, что в этом страдании исключительного? Ревностные христиане, инквизиторы, подвергали свои жертвы куда более изощренным пыткам и казням, чем римляне подвергли Христа, и еще при этом считали себя добрыми христианами. Я понимаю тех, кто восхищается мужеством Христа, пошедшего на смерть сознательно, чтобы доказать истинность учения. Я понимаю их, но не Христа, поступок которого ничего не принес человечеству такого, чего у него не было бы и до тех пор, включая как хорошее, так и плохое.

Если Грабовой искренен, то поведение его странно. Ну, да каждый сходит с ума по-своему. В принципе я не против. Хочет человек спасти человечество, считает себя Господом Богом Иисусом Христом, флаг ему в руки.

С другой стороны, в искренности Грабового есть и очень серьезные сомнения. Грабовой обзавелся неимоверным количеством разных степеней и дипломов, свидетельствующих о его незаурядности, Грабовой читает дорогущие лекции и продает непомерно дорогие кассеты со своими выступлениями, Грабовой ведет прием желающих за плату — 10 минут стоили до самого недавнего времени 38 тысяч рублей. Все это говорит о его меркантильности, мало совместимой со статусом

Сына Божия. Иисус исторический говорил, что и птица, и зверь имеют, где преклонить голову, только Сын Человеческий (так он себя на самом деле называл) не имеет места, где ее преклонить. Иисус жил жизнью праведника и не участвовал в зле мира (Иисус, рвущийся в президенты. — Та еще картинка.). За это его и распяли. Грабовой объявил о своих политических амбициях.

Образ, созданный Грабовым за годы его деятельности и крестные муки плохо увязываются друг с другом. Скорее в Грабовом можно увидеть преуспевающего деятеля new age, не гнушающегося никакими средствами, чтобы обеспечить себе растущую популярность и соответствующие доходы.

Мне кажется, что Грабовой действительно обладает значительными экстрасенсорными способностями, абсолютизирует их (как это вообще свойственно магам средней руки) и собирается за счет их эксплуатации занять какое-то особое место в политической и духовной жизни современного мира. Вся его деятельность активно свидетельствует именно об этом. Не думаю, что он добьется какого-то выдающегося успеха. Грабовой не станет современным Мухаммедом, и слава богу. Я имею в виду именно мирское поприще, в способность же Грабового добиться какого-то **«всеобщего спасения и вечного созидательного гармоничного развития»** я вообще поверить не способен и, честно говоря, вообще не понимаю что это такое и как всё это Грабовой собирается нам предоставить.

---

[001] Вот какой примечательный текст я обнаружил на сайте Г. П. Грабового. Текст был опубликован 26 июня 2003 года.

СТРАШНЫЙ СУД И РАДОСТЬ ПРАВЕДНИКОВ

По мере того как дни, годы и века сменяют друг друга, мы приближаемся к концу света, Второму Пришествию Господа и дню Всемирного Суда. Этот день не открыт людям, поскольку, — объясняет нам Василий Великий, — "неполезно было людям слышать о сем, ибо всегдашнее ожидание делает их более ревностными в благочестии, а знание, что до суда еще далеко, сделало бы людей более нерадивыми в надежде, что можно спастись, покаявшись в последствии". Однако Господь открыл нам определенные знамения, которые будут предварять Его Второе Пришествие и предупредят верующих об этом великом событии. Это — проповедь Евангелия по всей земле в течение долгого периода времени. После этого периода появится Антихрист и с невиданным бешенством и яростью ополчится на Церковь и ее верных чад, но Христос, Который явится тогда как победоносный и чтобы победить (Апок. 6;2), полностью уничтожит его. Тогда последует, как молния, мгновенно озаряющая пределы мира, великий и славный день Второго Пришествия Господня, в который Господь, грядущий на облаках небесных (Мф. 24; 30), будет судить живых и мертвых, ибо тогда произойдет воскресение всех без исключения умерших. Воскресение мертвых является важным условием полноты и совершенства Божьего суда. Отцы и учители Церкви единогласны в мнении о том, что суд будет полным и совершенным, только если перед ним предстанет весь человек, а если цельный человек состоит из души и тела, то их он и должен явить перед судом. До Страшного суда над душой, отделенной от тела, совершается Богом частный суд. После частного суда определяется место пребывания души до всеобщего Воскресения мертвых. Человеколюбивый Бог предупредил людей о Суде над миром еще во времена пророков. Когда же Богочеловек пришел на землю, то это предупреждение прозвучало еще определенней. Потом учение о Страшном суде было проповедано Апостолами и всеми святыми отцами. Церковь включила его в Символ веры: "и паки грядущего со славою судити живым и мертвым". Господь нам открыл, что когда Он придет во славе Своей, сопровождаемый святыми Ангелами Своими, и сядет на престоле славы Своей, то соберутся перед Ним все народы (Мф. 25; 31-32). Тогда "откроется все небо", откроются настежь врата "небесных сфер", и сойдет Единородный Сын Божий, в окружении "тысяч и мириадов Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов и прочих сил". Это пришествие будет полно великого ужаса и произведет такое потрясающее впечатление, что и сами Бесплотные Силы придут в изумление, увидев то, чего дотоле не видели, как сказано: Силы Небесные поколеблются (Мф. 24; 29). Святитель Григорий Богослов в слове "На Святое Крещение" говорит, что Господь в Своем славном явлении больше не будет плотью, но не будет и

бесплотным. Он придет таким образом, как лишь сам Он знает, в боговидном теле, так, чтобы Его видели и те, кто распял Его и проткнул на кресте. Преподобный Симеон Новый Богослов так пишет об этом: Страшный День Господень "называется так не потому, что это самый последний день из этих дней, но потому, что Владыка и Бог всяческих, Господь наш Иисус Христос, тогда просияет сиянием Его Божества, и солнце померкнет от сияния Господа и совершенно не будет видимо, и звезды погаснут, и все видимое сложится как книга, то есть отступит, чтобы дать место своему Творцу, и будет один Он — вместе и день и Бог; и Он, сегодня невидимый для всех и пребывающий в свете неприступном, тогда явится всем таким, Какой Он есть во славе Своей, и исполнит все своим собственным светом, и для святых Его наступит день невечерний, нескончаемый, полный всяческой радости".

Второму Пришествию будет предшествовать знамение Сына Человеческого (Мф.24; 30), то есть Крест, "несомый святыми Ангелами и сверкающий, как молния". Перед этим знамением придет "Михаил Архангел, трубя и пробуждая усопших от Адама до скончания века". Это, конечно, не значит, что воскрешение мертвых есть дело ангельских сил; воскрешение мертвых — это дело силы Слова Божия.

Когда умолкнет последняя сверхъестественная труба, то все, кто будет жив тогда, изменятся так же, как изменятся и мертвые, которые воскреснут. Тело же изменится потому, что "плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия" (1 Кор, 15; 50). Но прежде мертвые воскреснут нетленными (1 Кор. 15; 52), потом сделаются нетленными и те, кто будет тогда жив.

К праведникам в День Судный Судия обратится с благосклонным и светлым взором и скажет ласковым голосом: "Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира". (Мф. 25; 34). Все эти святые, как некое всемирное воинство, совершают через века свой путь на небо, чтобы унаследовать нескончаемую жизнь.

Райское блаженство несравнимо ни с какой святой радостью настоящего мира. Ибо все радости земной нашей жизни омрачаются страхом, страданием и грехом. И пока носим плоть, мы находимся в опасности. Но там мы навсегда освободимся от всего этого. Там нам не будет грозить опасность встретить гнев Судии. Именно эта радость вечного освобождения и обретения всежеланного рая исполнит нашу душу невыразимым весельем, которое в настоящей жизни мы не можем себе представить. Апостол Павел говорит: "не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2; 9).

В 21 и 22 главах Апокалипсиса апостол Иоанн описывает вечный город праведников Новый Иерусалим, как невесту, приготовившуюся к браку, как место, где Бог вечно обитает вместе с людьми, живущими в божественном блаженстве в обителях многих. Небесный Град нерукотворен, он всегда полон света и прекрасен, надежно защищен навек и предоставляет

счастливейшее существование своим обитателям. Его жители пьют от "воды жизни", питаются от плода "древа жизни"; и всегда видят лик Агнца Христа. Там нет храма, потому что весь этот город есть обиталище Вседержителя Бога и Агнца. В "граде будущем" (Евр. 13; 14), в граде "Бога живого", в торжествующем соборе и "церкви первенцев, написанных на небесах" (Евр. 12; 22-23), в наследстве нетленном, чистом, неувядаемом, хранящемся на небесах для верных (1 Пет. 1; 4), Господь будет пить вместе с нами "новое вино" (Мф. 26; 29) на великой вечере спасенных. Там Господь "препояшется и посадит" праведных, и, "подходя, станет служить им" (Лк. 12; 37).

"Великая слава ожидает праведников, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — такая, какой невозможно изобразить словом. Какая это будет слава, ясно мы узнать ниоткуда не можем, но, чтобы получить хоть какое-нибудь малое понятие о тех благах, постараемся пояснить сказанное примером. Если бы кто-нибудь состарившегося, живущего в бедности, обещал вдруг сделать молодым и привести в самый цветущий возраст, сделать и весьма здоровым, и прекрасным больше всех, и даровать ему царствование над всею землей на тысячи лет, царствование, сопровождающееся глубочайшим миром, чего бы кто не решился за это сделать и претерпеть? Но вот Христос обещает не это, а гораздо большее этого. Ибо не такова разница между старостью и юностью, какова между тлением и нетлением; не такова между царствованием и бедностью, какова между славою настоящей и будущей. А в отношении продолжительности невозможно и умом представить их различия. Ибо с чем настоящим можно сравнить жизнь, не имеющую конца? В отношении же множества мира, которым насладятся праведники, то разница между Небесным миром и тем, что называют миром сейчас, такова, как между миром и войной". Там, продолжает Златоуст, не увидишь "разгневанного или завистника", одержимого "непотребным желанием" или "упоенного властью", "в хоре святых будет царить полная гармония и святое единомыслие". Там будут господствовать любовь, согласие, тесное единство всех святых — обитателей Царства.

Евангелист Иоанн пишет об этом так: "...еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть" (1 Ин. 3; 2). Святой Симеон Новый Богослов, размышляя о "пребеспредельном преизобилии преизбыточествующей славы" прославленных святых в Будущем Веке, замечает: "Христос будет видим всеми и Сам будет видеть бесчисленные мириады и пристально озирать всех, так что каждому будет казаться, что Он смотрит именно на него и что он услаждается Его беседой. Более того, каждый будет объят Его любовью, так что никто не будет огорчен тем, что Христос пренебрег им или не заметил его. Сам Христос будет и венцом, венчающим головы всех святых. И не

меняясь, не становясь иным, чем он есть, Он явится инаковым каждому человеку, будет уделять Себя каждому, как подобает и как он этого достоин".

002 В двух словах евангельское учение заключается в том, что надо плюнуть на все радости жизни, ничего не делать, чего не хочется, жить как птицы небесные, во всем положиться на Бога, всех любить, никого не осуждать, любить врагов, никому не делать зла и даже не сопротивляться, если тебя будут убивать ("не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить", "не противься злому").

003 Грабовой Григорий Петрович "Воскрешение людей и вечная жизнь отныне наша реальность!"

АПОЛОГИЯ ГРАБОВОГО

Недавно я включил телевизор и увидел громадный зал, наполненный людьми. Это было ток-шоу. В кресле сидел Григорий Грабовой со скромным, но невозмутимым видом. Большая часть присутствующих и ведущий были настроены резко против Грабового. Они не давали ему закончить ни одной фразы, они бросали в лицо ему оскорбления, обвинения, требовали его психиатрической и правовой экспертизы. Ведущий даже сказал, что, если бы не боялся потерять работу, то дал бы Грабовому в морду (ну, может, он сказал в лицо, политкорректность есть политкорректность).

В зале присутствовали и сторонники Грабового. Им тоже не давали говорить. Обычно им задавали какой-нибудь вопрос, но высказаться не давали, а, дождавшись какой-нибудь щекотливой фразы, начинали эту фразу всячески муссировать.

Как я понял, весь сыр-бор загорелся после того, как Г. П. Грабовой пообещал воскресить детей, погибших в Беслане. Ну, а потом выяснилось, что он еще и считает себя вторым пришествием И. Христа, берет деньги (и не малые) за свои воскрешения, а на самом деле никого не воскресил. Кстати, это все правда, кроме последнего утверждения.

В зале находился человек, который заявил, что девять лет назад он умер, а через сутки воскрес. Этого человека пригласил Грабовой, чтобы не быть голословным. По человеку этому было видно, что это человек серьезный и основательный. Он жил на Украине, где в г. Хмельницке был начальником отдела милиции. Мертвым он был чуть менее суток. Все медицинские документы у него есть. Воскрешение свое он считает делом Бога, но не отрицает, что существенную роль в его воскрешении сыграл Грабовой.

Ради полноты картины добавлю, что в зале была женщина, которая категорически утверждала, что ее муж был

воскрешен, она его видела, с ним общается, он вполне нормален и т. п., но договорить ей не дали.

Глядя на всю эту вакханалию, я подумал о всегда поражавшей меня странности, если не сказать глупости, людей, населяющих эту планету и, в сущности, так не надолго на ней время от времени появляющихся.

Вот, представьте. Некий человек утверждает, что он такой же удивительный человек, мессия, как Иисус Христос, который уже появлялся якобы 2000 лет назад, творил чудеса, воскрешал людей, вообще был очень хорошим и добрым человеком. Человек этот несправедливо пострадал. Его казнили по приговору суда. Потом, правда, выяснилось, что это была чудовищная несправедливость, но было поздно.

И вот, сидит человек, который утверждает, что он такой же человек. Ясное дело, что верится в это с трудом, вообще не верится. Но выслушать-то его можно? Можно выслушать мессию и расспросить человека, который утверждает, что он воскрес, благодаря мессии? Да, это первое, что должны были сделать люди, соприкоснувшиеся с таким чудом.

Я думаю, что в этом зале должна была бы стоять гробовая тишина. И говорить должен были бы только Грабовой и этот воскрешенный человек. Надо было выбрать президиум, создать регламент. Дать определенное время для речей обоих фигурантов. Потом объявить прения с тем, чтобы председательствующий мог останавливать ораторов зарвавшихся или говорящих не по делу. Вот, такое бы шоу я понял. Иначе, зачем вообще было городить огород?

Я еще могу понять Грабового. Любой скандал ему только на пользу. К тому же он знать не знал, что будет твориться в зале. Но остальные, зачем они пришли, зачем кричали? Мне даже стало вериться в то, что Грабовой и действительно мессия, которого в конечном итоге сейчас распнут, а потом начнут поклоняться памяти о нем.

Вообще-то объяснение происходивших событий очень простое. Действительно, собравшиеся в зале люди вели себя крайне глупо. И вели они себя так не потому, что от природы клинические дураки, а потому, что они отрабатывали тот стереотип поведения, которому положено, по их мнению, следовать в такой ситуации. Особенно это было забавно наблюдать на ведущем. Фраза про удар по лицу была задумана заранее, скорее всего, написана режиссером. Конкретное течение передачи вышло такое, что она стала уже как бы и не совсем к месту, но, делать нечего, ведущему пришлось ее озвучить, и я даже заметил, как он сделал весьма специфическое усилие над собой, чтобы поверить в то, что говорит, потому что иначе фраза прозвучала совсем, уж, фальшиво. Ну, что ж? Профессионал, он и есть профессионал.

Ритуал этот соблюдал и Грабовой (ему-то, правда, он на руку) и его приспешники, потому что на самом деле, им следовало не оправдываться и пытаться перекричать безумцев вроде Горного (Горный объявил (на самом деле, вопил как сумасшедший), что женщина, сообщившая о наличии у нее воскресшего мужа, работала у него секретарем и вообще актриса, а в первом ряду среди публики сидит человек, написавший все книги Грабового, те все отрицали), а мирно удалиться с тем, чтобы продолжать самоотверженно делать то дело, к которому их призвал Бог.

ФЕНОМЕН ГРАБОВОГО

Все те люди, что сейчас так усиленно поносят Грабового, требуют отдать его под суд или, по крайней мере, начать уголовное преследование, упрекают его в мошенничестве и аморализме, не понимают, не поймут и не смогут понять того, что уличить его, собственно, ни в чем невозможно. Я, конечно, не зарекаюсь, но мне представляется, что на настоящий момент Грабовой настолько уверен в себе именно потому, что знает, ничего стоящего ему предъявить невозможно.

Деньги получает не он, а некто в его окружении. Документы, скорее всего, оформляются так, что в суд их представить будет невозможно и формально Грабовой в получении этих денег будет чист. Сам же факт получения денег мессией не так уж и криминален. Ученики Иисуса рвали колосья и ели зерна. Они не интересовались проблемами собственности на колосья, а ведь они точно кому-то принадлежали. Иисус сказал, что Сын Человеческий есть Господин и субботы, что уж говорить о колосьях? Известно, что Иуда Искариот ходил с ящиком для сбора милостыни. То есть, для Иисуса не было проблемы собственности как таковой. Если, кто-либо давал ему деньги, он их брал и все. «Кесарю кесарево». «Трудящийся достоин пропитания». Постулат этот последний можно рассматривать как угодно широко. Грабовой трудится. Он создает новое общество, разрабатывает технологию преобразования жизни каждым желающим, воскрешает, читает лекции, дает разъяснения. По его собственным словам он постоянно влияет на тонкие планы, окружающие землю, чтобы уменьшить возможность возникновения на ней негативных, деструктивных событий. На упоминавшемся мною ток-шоу Грабовой сделал заявление, которое я за шумом успел все-таки расслышать. Грабовой сказал, что милиция Беслана не смогла предотвратить теракт, она не может и сейчас гарантировать того, что он не повторится, а Грабовой дает такую гарантию. Ну, конечно, ясно, что бомба в одну и ту же воронку не попадает, но ведь и опровергнуть Грабового невозможно. Теракт произошел, а теперь, благодаря Грабовому, он никогда больше не повторится.

Теперь, что касается аморальности.

Грабовой действует в русле очень специфической научно-мистической парадигмы. Здесь он далеко не одинок. Парадигма эта достаточно хорошо известна в нашем обществе, и силу ее не следует преуменьшать и недооценивать. Парадигма эта

утверждает приоритет духовного над материальным при том непременном условии, что материальное не игнорируется, а одухотворяется.

Вернусь немного в прошлое.

Христианские церкви уже в девятнадцатом веке основательно растеряли свой авторитет. Растеряли своим формализмом и одиозностью до того, что, собственно, единицы интересовались христианством в его церковной интерпретации. В обиходе победил материализм. У российской интеллигенции было дурным тоном относиться к церкви положительно. На фоне этого в конце девятнадцатого, начале двадцатого века Россия пережила основательный мистический ренессанс. Собственно, этот ренессанс происходил во всем мире, но Россия в этом отношении была совсем не последней страной. Художественная интеллигенция была сплошь заражена идеями теософии и антропософии. Мережковские, Андрей Белый, Гумилев, Всеволод Иванов, были антропософы и теософы. Такие люди как Бердяев, Розанов, Шестов, братья Соловьевы тяготели к христианству, иудаизму, но, надо признать, трактовали его зачастую крайне нетрадиционно.

В начале двадцатого века выдающиеся, да, и не очень, люди века девятнадцатого были убеждены, что человечество, наконец, выходит из эры дикости. Войны прекратятся, науки преобразуют общество, будут сделаны такие научные открытия, которые дадут возможность людям быть счастливыми, здоровыми и душевно гармоничными. На этом фоне немаловажную роль играл и обновленный оккультизм. В отличие от учения церковного он уповал на собственные силы человека и не призывал верить ни во что такое, чтобы не укладывалось в привыкшее к рациональности мышление. В то время, как и в наше, не было недостатка в скептиках, материалистах и т. п., но мистиков было очень много. Иррационалистическая, волюнтаристская философии

процветали. Поток сознания Бергсона, Гуссерль, Хайдеггер, Ясперс, ренессанс Кьеркегора, зарождение экзистенциализма. Все это подготавливает и удобряет почву для расцвета магии, мистики и оккультизма.

Еще до двух мировых войн и других ужасающих катастроф двадцатого века ученым, мыслителям, во всяком случае, большей части их, было ясно, что один научный успех недостаточен для создания безоблачного будущего. Главное, что недостаточна сама чисто научная парадигма. Если тем, кто потупее (марксистам, гегельянцам), было достаточно представлять себе светлое будущее в виде кастрюли с курицей, стоящей на теплой благоустроенной кухне, среди процветающего индустриального общества, то для тех, кто стремился мыслить шире, да, и просто знал получше историю вопроса, это решение основных проблем жизни было недостаточно. Человеку недостаточно быть только сытым, когда человек делается сыт, одет и обеспечен сносным жильем, ему начинает хотеться большего. И не всегда это миллионы, миллиарды, бриллианты, золото, предметы роскоши и т. д. Это желания духовные: желание счастья, и счастья не только себе и своему потомству, а и всем людям, это желание не просто долгой жизни, а бессмертия, рая или, по крайней мере, невозможности ада. А этими вопросами наука не занимается. Она не занималась этим тогда, не занимается и теперь. Но в околонаучных кругах технической и гуманитарной интеллигенции эти вопросы всегда были популярны и актуальны.

Сейчас у нас происходит мистический ренессанс во многом похожий на ренессанс начала века, но на самом деле еще более массовый и в гораздо меньшей степени эзотеричный. В язык уже вошли эзотерические понятия: карма, сансара, реинкарнация, астрал, ментал, Атман и другие. Президент Украины Ющенко даже как-то обмолвился о своей карме. С его стороны это было не политкорректно, потому что по должности

ему положено поддерживать Церковь, а церковь все проявления оккультизма безусловно осуждает как сатанизм.

В России сейчас полным полно колдунов, гадалок, астрологов, по телевидению идут постоянно документальные фильмы об оккультных феноменах, в которых скептики выглядят достаточно бледно, а апологеты эзотерики ярко и убедительно. Говорят, что эти процессы идут и во всем мире.

В девятнадцатом веке Достоевский мог придумать свою притчу о Великом Инквизиторе, в двадцатом она уже невозможна. Инквизиторов, конечно, можно найти сколько угодно. Мне даже показалось, что на телевизионном шоу, проклинавшем Грабового, собрались сплошь инквизиторы прошлых времен, преобразившиеся в журналистов, психологов, прокуроров, разнообразных экспертов и исследователей человеческих способностей (Горный), внезапно вспомнившие свои прежние воплощения и поддавшиеся мгновенному приступу ностальгии о славных временах. Народ же может спокойно принять пришествие любого мессии, будь это хоть Христос, хоть Антихрист, и обществу от этого никакого вреда большего, чем оно уже получило и имеет за счет тотального неверия и филистерства, не будет.

МЕССИЯ

Грабовой действительно мессия. Он проповедует, он утешает, он совершает чудеса. По-видимому, он совсем не слабый экстрасенс. Похоже на то, что он действительно верит в то, что говорит. Я думаю, что он и воскресить может. Тем более что он постоянно подчеркивает, что воскрешение происходит не по его воле, а по воле тех, кто хочет воскрешения, но при использовании тех технологий, которые дает он.

Ну, почему надо думать, что все, что Грабовой делает или говорит, непременно ложь? В конце концов, на Земле в настоящий момент живут миллиарды людей, которые верят, что похожие чудеса делал Иисус Христос. «Так то Христос!» А кто

такой Христос? Кто такой Христос для меня, не верящего в церковные догмы, не признающего теории о крестной смерти Христа с целью искупить первородный грех. Церковь утверждает, что Бог-Отец послал Сына Своего искупить грех, совершенный Адамом и Евой некогда в раю. Я в эту историю не верю. Церковь для меня не авторитет. Я ее утверждений не понимаю и не принимаю. С таким же успехом она могла бы попытаться убедить меня, что автомобиль «Волга» лучше, чем «Фольксваген». Я знаю, что это не так, и вопрос для меня закрыт.

Так, кто для меня Иисус Христос? Я вполне могу допустить, что это был реальный проповедник, реальная личность, обладающая некими сверхординарными способностями. Перечитайте Евангелия. Чтобы там не говорил Л. Толстой, проповедь Христа вся построена не его демонстрациях разнообразных чудес. Да, иногда он говорит какие-то вещи вполне понятные и без чудес. Однако он не забывает подчеркнуть, что у его слов есть еще и дополнительное удостоверение, это его божественная сила, божественная санкция на чудеса.

Кто такой Грабовой? Это человек, проповедующий добро, гармонию, мир, процветание, бессмертие. Грабовой это проповедует и обучает при этом некой технологии, используя которую можно добиваться в этом мире максимального благоденствия. Грабовой хочет предотвратить теракты, хочет отменить смерть, хочет воскресить всех тех людей, которые не будут возражать против такого воскресения. Чтобы удостоверить свои слова, Грабовой творит чудеса. Диагностирует самолеты, излечивает больных, воскрешает мертвых. Напомню, что Христос по-гречески посланник. Это тот, кто послан Богом для того, чтобы выполнить какую-то особую миссию.

Для чего был послан Иисус? Иисус принес обновление иудейской религии. На мой взгляд, не такое, уж, и существенное. Сам Иисус и сказал, я пришел не нарушить закон

(имелся в виду закон иудеев, соблюдавшийся ими по писанию), а выполнить или призвать к его выполнению. Иисус сотворил чудеса, Иисус пообещал воскрешение всем верующим в него. Он сказал: «Верующий в меня не умрет вовек, а, если и умрет, оживет». Иисус обновил и религию Греко-римского мира. Собственное римское язычество вырождалось, и тут Иисус подоспел кстати.

Мы не знаем, как будут вырождаться религии сейчас царствующие в мире. Я имею в виду не только церковное христианство, но и по сих пор популярный в современном мире примитивный материализм. Но мы знаем, что мир наш лежит во зле, в войнах, терроризме, на земле достаточно мест, где процветают потрясающие и ужасающие дикость и нищета.

И вот, приходит мессия, Григорий Грабовой. Этот мессия говорит, я могу творить чудеса, я хочу их творить, я хочу сделать так, чтобы не было голода, войн, смерти, зла, ненависти, чтобы везде были любовь и гармония. Что он говорит такого, что не мог бы сказать Иисус Христос двадцать веков назад? Я думаю, Иисус подписался бы под любым словом Грабового.

Грабовой не Сатанист, не Ла Вей, он не призывает пестовать свой эгоизм, не призывает жить так, чтобы можно было с любовью вспомнить сколько от тебя осталось пустых бутылок и брошенных женщин, он говорит простые и ясные вещи, такие вещи, которые даже если они абсолютно невозможны, не могут вызывать никаких возражений, потому что это только то, чего хочет и в принципе не может не хотеть любой нормальный и порядочный человек. А толпа, как и двадцать столетий назад кричит, услышав его, наверное сама себе: «Распни!» И распнут, у них не заржавеет. За милую душу. Это воскресить трудно, новые идеи проповедовать и разъяснять трудно, распинать же нетрудно, а легко, приятно и почетно.

НИЦШЕ — МИСТИК-ЗАГАДКА?

Томас Манн сказал: «Ницше жил в эпоху, саму себе надоевшую своим непроходимым благополучием».

Забавное явление: мыслители, известные всему миру, обладающие уникальной мировой славой, зачастую этим же миром совершенно не поняты и на самом деле прочно забыты. Мир продолжает жить так, как будто они никогда и не существовали. Это Кьеркегор и Шопенгауэр, Сократ и Аристотель, Руссо и Вольтер, Толстой, Достоевский. Кто их по-настоящему знает кроме специалистов и редких любителей. Ницше здесь почетное место.

А ведь они писали не на потеху публике, а что бы перевернуть представления людей о мире и самих себе. Толстой пишет в одном письме: **«Когда я закончил «Царство божие внутри вас», я думал, что переверну весь мир, и ничего»**. О славе же своей и великих романах отзывался он весьма пренебрежительно: **«Эта пошлая известность, которая меня постигла, благодаря глупым и пустым побасёнкам, которыми я развлекался и развлекал людей».** Шопенгауэр написал своему издателю за 10 лет до смерти: **«Думайте обо мне, что хотите, но я говорю Вам, что мои произведения — это лучшее создание века…».** На мой взгляд, он близок к истине.

Еще потрясающий пример: Иисус. 2000 лет именем этого апостола любви творятся и глупости, и мерзости, и подлости. К простым идеям Евангелия прибавлено столько наисложнейших и наизаумнейших учений, что можно диву даться. Достаточно почитать Никейский символ, с которого начинается история церковного догматического учения.

В начале XX века слава Ницше была удивительна. А ведь как раз шел мистический ренессанс. И Ницше воспринимался именно в его ауре. Мыслитель, яростно нападавший на любые

идеи о потустороннем, запредельном, мистическом, воспринимался, тем не менее, как сверхмистик. Пожалуй, это справедливо. Сам он дал для этого достаточно поводов. Никого не могли обмануть его псевдопозитивистские или квазиматериалистические суждения.

Материалист, позитивист — это, прежде всего, узкий реалист, не видящий в жизни, в духе ничего кроме случайного и быстропроходяшего феномена, которому смешно придавать настолько большое значение, чтобы глубоко о нем философствовать. (Достаточно почитать Маркса, Энгельса, Ленина, что бы увидеть всю их поверхностность, не понимание самых элементарных вещей. Начиная «Материализм и эмпириокритицизм», Ленин с презрением цитирует Беркли, работы которого глубже всех ленинских философствований. О его глупейших суждениях о Толстом, я и не говорю.) Миска супа для рабочего выше всех философий. Ницше не таков. О, у этого человека был могучий дух и богатырский замах. Судите сами может ли написать такое «материалист». Хотя, может быть, по началу и сложно понять, о чем идет речь:

«Да, опять должен вернуться Заратустра в уединение свое: но на этот раз неохотно возвращается медведь в берлогу!

Что случилось со мной? Кто принуждает меня к этому? — О, этого требует моя гневная повелительница, это она говорила со мной; называл ли я уже вам имя ее? Вчера вечером говорила со мной Тишина моя: вот имя ужасной госпожи моей. Было это так — ибо я должен рассказать вам это, чтобы не ожесточилось сердце ваше против меня, уходящего так внезапно!

Знаком ли вам испуг засыпающего?

До самых кончиков пальцев овладевает им испуг, ибо земля уходит у него из-под ног, и начинается сон.

Такую притчу поведаю вам. Вчера, в самый безмолвный час, в час великой Тишины, земля ускользнула у меня из-под ног, и начался сон.

Стрелка передвинулась, часы моей жизни перевели дыхание — никогда еще не слышал я такой тишины вкруг себя; сердце мое сжалось.

Тогда беззвучно заговорила со мной Тишина: «Ты знаешь это, Заратустра?». И в ужасе я вскрикнул от этого немого шепота, и кровь отхлынула от лица моего: но я молчал.

И тогда во второй раз сказала она мне безгласно: «Ты знаешь это, Заратустра, но не говоришь!».

И я, наконец, ответил, словно упрямец: «Да, я знаю, но не хочу говорить!». И снова безгласно заговорила она со мной: «Ты не хочешь, Заратустра? Не правда ли? Не прячься в упрямстве своем!».

И я, плача и дрожа, как ребенок, говорил: «Ах, разве мое это слово? Кто я такой? Я жду более достойного: я не стою даже того, чтобы погибнуть ради него». И тогда она вновь сказала безгласно: «При чем тут ты? Покорности еще мало в тебе. У покорности самая жесткая шкура».

И я отвечал: «Чего уже не выносила шкура покорности моей! У подножия высоты своей живу я: как высоки вершины мои? Никто еще не сказал мне этого. Но мои долины мне хорошо известны».

И опять безмолвно заговорила Тишина: «О, Заратустра, тот, кто должен двигать горами, тот приведет в движение и долины, и низменности».

Я ответил: «Еще ни одной горы не сдвинуло слово мое, и то, что говорил я, не доходило до людей. Да, я отправился к людям, но пока не дошел до них».

И сказала мне молча Тишина: «Что можешь знать ты об этом! Роса выпадает на траву в самое безмолвное время ночи».

И я отвечал: «Они насмехались надо мной, когда нашел я путь свой и пошел по нему; поистине, дрожали тогда ноги мои.

А они злорадствовали: «Ты забыл дорогу, а теперь еще и разучился ходить!». И снова безгласно сказала Тишина: «Что тебе до насмешек! Ты тот, кто разучился повиноваться: теперь ты должен повелевать!

Разве не знаешь ты, кто людям нужнее всего? Тот, кто приказывает великое. Трудно осуществить великое: но еще труднее приказать его.

Вот что тебе непростительно: ты имеешь власть и не хочешь господствовать». И я отвечал: «Мне не достает голоса льва, чтобы повелевать».

И тогда снова, подобно беззвучному шепоту, промолвила она: «Слова, что приносят бурю. — самые тихие. Мысли, приходящие кротко, как голубь, правят миром.

О, Заратустра, ты должен быть тенью того, что грядет: так будешь ты повелевать и, повелевая, пойдешь впереди».

И я отвечал: «Мне стыдно».

И снова безгласно проговорила она: «Ты еще должен стать ребенком и не стыдиться.

Гордость юности еще есть в тебе, поздно стал ты юношей: но кто хочет стать ребенком, должен преодолеть и юность свою».

И я долго колебался и дрожал и, наконец, сказал то же, что и в самом начале: «Я не хочу».

И тогда раздался вокруг меня смех. Горе мне! Как смех этот разрывал мне внутренности и терзал сердце!

И в последний раз прозвучал безмолвный голос: «О Заратустра, созрели плоды твои, но сам ты еще не зрел для них!

И потому тебе снова необходимо уединение: ибо должен ты еще дозреть». И снова послышался смех, теперь

уже удалявшийся от меня: потом стало тихо вокруг меня, наступила как бы двойная тишина. А я лежал на земле, и пот градом лился с меня.

Теперь вы все слышали: почему должен я вернуться в уединение свое. Ничего не утаил я от вас, друзья мои.

И все это вы услышали от меня, самого скрытного из людей, —таким хочу остаться я и впредь!

О, друзья мои! И еще нечто мог бы сказать я вам; и еще что-то мог бы я дать! Почему же не даю? Разве я скуп?»

Но когда Заратустра произнес слова эти, им овладела глубокая скорбь, ибо близка была разлука с друзьями, и он зарыдал; и никто не мог утешить его. Ночью же ушел он и покинул друзей своих».

Это, безусловно, мистический текст. Вне мистического понимания судьбы, души, своего высшего предназначения, вообще ощущения мистичности процесса бытия, необходимости свершить в нем нечто, не укладывающееся в обычные человеческие действия, слова эти не имеют никакого смысла. С точки зрения материалиста, филистера это полный бред. Какая госпожа Тишина? Что он там Знает? Ясно ничего такого, о чем стоило бы говорить. Горы он хочет двигать! Приказывать людям! Ишь выискался! Болтун с манией величия, так, и только так, может оценить Ницше тот, у кого от природы отсутствует мистическое чувство. Остальные же понимают, что речь идет о чем-то очень важном. (Вот аннотация к одной из книг Ницше, изданной в наше время: **«Один из самых оригинальных мыслителей, чей духовный опыт оказал влияние на формирование взглядов и творчество Л. Шестова, Б. Шоу, Т. Манна, Г. Гессе, А. Камю, Ж. П. Сартра и многих других деятелей мировой культуры»** [Издательство СП «Интербук», 1990.].)

XIX век открыл для себя восточную философию. Беркли, Кант, Шопенгауэр перевели стрелки человеческих умствований в субъективистское, практически интимное русло. «Бог»

действительно умер как некорректная дефиниция объективистского философствования. «Вещь в себе», «воля как внутренняя и единственная сущность бытия» заменили грозного Иегову.

«Истинная философия, во всяком случае, должна быть идеалистическою. Да, она должна быть такою, если только хочет быть честною, ибо нет ничего несомненнее того факта, что никто и никогда не может вылезть из себя, чтобы непосредственно отождествиться с предметами, отличными от него».

«…философия, нового времени, благодаря трудам Беркли и Канта, додумалась до того, что весь этот мир прежде всего только мозговой феномен, что все познание его сопровождается такими многочисленными, важными и различными субъективными условиями, при которых мнимая абсолютная реальность мира исчезает и очищает место для совершенно другого мировоззрения, где этот субъективный феномен ложится в основу всего, т. е. становится в такое же отношение к миру, в каком находится вещь в себе к простому явлению».

«После того, как в течение тысячелетий ставили опыты чисто объективного философствования, в конце концов открыли, что в числе многих факторов, которые делают мир таким загадочным и полным сомнений, самый главный и самый первый это тот, что существование мира, при всей его неизмеримости и массивности, все-таки висит на одной единственной ниточке, и эта ниточка, — каждое отдельное сознание, в котором этот мир существует».

««Мир — это мое представление», — вот истина, которую, подобно аксиомам Эвклида, должен признавать, как такую, каждый, кто только ее поймет, хотя она вовсе не принадлежит к разряду тех истин, которые понимает каждый, как только их слышит».

Произвольные и догматические утверждения религии получили, почти неожиданно, мощное подкрепление, пожалуй, что и вопреки желаниям самих философов. Шопенгауэр, цитаты из которого я привел, подчеркивал свой атеизм. Кант показал, что бытие Бога недоказуемо, но считал, что в Бога следует верить по моральным причинам. Ницше придерживался прямо противоположного мнения (как и я, кстати).

Все исследователи Ницше подчеркивают его крайнюю противоречивость. Иногда на одной странице он высказывает противоположные суждения. Иногда трудно разобраться, где он говорит серьезно, а где шутит или прямо-таки издевается над читателем, в чем ниже довольно простодушно иногда признается.

И это философ? Только в том смысле, в каком кто угодно философ, если умеет связать два слова и высказать общее суждение о чем бы то ни было. Философ ли Иисус или Исаия, или апостол Павел? Но, безусловно, Ницше оригинальный мыслитель, выдающийся мистик, поэт (Приведенная выше цитата, ни что иное как поэтическое описание своеобразного мистического прозрения, вообще-то довольно типичное для такого рода откровений.), а более всего он то, чем больше всего и хотел быть, он ниспровергатель основ и бунтарь. В XIX веке христианство было еще весьма сильно, оно и в наше время оно еще достаточно влиятельно, хотя иногда больше по недоразумению. Ницше же напал на христианство как на священную корову, поклонение и жертвы которой губят и уродуют жизнь. Он увидел пагубное влияние христианства не только в мирных обывателях своего времени, но и великих людях, которых кинулся обличать с неистовой страстью так ему свойственной. Досталось Сократу, Шопенгауэру, Вагнеру. Собственно всем, кто оценивал жизнь не столь однозначно положительно как он сам.

Христианство в своей самой распространенной разновидности утверждает, что жизнь это пребывание в юдоли (то есть занятие мало приятное), в которую однажды

сотворенная Богом душа ненадолго попадает, чтобы потом после смерти либо вечно мучиться, либо вечно блаженствовать. Воззрение это в наше искушенное время может приниматься без критики только уж совсем наивными или малограмотными людьми. Собственно, даже очень странно, что такое примитивное понимание мира, бога и души столь долго могло считаться несомненной истиной. Причины этого, видимо, самые низменные. Те самые, на которые нам всегда в своей антирелигиозной пропаганде указывали большевики — политика и эксплуатация. Однако у христианства есть и другая сторона, более эзотеричная, так сказать.

Мир нуждается в интерпретации, от этого зависит та или иная жизненная философия, та или иная стратегия действования. Мир очевидно несовершенен, наполнен разнообразными формами страданий и зла. Кроме того, каждый знает, как ему хочется жить и не хочется умирать, а живет всю свою сознательную жизнь под домокловым мечом своей неизбежной бренности. В этом мире нам свойственно надеяться и зачастую надежды оправдываются. Почему же не оправдаться надежде на бессмертие и некую другую жизнь после гибели тела. О том мире никаких знаний нет, а есть одни предположения, но при отсутствии каких бы то ни было основ, можно принять и самую нелепую интерпретацию мира. С этой точки зрения христианство оправдывается, а если еще на него смотреть как на аллегорию, то оно и вполне корректно.

Ницше такой подход не мог устроить. Тот, этот мир — пустые слова, есть только один мир. Боязнь смерти и страданий он рассматривал как непростительную слабость и недопустимое малодушие. Что ж, и такой взгляд понятен. Но почему надо обличать малодушных? Ведь они таковы, каковы есть, и не могут изменяться по чьей бы то ни было прихоти. Вообще другие — самое слабое место Ницше. Если он искренен (а он, разумеется, искренен), то самая правильная стратегия, вытекающая из его воззрений, никому их не сообщать. А как только он открыл рот, так они и обесценились. Ницше пишет

так, как будто не понимает этого. На самом деле понимает. Подзаголовок «Так говорил Заратустра»: книга для всех и ни для кого. Это почему же? Что мы такие уж дураки? Так он писал в любом случае не для дураков. Четвертую книгу «Заратустры» Ницше отпечатал в очень небольшом количестве экземпляров и давал читать только немногим друзьям. Кстати, мало кто из них что понял. Он явно опередил свое время. Может и любое время.

Ницше самый удивительный мистик из всех, что я знаю. Он именно мистик, хотя он по-разному себя именовал, но никогда так. Он постиг, прозрел какую-то великую истину, она едва-едва вмешалась в него. Он хотел непременно высказать ее, но и прекрасно осознавал тщетность такой попытки. Тогда он стал ругаться, скандалить, в самом себе в основном. До нас дошли только отголоски посетивших его видений. Мир некая целостность. Суждения людей, как правило, ложны и происходят от их несовершенной природы. Все возвращается на круги своя (учение о вечном возвращении). Даже самые мудрые не понимают того, что открылось ему. И так далее.

Личная судьба Ницше удивительна. Он поразительно соответствовал, созданному Шопенгауэром описанию гения. Мозг как гигантский паразит отнимает жизненные силы у всех органов, заставляя их все функционировать неправильно.

Страдания Ницше были неописуемы. **«Головные боли, …желудочные спазмы с кровавой рвотой, мигрени, лихорадки, отсутствие аппетита, утомляемость, припадки геморроя, запоры, ознобы, холодный пот по ночам…»**, — пищет в своей книге о Ницше Стефан Цвейг [*Стефан Цвейг*, Борьба с демоном. М., 1992].

Вот сам Ницше: **«Ужасные и почти непрестанные мучения заставляют меня с жадностью ждать конца, и, по некоторым признакам, разрешающий удар уже близко».** И так непрерывно 20 лет.

Суровая диета, скромная, одинокая жизнь, терзаемая недугами, внезапный удар (возможно инсульт) и сумасшествие на 11 лет до самой смерти.

Почему-то мне кажется, что как только великий мозг вышел из строя, большинство недугов бесследно исчезло.

Читая в первый раз «Так говорил Заратустра», я ничего этого не знал. Однако, вдумываясь в поразительный, странный и загадочный текст книги, я откуда-то знал, добром для автора это кончиться не может. Дух Ницше сжег себя своей потрясающе интенсивной, на пределе сил жизнью.

«В предвидении, что недалек тот день, когда я должен буду подвергнуть человечество испытанию более тяжкому, чем все те, каким оно когда-либо подвергалось, я считаю необходимым сказать, кто я». Так ли уж это нелепо? Да, совсем не нелепо. Это не безумие, а мистическое прозрение. Ничуть не безумнее, чем сказать: **«Что наверху, то и внизу».** И, кто знает, как закончил свою жизнь Гермес Триждывеличайший?

Я читал и перечитывал Ницше и пришел к выводу, что сам Ницше мало придавал значения словам, смыслу их. Тут он шел на поводу ассоциаций, скептических или парадоксальных суждений. Внутри же себя он прозревал какой-то только нарождающийся, нечеловеческий ни с чем несообразный и бесконечно могущественный фатум. Это удел всех мистиков. Кто-то называет это Богом, кто-то Бездной (Бёме, Мамлеев), кто-то атманом или брахманом (риши), а кто-то **Я**.

«Новой гордости научило меня мое «я», ей учу я людей: Больше не прятать головы в песок небесных вещей, но свободно нести ее, эту земную голову, которая творит для земли смысл». Звучит прекрасно, но о каком смысле он говорит?

(*Я сознательно не стал соотносить судьбу, учение, проповедь Ницше с парадигмой трактата* ***«Великое Делание»****. Для понявшего идею трактата несложно будет это сделать самому.*)

Смерть Мандельштама

Мандельштам умер в лагере. Ходит несколько легенд, но фактов нет. Известно, что Мандельштам был болен физически и психически. Его не надо было истязать следователям НКВД, я думаю, его совсем и не истязали.

После первого ареста он вышел уже явно полупомешанным и смертельно запуганным. Он даже пытался написать панегирик своему палачу — Сталину[1]. Лучше мог бы сочинить любой пятиклассник того времени[2]. Собственно те стихи о Сталине, за которые он пострадал, тоже далеко не шедевр. На удивление глупые. «Сверкают его голенища», что-то про пальцы, которые сравниваются с сосисками[3], «усищи», и т. п. Мандельштам сочинял стихи весьма своеобразно, так что эти злосчастные наполненные ненавистью строки, видимо, вылились из него совершенно спонтанно. Обычно у него появлялось только несколько слов будущего стиха, общая мелодия и, вероятно, приблизительный смысл. Дальше появлялось все недостающее и удивительно удачно находило свои места.

Свои шедевры из сборника «Камень» он создал в благословенное первое десятилетие XX века, ну и в самом начале второго. Пожилой Мандельштам зрелище печальное. Какие-то потуги вписаться в «советскую действительность», арест, безденежье (добрые люди, старые друзья, не давали умереть с голоду) и полная неустроенность бытовой жизни. Последнее, впрочем, было не вина системы, а выражение богемной идеологии того, а отчасти и нашего, времени. Таких "советских" интеллигентов как он и его жена у нас всегда было предостаточно. Немытая посуда, непонятно какая еда, бесконечное курение и болтовня на высокие и не очень темы. Разница только в том, что Мандельштам — великий поэт, редкостный гений.

Мандельштам не ошибся в своем гениальном поэтическом прозрении. Ему действительно бросился на плечи

век-волкодав и не убил его, т. к. этот говеный век может убить человека, но не может убить поэта.

Говорят, что незадолго перед смертью, он дошел до такого одичания и оголодания, что доедал объедки, которые вылавливал на тюремной помойке. Легенда, конечно. Да, и какие объедки на тюремной помойке в те времена? Впрочем, если бы я и сам это увидел, это ничуть не повлияло бы на мое понимание и восприятие этой уникальной личности.

Сломленный злосчастной судьбой, с больной психикой и нервами, гений его мог быть для него только, наверное, смертельным грузом. Гений — удивительный, тончайший и изящнейший поэт — попадает в советскую тюрьму, да еще в конце 30-х годов. Он должен умереть.

У него было слабое здоровье, хрупкая конституция, ранимая психика. В ссылке, в Воронеже, да и еще в каких-то других местах, это несчастный, страдающий, не видящий никакого исхода из своей безотрадной ситуации человек. У него любящая и любимая жена. Судьба, любящая повторения и пародии, наградила его, как и еще некоторых русских гениев, преданной половиной — ангелом, посланным, наверное, из высших сфер, но оказавшимся бессильным спасти своего подопечного. Он умер. Где, когда? Есть гипотезы, документы, которым трудно верить. Для окружавших его в его последние дни, это был не гениальный поэт, а тщедушный, никчемный, еврей-интеллигентишка, больной и полусумасшедший, а может и полностью сумасшедший. Последнее мне кажется даже более правдоподобным.

Я как-то не горюю по поводу его столь страшной судьбы. Плоть сгинула, и бог с ней. Я знаю, что всегда для меня будут сверкать голубые песцы в своей первозданной красе, льющиеся из великой и многострадальной души бессмертного поэта.

На фотографиях Мандельштам иногда мне кажется похожим на верблюда.

На длинных, не русских ногах

Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках,
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,

Кочевники перемудрили,
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,

Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынник-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,

А в душу — печаль и величье,
И верно с тех пор погремок
На шее болтается птичьей.

По Черным и Красным пескам,

По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа

К пустыне, тюкам и побоям.

А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

Почему-то от этих строк Арсения Тарковского у меня возникает образ Мандельштама. Может, он его и имел в виду, когда писал это стихотворение? «Печаль и величье». Отлично сказано: коротко и удивительно точно.

1998-2002

Через несколько лет после написания этого наброска о Мандельштаме, я наткнулся на мнение Набокова о нем и его судьбе. Вот оно.

Набоков о Мандельштаме

(Из интервью для нью-йоркской телепрограммы «TELEVISION 13», 1965 г. [Американский период СС, Санкт-Петербург, 1997, т. 3, с. 559])

Советская литература… Что ж, в первые годы после большевистской революции, в двадцатые, в начале тридцатых, среди гнусных общих мест советской пропаганды еще различался угасающий голос прежней культуры. Примитивный и банальный умственный склад политики принуждения — собственно, любой политики — способен породить только примитивное и банальное искусство. Это особенно верно в отношении так называемого «социалистического реализма» и «пролетарской» литературы, опекаемой советским полицейским государством. Его воинствующие болваны постепенно истребили по-настоящему талантливых авторов, особую, наделенную хрупким даром разновидность человека. Возможно, одним из самых печальных случаев был случай Осипа Мандельштама — восхитительного поэта, лучшего поэта из пытавшихся выжить в России при Советах, — эта скотская и тупая власть подвергла его гонениям и в конце концов загубила

в одном из далеких концентрационных лагерей. Стихи, которые он героически продолжал писать, пока безумие не затмило его ясный дар, — это изумительные образчики того, на что способен человеческий разум в его глубочайших и высших проявлениях. Чтение их усиливает здоровое презрение к советской дикости. Тиранам и палачем никогда не удастся скрыть за космической акробатикой свою комическую спотыкливость. Презрительный смех дело хорошее, но его не хватает, чтобы снять с души камень. И когда я читаю стихи Мандельштама, написанные при мерзостном правлении этих скотов, я испытываю подобие беспомощного стыда за то, что я волен жить, думать, писать и говорить в свободной части мира… Вот те единственные минуты, в которые свобода становится горькой.

ХОДАСЕВИЧ — зарисовка 1918 года

Прочитав одно прекрасное стихотворение Ходасевича 1918 года, я вдруг как-то по-особому ясно понял суть кошмарных исторических событий, обрушившихся на Россию в 20-м веке. Россию съела филистерская, а, по сути, просто дурацкая идея, что можно создать свой маленький и кругленький рай взамен того, что уже есть и в полноте тебе дано. Ведь жизнь в России 19-го века была проста и хороша. Конечно, это была ЗЕМНАЯ жизнь со всеми ее тяготами, ужасами, страданиями и несовершенством. Но она не отличалась ничем от того, чем жили все люди во все времена. И вот демоны в виде просветителей, освободителей, революционеров захотели изменить — не принцип, не вселенскую несправедливость — а, собственно, устройство уже существующей жизни, устройство стабильное и по-своему очень гармоничное (Как прекрасно показал эту жизнь Глеб Успенский!). Марксизм и есть филистерство, возведенное в принцип. Очень хорошо он подошел к ситуации. Идеально вписался. Патриархальная, крестьянская страна получила ядовитую инъекцию. Мы знаем очень хорошо идеологию ниспровергателей. — Убить гадов. Убить правителей и построить Царство Божие (а на самом деле свой маленький, убогонький, материальный рай) на костях всех несогласных. И полилась кровь. Царь-освободитель. Его приемник. Мудрый Столыпин. "Николашка". И еще не счесть. Народ богоносец оказался вполне безбожным. Бог хорош, пока курица несется, а перестала нестись — долой бога. Быдло, дерьмо. Грядущий хам. Пока идиоты славянофильствовали, лжепророки соловьевствовали, паразитирующая на вечном людском недовольстве мразь творила свое черное дело. И вот демон разгулялся, погрузив в кровавую вакханалию, некогда благополучную и вполне процветающую страну. Большевички в 17-м, 18-м прошлись по ней хорошим карфагеном.

2-го НОЯБРЯ

Семь дней и семь ночей Москва металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь щедро
Пускал ей кровь - и обессилев, к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повыползли из каменных подвалов
На улицы. Так, переждав ненастье,
На задний двор, к широкой луже, крысы
Опасливой выходят вереницей
И прочь бегут, когда вблизи на камень
Последняя спадает с крыши капля...
К полудню стали собираться кучки.
Глазели на пробоины в домах,
На сбитые верхушки башен; молча
Толпились у дымящихся развалин
И на стенах следы скользнувших пуль
Считали. Длинные хвосты тянулись
У лавок. Проволок обрывки висли
Над улицами. Битое стекло
Хрустело под ногами. Желтым оком
Ноябрьское негреющее солнце
Смотрело вниз, на постаревших женщин
И на мужчин небритых. И не кровью,
Но горькой желчью пахло это утро.
Это картина разрушения после побоища. Бедные люди.
А между тем уж из конца в конец,
От Пресненской заставы до Рогожской
И с Балчуга в Лефортово, брели,
Теснясь на тротуарах, люди. Шли проведать
Родных, знакомых, близких: живы ль, нет ли?
Иные узелки несли под мышкой
С убогой снедью: так в былые годы
На кладбище москвич благочестивый

Ходил на Пасхе - красное яичко
Съесть на могиле брата или кума...

Вот тут я и почувствовал радость того реального блага, простого и ясного, которое утратилось этим многострадальным народом. Была, хоть не привольная, но нормальная жизнь, с трудами, праздниками, с куличами и пасхальным яичком (оно меня особенно тронуло) и все обгадил демон разрушенья. Наступили века расплаты. И мясорубка истории не разбирает правых и виноватых. А может и разбирает, ведь правые и добрые гибнут первыми.

К моим друзьям в тот день пошел и я.
Узнал, что живы, целы, дети дома, -
Чего ж еще хотеть? Побрел домой.
По переулкам ветер, гость залетный,
Гонял сухую пыль, окурки, стружки.
Домов за пять от дома моего,
Сквозь мутное окошко, по привычке
Я заглянул в подвал, где мой знакомый
Живет столяр. Необычайным делом
Он занят был. На верстаке, вверх дном,
Лежал продолговатый, узкий ящик
С покатыми боками. Толстой кистью
Водил столяр по ящику, и доски
Под кистью багровели. Мой приятель
Заканчивал работу: красный гроб.
Я постучал в окно. Он обернулся.
И шляпу сняв, я поклонился низко
Петру Иванычу, его работе, гробу,
И всей земле, и небу, что в стекле
Лазурью отражалось. И столяр
Мне тоже покивал, пожал плечами
И указал на гроб. И я ушел.

А на дворе у нас, вокруг корзины

С плетеной дверцей, суетились дети,
Крича, толкаясь и тесня друг друга.
Сквозь редкие, поломанные прутья
Виднелись перья белые. Но вот -
Протяжно заскрипев, открылась дверца.
И пара голубей, плеща крылами,
Взвилась и закружилась: выше, выше,
Над тихою Плющихой, над рекой...
То падая, то подымаясь, птицы
Ныряли, точно белые ладьи
В дали морской. Вослед им дети
Свистали, хлопали в ладоши... Лишь один,
Лет четырех бутуз, в ушастой шапке,
Присел на камень, растопырил руки,
И вверх смотрел, и тихо улыбался.
Но, заглянув ему в глаза, я понял,
Что улыбается он самому себе,
Той непостижной мысли, что родится
Под выпуклым, еще безбровым лбом,
И слушает в себе биенье сердца,
Движенье соков, рост... Среди Москвы,
Страдающей, растерзанной и падшей,
Как идол маленький, сидел он, равнодушный,
С бессмысленной, священною улыбкой.
И мальчику я поклонился тоже.

Дома

Я выпил чаю, разобрал бумаги,
Что на столе скопились за неделю,
И сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни "Моцарт и Сальери", ни "Цыганы"
В тот день моей не утолили жажды.

1918

ТЕЭТЭТ. ЗЛО

Это эссе — бог знает когда сделанный Теэтетом набросок, так и незаконченный. Часть текста цитаты из Лотреамона, показавшиеся Теэтету весьма знаменательными в свете его концепции.

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю — о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,

И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

Ф. Тютчев

Сказать, что Лотреамон великая поэзия — значит, не сказать ничего. Это даже не банальность.

Мы не любим зло, но нуждаемся в нем. Оно пронизывает всю нашу жизнь. Без зла не может быть бытия.

Что же такое добро и зло? Может быть, это некие вполне субъективные фикции, о которых можно и не беспокоиться, живя нормальной, естественной жизнью, вполне безразличной к этим глобальным абстракциям.

Можно. А хоть бы и нельзя! Можно и нельзя точно такие же абстрактные и субъективные категории как добро и зло.

Жизнь продолжается.

— Если ты будешь делать то, что ты делаешь, то ты и будешь иметь то, что имеешь», — мне на улице дала бумажку с этой надписью миловидная женщина, нестарая, но и не первой молодости. Я, обычно не беру такие бумажки. В этот раз я взял ее потому, что лицо этой женщины, за какое-то мгновение, рассказало мне всю ее судьбу, судьбу всех таких женщин, судьбу ее детей, любимого ею мужчины, ее надежды, мечты, ее

разочарования и обиды, опасения и страхи. Так уж получилось. Мне захотелось это прочитать, и я прочитал. На бумажке была приведенная выше фраза. Я понял, что эта женщина — символ. Символизирует она жизнь. Можно даже сказать бытие. Эта женщина раздает в морозный день бумажки с рекламой и этим зарабатывает себе на жизнь.

— Мне больше по душе не он, а ты, — ответил я, — ибо несчастье вызывает во мне сострадание. Не твоя вина, что Вечный Судия тебя такой создал.

— Обещаю, две жадные дырки на гнусной твоей роже, уродина, будут удовлетворены сполна, если только ты не поленишься три тысячи раз подряд вдохнуть ***зловоние нечистой совести Всевышнего!*** На свете нет ничего, столь благоуханного, так что твой нос-гурман, вкусив сей аромат, замрет в немом экстазе, как ангелы на благодатных небесах.

— Прощай! Прощай! Я буду любить тебя вечно!.. Отныне отрекаюсь от добродетели.

«Я помню, как однажды, глядя на меня остекленевшими глазами, матушка сказала: «Когда услышишь, лежа в постели, лай псов поблизости, накройся поплотнее одеялом и не смейся над их безумьем, ибо ими владеет неизбывная тоска по вечности, тоска, которою томимы все: и ты, и я, и все унылые и худосочные жители земли. Но это зрелище возвышает душу, и я позволяю тебе смотреть на него из окна». Я свято чту завет покойной матери. Меня, как этих псов, томит тоска по вечности… Тоска, которой никогда не утолить!.. Уверяют, что мои родители — обычные мужчина и женщина. Странно…»

О его матушке я не сказал бы, что она обычная женщина.

Гностицизм — осознание зла именно как основы мира.

«Для окончательного спасения души человеку необходимо совершить целый ряд самых неблаговидных деяний». Карпократ.

В незапамятные для человеческой истории времена (а на самом деле практически вчера) мудрость человеческая сформулировала пять проблем герметизма.

Герметизм включает в себя учение о Боге (теология), мироздании (космогония), о сотворении человека (антропогония), о спасении (сотериология) и о конце времен (эсхатология).

Я приведу обывательское решение этих проблем, потом нигилистическое-материалистическое или позитивистское (они мало, чем разнятся), а в заключение свое, собственно, оккультное и эзотерическое.

ОБЫВАТЕЛЬСКОЕ

Бог сотворил мир и нас в нем, сотворил и послал в жизнь. Жизнь хороша. Плохо в ней то, что приходится страдать, терпеть всяческое зло и несправедливости, но в конечном итоге это и не плохо — Бог за все воздаст сторицей (в раю или в другой лучшей жизни), а злых накажет (в аду или в плохой следующей жизни). Еще плохо и очень страшно умирать, но тут уж ничего не поделаешь: придется присоединиться к большинству, бог дал жизнь, бог взял, и вообще человек — это мертвец в отпуске.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ

Бога нет. Есть мир, который можно изучать и использовать. Жить надо стараться так, чтобы получать от жизни как можно больше удовольствия. Если жизнь плоха, то можно убить себя. После смерти ничего нет. Откуда взялся мир неизвестно, вероятно примерно в той самой, что и сейчас форме он существовал всегда, а человек произошел вследствие неких естественных причин. Собственно узнать это точно невозможно, да и не очень-то надо. Живи и радуйся, что живешь, пока жив. Спасения никакого нет, потому что не от чего спасаться. Конца

времен никакого никогда не будет, если бы он был возможен, он бы уже давно и наступил. Это опять-таки не важно, потому что краткой жизни человека он никак затронуть не может. А после нас хоть потоп.

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ

1. О Боге учение мое таково, что я считаю, что никакого бога нет, а есть некое неопределимое Первоначало, являющееся основой или первопричиной всего. Разница между Богом и Первоначалом принципиальная: Бог фигура мифологическая — Добряк, ради шутки или проказы испытующий нас в горниле сотворенного им мира. Первоначало — a priori предполагаемая категория, совершенно бессодержательная, о которой, строго говоря, можно сказать только то, что предположительно она есть, как некая основа мира.

2. Мироздание — конгломерат вполне фантастических и достаточно произвольных представлений, существующий в сознании или внутреннем мире любого субъекта. Представление о мире, по сути, имманентно, но, тем не менее, вопреки очевидности, претендует на некое внешнее, самостоятельное и независимое от субъекта существование как бы даже противостоящее содержащему его субъекту.

3. Сотворения человека, с одной стороны, как бы и не было, потому что в своей внутренней сущности человек совпадает с Первоначалом, которое беспредельно и не имеет ни начала, ни конца. С другой стороны, каждый из нас помнит свое зарождение в виде первых проблесков сознания и памяти, которые и определяют индивидуальность. То же можно сказать и о человеке вообще, а точнее о любом сознающем и чувствующем существе, обладающем памятью. Оно появляется в виде некоего отпадения от бессознательной и вечной своей сути и существует уже во времени, но в, как бы, вечном ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. В отличие от бессознательного бытия Первосущности, бытие человека сознательно и тем

проблематично, т. е. наполнено осознаваемым злом, непосредственно переживаемыми страданиями и, как следствие, разнообразным несовершенством. Причина появления человека неопределима в принципе. Метафорически можно считать, что Первоначало порождает человека потому, что это возможно для него в принципе как манифестация принципа его абсолютной свободы к совершенно любому произволу.

Бытие мира «внешнего» вполне однозначно сводится к бытию сознания в любом субъекте. И потому об обоих можно вынести одно и то же заключение — бытие их неполноценно и вопиет о превращении в то, что полноценно, совершенно, завершено и законченно само в себе.

4. Таким образом, Спасение может заключаться только в том, чтобы ликвидировать эту незаконную и нелепую флюктуацию, возникшую из Первоначала и являющуюся любому сознанию как бытие во времени и пространстве пребывающего мира. Ликвидация эта возможна за счет сил и средств самой флюктуации (а за счет же чего еще?). Факт возникновения мира глобален. Он необратимым образом изменил Первосущность, и по окончании его бытия, она будет пребывать в вечности в иной модальности (в ином качестве), нежели до этого «события событий».

5. Никакого видимого «конца мира» быть не может. В один прекрасный момент все завершится. Произойти это должно довольно скоро. Гарантией этому служит само появление этого учения как залог понимания и осознания самой «флюктуацией», собственно, своей же собственной проблематики и судьбы.

Нет древа мудрости,
И нет зеркальной глади.
С начала самого нет ничего.
Так что же может пылью покрываться?
Шестой патриарх дзена Хуэйнен.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОПЫТЫ

ОДИН ИЗ БЕССМЕРТНЫХ

рассказ

Анатолий Пулóвер, в шутку как бы, сделал сам для себя предположение, касающееся его личной судьбы в этом загадочном мире. Он предположил, что он существо совершенно иного рода, нежели все остальные существа ему известные, а потому и не подвержен одному из самых фундаментальных законов, которым подчиняются абсолютно все существа этого мира — закону непременной смерти. После уже сделанного предположения Анатолий вынужден был признать, что нельзя утверждать, что и еще кто-нибудь тоже может не оказаться таким же исключением, смерти неподвластным. Однако Анатолий решил эту, последнюю, мысль пока не развивать, потому что, собственно, и первая мысль была только предположением, а значит, для второй время еще не пришло.

Для предположения этого у Анатолия были довольно веские, на его взгляд, основания.

Совершенно ведь было неизвестно, что же такое смерть как личное переживание.

Что такое смерть кого угодно было ясно. Человек или животное переставали существовать как живые существа и начинали пребывать в этом мире уже как часть мертвой природы. В них, конечно, оставалась жизнь, но это была не их жизнь, а жизнь микроорганизмов, червей, вирусов каких-нибудь, продолжавших жить в их уже обезжизневших телах, собственная же их жизнь безвозвратно куда-то улетучивалась.

Собственно, что значит «куда-то»? Ясно было, что никуда. Куда пропадает дырка от бублика, когда он съеден? Никуда. Она есть, продолжает быть вообще как пространство, а в частности не пребывает больше нигде. Так и в конце жизни

индивидуума. Бытие, жизнь во всех формах продолжает пребывать как процесс жизни, как некое поле жизни всех, еще не умерших, но самого индивидуума уже нет.

Это всё, рассуждал Пуловер, касается наблюдаемых объектов, то есть тех, кого видишь из окошечек глаз. Касается других.

Совсем другое дело сам Анатолий Пуловер. Анатолий всегда четко различал, что такое он сам, сам в себе, со всеми своими внутренними переживаниями, а что такое другие. Это — две совершенно не сходные между собой вселенные.

Внутри себя Анатолий чувствовал всякие ощущения, в основном приятные или нейтральные. Он ел вкусные продукты и чувствовал их вкус. Он смотрел на красивых женщин и чувствовал приятные ощущения в груди. Некрасивые женщины, что удивительно, таких ощущений не вызывали, а некоторые, уродины, вызывали даже немедленное чувство отвращения. В особенности сильным было это чувство в том случае, если в воображении представлялись ему те сексуальные действия, совершаемые им с такими мегерами, которые так хотелось бы совершить в отношении женщин красивых. Как-то после очередной порции таких переживаний Анатолий задумался о том, каковы же критерии женской красоты, но не смог придти ни к какому выводу, кроме того, что это некий подспудный инстинкт, предпочитающий розовое, нежное, гладкое и расположенное в определенном порядке, сероватому, морщинистому, грубому и имеющему порядок какой-то другой.

Где-то внутри, совершенно неосознаваемое, находилось в нем то, что совершенно точно знало, каким должно быть красивое, а каким некрасивое и различало их безошибочно. Поскольку оно находилось внутри него, то Анатолий вполне последовательно полагал, что это он сам и есть. То есть это было что-то такое в нем, принадлежащее ему, но прямо им не осознаваемое.

Благодаря этим наблюдениям и размышлениям, Анатолий увидел, что хотя все на свете совершается по какой-то причине,

но понять, почему оно совершается именно так и только так, совершенно невозможно. Это открытие поразило его чрезвычайно. Ведь из него следовало, что никакие выводы по аналогии не имеют никакой абсолютной силы, а потому и закон причинности, которым мы, не задумываясь, привычно пользуемся, может иметь сколько угодно исключений, и потому, собственно, это никакой не закон, а эмпирически замеченная закономерность с очень высокой степенью повторяемости. Попросту говоря, если умирали все люди и всегда, это совсем не означало, что должен умереть и любой человек, а значит и тот, кто все это наблюдает — он вполне мог (а, собственно, почти должен был) быть исключением из всеобщего правила. К тому же, если все умершие очевидно превращались во что-то вроде дырки от съеденного бублика, то сам он, очевидно, был чем-то таким, что никакого отношения не имело ни к материи, ни к пространству, в котором материя находилась, и потому не мог представить себе своего уничтожения и растворения, даже если бы он каким-нибудь образом и утратил возможность пользоваться именно этими, а может и всякими другими пространством и материей. Конечно, можно было предположить, что те умирающие, другие, тоже внутри себя были такими же, как сам Анатолий. И хотя это само собой всеми подразумевалось, но Анатолий ясно видел, что знать это на самом деле невозможно, нельзя же вылезти из себя и залезть в другого, а потому решил о других пока не рассуждать.

Сначала Анатолий предположил, что тело его, конечно, умрет, как и у всех прочих, а он сам, в виде души или какого-нибудь духа, улетит куда-нибудь, чтобы как-нибудь там жить. Но потом он подумал, что для любой другой жизни все равно потребуется материя и пространство, а откуда им взяться каким-нибудь другим, чем уже есть теперь? А потому незачем им и исчезать, чтобы потом снова появиться неизвестно где и неизвестно каким образом. Нет. Все должно было быть, конечно, проще. В конечном итоге, Анатолий Пуловер пришел к тому выводу, что он должен жить вечно именно в тех условиях (в

общих чертах, конечно), в которых он теперь и живет. Жить всегда. Он здесь возник однажды и насовсем, и, значит, пребудет здесь всегда.

Нет, были еще и другие соображения. Главное соображение, факт даже, центральный факт, было то, что Анатолий чувствовал в себе неимоверную силу жизни. И ему казалось, что какой-то поразительно внятный голос этой могучей силы уверенно говорит ему: «Ты бессмертен, ты будешь жить всегда. Смерти других, это смерти других, в них нет такой силы, в них нет этого голоса, в них нет, поэтому, и бессмертия. Потому они и умирают. Ты же не умрешь никогда, ты умереть не можешь. Ты родился, наконец, и теперь будешь жить вечно — всегда». Анатолию, конечно, пришла в голову мысль, что он просто сам внушает себе некую фантазию, несбыточную мечту, но он соображение это легко опроверг. Он, собственно, не хотел быть бессмертным, не хотел жить вечно. Он вполне мог бы примириться с перспективой смерти навсегда. Не было у него желания бессмертия как такового, но было знание (приятное знание, что скрывать) того, что бессмертие просто его удел. И хотя это было знание, Анатолий решил все-таки, что правильнее считать его предположением, потому что у него не было знания того, что такое это знание само по себе, а значит и ни в чем окончательно, он не мог быть уверен.

Именно в этот период своей жизни Анатолий понял, что он верит в бога. Но это была странная вера. Тот голос, который он как бы слышал, не был с одной стороны его собственным внутренним голосом, но и признать, что он откуда-то исходит, тоже было невозможно, потому что тогда было совершенно неясно, где же находится это место.

И вот тут, Анатолий увидел вещий сон.

Ему снилось, что он лежит в своей кровати и спит. Причем, хотя он и спал, он все видел вокруг и понимал. Он чувствовал одеяло, была зима и за окном стоял лютый мороз. Под головой он чувствовал подушку, поскрипывающую при любом его движении. Каким-то образом часть подушки

находилось у него в голове, и представляла собой свитое из травы, ваты и перьев мышиное гнездо, в котором обосновалась мышь с выводком розовых мышат. Мышь не мешала ему, тем более что каким-то образом было ясно, что она как бы часть Анатолия и даже для чего-то ему нужна. Мышь сновала туда сюда, возилась, благоустраивалась и совсем, почему-то, не досаждала Анатолию. Он даже перестал обращать на нее внимание, а размышлял о своем сне, который происходил в какой-то сумрачной комнате, с тяжелыми темными портьерами, закрывавшими окна. Анатолий знал, что он давно живет в этой комнате, спит в ней, но что это за комната, и как он в ней оказался, ясного представления не было. Потом Анатолий подумал, что раз уж он все равно разглядывает комнату и как бы не спит, то может пора встать, но тут же понял, что это невозможно. Во-первых, из-за мыши — было бы очень неудобно ее беспокоить, а, во-вторых, потому, что он совсем не выспался, а от этой мысли спать захотелось еще сильней. Тут Анатолий слегка проснулся на самом деле, подивился образу никогда невиданной им, но такой знакомой и родной комнаты, и снова вернулся в сон. И тут он увидел, что мышь покидает гнездо и собирается куда-то уходить навсегда. Причем она добросовестно решила гнездо тоже убрать, а подушку от головы Анатолия отделить и даже каким-то образом ее отремонтировать, чтобы от гнезда не осталось уже никакого следа. Анатолий понимал, что мышь совершенно права и делает все очень правильно, и от этого в нем поднялось к ней чувство благодарности и признательности. Он никак его не выразил, потому что этого совершенно не требовалось.

Мышь закончила свою работу и исчезла, Анатолий уютно закутался в одеяло и стал просыпаться. Затемненная комната постепенно рассосалась, теплое покалывание с левой стороны головы, там, где было гнездо мыши, тоже постепенно исчезло, и Анатолий остался с довольно приятным ощущением выспавшегося человека, пытающегося сохранить и понять остатки только что пережитого сна. Ясно было, что сон

абсурден. Но сны часто абсурдны. И вдруг Анатолий понял, что сон этот был о боге. Как? Почему? Он не мог бы объяснить. Только он понял внезапно, что бог только кажется, что должен где-то обитать и в чем-то находиться. На самом же деле он просто есть и всегда смотрит на Анатолия. Может и не только на Анатолия, но на себе Анатолий почувствовал этот взгляд вполне явственно. Это был мудрый, спокойный и какой-то правильный взгляд и каким-то странным образом ощущение от этого взгляда, от самого бога, было в точности похоже на деятельность уходящей и ремонтирующей подушку мыши. То есть эта абсурдистская мышь, с гнездом в анатолиевой голове и со своей уютной мышиной жизнью, странной разумностью, объяснила Анатолию суть бога. В этот момент, переживая ощущение странного сна, Анатолий понял, что такое для него бог. Он понял, что бог есть, он здесь, внутри него, снаружи тоже, конечно, а вообще-то он как мышь из сна — абсурден, непостижим, но понятен и уютен. В дальнейшей своей жизни Анатолий часто вспоминал и этот сон, и бога, каким он ему в результате этого сна открылся, и только качал головой. Мог ли кто-нибудь, кроме него, видеть такие сны и таким образом уверывать в бога? Анатолий этого представить себе не мог.

В то время Анатолий работал слесарем-сантехником в ЖЭУ и учился в институте на вечернем отделении. Для эксперимента он рассказал свой сон, не упоминая о боге, правда, своему напарнику. Тот выслушал без особого интереса и сказал, что ему, другой раз, и не такая херня снится. Больше они с ним вещий сон Анатолия не вспоминали и не обсуждали.

Анатолий Пуловер был уверен, что ни кому до него такие мысли в голову не приходили. Могли они, конечно, быть у кого-то подобного ему, но были ли такие подобные, узнать, очевидно, было никак нельзя, да, собственно, и не надо было. В мире живут миллиарды людей, часть их создает книги, записывает свои мысли, но видимо никто из них к бессмертным не принадлежал. Анатолий ни у одного писателя или философа никогда не встречал ничего подобного своим мыслям и потому

несколько наивно, но вполне последовательно решил, что ни книг таких, ни откровений никаких в таком роде, просто нет.

Книги такие, конечно, есть, но А. Пуловеру они на его жизненном пути не попались. Ему даже не попались книги, в которых бы говорилось о таких книгах. Это кажется маловероятным, но это так. И виноват в этом, отчасти, был сам Анатолий. Прочитав по молодости десяток другой (прямо скажем, вторичных и неудачных) философских и мистических книг, и, найдя в них только крайнюю степень невежества и даже просто непонимания того, о чем эти книги пытались толковать, Анатолий полностью разочаровался в них и в дальнейшем интересовался ими мало, а потому только и укрепился в своем ложном убеждении.

Жизнь Анатолия Пуловера шла тем временем обычным чередом. Философские его мысли не оказывали, казалось бы, никакого влияния на его реальную жизнь. Немного, наверное, все-таки оказывали. В мыслях о личном бессмертии был очевидный психотерапевтический эффект. Чтобы ни происходило с Анатолием, всегда на фоне его повседневных мыслей присутствовало это тайное ликование, — я бессмертен, я буду жить вечно, все умрут, но не я.

Смерть других для Анатолия не была желательным явлением, а смерть близких, дорогих душе людей была даже страшна, но личная неподверженность этому фатуму в какой-то степени с этим примиряла.

В некоторых частностях философия Пуловера с течением времени претерпевала и изменения. Он отказывался от одних представлений, переходил к другим, возвращался иногда к уже отринутому на каком-то этапе. Углублял понимание каких-то второстепенных аспектов. Короче, играл вовсю. Можно сказать, что Анатолий имел хобби, заключающееся в разработке и совершенствовании философии личного бессмертия, а потому и не имеющее никакого другого для себя материала, кроме самого Анатолия Пуловера собственной персоной.

Самое же поразительное произошло, когда Анатолий Пуловер состарился. К своим восьмидесяти годам он похоронил море родственников, жену, двух детей и нескольких внуков, двоюродных впрочем. Сам он был крепким стариком, которому никак нельзя было дать его лет. К старости самобытная философия личного бессмертия А. Пуловера стала меньше занимать его мысли. Связано это было с тем, что на протяжении жизни Анатолий ни разу не усомнился в том, что он никогда не умрет. И если к старости обычные старики впадают в меланхолию, депрессию, маразм или религию, чтобы как-то нейтрализовать крайне неприятные и тягостные мысли и представления о, по-видимому, вскорости им предстоящем и крайне для них нежелательном событии, уходе — так называют это загадочное событие — свою или чужую смерть — лицемерно-робкие земляне. Анатолий Пуловер был от этого избавлен.

Уход. Хорош уход! Скорее, позорное изгнание, а еще точнее, наглый отъем того, что, казалось бы, было дано навечно, и что, без сомнения, всегда представлялось наивысшей ценностью почти во всех жизненных коллизиях. Люди не хотят умирать. Да, некоторые, измученные болезнями, скорбными мыслями, мелочными невзгодами, уже и с радостью ждут смерть как избавление, как меньшее зло, но с какой бы радостью любой из этих страдальцев сбросил бы свои годы и невзгоды и опять молодым петушком или курочкой бросился бы навстречу радостям жизни, теперь, увы, для него невозможным.

Судьба Пуловера была к нему милостива. Он никогда не болел ничем серьезным или хроническим, никогда не был бедным, а в годы социальных потрясений, от которых не бывает полностью избавлена ни одна эпоха, сумел сохранить и положение, и сбережения. Анатолий видел, конечно, что не один он такой успешный, но нельзя было не признать и того, что он все-таки принадлежал к преуспевающему меньшинству. И не только в отношении материального благополучия (Анатолий мог бы обойтись и гораздо меньшим, чем имел), но и в других, не

менее важных отношениях, судьба явно берегла его, и даже потакала ему, и щадила его. Задумываясь об этом, Анатолий вспоминал первый и основной постулат своей философии — он, Анатолий Пуловер, существо иного, совершенно особенного рода, нежели все прочие, населяющие Землю, а может и всю вселенную.

Произошло же вот что. В конце концов, Анатолий заболел. Ему уже было девяносто пять лет. Несколько серьезных недомоганий разом обрушились на непривычного к такому Анатолия. Философия его исключала его физическое исчезновение из этого мира, но она, строго говоря, никак не оговаривала ту форму, в которой должно было длиться это вечное существование. Странно, но впервые за долгую жизнь Анатолий задумался о старости, немощности, болезнях. Возможно, исходя из своей уникальности, он полагал, что она должна распространиться и на его тело, здоровье, рассудок и т. п. Получалось, что это не так.

Было в этом что-то неправильное, и скоро Анатолий понял что именно. Неправильным было то, что он уж очень сильно разделил те два мира, в которых он существовал и предполагал существовать вечно. Неуничтожимым поистине был собственно внутренний мир, внешний же постоянно менялся, а значит и уничтожался постоянно, постоянно же заменяясь своей несколько измененной копией, получавшей сполна все права исчезнувшей. (То, что и с внутренним миром происходит что-то в этом же роде, Анатолий так никогда и не заметил.) Этот второй, внешний, мир был необходимой платформой для существования первого, главного, мира, но, как a priori предполагал Анатолий, от него независимой и влиянию его не подвластной. Это-то и было ошибкой. Нужно, необходимо было заставить этот грубый, инертный и неуправляемый мир подчиниться, заставить его играть по другим правилам, иначе вечное пребывание в нем могло превратиться в вечную муку. Вопреки очевидному, Анатолий решил, что это возможно. Должно быть возможно, сказал он

себе, лежа в палате районной больницы. И с этого момента Анатолий Пуловер стал молодеть.

То есть, анализируя впоследствии события этих лет, Анатолий именно этот момент счел поворотным. Именно тогда открылась ему великая истина об управлении, которому можно подвергать внешний мир. Практически выглядело это совсем просто. Даже странно было, что за долгие годы ничего такого и малейшим намеком не просочилось в реальную пуловеровскую жизнь.

Следовало во внутреннем мире, мире самосознания, самоощущения, создать любой образ, желательно очень простой и приятный, скажем, хрустальный шар или зеленую лужайку размером с мяч или экран телевизора. Да, что угодно. Потом надо было в этот образ переместить мир внешний (полностью), увидеть его там, понять, что теперь он находится уже не только вне тебя, за пределами ушей, глаз и кожи, а еще и здесь во внутреннем мире, сконцентрированным в созданном образе. Далее следовало задать цель управления, то есть увидеть то, что требовалось получить в реальности. И последним этапом было соединение мира, подвергшегося управлению, с миром самим по себе. Соединение обычно происходило легко и просто, а потом начинало действовать управление.

Для начала Анатолий таким образом себя вылечил. Потом, постепенно омолодил. Точно так же, как в молодости Анатолий не понимал, не знал, почему любовный трепет (и вожделение) вызывает в нем молодое и розовое, а в более зрелом возрасте уже несколько иное и вообще (сопряженное с самыми разнообразными, но всегда, в сущности, произвольными атрибутами) всякое разное, а не старое и морщинистое, так же и теперь ему было неведомо, почему мир поддается управлению, почему он становится таким, каким его хотело сделать некое уникальное существо по имени Анатолий Пуловер.

Когда Анатолию Пуловеру было семьдесят лет, у него умерла жена, бывшая старше его на четыре года. Это была прекрасная женщина, с легким характером, отличная хозяйка,

любимая бабушка и прочее. Пуловер держался прекрасно, принимал соболезнования родственников и сотрудников. Он тогда еще работал и выглядел, как огурчик. В сущности, он не очень-то и горевал. Он давно примирился с тем, что мир вокруг него каким-то странным образом от него отделён, а живущие в нем существа совсем непохожи на него. Вернее, как раз таки очень похожи и только, но на самом деле они не более чем призраки и не реальнее, чем фантомы скоропреходящих фантазий и быстро забывающихся снов. В том возрасте он склонялся к агностицизму и предпочитал считать, что внутренняя сущность «других» абсолютно непознаваема и, вполне возможно, вообще не существует.

Жена сгорела за одиннадцать месяцев. У нее появилась постоянная температура, повышающаяся к вечеру. Пропал аппетит. Через несколько месяцев болезни, она, бывшая таким гурманом, не хотела есть ничего. Стали появляться внезапные короткие обмороки. Медицинские обследования не давали никакого результата, а когда все-таки обнаружили какое-то новообразование в мозгу, операцию делать было поздно из-за слабости и истощенности организма. Так она и умерла.

Анатолий, овладевший управлением, хотел вначале ее воскресить. Это был дорогой человек. В сущности, Анатолий любил свою жену всю жизнь и не только как женщину, но и просто как близкого и преданного друга. Воскрешение, он был в этом уверен, вполне возможно и произойдет. Остановил же его рой мыслей и чувств. Кроме жены было еще много других людей, достойных воскрешения. С другой стороны, Анатолий никак не мог представить, придумать, правильную форму воскрешения. Прошло много лет, мир стал другим, другим стал сам Анатолий. Как бы возникли, куда делись бы, что бы делали все эти воскресшие? А главное, как реагировали бы на их появление те, кто был уверен в их смерти и не мог представить себе их, или какого бы то ни было, воскрешения даже в страшном сне. Нет, начав воскрешать кого бы то ни было, можно было затронуть такие структуры бытия, о которых сейчас

в нынешнем состоянии мира и понятия не было, но которые, проснувшись и активизировавшись, могли привести к таким непредсказуемым последствиям, которые страшно даже представить. А, может быть, и не привели бы. Но Анатолий решил пока не рисковать.

Омоложение удалось частично. Вернуть настоящую молодость Анатолию не удавалось. Более того, некоторые болезни как бы были более упорными, чем другие, и постоянно возвращались. К ним приходилось принимать особые меры. Анатолий давно заметил, что какие-то совершенно нелепые и невозможные образы обычно гораздо действеннее, чем более близкие к реальности. Однажды он открыл вообще потрясающий метод. Это было связано с сильнейшим приступом радикулита, разбившего его практически мгновенно. Метод заключался в громком выкрикивании собственно совершенно бессмысленных «слов» какого-то варварского языка, которые сами по себе ничего не значили, но, будучи прикрепленными, как серебряный серпантин, к маленькому, вибрирующему, воображаемому, разумеется, дирижаблю, висящему в дальнем углу комнаты и постепенно уходящему в холодный бетон, действовали очень эффективно. Облегчение наступило сразу же, а выздоровление наутро. Правда, было состояние некоторой слабости и безразличия ко всему. Анатолий два дня валялся в кровати, что произошло с ним впервые в жизни.

И вот, наконец, пришла смерть. Пришла тогда, когда Анатолий был, в сущности, совсем еще не стар. Ему было 109 лет. Он участвовал в марафонском забеге для стариков, тех, кому было больше 60-ти лет. Он сказал, что ему 68. Во время марафона он простудился. Слег. А когда подумал, что надо бы принять меры, почувствовал апатию и безразличие. Жизнь надоела. В ней еще были приманки, но они были какие-то пресные. На самом деле, понял Анатолий, они были такими же, как всегда, просто у него стал кончаться завод. Когда-то, очень давно, ему попала в руки тонкая книжица, потрепанная, без конца и начала, повествующая о каком-то философе или

философском направлении. Анатолий не вникал. Просто взгляд случайно выхватил фразу: «Люди подобны часам, которые заведены и идут, сами не зная зачем». Фраза понравилась, а брошюру он почему-то выкинул. Теперь он жалел об этом. Что это был за философ, что за философия? В любом случае, эта мысль неоднократно всплывала у Анатолия на протяжении его долгой жизни. Заведены и сами не знают зачем. Да. Так и есть. Мысль эта странным образом уравнивала его бессмертного со смертными. Ведь он так же не знал, зачем он идет и почему, как и любой из смертных. И вот теперь он подумал, что, наверное, кончается завод. Так, если завод может кончиться и у него, значит он тоже не бессмертный. Но с другой стороны, почему бы богу и снова его не завести? Но не заводит же он других, не запускает же их снова в жизнь, почему он сделает это для Анатолия? И тут Анатолий подумал, что, в сущности, он ничего не знает. Может быть, бог и заводил людей снова, но выпускал их где-нибудь в другом месте, снабдив их другим телом, может он и не заводил никого, а делал новых людей, снабжая их сознанием своего бессмертия как Анатолия, а некоторым не давая этого. Анатолий ничего не знал. Можно было фантазировать, рассуждать, но с очевидностью было ясно, что это не знание, а просто пустые предположения. Знание было у бога, и он им не делился. Скорее всего, и не мог поделиться, если бы и захотел. Ведь то, что понимает бог, человек, ясное дело, понять не в состоянии.

Анатолий лежал в своей комнате, изредка вставал и съедал что-нибудь. Аппетита не было, жить совершенно не хотелось. Как-то раз Анатолий с ужасом подумал, что он может так ослабеть, что не дойдет до холодильника, не сможет даже встать, а смерти все не будет. В конце концов, если он бессмертный, то вполне может таким оставаться и без еды и сколь угодно длительное время. Надо было что-то есть, надо было выходить на улицу и идти в магазин за продуктами, потом возвращаться и насильственно их поглощать. Да, если кончается завод, то может не помочь и еда. Слабость может наступить и

при нормальном потреблении пищи. Анатолий хотел применить свои способности получать желаемое для того, чтобы самому произвести новый завод на новую жизнь, но понял, что ему этого не хочется. Что-то ему мешает, и это мешающее не дает и не даст ему попросить энергии и сил для дальнейшей жизни. И тогда Анатолий решил умереть. Каким-то образом он понимал, что сделать усилие по выполнению этого желания он сможет. Нельзя сказать, что он так уж хотел умереть, но жить без желания жить, а только по инерции он точно не хотел.

Приняв решение, Анатолий почувствовал небольшой прилив сил. И эти силы, переведя мышление в более интенсивный режим, дали Анатолию осознание того, что рушится, уничтожается вся его многолетняя философия. Бессмертие ему не суждено. Да, он уникум, он не такой как все, но они, другие люди, умирали по воле бога, а ему придется умереть по своей воле. Мысль эта принесла Анатолию удовлетворение. Философия уничтожилась, но на ее месте возникла другая, такая же странная и такая же личная. Был в этой окончательной философии Анатолия и тот крайне положительный для него момент, при осознании которого даже забилось чаще старое анатолиево сердце, что все, кого он знал, не хотели умирать, но умирали, а Анатолий хотел умереть и собирался сделать это по своей воле.

Анатолий назначил смерть на завтра. Чувствовал он себя бодро и даже мог бы и не умирать уже, но мысль о смерти захватила его. Как раньше он хотел жить, так теперь он хотел умереть. Пришла ему в голову прежняя, юношеская почти мысль о бессмертии души. Может ли быть, чтобы душа могла исчезнуть? Может, конечно, подумал он как и тогда, исчезнет, как дырка от бублика.

В десять вечера Анатолий Пуловер выпил стакан кефира, к которому был неравнодушен всю жизнь. Позвонил внучке, которой завещал квартиру, попросил зайти. Лег в постель. И подумал, что, как он никогда не понимал, почему так приятно, так хочется жить, почему хочется обладать красивой женщиной,

а некрасивой не хочется, так он не понимает и сейчас, почему же ему хочется умереть и почему странные образы, вызванные и прокрученные им в воображении, сделают возможной его смерть. Тут он вспомнил, что дверь осталась запертой, а внучке завтра открыть будет некому. Он встал и отпер дверь, после чего бодро юркнул под одеяло. Движения его были по-юношески уверены, походка упруга и наполнена энергией. Простое действие по отпиранию двери и заскакиванию в постель выполнил не столетний старик, а бодрый юноша. Анатолий этого не заметил и, закрыв глаза, приступил к осуществлению своего намерения.

Утром он был мертв.

ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ МЕГРЕ

Торги заканчивались. Мегре собрал аккуратные стопки акций, сложил их в жесткий специальный футляр, спрятал футляр в старенький, потертый, но еще весьма прочный, кожаный портфель, бог знает какого года выпуска, и бодрой, хотя и слегка шаркающей походкой, направился к двери. На сегодня и еще на месяц дело было завершено. Деньги Мегре были вложены в наинадежнейшие акции и приносили твердый доход. Доход вкладывался дальше, естественно, несколько убыв на пути к вложению.

Солнечный день сентября был чудесен, и Мегре расслаблено расположился в парке на уютной, изогнутой скамье. Он извлек из одного, из имевшихся у портфеля двух, обширных карманов, защелкивающихся на латунные замки, небольшую зеленую книжечку и любовно посмотрел на нее. На обороте книжки радостно скалился жизнерадостный молодец неопределенного возраста, видимо за сорок, выглядывая в окошко размером с большую почтовую марку на левом углу обложки. Он был совершенно не похож на Мегре, хотя, судя по надписи под портретом, это был именно он.

Настоящий Мегре был значительно старше, лохмат, кустист бровями, имел острый орлиный нос и выступающий острый подбородок. Небольшая сутулость выдавала в нем любителя запойного чтения и ученых штудий в уютном кабинете.

Идея написать книгу о совершенной женщине владела им очень давно. Он фантазировал на эту тему с юных лет. Все, что он узнавал удивительного и чудесного, прикладывалось им к любимому образу. Мегре, ученый и книгочей, давным-давно понял, в каком мире он бы хотел жить. В мало похожем, на окружающий его. Всю жизнь любовно он воображал этот мир, зная, что в этой жизни не сможет даже приблизиться к нему. В этой жизни. Мегре верил в метемпсихоз (переселение душ, как

говорят профаны). Любимым его занятием, хобби, переросшим в страсть, было изучение всяческого рода эзотеризма, мистических трактатов и оккультно-философских спекуляций. Ледбитер и Рамачарака, Блаватская и Якоб Бёме, Экхарт и Элифас Леви были тем обществом великих покойников, в котором он постоянно пребывал. Нет, он не со всем соглашался в их писаниях, кое-что отрицал, кое-что не понимал. Но они давали прекрасную пищу его пытливому уму и пылкому воображению.

Мегре знал, что у него есть способности писателя и, даже, писал иногда небольшие рассказики-зарисовки своих фантазий. На большее у него не хватало терпения и, главное, мотива. Будучи в меру тщеславен и зная человеческие и свои слабости, он понимал, что сможет заинтересовать своим творчеством не много людей, а еще меньше издателей. Но вот, несколько лет назад он начал писать странную историю о глуповатом, наивном, но не очень испорченном "новом русском", который волею случая познакомился с женщиной-богиней, женщиной-совершенством, которая зачала от него ребенка, чтобы вырос из него уже мужчина-сверхчеловек. Свои любимые фантазии и идеи вложил Мегре в образ и речи Анастасии, таким, почему-то греческим, именем назвал он свою богиню.

Анастасия знала прошлое и будущее, да и вообще все на свете. Она могла перемещаться в теле и духе в любое место вселенной. Обладая неземной красотой, она в полном объеме владела всеми возможными совершенствами и талантами. Гениально пела, сочиняла стихи, среди которых не было ни одного посредственного и т.п. Если бы она захотела, то могла бы сделать тройное сальто, не сходя с места, да хоть десятикратное. При этом она была добра и скромна. Единственная ее милая слабость была та претензия, чтобы ее считали обычной молодой женщиной. Она — норма. Все мы — отклонения. Она знает рецепт спасения человечества от страданий и зла. И смысл написания книг в том и заключается, чтобы его реализовать.

Мегре поселил Анастасию в лесу, тайге. Звери ей служат и ее обожают. Мегре сначала побаивается ее (герою книг и вымышленному автору книг Мегре — настоящий автор — дал свое имя), но потом настолько осваивается, что и спорит с Анастасией, и ругает ее, осуждая и ее образ жизни, и образ мыслей, с точки зрения узколобого обывателя. В конце концов, Анастасия его переубеждает. Чего-чего, а красноречия и убедительности ей не занимать.

По настоянию Анастасии новорусский любовник и отец ее ребенка по имени Владимир Мегре (полный тезка автора) стал писать о ней и ее взглядах книги. Коснязычный недотепа, понемногу поднаблатыкался в писаниях. И лучше всего у него получилось передавать речи Анастасии. Впрочем, иногда он (на самом же деле, конечно, сам Мегре-автор) забывался или увлекался и тогда у него и самого получалось неплохо.

Диалоги Анастасии и Мегре (персонажа, разумеется) на удивление напоминают диалоги дон Кихота и Санчо Пансы. Восторженный романтик-идеалист несет свою горнюю правду приземленному, недалекому, но достаточно обаятельному обывателю. И при этом они чудесно друг друга дополняют. При разительном внешнем несходстве, умиляет поразительная гармония между возвышенней мудростью и простодушной наивностью. Впрочем, Мегре-персонаж зачастую вызывает нешуточное уважение своей искренностью и дотошностью и, собственно, какой-то природной порядочностью.

Книги были изданы, стали популярны, принесли доход, а, главное, породили резонанс. Любимые идеи Мегре были приняты на ура родственными ему душами. Шел поток писем к вымышленной дочери Полине. Стихи, песни, восторженные откровения. Их было столько, и некоторые из них были так хороши в своей искренности и простоте, что Мегре смог составить из них отдельную книгу (более 500 страниц). Были, конечно, и противные скептики, которые вполне резонно доказывали, что Анастасии не было и нет, что в речах якобы всеведущей Анастасии, присутствуют совершенно невозможные

ляпсусы, но Мегре твердо стоял на своем — Анастасия так же реальна, как и все мы. И это было, в каком-то смысле, правдой. Ведь это говорил Мегре-персонаж, а для него Анастасия, конечно, реальна. С другой стороны, думал Мегре-автор, оккультные воззрения Анастасии, да и мои собственные, стоят на том, что образы фантазии могут быть не менее реальны, чем живые люди из плоти и крови и, собственно, вполне способны материализоваться. Смогла же Девид Нель материализовать вымышленного, воображенного ею человека, да и у Дион Форчун это неплохо получалось, по ее словам.

"Эх, хотел бы я встретиться как-нибудь с Анастасией!"

Мегре открыл книгу наугад и выхватил взглядом слово "изотерика". Так его малограмотный персонаж постоянно писал в этой книге слово "эзотерика". Мегре поразмышлял немного, уж не переусердствовал ли он в этом несколько навязчивом подчеркивании неискушенности героя, но потом решил, что читатель может согрешить на наборщика, да и для недалекого Мегре это вполне естественно не знать написания новых для него слов.

Образ Мегре, отца сверхчеловека, Мегре-автор списал со своего зятя, вечно разоряющегося, но потом неизбежно, как Феникс, возрождающегося из пепла дельца-предпринимателя. Он неожиданно разбогател на кедровом масле и кедровых орехах. Прожужжал своим кедром все уши, но, в конце концов, заинтересовал им всю семью настолько, что скоро уже и сам Мегре стал специалистом по кедрачу. Правда, случился казус. Только через два года Мегре, спевший к тому времени уже немало од и ливанскому и сибирскому кедру в своих двух первых книгах, узнал, что в Сибири-то растет, собственно, не кедр (вот же, незадача), а кедровая сосна, которая по ошибке, как указано в энциклопедии, считается и называется у нас кедром и имеет съедобные плоды. На настоящем кедре, к сожалению, ничего съедобного не растет.

Но это все — чепуха. Главнее, в книгах была изложена новая космогония (оккультная, разумеется). Не такая уж,

конечно, новая, но, безусловно, задушевно и с большим жаром. Библейская история подверглась в ней основательной ревизии. Сотворение мира и его несовершенство было истолковано в духе Якоба Бёме и Дм. Гайдука (русский молодой мыслитель). Объяснение происхождения зла, правда, не очень-то получилось. Добрый Мегре не хотел слишком уж углубляться в эту печальную материю, и потому все свелось к старой, как мир, теории о свободной воле человека, которая, инспирируемая силами разрушения (читай зла), делает неправильный, ложный выбор, и сама для себя незаметно попадает из рая, в который душа изначально была помещена богом, в ад, где в настоящий момент и находится. Из рая природной, естественной невинности в ад, построенной на насилии, технократической цивилизации.

"Эх, сели бы все прочли мои книги и последовали им, ну не все, а хотя бы большинство, на Земле наступил бы рай", — думал Мегре.

Несмотря на свои восемьдесят лет, Мегре был бодр и здоров. Иногда у него болели почки, печень, желчный пузырь. Крутило суставы, болела голова. Тогда он делал дыхательную гимнастику по системе йогов, пил травяные настои, предварительно зарядив их праной, и все проходило.

Незаметно к нему на скамью присела девушка. Повернув к ней голову, Мегре увидел, что она смотрит на него, улыбаясь. Это, конечно, была Анастасия.

"Я пришла за тобой, — оказала она — я много еще должна тебе рассказать и показать, и для этого можно пока не ехать в тайгу. Но мы поедем туда обязательно, и я покажу тебе сына".

"Это не сон?" — спросил Мегре.

"Ты сам осветил на этот вопрос в своих книгах. Все, что происходит, мечта и сон. Божественный сон, божественная мечта, но это-то и прекрасно. Пошли". И они пошли.

ВОСКРЕШЕНИЕ

Пьеса в четырех эпизодах с эпилогом

Действующие лица:

Кротов Юрий Филиппович — владелец и руководитель крупной фирмы. 40 лет.

Кротова Наталья Николаевна — его жена. 26 лет.

Иванов Сергей Юльевич — друг и компаньон Кротова, его правая рука в бизнесе. 38 лет.

Миллер Андрей Всеволдович — друг и помощник Кротова, его левая рука. 36 лет.

Мулик Аполлон Андрианович — двоюродный брат Кротовой. 20 лет.

Магильный Михаил Иванович — современный маг, профессиональный воскреситель. 35 лет.

Эпизод первый

В офисе очень солидной фирмы сидит Наталья Николаевна, красивая, молодая женщина в эффектном трауре и с очень грустным лицом. Входит Миллер.

А н д р е й. Здравствуй, Наташа.

Н а т а л ь я. Здравствуй, Андрей. (*пауза*) Андрюша, какой ужас, какой ужас...

А н д р е й. Да, хочется тебя утешить, но как? Я сам убит. Какая нелепая ситуация!

Н а т а л ь я. (*прикладывает платок к глазам, плачет*) Что же делать? Мы же без него, как слепые кутята...

А н д р е й. Да, положеньице... Я же без Юрия, как без рук. У него же не голова была, а компьютер. Все, все знал, всем управлял...(*размышляет, говорит с обреченностью*) Без него все развалится.

Н а т а л ь я. (*обреченно*) Ну, что делать? Придется все распродавать...

А н д р е й. Распродавать? (*спокойно*) Ты просто не понимаешь, о чем говоришь. Все это (*показывает на компьютер и шкафы, которые, видимо, олицетворяют для него его бизнес*) нельзя просто так взять и продать. Не заключатся сделки, пройдут сроки поставок, подойдет плата по кредитам, отчетность... Боже, боже... (*пауза*) Мы ничего не получим, Хорошо если еще должны не останемся.

Н а т а л ь я. (*поражена*) Ну, что ты говоришь? Юра говорил, что здесь миллионы баксов крутятся, сотни миллионов.

А н д р е й. Так то — крутятся! А ты попробуй, останови. Все и рухнет.

Н а т а л ь я. Ну, что-то же должно остаться? Мне не нужны сотни миллионов. Да, господи, мне и одного хватит.

А н д р е й. Одного? Да, где он? Кстати, а у тебя как дома не осталось налички? Юра говорил, что у него на черный день кое-что накоплено.

Н а т а л ь я. Я еще не смотрела. Да там и не может много быть. Я знаю, что он еще лет пять назад очень большие деньги где-то на западе пристроил... Ой, я ничего не знаю в его делах, он мне ничего не рассказал.

А н д р е й. Ну, он же не знал, что все так...

Н а т а л ь я. (*стонет*) А... Какая несправедливость! Молодой, красивый, через месяц 41 год. (*рыдает*) Хотели ребеночка завести уже.

А н д р е й. Да, вот проклятье! Как мы беспечны, как беспечны. Я ему давно говорил, давай, наймем менеджера тебе в помощь, а он мне, я что сам не справляюсь, вот и, пожалуйста.

Н а т а л ь я. (*успокоившись, грустно*) Может сейчас его нанять? Он разберется, войдет в куре дела...

А н д р е й. Да, придется, конечно, но не известно, чем это может кончиться. В лучшем случае только что голыми не останемся.

Раздается стук, входит Аполлон Андрианович.

А п о л л о н. Здравствуй, Андрей. Ну, как ты Наташа? (торжественно) Крепись, крепись, сестра. Все там будем. Бог дал, бог взял.

А н д р е й. Здравствуй, Аполлон.

Н а т а л ь я. Да уж, креплюсь. А все равно хреново.

А п о л л о н. Гневишь бога, гневишь. (*резонерствуя*) Всевышнему виднее, кому жить, кому умереть.

А н д р е й. (*с возмущением*) Аполлон! Ну, что ты несешь? Нашел утешение!

А п о л л о н. Это, Андрюша, истинное утешение, а не ваше бабское. (*с еще большей назидательностью*) Глуп тот, кто засовывает голову в песок, а туловище оставляет на виду. Это я про вас — атеистов — говорю, не веруете вы в бога, потому и горюете безмерно. Я ведь тоже Юрика любил. И, признаться, в первую минуту как узнал, оторопел. Но теперь, поднявшись духом, понимаю, эта оторопь моя тоже от бога, Именно так нас бог наставляет...

А н д р е й. Слушай. Аполлон, прекрати! Ты достал со своим богом. Я тоже может в него верю, но когда мой друг погибает, то мне от этого твоего бога ни помощи, ни сочувствия. (*успокаивается*) Тут впору самим в петлю лезть — дела такие...

А п о л л о н. Вот ты кощунствуешь и упорствуешь в своем неверии, а того нет, чтобы пойти в церковь, помолиться, свечу поставить, исповедаться.

Н а т а л ь я. Аполлон, Аполлон, божья ты душа. Ну, хорошо ты веришь, а если я не верю в него, так как же я в церковь пойду и попу исповедоваться буду?

А п о л л о н. Ну, а ты попробуй. Божьи люди говорят, что веру просить надо, без просьбы она сама не приходит.

Н а т а л ь я. Аполлон, я это уже от тебя сто раз слышала. Я и без веры отлично жила, теперь же хоть и тысячу раз уверовала бы, а Юрик мой все равно не воскреснет. (*собирается плакать, сдержанно стонет*) О-о-о...

Входит Иванов.

С е р г е й. Привет, друзья. (*Все, кто как, отвечают*) Крепись. Наташа, ну, что делать? (*после небольшой паузы*) Знаешь, у царя Соломона было кольцо, на которое надо было смотреть, когда тебе или очень хорошо, или очень плохо. И знаешь, что на нем было написано? (*не ждет ответа, а после небольшой паузы говорит*) "И это пройдет". И это пройдет. Сейчас плохо, но это пройдет.

А н д р е й. Нас уже Аполлон тут утешал. Призывал богу молиться.

С е р г е й. (*серьезно*) Ну, и помолитесь.

Н а т а л ь я. Не могу я Сережа молиться. У меня горе, тоска на душе и недоумение. Неужели же это все со мной произошло? Почему, зачем? Да, если бы бог существовал, разве бы он мог допустить такое горе, такую несправедливость? (*плачет*)

А п о л л о н. Ты не права, ты не права, Наташа! Только бог слезы осушает, а горе все от Сатаны, от дьявольских сил. Бог хочет только добра, а мы своим неверием Сатану-то и поддерживаем. Юру не вернешь, а ты своим горем Сатану-то радуешь.

А н д р е й. Аполлон, ну, что ты все заладил?! Бог, Сатана, молитесь, креститесь... У людей горе, не до бога тут. Это все теории, философия, а горе-то настоящее.

А п о л л о н. А! Что вам говорить? Вам про веру, про бога, а вы про горе.

А н д р е й. (*оставляет Аполлона и обращается к Сергею*) Сергей, что делать? Положение-то безвыходное. Ну, месяц еще протянем, ну два и хана. Все начнет валиться.

С е р г е й. Дело еще хуже, чем ты думаешь. Я пытался сейчас разобраться с бумагами... Двух очень важных папок не хватает. Они наверно сгорели... (*оглядывается на Наташу, она в глубокой задумчивости смотрит в окно*) Он их с собой забрал.

А там вся последняя информация. Короче, мы в такой яме... хоть на спиритический сеанс его вызывай и все выспрашивай.

А н д р е й. (*помолчав*) Может, правда. Ты же говорил как-то, что покойники действительно на спиритические сеансы приходят.

А п о л л о н. Это все вранье и бесовские происки.

С е р г е й. Погоди. Вообще-то это бывает, но, кажется, редко. Да и всегда это делают только особые специалисты. У нас не получится. Я еще в одно место загляну, но если ничего не найду, то нам действительно останется только или духов вызывать, или идти милостыню просить. И где-нибудь подальше отсюда.

Н а т а л ь я. (*Она, видимо, все-таки слышала разговор*) А вот в духов я верю, в бога не верю, а в духов почему-то верю. Только, говорят, что после смерти их нельзя тревожить. Почему-то нельзя.

А п о л л о н. Душа к богу идет на отчет, а вы бесовским волхованием ее назад притянуть хотите. Да и вообще, это никакие не духи умерших разговаривают, а бесенята на этих сеансах ваших спиритических людям голову морочат.

С е р г е й. Стой, стой. Я вот, что вспомнил... Ого-го. Слушайте. Вот это да!

А н д р е й. Что такое? Вспомнил, где бумаги?

С е р г е й. Нет, не то. Другое. Месяц назад я шастал по интернету и прочел удивительнейшую книгу... Как же я мог забыть? Вот, да! Ну, ни разу не вспоминал, а сейчас вспомнил. Как же его фамилия?..Ум-м-м… Могила, могильщик? Нет. А, вспомнил! Наоборот, Магильный. Он великий маг, и потому его Фамилия на маг начинается, а могилы-то как раз не причем. Это тоже там в книге объясняется, в еще одной. Так, вот. Книга потрясная. Я вообще люблю про всякие мистические дела почитать...

А н д р е й. Ну, не тяни, что за книга? Может, Юра написал нам в ней, что же нам теперь делать?

С е р г е й. Ну, и шуточки у тебя... Нет. Книга про воскрешение из мертвых. (*Все молчат.*) В общем, этот парень. Очень крутой экстрасенс, маг и все такое. Так вот он людей воскрешает. За деньги, а может и за так.

А п о л л о н. Ну, это же сказки.

А н д р е й. Действительно, это какая-то чепуха.

Наталья внимательно слушает.

Н а т а л ь я. Ты дальше говори, как это воскрешает? И, что? Кто-нибудь воскрес?

С е р г е й. Да, уже целая толпа. Об этом же книга. В общем, у него сначала теория, ну, не очень понятная, как-то он там объясняет, что при помощи каких-то полей что ли, Формул, в общем хитрых приемчиков, которые он знает, он может почти любого человека воскресить.

А п о л л о н. Вот, ахинея!

С е р г е й. Вы слушайте. Он там описывает, в книге, три случая. Одного он воскресил через год после смерти, другого через месяц, а третьего аж через пять лет.

А н д р е й. Ну, знаешь, я тебе еще и не то могу выдумать. Таких сказок понарасскажу, ты мне только плати. Ясно, это все лажа, чтобы с лохов деньги выворачивать.

С е р г е й. Ну, я сначала тоже так думал. Как бы не так. У этого Магильного в интернете три тома материалов. И знаешь, что за материалы? Это почти все расписки, заверенные нотариусами, в которых люди рассказывают о всяких чудесах, которые он понатворил.

Н а т а л ь я. Какая, ты говоришь, у него фамилия?

С е р г е й. Магильный. Я же говорил, от слова "маг". Да, это и неважно. Главное вот что: а вдруг это все, правда? Давайте ему позвоним и спросим, может он нам Юрку-то и воскресит.

Н а т а л ь я. Да, это было бы чудо! (*с грустью и сомнением*) Только чудес не бывает.

С е р г е й. Да, почему же не бывает? Ты только почитай все эти книги по мистике. Всякие там "Книги тайн". Там такое написано, что уму непостижимо.

А н д р е й. Да, может, это все вранье?

С е р г е й. Все не может быть вранье, да и часто настоящие ученые, очень серьезные люди, все это подтверждают. Вот, хоть Спиркин-академик...

А п о л л о н. Да, бесовских дел в мире не счесть, и если вы с этим Могилой или как там его свяжетесь то, я вам точно говорю, будете гореть в аду. Потому что это все дела дьявольские, бесовские и сатанинские.

Н а т а л ь я. Слушай, Аполлон, мало того, что мы, все в таком дерьме, мало того, что Юрик погиб так глупо, еще ты своим адом пугаешь. Да, что это за бог, что сначала здесь нас долбит, горе насылает, смерть, так потом еще и в ад засунет? Я бы еще кое-как в бога бы поверила (почему и нет), только без всей этой твоей болтовня, а уж в ад ты меня не заставишь поверить, (*почти кричит*) нет никакого ада, потому что его не может быть никогда!

А н д р е й. (*спокойно, рассуждая*) Действительно, зачем богу какой-то еще ад? ну, вот людей в тюрьму сажают, чтобы не дать им новые преступления совершить, чтобы наказать на будущее. А в аду какое будущее? Человек-то умер и натворить уже ничего не может.

А п о л л о н. А что б другим не повадно было грешить! В назидание нам!

С е р г е й. Аполлон! Какое назидание, если ад — это просто слова никем не доказанные. Тюрьму или электрический стул — все знают, что они есть, а ад где? Да, и вообще, люди не виноваты, что они такие, какие есть, их такими сам бог и создал. За что ж он их теперь будет в ад отправлять? Пусть сам туда тогда и отправляется.

А п о л л о н. У людей есть свободная воля...

Н а т а л ь я. Все. Сворачиваем полемику. Серега, включай компьютер и ищи адрес этого волшебника. Утопающий цепляется за соломинку.

А п о л л о н. Я вас предупреждаю, вы идете к вечной погибели...

Н а т а л ь я. Да, по мне хоть к черту в зубы. (*Аполлон демонстративно уходит. Сергей садится за компьютер и начинает поиск. Андрей и Наталья ждут.*)

Занавес

Эпизод второй

Кабинет Магильного. В нем почти ничего не выдает кабинет мага. Обычный офис средней руки. Правда, если приглядеться, можно заметить в интерьере мелкие детали выдающие характер занятий хозяина. Какое-нибудь экзотическое чучело, стоящие не на виду старая антикварная чаша из черепа, громадная хрустальная пирамида и тому подобнее.

Магильный сидит, закрыв глаза, с медитативным выражением на лице, За полминуты до появления гостей он открывает глаза, встает, потягивается, делает несколько разминочных упражнений, садится за стол и в это время из селектора раздается голос секретаря.

Г о л о с с е к р е т а р я. Михаил Иванович, к вам посетители.

М а г. Пусть проходят.

Входят Кротова, Иванов, Миллер. Иванов представляет вошедших и представляется сам.

С е р г е й. Наталья Николаевна, Андрей Всеволодович и я, Сергей Юльевич.

М а г. Магильный Михаил Иванович, добро пожаловать, присаживайтесь. (*все рассаживаются*)

М а г. (*после небольшого молчания, спокойно, взвешенно, почти без интонаций*) Ваше дело мне в основных чертах ясно из телефонного разговора с Сергеем Юльевичем. Разрешите теперь задать вам несколько дополнительных вопросов.

Вы, Наталья Николаевна, жена погибшего главы и владельца известной фирмы. Вы принимали какое-нибудь участие в бизнесе вашего мужа?

Н а т а л ь я. Нет, никакого. Самое большее, я могла случайно знать о каких-то его планах, действиях, но особо во все это не вникала.

М а г. Оставил ли вам муж какие-нибудь деньги, помимо недвижимости?

Н а т а л ь я. Дома в сейфе осталось около 50000 долларов наличными, сами понимаете, по сравнению с состоянием мужа, это совсем мало, и в банке на моем личном счету лежат уж совсем какие-то крохи.

М а г. Теперь вопросы к вам, Андрей Всеволодович. Вы, видимо,немец, но не чистокровный. (*Миллер, озадаченный, молчит.*) Да или нет?

А н д р е й. Я немец наполовину, по отцу, мать моя чистокровная еврейка. Разве это имеет какое-то отношение к нашему делу?

М а г. Имеет. Извините, но я праздных вопросов не задаю и ни антисемитом, ни сионистом не являюсь. (*Миллер успокаивается*) Вы богаты, Андрей Всеволодович?

А н д р е й. (*с усмешкой*) Увы, нет. Юра мне хорошо платил, говорил, что у меня есть доля в предприятиях, но я люблю пожить, не люблю экономить и, потому никаких сбережений у меня нет. Есть дома около 3 000 долларов и все.

М а г. Я так и думал. Чем вы занимались на фирме?

А н д р е й. Я был Юрин помощник, и заниматься приходилось многими вопросами. Поставки, маркетинг,

кредиты, контроль самый разнообразный. Но все нити бизнеса были у Юры и отчасти у Сергея, Сергея Юльевича.

М а г. Вы можете распоряжаться какими-то суммами, принадлежащими фирме?

А н д р е й. В не очень больших пределах могу. Это что-то около 20 000 долларов. У меня есть свой спецсчет.

М а г. Хорошо. Теперь вы, Сергей Юльевич. Вы могли бы заменить вашего шефа в его бизнесе?

С е р г е й. Я уже сказал вам по телефону, что основная наша проблема в том, что Юра незаменим. Понимаете, у него была не голова, а Дом Советов. Гигантская память, оперативность. Он был своего рода гений.

М а г. Был ли он человеком властным?

С е р г е й. В обиходе это был приятный человек, очень обаятельный, но в тонкости своего бизнеса он предпочитал никого не посвящать. Да, и правильно. Лучше него никто бы с управлением не справился.

М а г. Ну что ж, картина мне ясна. Сейчас я выскажу вам свое предложение, вы же выслушаете меня, не перебивая. Когда я закончу, тогда и выскажитесь. Я берусь за ваше дело. Обойдется оно вам не дешево, но то, что я сделаю, вообще никакой цены не имеет. Я верну Юрия Филипповича к жизни. (*Наталья негромко ахает, Сергей и Андрей тоже очевидно поражены столь категоричным заявлением.)* Но до того как я начну работать, я должен объявить вам свои условия и заключить договор.

Условия мои таковы: вы выплачиваете мне 50 000 долларов авансом и наличными. Если воскрешение будет осуществлено мною в течение 30 дней, начиная с завтрашнего, вы выплачиваете мне гонорар — 300 000 долларов, если это произойдет позже, то цена будет ниже и составит — 200 000. Это финансовая сторона. Я позже отвечу на ваши вопросы. *(Андрей и Сергей явно пытаются начать обсуждение финансовых условий.)* Продолжу. Воскрешение — глубоко интимный акт. Это — интимный акт и для самого

воскрешаемого и для всех посвященных в детали, и так же он интимен и для общества, в котором он производится. Я вот, что имею в виду. В нашем обществе прямая информация о происшедшем воскрешении может иметь самые катастрофические последствия. Вы уж мне поверьте. Даже для вас это будет глубоким потрясением, хотя я сделаю все, чтобы всячески вас к нему подготовить. Воскрешение не может произойти так, что Юрий Филиппович, как ни в чем ни бывало, после него выйдет на работу и будет вести прежнюю жизнь. К сожалению, это пока не в моих силах. Юрию Филипповичу придется некоторое время вести свой бизнес как бы из подполья. Скорее всего, именно этот бизнес ему придется свернуть. Это связано с тем, что ему придется переехать туда, где его никто не знает. Но ваша цель будет вполне достигнута: предприятие ваше не обанкротится, жена получит мужа, а вы возможность и дальше общаться и работать со столь любимым вами и уважаемым шефом. Я беру на себя обязательство уничтожить всю документацию, связанную с захоронением и само захоронение. Я восстановлю те документы Юрия Филипповича, без которых ему сложно было бы оставаться полноценным гражданином. Пожалуй, все.

А н д р е й. (*после небольшой паузы*) Михаил Иванович, мы, конечно, можем рискнуть пятидесятью тысячами ради такого дела, но, что если через месяц никакое воскресение не произойдет? Вы нам скажете: ждите и готовьте двести тысяч. Мы и будем готовить, готовить и так и останемся с носом. (*Маг невозмутим*) Извините, но я обязан предположить и такой вариант. Да, и зачем вам аванс? В особенности такой огромный. Это же почти все наши деньги. Если Юра не воскреснет, фирма наша полетит в тартарары, и мы останемся вообще на нулях. А вы будете считать, что договор выполнен, ведь по нему вы можете воскресить Юру и через сто лет.

М а г. Я ждал этот вопрос и специально не затронул эту тему раньше. Дело в том, что есть небольшая вероятность, что

воскрешение может не произойти даже и в течение полугода. Как я понял, вы столько ждать не можете.

С е р г е й. Да, даже месяц очень большой срок. Я говорил вам по телефону, что с Юрой пропали две папки очень важных документов, содержания которых мы не знаем, но знаем, что без них наш крах может очень ускориться, Юра знает, что в них было, и этого достаточно чтобы их восстановить.

М а г. Да, я помню. Я собираюсь войти в контакт с Юрием Филипповичем и восстановить эти документы, раз, и, второе, я возьму на себя руководство вашей фирмой, которой руководить буду не я, разумеется, а Юрий Филиппович через меня, до тех пор, пока не произойдет воскрешение. Мне будут необходимы все соответствующие документы, доверенности и другие сопутствующие условия.

А н д р е й. (*ошарашенно*) И вы уверены, что у вас получится?

М а г. Вот в этом-то я уверен на сто процентов. Я приступлю к работе завтра с утра. Кроме того, для самого воскрешения мне будет необходима ваша специфическая помощь. Мы будем собираться у меня каждый вечер, и я буду говорить, что вам надо делать.

Прежде чем обратиться ко мне вы выяснили, что я не мошенник. Сейчас вы видите, что мошенники так, как я, не действуют. Так, что эту тему, я полагаю, можно дальше не обсуждать.

Завтра в девять я у вас. До свидания.

Все встают. Видно, как они потрясены.

Занавес.

Эпизод третий

Прошло около недели. Опять офис фирмы. За столом сидит Аполлон и читает библию. Заходит Андрей.

А н д р е й. А, привет, Аполлон. (*Здоровается за руку, Аполлон подает руку, не вставая*) Ну, что там есть новенького про господа бога? (*кивает на Библию*)

А п о л л о н. (*торжественно, подняв палец*) Всякая хула простится человеку, не простится только хула на Святого Духа.

А н д р е й. И это значит, что Отца и Сына можно поливать как угодно и все простится?

А п о л л о н. Не суесловь. На Отца и Сына ты по легкомыслию хулу возносишь, а возводя ее на Духа Святаго (*подчеркивает «а» в предпоследнем слоге*) ты и саму возможность спасения у себя отнимаешь.

А и д р е й. Во завернул. Да, какую же я хулу возвожу хоть на Духа, хоть на Сына, хоть на Отца? Я просто спросил, нет ли у тебя чего-нибудь новенького про них. Ну, просто пошутил, человек ты без юмора.

А и о л л о н. За такой юмор ты на том свете языком раскаленные сковороды лизать будешь.

А н д р е й. Он пугает, а мне не страшно. Я бы посоветовал тебе к психиатру обратиться, но, боюсь, тебе уже ничего не поможет. Хорошо хоть ваша церковь к нашему времени основательно обкакалась, а то бы ты костров на каждом углу понаставил. Савонарола ты наш. Спасал бы нас, грешных, из когтей Диавола и от адских мук.

А п о л л о н. Я все знаю. Вы были уже у этого вашего сатаниста. Это его дьявольская сила через тебя на меня ополчается. Не успел увидеть меня, сразу богохульствовать кинулся.

А н д р е й. Ладно, прости, если что. Я понимаю, ты любишь своего Иегову, ну и бог в помощь, я, в общем, не против. (*Аполлон, разочарованный покладистостью Андрея, угрюмо молчит. Входит Наталья с Сергеем.*)

Н а т а л ь я. Здравствуй, Аполлон, чего такой хмурый? Привет, Андрюша.

С е р г е й. Привет, честной кампании.

А п о л л о н. (*с места в карьер и торжественно*) Я пришел сегодня призвать вас к покаянию. Еще не поздно спасти ваши души...

Н а т а л ь я. Поздно, Аполлон, поздно. Мы уже давно взрослые, и если ты будешь доставать нас своим богословием, то я буду тебя выпроваживать. Ты завтракал?

А п о л л о н. (*мрачно*) Чего-нибудь бы съел.

Н а т а л ь я. Ну, что, всем кофе? (*не получив ответа, нажимает кнопку селектора и заказывает кофе и бутерброды*).

А н д р е й. Михаила Ивановича что-то до сих пор нет. Наверное, Аполлона испугался.

Н а т а л ь я. Его сегодня не будет, да он и не нужен. Вот, человек! Мне кажется, что если он нас и дурит, то как менеджер он гений. Слушайте, все идет, как по маслу. Он свои деньги уже оправдал.

С е р г е й. Да, нет. Он или действительно с Юрой общается, или ясновиденьем обладает.

А н д р е й. Он мне сказал, что и то, и другое. Ты почитай в интернете. У него там книга есть интересная. Не та, что про воскрешения, а другая. Про гармонизацию событий. Хоть и непонятно, но очень интересно.

А п о л л о н. Вот вам не нравится, что я говорю, а я говорю вам — он дьявол. Дьявол!

А н д р е й. (*вразумляюще*) Аполлон, Михаил Иванович никакой не дьявол, а просто очень развитый человек. Ты почитай, почитай в интернете. Там не только его книги, но и о нем. В прошлых жизнях он был Александром Македонским, Аллахом, Буддой и Христом.

А п о л л о н. Глупость и кощунство. Может этим дьяволом Буддой или Македонским, этим Чингизханом греческим, он и был, но не Аллахом и не Христом. Аллах — это Бог по арабски, а Христос — Сын Божий, единосущий Ему, второе лицо Троицы, Ее вторая ипостась. Он как ушел на небо после воскресения, так больше и не появлялся. И ученикам заповедал, что кто бы ни выдавал себя за Христа, не верили. Как

молния, когда сверкнет, бывает видна с востока до запада, так будет и явление Сына Человеческого. Тут уж не ошибешься. (*говорит резко и быстро, постепенно распаляясь*)

А н д р е й. (*спокойно*) Что ты раскричался? За Христа своего обиделся? Да, с Аллахом — это действительно какая-то накладка, а с Христом другая история. Он прошел обучение в Гималаях у Махатмов...

С е р г е й. У Махатм, правильно Махатм.

А н д р е й. Да, у Махатм. Я в какой-то газете читал недавно. И пошел он потом в Израиль, на родину, думал им что-нибудь там втолковать. Ну, евреи тогда были темные, ничего не поняли, взяли его и распяли от греха подальше. А христианство искаженное уже потом римляне ввели...

С е р г е й. Ну, ты сильно все упрощаешь. Он и хотел, чтобы его распяли...

Н а т а л ь я. (*до этого слушавшая в пол уха*) Как можно этого хотеть? Ты ничего не путаешь?

С е р г е й. Ничего я не путаю. Он хотел пострадать, чтобы засвидетельствовать истину учения. А так бы про него и до сих пор никто бы ничего не знал. Мало ли проповедников ходит?

А н д р е й. Ну, почему же? Не всех же распинали...

Н а т а л ь я. Ну, вы и богословы, с кем я связалась? У вас что, работы нет? (*Андрей и Сергей спохватываются, берут какие-то документы, Андрей надевает халат и со словами: "В лабораторию пошел", уходит.*)

С е р г е й. Я тоже побежал. Чао. (*уходит*)

Аполлон, очумевший от обрушившихся на него кощунств и ересей, принимается наконец за остывшие кофе и бутерброды. Наталья садится за стол и разглядывает цветной журнал. Аполлон смотрит на нее и собирается приступить к увещевательным речам. Наталья, не глядя на него, говорит довольно мягко, но вразумляюще.

Н а т а л ь я. Молчи, Аполоша, молчи. Я твои речи все наизусть знаю. Могу сразу тебе ответить: бога — нет, черта — нет, каяться мне не в чем, в церковь я не пойду. Мне и тебя выше крыши хватает. Ты человек не плохой, только маленько съехавший. Ну, что ж, бывает и хуже, но реже.

А п о л л о н. (*спокойно*) Хорошо. Ты ни во что не веришь. Так как же ты поверила этому жулику, что он тебе Юру вернет? Ну, где это видано, чтобы за деньги покойников воскрешали?

Н а т а л ь я. Какая разница, за деньги, без денег? Он уже целую армию их воскресил. Да, и Христос тоже из мертвых воскрешал, я точно помню.

А п о л л о н. Так то Христос. Он Лазаря воскресил. Только слово сказал, и Лазарь воскрес.

Н а т а л ь я. Ничего, я подожду. Мне все равно кто, Христос или Михаил Иванович, лишь бы он воскрес. Христос когда жил? Тогда все проще было. Михаил Иванович говорит, что все люди воскресают по-разному, а ему еще кучу разрешений надо всяких получить в каких-то там небесных инстанциях. Это не так быстро. Как получит, так и воскресит. И Юра, главное, уже согласился, понял.

Включается селектор.

Г о л о с с е к р е т а р я. Наталья Николаевна, к вам Михаил Иванович направляется, позвонили с проходной.

А п о л л о н. (*бормочет*) Вот уж не хочу с этим чертом встречаться... Завтра можно зайти?

Н а т а л ь я. Заходи, Аполоша, заходи, я буду дома. (Аполлон собирается уходить) Подожди. Возьми денег. (*дает Аполлону 500 рублей*) Кушай хорошо и не бухти. Тетке привет передавай. До свидания. (*Аполлон уходит*)

Входят Магильный и человек в костюме Деда Мороза и в темных очках.

М а г. Здравствуйте, Наталья Николаевна.

Н а т а л ь я. Здравствуйте, Михаил Иванович. К Новому Году готовитесь?

М а г. Да, что-то вроде того. У меня есть для вас важная информация. Сядьте, пожалуйста, в кресло. Поудобнее. (*Наталья садится*) Вот так. Вдохните глубоко, выдохните и задержите дыхание секунд на пять.

Н а т а л ь я. (*встревожено*) Все срывается? Воскрешение не удастся? Да?!

М а г. Нет. Наоборот. Дышите. (*Наталия выполняет указания, пауза*) Перед вами ваш муж.

Н а т а л ь я. (*забыв про стушевавшегося Деда Мороза, простодушно*) Вы хотите сказать, что он вселился в вас, и я могу с ним пообщаться?

М а г. Нет. (*показывает на Деда Мороза*) Вот ваш муж. (*Наталья пытается подняться*) Сидите.

Н а т а л ь я. (*потрясенно*) Это не гипноз?

М а г. Это — не гипноз. (*Дед Мороз снимает очки, и потрясенная Наталья узнает глаза мужа. Она ахает. Тот снимает шапку, бороду с усами, Наталья теряет сознание и медленно заваливается на ручку кресла. Магильный, не торопясь, подходит к ней и усаживает ее прямо. Юрию*) Присядьте.

Наталья приходит в себя уже несколько успокоившаяся. Не отрываясь смотрит на Юрия.

М а г. Всего за неделю, прямо рекорд...

Ю р и й. Наташа. (*Подходит и берет ее за руку. Наталья молча прижимается к его руке щекой.*)

М а г. Я пошел. У меня еще дел на фирме предостаточно. Юрий Филиппович, помните и соблюдайте все, что я говорил. Наталья Николаевна, главное, чтобы его никто не увидел. Предельная осторожность. До завтра. (*уходит*)

Занавес.

Эпизод четвертый

Гостинная в доме Кротовых. В центре большое окно с прекрасной панорамой, из гостиной ведут три двери: одна в спальню, другая в ванную, туалет и на кухню, третья на выход. Стол, стулья, диван. На столе стоит ваза с яблоками, пепельница, рядом сигареты инесколько в стороне бутылка с минеральной водой. Остальной интерьер произвольный, типичный для богатой квартиры богатых людей.

Утро. Из спальни появляется Юрий. Берет со стола сигареты, закуривает, с наслаждением затягивается и стоит, любуясь видом из окна. Из ванной выходит Наталья в халатике с влажными волосами.

Н а т а л ь я. Ты встал? Завтракать хочешь? (*светится счастьем*)

Ю р и й. Сейчас, докурю. Боже, какое наслаждение вот так вот просто закурить!

Н а т а л ь я. А тебе не вредно?

Ю р и й. Чем же вредно? Я, ты знаешь, ни куревом, ни питьем не злоупотребляю. Мой девиз: ничего слишком. Да, теперь я лет до ста точно проживу.

Н а т а л ь я. (*обрадовано*) Правда? А почему?

Ю р и й. Ну, я имею в виду, что, пережив то, что я пережил, уже ничего не боишься. Это примета такая, кто смерти избежал, тот до ста лет жить будет. А я уже там был и вырвался.

Н а т а л ь я. Юра, а что ты там делал? Как там вообще? Ты имеешь право рассказывать?

Ю р и й. (*смеется*) Кто же мне запретит? Конечно, имею. И расскажу. Постепенно расскажу. Знаешь, как-то слова подобрать трудно. Вроде вижу ясно все, но когда хочу сказать выходит как-то неточно. (*берет из вазы яблоко и начинает грызть*) Вот этих ощущений там нет. Каких-то таких земных,

настоящих,серьезных, ярких. Нет, там тоже все очень серьезно, но все другое, а с другой стороны все такое же. В чем-то такое же. (*Ест яблоко*)

Н а т а л ь я. Знаешь, ты и внешне изменился. Во-первых, моложе выглядишь и худее. Даже как будто чуть ниже стал.

Ю р и й. Усох. Там, в основном, все молодеют, только дети взрослеют.

Н а т а л ь я. А меня ты видел? Друзей?

Ю р и й. Нет. Этот мир был как в тумане. Некоторые видят. Я не видел. А очень хотел. И ничего не получалось. Иногда музыка долетает, иногда шум какой-то. Смотря где находишься... Здесь, кажется, совсем немного времени прошло?

Н а т а л ь я. Так, сколько же? Да, мало совсем. 12 дней. Сегодня двенадцатый.

Ю р и й. Ну вот, а я там не меньше года парился. Точно. Не меньше, а может и больше.

Н а т а л ь я. Может это только так показалось — от скуки.

Ю р и й. Нет-нет. Да, там и не скучно было. Мне, по крайней мере. Я там в одно место летал, очень далеко отсюда. И пробыл там долго. Может из-за этого такая разница во времени. Надо у Магильного спросить.

Н а т а л ь я. А он, что все это знает?

Ю р и й. Конечно. Он, знаешь, какой крутой? Это здесь он такой скромный, сидит в кабинетике, делает вид, что деньги зарабатывает.

Н а т а л ь я. Да, кстати, а ты сможешь с ним рассчитаться?

Ю р и й. Конечно, смогу. Этим Андрей сейчас займется. (*бросает взгляд на панораму за окном*) Ты не представляешь, как здесь хорошо. Яблоки, сигареты, кофе, мороз на улице и снег.

Н а т а л ь я. А там, что ничего нет?

Ю р и й. Там много чего есть, но все не такое. Оно по-своему там тоже крутое. И даже очень, но вот всех этих милых радостей нет.

В порыве чувства обнимает Наталью и нежно целует. Наталья радостно к нему прижимается.

Раздается мелодичный звонок. Наталья нажимает кнопку и говорит.

Н а т а л ь я. Кто там?

Г о л о с и з д и н а м и к а. Это — я, Аполлон. Пришел в гости. *(Наталья с Юрием счастливо смеются.)*

Ю р и й. Я спрячусь, а то Аполлон еще дар речи потеряет.

Н а т а л ь я. Он меня тут во всю и адом, и богом пугал... (*внезапно вспоминает что-то и говорит очень серьезно*) Юра, скажи, а бог есть? Ты-то уж должен точно знать.

Ю р и й. Я думаю, что должен быть, но только там в этом отношении как и здесь. Никто толком ничего не знает. Каждый врет, кто во что горазд.

Н а т а л ь я. Ладно, пойду открою, а ты спрячься. (*Юрий уходит в ванную*)

Наталья выходит и возвращается с Аполлоном. Наталья напевает и вообще видно, что она в превосходном настроении.

А п о л л о н. (*мрачно*) Конечно, хорошо, что ты такая веселая, но ведь, Наташа, это же ложь все! Как ты разочаруешься, как ты будешь страдать, ведь слезами умоешься.

Н а т а л ь я. (*напевает*) Аполлон, Аполлон, Аполлонович. Не бросай ты в окно мне кирпич. Ты кирпич кирпичьевич ля-ля-ля, ля-ля-ля...

Ничего не придумывается больше и она просто лялякает. Поправляет стулья смахивает пыль, видно, что она занята больше собой, чем Аполлоном.

А п о л л о н. (*садится, видит окурок в пепельнице и сигареты*) Ты что курить начала?

Н а т а л ь я. (*дурачась*) Да, покуриваю иногда. Для разгулки времени, для поправки здоровья. (*пауза*) Ну, что скажешь? Работу нашел?

А п о л л о н. Еще не устроился, но обещают точно. Кстати, хорошая работа, церковные книжки продавать.

Н а т а л ь я. С лотка или в киоске?

А п о л л о н. В киоске.

Н а т а л ь я. Это лучше, не будешь мерзнуть. Заодно и перечитаешь их все. Домой будешь брать и читать.

А п о л л о н. Да, я давно их и так уже все перечитал. Разве по второму разу.

Н а т а л ь я. А... Ну, тогда с тобой все ясно. А то я и думаю себе, что это Аполлон все мне проповеди читает, да умные какие, и про бога, и про ад, и про грехи...

А п о л л о н. (*почти жалобно*) Вот, ты дура, Наташка! Дура конченная, ну, как можно так богохульствовать? Ну, ты хоть и не веришь, а вдруг он есть. Нет, ты представь только, ты над богом насмехаешься, богохульствуешь, а он на тебя смотрит и головой качает.

Наталья счастливо смеется. Аполлон смотрит на нее с удивлением. Потом говорит раздраженно.

А п о л л о н. Ты думаешь он тебе его воскресит? Шиш с маком. Денежки прикарманит и адью.

Н а т а л ь я. (*не выдерживает*) Уже, уже воскресил! Это все оказалось правдой, и Юрка мой уже живой, уже живет и жизни радуется!

А п о л л о н. Это он тебе сказал? По телефону с утра позвонил и обрадовал. Так мол и так, чудо свершилось. Приезжайте, забирайте.

Н а т а л ь я. Вчера, вчера воскресил, чудо ты в перьях.

А п о л л о н. Это я-то чудо? Да, если хочешь знать, после Христа ни одного крупного чуда уже 2 000 лет не совершалось, а воскрешений и подавно. Мне это вчера один священник точно разъяснил. Ты думаешь для твоего Магильного бог сделает исключение? А Сатана никого воскресить не может при всем желании. Нет у него той силы, как у Бога,

Раздается звонок. Пришел Сергей, Наталья впускает Сергея.

С е р г е й. Здравствуй, Аполлон, Как дела? Опять проповедовал? Почему бы тебе в бурсу не поступить? Сейчас есть бурсы, или только семинарии? Закончишь, получишь сан и будешь проповедовать на законных основаниях. (*Аполлон гордо молчит. Входит Наталья. Сергей сразу переключается на нее.*) Ну, как он? Нормальный? С головой все в порядке?

Н а т а л ь я. Что у него может быть с головой не в порядке? Все в порядке. И с головой, и со всем. (*Краснеет, Сергей серьезно и понимающе кивает.*) Вот, Аполоша не верит, что все удалось.

С е р г е й. А где он сейчас?

Н а т а л ь я. Пошел в ванную, а сейчас, наверное, на кухне кофе пьет. Специально ушел, чтобы Аполлона не шокировать.

А п о л л о н. Да, о чем вы говорите? Вы что меня разыгрывать договорились? Кто он? Кто кофе пьет? Вы чего болтаете?

Из кухни выходит Юрий.

Ю р и й. А вот и привидение. (*Шутливо поднимает руки, потрясает ими, изображая привидение из мультфильмов.*) А-га-га... (*Аполлон впадает в ступор. Потом начинает нести, бог знает что.*)

А п о л л о н. Значит я всегда, и там... Вот, как. Его не стали хоронить, он ведь сам сказал... Теперь мюжно и по другому, а может и вообще по-всячески. Он же ставил свечки еще тогда... (*замолкает*)

Н а т а л ь я. Аполоша, что с тобой? Аполоша, очнись. (*Аполлон молча хлопает глазами. Юрий наклоняется над ним, встревоженный действием своей шутки и своего появления.*)

С е р г е й. Юра, ты отойди от него, а то он придет в себя и опять уйдет, на тебя глядючи. (*Юрий поворачивается к Сергею и подает ему руку.*)

Ю р и й. Ну, здравствуй!

С е р г е й. Главное, ты здравствуй. Как ты себя чувствуешь? Все в порядке?

Ю р и й. Нормально.

С е р г е й. Все помнишь, голова работает нормально?

Ю р и й. Лучше, чем раньше.

С е р г е й. И ты как, много помнишь? Ну, как ты там был?

Ю р и й. Помню. Я уже Наташе пытался рассказывать, не так-то это просто. Но вам узнать будет полезно. Главное, что особо бояться нечего. Мы тут все вс¨ время боимся. И так привыкли бояться, что думаем, что как бы и не боимся, а сами боимся. Главное...

А п о л л о н. Ад, ад! Ада надо бояться. (*все еще бредит*)

Н а т а л ь я. Успокойся, Аполоша, успокойся. (*берет со стола бутылку, смачивает платок и прикладывает Аполлону ко лбу. Аполлон приходит в себя, смотрит на Юрия.*)

А п о л л о н. Так ты действительно воскрес? Но ведь этого же не может быть!!

Ю р и й. Воскрес, Аполлон, воскрес. Странно то, что ты у нас такой верующий, а в то, что я могу воскреснуть, никак не можешь поверить. Где-то в библии сказано: «Богу все возможно».

А п о л л о н. Так то Богу... (*осекается*)

Ю р и й. Странный ты, Аполлон. Ты же читал Евангелие, должен помнить, что там сказано: «Две малые птички продаются

за ассарий, а и те на счету у бога, у вас же и каждый волос на голове сосчитан». Разве может в этом мире хоть что-то произойти без воли бога и без его ведома?

А п о л л о н. (*молчит, потом говорит неуверенно*) Так-то оно так, но Сатана... (*начинает воодушевляться, но все это замечают и решительно пресекают очередную его проповедь в зародыше. Одновременно.*)

С е р г е й. Стоп, стоп, стоп.

Ю р и й. Ни слова о Сатане!

Н а т а л ь я. Аполлон! Ты задолбал своим Сатаной!

А п о л л о н. (*обиженно*) Да, какой он мой, он ваш!

Н а т а л ь я. Все, молчи! (*к Юрию*) Он своими глупостями не может повредить?

Ю р и й. (*не понимает*) Чему?

Н а т а л ь я. Ну, магии Магильного.

Ю р и й. (*смеется*) Ну, что ты? Это же просто словеса. Наносная мудрость. Если только вообще мудрость, а Магильный сила, да и знание. Нет, все в порядке.

С е р г е й. Слушай, Юра, ну, а что с нашими делами? С бизнесом? Тебе же высовываться нельзя. Ты что, отсюда будешь руководить?

Ю р и й. (*помолчав*) Нет. Этот бизнес будем прикрывать и уедем. Магильный сказал, что надо сделать только так. А он если говорит, то точно знает. Да, все нормально. Здесь все пройдет нормально, а у меня еще и на западе заначка есть, какая-никакая. Проживем. Начнем сначала.

Н а т а л ь я. (*с упреком*) Как же ты мне ничего не рассказал?

Ю р и й. А я знал, что умру?

С е р г е й. Ну, теперь будешь знать, что даже такой счастливчик, как ты, может умереть. (*радостно*) Нет. Ну, каков? И здесь выкрутился.

Ю р и й. Мы с Наташей хотим на Канары поехать отдохнуть от всех этих передряг. Ты поедешь с нами?

С е р г е й. Я сейчас не могу, может, попозже подъеду. Андрей, тот, точно согласится.

Ю р и й. Вот и отлично, сейчас закажу три билета на самолет.

А п о л л о н. (*тихий и задумчивый*) Ну, я пойду. Хочу еще сегодня насчет работы окончательно договориться.

Н а т а л ь я. Давай, Аполоша, давай. Устраивайся. Тете передавай привет.

С е р г е й. До свидания, Аполлон.

Ю р и й. (*хлопает дружески Аполлона по плечу*) Ну, успеха в делах. (*Аполлон уходит*)

Занавес

Эпилог

Та же гостиная. Входит Юрий. Подходит к зеркалу, берет со столика перед зеркалом парик, примеряет. Волосы почти до плеч. Надевает темные очки. Делается неузнаваем. Надевает шляпу, в это время входит Наталья. Смотрит оценивающим взглядам.

Н а т а л ь я. Отлично.

Ю р и й. Считаем, что я практически готов. Михаил Иванович скоро придет, а Андрея все нет. (*раздается звонок*) А, вот и он. (*Наталья идет открывать. Возвращается с Андреем. У Андрея в руках дипломат.*) Все в порядке?

А н д р е й. Как в аптеке. Триста штук, как один цент. (*разглядывает Юрия*) Все никак к тебе не привыкну, а в этом маскараде ты, вообще, как будто и не ты, а какой-то твой родственник.

Ю р и й. Это только до самолета. Там пойду в туалет, а вернусь уже самим собой. Ты вещи собрал?

А н д р е й. Собрал. Отдаем деньги, потом я домой, и встречаемся в аэропорту.

Раздается звонок. Пришел Магильный. Входит первым, чуть позже Наталья. Магильный проходит и останавливается рядом с дипломатом, который стоит на столе.

А н д р е й и Ю р и й. (*вместе*) Здравствуйте, Михаил Иванович!

М а г. Здравствуйте, господа.

Ю р и й. (*показывает на дипломат*) Ваш гонорар.

М а г. (*Берет дипломат и поворачивается к Юрию и Сергею. Наталья становится рядом с ними.*) Господа, хочу пожелать вам всяческих успехов. В этом городе, Юрий Филиппович, вы в ближайшие 15 лет появляться не должны. Дела ваши коммерческие будут идти успешно. Работайте, зарабатывайте. Состаритесь, умрете — обращайтесь ко мне. Почаще заглядывайте в интернет на мой сайт, в мире скоро должны произойти грандиозные события. Мои книги смогут вас к этому подготовить. Книги же мои на сайте. Адрес знаете. До свиданья. (*Поворачивается, чтобы уйти. Наталья идет за ним проводить. У двери Магильный останавливается, и, повернувшись, пристально смотрит Наталье в глаза. Она смущается и опускает их.*) Бог, Наталья Николаевна, существует. Только вера ему наша ни к чему. Лучше знание.

Н а т а л ь я. (*обескураженная тем, что Магильный отвечает ей на вопрос, который она ему не задавала, растерянно*) Знание чего? Что за знание?

М а г. Гносис. Внутреннее познание бога. Только оно дает силу, бессмертие, вечность. Ну, да вам, пожалуй, об этом пока рановато задумываться. Прощайте. (*Уходит. Все стоят, осмысливая последние слова Магильного.*)

Занавес

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОД ПСЕВДОНИМОМ «АСЯ БЕРЕЗКИНА»

Рассказ был написан на конкурс, проводившийся Журналом Самиздат в преддверии рождества.

БОГ И ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ ЗЛА

святочный рассказ

Папа их бросил в два годика. Ушел к другой. И врал до конца.

В рассказах не бывает, а в жизни только так. Мать умерла через месяц. Теща. Папу-то она не любила, но за то, что бросил, проклинать не уставала. Даже на смерть его заговаривала. Вот и дозаговаривалась, сама умерла. Теперь там разбираются, кто из-за кого умер. Потому что папа разбился на машине.

Ольга его уже не любила. Правду сказать, не любила никогда. Жила с ним неплохо, ладила. Даже и сексуальная жизнь была вполне полноценной. Но знала с самого начала, что сильной любви нет, и не будет. Когда ушел, правда, заплакала. От обиды. Ведь хорошей женой была, а он ушел. Но успокоилась быстро. Теперь вот умер. Погиб. Глупая такая смерть. Он и не лихачил никогда. На работе разбился. На автобусе.

Остались вдвоем. Папа развестись не успел. Квартира осталась, машина. На первое время должно было хватить. Но тут, Алик заболел. Поднялась температура, стало очень плохо. Ольга бедная чуть с ума не сошла, пока ждала скорую. Скорая определила гепатит (кал белый, моча коричневая, а она-то думала грипп) и увезла в инфекционное. В инфекционное мать к ребенку не кладут. А ребенку два годика только. Варвары! Ольга

сидела под окнами. Врач еще попался равнодушный. И не старый, но какой-то задумчивый. Его спрашиваешь, а он не отвечает. Потом сказал, что дело плохо. Лекарств нет, облегчить никак нельзя. Как нет лекарств? Все можно достать. Деньги есть, какое лекарство, скажите! А лекарств не в больнице нет, в больнице лекарства как раз таки были, хорошая больница, а от болезни лекарств нет. В самом тяжелом периоде никакие лекарства не помогают, не придумали еще. Это другая объяснила, хорошая женщина. Все говорила, вы успокойтесь, вы успокойтесь, может все и обойдется. Капельницы все время ставим. Боже, капельницы! Там ручки-то какие, а жилки? Лучше бы и не знать. Нет, лучше все знать, материнское сердце даже болью своей поможет. Мыслями как бы как-нибудь помочь.

Два дня прошли без изменений. Хуже, правда, не стало. А в отделении детей полно, все с гепатитом, а в соседней инфекции с дизентерией. Дети бодрые, хоть и желтоватые, но ведь таких маленьких нет.

И бедная мать от всех этих ужасов и переживаний сошла с ума. Нет, внешне это никак не проявилось. Только ночью ей пригрезился черт. Приснилось ей, что она лежит в кровати и совсем не спит, а только не может пошевелиться. Рядом черт стоит и на нее смотрит. В общем, на человека похож больше, чем на черта. Только выражение лица и черты все такие, что у людей бывают очень редко, а когда бывают все так и говорят, что он на черта похож.

Лыбится этот черт и говорит: «Папочка-то с того света сына зовет». С ухмылочкой и злобно так. «Помрет сынуля твой». У Ольги тут припадок случился, и она сознание вроде как потеряла. А когда очнулась, того черта уже не было, а был другой, поприличнее и даже симпатичный. И очнулась она не на кровати, где до этого лежала и сознание потеряла, а за столом в кухне. Смотрит на нее новый пришлец и говорит, знаешь, зачем мы к тебе пришли, догадываешься? А зачем черти приходят? Гадость сделать какую-нибудь, подбить на что-нибудь подлое.

Ольга тут омертвела вся, так, что даже и беспокоиться почти перестала, как будто Алик уже умер, и подумала, что пришли черти к ней затем, чтобы рассказать об этом и горем ее насладиться. Очень хотелось ей зарыдать, но она не могла, а только молчала, как каменная. И тут черт говорит: напрасно ты так плохо о нас думаешь. Нам тебя мучить незачем и не надо. Наоборот, я уверен, ты моему предложению только обрадуешься. Ты ведь понимаешь, что Алик твой в любой момент умереть может. А мы, черти, не только убивать можем, но и продлевать жизнь тоже. Если согласишься на наше предложение, выживет твой Алик, вырастет, красавцем станет, гордиться им будешь. А нет, можешь с ним попрощаться. Прям, как цыган уговаривает, только Ольгу уговаривать не надо было.

Успокоилась Ольга, и спокойным голосом говорит, что надо сделать, я заранее на все согласна? Черт, ухмыльнулся так, чуть ехидно, и говорит, ты же меня еще не дослушала, а уже согласна? Хотела Ольга заорать, завопить, ударить его может быть чем-нибудь, но не могла, видно черт свои меры принял. Сказала только, говори быстрей и Алика спасай. А сама подумала, что раз она договаривается, то Алик еще жив и уже не умрет, потому что она, конечно, договорится и на все согласится. И отлегло у нее от сердца. Обрадовалась она, сил нет, правда, виду не подала, потому что боялась, вдруг черти передумают или не захотят Алика спасать. Ну, черт и говорит, ты нам пишешь расписку, что твоя душа после смерти будет наша, от Бога ты тем самым отрекаешься, а Алик твой выздоравливает. Ольга все подписывает, соглашается, а что еще делать? И бежит в больницу. А в больнице говорят, что кризис прошел и Алик выздоровеет. Потом уже она узнала, что у него и клиническая смерть была, но его вытянули.

Очень Ольга обрадовалась. Ночью уже перестала перед больницей сидеть, стала дома спать, а через две недели Алика и выписали. Худенький он стал, но поправлялся быстро.

В церковь Ольга не пошла, понимала, что нельзя. Ведь может такое быть, что церковь колдовство чертей разрушит,

Ольга от них спасется, но Алик-то опять может заболеть или погибнуть. Нет, уж, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Так прошло пять лет, потом еще пять, а там и десять. Обещания свои черти сдержали. Алик стал парнем хоть куда, красивым и успешным. А Ольга в хорошего человека влюбилась и замуж вышла.

И был этот человек очень необычным человеком. То есть внешне он был совершенно нормальным, работал в налоговой инспекции на хорошей должности, но в душе был он очень верующий, но в церковь не ходил. А Оленьке как-то признался, что верит он так серьезно потому, что ему верить и вовсе не надо, он знает саму правду. Есть и Бог, есть и Дьявол. Но Дьявол в этом мире сильнее.

И рассказал ей Филипп Демьянович, муж ее, ужасную историю, очень на ее собственную похожую. Только к Филиппу Демьяновичу никто не являлся, а он сам такой договор заключил. Можно так сделать, как говорится, в одностороннем порядке. У Филиппа Демьяновича была такая книга, «Гримуар», с разными сатанинскими заклинаниями, он ее из любопытства купил и прочитал. От первой жены у него тоже сын был. И стал он наркоманом и попал в реанимацию. Должен был умереть. Ну, Филипп Демьянович договор с сатаной и заключил. Сам так придумал. Написал на бумаге кровью и ночью на свече сжег. Почему не с Богом? Дело в том, что Богу жена молилась, но все без пользы. А с другой стороны, мир-то под управлением Князя Тьмы находится, это и в Библии написано, так какой смысл тогда к Богу обращаться?

Там еще бабка была у него в детстве, деревенская, так она рассказывала, что Бог обещал Сатане дать ему царствовать на земле еще 2000 лет, а что потом будет неизвестно, может, и закончится вообще все. Так вот и попал Филипп Демьянович в лапы Сатаны. Ну, сын поначалу выздоровел. А потом приснился Филиппу Демьяновичу сон, не такой как Ольге, а настоящий, где Сатана ему сказал, что сын его выздоровел, но проживет не долго, а попадет в тюрьму и там умрет. Так и произошло.

Вот, после этого Филипп Демьянович и стал совсем верующим. А в церковь не ходил, потому что плохо он себя начинал в ней чувствовать, и если думал к священнику пойти, то понимал, что этого делать не надо, и не поможет. Поэтому он только книги читал религиозные, мистические, сатанинские не читал. Говорил он, что к злу его зло заставило пойти, но это не значит, что он ему теперь поклоняться должен. И не поклонялся. Вообще, хороший Филипп Демьянович был человек, добрый и праведный. Жаль, что все равно ему был ад уготован, как и Ольге. Ольга ему тоже свою историю рассказала. Не сразу, а уже после него. Поплакала. А Филипп Демьянович очень поразился и сказал, что лучше, больше об этом не вспоминать или только очень редко.

Вот, какие два удивительных человека встретились.

Филипп Демьянович утешал Ольгу и говорил то, что и себе всегда говорил всю жизнь. Он говорил: «Оленька, ведь мы же ничего не знаем. Может, никакого ада и нет. Или там вовсе не плохо. А с другой стороны, за что Богу нас так наказывать, мы-то ни в чем не виноваты, нас жизнь вынудила». И Ольга видела, что кругом прав Филипп Демьянович, но понимала, что если бы было так, как он говорил, тогда и чертям незачем было бы приходить и расписки брать. Так что Ольга уверена была, что после смерти попадет прямо к чертям. Правда, она почему-то этого совсем не боялась. Она думала, я от чертей ничего плохого не видела, ребенок мой жив, может и мне плохо у них не будет. Иногда говорила она об этом Филиппу Демьяновичу, и тот не возражал, даже как будто соглашался. Ему тоже хотелось верить в лучшее.

И вот однажды пришло им письмо.

Обычное письмо, в обычном конверте. Обычное письмо было потому, что было на простой бумаге, даже кажется в клеточку и оборвано не совсем ровно. Написано было оно от руки ручкой. Только содержание у него было очень странное и необычное. А в конце письма был приказ сжечь это письмо в тот же день, как оно будет получено.

Вот это письмо.

Дорогие Ольга Николаевна и Филипп Демьянович!

Пишет Вам Ваш Бог. Не удивляйтесь, Богу любые чудеса возможны, в том числе и писать письма тем, кому Он пожелает. Случайно[146] узнал о Ваших обстоятельствах и решил больше не мучить Вас неопределенностью и пустыми страхами.

---

[146] *Случайно…* Я не стала убирать это слово, вызвавшее столько нареканий. У меня не вышло перестроить текст адекватно моим чувствам, но без этого слова.

Разумеется, Бог не подвержен случайностям и не может что-то «случайно» узнать. Но то, что написано Богом в этом письме вовсе и не требуется понимать буквально. Именно такая стилистика, именно такие слова выбраны были Им по Своей воле для тех, кому Он пишет. Они не характеризуют каким-то образом Бога, ибо Бог выше любых характеристик и воистину непостижим, а только отражают то, кем являются Ольга Николаевна и Филлип Демьянович. А для них в этом слове и самом письме ничего не было странным (или было странным всё). Они для этого не были настолько сведущи и искушены, как мои критики.

Священная История ─ Библия ─ изобилует антропоморфными описаниями Бога вплоть до якобы кощунственных, когда Бог наслаждается запахом дыма от сжигаемых жертв, предписывает убийства, гневается, скорбит и даже раскаивается в своих поступках: «*И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем*» *Бытие 6.6.* Бывает, и нередко, что Он и не знает чего-нибудь.

И, тем не менее, все прекрасно понимают, как смешно и нелепо, понимать это всё буквально.

Так как люди Вы хорошие, простые и бесхитростные, Я Вам проступок Ваш прощаю и обещаю, что никаких последствий он иметь не будет. После смерти Вы попадете в рай, Я Вам это гарантирую.

Письмо это сожгите сегодня же. Так надо.

Ваш Бог.

Ни числа, кроме как на конверте, ни подписи другой не было.

Ну, что говорить? Герои наши, понятное дело, были на седьмом небе от счастья, хотя и не сразу поверили и поняли всё. Но с другой стороны, кто же им мог такое написать, кроме Бога. Не сатана же? Ему незачем.

Вот, так счастливо закончилась эта история. И прожили Ольга Николаевна и Филипп Демьянович долгую после этого жизнь, ходили мирно в церковь[147] и молились Богу. Умерли они в один день, полностью насытясь жизнью. А после смерти попали в рай.

[147] Про хождение в церковь — поздняя вставка, сделанная первоначально исключительно из уважения к Яне Завацкой, члену жюри, выведшей мой рассказ в финал, в котором он, правда, и занял благополучно последнее место. Впоследствии же я поняла, что для героев было вполне естественно и последовательно начать «мирно ходить» в церковь.

НАРКОМАНСКАЯ ИСТОРИЯ

рассказ старого друга

Мой старый приятель, Санек, не похож на наркомана. Сейчас ему уже хорошо за сорок. У него породистая поджарая внешность. Чертами лица он на удивление напоминает мне Роберта Планта. Он никогда не был беден. Всегда у него была хорошая машина. Помню, он разъезжал на серой волге. Потом продал ее и купил БМВ, подержанную тачку, но в хорошем состоянии. Скоро разбился на ней. Ходил с хомутом на шее.

Он постоянно занимается какими-то бизнесами или работает с крутыми чуваками, которые косо смотрят на то, что он наркоман. Был наркоман. Вот уже несколько лет он, что называется, соскочил. Употребляет, конечно, но редко.

— Даже, раз в месяц нельзя. Где раз, там и другой. И пошло, поехало.

Недавно он женился во второй раз. Жене чуть больше двадцати.

Я не видела его довольно долго. "Ребенку уже четыре месяца", — похвалился он мне.

— Живу пока у тещи, снимали квартиру, но сейчас пожить решили у тещи, пока будет готов стройвариант.

Значит, купил квартиру. А, все плохо живет. "Такого тяжелого момента еще не было". И действительно. От первой жены девочка, пятнадцать лет, жена молодая, ребенок. Надо крутиться, думать. Но я знаю, что он прибедняется по извечному русскому обыкновению.

Вспомнили старые времена, друзей-приятелей. Да, многих уже нет.

Олег, про которого рассказал мне Санек, был беспредельный наркоман.

— Надо отдать ему должное, когда у него были бабки, он никогда не жался. Но когда не было, кидал всех направо и налево.

Я вспоминаю историю, рассказанную мне другим приятелем Олега. Как-то раз, они надыбали где-то шикарную солому (тогда еще ширку варили из соломы). И вот, какой подлый метод для добывания на нее денег они придумали. Приехали к Олегову дому, Андрей (дружок, который эту историю мне и рассказал) пошел к его родителям, взяв у Олега его шапку. Он позвонил в дверь и показал вышедшей матери эту шапку. Та ее признала. И тогда он сказал, если вы сейчас не отдадите сто рублей, которые Олег мне проиграл в карты, через пол часа я вам в этой шапке принесу его голову. Ну, мать, конечно, дала сто рублей, и они их проторчали. Вот, такие подлецы.

Я тоже знала Олега, потому и вспомнила про него. Вот Саньков рассказ.

ОЛЕГ, МЕНТЫ, СМЕРТЬ ЖЕНЫ

Я сейчас почти не колюсь. А если и захочу уколоться, уезжаю куда-нибудь дня на два. Да, здесь вообще невозможно стало. Менты щемят. Куда не придешь, следом являются. Да, и возраст уже дает себя знать. У меня сердце три раза останавливалось. В реанимации откачивали. Потому что на алкоголь ширяться нельзя. Вчера тоже уколоться предлагали, на, вот пайка. Я отказался, и выпивший был, да, и по работе нельзя.

Вначале ничего, приход, все нормально, а потом все плывет и сердце останавливается. Хорошо ребята рядом были толковые, знали, как откачивать. Скорую сразу вызвали.

Уже три раза останавливалось. Три звоночка, в общем, прозвенели.

Двадцать лет проторчал. Так стыдно, столько времени впустую ушло, а сколько потеряно.

Моя жена теперешняя, ей двадцать два года. Ей почти столько лет, сколько я торчал. Я ей говорю: "Аня, я таких девчонок как ты столько повидал. И красивые были, и путевые. А до чего доходили? На трассу шли и там за куб отсасывали".

Ну, она у меня тоже по этой дорожке шла, но сейчас ни-ни. Ребенку, уже, четыре месяца. Это вранье, что у наркуш уроды рождаются. Они у всех просто так иногда рождаются. Сколько я знаю, у всех ребят дети, что надо.

***

Покойник Олег меня втравил в эту историю. Кадр еще тот. Я незадолго перед смертью к нему зашел. Он лежит, болеет, жалуется: "У меня уже месяц температура, я колюсь, колюсь, а все не проходит". Я ему говорю: "Ты, что? Дурак? В больницу надо, у тебя же сепсис". Ну, а через неделю, он умер. Его родители от Таньки в больницу забрали. Он их уже так достал… Видно, мать уже и плюнула на него. Можно было бы подшустрить, конечно, попытаться вылечить. На руках двое детей его же, жена мертвая, не до того. Ну, да он их в натуре достал.

Короче, как-то мы варим у него, уже на корку посадили, осталось смыть и все. Тут, звонок. Родители пришли. С дачи они приехали, что ли? В общем, мы со всеми этими кастрюльками, баянами, кульками, ангидридом выпираемся на улицу. Куда идти? Олег и говорит:

"Пошли в соседний дом, там у меня один кентила живет. Он синяк (*т. е. пьяница*), но парень нормальный".

"А он дома?"

"Да, если его нет, у него квартиранты живут, может они дома. А, если и их нет, то я знаю, где у него ключ лежит".

В общем, пошли мы, ключ достали, довариваем. Выбрали уже, я укололся. И Олег только выбрал, как тут стук в дверь. А, он, идиот еще тот, забыл дверь запереть. Ну, надо же? Ну, менты постучались, а дверь и открылась. В общем, они заваливают. Олег сразу машину за печку кинул, а я стопку с остатками ширки (мы три пайки варили) схватил и выпил. Только проглотил, тут, и они заходят.

— Вы чего тут делаете?

— Хозяина ждем, скоро придти должен.

— Что выпил?

— Да коньяк в рюмке стоял, вот, я и выпил.

— А…

— Ну, и что давно ждете? Куда он пошел?

— За водкой пошел. Уже минут сорок.

— Минут сорок? Понятно… Да, его вчера возле двацатки (*районная больница*) повешенным нашли!

Вот, это мы попали. То-то, и квартирантов не было, и менты сразу нарисовались. В общем, повезли нас в отдел. А мент баян за печкой нашел и спрашивает, что это? Ну, мы не знаем, конечно. "Ладно, — говорит он, — это не по моей части", — выливает баян, и кидает в угол. На Олега надо было посмотреть, он же ляпнуться не успел.

— Пошли.

Ну, мы пошли. А кент этот не сам повесился, его повесили. Родственники какие-то. Напоили, да и повесили. Они из Белой Калитвы приехали, а он один в двухкомнатной живет. Хотели квартиру себе заполучить. Ну, это потом выяснилось.

А нас сразу прессовать стали, чтобы признались. Вернее, Олега одного. Я как понял, что сейчас бить буду, сразу кричу ментам: "Стоп, стоп, я не при делах. Я утром только приехал". И билет им показываю. А, я действительно только утром, в четыре часа приехал, в командировке был. Вот и пошел же к Олегу, с ним раскумариться. Ну, меня в камеру, а Олега всю ночь били, он, аж, синий весь был.

Ну, а утром повезли нас на суд. Понаписали херни, что мы пьянствовали, матом ругались, в квартире все углы пообссыкали.

Я только перед судьей стал, как она на меня кричит:

— Ты, почему такой наглый?

Я удивляюсь.

— Позвольте, да, я еще и слова не сказал.

— Ах ты, наглец! Десять суток ареста.

— За что? Я же ни в чем не виноват?

Ну, а Олегу только тридцать рублей штрафа. Его же били всю ночь.

Следующий чувак там был, ему 250 рублей. Он, как взмолился, я бы лучше 15 суток отсидел. Какой там. Я возмущаюсь. Тут человек сам хочет отсидеть, а я хочу штраф заплатить, но ничего не вышло. Желания не учитываются.

Повезли меня. Ну, у меня на кармане деньги были, я менту и говорю, сейчас на десять суток закроют, тяжко будет, давай выйдем, зайдем куда-нибудь, хоть остограмимся. Ну, мент нормальный попался. Пить, правда, не стал. Я ему сока купил и сочник. Приехали. А там, документы оказались как-то неправильно оформлены, печати какой-то нет, повезли обратно. Ну, там туда-сюда, я деньги все и потратил. Привозят меня, а я уже готовый. Менты-приемщики, удивляются, он же в прошлый раз трезвый был, а сейчас падает. Да, говорит мой мент, был трезвый-трезвый, а тут вдруг, раз, и сомлел, что с ним такое?

Ну, тут родители мои шорох подняли. На суде и жена была с ребенком, фик на судью это повлияло. Туда-сюда. А, это пятница была, там суббота, воскресенье, никого из начальства нет.

Вызывает меня начальник в понедельник, говорит:

— Ну, уже суббота, воскресенье прошли, считай, ты уже пол срока отбыл. В общем, я тебя на день отпускаю, но в одиннадцать, чтобы был здесь как штык. Ночевать здесь будешь.

Ну, родители отстегнули кому надо, или связи нашли, так что, все в порядке было. Им и прямая польза от меня была, я в камере всех клопов вывел. "Машеньки" накупил, и все там разрисовал. "Вы мне благодарность объявить должны", — говорю.

Я Олегу как-то говорю, не придуряйся ты, ну, кого ты лечишь? Жена твоя как умерла? Твоих же рук дело. Ну, он и признался. Пошли они в ларек за водкой, ну, она что-то ему сказала, а он был парень вспыльчивый, развернулся, да, как врежет ей. Ну, и дальше пошел. Идет уже с водкой, а она лежит. Он думал она придуряется, но она вырубилась капитально. Он ее

на плечо и домой. А там, в ванну положил, думал она спьяну отрубилась. Так он ее целые сутки в ванной и продержал. А у нее черепно-мозговая травма была. Тут, родители приехали, да, и он уже протрезвел. Отправили ее в больницу, она там и умерла.

Ну, Олег уперся, мы, мол, поссорились, я пошел один за водкой, а иду обратно, она лежит, кто-то ее побил. Родителям, естественно, основательно раскошелиться пришлось, чтобы поверили. Отмазали они его, короче. Да. Только тут у него следствие закончилось, как мы попадаемся на хате у этого висельника, менты злые на него. Хорошее дельце. Ну, они ему и жену припомнили тоже. Весь синий был.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ И ИДЕЙНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПЕСНИ «ЖОПА» ГРУППЫ «ЛЕНИНГРАД»

Жопа одно из самых приличных табуируемых обществом слов в лексиконе Сергея Шнурова, используемом в его песнях. В любой из своих песен, как известно, он может разразиться и трехэтажным матом. В песне же «Жопа» оно используется еще и в совершенно специальном контексте, обозначая часть женского тела, представляющую для мужчины особую эротическую прелесть. То есть, это не жопа обиходного обсцентного словаря, нечто вонючее и постыдное, а именно женская жопа, созерцание которой вызывает совершенно определенные эротические чувства.

Шнуров в соответствии со своей эстетикой, культивирующей грубое, резкое, откровенное, говорит именно «жопа». Странно бы было услышать от него «попа», «попка», «попочка» или даже «жопка». Нет, в настоящем, откровенном мужском разговоре всё называется своими настоящими именами, и жопа, именно, жопа, а не ее эвфемизированный эквивалент.

Песня «Жопа» начинается с утрированно задушевной интонации. Некий «кент» сказал лирическому герою песни, что его девушка некрасива. Герой соглашается, поддакивает. Он сразу настраивает собеседника на расположение к себе, говорит: «Что я дурик, что ли, сам не вижу? Конечно, некрасивая». И тут следует резкий эмоциональный переход: «Но есть один момент», говорит герой. И дальше он в той же, как бы доверительной манере, объясняет своему кенту, что у нее такая жопа... Дальше следуют повторы, междометия,

долженствующие показать кенту потрясность этой жопы, о великолепии которой у героя якобы нет слов. «В общем, я ее люблю», «заключает герой. Тут, в этой простой фразе, скрыта нарочитая двусмысленность. Остается неясным, так кого же любит герой, свою некрасивую девушку, или, собственно, жопу. Эта неясность нарочитая, потому что из контекста песни и дальнейшего содержания, ясно, что герой не разделяет, как и положено настоящему мужчине, внешнее и внутреннее в своей женщине. Далее следует припев, страстность которого великолепно диссонирует с рассудительным тоном героя, объясняющего кенту свое пристрастие к некрасивой девушке. Это какой-то экстаз, вакханалия поклонения жопе, сама мысль и разговор о которой довели героя до умопомрачительного состояния.

Немного успокоившись, герой продолжает разговор с кентом, а тот, продолжая свои наезды, говорит теперь, что его девушка проститутка и цена ей один цент. Да, это уже не просто «некрасивая», обвинение серьезное. Однако герой любит свою девушку, видимо, без памяти, крыть ему нечем, и он прибегает к уже примененному и неотразимому аргументу. «Да, я все знаю о ней, она такая, что ты думаешь, я совсем дурак, не понимаю...» и т. д. То есть, чисто по-мужски ему было бы недопустимо распустить нюни и сказать, что он ее просто любит, это видимо совсем не в характере героя и его отношений с кентом, достаточно беспардонно критикующем девушку героя. И вот лирический герой Шнурова объясняет на доступном кенту языке свое странное пристрастие к столь недостойному объекту. «Но есть один момент. У нее такая жопа, у нее такая жопа... В

общем я ее люблю». Припев замечателен. Герой забывает, собственно, суть разговора. Его сознание занимает уже только его любовь, в данный момент олицетворенная для него жопой любимой женщины. Шнуров буквально вопит: «Жопа! Жопа!», задыхается, захлебывается в восторге. Потом понемногу успокаивается. А видимо изрядно раздосадованный такой верностью и любовью кент решает применить последний, убийственный аргумент, прежний парень любимой героя был мент, полковник. Собственно, из предыдущего разговора он мог бы догадаться, что аргумент этот столь же легко отводится, все тем же незамысловатым доводом. Так и происходит. Герой говорит: «Да, я все про нее знаю, да, это ужасно, конечно, получить объедки какого-то мента... Но, у нее такая жопа, у нее такая жопа, в общем я ее люблю». Вот это любовь! Такая любовь не может не устоять ни перед чем.

Собственно, в искусстве у С. Шнурова, у героя этой песни, есть знаменитый предшественник. Это лирический герой Владимира Высоцкого, любящий свою Милку, несмотря на то, что она «спала со всей Ордынкою», что она «грязная, и глаз подбит и ноги разные», «всегда одета, как уборщица», на что он ничего не может возразить, кроме того, что «очень хочется». А, собственно, что такое любовь как не «очень хочется». Ведь слова эти можно понять в приземлено-бытовом смысле, как вульгарную похоть, а можно и в возвышенном, как безусловное желание слиться с объектом любви в некоем едином порыве и экстазе.

В каком-то смысле песня «Жопа» Шнурова ремикс знаменитой «Милки». Но это так, к слову.

Люди поверхностные и недалекие (вроде кента) видят слова, но не видят чувств и трагедий за ними скрытых. Да, слово «жопа» «неприличное». Но мы все его при необходимости употребляем, а в ситуациях, когда нет обязанности соблюдать приличия, слово это может выражать очень важные чувства и страсти не хуже любого другого слова.

В своем произведении С. Шнуров воспел любовь. Он показал цельного человека, который беззаветно отдается своей любви. Отдается и защищает от недалеких дружков, пусть и наивной, но такой искренней и страстной аргументацией.

Песня «Жопа» разыграна и исполнена С. Шнуровым виртуозно. Какое страдание и боль слышатся в нарочито равнодушном и всепонимающем тоне героя, соглашающегося с кентом, как бы становящемся на вульгарную позицию кента, обхаивающего его любовь. И каким виртуозным ответом ему и всем недалеким морализаторам звучит страстный клич героя, в устах которого, обычное, в общем-то, слово «жопа», превращается в символ страсти и любви.

Эстетическим наполнением разбираемого произведения искусства является, таким образом, женская красота, представленная в частности жопой, а идейным наполнением является истинная любовь, игнорирующая отдельные несовершенства любимого существа.

СТИХИ ПОД ПСЕВДОНИМОМ АЛЕКСЕНДР ПЕСКОВ

С. ПЕСКОВ (1868-?)

Сергей Песков — довольно самобытный поэт символической школы. Он был старше Блока на 12 лет. Несколько моложе Ф. Сологуба и Вяч. Иванова. В России не издавался. Много путешествовал и жил за границей.

СОДЕРЖАНИЕ

Над смятою черною шляпою…
На прочной шкуре барабана…
ГЕКАТА
ВЕНЕЦИЯ
Зачем я выдался такой…
Какая мрачная дыра…
СОН О СМЕРТИ
ПЕРЕХОД
СОНЕТ
Шагами мерными по мокрой мостовой…
Слоны идут бессмертными стопами…
РЕВНОСТЬ
Рыданья пахнут так отчетливо…
Каким я был вчера чудовищем…
КНЯЗЬ МЫШКИН
ОПРОКИНУТОЕ ДЕРЕВО

***

Над смятою черною шляпою
Стенает безумный павлин
Свечу зажигаю и капаю
Как странно всегда я один

Как светит чудесно огарок
Как блещут стило и стекло
И нити чудесные парок
Оно бы разрезать могло

Поэта взорвались бы вежды
И стал бы он их господин
О мойры о мойры дондеже
Так вот почему я один.

Тихуана, 1901

***

На прочной шкуре барабана
Рисунок выверен и строг
Ты пахнешь смертью Тихуана
Я так и не допил свой грог

Я стены дома разукрасил
Разрисовал их как себя
Из кактусов дурман заквасил
И камни жгу из янтаря

И их холодною смолою
Дышу и брежу день за днем
Повязан целью роковою
Хочу исчезнуть как и он.

Тихуана, 1901

ГЕКАТА

Виктору Нойбергу посвящает автор.

По всякому она текла
То растекалась словно тело
То рыхлой ряской зеленела
То цепкими клешнями жгла
Свивалась лентой как гюрза

Она была а я сражался

Сжав зубы закатив глаза
Руками обхватив колени
В безумии не разобрав молений
Хрипел стонал и не смирялся

Сжав зубы закатив глаза

Все уничтожить все стереть
Умыться грязью и блевотой
Пристрастной и фальшивой нотой
Успеть не дать ее воспеть.

Каир, 1902
***

В своей «Исповеди» Руссо вспоминает,
что, живя в Италии, он с приятелем
копил деньги, чтобы купить молодую и
недорогую девочку для совместного
(так дешевле) удовлетворения половой

потребности. Там же он с сожалением отмечает, что этим планам не суждено было сбыться.

ВЕНЕЦИЯ

Зеленые тухлые воды
Вечерний и утренний смрад
Стоят над водой истуканы
Ажурных дворцовых громад

И в недрах их темных творится
То что я никак не пойму
Порхают под кровлями птицы
Сплетаясь крылами в кайму

И веет замшелой бедою
От окон старух и камней
.....
Вот что у меня за душою
Такой одолел меня змей

Нахлынуло б пьяное солнце
Спалило б всю мерзость дотла
В захламленном душном проемце
Гуляй золотая метла

Пусть мысль навсегда остановится
Мир станет прозрачен и тих
И сердце навеки укроется
В извечный и каменный стих.

Венеция, февраль, 1904

В одном из писем 1904 года Песков писал: «Венеция, ее отсыревшие дворцы — символ всего темного во мне. Смутные, сплетающиеся крыльями мысли гнетут поселившихся во мне демонов, возникающих в виде замшелых старух и бесформенных камней…»

СОН О СМЕРТИ

Конец пришел, и я как прежде,
Как сверхнаивное дитя,
Смотрю на мир в простой одежде,
Под ней не вижу сути я.

Последний взгляд я всем бросаю,
Язык отнялся, рот шипит.
Ну, что?.. Ну, что?.. Я понимаю,
Какой удался я пиит.

Сейчас, сейчас… Я развернулся,
Исчезло все, и я проснулся.
Где умер я, и где живу?
Сейчас все, кажется, пойму!

.....

Кокетство, только лишь кокетство.
Давно все тайны мне открыты.
Навек ушло святое детство.
Да… Овцы целы, волки сыты.

Открыта мудрость мне от века.
Живу, молчу, хитер и странен.
Приемлю участь человека,
Божественной стрелою ранен…

Санкт-Петербург, 1902

***

Зачем я выдался такой
Причудливой судьбой нетленный
И не простой и не смиренный
Идущий зыбкою тропой

Люблю мечтаю и молчу
Молчу как рыбка-недотрога
Пустынной сумрачной дорогой
Иду туда куда хочу

Дорога круг и все мы дома
Пусть завтра затрещит мороз
Я выпью залпом чарку рома
Не обобрав замерзших слез

Все вещи крутятся извечно
Один я в центре и всегда
И в тайной башне мысль навечно
Сокрыта как в плену звезда.

Лондон, январь, 1902

***

Какая мрачная дыра
Какие гнусные домишки
Какая грязная кора
Покрыла души и умишки

Да что и ждать от ноября

Дождя и слякоти московских
Пора знаменье сотворя
Бежать скорей от пут бесовских

Ведь есть же ангельские сны
И белоснежные одежды
Мир вечных запахов весны
И счастьем просветленны вежды.

Москва, 1897

ПЕРЕХОД

В конец душою оскудев
В тумане зыби и покоя
Ловлю мерцанье золотое
Зовущее в забвенья зев

Иду к себе в заветный рай
И понимаю слишком поздно
Все будет грустно и серьезно
Как ни сдавай как ни играй

Нальется силой естество
Глаза зальет живая влага
Придет любовь придет отвага
Придет и жизни мастерство

Прозренье налетит как жар
Убив ленивую зевоту
Но я свершу свою работу
Как бог не молод и не стар.

Санкт-Петербург, 1898

***

Шагами мерными по мокрой мостовой
Идут военные и я для них пустой
И несущественный мираж как блик стекла
Мгновенно промелькнувший исчезаю таю
И обретаю бытие иное

Так дворника метла
Бумаги листья мусор в кучи собирает
И превращает тем самым в костры огонь
Простое теплое мельканье
Жар шуршанье и прощанье
Так-то.

Лондон, осень, 1902

СОНЕТ

Без бога глупая природа
С гостеприимностью тупой
Как жестом дурачок немой
Зовет меня уже полгода

И манит тайная свобода
В тот мир прозрачный и пустой
С непокаянною душой
Малоудачного рапсода

Пора уж завершить свой век
Сгореть как истинный тольтек
Дай мне надежду Ариадна

Уйду и больше не вернусь
Как эта мысль душе отрадна

Крепись душою и не трусь.

Тихуана, 1903

***

…слон грезит о слоновьем лесе…
из Дхаммапады.

Слоны идут бессмертными стопами
И наважденья белый слон
В веках мигает красными глазами
Меня и вечность прозревает он

И снятся мне среди ежеминутья
Дремотных роз вальяжные листы
Пустых планет проржавленные прутья
Брахманов бормотанье это ты

И просветленье так и не приходит
Картезий мыслит царственен и слеп
Как пена дней все сущее уходит
Забытый мавзолей или пустынный склеп.

Париж, 1901

РЕВНОСТЬ

Ты беззастенчиво тупой
Ты плачешь каждую минуту
Ты знаешь счастливо я твой
И я с тобою пью цикуту

Ты говоришь что проклят я
Ты прожигаешь дни и ночи

Давай скажи без многоточий
Какие у тебя друзья

Кто мне набросил на глаза
Твой образ странной пеленою
В рукав припрятал ты туза
Шестеркой разойдясь со мною

Я ухожу пока не в ад
Забыть тебя мне не проблема
Всегда со мной моя θελημα1
И лунный свет и лунный сад.

Лондон, 1898

1.θελημα — Воля (др.-гр.).

***

Рыданья пахнут так отчетливо
Тяжелый бархат полумрак
С тобою там не черт ли был
Послав порок и ранний брак

На сцене женщины и мальчики
А задник серое сукно
Стоит оно ломая пальчики
Тяжелой пьесы полотно

И жизнь разложена и взвешена
Бесстрастный выверен итог
Целую что-то страстно бешено
Пред тем как скрыться в свой чертог.

Арле, 25 августа, 1902

***

Каким я был вчера чудовищем
Как я ласкал ее без устали
Сойдя с ума друг друга тискали
Ужель Создатель это видит все
    Впервые в жизни оскоромился
    Ведь десять дней уже Великий пост
    Но как мне было устоять пред ней
    Худой и черной дикой кошкою
Она колдунья чернокнижница
По вкусу чары мне пришлись ее
Но и изрядно подивился я
Тому что никогда не знал в себе
    Ночь пролетела мы расстались
    И никогда уже не свидимся
    Друг другу все что надо дали мы
    И счастья отблеск мне останется
Смеюсь и образы бесстыдные
Гоню и прячу в дальний ящик я
Но словно детской карамели вкус
Опять мне хочется ее познать.

Тихуана, 1901

КНЯЗЬ МЫШКИН

Вот, я уже старик больной…
Смешной, плешивой головой
Трясу. Неверной кистью подношу
Ко рту смешную старую посуду
И пью, хватаю ртом беззубым
Свою еду. И, шамкая, без мысли
Узреваю вечность прозрачными глазами…
Где колдовство? Где магия былая?

Все жизни силы сдались в плен.
Старушка жизнь, прощай, всё тлен.
Скорей во прах… Вот имя странное, Аглая…

Париж, 1901

ОПРОКИНУТОЕ ДЕРЕВО

Сухая горка кокаина
Как будто беленькая мышка
В меня сквозь ноздри проскользнула
В оплавленных мозгах забилась
И белым чудом распахнулась

И вспомнил я что знать обязан
Свои плато вершины бездны
И сверх того еще не мало

Зачем в себя я воплотился
Зачем себя как груз несу я
Я понял все и рассмеялся

Тебя мой Бог я не забуду…

Лондон, 1898

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ
ВВЕДЕНИЕ 8
ПРЕДИСЛОВИЕ 11
БЕСЕДЫ ФЕДОНА С ТЕЭТЕТОМ О ВЕЛИКОМ ДЕЛАНИИ 17
БЕСЕДА ПЕРВАЯ 19
БЕСЕДА ВТОРАЯ 27
БЕСЕДА ТРЕТЬЯ 44
БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ 69
БЕСЕДА ПЯТАЯ 83
БЕСЕДА ШЕСТАЯ.... 106
БЕСЕДА СЕДЬМАЯ 113
БЕСЕДА ВОСЬМАЯ 126
БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ 130
Приложение I. В. В. Набоков (1899-1977) 138
Приложение II. Эссе о рассказе Х. Л. Борхеса «ПИСЬМЕНА БОГА» 158
Приложение III. Артур Шопенгауэр (1788-1860). 163
Приложение IV. Тайна тайн Юрия Мамлеева 184
Приложение V. Ж-П Сартр и отказ от Великого Делания 191
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 193

СОЛИПСИЗМ. 195
МНЕНИЕ ШОПЕНГАУЭРА О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ЭГОИЗМЕ (СОЛИПСИЗМЕ) И О ЕГО ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗАДАЧЕ ФИЛОСОФИИ. 230
БЕСЕДА СТРАНИЦЫНА С КОНЧЕЕВЫМ 239

О СВОБОДЕ ВОЛИ, СОЛИПСИЗМЕ И ОСВОБОЖДЕНИИ 339
ОТВЕТЫ КОНЧЕЕВА НА ВОПРОСЫ О ВЕЛИКОМ ДЕЛАНИИ 346
СОЛИПСИЗМ И ТОЛЬКО 354
АНАЛИЗ КНИГИ ИОВА 360

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

БИОГРАФИЯ КОНЧЕЕВА 402
ОДИНОЧЕСТВО КОНЧЕЕВА 424
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРОСВЕТЛЕНИЯ КОНЧЕЕВА 434
МОЯ ЖИЗНЬ И МОЯ ФИЛОСОФИЯ 445

РАБОТЫ, ПРИЛЕЖАЩИЕ К «ВЕЛИКОМУ ДЕЛАНИЮ»

МАТЕРИАЛИЗМ УБИВАЕТ МИСТИКУ. А ОНА... 456
ПОЧЕМУ Я НЕ ПОЮ ОДЫ БОГУ И ХОЧУ ИЗЖИТЬ МИР 474
ПРИТЧА О ВЕРЕ 486
АПОКАЛИПСИС ОТ КОНЧЕЕВА... 494
ТРИ ГИПОТЕЗЫ И МОЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ИСТИНА 496
НЕОЖИДАННЫЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВАДИМА ЗЕЛАНДА 501
ТИПА ИСПОВЕДЬ 516

СТАТЬИ И ЭССЕ

СОЛИПСИСТСКАЯ ПРИТЧА «ИВАН КУБЛАХАНОВ» 521
ПЕЛЕВИН — ТАЙНЫЙ ИДЕОЛОГ ПУСТОТНОСТИ 533
ГРАБОВОМУ Г. П. НЕ ДАЕТ СПАТЬ СЛАВА ИИСУСА ХРИСТА? 556
АПОЛОГИЯ ГРАБОВОГО 581
НИЦШЕ — МИСТИК-ЗАГАДКА? 590
СМЕРТЬ МАНДЕЛЬШТАМА 600
ХОДАСЕВИЧ — зарисовка 1918 года 605
ТЕЭТЭТ ЗЛО 609

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОПЫТЫ

ОДИН ИЗ БЕССМЕРТНЫХ 614
ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ МЕГРЕ 629
ВОСКРЕШЕНИЕ (пьеса) 634

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПОД ПСЕВДОНИМОМ «АСЯ БЕРЕЗКИНА»

БОГ И ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ ЗЛА (*святочный рассказ*) 660
НАРКОМАНСКАЯ ИСТОРИЯ (*рассказ старого друга*) 667
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ И ИДЕЙНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПЕСНИ «ЖОПА» ГРУППЫ «ЛЕНИНГРАД» (*юмор*) 673

СТИХИ ПОД ПСЕВДОНИМОМ СЕРГЕЙ ПЕСКОВ

Над смятою черною шляпою…
На прочной шкуре барабана…
ГЕКАТА 677

ВЕНЕЦИЯ
Зачем я выдался такой…
Какая мрачная дыра…
СОН О СМЕРТИ
ПЕРЕХОД
СОНЕТ
Шагами мерными по мокрой мостовой…
Слоны идут бессмертными стопами…
РЕВНОСТЬ
Рыданья пахнут так отчетливо…
Каким я был вчера чудовищем…
КНЯЗЬ МЫШКИН
ОПРОКИНУТОЕ ДЕРЕВО